This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlav 109.50 (60)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

60

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

НАХОДИТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, А ТАКЖЕ У КОМИССІОНЕРОВЪ АКАДЕМІИ:

И. Глазунова, Эггерса и **Комп.** и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна этого тома **Сборника** *два рубля.*

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

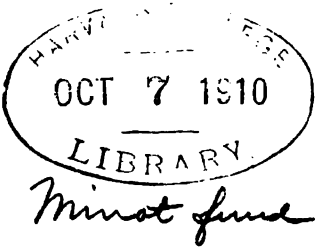
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1896.

Digitized by Google

L Soc 3983.18
P Slav 109.50 (60)



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1896 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LX.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ОНЕЖСКИХЪ РАПСОДОВЪ И НАПѢВАМИ БЫЛИНЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1896 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III.

КИЖИ.

XVI. **Рябининъ**, Трофимъ Григорьевичъ.

73. — Вольга и Микула. 5
74. — Илья и Соловей разбойникъ 11
75. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 19
76. — Илья Муромецъ въ ссорѣ со Владиміромъ 38
77. — Илья Муромецъ и дочь его 41
78. — Добрыня и Маринка . . . 52
79. — Добрыня и Змѣй. 55
80. — Добрыня и Василій Казиміровъ 70
81. — Дунай. 100
82. — Михайло Потыкъ 114
83. — Иванъ Годиновичъ. . . . 116
84. — Хотенъ Блудовичъ. . . . 122
85. — Дюкъ. 128
86. — Сорокъ калѣкъ 145
87. — Королевичи изъ Крякова . 147
88. — Скопинъ 156
89. — Молодецъ и худая жена . 158
90. — Горе 162

XVII. **Романовъ**, Кузьма Ивановичъ.

91. — Вольга 172
92. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 178
93. — Добрыня и Змѣй. 183
94. — Дунай 185
95. — Императоръ Петръ . . . 195
96. — Сорокъ каликъ 197
97. — Молодецъ и худая жена . 203

XVIII. **Іевлевъ**, Терентій.

98. — Микула Селяниновичъ . . 208
99. — Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй. 209
100. — Добрыня и Алеша 211
101. — Калика богатырь. 217
102. — Дунай 220
103. — Василій Буслаевичъ . . . 230

XIX. **Сарафановъ**, Андрей Васильевичъ.

104. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 235
105. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 238
106. — Илья Муромецъ и Идолище 244
107. — Добрыня и Алеша 245
108. — Дунай. 252
109. — Ставеръ. 258
110. — Смерть Чурилы 264
111. — Гришка Отрепьевъ. . . . 266

XX. **Дьяковъ**, Александръ.

112. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 267

Digitized by Google

XXI. **Корниловъ**, Семенъ.

113. — **Настасья Никулична**. . . 271
114. — **Илья Муромецъ и Сокольникъ** 273
115. — **Дюкъ**. 276
116. — **Василій Игнатьевичъ и Батыга** 284
117. — **Молодецъ и худая жена** . 285

XXII. **Щеголёнокъ**, Василій Петровичъ.

118. — **Святогоръ и Добрыня** . . 288
119. — **Святогоръ и Садко**. . . . 297
120. — **Первые подвиги Ильи Муромца**. 303
121. — **Илья Муромецъ и Калинъ царь** 315
122. — **Добрыня и Маринка** . . . 322
123. — **Добрыня и Змѣй**. 326
124. — **Добрыня въ опалѣ**. . . . 332
125. — **Дунай**. 338
126. — **Хотенъ Блудовичъ**. . . . 345
127. — **Чурило** 347
128. — **Дюкъ**. 352
129. — **Грозный царь Иванъ Васильевичъ**. 356
130. — **Птицы** 363

XXIII. **Аксеновъ**, Василій.

131. — **Вольга и Микула** 368
132. — **Добрыня** 370
133. — **Иванъ Гостиный сынъ**. . 371
134. — **Два любовника** 375

XXIV. **Неклюдина**, Степанида Кононовна.

135. — **Иванъ Гостиный сынъ**. . 376
136. — **Королевичи изъ Крякова**. 380
137. — **Птицы и звѣри** 383

XXV. **Сурикова**, Домна Васильевна.

138. — **Илья Муромецъ и Калинъ царь** 386
139. — **Дунай** 397
140. — **Ставеръ**. 405
141. — **Василій Буслаевичъ** . . . 412
142. — **Грозный царь Иванъ Васильевичъ** 420
143. — **Гришка Отрепьевъ** . . . 424

XXVI. **Дутиковъ**, Николай Филипповъ.

144. — **Илья Муромецъ и Идолище** 427
145. — **Добрыня и Алеша** 430
146. — **Садко**. 435
147. — **Королевичи изъ Крякова**. 438

XXVII. **Чуковъ**, Абрамъ Евтихіевъ.

148. — **Добрыня и Змѣй**. 443
149. — **Добрыня и Алеша Поповичъ** 453
150. — **Михайло Потыкъ** 466
151. — **Ставеръ** 476
152. — **Дюкъ Степановичъ** . . . 488
153. — **Грозный царь Иванъ Васильевичъ**. 502
154. — **Земскій соборъ** 509
155. — **Молодецъ и королевна**. . 512

XXVIII. **Касьяновъ**, Иванъ Аникіевичъ.

156. — **Вольга** 517
157. — **Добрыня и Змѣй**. 523
158. — **Михайло Потыкъ** 540
159. — **Дюкъ**. 549
160. — **Взятіе Казани**. 563
161. — **Земскій соборъ** 564
162. — **Молодецъ и королевна**. . 566

XXIX. **Еремѣевъ**, Іевъ.

163. — **Добрыня и Маринка** . . . 570
164. — **Хотенъ Блудовичъ** . . . 575
165. — **Грозный царь Иванъ Васильевичъ**. 579
166. — **Кострюкъ**. 584
167. — **Братья разбойники и сестра** 588

XXX. **Макарова и Пастухова.**

168. — **Добрыня и Алеша**. . . . 590
169. — **Ставеръ** 598

Digitized by Google

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI. **Никитинъ**, Ѳедоръ.

170. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 607
171. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 612
172. — Иванъ Гостиный сынъ. . 621
173. — Сорокъ каликъ 624
174. — Садко. 628
175. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 631
176. — Братья разбойники и сестра 637
177. — Горе 639

XXXII. **Захаровъ**, Ѳедоръ.

178. — Илья Муромецъ и Идолище 641
179. — Иванъ Годиновичъ . . . 643
180. — Дюкъ. 647
181. — Василій Игнатьевичъ и Батыга 650
182. — Королевичи изъ Крякова. 654
183. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 657
184. — Молодецъ и королевична Литовская. 662

XXXIII. **Батóвъ**, Алексѣй Виссаріоновъ.

185. — Колыванъ богатырь . . . 665
186. — Илья Муромецъ и Идолище 666
187. — Добрыня и Олеша 672
188. — Иванъ Годиновичъ . . . 678
189. — Смерть Чурилы 686

XXXIV. **Лисица**, Елена Алексѣевна.

190. — Поѣздки Ильи Муромца . 691
191. — Дунай 695
192. — Данило Игнатьевичъ. . . 698
193. — Кострюкъ. 703

XXXV. **Елисѣевъ**, Иванъ.

194. — Женитьба Добрыни . . . 706

Digitized by Google

Digitized by Google

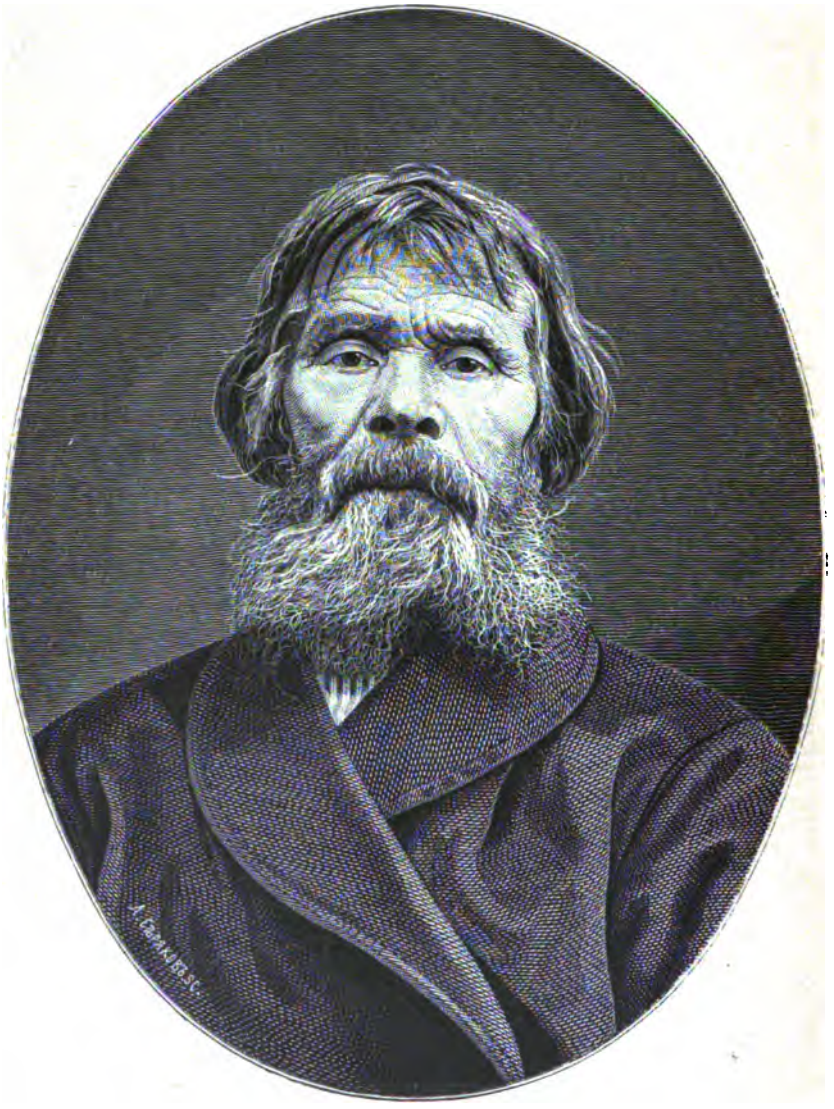
III.

К И Ж И.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Трофимъ Григорьевичъ
РЯБИНИНЪ.

Digitized by Google

КИЖИ.

XVI.

РЯБИНИНЪ.

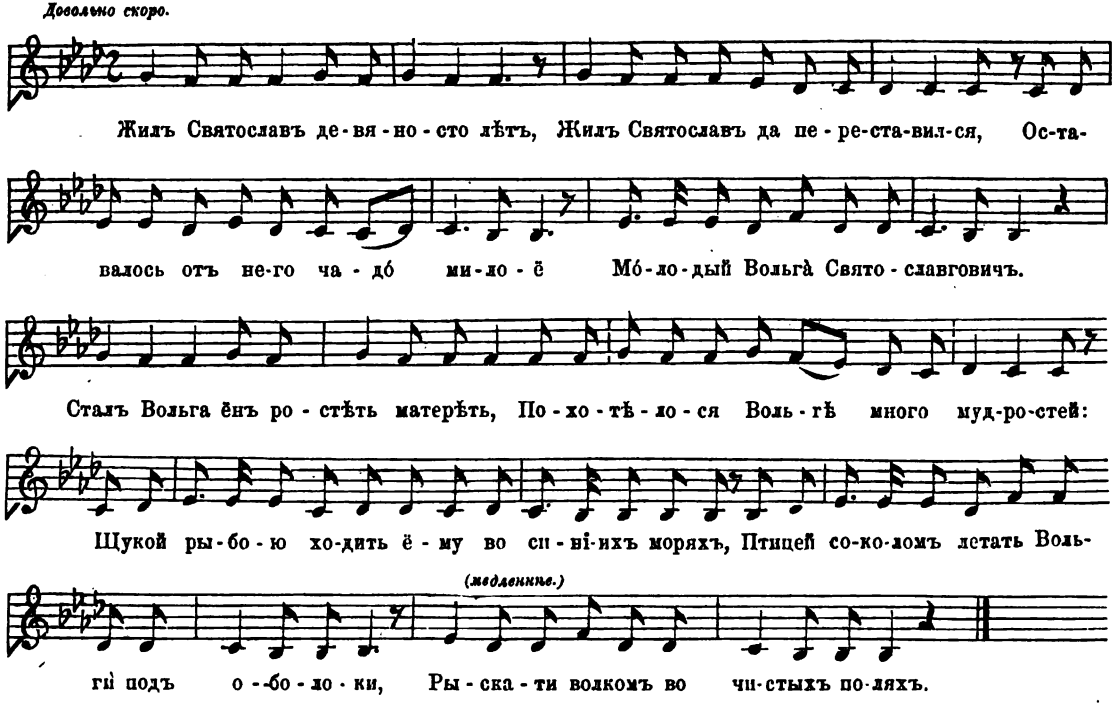
Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лѣтъ отъ роду, еще бодрый старикъ средняго роста, почти безъ сѣдины. Родился въ дер. Гáрницахъ сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время Шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу, мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодаго Трофима Григорьева воспиталъ «православный мѣръ». Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣтки, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, «откачнувшись» отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что «ладилъ» (т. е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинъ и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него «понялъ». Между про-

Digitized by Google

чимъ, отъ него онъ научился былинамъ про Илью и Калина царя и про Молодца и худую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницахъ), который по словамъ его былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинъ во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ нынѣшняго сказателя Сарафанова, см. ниже), и былъ тоже мастеръ пѣть былины. Отъ Игнатія Иванова Рябининъ «понялъ» наибольшую часть своихъ былинъ, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью узнающаго свою дочь, Дуная, Потыка, королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василіемъ Казиміровымъ онъ узналъ еще ранѣе того отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова, въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Кокойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Ѳедора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24 лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Серёдку, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургѣ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ

Digitized by Google

1) Про Вольгу и Микулу (см. № 73, стр. 5).



Digitized by Google

Digitized by Google

здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него «съ голоса». Пребываніе Рябинина въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ по приглашенію Отдѣленія Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, дало случай вновь повѣрить прежнюю запись. Рябининъ разсказывалъ, что онъ слыхалъ отъ стариковъ и разныя другія былины, которыхъ не упомнилъ. Такъ онъ слышалъ, но очень давно, отъ одного старика былину про рагнозерскаго старика Ѳёдора Рахкоя, который ходилъ бороться въ Москву (сравн. былину про Рахту Рагнозерскаго, которая помѣщена выше подъ № 11); отъ вышеупомянутаго Завьялова слышалъ онъ большую былину про Михайлу Потыка, которая, судя по тому, какъ онъ передавалъ ея содержаніе, была сходна съ тою, которую пѣлъ Калининъ о томъ же богатырѣ (см. выше № 6).

73.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(У Рыбникова, т. I, 3).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростéть матерѣть,
Похотѣлося Вольги да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольги во синíихъ морáхъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ óболоки,
Волкомъ и рыскать во чúстыхъ полáхъ.
Уходили-то вси рыбушки во глубóки морú,
Улетали вси птички за óболокú,
Убѣгали вси звѣри за тéмны лѣсá.
Сталъ Вольга онъ ростéть матерѣть
И сбѣралъ соби дружинушку хоробрую,

Digitized by Google

Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцятыихъ.
Былъ у него родной дядюшка,
Славныи князь Владыми́ръ стольно-кіевской;
Жаловалъ его трёма городама всё крестьянамы:
Первыимъ городомъ Гу́рчовцемъ,
Дру́гимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Онъ поѣхалъ къ городамъ и за получкою
Со своёй дружинушкой хороброю.
Выѣхалъ Вольга̀ во чисто́ поле,
Енъ услышалъ во чисто́мъ поли ратоя;
А оретъ въ поли ратой, пону́киваѣтъ,
А у ратоя-то сошка поскри́пываѣтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю́тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ онъ до ратоя,
День съ утра ѣха̀лъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А орётъ-то въ поли ратой, пону́киваѣтъ,
А у ратоя сошка поскри́пываѣтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю́тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ еще дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до па́бѣдья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Енъ наѣхалъ въ чисто́мъ поли ратоя,
А оретъ въ полѣ ратой, пону́киваѣтъ,
Съ края въ край бороздки поме́тываѣтъ,
Въ край онъ уѣдетъ — другаго не́видать.
То коренья каме́нья выве́ртываѣтъ,
Да великія онъ ка́менья вси въ бо́розду валитъ.
У ратоя кобылка соло́венька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелко́выя.

Digitized by Google

Говорилъ Вольга таковы слова:
«Богъ теби помочь ора́таюшкѡ,
«А орать да пахать да крестьяновати,
«Съ края въ край бороздки поме́тывати!»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольга Святославговичъ!
— Мни-ка надобно Божья помочь крестьяновать,
— Съ края въ край бороздки поме́тывать.
— А и далече ль Вольга ѣдешь, куда пу́ть держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
Го́ворилъ Вольга таковы слова:
«А ѣду къ городамъ я за получкою,
«Къ первому ко городу ко Гу́рчёвцу,
«Къ дру́гому-то городу къ Орѣховцу,
«Къ третьему городу къ Крестьяновцу».
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославговичъ!
— Да недавно былъ я въ городи, третьяго дни,
— На своей кобылкѣ соловою,
— А привезъ оттуль соли я два́ мѣха,
— Два мѣха-то соли привезъ по со́року пу́дъ,
— А живутъ мужики тамъ розбойники,
— Ены просятъ грошёвъ подорожныихъ.
— А я былъ съ шалыгой подорожною,
— А платилъ имъ гроши я подорожныи:
— А кой сто́я стоитъ, тотъ и си́дя сидитъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежитъ[1]). —
Го́ворилъ Вольга таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшкѡ!
«Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ,
«Да ко тѣмъ къ городамъ за получкою».

---

1) Въ другой разъ Рябининъ вмѣсто «тотъ и лежа лежитъ», пѣлъ: «тотъ и вѣкъ не стоитъ».

Digitized by Google

Этотъ оратай оратаюшко
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повы́вернулъ,
А со тою онъ сошки со кленовенькой,
А й оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
По славному роздольицу чисту́ полю.
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— А оставилъ я сошку въ бороздочки....
— Да не гля-ради прохожаго проѣзжаго,
— Ради мужика деревенщины:
— Они сошку съ земельки повыдернутъ,
— Изъ омешиковъ земельку повытряхнутъ,
— Изъ сошки омешики повыколнутъ,
— Мнѣ нечѣмъ будетъ мо́лодцу крестья́новати.
— А пошли ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повы́дернули
— Изъ омешиковъ земелька повы́тряхнули,
— Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. —
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ мо́лодца
Со своей съ дружинушки съ хороброей
Да ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернули,
Изъ омешиковъ земельку повы́тряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ мо́лодца
Ко этой ко сошики кленовоей;
Они сошку за обжи круго́мъ вертятъ,
А имъ сошки отъ зе́мли поднять нельзя,
Да не могутъ они сошку съ земельки повы́дернути,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,

Digitized by Google

Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хороброей
А ко этóй ко сошкѣ кленовоей.
Пріѣхали оны цѣлымъ десяточкомъ
Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
Онѣ сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ всю дружинушку хоробрую,
То онъ тридцать молодцовъ безъ единаго.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцовъ да безъ единаго.
А подъѣхали ко сошкѣ кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Гóворитъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
— А не могутъ оны сошки съ земельки повыдернуть,
— Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
— Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
— Не дружинушка тутъ есте хоробрая,
— Столько одна есте хлѣбоясть. —
Этотъ оратай ора́таюшкò
Онъ подъѣхалъ на кобылкѣ соловенькой
А ко этоей ко сошкѣ кленовенькой,

Digitized by Google

Бралъ эту сошку одно́й ручкой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да по славному роздолью чисту́ полю.
А у ратоя кобылка она ры́сью идѣтъ,
А Вольги́нъ-тотъ конь да поска́киваѣтъ;
А у ратоя кобылка гру́дью пошла̀,
Такъ Вольги́нъ-тотъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ покры́киватѝ,
Сталъ колпакомъ Вольга̀ пома́хиватѝ,
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Стой-ко постой да ора́таюшко̀!»
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшко̀,
«Эта кобылка конёмъ бы была̀,
«За эту кобы́лку пятьсо́тъ бы далѝ».
Го́воритъ оратай таковы слова:
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конёмъ бы была̀,
— Этой бы кобылки и смѣты нѣтъ. —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же ты оратай оратаюшко!
«Какъ-то тобя да именёмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ ты Святославговичъ!
— Ржи напашу, въ ски́рды складу̀,
— Въ скирды складу да домой вы́волочу̀,
— Домой выволочу, дома вы́молочу̀.
— Драни надеру да то я пи́ва наварю̀,

Digitized by Google

— Пива наварю, мужичкóвъ напою̀,
— Станутъ мужички меня покликиватѝ:
— Ай ты мóлодой Микулушка Селя́ниновѝчъ! —

Записано въ Кижахъ, дер. Дуткинъ-Наволокъ, 7 іюля; провѣрено въ Петербургѣ, 4 декабря.

74.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 10).

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дородній добрый мóлодецъ,
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанò-то силушки черны́мъ черно,
А й черны́мъ черно какъ черна вóрона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добрóмъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьёмъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

Digitized by Google

Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы Черниговски!
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя богáтырь святорусьскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколóдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добрóмъ кони никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыя,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сúди Солóвей розбойникъ во сырóмъ дубу,
— Сúди Сóловей розбойникъ Одúхмантьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сóловей да по солóвьему
— Ёнъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному
— Й отъ него ли-то отъ пóсвисту сóловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ пóкрыку звѣринаго,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— А й окольноёй дорожкой цѣла тысяща. —
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,

Digitized by Google

Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ то́му славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Со́ловей да й по соло́вьему
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплеталися,
Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырскій
А онъ на корзни́ *(такъ)* да потыкается;
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелко́вую въ бѣлу́ руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
«Ахъ ты волчья сыть да й травяной мѣшокъ!
«Али ты и́тти не хошь али нести не мошь?
«Что ты на корзни́ собака потыкаешься?
«Не слыхалъ ли посвисту соло́вьяго,
«Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
«Не видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?»
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
То онъ стрѣлилъ въ то́го Со́ловья розбойника,
Ёму выбилъ право око со косичею.
Ёнъ спустилъ-то Со́ловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
Енъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышко́ повезъ да Соловьиное.
Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ

Digitized by Google

А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыихъ;
Бо́льша дочка эта смотритъ во окошечко косевчато,
Говоритъ ёна да таковы слова:
— Ѣдетъ-то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
— А сидитъ-то на добро́мъ кони,
— Да везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована. —
Поглядѣла его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Ѣдетъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
«Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
«Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичищо деревенщина,
— Да й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ кони,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— У булатняго у стремени прикована.
— Ему выбито то право око со косичею. —
Говорила то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши любимыи!
— Вы берите-тко рогатины звѣриныи,
— Да бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле
— Да вы бейте мужичища деревенщину. —
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи
Да и бѣжали-то оны да й во чисто́ поле
Ко тому ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Ай же зятевья мои любимыи!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныи,

Digitized by Google

«Вы зовите мужика да деревенщину,
«Въ сво́ё гнѣздышко зовите Соловьиное,
«Да кормите его ѣствушкой сахарною,
«Да вы пойте ёго питьицемъ медвяныимъ,
«Да й дарите ёму да́ры драгоцѣнные».
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи
А й зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнёй Кіевъ градъ.
Енъ пріѣхалъ-то во славный стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владыміръ князь онъ вышелъ со Божьёй церквы,
Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня да посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На́ пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородній добрый мо́лодецъ,
— Тобе какъ-то молодца да именёмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удала́го по отечеству? —
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:

Digitized by Google

«Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
«Изъ того села да съ Карачирова,
«Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ».
Говоритъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнёй Кіевъ градъ? —
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
«А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я въ стольнёй Кіевъ градъ,
«То моя дорожка призамѣшкалась;
«А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
«Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
«Мимо славну рѣченку Смородину,
«Мимо славную березу-ту покляпую,
«Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ».
Говорилъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься,
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнано̀ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добро̀мъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
— Да у славноёй у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у покляпою,

Digitized by Google

— У того креста у Леванидова,
— Соловéй сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свищетъ Сóловей да по солóвьему,
— Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвó лежатъ. —
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владымiръ князь да стольнё-кiевской!
«Соловей розбойникъ на твоемъ двори,
«Ему выбито вѣдь право око со косичею,
«Й онъ ко стремени булатнему прикованой».
То Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Сóловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владымiръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Сóловей, ты по солóвьему
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Сóловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
«А не васъ-то я хочу да и послушати,
«Я обѣдалъ-то у стараго казáка Ильи Муромца,
«Да его хочу-то я послушати».
Говорилъ-то какъ Владымiръ князь да стольнё-кiевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Сóловью да й по солóвьему,
— Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Ай же Сóловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
«Засвищи-тко ты во пóлъ-свисту солóвьяго,

Digitized by Google

«Закрычи-тко ты во по́лъ-крыку звѣринаго».
Говорилъ-то ёму Со́ловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запечатались,
— Да не ходятъ-то мои уста саха́рніи,
— Не могу я засвистать да й по соло́вьеву
— Закрычать-то не могу я по звѣриному.
— А й вели-тко князю ты Владыміру
— Налить чару мни да зелена́ вина,
— Я повыпью-то какъ чару зелена́ вина,
— Мои раночки кровавы порозо́йдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по соло́вьему,
— Да тогда я закрычу да по звѣриному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Ты поди въ свою столовую во горенку,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Ты не малую стопу да полтора ведра,
«Подноси-тко къ Со́ловью къ розбойнику».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора́ ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Со́ловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей одны́мъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соло́вьему,
Закрычалъ розбойникъ по звѣриному,
Маковки на теремахъ покри́вились
А око́ленки во теремахъ розсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,

Digitized by Google

А что есть-то людюшокъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
А й онъ везъ-то Со́ловья да во чисто́ поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по соло́вьему,
«Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
«Тоби полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
«Тоби полно-тко вдовить да женъ моло́дыихъ,
«Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ».
А тутъ Со́ловью ему й славу́ поютъ,
А й славу́ поютъ ему вѣкъ по́ вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Порозгнѣвался на стараго каза́ка Илью Муромца,
Засадилъ его во погребъ во холодныи
Да на три-то году по́ры времени.
А у славнаго у князя у Владыміра
Была дочь да одинакая,
Она видитъ: это дѣло есть немалое,
А что посадилъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Стараго каза́ка Илью Муромца
Въ тотъ во погребъ во холодныи;
А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,

(2*)

Digitized by Google

Могъ бы поберечь онъ князя да Владыміра,
Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сдѣлать да ключи подалѣльные,
Положила-то людей да потаенныихъ,
Приказала-то на погребъ на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыи,
Одѣяла приказала снéсти теплыи,
Ена ѣствушку поставить да хорошую,
И одежу смѣнять съ нова нá ново
Тому старому казáку Ильѣ Муромцу.
А Владыміръ князь про то не вѣдаетъ.
И воспылалъ-то тутъ собака Кáлинъ царь на Кіевъ градъ
И хотúтъ ёнъ рóзорить да стольній Кіевъ градъ,
Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
Князю-то Владыміру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.
Посылаетъ-то собака Калинъ царь посланника,
А посланника во стольній Кіевъ градъ,
И даетъ ему ёнъ грамоту посыльную
И посланнику-то онъ наказывалъ:
«Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
«Будешь ты посланникъ въ стольнеёмъ во Кіевѣ
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«Будешь на него на широкóмъ дворѣ
«И сойдешь какъ тутъ ты со добрá коня,
«Да й спущай коня ты на посыльной дворъ,
«Самъ поди-тко во полату бѣлокаменну,
«Да пройдешь полатой бѣлокаменной,
«Да й войдешь въ его столовую во горенку,
«На пятý ты дверь да порозмахивай,
«Не снимай-ко кивера́ съ головушки,
«Подходи-ко ты ко столику къ дубовому,
«Становись-ко супротúвъ князя́ Владыміра,

Digitized by Google

«Полагай-ко грамоту на зóлотъ столъ,
«Говори-тко князю ты Владыміру:
««Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
««Ты бери-тко грамоту посыльную
««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
««Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
««Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкіи,
««Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
««По всему-то городу по Кіеву,
««А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
««Нáставь сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пó-близку,
««Чтобы было у́ чего стоять собакѣ царю Калину
««Со своими-то войскамы со великима
««Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ»».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Бралъ-то книгу онъ посыльную,
Да и грамоту ту роспечатывалъ,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано,
А что велѣно очистить улицы стрѣлецкіи
И большіе двóры княженецкіе,
Да наставить сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Видитъ: есть этò дѣлò немалое,
А немало дѣло-то, великое,
А садился-то Владыміръ князь да на черленый стулъ.
Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
— Ай же ты собака да и Калинъ царь!
— Дай-ко мнѣ ты пòры времечки на трú году,
— На три гóду дай и на три мѣсяца,

Digitized by Google

— На три мѣсяца да е́ще на три дня,
— Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
— Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
— Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
— Да й наставить по всему-то городу по Кіеву
— Да й по всѣмъ по улицамъ широкіимъ,
— По всимъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.—
Отсылаетъ эту грамоту повинную,
Отсылаетъ ко собакѣ царю Калину;
А й собака тотъ да Калинъ царь
Далъ ему онъ по́ры времечки на три́ году,
На три го́ду далъ и на три мѣсяца,
На три мѣсяца да е́ще на три дня.
Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло по́ры времечки да три́ году,
А три го́ду да три мѣсяца,
А три мѣсяца и е́ще три-то дня;
Тутъ подъѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
Онъ подъѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
Со своими со войскамы со великима.
Тутъ Владыміръ князь да стольнѣ-кіевской
Онъ по горенки да сталъ похаживать,
Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слёзы вѣдь горючіи,
Шелковы́мъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владыміръ князь да таковы слова:
«Нѣтъ жива́-то стараго каза́ка Ильи Муромца,
«Не́кому стоять теперь за вѣру за отечество,
«Не́кому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
«Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
«Да вѣдь некому сберечь князя́ Владыміра
«Да и той Опраксы королевичной!»
Говоритъ ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты батюшко Владыміръ князь нашъ стольнѣ-кіевской!

Digitized by Google

— Вѣдь есть живъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холодноемъ. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
Да идетъ на погребъ на холодныи,
Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи
Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзныимъ,
Ростворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
Да тамъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не ста́рится;
Тамъ перинушки подушечки пуховыи,
Одѣяла сне́сены тамъ теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на немъ да жи́веть смѣнная.
Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи,
Выводилъ его со погреба холоднаго,
Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
Становилъ-то онъ Илью да супроти́въ себя,
Цѣловалъ въ уста его саха́рніи,
Заводилъ его за столики дубовыи,
Да садилъ Илью-то ёнъ подли́ себя,
И кормилъ его да ѣствушкой саха́рнею,
Да поилъ-то пи́тьицемъ медвяныимъ,
И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Нашъ-то Кіевъ градъ нынь въ полону стоитъ,
«Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
«Со своима со войскамы со великима.
«А постой-ко ты за вѣру за отечество,
«И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
«Да постой за матушки Божьи́ церквы,
«Да постой-ко ты за князя за Владыміра
«Да постой-ко за Опраксу королевичну!»

Digitized by Google

Такъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
Да спросилъ-то какъ онъ па́робка любимаго,
Шолъ со паробкомъ да со любимыимъ
А на свой на славный на широкій дворъ,
Заходилъ,онъ во конюшенку въ стоялую,
Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Ай же ты мой паробокъ любимыи,
— Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,
— Хорошо держалъ моёго коня ты богатырскаго! —
Цѣловалъ его онъ во уста саха́рніи,
Выводилъ добра́ коня съ конюшенки стоялыи
А й на тотъ на славный на широкій дворъ.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Сталъ добра́ коня тутъ онъ засѣдлывать;
На коня накладываетъ потничекъ,
А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
А черкасское сѣдёлышко недержано,
И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелко́выихъ,
И шпилёчики онъ втягивалъ булатніи,
А стремяночки покладывалъ булатніи,
Пряжечки покладывалъ онъ красна золота,
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да о̀ны не́ рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота
Онѣ мокнутъ, да не ржавѣютъ.

Digitized by Google

И садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіи,
Во-первы́хъ бралъ палицу булатнюю,
Во-вторыхъ бралъ ко́пье боржамецкое,
А еще бралъ свою́ саблю вострую,
А йще бралъ шалыгу подорожную,
И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
Выѣхалъ Илья да во чисто́ поле
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскімъ
Посмотрѣть на во́йска на татарскіи:
Нагнано́-то силы много множество,
Какъ онъ покрыку отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо.
Тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Не могъ ко́нца краю силушкѣ наѣхати.
Онъ повыскочилъ на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
И повыскочилъ онъ на́ гору на дру́гую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
Онъ спустился съ той со го́ры со высокіи,
Да онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю
И повыскочилъ на третью гору на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
Насмотрѣлъ онъ подъ восточной сто́роной,
Насмотрѣлъ онъ тамъ шатры́ бѣлы
И у бѣлыихъ шатровъ-то кони богатырскіи.
Онъ спустился съ той съ горы высокіи
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлымъ,

Digitized by Google

Какъ сходилъ Илья да со добра́ коня
Да у тыхъ шатровъ у бѣлыихъ
А тамъ сто́ятъ кони богатырскіи,
У того ли по́лотна стоя́тъ у бѣлаго,
Они зоблютъ-то пшену да бѣлоярову.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Поотвѣдать мнѣ-ка счастія великаго».
Онъ накинулъ поводы шелко́выи
На добра́ коня да й богатырскаго
Да спустилъ коня ко по́лотну ко бѣлому:
«А й допустятъ ли-то кони богатырскіи
«Моего коня да богатырскаго
«Ко тому ли по́лотну ко бѣлому
«Позобать пшену да бѣлоярову?»
Его добрый конь идетъ-то грудью къ по́лотну,
А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
А идетъ ёнъ да во бѣлъ шатёръ.
Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлъ шатёръ;
Въ томъ бѣло́мъ шатри двѣнадцать-то бога́тырей
И бога́тыри всё святорусьскіи,
Они сѣли хлѣба соли кушати
А и сѣли-то они да пообѣдати.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Хлѣбъ да соль, бога́тыри да святорусьскіи
«А и крестный ты мой батюшка
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!»
Говоритъ ему да крестный батюшка:
— А й поди ты крестничекъ любимыи,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— А садись-ко съ нами пообѣдати. —
И онъ высталъ ли да на рѣзвы́ ноги,
Съ И́льей Муромцемъ да поздоровкались
Поздоровкались они да цѣловалися,

Digitized by Google

Посадили Илью Муромца да за единый столъ
Хлѣба соли да покушати.
Ихъ двѣнадцать-то богáтырей,
Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
Óны пóѣли, попи́ли, пообѣдали,
Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
Они Господу Богу помолилися;
Говорилъ имъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
«И вы русьскіи могучіи богáтыри!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«А й садитесь вы да на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко да во роздольицо чистó поле,
«А й подъ тотъ подъ славный стольній Кіевъ градъ.
«Какъ подъ нашимъ-то подъ городомъ подъ Кіевомъ
«А стоитъ собака Калинъ царь,
«А стоитъ со вóйскамы великима,
«Розорить хотúтъ ёнъ стольній Кіевъ градъ,
«Чернедь мужиковъ онъ всѣхъ повырубить,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
«Князю-то Владыміру да со Опраксой королевичной
«Онъ срубить-то хочетъ буйны головы.
«Вы постойте-тко за вѣру за отечество,
«Вы постойте-тко за славный стольній Кіевъ градъ
«Вы постойте-тко за церквы-ты за Божіи,
«Вы побереги́те-тко князя́ Владыміра
«И со той Опраксой королевичной!»
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чистó поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,

Digitized by Google

— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьй церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
«Какъ собака Калинъ царь онъ розоритъ да Кіевъ градъ,
«Да онъ чернедь мужиковъ-то всѣхъ повырубитъ,
«Да онъ Божьи церквы всѣ на дымъ спуститъ,
«Да князю́ Владыміру съ Опраксой королевичной
«А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«И садитесь-ко вы на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя́ Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьй церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя́ Владыміра

Digitized by Google

— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«И садитесь-ко вы на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя́ Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя́ Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ какъ видитъ, что дѣло́ ему не по́любо,
А й выходитъ-то Илья да со бѣла́ шатра,
Приходилъ къ добру́ коню да богатырскому,

Digitized by Google

Бралъ его за поводы шелкóвыи,
Отводилъ отъ пóлотна отъ бѣлаго
А отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Да садился И́лья на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю
И подъѣхалъ онъ ко вóйскамъ ко татарскiимъ.
Не ясёнъ соколъ да напущаетъ на гусей на лебедей
Да на малыхъ перелётныихъ на сѣрыхъ утушекъ,
Напущаетъ-то бога́тырь святорусьскiя
А на тую ли на силу на татарскую.
Онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,
Сталъ онъ силушку конёмъ топтать,
Сталъ конёмъ топтать, копьёмъ колоть,
Сталъ онъ бить ту силушку великую,
А онъ силу бьетъ будтò траву коситъ.
Его добрый конь да богатырскiи
Испровѣщился язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же славныи бога́тырь святорусьскiи!
— Хоть ты наступилъ на силу на великую,
— Не побить тоби той силушки великiи:
— Нагнанó у собаки царя Калина,
— Нагнанó той силы много множество,
— И у нéго есте сильныи бога́тыри,
— Поляницы есте да удалыи;
— У него собаки ца́ря Калина
— Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокiи
— Да во славноемъ роздольицѣ чистóмъ поли.
— Когда будешь ѣздить по тому роздольицу чисту́ полю,
— Будешь бить-то силу ту великую,
— Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокiи,
— Такъ изъ первыихъ подкоповъ я повыскочу
— Да тобя оттуль-то я повыздыну;
— Какъ просядемъ мы въ подкопы-ты во дру́гiи,

Digitized by Google

— И оттуль-то я повыскочу
— И тобя́ оттуль-то я повыздыну;
— Еще въ третьи подкопы во глубокіи,
— А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
— Да оттуль тебя-то не повыздыну,
— Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ. —
А йще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Ему дѣло-то вѣдь не слюбилоси,
И беретъ онъ плётку шелкову въ бѣлы́ руки,
А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говорилъ ёнъ ко́ню таковы слова:
«Ай же ты собачище измѣнное!
«Я тобя кормлю пою да и ула́живаю,
«А ты хочешь меня оставить во чисто́мъ поли,
«Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!»
И поѣхалъ Илья по роздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила не уме́ньшится.
Й онъ просѣлъ въ подкопы во глубокіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ,
Онъ повыскочилъ, Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добро́мъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскіимъ,
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во дру́гіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ
Да Илью оттуль повыздынулъ.

Digitized by Google

Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во тую́ во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
Й онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во третьіи,
Онъ просѣлъ съ конёмъ въ подкопы-ты глубокіи;
Его добрый конь да богатырскіи
Еще съ третьіихъ подкоповъ онъ повыскочилъ,
Да оттуль Ильи онъ не повыздынулъ,
Сголзанулъ[1]) Илья да со добра́ коня
Й оставался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
Да пришли татара-то поганыи
Да хотѣли захватить они добра́ коня;
Его конь-то богатырскіи
Не сдался имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ-то добрый конь да во чисто́ поле.
Тутъ пришли татара-ты поганыи
А напа́дали на стараго каза́ка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки рѣзвыи,
И связали ему ручки бѣлыи.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорятъ ины татара таковы слова:
«А й не надо ру́бить ему буйной го́ловы,
«Мы сведёмъ Илью къ собакѣ ца́рю Калину,
«Что онъ хочетъ, то надъ нимъ да сдѣлаетъ».
Повели Илью да по чисту́ полю
А ко тымъ полаткамъ полотняныимъ,
Приводили ко полаткѣ полотняной,

1) Соскользнулъ.

Digitized by Google

Привели его къ собакѣ ца́рю Калину,
Становили супроти́въ собаки ца́ря Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
«Захватили мы да стараго каза́ка Илью Муромца
«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокіихъ,
«И привели къ тобѣ къ собакѣ ца́рю Калину;
«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь».
Тутъ собака Калинъ царь говорилъ Ильѣ да таковы слова:
— Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— То́бѣ гдѣ-то одному побить моя сила̀ великая!
— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,
— Розвяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи. —
И росковали ему ножки рѣзвыи,
Розвязали ему ручки бѣлыи.
Говорилъ собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единый столъ,
— Ѣшь-ко ѣствушку мою саха́рнюю,
— Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
— И одежь-ко ты мою одежу дрогоцѣнную,
— И держи-тко[1]) мо̀ю золоту казну,
— Золоту казну держи по надобью,
— Не служи-тко ты князю̀ Владыміру,
— Да служи-тко ты собакѣ ца́рю Калину. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А й не сяду я съ тобой да за единый столъ,
«Не буду́ ѣсть твоихъ ѣствушекъ саха́рніихъ,
«Не буду́ пить твоихъ питьицевъ медвяныихъ,
«Не буду́ носить твоей одежи дрогоцѣнныи,
«Не буду́ держать твоей безсчетной золотой казны,

1) Т. е. издерживай.

Digitized by Google

«Не буду́ служить тобѣ собакѣ ца́рю Калину,
«Еще бу́ду слу̀жить я за вѣру за отечество,
«А й буду́ стоять за стольній Кіевъ градъ,
«А буду́ стоять за церквы за Господніи,
«А буду́ стоять за князя за Владыміра
«И со той Опраксой королевичной».
Тутъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ выходитъ со полатки полотняноей
Да ушолъ въ роздольицо въ чисто́ поле.
Да тѣснить стали его татара-ты поганыи,
Хо́тятъ обневолить они стараго каза́ка Илью Муромца.
А у стараго казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ,
Нечѣмъ-то ему съ татарамы да попротивиться.
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
Видитъ ёнъ — дѣло́ немалое,
Да схватилъ татарина ёнъ за ноги,
Тако сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ ёнъ бить татаръ татариномъ,
Й отъ него татара стали бѣгати,
И прошолъ ёнъ скрозь всю силушку татарскую,
Вышелъ онъ въ роздольицо чисто́ поле,
Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
То идетъ онъ по роздольицу чисту полю.
При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
При соби-то нѣтъ доснѣховъ крѣпкіихъ.
Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскіи,
Услыхалъ ёго́ добрый конь да во чисто́мъ полѣ,
Прибѣжалъ онъ къ старому каза́ку Ильѣ Муромцу.
Еще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Какъ садился онъ да на добра́ коня
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Выскочилъ онъ да на го́ру на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону,

Digitized by Google

А й подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
А й у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыихъ
Стóятъ добры кони богатырскіи.
А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Опустился ёнъ да со добрá коня,
Бралъ свой тугой лукъ розрывчатой въ бѣлы́ ручки,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Й онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлъ шатёръ,
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрѣлочка каленая,
«А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатёръ,
«Да сыми-тко крышу со бѣлá шатра,
«Да пади-тко стрѣлка на бѣлы́ груди
«Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,
«И проползни-тко [1]) по груди ты по бѣлыи,
«Сдѣлай-ко ты сцапину [2]) да маленьку,
«Маленькую сцапинку да невеликую.
«Онъ и спитъ тамъ, прохлажается,
«А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется».
Й онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелкóвую
Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую,
Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
Да во тотъ во славныи во бѣлъ шатёръ,
Она сняла крышу со бѣлá шатра,
Пала она стрѣлка на бѣлы́ груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойлóвйчу,
По бѣлóй груди вѣдь стрѣлочка проползнула,
Сдѣлала она да сцапинку-то маленьку.
А й тутъ славныя богáтырь свято-русьскіи,
А й Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,

1) Т. е. проскользни.
2) Т. е. царапину.

Digitized by Google

Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ свои очи ясныи,
Да какъ снята крыша со бѣла́ шатра
Пролетѣла стрѣлка по бѣло́й груди,
Она сцапиночку сдѣлала да на бѣло́й груди.
Й онъ скорешенько сталъ на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ Самсонъ да таковы слова:
— Ай же славныи мои бога́тыри вы святорусьскіи,
— Вы скорешенько сѣдлайте-тко добры́хъ коней,
— Да садитесь-тко вы на добры́хъ коней!
— Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
— Прилетѣли-то подарочки да не любимыи,
— Долетѣла стрѣлочка каленая
— Черезъ мой-то славный бѣлъ шатёръ,
— Она крышу сня́ла вѣдь да со бѣла́ шатра,
— Да проползнула-то стрѣлка по бѣло́й груди,
— Она сцапинку-то дала по бѣло́й груди,
— Только малу сцапинку-то дала невеликую:
— Погодился мнѣ Самсону крестъ на вороти,
— Крестъ на вороти шести пудовъ;
— Есть бы не былъ крестъ да на моёй груди,
— Оторвала бы мнѣ буйну голову. —
Тутъ бога́тыри всѣ святорусьскіи
Скоро вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней
И садились мо́лодцы да на добры́хъ коней,
И поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко́ тымъ они силамъ ко татарскіимъ.
А со той горы да со высокіи
Усмотрѣлъ ли старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А то ѣдутъ вѣдь бога́тыри чисты́мъ полемъ,
А то ѣдутъ вѣдь да на добры́хъ коняхъ.
И спустился ёнъ съ горы высокіи
И подъѣхалъ ёнъ къ бога́тырямъ ко святорусьскіимъ:

Digitized by Google

Ихъ двѣнадцать-то богáтырей, Илья тринадцатый.
И пріѣхали они ко силушкѣ татарскоей,
Припустили кóней богатырскіихъ,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тутъ всю силушку великую,
И пріѣхали къ полаткѣ полотняноей;
А сидитъ собака Калинъ царь въ полаткѣ полотняноей.
Говорятъ-то какъ богáтыри да святорусьскіи:
— А срубить-то буйную головушку
— А тому собакѣ цáрю Калину. —
Говорилъ старóй казакъ да Илья Муромецъ:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
«Мы свезёмте-тко его во стольній Кіевъ градъ
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру».
Привезли его собаку цáря Калина
А во тотъ во славный Кіевъ градъ
Да ко славному ко князю ко Владыміру,
Привели его въ полату бѣлокаменну
Да ко славному ко князю ко Владыміру.
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ беретъ собаку за бѣлы́ руки
И садилъ его за столики дубовыи,
Кóрмилъ его ѣствушкой сахáрнею
Да поилъ-то питьицемъ медвянымъ.
Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
— Не сруби-тко мнѣ да буйной гóловы!
— Мы напишемъ прóмежъ собой записи великіи,
— Буду тéбѣ плáтить дани вѣкъ и пó вѣку,
— А тобѣ-то князю я Владыміру! —
А тутъ той старинкѣ и славý поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и покончилась.

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

Digitized by Google

76.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

Славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многи́хъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныихъ могучіихъ бога́тырей;
А на пиръ ли-то онъ не́ позвалъ
Стараго каза́ка Ильи Муромца.
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлати
Супроти́въ тому князю́ Владыміру.
Й онъ беретъ-то какъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленыи,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьи́ церквы погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяници вы го́люшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
«Й обирайте-тко вы маковки да золочены,
«То несите въ кабаки въ домы́ питейные,
«Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта».
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владыміру:
— Ай Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— А ты ѣшь да пьешь да на честно́мъ пиру,
— А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
— Ёнъ по городу по Кіеву похаживатъ,
— Ёнъ на матушки Божьи́ церквы погуливатъ,
— На Божьи́хъ церквахъ кресты повыломилъ

Digitized by Google

— А всѣ маковки онъ золоченыи повыстрѣлялъ;
— А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
— Во всю голову кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же пьяници вы го́люшки кабацкіи!
— Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
— Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
— То несите въ кабаки въ домы́ питейные
— Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта. —
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
И онъ сталъ Владыміръ дума думати,
Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помиритися.
И завелъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на дру́гой день.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Да 'ще онъ сталъ да и дума думати:
«Мнѣ кого послать будѐтъ на пиръ позвать
«Того стараго каза́ка Илью Муромца?
«Самому пойти мнѣ-то Владыміру не хочется,
«А Опраксія послать, то не къ лицу идетъ».
Й онъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супроти́въ моло́даго Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молоде́нькой Добрынюшка, сходи-тко ты
«Къ старому каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
«Да зайди въ полаты бѣлокаменны,
«Да пройди-тко во столовую во горенку,
«На пяту́-то дверь ты порозмахивай
«Еще крестъ клади да й по писа́ному,
«Да й поклонъ веди-тко по учёному,
«А й ты бей челомъ да низко кланяйся
«А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
«А й до самой матушки сырой земли
«Старому каза́кѣ Ильи Муромцу,

Digitized by Google

«Говори-тко И́льи ты да таковы слова:
««Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
««Я пришолъ къ тобѣ отъ князя отъ Владыміра
««Й отъ Опраксіи отъ королевичной,
««Да пришолъ тобе позвать я на почестенъ пиръ»».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвы́ ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовою со горенки,
Да й прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
Прѝшолъ къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу
Да въ его полаты бѣлокаменны,
Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
На пяту́-то онъ дверь да порозмахивалъ,
Да онъ крест-отъ клалъ да по писа́ному,
Да й поклоны велъ да по учёному,
А ’ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
«Ай же братецъ ты мой да крестовыи,
«Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Я къ тоби посла́нъ отъ князя отъ Владыміра,
«Отъ Опраксы королевичной,
«А й позвать тобя да й на почестенъ пиръ».
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они полатой бѣлокаменной,

Digitized by Google

Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
По́шли оны ко́ князю къ Владыміру
Да й на славный-отъ почестенъ пиръ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
Говоритъ-то со Опраксой королевичной:
«Подойдутъ ли ко́ мнѣ какъ два русскіихъ бога́тыря
«Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
И прошли они въ полату въ бѣлокаменну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоё мѣ́стечко было́ да вѣдь пониже всихъ,
«То́перь мѣ́стечко за столикомъ повыше всихъ!
«Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи».
Тутъ кормили его ѣ́ствушкой саха́рнею,
А й поили питьицемъ медвяныимъ.
Они тутъ съ Ильей и помирилися.

Записано тамъ же, 8 іюля.

77.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ ЕГО.

(См. Рыбникова, т. I, 12).

А й на славноей московскоей на за́ставы
Стояло́ двѣнадцать бога́тырей ихъ святорусьскіихъ,
А по нёй по славной по московскоей по за́ставы

Digitized by Google

А й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ,
А й 'ще сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
А й то черезъ эту славную московскую-то за́ставу
Ѣдетъ поляничища уда́лая,
А й удала поляничища великая,
Конь подъ нёю какъ сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сѣнна́ копна,
У ней шапочка надѣта на головушку
А й пушистая сама завѣсиста,
Спереду-то не видать личка́ румянаго
И сзаду́ не видѣть шеи бѣлоей.
Ёна ѣхала собака насмѣялася,
Не сказала Божьёй помочи бога́тырямъ,
Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-Кіеву.
Говоритъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же братьица мои крестовыи,
«Ай бога́тыря вы святорусьскіи,
«Ай вы славная дружинушка хоробрая!
«Кому ѣхать намъ въ роздольице чисто́ поле?
«Поотвѣдать надо силушки великою
«Да й у той у поляницы у удалою».
Говорилъ-то тутъ Олешенка Григорьевичъ:
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
— Посмотрю на поляницу на удалую. —
Какъ садился-то Олеша на добра́ коня,
А онъ выѣхалъ въ роздольицо чисто́ поле,
Посмотрѣлъ на поляницу зъ-за сыра́ дуба,
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да й не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Поскорешенько Олеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую,
Говорилъ-то и Олеша таковы слова:

Digitized by Google

— Ай вы славныи богáтыри да святорусьскіи!
— Хоть-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й не смѣлъ я къ поляничищу подъѣхати,
— А й не могъ я у́ ней силушки отвѣдати. —
Говоритъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка:
«Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
«Посмотрю на поляницу на удалую».
Тутъ Добрынюшка садился на добра́ коня
Да й поѣхалъ во роздольицо чисто́ поле,
Онъ наѣхалъ поляницу во чистóмъ поли,
Такъ не смѣлъ онъ къ поляницищу подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Ёна ѣздитъ въ поли, сама тѣшится,
На правóй руки у нёй-то соловéй сидитъ,
На лѣвóй руки да жаворолёночекъ.
А й тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силы поотвѣдати;
Поскорешенько назадъ онъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Да богáтыря вы славны святорусьскіи!
«То хоть былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
«Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
«Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
«На правóй руки у нёй-то соловей сидитъ,
«На лѣвóй руки да жаворолёночекъ.
«Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подъѣхати
«И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
«Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
«Ёна кличетъ выкликаетъ поединщика,

Digitized by Google

«Супротивъ собя да супротивника,
«Изъ чистá поля да и наѣзднка,
«Поляница говоритъ да таковы слова:
««Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
««Какъ не дáетъ мнѣ-ка онъ да супротивника,
««Изъ чистá поля да и наѣзднка,
««А й пріѣду я тогда во славной стольній Кіевъ градъ,
««Розорю-то славный стольній Кіевъ градъ,
««А я чернедь мужичковъ-тыхъ всихъ повырублю
««А Божьи́ церквы я всѣ на дымъ спущу,
««Самому князю́ Владыміру я голову́ срублю
««Со Опраксіёй да съ королевичной!»»
Говоритъ имъ старыій казакъ да Илья Муромецъ:
— А й богáтыря вы святорусьскіи,
— Славная дружинушка хоробрая!
— Я поѣду во роздольицо чистó поле,
— На бою-то мнѣ-ка смерть да не написана;
— Поотвѣдаю я силушки великою
— Да у той у поляницы у удалою. —
Говорилъ ему Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Ты поѣдешь во роздольицо чистó поле
«Да на тыя на удары на тяжелыи,
«Да й на тыя на побоища на смёртныи,
«Намъ кудá велишь итти да й кýды ѣхати?»
Говорилъ-то имъ Илья да таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— Поѣзжайте-тко роздольицемъ чистымъ полемъ,
— Заѣзжайте вы на гору на высокую,
— Посмотрите вы на драку богатырскую:
— Надо мною будетъ братци безвременьице,
— Такъ поспѣйте ко мни братьица на выруку.—
Да й садился тутъ Илья да на добрá коня,
Ёнъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,

Digitized by Google

Ёнъ повыскочилъ на гору на высокую,
А й сходилъ Илья онъ со добра́ коня,
Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
Какъ-то ѣздитъ поляничищо въ чисто́мъ поли;
Й она ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Она шуточки-ты шутитъ не великіи,
А й кидаетъ она палицу булатнюю
А й подъ облаку да подъ ходячую,
На добро́мъ кони она да вѣдь подъѣзживатъ,
А й одною ру́кой палицу подхватыватъ,
Какъ перомъ-то лебединыимъ поигрыватъ,
А й такъ эту палицу булатнюю покидыватъ.
И подходилъ-то какъ Илья онъ ко добру́ коню,
Да онъ палъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то какъ Илья онъ таковы слова:
— Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
— Послужи-тко мнѣ да вѣрой правдою,
— Вѣрой правдой послужи-тко неизмѣнною,
— А й по старому служи еще по прежному,
— Не отдай меня татарину въ чисто́мъ поли,
— Чтобъ срубилъ мнѣ-ка́ татаринъ буйну голову! —
А й садился тутъ Илья онъ на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздолью по чисту́ полю
Й онъ наѣхалъ поляницу во чисто́мъ поли,
Поляници онъ подъѣхалъ со бѣла́ лица,
Поляницу становилъ онъ супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:
— Ай же поляница ты уда́лая!
— Надобно другъ у́ друга́ намъ силушки отвѣдати.
— Порозъѣдемся съ роздольица съ чиста́ поля
— На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
— Да пріударимъ-ко во палици булатніи,
— А й тутъ силушки другъ у́ друга́ й отвѣдаёмъ. —

Digitized by Google

Порозъѣхались онѣ да на добры́хъ коняхъ
Да й по славну по роздольицу чисту́ полю,
Й оны съѣхались съ чиста́ поля да со роздольица
На своихъ-то ко́няхъ богатырскіихъ,
То пріударили во палици булатніи,
Ёны другъ друга́-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Ёны били другъ друга́ да не жалухою
Да со всёю сво́ей силы съ богатырскою, —
У нихъ палицы въ рукахъ да й погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
А подъ ни́ма-то доспѣхи были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
А не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«Какъ намъ силушка́ другъ у друга́ отвѣдати?
«Порозъѣхаться съ роздольица съ чиста́ поля
«На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
«Пріударить надо въ копья въ муржамецкіи,
«Тутъ мы силушка́ другъ у друга́ й отвѣдаёмъ».
Порозъѣхались оны да на добры́хъ коняхъ
А й во славноё въ роздольицо чисто́ поле,
Припустили о́ны другъ къ другу́ добры́хъ коней,
Порозъѣхались съ роздольица съ чиста́ поля,
Пріударили во копья въ муржамецкіи,
Ёны другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Такъ у нихъ въ рукахъ-то копья погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
Такъ доспѣхи-ты подъ ни́ма были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били, другъ друга́ не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.

Digitized by Google

Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«А 'ще какъ-то намъ у другъ друга́-то силушка отвѣдати?
«Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
«Тутъ у другъ друга мы силушка отвѣдаемъ».
Тутъ сходили молодци съ добры́хъ коней,
Опустилися на матушку сыру землю,
Пошли-то о́ны биться боемъ рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена́ была бороться объ одной ручкѣ;
Подходила-то ко старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу́ бодру *(такъ)*,
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Ильѣ Муромцу на бѣлу грудь,
Она брала-то рогатину звѣриную,
Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше го́ловы,
Опустить хотѣла ниже пояса....
На бою-то И́льѣ смерть и не написана,
У ней правая рука въ плечи да застоялася,
Во ясны́хъ очахъ да й помутился свѣтъ,
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
«Ай скажи-тко ты богатырь святорусьскій,
«То́бе какъ-то молодца да именѣмъ зовутъ,
«Звеличаютъ удало́го по отечеству?»
А йще старыя казак-отъ Илья Муромецъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Й онъ смахнулъ своёй да правой ручушкой,
Да онъ сшибъ-то вѣдь бога́тыря съ бѣло́й груди,
Ёнъ скорешенко скочилъ-то на рѣзвы́ ножки,
Онъ хватилъ какъ поляницу на косу́ бодру,
Да спустилъ онъ ю на матушку сыру́ землю,
Да ступилъ онъ поляници на бѣлы́ груди,

Digitized by Google

А й беретъ-то въ руки свой булатній ножъ,
Заносилъ свою онъ ручку правую,
Заносилъ онъ выше го́ловы,
Опустить онъ хочетъ ручку ниже пояса;
А й по Божьему ли по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остояласи,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляничища выспрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Еще какъ-то поляничку именемъ зовутъ,
— Удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка новодревная *(такъ)*!
«Тобѝ просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь-то на моёй да на бѣло́й груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать хоти́шь мои да груди бѣлыи!
«Я стояла на твоёй какъ на бѣло́й груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё сердце́ со печеней
«Не спросила бы отца твоёго й матери,
«Твоего́ ни роду я ни племени».
И розгорѣлось сердцо у бога́тыря
Да й у стараго каза́ка Ильи Муромца,
Заносилъ-то онъ свою да ручку правую,
Заздыну́лъ онъ ручку выше головы,
Опустить хоти́тъ ю ниже пояса;
Тутъ по Божьему да по велѣнію
Права ручушка въ плечи да остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ,
Такъ онъ сталъ у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко поляница мни провѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,

Digitized by Google

— Тобя какъ-то поляничку именéмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалу́ю по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка поводревная!
«Тоби просто надо мною насмѣ́хатися,
«Какъ стоишь ты па моёй да на бѣлóй груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать ты мни хоти́шь да груди бѣлыи!
«Какъ стояла бъ я да на твоёй бѣлóй груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твое сердцé со печенью,
«Не спросила бы ни батюшка ни матушки,
«Твоего-то я ни роду да ни племени».
Тутъ у стараго казáка Ильи Муромца
Розгорѣлось ёго сердце богатырское
Енъ еще занесъ да руку правую,
А й здынýлъ-то ручку выше головы,
А спустить хотѣлъ ёнъ ниже пояса.
По Господнему тутъ по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
Енъ еще-то сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то поляница попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тоби какъ мнѣ поляницу именёмъ назвать
— Й удалу́ю звеличати по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ты удаленькой дородній добрый мóлодецъ,
«Ай ты славныя богáтырь святорусьскіи!
«Когда сталъ ты у меня да и выспрашивать,
«Я про то стану́ теби высказывать.
«Есть я родомъ изъ земли да изъ Тальянскою[1])

1) Пѣвецъ сперва говорилъ: «во Глянскою» (или «въ Оглянскою»), а потомъ поправлялся: «во Тальянскою».

Digitized by Google

«У меня есть ро́дна матушка честна́ вдова,
«Да честна вдова она колачница,
«Ко́лачи пекла да тымъ меня воспи́тала
«А й до полнаго да вѣдь до возрасту;
«Тогда стала я имѣть въ плечахъ да силушку великую,
«Избирала мнѣ-ка матушка добра́ коня,
«А й добра коня да богатырскаго,
«Й отпустила ме́ня ѣхать на святую Русь
«Поискать соби да ро́дна батюшка,
«Поотвѣдать мнѣ да роду племени».
А й тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Енъ скоренько соскочилъ да со бѣло́й груди,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за перстни за злаченыи,
Онъ здыну́лъ-то ю со матушки сыро́й земли,
Становилъ-то онъ ю на рѣзвы́ ножки,
На рѣзвы́ онъ ножки ставилъ супротивъ себя,
Цѣловалъ ю во уста ёнъ во саха́рнїи,
Называлъ ю со́би дочерью любимою:
— А когда я былъ во той земли во Тальянскою,
— Три году́ служилъ у короля тальянскаго,
— Да я жилъ тогда да й у честно́й вдовы,
— У честно́й вдовы да й у колачницы,
— У ней спалъ я на кроваткѣ на тесовоей
— Да на той перинкѣ на пуховоей,
— У самой ли у́ нёй на бѣло́й груди. —
Й о́ны сѣли на добры́хъ коней да порозъѣхались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Пороздёрнулъ онъ свой ша́тёръ бѣлыи,
Да онъ легъ-то спать да й проклаждатися
А послѣ́ бою онъ да послѣ́ драки;
А й какъ эта поляничища удалая
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,

Digitized by Google

На кони она сидѣла, пороздумалась:
«Хоть-то съѣздила на славну на святую Русь,
«Такъ я нáжила себѣ посмѣхъ великіи:
«Эготъ славныи богáтырь святорусьскіи
«А й онъ назвалъ тую мою матку блядкою,
«Мéне назвалъ выблядкомъ.
«Я поѣду во роздольице въ чистó поле
«Да убью-то я въ полѝ богáтыря,
«Не спущу этóй посмѣшки на святую Русь,
«На святую Русь да и на бѣлый свѣтъ».
Ёна ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Насмотрѣла-то она да бѣлъ шатеръ
Подъѣзжала-то она да ко бѣлу́ шатру,
Она била-то рогатиной звѣриною
А во этотъ-то во славныи бѣлъ шатеръ,
Улетѣлъ-то шáтеръ бѣлый съ Ильи Муромца.
Его доброй конь да богатырскіп
А онъ ржётъ-то конь да й во всю голову,
Бьетъ погамы въ матушку въ сыру́ землю;
Илья Муромецъ онъ спитъ тамъ, не пробудится
Отъ того отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Эта поляничища удáлая
Ёна бьетъ его рогатиной звѣриною,
Ёна бьетъ его да по бѣлóй груди,
Еще спитъ Илья да й не пробудится
А отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Погодился у Ильи да крестъ на вороти,
Крестъ на вороти да полтора пуда:
Пробудился онъ звону отъ крестоваго,
А й онъ скинулъ-то свои да ясны очушки,
Какъ надъ верхомъ-тымъ стоитъ вѣдь поляничища удалая,
На добро́мъ кони на богатырскоемъ,
Бьетъ рогатиной звѣриной по бѣлóй груди.
Тутъ скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвы́ ноги,

Digitized by Google

А схватилъ какъ поляницу за желты́ кудри,
Да спустилъ енъ поляницу на сыру́ землю,
Да ступилъ енъ поляницы на праву́ ногу,
Да онъ дернулъ поляницу за лѣву́ ногу
А онъ на́двоё да ю поро́зорвалъ,
А й рубилъ онъ поляницу по мелки́мъ кускамъ.
Да садился-то Илья да на добра́ коня,
Да онъ рылъ-то[1]) ты кусочки по чисту́ полю
Да онъ перву половинку-то кормилъ сѣры́мъ волкамъ,
А другую половину чернымъ во́ронамъ.
А й тутъ поляници ёй славу́ поютъ,
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 6 іюля.

78.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три годика Добрынюшка-то чашничалъ,
Три годика Добрынюшка-то стольничалъ,
Да три году́ Добрыня у воротъ стоялъ.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшкѣ
Походить по городу по Кіеву,
Погулять по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
«Ай же ты свѣтъ мое чадо милое,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты ходи гуляй по городу по Кіеву
«Да й по всѣмъ-то уличкамъ широкіимъ,
«По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
«Не ходи только̀ въ татарскую въ слободушку,

---

1) Т. е. бросалъ.

Digitized by Google

«Не зайди только̀ въ Маринкину во улицу,
«А й убила-то Маринка трехъ бога́тырей,
«Да й убьётъ тобя она четвертаго».
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Какъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Бе́ретъ стрѣлочки Добрынюшка каленыи,
Й онъ пошолъ ходить по городу по Кіеву,
Й онъ гулялъ-то какъ по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
Прогулялъ онъ цѣлый день съ утра до вечера;
И на поздней онъ да то на вечерѣ
Похотѣлось молодому-то Добрынюшкѣ
Да й сходить ёму̀ въ татарскую слободушку
А й зайти-то во Маринкину во улицу,
По́смотрѣть на ней[1]) полаты бѣлокаменны.
Й онъ зашолъ-то какъ въ татарскую слободушку
Да й прошолъ-то во Маринкину во улицу,
Посмотрѣлъ на нёй полаты бѣлокаменны;
Какъ у ней-то у полаты бѣлокаменной
Порозвернута полатка полотняная,
Да й сидитъ-то какъ Маринка во полатки полотняноей,
Да й сидитъ она съ татариномъ поганыимъ,
А й со тымъ сидитъ Горынищемъ проклятыимъ,
Да й сидитъ она въ полаткѣ, сама гладится[2]).
То моло́дому Добрынюшкѣ-то дѣло не слюбилоси,
Й онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Во свои беретъ во бѣлыя въ ручушки,
Налагаетъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Онъ спустилъ тую тетивочку шелко́веньку
Да во эту въ стрѣлку во каленую.

1) Т. е. на ея.
2) Т. е. нѣжится.

Digitized by Google

Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й во эту во полатку въ полотняную,
То онъ на-двоё Горынища й порóзорвалъ.
Тутъ хотúтъ какъ пòйти мóлодой Добрынюшка
Да со этой со татарской со слободушки
Да со этой ли съ Маринкиной со улицы,
Никуды Добрынюшки пойти-то нѣтъ пути;
А йще видитъ-то молоденькой Добрынюшка,
Что дѣлò-то есте да немалое,
Подошолъ онъ ко полаткѣ полотняноей,
Говорилъ-то ёнъ Маринкѣ таковы слова:
«А идешь ли ты Маринка за меня́ замýжъ?»
Говорила-то Маринка таковы слова:
— А й молоденькой Добрынюшка,
— А 'ще славныя богáтырь святорусьскiй!
— Если ты возьмешь, такъ я замýжъ иду
— За молóдаго Добрынюшку Никитича. —
Й онъ бралъ ю за ручушки за бѣлыи
И за нёй ю бралъ за перстни за злаченыи,
И выводитъ ю съ полатки полотняноей,
Становилъ-то онъ Маринку супротивъ собя,
Говорилъ-то онъ Маринкѣ таковы слова:
«А пойдемъ-ко мы Маринка во чистó поле,
«Вóкругъ кýстышка ракитова съ тобою повѣнчаемся,
«Да тогда ты будешь вѣдь моя жена».
То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за перстни ю бралъ за злаченыи,
Да й повелъ Маринку во чистó поле
Приводилъ онъ ю ко кýстышку ракитову,
Вóкругъ кýстышка ракитова они да повѣнчалися.
Становилъ-то ю Добрыня супротивъ собя,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й теперь-ко ты Маринка есть моя жена,
«А должна ты мни повиноватися».

Digitized by Google

То онъ бралъ свою да саблю вострую,
Во свои ю бралъ во бѣлы ру́чушки,
Й онъ смахнулъ-то сво́ёй саблей востроей,
И срубилъ-то онъ ёй ножки по колѣночкамъ;
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти ноженки да рѣзвыи?
«Й оплетали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
Й онъ другой-то разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ ёй ручки по локо́точкамъ;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти бѣлыи да ручушки?
«Й обнимали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
И онъ е́ще третій разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ-то ёй уста саха́рніи;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто эты уста сахарніи?
«Цѣловали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
А й тутъ ей Марінки да славу́ поютъ
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 8 іюля.

79.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Да й спорода́ла Добрыню ро́дна матушка
Да возро́стила до полнаго до возраста;
Сталъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
На добро́мъ конѣ въ чисто́ полё поѣзживать,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.

Digitized by Google

Пріѣзжалъ Добрыня изъ чистá поля,
А й сходилъ-то какъ Добрынюшка съ добрá коня
И онъ шолъ въ свою полату въ бѣлокаменну,
Проходилъ онъ во столову свóю горенку,
Ко своей ко рóдною ко матушки.
Говорила тутъ Добрыни рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё цадó любимоё,
«Ты молóденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты на добрóмъ конѣ въ чистó поле поѣзживашь,
«Да ты малыехъ змѣёнышевъ потаптывашь.
«Не съѣзжай-ко ты молóденькой Добрынюшка
«Да ты дáлече далéче во чистó поле,
«Кó тымъ славныемъ горамъ да къ сорочинскіимъ,
«Да ко тымъ норáмъ да ко змѣиныемъ,
«Не топци-ко ты тамъ малыехъ змѣёнышевъ,
«Не входи-ко ты во нóры въ змѣиныя,
«Не выпущай-ко пóлоновъ оттуль расейскіихъ;
«Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
«Ко той славною ко матушки къ Пучай-рѣки,
«Не ходи-ко ты купаться во Пучай-рѣки,
«То Пучай-рѣка очюнь свирипая,
«Во Пучай-рѣки двѣ струйки óчюнь быстрыихъ:
«Перва струечка въ Пучаї-рѣки быстрымъ быстра,
«Дрýга струечка быстра, быдтò огонь сѣкетъ».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Рóдной матушки-то онъ не слушатся,
Выходилъ онъ со столовой свóей горенки
Да й во славныя полаты бѣлокаменны,
Й одѣвалъ соби одежицу снарядную
Да й рубашечки-манѣшечки шелкóвеньки,
Всю одёжицу одѣлъ онъ да хорошеньку,
А хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
Да й на свой на славный на широкъ на дворъ,

Digitized by Google

Заходилъ онъ во конюшеньку стоялую,
Бралъ добра́ коня онъ богатырскаго,
Бралъ добра́ коня Добрынюшка, засѣдлывалъ,
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Да съ собою бралъ онъ паличку булатнюю,
Да й не для-ради́ да драки кроволитьица великаго,
А онъ бралъ-то для потѣхи молодецкою.
То повыѣхалъ Добрынюшка въ чисто́ поле
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
То онъ ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшки
Ёму съѣздити́ во да́лече чисто́ поле,
Да й ко тымъ горамъ ко сорочинскіемъ,
Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныемъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да й поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
То онъ день ѣде́тъ по красному по солнышку,
Да онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Пріѣзжалъ онъ ко горамъ да къ сорочинскіемъ,
Сталъ онъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Онъ-то ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Потоптalъ онъ много множество змѣёнышовъ.
Й услыхалъ-то тутъ моло́денькой Добрынюшка:
Ёго доброй конь да богатырскіи
А й сталъ на́ ноги да конь припадывать.
А й поѣхалъ-то моло́денькой Добрынюшка
Отъ тыхъ славныихъ отъ горъ отъ сорочинскіихъ
Да й отъ тыхъ отъ норъ онъ отъ змѣиныихъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнёй Кіевъ градъ.
Ёще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;

Digitized by Google

То онъ въ день ѣдётъ по красному по солнышку.
А онъ въ ночь ѣдётъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ повыѣхалъ въ роздольицо въ чисто́ полё.
Похотѣлось тутъ мло́дому Добрынюшки
Съѣздить-то ко славной ко Пучай-рѣки,
Посмотрѣть ему на славную Пучай-рѣку.
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да пріѣхалъ онъ ко славной ко Пучай-рѣки,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня,
Посмотрѣлъ-то онъ на славную Пучай-рѣку.
Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшки
Покупатися во славной во Пучай-рѣки;
Онъ одёжицю съ собя спималъ всю до́-нага,
Да й пошолъ-то онъ купаться во Пучай-рѣку.
Тамъ на тую пору на то времецко
А й на славноёй да на Пучай-рѣки
Да й случились быть тутъ красны дѣвушки;
О́ны клеплютъ тонко бѣленькое платьицо,
Говорятъ оны моло́дому Добрынюшки:
— Ты удаленькой дороднёй доброй молодецъ!
— То во нашою во славной во Пучай-рѣки
— Наги добры молодци не куплются,
— О́ны куплются въ тонки́хъ бѣлы́хъ поло́тняныхъ рубашечкахъ. —
Говорилъ-то имъ молоденькой Добрынюшки:
«Ай жо дѣвушки да вы голубушки,
«Бѣломойници вы портомойници!
«Ничего-то вы вѣдь дѣвушки не знаете,
«Только знайте-тко вы дѣвушки сами́ собя».
Онъ пошолъ-то какъ купаться во Пучай-рѣку,
Перешелъ Добрыня перву струечку,
Перешолъ Добрыня дру́гу струечку,
Перешолъ-то онъ Пучай-рѣку отъ бережка до дру́гого;

Digitized by Google

Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшки
Покупаться во Пучай-рѣки, поны́ркати.
Тамъ на тую пору на то времецко
Да изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ западнёй да сподъ сторонушки,
Да й не дождь дожжитъ да й то не громъ громитъ,
А й не громъ громитъ, да шумъ великъ идетъ:
Налетѣла надъ моло́даго Добрынюшку
А й змѣ́инищо да то Горынищо,
А й о трехъ змѣинищо о го́ловахъ,
О двѣнадцати она о хоботахъ;
Надлетѣла надъ моло́даго Добрынюшку,
Говорила-то змѣищо таковы слова:
— А топерь Добрынюшка въ моихъ рукахъ,
— А въ моихъ рукахъ да онъ въ моёй воли!
— А 'ще что я похочу, то на́дъ нимъ сдѣлаю:
— Похочу-то я моло́даго Добрынюшку,
— Похочу, Добрынюшку въ полонъ возьму,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и огнемъ пожгу,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и въ собя пожру. —
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Ёго сердце богатырско не ужа́хнулось;
Онъ гораздъ былъ плавать по быстры́мъ рѣкамъ,
Да й нырнулъ-то онъ отъ бережка ко дру́гому,
Да й отъ дру́гаго отъ бережка ко етому.
Й онъ вспомнилъ тутъ свою да ро́дну матушку:
«Не велѣла мнѣ да ро́дна матушка
«Уѣзжать-то да́лече въ чисто полё,
«Да й ко тымъ она горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныимъ,
«Не велѣла мнѣ-ка ѣздить ко Пучай-рѣки,
«Не велѣла мнѣ купаться во Пучай-рѣки.
«Да и не за то ли здѣ-ка ноньчу странствую?»
Й онъ ащо̀ нырнулъ отъ бережка до бережка,

Digitized by Google

Выходилъ Добрыня на крутой берёгъ.
Тутъ змѣинищо Горынищо проклятоё
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тѣла бѣлаго.
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Не случилось ничто быть въ бѣлыхъ ручушкахъ,
Да и ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Поглянулъ-то какъ моло́денькой Добрынюшка
По тому по кру́тому по бережку,
Не случилося ничто лежать на кру́тоёмъ на бе́регу,
Е́му ничего́ взять въ бѣлыи во ручушки,
Ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Ёна сыплетъ ёго искрой неутышною *(такъ)*,
Ёна жгётъ ёго́ да тѣло бѣлое.
Столько у́видалъ моло́денькой Добрынюшка,
Да й на крутоёмъ да онъ на бе́реги
То лежитъ колпакъ да земли греческой;
Енъ берётъ-то тотъ колпакъ да во бѣлы́ ручки,
Онъ со тою ли досадушки великою
Да ударилъ онъ змѣинища Горынища.
Еще пала-то змѣя да на сыру́ землю,
На сыру-то зе́млю пала во ковыль траву.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Очюнь смѣлой былъ да оворо́тистой,
Да й скочилъ-то онъ змѣищу на бѣлы́ груди,
Роспластать-то ёй хоти́тъ да груди бѣлыи,
Онъ хотитъ-то ёй срубить да буйны го́ловы.
Тутъ змѣинищо Горынищо молиласи:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не убей меня да змѣи лютою,
— Да спусти-тко по́летать да по бѣлу́ свѣту.
— Мы напишемъ съ то́бой записи проме́жъ собой,
— То велики записи немалыи:
— Не съѣзжаться бы вѣкъ по́ вѣку въ чисто́мъ поли,

Digitized by Google

— Намъ не дѣлать бою драки кроволитія промéжъ собой,
— Бою драки кроволитія великаго. —
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорёшенько сходилъ-то со бѣлóй груди;
Написали оны записи промéжъ собой,
То велики оны записи немалыи:
Не съѣзжаться бы вѣкъ пó вѣку въ чистóмъ поли,
Намъ не дѣлать бою драки кроволитьица промéжъ собой.
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорёшенько бѣжалъ да ко добру́ коню,
Надѣвалъ свою одёжицу спарядную,
А й рубашечки-манѣшечки шелкóвеньки,
Всю одёжицу надѣлъ спарядную,
Онъ скорёшенько садился на добрá коня,
Выѣзжалъ Добрыня во чистó полё,
Посмотрѣть-то на змѣищо на Горынищо,
Да которымъ она мѣстечкомъ полéтитъ по чисту́ полю.
Да й летѣла-то змѣищо черезъ Кіевъ градъ,
Ко сырóй земли змѣинищо припáдала,
Унесла она у князя у Владыміра,
Унесла-то плéмничку любимую,
Да прекрасную Забавушку Путятичну.
То пріѣхалъ-то Добрыня въ стольній Кіевъ градъ,
Да на свой Добрыня на широкой дворъ,
Да сходилъ Добрынюшка съ добрá коня.
Подбѣгаетъ къ нему пáробокъ любимыи,
Онъ берётъ коня да й богатырскаго,
Да й повелъ въ конюшенку въ стоялую,
Сталъ добрá коня да ёнъ розсёдлывать,
Да сталъ паробокъ добрá коня кормить поить,
Онъ кормить поить да сталъ улаживать.
То молóденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ прошолъ своёй полатой бѣлокаменной,
Заходилъ онъ во столову свою горенку

Digitized by Google

Ко своёй ко родною ко матушки,
То ничимъ Добрынюшка не хвастаётъ.

Тутъ моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ
На почестенъ пиръ ко князю сталъ похаживать;
То ходилъ Добрынюшка по де́нь поры,
Да ходилъ Добрыня по друго́й поры,
Да ходилъ Добрынюшка по третей день.
То Владыміръ князь-отъ стольне-кіевской
Онъ по горенкѣ да и похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бо́яра,
«Сильни русьскіе могучіе бога́тыря,
«Е́ще вси волхи бы всѣ волшебники!
«Есть ли въ нашеёмъ во городи во Кіеви
«Таковы люди чтобъ съѣздить имъ да во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ горамъ да сорочинскімъ,
«Ко́ тымъ славнымъ порамъ да ко змѣинымъ,
«Кто бы могъ сходить во но́ры во змѣиныи,
«Кто бы могъ достать да племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну?»
Таковыхъ людей во градѣ не находится;
Не могу́тъ-то съѣздити во да́лече чисто́ поле,
Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскіимъ,
Да ко тымъ порамъ да ко змѣинымъ.
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевскоіі
А й по горенки да князь похаживалъ,
Пословечно государь ёнъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бо́яра,
«Сильни русьскіи могучіе бога́тыря!
«Задолжалъ-то я во земли во невѣрныи,
«У меня-то дани есть неплочены
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».

Digitized by Google

Приходилъ-то онъ къ Михайлушкѣ ко Пóтыку,
Говорилъ Михайлы таковы слова:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А й ты съѣзди-тко во землю въ Политовскую,
«Къ королю-то къ Чубадѣю къ Политовскому,
«Отвези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половипою».
Прѝшолъ къ старому къ казáкѣ къ Ильи Муромцу,
Говорилъ Владымѝръ таковы слова:
«Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«А ты съѣзди-тко во землю-ту во Шведскую,
«А ко тóму королю ты съѣзди къ Шведскому,
«Вывези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».
Тутъ Олешенька Григорьевичъ по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно князю выговариватъ:
— Ты Владымѝръ князь да столенъ-кіёвской!
— А й накинь-то ту вѣдь слýжобку великую,
— Да велику слýжобку немалую,
— На того да на молóдаго Добрынюшку,
— Чтобы съѣздилъ онъ во дáлече чистó полё,
— Кó тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскiимъ,
— Да сходилъ бы онъ во норы во змѣиныи,
— Отыскалъ бы твою племничку любимую,
— Да прекрасную Забавушку Путятичну,
— А привёзъ бы ёнъ Забаву въ стольнё-Кіевъ градъ,
— Да къ тоби ко князю на широкой дворъ,
— Да привелъ бы во полаты въ бѣлокаменны,
— Да онъ подалъ бы тобѣ ю во бѣлы́ руки. —
Тутъ Владымѝръ князь да стольнё-кіевской
Приходилъ-то онъ къ молóдому Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молóденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Налогаю тóби слýжобку великую,

Digitized by Google

«Да й велику слу́жобку немаленьку:
«А й ты съѣзди-тко во да́лече дале́че во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да сходи-тко ты во норы во змѣиныя,
«Отыщи-тко племячку любимую
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Привези-тко ты ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Приведи-тко мни въ полаты въ бѣлокаменны,
«Да подай-ко ты Забаву во бѣлы́ руки».
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ за столикомъ сидитъ, самъ запечалился,
Запечалился онъ закручинился.
Выходилъ-то онъ за столиковъ дубовыехъ,
Выходилъ онъ за скамеечокъ окольніихъ,
Проходилъ-то ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Онъ съ честна́ пиру идетъ да и не весело.
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Приходилъ онъ во столову сво́ю горенку,
Ко своёй ко ро́дною ко матушки.
Говоритъ Добрыни ро́дна матушка:
— Ай ты свѣтъ моё чадо́ любимое,
— Да й моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Что съ честна́ пиру пришолъ да ты не весело?
— То мѣстечико было́ въ пиру не по́ чину?
— Али чарою въ пиру тобя пріо́бнесли?
— Аль кто пьяница дуракъ да пріобгалился[1])? —
Говорилъ Добрыня ро́дной матушки:
«Ай жо свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
«Да въ пиру-то мѣсто было по́ чину,
«А ’ще чарой во пиру меня не о́бнесли,
«Да то пьяница дуракъ да не обгалился, —

1) Т. е. насмѣялся.

Digitized by Google

«А й Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
«Наложилъ-то мни-ка слу́жобку великую,
«А й великую мни служобку не малую:
«Ве́лѣлъ съѣздить мни во да́лече въ чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ да къ сорочинскінимъ,
«Онъ велѣлъ сходить во норы во змѣиныи,
«Отыскать мнѣ ве́лѣлъ племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Да и привезти велѣлъ ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Привезти ко князю на широкой дворъ,
«Привезти ю во полаты въ бѣлокаменны,
«По́дать князю-то да во бѣлы́ руки».
«Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— А ты ѣшь-ка пей да на спокой ложись,
— Утро мудренѣе жи́веть[1]) вечера. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣлъ-то ѣствушокъ саха́рніихъ,
Да попилъ-то питьицовъ медвяныихъ,
Молодой Добрыня на спокой улёгъ.
Да й по утрушку да то ранёхонько,
До исходъ зори да раннё-утренной,
До выста́ванья да красна солнышка,
Да й будила-то Добрыню ро́дна матушка:
— А ставай-ко ты молоденькой Добрынюшка!
— Да ты дѣлай дѣло повелѣное,
— Сослужи-тко эту слу́жебку великую. —
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скоренько сталъ да то й отъ крѣпка сна,
Умывался-то Добрынюшка бѣлёшенько,
Надѣвался онъ да й хорошохонько,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной

1) Т. е. бываетъ.

Digitized by Google

Да й на свой на славный на широкой дворъ,
Приходилъ ёнъ во конюшеньку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Да й сѣдлалъ Добрынюшка добра́ коня,
Да й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Выѣзжалъ Добрыня съ широка́ двора.
Тутъ заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слёзъ горючіихъ,
Она стала-то скорбить да ли́чка бѣлаго,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку безсчастнаго споро́дила!
— Какъ войдетъ-то енъ во норы въ змѣиныи,
— Да войдетъ ко тымъ змѣямъ ко лютымъ,
— Поросто́чатъ-то его да тѣло бѣлое,
— Еще выпьютъ со Добрыни суровую́ кровь. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день-то за́ день быдто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;
Да онъ въ день ѣха́лъ по красному по солнышку,
То онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ подъѣхалъ ко горамъ да къ сорочинскіимъ,
Да сталъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.
Й онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Притопталъ-то много множество зміёнышовъ.
Й услыхалъ моло́денькой Добрынюшка,
Его доброй конь да богатырскіи
А сталъ на́ ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Бе́ретъ плеточку шелко́ву во бѣлы́ руки,
То онъ билъ коня да й богатырскаго,
Первый разъ его ударилъ промежу́ уши,
Дру́гой разъ ударилъ промежу́ ноги,

Digitized by Google

Промежъ ноги онъ ударилъ промежъ задніи,
Да й онъ билъ коня да не жалухою,
Да со всей онъ силы съ богатырскою,
Ёнъ давалъ ему удары-ты тяжелыи.
Его доброй конь да богатырскіи
По чисту́ полю онъ сталъ поскакивать,
По цѣло́й версты онъ сталъ помахивать,
По колѣну сталъ въ земелюшку погрязывать,
Изъ земелюшки сталъ но́жёкъ ёнъ выхватывать,
По сѣнной купны земельки ёнъ вывёртывалъ,
За три выстрѣлу *(такъ)* онъ камешки откидывалъ.
Й онъ скакалъ-то по чисту́ полю, помахивалъ,
Й онъ отъ ногъ своихъ змѣёнышевъ отряхивалъ,
Потопталъ всихъ малыихъ зміёнышовъ.
Подъѣзжалъ онъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня
Онъ на матушку да на сыру землю,
Облащался-то *(такъ)* молоденькой Добрынюшка
Во доспѣхи онъ да въ сво́и крѣпкіи:
Во-первы́хъ бралъ саблю сво́ю вострую,
На бѣлы́ груди копьё клалъ муржамецкоё,
Онъ подъ лѣвую да и подъ пазушку
Пологалъ ёнъ палицку булатнюю,
Подъ кушакъ ёнъ клалъ шалыгу подорожную,
Й онъ пошолъ во ты во норы во змѣиныи.
Приходилъ ёнъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Тамъ затворамы затворено-то мѣдныма,
Да подпорамы-то по́дперто жалѣзныма,
Такъ нельзя войти во норы во змѣиныи.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А подпоры онъ жалѣзныи откидывалъ,
Да й затворы-ты онъ мѣдныи отдвигивалъ,
Онъ прошолъ во норы во змѣиныи.

Digitized by Google

Посмотрѣлъ-то онъ на норы на змѣиныи,
А й во тыхъ норахъ да во змѣиныихъ
Много множество да полонóвъ сидитъ,
Полонá сидятъ да всё расейскіи,
А й сидятъ-то тамъ да князи бóяра,
Сúдятъ русьскіи могучіи богáтыря.
Похотѣлось-то молóдому Добрынюшки,
Похотѣлось-то Добрыни полонá считать,
Й онъ пошолъ какъ по норáмъ да по змѣиныимъ,
Начиталъ-то полонóвъ ёнъ много множество,
Да й дошолъ ёнъ до змѣинища Горынища;
А й у той-то у змѣища у проклятою
Да й сидитъ Забавушку Путятична.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай жо ты Забавушка Путятична!
«Да ставай скоренько на рѣзвы́ ноги,
«Выходи-тко ты со норъ да со змѣиныихъ,
«Мы поѣдемъ-ко съ тобой да въ стольнё-Кіевъ градъ.
«За тобя-то ѣзжу да я страньствую
«Да й по дáлечу далéчу по чисты́мъ полямъ,
«Да хожу я по норамъ да по змѣиныимъ».
Говоритъ ёмý змѣинищо Горынищо:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не отдамъ тобѣ Забавушки Путятичной
— Безъ бою безъ драки кроволитія.
— А у насъ-то съ тóбой записи написаны
— Да у тою ли у славною Пучай-рѣки,
— Не съѣзжаться бъ намъ въ роздольицѣ чистóмъ поли,
— Намъ не дѣлать бóю драки кроволитія
— Да промéжъ собой бы намъ великаго.
— Ты пріѣхалъ ко горамъ да сорочинскіемъ,
— Потопталъ ты малыихъ змѣёнышовъ,
— Выпущаешь полонá отсюль расейскіи,
— Увезти хотúшь Забавушку Путятичну. —

Digitized by Google

Говорилъ-то ёй молоденькой Добрынюшка:
«Ай же ты змѣинищо проклятая!
«А й когда ты полетѣла отъ Пучай-рѣки,
«Да зачимъ жо ты летѣла черезъ Кіевъ градъ?
«Да почто же ты къ сырой земли припáдала?
«Да почто же унесла у насъ Забавушку Путятичну?»
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за нёй бралъ ю перстни за злаченыи,
Да повелъ-то ю изъ норъ онъ изъ змѣиныихъ.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же полонá да вы расейскіи!
«Выходите-тко со норъ вы со змѣиныихъ,
«А й ступайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ».
Какъ пошли-то полонá этѣ расейскіи
А й со тыхъ со норъ да й со змѣиныихъ,
У нихъ сдѣлался да то и шумъ великъ.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Приходилъ Добрыня ко добрý коню,
А й садилъ-то ёнъ Забаву на добрá коня,
На добрá коня садилъ ю къ головы́ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головы́ лицёмъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнё-Кіевъ градъ.
Онъ пріѣхалъ къ князю на широкой дворъ,
Да й сходилъ Добрыня со добрá коня,
Опущаетъ онъ Забавушку Путятичну,
Да повелъ въ полаты въ бѣлокаменны,
Да онъ подалъ князю ю Владыміру
Во его во бѣлыи во ручушки.
А тутъ этоёй старинушки славý поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября.

Digitized by Google

80.

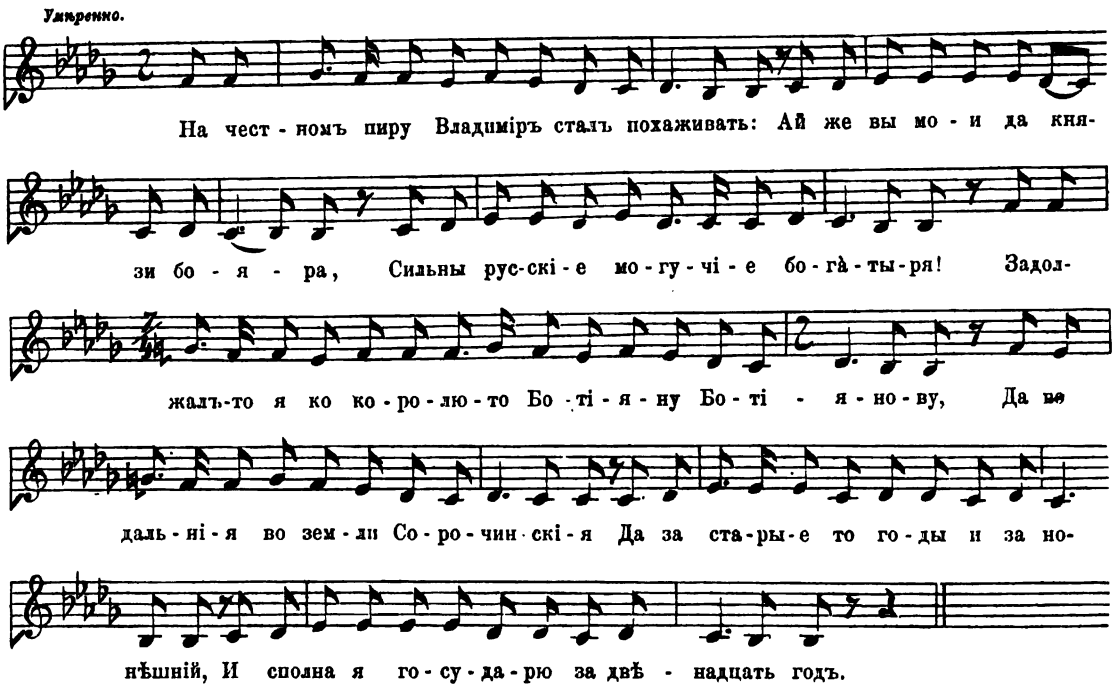
ДОБРЫНЯ И ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 27).

А Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьице
На многи́хъ князей да на всихъ бо́яровъ,
На всихъ сильнихъ русьскіихъ могучихъ на бога́тырей
А й на славныхъ поляницъ да на уда́лыихъ.
На честномъ пиру Владыміръ сталъ похаживать:
«Ай же вы мои да князи бо́яра,
«Сильни русьскіе могучіе бога́тыря!
«Задолжалъ-то я ко ко́ролю-то Ботіяну Ботіянову
«Да во тые дальніе во земли Сорочинскіе
«Да за старые-то годы и за нонѣшній,
«Исполна я государю за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною.
«Кого же мнѣ послать туды отвезти дани выходы
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною
«Къ королю-то къ Ботіяну Ботіянову,
«А двѣнадцать ле́бедей, двѣнадцать креченей,
«А 'ще грамоту да и повинную?»
Всѣ бога́тыря за столикомъ умолкнули,
Всѣ умолкнули и пріутихнули,
Какъ бога́тыри за столикомъ-то притулялися,
А большая-то тули́тся за середнюю,
А середня ту́лится за меньшую,
А отъ меньшоёй отъ ту́лицы отвѣту нѣтъ.
Изъ-за тыхъ ли-то за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ ли-то скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ да сынъ Ивановичъ,
Сталъ по горенкѣ ёнъ Пе́рминъ да похаживать
А Владыміру князю́ да сталъ ёнъ поговаривать:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!

Digitized by Google

2) Про Добрыню и Василія Казимірова (см. № 80, стр. 70).



Digitized by Google

Digitized by Google

— Бласлови-тко государь мнѣ сло́вце вымолвить.
— А 'ще знаю я кого послать поѣхати
— А й во дальнія-ты земли въ Сорочинскіи:
— Послать мо́лода Васильюшка Кази́мірова.
— Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
— Й отвезётъ ёнъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да й съ половиною. —
И тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Ёнъ скоренько шолъ да по столовой своей горенки,
Бралъ ёнъ чарочку да во бѣлы́ ручки,
Наливалъ-то чару зелена́ вина
Й онъ не малую стопу да й полтора ведра,
Розводилъ-то ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ Васильюшку къ Кази́мірову.
Мо́лодои-то Васильюшко Кази́міровъ
Енъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки
И бе́реть чарочку отъ князя во бѣлы́ руки,
Принялъ чарочку одной ручкой
И выпилъ чарочку однимъ духомъ,
И на ногахъ Васильюшко стои́тъ онъ, не пошáтнется,
И говоритъ-то онъ со княземъ, не мѣшается,
И спромолвилъ-то онъ князю-то Владыміру,
Говорилъ ёнъ князю таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Е́ще ѣду-то я въ земли-ты во дальни Сорочинскіи,
— А й везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай ты мнѣ-ка во товарищахъ
— Моёго́-то братца да крестоваго,
— А й моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Ёнъ идетъ-то по столовой сво́ей горенки,
Бе́ретъ чарочку Владыміръ во бѣлы́ ручки,
Налилъ чарочку Владыміръ зелена́ вина,

Digitized by Google

Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ-то онъ медамы всё стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ молóдому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Эту чарочку онъ бралъ да во бѣлы́ ручки
Й отъ того отъ князя отъ Владыміра,
Е́ще бралъ ёнъ чарочку одной ручкой
И выпивалъ ёнъ чарочку одны́мъ душкомъ.
На ногахъ стоитъ Добрыня, не пошáтнется,
Говоритъ онъ съ княземъ, не мѣшается:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Бласлови мнѣ государь словцё повымолвить.
— Ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ
— И везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай-ка намъ еще да во товарищахъ
— Моёго-то братца да крестоваго,
— Молодáго Иванушка Дубровича;
— А й ему-то вѣдь Иванушку коней сѣдлать,
— Да ёму Иванушку й розсѣдлывать,
— Е́му плети подавать да плети прúнимать. —
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Йдетъ по своёй онъ по столовоей по горенки,
Бéретъ чарочку Владыміръ во бѣлы́ ручки
Наливалъ ёнъ чару зелена́ вина,
А й не малую стопу да полтора ведра,
Подносилъ онъ ко Иванушку Дубровичу.
А й ставалъ Иванушко Дубровичъ на рѣзвы́ ножки,
Да онъ чарочку ту бралъ да во бѣлы́ ручки,
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку Иванушко однимъ душкомъ,
На ногахъ стоитъ Иванушко, да не пошáтнется,
Говоритъ Иванъ да не мѣшается:

Digitized by Google

— Ты Владиміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Бласлови-тко государь словцё повымолвить.
— Е́ще ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ,
— Съ молодымъ Добрынюшкой Микитинцемъ,
— Да везу я эти дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Молодой Иванушко Дубровичъ-отъ
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ.
Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
Сталъ по горенки Васильюшко похаживать,
Пословечно сталъ онъ князю выговаривать:
— Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Приноси-тко ты намъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— А двѣнадцать креченей, двѣнадцать лебедей,
— Насыпай-ко мисы чиста се́ребра,
— А й другіе мисы красна золота,
— Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
А й беретъ-то онъ скоренько золоты ключи,
Й онъ на погребы́ идетъ да на глубокіи,
То беретъ-то онъ двѣнадцать лебедей,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Насыпалъ-то первы мисы чиста се́ребра,
Да й другія мисы красна золота,
Третьи мисы насыпалъ онъ скатна жемчугу,
Приносилъ онъ во полату бѣлокаменну,
Подавалъ бога́тырямъ да святорусьскіимъ
Со своихъ-то онъ со бѣлыихъ со ручушекъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
Й оны Господу тутъ Богу помолилися,

Digitized by Google

На всѣ на три на четыре на сторонушки клонилися,
Да со всима молодцамы попростилися,
Да съ самы̀мъ они со княземъ со Владымі́ромъ,
Со Опраксіей да королевичной.
Выходили молодцы они съ полатъ да бѣлокаменныхъ,
Шли оны по граду-то по Кіеву,
О́ны думушку-то думали заобщую:
«Гдѣ намъ съѣхаться въ роздольицѣ въ чисто́мъ поли,
«На своихъ на добрыихъ коняхъ да богатырскіихъ?»
Говорилъ-то имъ Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же братьица мои крестовыи,
— Ай ты славная дружинушка хоробрая!
— То мы съѣдемся въ роздольици чисто́мъ поли
— Да у славнаго сыра дубà у Не́вида,
— Да й у славнаго у каменя у Латыря.
— Да й на тыхъ мы на дороженкахъ крестовыихъ. —
Тутъ пошли-то добры мо́лодцы въ свои полаты бѣлокаменны,
Оны стали добрыхъ конюшокъ засѣдлывать,
Да засѣдлывать добры́хъ коней улаживать.
Мо́лодой Добрынюшка Микитинецъ
Й онъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Со честна̀ пиру пришолъ-то да не весело.
Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое!
«Ты съ честна пиру̀ пришолъ да что не весело?
«То ли мѣ́стечко въ пиру было не по́ чину?
«Али чарою въ пиру тобя пріо́бнесли?
«Али пьяница дуракъ кто пріобгалился?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— А 'ще мѣсто-то въ пиру мнѣ было по́ чину,
— Меня чарою въ пиру да тамъ не о́бнесли
— А 'ще пьяница дуракъ мнѣ не обгалился.

Digitized by Google

— То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
— Наложилъ ёнъ слу́жобку великую
— И велику слу́жобку немалую:
— Отвести-то надо дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— Да й во дальніи во земли въ Сорочинскіи,
— Да во ту во саму во темну́ орду. —
Говорилъ-то ёнъ да сво́ёй ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— Да й безчастнаго споро́дила Добрынюшку:
— Е́ще лучше бы Добрынюшку споро́дила
— А й горючімъ да бѣлымъ камешкомъ,
— Завертѣла бы во тонкой бѣленькой рукавчичекъ,
— Подошла бы ты ко славному къ Кіянъ-морю,
— Бросила бы ты да этотъ камешокъ въ Кіянъ-море,
— Въ Окіянъ-море глубокое! —
Говорила тутъ Добрынѣ родна ма́тушка,
Говорила о́на да горько́ заплакала:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое,
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Если бъ знала надъ тобою я незгодушку,
«Еще этое бы знала безвреме́ньице великое,
«То не такъ бы я тобя Добрынюшку споро́дила:
«Я споро́дила бъ тобя да и Добрынюшку
«Возрастомъ-то въ стараго каза́ка Илью Муромца,
«То́бе силушкой Добрынюшку споро́дила
«Да й во славна Святогора во бога́тыря,
«Я бы смѣлостью Добрынюшку споро́дила
«Да й во славнаго бога́тыря въ Олешеньку Поповича,
«Красотою бы споро́дила Добрынюшку
«Да во славнаго-то князя во Владыміра!»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Говорилъ своёй онъ ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка

Digitized by Google

— Да й честна вдова Намельфа Тимофеевна,
— Дай прощеньицо мнѣ-ка благословленьицо,
— Дай на тыя вѣки нерушимыи! —
И тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Надѣвалъ онъ на себя одежицу дорогоцѣнную
И рубашечки манишечки шелкóвеньки,
Всю хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
А й на свой-то вышелъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Выводилъ онъ со конюшенки стоялоей
А на свой-тотъ вывелъ на широкой дворъ,
Сталъ добрá коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать добрá коня улаживать;
На добрá коня покладываетъ потничекъ,
А онъ потничкомъ да то клалъ войлочекъ
Да подъ потникомъ подпотничекъ шелкóвенькой,
На подпотничекъ сѣделышко черкасское,
И черкаское сѣделышко хорóшенько,
Да которое сѣделышко былò да изукрашено,
Дорогима-то шелками пообшúвано,
Да й червонымъ золотомъ обвúвано;
То онъ подпруги подтягивалъ шелкóвеньки,
Да й шпилечики онъ встягивалъ булатніи,
Пряжечки онъ пóлагалъ да красна золота,
А двѣнадцать подпруговъ подтя́галъ настоящіихъ,
Да й тринадцатой-тотъ подпругъ онъ покла́даетъ запасныи.
Говоритъ Добрынѣ рóдна матушка:
«Ой же свѣтъ моё чадó любимое.
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты покла́далъ на добрá коня да богатырскаго
«А двѣнадцать подпруговъ да настоящіихъ:

Digitized by Google

«Еще что же полагаешь ты тринадцатый-то подпругъ да запасныи?»

Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:

— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— Какъ я буду-то во да́лече дале́че во чисто́мъ поли
— Да во тою во земли во Сорочинскою,
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Наѣзжать буду́тъ ко мнѣ люди́ могучіи,
— И буду́тъ-то силушки моей отвѣдывать
— А й тѣснить-то будутъ во чисто́мъ поли:
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Похочу я съ нима попротивиться,
— Чтобы было мнѣ на что да понадѣяться,
— Чтобы доброй конь мой да и богатырскіи
— Съ-подъ сѣделышка да онъ не выскочилъ,
— И па кони сидѣлъ бы доброй мо́лодецъ, не старился. —

А й садится-то Добрыня на добра́ коня;
Говорила тутъ Добрынина-та матушка:
«Ай же свѣтъ моя любимая семеюшка,
«Молода Настасьюшка Микулична!
«Ты чего сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
«Надъ собою ли незгодушки не вѣдаёшь?
«Закатается-то наше красно солнышко
«Да за этыи за горы за высокіи
«Да й за этыи за лѣсушки за темныи,
«А й съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка́ двора.
«А й поди-тко ты скоренько на широкъ на дворъ,
«Да й зайди-тко ты Добрынюшкѣ съ бѣла́ лица,
«По́дойди къ него ко правому ко стремячкѣ,
«Говори-тко ты Добрынѣ не съ упадкою,
«Поспроси-тко у моло́даго Добрынюшки:
«Онъ дале́че ль ѣдетъ, куды путь держитъ?
«Скоро ждать велитъ намъ, когды до́жидать?
«Намъ когда й велитъ въ окошечко посматривать?»

Digitized by Google

Мóлода Настасьюшка Микулична
Какъ скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
И въ одной тонкóй рубашечкѣ безъ пояса
И въ одныхъ тонкúхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
То зашла она Добрынѣ со бѣлá личка,
Подошла къ него ко стремечки ко правому,
Да й ко правому ко стремечки къ булатнему,
И говорила-то Добрынѣ не съ упадкою:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты далéче ль ѣдешь, куды путь держишь?
«Скоро ль ждать велишь намъ, когда дóжидать?
«Намъ когда велишь въ окошечко посматривать?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же ты моя любимая семеюшка,
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Когда стала у меня про то выспрашивать,
— Я станý про то тебѣ высказывать:
— Перво шесть годовъ-то за собя пожди,
— Дрýго шесть годовъ такъ за меня пожди,
— Того времечки исполнится двѣнаддать годъ,
— Да й ходи-тко ты тогда во мой зеленой садъ,
— Ты посматривай-тко на сахáрне мое деревце:
— Если буде прилетать-то голубъ со голубушкой,
— Станетъ голубъ со голубушкой на деревцѣ прогуркивать,
— А что нѣтъ живá Добрынюшки Микитинца,
— А й побитъ Добрынюшка въ чистóмъ поли,
— Поропластаны его да груди бѣлыи,
— Да й повынято его сердцé со пéченей,
— Поотрублена́ ему буйна́ головушка,
— А й брошѐнъ Добрыня за ракитовъ кустъ.
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Да смотри ты на свой на широкій дворъ:
— Прибѣжитъ-то какъ мой добрый конь да богатырскіи

Digitized by Google

— А й на вашъ-то на вдовиной дворъ,
— А й тогда вы въ тую пору въ тое времечко
— Про меня тогда вы и узнаете,
— А что нѣтъ жива Добрынюшки Микитинца;
— А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди,
— Хоть за князя ты поди, хоть за боярина,
— Хоть за сильняго за русьскаго могучаго богатыря,
— Столько не ходи-тко замужъ за богатыря,
— За того Олешенку Поповича,
— А й за бабьяго да за насмѣшника, —
— А й Олеша-тотъ Поповичъ мнѣ названый братъ. —
На кони-то молодца да вид'ли сядучись,
Со двора его не видѣли поѣдучись.
Со двора онъ ѣхалъ не воротами,
Й онъ изъ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую.
Какъ онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю,
Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшкѣ
Попытать коня да й богатырскаго,
Поотвѣдать ёго силушку великую.
Да й беретъ онъ плёточку шелкову во бѣлы руки,
Да онъ билъ коня да по крутымъ ребрамъ,
По крутымъ ребрамъ ёнъ билъ да не жалухою,
А й со всёю своей силы съ богатырскою.
Его доброй конь да богатырскій
То пошолъ скакать да по чисту полю,
По цѣлой версты онъ да поскакивалъ,
По колѣнушку въ земельку ёнъ угрязывалъ,
Изъ земельки свои ноженьки выхватывалъ,
По сѣнной купны земелюшки вывертывалъ,
За три выстрѣлу онъ камешки откидывалъ.
Такъ не молвія въ чистомъ поли промолвила,
Да й проѣхалъ-то Добрыня на добромъ кони,
То вси травушки муравы оплетался,

Digitized by Google

Вси лазуревы цвѣточки осыпалися,
И мелкíи лѣсушки къ земли вси приклонялися.
Онъ-то ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
А й ко сы́рому ко дубу ёнъ ко Не́вину,
Къ тому славному ко каменю Олатырю;
Ёнъ наѣхалъ своихъ братьицевъ крестовыихъ.
И сходили молодци тутъ со добры́хъ коней,
Да й ходили-то пѣхотой по чисту́ полю,
Й оны думушку все думали-то крѣпкую,
Думушку-ту крѣпкую великую,
Что намъ дальняя дорожка не короткая;
Й они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскiихъ.
Они въ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дождитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Добры молодци дороженку коро́таютъ.
Оны ѣдутъ-то по славному роздольицу чисту́ полю,
Да й пріѣхали во земли Сорочинскiи,
Къ ко́ролю-то Ботеяну на широкой дворъ.
Съ до́брыхъ ко́ней молодци да й опустилися,
То не спустили до́брыхъ ко́ней на посыльной дворъ;
Молодой Василюшко Кази́міровъ
Онъ беретъ свое копье да муржамецкое,
Онъ спустилъ копье во матушку-то во сыру землю,
Во сыру́ землю спустилъ копье востры́мъ концемъ,
Добрыхъ ко́ней бы къ копью да онъ привязывалъ,
Никого-то къ добрымъ ко́нямъ не приказывалъ.
Пороздернули оны поло́тно бѣлое,
Насыпа́ли-то пшену да бѣлоярову
Своимъ добрымъ конямъ богатырскiимъ.
Да беретъ-то дани онъ подъ пазушку,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

Digitized by Google

Да еще онъ бе́ретъ грамоту повинную;
Брали о́ни мисы чиста се́ребра,
А й другія мисы брали съ краснымъ золотомъ,
Третьи мисы о́ни брали скатна жемчугу,
И пошли оны въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во полату въ бѣлокаменну,
Да й пошли-то во столовую во горенку.
Молодой Васильюшко Каси́міровъ
На пяту́ онъ идетъ, двери порозмахиватъ,
То они какъ Господу-то Богу помолилися,
Оны крест-отъ клали по писа́ному,
Да й вели поклоны по учёному,
На вси на три на четыре на сторонушки да низко кланялись,
Самому-то ко́ролю въ особину,
Еще всимъ его князьямъ да подколѣнныимъ.
Сталъ король у добрыихъ у мо́лодцевъ выспрашивать:
«Вы откулешни дородни добры молодци?
«Еще какъ-то мо́лодцевъ васъ именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ молодцевъ васъ по отечеству?»
Говорили мо́лодци да таковы слова:
— Есте мы со матушки святой Руси
— Да й отъ славнаго отъ князя отъ Владыміра,
— Привезли какъ къ то́би дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною.—
Полагать ли стали даней-тыхъ на зо́лотъ столъ,
Положили-то двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Положили первы мисы чиста се́ребра,
А й другія мисы красна золота,
Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
Положили грамоту повинную.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновичъ
Ёнъ садилъ-то ихъ за столикъ за дубовыи
Да й за тыя ли скамеечки окольніи,
То онъ не ѣствушкой кормилъ ихъ да саха́рнею

Digitized by Google

Да й не питьицемъ поилъ ихъ да медвянымъ,
Да онъ сталъ у добрыхъ мо́лодцевъ выспрашивать:
«Ай же вы удаленьки дородни добры мо̀лодци!
«Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«У нихъ есть ли та игра да и картежная,
«А играютъ ли оны да въ шашки шахматы
«Да й во славны во веле́и во нѣмецкіи?
«А 'еще кто изъ васъ гораздъ съиграть во шашки-ты во шахматы,
«Да во славны во веле́и въ нѣмецкіи?»
Говорилъ ему молоденькой Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же славныи коро́ль земли Литовскія!
— У меня всѣ игроки дома́ оставлены,
— Только есте у меня надѣюшка
— То на Спаса на Пречисту Богородицу,
— Да на сво́его на братца на крестоваго,
— На моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Приносили къ нимъ-то доску эту шашецну;
Какъ сыграли въ первый разъ да въ и́гру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ со тою со великой со горячности
Просмотрѣлъ одинъ да сту́пень шашечной,
Обыгралъ его король да вѣдь литовскіи
Ботіянъ да Ботіяновецъ,
Й онъ повыигралъ у мо̀лода Добрынюшки добра́ коня,
А й добра́ коня онъ богатырскаго.
А й подъ дру́гую игру они зало́ги-ты покла́дали,
А й король-отъ полагаетъ онъ великую безсчетну золоту казну,
А и молодой Добрынюшка Микитинецъ
Поло́жилъ залогомъ свою буйную головушку.
Какъ сыграли-то они да е́ще дру́гой разъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Digitized by Google

Тутъ онъ короля да и поббыгралъ.
Еще третей разъ сыграли йгру шашечну.
Говорилъ-то вѣдь король-тотъ Ботіянъ да Ботіяновецъ:
«Ай же славныи богáтыри вы святорусьскіи!
«Изъ васъ кто-то есть гораздъ стрѣлять изъ луку изъ розрывчата
«И пропýщать тая стрѣлочка калéная
«По тому ли по острéю по ножовому
«Да во тóе во колечико серебряно,
«Чтобы стрѣлочка катилася калéная
«По тому катилася острéю по ножовому,
«На двѣ стороны она шла бы́ вѣсóмъ ровно
«И угодила бы въ колечико серебряно?»
Говорилъ Васильюшко Казúміровъ:
— Ай же кóроль Ботіянъ да Ботіяновецъ!
— Я не зналъ твоёй утѣхи королевскою,
— Да своёй не зналъ ухватки богатырскою.
— У меня всѣ стрѣльцы-ты домá оставлены,
— У меня столько надѣюшка
— Что на Спаса на пречисту Богородицу,
— Да на своего на братца на крестоваго
— Да на мóлода Добрынюшку Микитинца. —
Говорилъ король своимъ онъ слýгамъ вѣрнымъ:
«Ай же вы мои да слуги вѣрныя!
«Вы подите-ко на погребъ на глубокія,
«А й несите-тко мой королевской лукъ,
«Да й подайте-тко богáтырю да святорусьскому
«А й молóдому Добрынюшкѣ Микитинцу».
И пошли его да слуги вѣрныя,
На него-то шли на погребъ на глубокіи,
А й несутъ они да королевской лукъ,
А и три ихъ четырé татарина,
Подносили-то къ молóдому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Digitized by Google

А й беретъ онъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Сталъ онъ стрѣлочекъ Добрынюшка накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
И сталъ ту́гой лукъ розрывчатый полапывать,
А й поро́зорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
Говорилъ-то тутъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— А й твое-то есте дря́нное лученочко пометное,
— Да не и́зъ чего бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то мнѣ-ка стрѣлочку каленую
— По тому острію по ножовому
— Да й во тое во колечико серебряно. —
Говорилъ король онъ таковы слова:
«Ай же вы да слуги мои вѣрныи!
«Вы ступайте-тко на мо́и на глубокъ погребъ,
«Да двѣнадцать вы бога́тырей могучіихъ,
«И неси-тко мой вы самолучшій лукъ,
«Самолучшій лукъ вы королевскіи».
Какъ идетъ туда дружина королевская,
Да двѣнадцать молодцёвъ да все бога́тырей,
И несутъ они да королевской лукъ,
Да й подносятъ ко моло́ду ко Добрынюшкѣ.
Молодои-то Добрынюшка Микитиницъ
Берѣтъ-то онъ ихъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Какъ-то сталъ Добрыня стрѣлочекъ накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
Да и шелковы тетивочки-ты стали всѣ полапывать,
А й порозорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
И говорилъ-то какъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— Твое дря́нное лученочко пометное,
— Да не изъ чего́ бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то этой стрѣлочки каленыи
— По тому остре́ю по ножовому,

Digitized by Google

— Да й во то въ колечико серебряно.—
Говоритъ-то тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
— Ай же братецъ мой крестовыи,
— Молодой Иванушко Дубровичу *(такъ)!*
— А й поди-ко ты на славной на широкой дворъ
— Къ моему коню да къ богатырскому,
— Моего коня ты уговаривай,
— По́ди-тко ты къ правому ко стремени булатнему,
— Отстени мой ту́гой лукъ розрывчатой,
— Да й неси-тко во полату бѣлокаменну
— Мое дря́нное лученышко завозное. —
Какъ идетъ Иванъ Дубровицъ на широкъ на дворъ,
Ко добру́ коню онъ шолъ да ко Добрынину,
Сталъ добра́ коня онъ уговаривать,
Шолъ ко правому онъ стремени къ булатнему,
Отстянулъ-то онъ и ту́гой лукъ розрывчатой,
Енъ понесъ-то во полату бѣлокаменну.
У того моло́даго Добрынюшки Микитинца
Во тоемъ луку да во розрывчатомъ,
Во томъ ли-то да въ тупомъ концу,
Были сдѣланы гуселышка яровчаты,
Да не для-ради́ красы онъ сдѣлалъ для угожества,
А то для-ради́ потѣхи молодецкою;
Такъ понесъ Иванъ Дубровичъ этотъ ту́гой лукъ,
Этотъ ту́гой лукъ понесъ да и розрывчатой,
Да й во славны во полаты бѣлокаменны,
И заигралъ ёнъ во гуселышка въ яровчаты.
Тутъ всѣ татара той игры розслухались,
И не слыхали-то игры такой на се́мъ свѣти.
Подносилъ-то ёнъ вѣдь ту́гой лукъ розрывчатой
Да ко своему ко братцу ко крестовому
Да й ко мо́лоду къ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой

Digitized by Google

И во свои беретъ во бѣлыя во ручушки,
Становился-то й Добрыня на рѣзвы́ ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Й онъ три разъ стрѣлялъ Добрынюшка Микитиницъ
По тому онъ по острію по ножовому,
Угодилъ три разъ въ колечико серебряно.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновецъ
Становился-то онъ супротивъ колечика серебряна,
А онъ бралъ-то свой-отъ ту́гой лукъ розрывчатой,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́вую,
Да спустилъ эту́ тетивочку шелко́вую
Да во эту ёнъ во стрѣлочку каленую.
Первой разъ-то стрѣлилъ, енъ пере́стрѣлилъ,
А й другой разъ стрѣлилъ, такъ не до́стрѣлилъ,
Третій разъ-то какъ онъ стрѣлилъ, такъ попасть не могъ.
Королю-то это дѣло не слюбилося,
Не слюбилось это дѣло, не въ люби́ пришло,
Говоритъ король-отъ таковы слова:
«Ай же славныя бога́тырь святорусьскія!
«Кто изъ васъ естѐ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
«Выходите-тко на мой вы на широкой дворъ,
«Вы съ татарама моими поборитеся,
«У нихъ силушки великой пріотвѣдайте.»
А й Васильюшко Кази́міровъ
Говорилъ ёнъ таковы слова:
— Ай же ко́роль ты Ботьянъ да Ботіяновичъ!
— У меня что есть борцёвъ дома́ оставлены,
— У меня столько́ надѣюшка
— Что на Спаса на Пречисту Богородицу
— Да й на сво́его на братца на крестоваго,
— Да й на мо́лода Добрынюшку Микитинца. —
Молодои-то Добрынюшка Микитиницъ
А й пошолъ бороться на широкой дворъ,

Digitized by Google

Пóшелъ силушки великой у татаръ да поотвѣдати.
А й король-тотъ Ботіянъ да й Ботіяновичъ,
Молодой Васильюшка Казíміровъ
Съ молодымъ Иванушкомъ Дубровицемъ
Выходили на балконъ на королевскіи
А смотрѣть-то на борьбу на богатырскую.
Еще вышелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Да сталъ по двору Добрынюшка похаживать,
На татаръ Добрыня сталъ посматривать.
А й стоятъ татара на него на широкóмъ дворѣ,
Во плечахъ-то у татаръ есть велика сажень,
А й между глазами у татаръ есть велика пядень,
А й головушки на плéчахъ какъ пивной котелъ.
Й они стали-то татара по двору похаживать,
Стали мóлода Добрынюшку поталкивать.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
А онъ сталъ татаръ да оттолыкивать,
Й оттолыкивать онъ сталъ татаръ, попинывать,
Сталъ ёнъ пó двору татаръ да и покидывать;
А й пошло-то ко Добрынюшкѣ татаръ къ нему десятками.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Еще видитъ дѣло ёнъ великое,
Воскрычалъ-то вѣдь Добрыня жалкимъ голосомъ,
Жалкимъ голосомъ крычалъ онъ во всю голову:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Славныи вы русьскіе могучіе богáтыря!
«Да й побьютъ-те насъ татары во темнóй орды,
«Положить намъ будетъ здѣсь буйны головушки,
«Не бывать намъ больше на святой Руси,
«Не видать намъ будетъ больше града Кіева,
«Не видать намъ князя-то Владыміра,
«Не видать Опраксіи намъ королевичной».
Отворились тутъ ворота на широкой дворъ,
И пошло оттуль да силушки чернымъ чернó.

Digitized by Google

Й у того ли у молóдаго Добрынюшки
Не случилося ничто-то быть во бѣлыхъ ручушкахъ,
Ему нечѣмъ-то съ татарами да й попротивиться.
Енъ хватилъ татарина-то за ноги,
Такъ онъ сталъ татариномъ помахивать,
А ёнъ сталъ татаръ да поколачивать,
А татаринъ-то вѣдь гнется да не ломится.
Молодой Иванушко Дубович-отъ
Выскочилъ съ балхону королевскаго,
А й бѣжалъ скоренько на широкой дворъ,
Да й схватилъ Иванушко телѣжну ось,
Да й онъ сталъ телѣжной осью-то помахивать,
Да й онъ сталъ татаръ-то поколачивать.
Они вышли со двора да изъ широкаго
Да й на тотъ на городъ королевскіи,
Й они стали бить-то силушку великую.
И куды идутъ они, такъ пáдетъ уличкой,
А й повéрнутся, такъ пáдетъ переулкамы.
Они билися тутъ цѣлыя-то суточки
Не ѣдаючись да й не пиваючись,
Да й побили ѳны силушку великую.
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же славный ты богáтырь святорусьскія,
— Мóлодой Васильюшко Казúміровъ!
— Ты на мой поди-тко да на славной градъ,
— Да й уйми-тко ты богáтырёй своихъ да святорусьскіихъ,
— Чтобъ оставили мнѣ силы на посѣмена!
— Получайте-тко вы дани себѣ выходы
— И за старыя за годы и за нынѣшній,
— Да и зá вси вы за времена да й за досюлешни,
— Исполна-то государю за двѣнадцать годъ, —
Молодой Васильюшко Казúміровъ
Ёнъ скорешенько идетъ да на широкъ на дворъ,
Ёнъ садился-то Василій на добрá коня,

Digitized by Google

Выѣзжалъ-то какъ Василій на великой градъ,
Енъ поѣхалъ-то по славному по городу
На своемъ добро́мъ конѣ на богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то онъ братьицевъ крестовыихъ;
Онъ подъѣхалъ-то къ моло́дому къ Добрынюшки,
Налагалъ-то онъ свои да храпы крѣпкіи
А и на него на плечка на могучіи,
И говорилъ ему Василій таковы слова:
— Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
— А сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
— А й оставь-ко мнѣ хоть пообѣдати,
— Да уйми-тко е́ще братца-то крестоваго,
— Мо́лода Иванушка Дубровича,
— И пойдемте-тко въ полаты бѣлокаменны
— Къ королю-то ко Ботеяну къ Ботеянову,
— Получать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ. —
Шли-то какъ они да на широкъ на дворъ,
Да й прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать ле́бедей, двѣнадцать креченей,
И принесъ къ нимъ грамоту повинную,
Да й принесъ имъ первы мисы чиста се́ребра,
Имъ принесъ другія мисы красна золота,
Третьи мисы приносилъ енъ скатна жемчуга;
Далъ имъ грамоту да ёнъ повинную,
А й платить-то надо дани выходы,
Платить-то славному-то князю и Владыміру,
Да й платить-то надобно вѣкъ по́ вѣку.
Выходили мо́лодци да на ши́рокъ на дворъ,
Садились мо́лодци-то й на добры́хъ коней,
Й оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
И еще день за́ день быдто дождь дожжитъ,
Да недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
Е́ны́ ѣдутъ въ день по красному по солнышку,

Digitized by Google

Ены въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ены вскорѣ добры молодни дороженьку коротали,
Они скоро ѣхали чистымъ полемъ,
Пріѣзжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славноёму каменю къ Олатырю.
А со тою со пути а со дороженьки
Похотѣлось отдохнуть имъ добрымъ молодцамъ;
Пороздернули оны да шатры бѣлыи,
Они хлѣба соли-то покушали,
И они легли-то спать да й проклаждатися.
Тамъ на тую пору на то времячко
Прилетаетъ голубъ со голубкою,
Да й садится голубъ ёнъ на сырой дубъ,
На сыромъ дубѣ сталъ голубъ со голубушкой прогуркивать:
«Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
«Во шатрѣ ты спишь да проклажаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь.
«А й твоя-то молода жена Настасья-то Микулична
«А й замужъ идетъ да й за богатыря,
«Да й за славнаго Олешу за Поповича».
Молодои-то Добрынюшка Микитиничъ
Онъ скорешенько скочилъ-то на рѣзвы ножки,
И скорешенько сѣдлалъ добра коня,
И скоренько-то садился на добра коня,
Скоро ѣхалъ онъ роздольицемъ чистымъ полемъ
Да во тотъ-то славный стольній Кіевъ градъ.
Да й пріѣхалъ-то Добрынюшка Микитинецъ
На свой славный на широкъ на дворъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго
Ко тому къ крылечику къ переному,
Пристянулъ-то ёго поводомъ шелковымъ
Да къ тому колечику къ серебряну,
А онъ самъ идетъ въ полату бѣлокаменну,
Да й прошолъ въ свою въ столовую во горенку,

Digitized by Google

Й усмотрѣлъ-то ёнъ свою-то рóдну матушку;
А й сидитъ-то ёго матушка не весело,
Она ронитъ-то свои да горючи́ слёзы.
Ёнъ-то матушкѣ Добрынюшка поклонъ принесъ:
— Ай же свѣтъ честна́ вдова Намельфа Тимофеевна!
— А я отъ Добрынюшки съ чиста́ поля поклонъ привезъ.
— Мы съ Добрынюшкой вчерась да порозъѣхались,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А меня послалъ онъ къ стольнё-Кіеву,
— А й къ тоби вѣдь онъ зайти велѣлъ да на широкой дворъ
— Да й сходить къ тоби въ полаты бѣлокаменны,
— Да й велѣлъ тоби сходить на пóгребы глубокіи,
— Принести велѣлъ со погребá лапотики шелковеньки,
— Да велѣлъ-то принести еще-то платьице да скоморовчато,
— Да и принести велѣлъ гуселышки яровчаты,
— Да въ кои́ гуселышки-то съ мóлоду Добрынюшка поигрывалъ;
— Да й велѣлъ сходить Добрыня на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да сходить велѣлъ ко князю ко Олешеньку къ Поповичу
— Да ко тоёй ко княгинѣ ко молóдоей,
— Ко Настасьюшкѣ да й ко Микуличной. —
Говорила-то ему вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Надо мною тёбѣ просто надсмѣхатися
«И надъ моимъ-то вѣдь дворомъ да надъ вдовиныимъ.
«Если былъ бы живъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
«Не дошло бъ тебѣ смѣяться нáдо мной
«Да надъ моимъ дворомъ да надъ вдовиныимъ».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Передъ нёй стоитъ, самъ низко кланяётся:
— Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чистóмъ полѣ,

Digitized by Google

— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́выи,
— Принести-то ве́лѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка̀ сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ той княгины ко моло́доей,
— Къ той Настасьѣ да Микуличной. —
Говорила-то вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Во глазахъ собака насмѣхаешься,
«Во глазахъ собака подлыгаешься!
«Еслѝ бъ была бы эта славушка да й на святой Руси,
«А что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
«Не дошло бы-то смѣяться надъ моимъ-то на́дъ дворомъ,
«Надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ».
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Поскорешеньку онъ ей поклонъ отнесъ:
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались,
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чисто́мъ полѣ,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкъ на дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́выи,

Digitized by Google

— Принести-то вѣлѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-кà сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ молодой княгинѣ ко Настасьѣ ко Микуличной. —
Да честна вдова Намельфа Тимофеевна
Да и горько она да и заплакала,
И говорила-то вдова да таковы слова:
«Не узналъ-то свя́тымъ Духомъ вѣдь мужище деревенщина,
«Не узналъ ёнъ про лапо́тики Добрынины,
«Не узналъ-то ёнъ про платье скоморовчато,
«Не узналъ-то про гуселышки яровчаты».
Ёна брала-то скоренько золоты ключи,
Шла скорешенько на погребъ на глубокіи,
Да и приносила-то лапотики шелко́выи,
Приносила платьё скоморовчато,
Приносила-то гуселышка яровчаты,
Подавала мужичищу деревенщинѣ.
Говорилъ-то мужичищо деревенщина:
— Ты честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Вмѣ́стяхъ мы росли съ молоденькимъ Добрынюшкомъ,
— Вмѣ́стяхъ грамотѣ учились,
— Ѣли мы съ Добрыней по однакому
— И намъ одежища съ Добрынюшкой-то ладилась. —
Какъ-то сталъ мужичищо деревенщина,
Енъ обулъ лапотики шелковыи
Да й надѣлъ-то вѣдь онъ платье скоморовчато,
Во бѣлы́ ручкѝ гуселка бралъ яровчаты, —
Да й лапотики на ноженки Добрынюшкѣ поладились,
Ему платьице-то скоморовчато
На собя Добрынюшкѣ поладилось.
Такъ вошолъ-то какъ Добрыня на почестенъ пиръ,
Тамъ придверники стоятъ да приворотники,

Digitized by Google

Тамъ не стали допущать-то какъ Добрынюшку,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
А й онъ сталъ придверниковъ отпихивать,
Приворотниковъ онъ сталъ да оттолыкивать,
Онъ вошолъ-то во полату бѣлокаменну,
Проходилъ ёнъ во столовую во горенку;
Тамъ приходятъ-то ко князю ко Владыміру,
Да приносятъ къ нёму жалобу великую:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Какъ пришолъ-то скоморохъ къ намъ на почестенъ пиръ,
«Енъ придверниковъ розбилъ всихъ приворотниковъ,
«Безъ докладу ёнъ зашолъ сюда въ полаты бѣлокаменны».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
По столовой онъ по горенкѣ похаживатъ,
То онъ князю-то Владыміру да поговаривать:
— Ай Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— А 'ще гди у васъ сидятъ-то скоморохи на честно́мъ пиру?
— Прикажи-тко изобрать мнѣ-кà мѣстечко на честно́мъ пиру,
— Прикажи-тко ты Владыміръ мнѣ игру играть,
— Йгру йграть во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ-ка самого князя̀ Владыміра,
— Воспотѣшить мнѣ-ка кня́зя да Олешеньку Поповича,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-та моло́дая,
— А й княгина-та Настасья да Микулична. —
Говорилъ-то какъ моло́дому Добрынюшкѣ,
Говорилъ-то ёму Владыміръ князь:
«Ай же молодой ты скоморошина!
«Ты поди садись-ко по́близко той печеньки кирпичною,
«А играй игру въ гуселка во яровчаты,
«Воспотѣшь-ка самого князе Владыміра,
«Воспотѣшь-ко князя-то Олешеньку Поповича,
«Воспотѣшь-ко ты княгину-то моло́дую,
«Мо́лоду Настасьюшку Микуличну».
Какъ садился-то молоденькой Добрынюшка

Digitized by Google

Близко печки сѣлъ близкò кирпичною,
Бралъ гуселышка Добрынюшка въ бѣлы́ ручки,
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка,
Онъ игру играетъ все хорошеньку,
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-града,
Изъ Царя-града до Еросóлиму,
Съ Еросóлиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще вси-то скоморохи пріумолкнули,
Еще вси-то игроки-то порозслу́хались,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣти;
Самому князю́ Владыміру ему игра слюбилася.
Какъ ставалъ-то князь Владыміръ на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Разводилъ-то онъ медами все стоялыма;
Самъ Владыміръ князь-отъ стольне-кіевской
Подносилъ-то эту чару зелена́ вина
Ко тому онъ къ молодому скоморошинѣ.
Молодой да скоморошина
Енъ скорёшенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Бе́ретъ чарочку-ту онъ да во бѣлы́ ручки,
Принимаетъ чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ;
Подаетъ-то на́задъ князю онъ Владыміру,
Понизешенько Владыміру онъ кланялся:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Отъ васъ выпилъ-то я чару зелена́ вина,
— Мнѣ позволь еще сыграть-то во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить князя мнѣ Олешеньку Поповича. —
А й позволилъ-то ему Владыміръ князь
А играть игру въ гуселышка яровчаты,
Воспотѣшить князя-то Олешеньку Поповича.
Й онъ садился близко печеньки кирпичныя,

Digitized by Google

И заигралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Игралъ-то вѣдь игру онъ все хорошеньку
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-градя,
Изъ Царя-града до Еросо́лиму,
Съ Еросолиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще всѣ-то игроки-то поро́зслухались,
Молодые скоморохи пріумолкнули,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣтѣ.
Такъ игра эта̀ Владыміру слюбилася,
Говорилъ Владыміръ таковы слова
А й тому князю̀ Олешенькѣ Поповичу:
«Ай ставай-ко ты Олеша на рѣзвы́ ноги,
«А бери-тко чару во бѣлы́ руки,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Да й не малую стопу да полтора ведра,
«И розводи медами все стоялыма,
«Поднеси-тко къ молодому скоморошинѣ».
А й ставалъ Олешенька Поповичъ на рѣзвы́ ноги
А бралъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Подносилъ-то къ молодому скоморошинѣ
А й ставалъ-то скоморохъ да на рѣзны́ ножки
А онъ чарочку-то бралъ въ бѣлы́ руки
Отъ того-то отъ Олешеньки Поповича,
Принималъ онъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ онъ чарочку однѣмъ духомъ.
Енъ садился-то на мѣсто скоморовское,
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А позволь играть въ гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-то моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична. —
Тутъ онъ бралъ гуселышка яровчаты въ бѣлы́ руки,
А игру игралъ да онъ хорошую,

Digitized by Google

Онъ наигрыши выигрывалъ хорошенько,
А изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царя-града до Еросо́лима,
Съ Еросолима ко той къ землѣ да къ Сорочинскоей.
То весьма этѝ наигрыши Владыміру слюбилися.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольне-кіевской:
«Ай же ты моло́дой скоморошина!
«Подходи-тко ко столу да княженецкому,
«А й садись-ко съ намы за единой столъ:
«Перво мѣ́стечко тоби да есть подли́ меня,
«Дру́го мѣ́стечко подли князя̀ Олешеньки Поповича,
«Третье мѣ́стечко избирай-ко со̀би по́люби».
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— А й то не́ любо мнѣ мѣ́стечко подли́ тобя,
— А то не любо мнѣ мѣ́стечко подли́ князя
— А подли князя́ Олешеньки Поповича,
— Любо мѣ́стечко мнѣ супротивъ княгины-той моло́доей,
— Супротивъ Настасьюшки Микуличной. —
Какъ садился скоморохъ съ нимъ за единый столъ,
Супротивъ княгини сѣлъ моло́доёй,
Супротивъ Настасьюшки Микуличной.
Говорилъ-то скоморох-отъ таковы слова:
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Выпилъ рюмочку отъ князя я Владыміра,
— А й позволь-ко на́лить рюмочку мнѣ зелена́ вина,
— Поднести мнѣ да ко князю ко Владыміру. —
Какъ ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ-то рюмочку онъ зелена́ вина,
То не малу онъ стопу да полтора ведра,
И розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
Приносилъ ко князю ко Владыміру.
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской,
Онъ ставалъ скоренько на рѣзвы́ ножки,

Digitized by Google

А онъ бралъ ту рюмочку одной рукой,
Выпилъ рюмочку Владыміръ единымъ духомъ.
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— На́лилъ-то я рюмочку какъ князю-то Владыміру,
— Позволь по́днести мнѣ еще рюмочку
— А тому князю́ Олешеньки Поповичу. —
Наливалъ-то какъ онъ чару зелена́ вина,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Подносилъ князю́ Олешеньки Поповичу.
А й ставалъ Олеша на рѣзвы́ ножки,
Принялъ чарочку Олеша во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то чарочку Олешенька одной ручкой,
Выпилъ чарочку Олешенька однимъ духомъ.
Скоморохъ имъ говорилъ да таковы слова:
— А Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— По́зволь чарочку налить мнѣ зелена́ вина,
— Поднести княгинюшкѣ моло́доей,
— А той ли Настасьюшкѣ Микуличной. —
То онъ бралъ какъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Онъ спустилъ туда онъ свой злаченъ перстень,
Въ эту спустилъ во чарочку,
Подносилъ онъ ко Настасьюшкѣ Микуличной,
Говорилъ-то ёй онъ таковы слова:
— Ай же ты княгина да моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична!
— Испей чарочку отъ насъ ты зелена́ вина. —
Молода Настасьюшка Микулична
То скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Эту брала чарочку въ бѣлы́ ручки,
Подносила ко устамъ своимъ саха́рніимъ.

Digitized by Google

Говорилъ ей скоморохъ да таковы слова:
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Если хошь добра, такъ ты пей до дна. —
Молода Настасьюшка Микулична
Она женщина была не глупая,
Она пила-то вѣдь чарочку до донышка,
А ко нёю ко устамъ да ко сахарніимъ
Прикатился къ ней да тутъ злаченъ перстень;
Она стря́хнетъ этотъ перстень на дубовый столъ,
И смотрѣла-то на этотъ на злаченъ перстень,
Да которымъ о́на перстнемъ обручалася
Да во матушкѣ да во Божьёй церквы;
Положила она чарочку на зо́лотъ столъ
Й оперлась о нёго плечка о могучіи,
Да й скочила-то Настасья черезъ золотъ столъ,
Говорила-то она да й таковы слова:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«А й у бабы волосъ дологъ, умъ коро́ткою *(такъ)*:
«Не послушала твоёго наказу богатырскаго,
«Я пошла заму́жъ за славнаго бога́тыря,
«За того Олешеньку Поповича».
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько встаетъ да й на рѣзвы́ ножки,
Да й беретъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ онъ Олешу о кирпичной мостъ,
Да онъ выдернулъ шалыгу подорожную,
Сталъ шалыгою Олешеньку охаживать,
Говорилъ-то вѣдь Добрыня таковы слова:
— Ай же хошь ты у жива́ мужа жену отнять? —
Заступать-то сталъ да и Владыміръ князь
За того онъ за Олешеньку Поповича:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Да й прости-тко насъ во этой глупости».

Digitized by Google

Говорилъ молоденькой Добрынюшка:
— Ай ты славныи Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— Да ты самъ ходилъ Настасью сватати,
— А й Опраксія ходила она свахою.
— Ты свою-то жóну гложешь, еще самъ скребешь,
— А й чужую жóну ты замýжъ даешь. —
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А й беретъ-то ёнъ Настасьюшку Микуличну
А за ней ли-то за рученьки за бѣлыи,
То за нёй беретъ за перстни за злаченыи,
А повёлъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Во свою привелъ столову ю во горенку;
Стали жить-то быть да вѣкъ любовь творить.

Записано тамъ же, 7 іюля; повѣрено въ Петербургѣ, 26 ноября.

81.

ДУНАЙ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 31).

А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бóяровъ,

---

1) Эта былина, какъ она записана при первой встрѣчѣ собирателя съ Рябининымъ въ Кижахъ и здѣсь напечатана, представляетъ размѣръ, который можно назвать дактилическимъ. Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ ее нѣсколько иначе, растягивая стихи и придавая имъ, посредствомъ вставочныхъ частицъ и удлиненія нѣкоторыхъ словъ, обыкновенный размѣръ другихъ былинъ — размѣръ хореическій. На вопросъ о причинѣ этого Рябининъ отвѣчалъ, что отъ утомленія онъ не можетъ попасть на настоящій «голосъ» этой былины, который для него теперь сталъ слишкомъ труденъ, и потому перемѣнилъ ея складъ на болѣе легкій. На предложеніе собирателя записать былину во второй разъ, какъ онъ ее сталъ пѣть въ Петербургѣ, Рябининъ отвѣчалъ просьбою этого не дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ былина о Дунаѣ явилась бы не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Digitized by Google

Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то мóлодци на честнóмъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны веселы;
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры мóлодци поженены,
«Красныи дѣвушки замýжъ даны,
«Столько я одинъ хожу холóстъ не жененой:
«То вы знаете ль мнѣ, братци, супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротивъ меня,
«Очушки у нёй бы ясныхъ соколовъ,
«Бровушки у ней бы черныхъ сóболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,
«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ коротáти,
«А 'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися?»
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодцú да пріутихнули,
За столомъ-то сидятъ затулялися;
Бóльшая тулится къ середнюю,
Середняя тулится за меньшую,
А отъ меньшой тулицы отвѣту нѣтъ.
Зъ-за того̀ за столичка дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
Понизешеньку князю поклоняется:
— Ты Владыміръ князь и стольнё-кіевской!
— Бласлови-ко государь мни словце вымолвить.
— А 'ще знаю я тоби супротивничку:
— Личушкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки у нёй ясныхъ соколовъ,

Digitized by Google

— Бровушки у ней черныхъ со́болей,
— А походочкой она лани бѣлыя,
— Она бѣлыя лани напольскія,
— А напольской лани златорогою;
— Тоби буде съ кимъ жить, вѣкъ коро́тати,
— Намъ молодцамъ будетъ-то кому поклонятися.
— А во той ли во славной въ хоробро́й Литвы,
— У того ли-то у короля Литовскаго [1]),
— Есть прекрасна дочь Опраксья королевична,
— Да й сидитъ она во тереми въ златомъ верху;
— На́ ню красное солнышко не о́бпекетъ,
— Буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
— Многіи люди не обгалятся [2]).
— Есть-то у ко́роля дру́га дочь,
— Дру́га дочь Настасья королевична;
— Она ѣздитъ во чисто́мъ поли, полякуетъ,
— Сильнё поляничищо уда́лое. —
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
«Ай же мои кня́зи бо́яра,
«Сильніи русьскіи могучіи бога́тыря,
«Славны поляници вси удалыи!
«Мни кого-то послать изъ васъ-то посвататься,
«За меня за князя Владыміра,
«У того ли-то у короля Литовскаго
«На прекрасной на Опраксьи королевичной?»
Всѣ за столомъ сидятъ умолкнули,
Всѣ молодци пріутихнули.
Старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
А по горенкѣ Перми́нъ ёнъ похаживаетъ,
Пословечно князю ёнъ выговариваетъ:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!

1) Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ: «короля хоробровскаго».
2) Т. е. не посмѣются.

Digitized by Google

— Благослови мнѣ государь словцё молвити.
— А й то знаю я послать кого посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у ко́роля Литовскаго
— На прекрасной Опраксьи королевичной:
— Послать тихаго Дунаюшка Ивановича;
— Тихія Дунай во послахъ бывалъ,
— Тихія Дунай много зе́мель зналъ,
— Тихія Дунай говорить гораздъ.
— Да ёму-то Дунаюшку посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у короля Литовскаго
— На прекрасноей Опраксьи королевичной. —
Славныя Владыміръ стольно-кіевской
Скоро шолъ по горенкѣ столовыи,
Бралъ-то онъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ-то онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы стоялыма,
Подносилъ онъ-то ко тихому Дунаюшку,
Ко́ тому Дунаюшку Ивановичу;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Чару бралъ отъ князя во бѣлы́ ручки,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ-то онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ чарочку онъ князю Владыміру,
Понизенько онъ князю поклоняется:
«А Владыміръ ты князь стольнё-кіевской!
«Благослови мнѣ государь словцё вымолвить.
«Ѣду я посвататься за князя за Владыміра
«И у того у короля Литовскаго
«На прекрасной Опраксьи королевичной;
«Столько дай-ко ты мнѣ еще товарища,

Digitized by Google

«Мóлода Васильюшка Казúмірова».
А Владымíръ князь стольнё-кіевской
Онъ скорешенько бралъ чару во бѣлы́ ручки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Василью Казúмірову.
Молодой Василій Казúмировичъ
Онъ скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы́ ручки
Отъ того отъ князя Владымíра,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однымъ духомъ,
Подалъ онъ чарочку князю Владымíру,
Понизешенько Владымíру поклоняется:
— Ты Владымíръ князь стольнё-кіевской!
— Бласлови государь словцё вымолвить.
— Ѣду я съ Дунаюшкомъ посвататься
— За тобя за князя за Владымíра
— А й у славнаго у короля Литовскаго
— Прекрасную Опраксью королевичну;
— Дай-ко ещé намъ товарища,
— Моего-то братца крестоваго,
— А Васильюшка пáробка заморскаго:
— А ёмý-то Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему-то Васильюшку розсѣдлывать,
— А ему-то Васильюшку плети пóдавать,
— Ему плети пóдавать, ему плети прúнимать. —
Владымíръ князь стольнё-кіевской
Беретъ онъ чарочку во бѣлы́ руки,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Васильюшку ко паробку,

Digitized by Google

А къ Васильюшку къ паробку заморскому.
Становился Василей на рѣзвы́ ножки,
Бралъ-то онъ чару во бѣлы́ ручки,
Принялъ онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
А Владыміру-то князю поклоняется.
А пошли они съ полаты бѣлокаменны,
Выходили молодци они на Кіевъ градъ,
Шли въ свои полаты бѣлокаменныи,
А сѣдлали добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
А поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А во славную въ эту въ хоробру́ Литву.
А пріѣхали оны на широкъ на дворъ
Ко тому ли оны къ королю Литовскому.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А съ товарищемъ Василіемъ Кази́міровымъ
А пошли они въ полаты бѣлокаменныи,
А Васильюшко паробокъ заморскіій
Сталъ-то онъ по двору похаживать,
За собою сталъ добрыхъ коней поваживать.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Молодой Василей Кази́міровъ,
Какъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во столовую во горенку,
На пяту дверь порозма́хивали,
Они Господу Богу помолилися,
Били челомъ низко кла́нялися,
Самому-то ко́ролю они въ особину,
Всѣмъ-то князьямъ подколѣнныимъ.
Садилъ ихъ король за единой столъ,
А кормилъ-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
А поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Тихому Дунаюшку Ивановичу
Подносилъ къ нему чару зелена́ вина,

Digitized by Google

То не малую стопу — полтора ведра;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
А скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Онъ за этою за чарочкой посватался
У того у ко́роля Литовскаго
На ёго на дочери любимоёй,
На прекрасноёй Опраксы королевичной,
За своёго за́ князя Владыміра.
Го́ворилъ коро́ль таковы слова:
«Глупый князь Владыміръ стольнё-кіевской:
«Енъ не зналъ кого послать ко мнѣ посвататься,
«Изъ бояръ мнѣ-ка́ боярина богатаго,
«Изъ бога́тырей бога́тыря могучаго,
«Изъ крестьянъ мнѣ-ка́ крестьянина хорошаго,
«Онъ послалъ мнѣ-ка́ холопину дворянскую!
«Ай же мои слуги вѣрныи,
«Вы берите-тко Дуная за бѣлы́ ручки,
«Да й ведите-тко на погребъ холодныи,
«За нёго́ за рѣчи неумильніи».
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро-то онъ скочитъ черезъ зо́лотъ столъ,
А схватилъ ёнъ татарина за ноги,
Сталъ ёнъ татариномъ пома́хивати,
Сталъ бить татаръ, поколя́чивати,
А король-то по за́столью бѣгаётъ,
Куньею шубой укрывается.
Говоритъ король таковы слова:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А садись-ко со мной за единой столъ,
«Ѣшь-ко ты пей съ одной мисочки.
«Сдѣлаемъ съ тобою мы сва́товство
«Да на моёй ли на дочери любимою,

Digitized by Google

«На прекрасноей Опраксы королевичной,
«За того за князя Владыміра».
Гóворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же король ты Литовскіи!
— Еще не учёстовалъ молодцевъ пріѣдучись,
— Не ужаловать-то молодцевъ поѣдучись.
— Въ честь я Опраксію да королевичну
— Да возьму-то я за князя за Владыміра,
— А не въ честь я возьму за товарища
— За того Василюшка Казѝмірова. —
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро шолъ полатой бѣлокáменною,
Выходилъ-то Дунай на широкъ на дворъ,
Приходилъ ёнъ ко терему къ златѣмъ верхамъ,
Сталъ Дунаюшко замочиковъ отщáлкивать,
Сталъ Дунаюшко онъ дверцей выстáвливать,
Онъ приходитъ-то во теремъ во златы верхи;
По тому-то терему злату верху
А Опраксія королевична похáживаётъ
А въ одной тонкой рубашкѣ безъ пояса,
А въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса пороспущена.
Воспрогóворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же ты Опраксія королевична!
— А идешь ли ты зáмужъ за князя за Владыміра? —
Говоритъ ёму Опраксія королевична:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«Трѝ году я Господу молилася,
«Чтобъ попасть мнѣ-ка зáмужъ за князя за Владыміра»
Бралъ ёнъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ ю за перстни злаченыи,
Цѣловалъ въ уста во сахáрніи
А за нёй за рѣчи умильніи,
Выводилъ онъ ю со тéрема златыхъ верховъ,

Digitized by Google

Приводилъ ю Дунай на широкой дворъ,
А садилъ ю Дунай на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ къ головы́ хребтомъ,
Самъ Дунаюшко садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
А по славному роздолью чисту́ полю;
Ихъ достигла темна ночка въ чисто́мъ поли,
Они спать легли проклаждатися.
Говоритъ-то Дунаюшку Ивановичу
А прекрасная Опраксія королевична:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«У меня-то вѣдь есть сестра ро́дная,
«А Настасья есть королевична,
«Она сильня поляница и уда́лая,
«Она ѣзди во чисто́мъ поли, полякуетъ,
«Какъ наѣдетъ-то она ко бѣлы́мъ шатрамъ,
«Во бѣлы́хъ шатрахъ намъ живы́мъ не быва́ть».
Эта Настасья королевична
Узнала про сестрицу свою ро́дную,
Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
Не влюби у нихъ брали бога́тыри;
Она ѣхала въ погону по чисту́ полю,
А скакала на кони богатырскоемъ
Да по славну роздолью чисту́ полю;
По цѣлой версты конь поскакивалъ,
По колѣнъ онъ въ земелюшку угрязывалъ,
Онъ съ земелюшки ножки выхватывалъ,
По сѣнной купны онъ земелики вывертывалъ,
За три вы́стрѣлы камешки откидывалъ.
Не путёмъ она ѣдетъ не дороженкой,
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Проѣхала она да сестру ро́дную,
А проѣхала она и мимо Кіевъ градъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,

Digitized by Google

Садился Дунай на добры́хъ коней,
А садилъ ёнъ Опраксу королевичну
А Василью Кази́мірову да й на добра́ коня,
А садилъ-то ю къ головы хребтомъ,
А Васильюшко-то садился къ головы лицёмъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А послалъ съ нима па́робка любимаго,
Онъ того Василія заморскаго,
Отвести ю князю на широкой дворъ,
Отвести въ полаты бѣлокаменны
А подать-то ю князю во бѣлы́ ручки.
А самъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ поѣхалъ во роздолье чисто́ поле
Посмотрѣть на поляницу удалую,
А й на этую Настасью королевичну.
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
Они ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
На добры́хъ коняхъ на богатырскіихъ,
Ускоряли-то оны скоро-на́-скори,
Пріѣхали-то они въ стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ,
А скорешенько спустились со добры́хъ коней,
Опустили-то Опраксію королевичну
Со добра́ коня съ богатырскаго.
А повелъ-то ю Васильюшко Кази́міровъ
Во эту́ полату бѣлокаменную
Ко тому ко князю ко Владыміру,
Подалъ онъ ю во бѣлы́ ручки.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Ѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Енъ наѣхалъ поляницю во чисто́мъ поли,
Становилъ ёнъ поляницю супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:

Digitized by Google

— Ай же Настасья королевична!
— Я досталъ твою сестрицу родимую,
— А досталъ замужъ за князя Владыміра.
— Ты идёшь ли замужъ за Дунаюшка,
— За того за Дунаюшка Ивановича? —
Говорила Настасья королевична!
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
«Славныи богатырь святоруськіи!
«Если ты мной не ломаешься,
«Я иду это замужъ за Дунаюшка,
«За тобя Дунаюшка Ивановича».
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Пріѣхали они въ стольнё-Кіевъ градъ,
А пріѣхали ко матушкѣ къ Божьёй церквы;
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Повѣнчался ёнъ во матушкѣ въ Божьёй церквы
А со тою со Опраксой королевичной,
А й выходитъ ёнъ со Божьёй церквы;
Тихія Дунаюшко въ церкву пошолъ
Повѣнчатися съ сестрицей со другою,
А со тою съ Настасьей королевичной.
Во Божьёй церквы повѣнчалися,
Принимали-то оны золоты вѣнци,
Они заповѣдь великую покладали:
А что жить-то имъ быть, вѣкъ коротати.
Выходилъ-то Дунай со Божьёй церквы,
Приходилъ ёнъ ко князю ко Владыміру,
Сдѣлали оны тутъ почестенъ пиръ,
А й на всѣхъ-то князей на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ руськіихъ могучіихъ богатырей,
На всѣхъ славныихъ поляницъ на удалыихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру поросхвасталися.

Digitized by Google

Хвастаетъ бо́гатой золотой казной,
Золотой казной онъ безсчетною,
Щеголь хвастаетъ одежей дрогоцѣнною,
Сильній хвастаетъ-то силушкой великою,
И́ной хвастаетъ богатырь добры́мъ конемъ;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ выходитъ-то зъ-за столика дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеёкъ окольніихъ,
Отъ своей семеюшки любимоёй,
Отъ молодой отъ Настасьи королевичной,
Сталъ Дунаюшко по горенкѣ похаживати,
Пословечно Дунай выговаривати:
— Нѣтъ мене лучше молодця во всемъ Кіевѣ!
— А й никто не смѣлъ ѣхать посвататься
— Да й за славнаго за князя Владыміра
— На Опраксіи королевичной, —
— Самъ я женился и людей женилъ,
— Самъ я боецъ и удало́й молодѣцъ,
— А гораздъ-то стрѣлять я изъ луку изъ ту́гаго! —
Говорила Настасья королевична:
«Свѣтъ ты здержавушка любимая,
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А нечѣ́мъ-то вѣдь я да не ху́же тобя:
«Сила моя есть побо́льше твоёй,
«А ухваточка моя удалѣ́е тобя».
А Дунаюшку-то дѣло не слюбилося,
А молода жена перехвастала.
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же Настасья королевична!
— А ставай-ко ты на рѣзвы́ ножки,
— Поѣдемъ мы съ тобой во чисто́ поле,
— Востроты мы у́ другъ друга́ отвѣдаемъ. —
Вышелъ Дунай во чисто́ поле,
Положилъ ёнъ колечко серебряно

Digitized by Google

На свою на буйну головушку,
А й наставилъ ёнъ свой вострый ножъ,
Говорилъ ёнъ Настасьи королевичной:
— Ай же Настасья королевична!
— Отойди-тко отъ меня да за пятьсотъ шаговъ,
— Пропусти-тко эту стрѣлочку каленую
— По тому остре́ю по ножевому,
— Чтобы стрѣлочка катилась на двѣ стороны,
— На двѣ стороны катилась вѣсо́мъ равна
— И угодила бы въ колечко серебряное. —
Этая Настасья королевична
Она брала свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Налагала она стрѣлочку каленую,
Натягала она тетивочку шелко́веньку
А спущала въ эту стрѣлочку каленую;
Пропустила эту стрѣлочку каленую
По тому острію по ножевому,
Прокатилась эта стрѣлочка каленая
По тому острію на двѣ стороны вѣсо́мъ ровно,
Угодила во колечко серебряно.
Три́ разъ она Настасьюшка простре́лила
Изъ того изъ лука изъ розрывчата
По тому острею по ножевому,
Пропустила эту стрѣлочку каленую
Да й во то ли во колечко во серебряно.
Говорилъ-то ёнъ Дунай да таковы слова:
— Становись-ко ты Настасья супротивъ меня. —
Онъ покла́далъ ёй колечико серебряно
Да на нёй на буйную головушку,
Ёнъ наставилъ сво́ю ножъ булатнею *(такъ)*
И то отшѐлъ онъ отъ Настасьюшки пятьсотъ шаховъ.
То Настасья королевична молилася,
А й молилася она да й горько плакала:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ,

Digitized by Google

«Ты меня прости во женской глупости!
«А й по поясу вкопай меня въ сыру землю,
«А 'ще бей-ко ты меня да й по нагу́ тѣлу,
«А прости меня во глупости во женскою,
«Не стрѣляй-ко ты изъ луку изъ розрывчата,
«Не спущай-ко стрѣлочки каленыя
«По тому ты по остре́ю по ножовому
«Да й во то колечко во серебряно.
«А й теперь-то ты Дунаюшко хмѣльнёшенекъ,
«А й теперь Дунаюшко пьянешенекъ,
«А убьешь меня ту молоду жену,
«А й ты сдѣлашь двѣ головки безповинныихъ.
«У меня съ тобой во чревѣ есть чадо́ посѣяно,
«По колѣнкамъ у него есть ножки въ се́ребри,
«По локо́точкамъ ёго ручки въ красномъ золоти,
«А наза́ди у него пекетъ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
«Отъ ясны́хъ очей какъ будто лучъ пекетъ».
Ничего тому Дунай да не пытаючись,
Какъ бралъ ту́гой лукъ да свой розрывчатой,
Наложилъ-то стрѣлочку каленую,
Ёнъ спустилъ тетивочку шелковую.
Пролетѣла эта-стрѣлочка каленая
А й Настасьѣ королевичной да во бѣлы́ груди,
А й тутъ Настасьюшки славу́ поютъ.
При́шелъ тихія Дунаюшко Иванович,
Подошолъ онъ къ нёй да поросплакался.
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Роспласталъ онъ ёй да чрево женское,
Посмотрѣлъ-то какъ у нихъ чадо́ засѣяно:
По колѣночкамъ-то ножки въ се́ребри,
По локоточкамъ-то ручки въ красномъ золоти,
По косицамъ у него какъ звѣзды частыя,
Назаду-то него да какъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
Отъ очей-тыхъ отъ него какъ быдто лучъ пекетъ.

Digitized by Google

Да тутъ тихія Дунаюшко росплакался,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
— Ай по тыхъ поръ видно что Дунаюшко женатъ бывалъ!—
Становилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Говорилъ Дунай да таковы слова:
— Напередъ-то протекла рѣка Настасьина,
— А другáя протеки рѣка Дунаева! —
Становилъ свою онъ саблю вострую,
Да онъ палъ на саблю-ту на вострую,
Отрубилъ свою буйну́ю головушку.
Тутъ Дунаюшку съ Настасьюшкой славу́ поютъ,
Имъ славу́ поютъ да вѣки́ по́ вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

82.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 35).

Да й ходилъ-то мо́лодецъ да изъ орды въ орду,
Загулялъ-то моло́децъ да къ королю въ Литву.
А й король-отъ мо́лодца онъ любитъ жалуетъ,
Королевна мо́лодца ёна въ люби́ держитъ.
Да й ходилъ-то мо́лодецъ да поросхвастался:
«Да й ходилъ-то мо́лодецъ да изъ орды въ орду,
«Загулялъ-то мо́лодецъ да къ королю въ Литву,
«А король-то мо́лодца да любитъ жалуетъ,
«Королевна мо́лодца она въ люби́ держитъ».
Да й ходилъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Да й ходилъ ко тою славною ко матушки Пучай рѣки,
Да й стрѣлялъ Михайла гу́сей лебедей,
Да й стрѣлялъ-то перелётныхъ сѣрыхъ утушокъ.
Да й по той ли-то по матушки Пучай рѣки

Digitized by Google

То пловетъ колода бѣлоду́бая,
Да й на тою на колоды бѣлодубовой
Си́дитъ бѣленька на нёй лебёдушка.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
А й берётъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Хо́титъ подстрѣлить онъ бѣлую лебёдушку.
Поднималася та бѣлая лебёдушка
Да й на ты на кры́ла лебединыи,
Вылетала-то она да й на круто́й берёгъ,
Обвернулась-то лебёдка красной дѣвушкой.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Иванович
Онъ подходитъ-то да къ красной дѣвушки,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Да й за нёй ли бралъ за перстни за злачеными,
Цѣловать хотѣлъ въ уста ю во саха́рніи.
Говорила-то ему да красна дѣвушка:
«Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не цѣлуй-ко ты меня да красной дѣвушки!
«А я дѣвушка есть роду-то невѣрнаго,
«Да й невѣрнаго есть роду некрещоная.
«Ты когда меня сведёшь да въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Да когда доста́вишь *(такъ)* въ вѣрушку крещоную,
«Да й тогда съ тобой мы повѣнчаемся,
«Да й тогда съ тобой мы нацѣлуемся».
То Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А й беретъ-то онъ да красну дѣвицю
Да за нёю-то за ручушки за бѣлыи,
Да за нёю бралъ за перстни за злачеными,
А онъ велъ-то ю да въ стольнё-Кіевъ градъ,
Приходилъ-то съ нёй ко матушки Божьёй церквы,
Да завелъ ю въ матушку въ Божью́ церковь.
Тутъ крестили ю да и молитвили,

Digitized by Google

Имя-то ёй дали Марья лебедь бѣлая.
Ёны тутъ съ Михайлой повѣнчалися,
Ёны Господу тутъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да й приложилися.
Выходили ѳны съ матушки съ Божьёй церквы,
Шли по славному по городу по Кіеву,
Во свою-то шли въ полату въ бѣлокаменну,
Приходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во вѣкъ любовь творить.

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

83.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 34).

Молодой Иванушко Годиновичъ
Похотѣлъ-то онъ да поженитися,
Похотѣлъ во славной Золотой Орды
На прекрасноёй Настасьи Митріевичной.
Говорилъ ему Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай же крестничекъ ты мой любимыи!
«Хочешь ѣхать пожениться въ Золоту Орду?
«Что ты брать будѣшь съ собой да въ Золоту Орду?
«А й безсчетную велику золоту казну,
«А й одежицу ты брать дорогоцѣнную,
«Али брать ты будешь силушку[1]) великую?»
Говорилъ Иванушко Годиновичъ:
— А й крестовый ты мой батюшка,
— Ай ты славныя Владиміръ князь да стольнё-кіевской!

---

1) Рябининъ пропѣлъ сперва: «ту армію великую», а потомъ, поправившись, сказалъ: «силушку великую».

Digitized by Google

— Мни не надобно безсчетной золотой казны:
— Золотой казной мнѣ дѣвушки не выкупить;
— Силы (арміи) великія не надобно:
— Мнѣ не дракою брать дѣвушку, да не вóйскамы да великима;
— Да не надобно одежи дрогоцѣнней.
— Есть пойдетъ въ люби Настасья Митріéвична,
— Такъ возьму въ люби Настасью Митріевичну,
— Такъ не надо бы одежи дрогоцѣнныя,
— Да й не надо мни безсчетной золотой казны,
— Да не надо силы арміи великоёй,
— Только дай мнѣ-кà да пáробка любимаго,
— Чтобы паробку добрà коня сѣдлать,
— Чтобы паробку коня розсѣдлывать,
— Ему плетка пóдавать да плетка прúнимать.—
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Да какъ далъ ему-то паробка любимаго,
Й они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Молодой Иванушко Годиновичъ
Со своимъ со пáробкомъ любимыимъ.
Ены ѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ,
Они въ день ѣдýтъ по красному по солнышку,
Они въ ночь ѣдýтъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ускоряютъ-то дороженьку чистымъ полемъ.
А й пріѣхали они во Золоту Орду
Ко прекрасноёй Настасьѣ Митріевичной,
А у ней-то сватухú сидятъ,
Сватухи сидятъ да тою сватаютъ
За того за сына-то за царьского,
За того за Ѳёдора Иванова.
Какъ посваталъ ю Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріевична,
— А й поди-тко ты да за меня замужъ!
— Я свезу тобя на славну на святую Русь,
— Я достáвлю *(такъ)* тебя во вѣрушку крещоную,

Digitized by Google

— А 'ще будешь ты у насъ да роду вѣрнаго,
— А 'ще дѣтушки пойдутъ крещеныи. —
Позвалась она пойти замужъ Иванушка Годинова *(такъ)*.
Какъ приказала-то сѣдлать она добра коня,
А й сѣдлали-то они добрыхъ коней,
Да й поѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ
Съ этой славноёй да Золотой Орды,
Оны ѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ.
Молодой Иванушко Годиновичъ
А й отправилъ-то онъ паробка любимаго
А во тотъ во славный въ стольне-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
«Я въ люби везу Настасью Митріевичну».
Его паробокъ да то любимыи
И онъ поѣхалъ-то скоренько по чисту полю
Да й во тотъ во славной въ стольнё-Кіевъ градъ,
Онъ пріѣхалъ-то ко князю ко Владыміру,
Онъ пришолъ къ нему въ полату бѣлокаменну,
Говорилъ-то князю таковы слова:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Какъ въ люби везетъ Настасью Митріевичну
«Да твой крестничекъ любимыи,
«Молодой Иванушко Годиновичъ».
Тамъ на тую пору на то времечко
А настигъ ихъ царьской сынъ да во чистомъ поли,
А и тотъ вѣдь Ѳёдоръ-отъ Ивановичъ.
Иванушко Годиновичъ онъ ѣдетъ по праву руку Настасьи Митріевичной,
А й по лѣвую да ёй по рученьку
А поѣхалъ царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичъ;
Сталъ Настасью Митріевичну
Царьской сынъ да уговаривать:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— Ты куда умъ клала и замужъ пошла?

Digitized by Google

— Какъ будешь ты во городѣ во Кіевѣ
— Казачихою у князя у Владыміра,
— У Опраксіи у королевичной,
— Еще будешь ты да портомойницей.
— За меня поди замужъ за сына царьского,
— У меня будешь ты да царицею. —
А й у той ли у Настасьи Митріевичной
А туды у нею й умъ пошелъ,
Да й пошла замужъ за сына-то за царьского.
Они возмутъ-то привяжутъ какъ Иванушку Годинова
Да й ко славному да ко сыру дубу;
Пороздернули они свою полатку полотняную,
Оны спали во полатки полотняноёй,
Оны гладились въ полатки, тамо листились.
Ены вышли со полатки полотняноёй;
Тамъ на тую порушку да й на то времечко
Черезъ ихъ летѣло два бѣлыхъ два лебедя.
Говорила-то Настасья Митріевична,
Говорила-то она да й сыну царьскому:
«Ай же царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичъ!
«Захотѣлось на поносѣ мнѣ-ка мяса лебединаго.
«Ты возьми-тко тугой лукъ розрывчатой,
«Натяни-тко ты тетивочку шелковеньку,
«Наложи-тко стрѣлочку каленую,
«Подстрѣль бѣлую да мнѣ лебедушку,
«Мнѣ покушать мяса лебединаго».
Царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Скоро бралъ свой тугой лукъ розрывчатой,
Натянулъ-то онъ тетивочку шелковую,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Енъ спустилъ тетивочку шелковую
Въ эвту стрѣлочку онъ во каленую;
А й во верхъ-то полетѣла эта стрѣлочка каленая,
А й по Божьему да й по велѣнью

Digitized by Google

А свилась-то стрѣлочка каленая,
Она пала-то да во головушку,
Во головушку-ту пала сыну царьскому,
А й тому вѣдь Ѳёдору Иванову.
Тутъ-то Ѳёдору да й сыну царьскому,
А ему славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Тутъ Настасья Митріе́вична
Какъ стала по чисту́ полю похаживать;
А Иванушко стоитъ ёнъ у сыра дуба,
У сыра дуба стоитъ ёнъ да привязаной.
Говоритъ ему Настасья Митріе́вична:
«Ай же молодой Иванушко Годиновичъ!
«А й прости-тко ты меня да въ женской глупости,
«А возьми меня замужъ да красну дѣвушку,
«Да й свези-тко ты меня да на святую Русь,
«А й во славною во стольне-Кіевъ градъ,
«Да й доставлѣшь ме́не въ вѣрушку крещеную;
«А сходимъ мы съ тобой да во Божью́ церковь,
«А и примемъ мы съ тобой да золоты вѣнцы,
«Мы положимъ съ то́бой заповѣдь великую,
«Намъ въ люби бы жить съ тобой вѣкъ по́ вѣку».
Говорилъ-то ёй Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріе́вична!
— Какъ ты справишь-то три заповѣди женскіихъ,
— А тогда ты будешь и моя жена. —
Отвязала-то Иванушка она да отъ сыра дуба.
Тутъ молодой Иванушко Годиновичъ
Становилъ Настасью супротивъ собя,
Во свои во бѣлы онъ во ручушки
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Й онъ смахнулъ своёй да саблю востроюю,
Да срубилъ ёй ножки по колѣночкамъ.
Говорилъ Иванушко ёнъ таковы слова:
— А почто-то эти ноженки-ты рѣзвыи?

Digitized by Google

— Оплетали-то татарина поганаго,
— А й того-то Ѳёдора Иванова. —
И то смахнулъ своёй онъ са́блёй вострою,
Отрубилъ ей ручки по локо́точкамъ,
Говорилъ Иванъ да таковы слова:
— А й почто-то эти ручки бѣлыи?
— Обнимали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
Онъ смахнулъ еще да саблей вострою,
Отрубилъ-то ёй уста саха́рніи,
Говорилъ да какъ Иванушко да таковы слова:
— А й почто эти уста сахарніи?
— Цѣловали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
А 'ще тутъ Настасьюшкѣ славу́ поютъ,
Ей славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Молодой Иванушко Годиновичъ
Онъ садился скоро на добра́ коня,
Онъ да ѣхалъ какъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Да во славный свой да стольне-Кіевъ градъ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
А крестовой его батюшко,
Дожидаетъ крестничка любимаго
Со Настасьюшкой да Митріе́вичной.
А пріѣхалъ-то Иванушко Годиновичъ
А й по вечеру онъ да поздешенько,
А онъ крадчи-то заѣхалъ на широкой дворъ,
Бояци́сь пришолъ въ полату бѣлокаменну
Да й ко славному ко князю ко Владыміру;
Говоритъ ему да тутъ Владыміръ князь:
«Ай же ты Иванушко Годиновичъ!
«А 'ще гди твоя княгина есть моло́дая,
«Молода Настасья Митріе́вична?»
Говорилъ ёму Иванушко Годиновичъ:

Digitized by Google

— Ай же славныя Владыміръ стольне-кіевской,
— А крестовою да ты мой батюшко!
— А й всякъ мо́лодецъ на сёмъ свѣтѝ онъ женится,
— А не всякому женидьба удается, —
— Видно только я Иванушко й женатъ бывалъ. —

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

84.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 43).

А й во славноёмъ во городи во Кіеви,
Славного у́ князя Владыміра,
Заводился у́ князя почестенъ пиръ.
Было на пиру у него двѣ вдовы:
Первая вдова-то честно-Блу́дова женà,
Дру́гая вдова была купе́ць-жона.
Къ че́стной вдовы къ честно-Блу́дова жены́
Подносили къ тоей чару зелена́ вина,
Да не малую стопу, полтора ведра.
Че́стна вдова честно-Блу́дова женà
Ставала-то она да на рѣзвы́ ноги,
Брала эту чарочку въ бѣлы́ ручки,
Й она за этоей за чарочкой посва́талась
За своёго за́ сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блу́довица
А у че́стной вдовы́ у купе́ць у жоны́,
На прекрасной Офимьи купе́ць-доцерѝ.
Честная вдова та купе́ць-жонà
Скорёшенько ставала й на рѣзвы ноги,

---

1) Размѣръ дактилическій.

Digitized by Google

Брала отъ нёй чарочку въ бѣлы́ руцки,
А назадъ-то ёй чарочку повы́плеснула̀,
Куньюю шубоньку облила,
Курвой блядію оклёскивала̀;
Говорила-то вдова таковы слова:
«Ай ты глупая вдова честно-Блу́дова жона̀!
«Тоби до́йдетъ ли Офимья моя взя́ть за сына̀,
«Да й за твоего Хотинушку за Блу́довица̀?
«А й сидитъ моя Офимья во тереми,
«А й во славномъ си́ди въ тереми въ злато́мъ верху,
«На́ ню красное солнышко не о́бпекётъ,
«На́ ню буйныи вётрушки не о́бвѣютъ,
«Многіи люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ-то со паробкомъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди бы то Хотинушки обѣ́дъ сочинѝть».
Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀
Со честна́ пиру пошла она не весело,
Припечаливши пошла прикручинивши,
Приклонивъ *(такъ)* буйную головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю;
А подходитъ-то 'на къ терему къ высокому.
Со того со терема высокого,
Изъ того съ косевчата окошечка,
Сквозь то хрустальнё стеко́лышко,
Усмотрѣлъ Хотинушка Блудовичъ
Идуцись-то свою онъ ро́дну матушку:
Со честна пиру идётъ она не весело,
Прикручинивши идётъ припечаливши,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю.
Выскочилъ Хоти́нъ на круто́й на крылѐчь,

Digitized by Google

Говорилъ Хотѝнъ а таковы слова:
— Свѣтъ ты моя ро́дна матушка,
— Че́стная вдова ты честно-Блу́дова жена́!
— Что же ты идёшь съ пиру не весело?
— Мѣсто въ пиру было не по́ чину,
— Чарой ли въ пиру тобя прію́бнесли,
— Аль кто пьяница дуракъ прію́бгалился? —
Воспрого́вори вдова таковы слова:
«Свѣтъ ты моё чадо́ любимоё,
«Молодой Хотинушка Блудовичъ!
«Мѣсто въ пиру было мни по́ чину,
«Чарою меня въ пиру не о́бнесли,
«Пьяница дуракъ не обгалился;
«Насмѣялась надо мной честная́ вдова,
«Че́стна вдова-то купе́ць-жона:
«Подносили ко мни чару зелена́ вина;
«Я скорёшенько ставала на рѣзвы́ ножки,
«Брала эту чарочку въ бѣлы́ руки,
«Я за этою за чарочкой посва́талася
«За тобя за́ сына любимого,
«А за мо́лода Хотинушку за Блу́довича
«Да у че́стной вдовы у купе́ць у жены́,
«На прекрасной Офимьи купе́ць-дочери.
«Че́стна вдова честно-Блу́дова жона́(?)
«Скорёшенько ставала на рѣзвы́ ноги,
«Брала мою чару во бѣлы́ руки,
«А й назадъ она чарочку повы́плеснула́,
«Кунью мою шубоньку обли́ла,
«Меня курвой блядію оклёскивала́,
«Говорила мни вдова таковы слова:
«Глупа ты вдова честно-Блудова жона!
«До́йдетъ ли Офимья тоби взять за́ сына,
«Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
«Си́дитъ моя Офимья во тереми,

Digitized by Google

«А во тереми сидитъ во златомъ верху,
«На ню красное солнышко не обпекётъ,
«Буйныи вѣтры не обвѣютъ,
«Многія люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зёрнедки,
«Гди-то бы Хотинушки обѣдъ сочинить».
Воспрогóворилъ Хотинка таковы слова:
— Свѣтъ ты моя да рóдна матушка,
— Ахъ ты чéстная вдова честно-Блýдова жонà!
— Въ честь я Офимку за собя возьму,
— А й не въ честь я Офимку за товарища,
— Да за своёгò за паробка любимаго. —
Повернéтся Хотинушка въ высокъ терёмъ,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Шолъ ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то Хотинъ а на широкъ на дворъ,
Заходилъ ёнъ во конюшеньку стоялую,
Выводилъ ёнъ коня богатырского,
Ёнъ садился на добрá коня не сѣдлана,
Бралъ свою палицку булатнюю,
Поѣхалъ-то Хотинушка въ чистó поле.
На добрóмъ кони въ чистóмъ поли поѣзживаётъ,
Сталъ онъ шуточокъ Хотинушка пошýчивати,
Сталъ онъ паличку булатню покúдывати,
На добрóмъ кони Хотинушка подъѣзживаётъ,
Онъ одною ручкой паличку подхвáтываётъ,
Не велúка ёго паличка булатняя,
Вѣсу она й девяносто пудъ.
А й у мóлода Хотинушки у Блýдовичà
Кровь-то въ нёмъ и роспылаласи,

Digitized by Google

Сердцё ёго́ розгорѣлоси
За эту́ родительску обидушку.
То онъ поѣхалъ по роздолью чисту́ полю,
А во всю ёнъ ѣхалъ въ силу лошадиную,
Онъ подъѣхалъ какъ ко терему къ злату́ верху,
Билъ онъ палицей булатнёй по терему,
Да по славному по терему злату́ верху;
Маковки на тереми покри́вилися,
Да й околенки во тереми розсы́палися.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Сходитъ онъ скоренько со добра́ коня,
Подходитъ онъ ко терему къ злату верху,
Сталъ ёнъ замочиковъ отща́лкивати,
Сталъ ёнъ дверцей выста́вливати,
А приходитъ онъ во теремъ во златы́ верхи.
Ходитъ Офимья по терему
А въ одной тонко́й рубашки безъ пояса,
А въ одныхъ тонки́хъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса́ пороспу́щенаи.
Говорилъ Хотинъ а таковы слова:
— Ай же Офимья купе́ць-дочи!
— А идёшь ли ты за́мужъ за Хотинушку,
— За того Хотину́шку за Блу́довича?—
Воспрого́воритъ Офимья таковы слова:
«Три году я Господу молиласи,
«Что попасть бы мнѣ замужъ за Хотинушку,
«За того Хотинушку за Блудовича».
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за ней за перстни злаченыи,
Цѣловалъ въ уста во сахарніи
Онъ за нёй за рѣчи за умильніи,
Выводилъ онъ Офимью со терема,
А привелъ-то Офимью ко добру́ коню,

Digitized by Google

Ко добру́ коню привелъ къ богатырскому,
Да й садилъ ёнъ Офимью на добра́ коня,
На коня онъ ю садилъ къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добра́ коня, поѣхали
Да по славному городу по Кіёву,
Да й пріѣхали ко матушки къ Божьёй церквы.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько-то сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Бралъ за нёй за перстни злачены,
Да повелъ ю во матушку въ Божью церковь.
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Молодой Хотинушка Блудовичъ
А садилъ онъ ю да на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ,
Да пріѣхали къ Хоти́ну на широкъ на дворъ.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
А за нёй берётъ за перстни злачены,
Шли оны полатой бѣлокаменной,
Проходили во столову свою въ горенку.
Стали жить да быть, вѣкъ коро́тати.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

Digitized by Google

85.

ДЮКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 41).

Да изъ тою ли со Галичи съ проклятою,
А й со той ли славноя съ Индѣи со богатою,
Съ то́го славнаго богата съ Во́лынъ-города,
Съ Во́лынъ-города да со индѣйскаго,
А сряжался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да повыѣхать на матушку святую Русь,
Посмотрѣть-то онъ хоти́тъ на славной стольнё-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хоти́тъ на славнаго на князя на Владыміра,
На прекрасную Опраксію на королевичну,
Посмотрѣть хотитъ на сильніихъ на русьскихъ на могучіихъ богáтырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ онъ на удалыихъ.
Говорила Дюку ро́дна матушка:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Хошь сряжаешься ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хоти́шь ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хоти́шь на князя на Владыміра,
«А й на душечку прекрасну королевичну,
«Да й на сильніихъ могучихъ на богáтырей,
«На всихъ славныхъ поляницъ-то на удалыихъ,
«Не бывать тоби да й на святой Руси,
«Не видать тоби да й стольнё-Кіева:
«А й до славнаго до города до Кіева
«То стоитъ три заставы великіихъ:
«Перва заставá-то змѣи поклёвучіи,
«Дру́га заставá е звѣри поѣдучіи,
«Третья заставá-то горушки толкучіи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ро́дной матушки да онъ не слушатся,
Онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,

Digitized by Google

Поѣзжаетъ Дюкъ да въ стольной Кіевъ градъ.
Говорила Дюку ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимоё,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
«Да й когда будёшь во градѣ ты во Кіевѣ,
«Да й будёшь когда у князя у Влыдаміра,
«А й охвочь ты испивать такъ зелена́ вина,
«А й нехвастай-ко своимъ худошествомъ *(такъ)*
«Супротивъ русьски́хъ могучіихъ бога́тырей».
Тутъ поѣхалъ Дюкъ онъ на добро́мъ конѣ,
Подъѣзжаетъ Дюкъ ко первоей ко за́ставы,
Да ко тыимъ змѣямъ поклевучіимъ.
Бе́ретъ плетку онъ шелко́ву во бѣлы́ ручки,
А онъ билъ коня-то по крутымъ ребрамъ.
Его добрый конь да богатырскія
Поднимался онъ отъ матушки сырой земли,
Пере́скочилъ онъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ змѣевъ этихъ поклевучіихъ.
Енъ поѣхалъ-то роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Подъѣзжалъ онъ къ дру́гой за́ставы великою,
Да ко тымъ звѣрямъ ко поѣдучіимъ.
То онъ билъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А билъ пле́точкой своей шелковенькой.
Его добрый конь да богатырскія
Какъ вспрянулъ отъ матушки сырой земли,
Перенёсъ ёнъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ тыхъ звѣрей да поѣдучіихъ.
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Подъѣзжаетъ ёнъ ко третьеёй ко за́ставы великоей,
А й ко тымъ ко го́рамъ потолкучіимъ.
Эты горушки толкучи вмѣсто столнулись,
Вмѣсто столнулись оны да поростолнулись,
Проскочилъ онъ про́межъ горушки толкучіи.

Digitized by Google

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да повыѣхалъ на матушку святую Русь.
То пріѣхалъ онъ во славный стольной Кіевъ градъ
Да й ко ласкову ко князю на широкъ на дворъ.
То Владыміра-то въ домѣ не случилося,
А й ушолъ-то князь Владыміръ во Божью́ церковь
У́шелъ Господу онъ Богу помолитися,
Ко Господнему кресту онъ приложитися.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ пошолъ по граду-то по Кіеву,
Енъ зашолъ во матушку Божью́ церкву,
То онъ крестъ кладетъ да й по писа́ному,
Енъ ведетъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонушки онъ кланялся
Онъ до тыхъ половъ да до кирпичныихъ,
А й до матушки онъ до сырой земли,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
По праву́ руку Владыміра стоялъ-то вѣдь молоденькой Добрынюшка,
По лѣву́ руку-ту князя-то Владыміра
Сто́ялъ молодой Щурилушко-то Плёнковичъ.
Сталъ Владыміръ князь у Дюка повыспрашивать:
— Ты скажи откуль, удалый добрый молодецъ?
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы?
— То́бя-то какъ-то молодця да именёмъ назвать,
— Звеличати удалого по отечеству? —
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты славный князь Владыміръ стольне-кіевской!
«Есте я изъ Галичи проклятоей,
«Да изъ тою со Индѣюшки богатою,
«Да со славнаго богата съ Волынъ-города,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ».

Digitized by Google

Говоритъ-то вѣдь Щурилушка-тотъ Плёнковичъ,
Да и говорилъ Щурила таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольне-кіевской!
— Во глазахъ мужикъ да подлыгается,
— Да и во глазахъ собака насмѣхается!
— Повороты есте тутъ не Дюковы,
— Поговорюшка-то есть не Дюкова,
— А й должёнъ тутъ быть холопина дворянская. —
Эго дѣло-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки Божьёй церквы
Да й пошли оны по городу по Кіеву.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать:
«Ай ты славный князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіеви-то все да не по нашему:
«Настланы у васъ мосточики кирпичные,
«Да й поручинки положены калиновы,
«Какъ идешь-то по мосточкамъ по кирпичнымъ,
«Мѣдноё гвоздьё да пріущиплется,
«Цвѣтно платьице да призабрыжжется.
«Какъ во нашей-то Индѣюшки богатоёй
«Да й во нашемъ въ славномъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то рóдноёй у матушки,
«У ней настланы мосточки все калиновы,
«Да й положены поручинки серебряны,
«Да й на эти на мосты да на кирпичны
«Настланы-то у́ ней сукна гормузинные:
«Какъ пойдешь-то по мосточкамъ по калиновымъ,
«Да о эти о поручинки серебряны,
«Мѣдное гвоздьё у насъ такъ не ущиплется,
«Цвѣтно платьицё да й не забрыжжется».
А й ко тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
Приходили во полаты въ бѣлокаменны,
То садилися за столики дубовыя,

Digitized by Google

Да й за тыя за скамеечки окольніи;
Оны сѣли-то ѣсть ѣствушки сахáрнею,
Испивать-то питьицёвъ медвяныихъ.
Подносили къ нимъ колачиковъ-тыхъ пшонныихъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владыміру отгадывать,
А' ще корочку-ту ёнъ вокругъ кусалъ,
А й середочку-то ёнъ такъ кобелямъ бросалъ.
То Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Да все въ Кіевѣ у васъ есть не по нашему:
«Да й у васъ какъ сдѣлана-то бочечка дубовая,
«Да й набúваны обручики еловыи,
«Ýвасъ дѣлано мѣшалочко сосновое,
«А 'ще тутъ у васъ да й колачи мѣсятъ;
«У васъ дѣлана какъ печка-та кирпичная,
«У васъ топятся-то дрóвця-ты еловыи,
«У васъ дѣлано помялышко сосновое,
«А и тутъ у васъ да колачи пекутъ.
«Какъ во нашою въ Индѣи во богатою
«Да во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то рóдною у матушки,
«Ýней сдѣлана-то бочечка серебряна,
«А й обручики набиты золоченыи,
«Да й положены туды да й мéды сладкіи;
«У ней сдѣлано мѣшалочко дубовое,
«Оны тутъ да й колачи мѣсятъ;
«У ней сдѣлана-то печечка кирпичная,
«Ý ней топятся-то дровця-ты дубовыи,
«У ней сдѣлано помялышко шелкóвое,
«Настлано туда бумаги-то гербовою,
«А 'ще тутъ оны да й колачи пекутъ».
Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.

Digitized by Google

Подносили къ имъ да сладку водочку;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бе́ретъ рюмочку онъ во бѣлы́ ручки,
Подносилъ онъ эту рюмочку къ устамъ своимъ саха́рнiимъ,
Да й по горенки онъ водочку повыплескалъ;
Говорилъ-то Дюкъ имъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіевѣ-то все вѣдь не по нашему:
«У васъ сдѣланы есть бочечки дубовыи,
«Да й набива́ны обру́чики еловыи,
«Ту́да водочка винцё у васъ положено
«Да й на этыи на по́гребы глубокіи,
«У васъ водочка—винцё тамъ призадохнется,
«А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
«Какъ во нашею Индѣюшки богатою
«Да й во славноёмъ богатомъ въ Волынъ-городѣ,
«У моёй ли-то у ро́дною у матушки,
«У ней сдѣланы какъ бочечки серебряны,
«А й набиты о́бручки да золоченые,
«У ней водочка—винцё туда положено,
«У ней поднято на воздухъ-тотъ не лёккіи
«Да на тыя-то цѣпоцечки на мѣдныи,
«У насъ водочка—винцё такъ не задохнется,
«А 'ще чарочку-ту пьешь, такъ дру́гой хочется,
«А 'ще дру́гу пьешь, по третьей-то душа горитъ».
Да Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
А й Щурилушко-тотъ Плёнковичъ по горенки похаживатъ,
Таковы слова Щурило поговариватъ:
— Что же ты холопина дворянска поросхвастался
— А й своимъ ты да имѣніёмъ богачествомъ,
— Поросхвастался уѣдамы ты сладкима,
— Да й поросхвастался ты пи́тьямы медвяныма?
— То ударимъ-ко со мною да великъ закладъ:
— На три го́ду поры времени проѣздити

Digitized by Google

— На своихъ на добрыхъ кóняхъ богатырскiихъ,
— Чтобы кажный день одежица носить намъ снова-нá-ново,
— Снова-на-ново носить бы что ни лучшая. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Говорилъ Щурилу таковы слова:
«Ай жо молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
«Тоби просто бить со мною о великъ закладъ,
«Какъ живешь ты въ свóемъ городѣ во Кіевѣ.
«У васъ полны кладовыи-ты одежицы накладены,
«У мене естѐ одежица дорожная,
«Мои платьица да все завозныи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скорешенько садился на черленой стулъ,
Енъ писалъ-то письма скорописчаты
Ко своёй ко рóдною ко матушкѣ:
«Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка!
«Да й повыручь-ко меня ты со неволюшки,
«Сподъ того ли сподъ закладу сподъ тяжелаго;
«Ты пошли-тко мнѣ одежицы снарядноёй,
«Чтобъ хватило на три года поры времени,
«Да й держать чтобы одежа снова-на-ново,
«Снова-на-ново держать да чтобы кажный день,
«Что ни кажный день держать да что ни лучшая».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то онъ бояринъ на широкой дворъ,
Онъ приходитъ ко добрý коню да къ богатырскому,
Полагаетъ онъ комвертъ да подъ сѣделышко,
Отпущалъ коня онъ богатырскаго,
Говорилъ коню онъ таковы слова:
«Побѣгай-ко ты мой добрый конь да богатырскiи
«Да й во славну во Индѣюшку въ богатую,
«А й бѣжи-тко ты на славный на широкъ на дворъ,
«Ко своимъ-то конюхамъ любимыимъ».

Digitized by Google

Побѣжалъ-то его добрый конь да богатырскій
Да й по славному роздольицу чисту́ полю,
Прибѣжалъ онъ во Индѣюшку въ богату́ю,
Прибѣгалъ онъ въ славны́и Волы́нъ-городъ
А й на свой-то онъ да на широкой дворъ.
Усмотрѣли ѐго конюхи любимыи,
Приходили-то ко Дюковой ко матушкѣ,
Ко честно̀й вдовы Настасьи ко Васильевной,
Приходили о̀ны къ нѐй да покланялися:
— Ты честна̀ вдова Настасья да Васильевна!
— Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкъ на дворъ. —
Тутъ сидитъ она да и горько́ заплакала:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Положилъ свою буйну̀ головушку
«Да й на матушкѣ на славной на святой Руси».
Подошла она къ коню да къ богатырскому,
Приказала-то добра́ коня розсѣдлывать;
Розсѣдлали-то добра́ коня да й богатырскаго,
Тамъ нашла она комвертикъ, роспечатала,
Посмотрѣла что у Дюка принаписано.
Она скоро шла въ полату бѣлокаменну,
Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла на тыя кладовыя на платёныи [1]),
Полагала-то одежи снова-на-ново,
А й на три́ году да поры времени,
Да й набила-то вѣдь сумки переметныи;
Она кинула́ скоренько на добра́ коня
Черезъ этоё сѣделышко черкаское,
Отпустила-то коня да въ стольне-Кіевъ градъ.
По́шелъ добрый конь да по чисту́ полю,
Прибѣгалъ-то онъ да въ стольнё-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю на широкой дворъ.

1) Т. е. въ которыхъ держатъ платье.

Digitized by Google

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ-то онъ да й на широкой дворъ,
Подходилъ-то онъ къ коню да къ богатырскому,
Да онъ бралъ-то сумки переметныя,
Бралъ-то эти сумки, роспечатывалъ,
Посмотрѣлъ-то на одежи дрогоцѣнныи,
Положилъ-то эти сумки за крѣпкóй замокъ.
Сталъ одежицы оттуля Дюкъ понашивать,
На добрóмъ конѣ сталъ со Щурилою поѣзживать;
Ѣздятъ кажный день оны да и по городу,
Да й по городу ѣздя́тъ по Кіеву,
Да й проѣздили они по гóдъ поры,
Да проѣздили оны да éще дрýгой годъ,
Да й проѣздили ещѐ оны и третій годъ.
Какъ по третій годъ да й на послѣдній день
Имъ поѣхать надобно къ обѣденкѣ Христовскою,
Молодой Щурилушко-то Пленковичъ
Надѣвалъ одежицу снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелкóвеньки,
Кунью шубку онъ надѣлъ на плечка на могучіи,
Еще строчка строчена̀-то чистымъ сéребромъ,
Дрýга строчка строчена̀ такъ краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вши́ваны шелкóвыи,
Пуговки положены да золоченыи;
А й во этыи во петелки шелкóвыи
А то вплéтано по красноей по дѣвушки,
Въ эвты пуговки-ты въ золоченыи
А й то вли́вано по доброму по молодцу:
Какъ застёнутся, такъ и обóймутся,
Поростёнутся, такъ поцѣлуются.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ надѣлъ одежицу да все снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:

Digitized by Google

Енъ рубашечки манешечки шелкóвеньки,
Онъ надѣлъ еще свою да кунью шубоньку,
Одна строчка строчена̀ такъ чистымъ сéребромъ,
Дрýга строчка строчена̀-то краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вплетаны шелковеньки,
Пуговки-ты влúваны да золоченыи,
Въ петелки-ты вплетано по красноей по дѣвушкѣ,
А й во пуговки-ты вливано по доброму по молодцу:
Какъ застёнутся, такъ и обóймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются.
У молóдаго у Дюка у боярина
На головушку надѣта есте шапочка,
Спéреду введенъ да то свѣтéлъ мѣсяцъ,
А й вокругъ-то введены-то звѣзды частыи,
На верху шеломъ какъ быдто жаръ горитъ.
А й пришли-то молодцы оны въ Божью̀ церковь.
Какъ Владымíръ князь-отъ стольнё-кіевской
Поглянулъ-то вѣдь Владымíръ на правý руку,
На молóдаго Щурилушку на Плёнкова,
Говорилъ Владымíръ таковы слова:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣніе богачество
— А молóдому Щурилушкѣ-то Плёнкову. —
Говорилъ Пермúнъ-то сынъ Ивановичъ,
Говорилъ ёнъ князю-то Владымíру:
«Ты Владымíръ князь да стольнё-кіевской!
«Посмотри-тко ты да на лѣвý руку:
«Молодой Щурилушка-тотъ Плёнковичъ
«Прозакла́далъ ёнъ свою буйнý головушку».
То Владымíръ князь да стольнё-кіевской
Посмотрѣлъ-то онъ да на лѣвý руку,
На молóдаго на Дюка на боярина,
Какъ одежица на немъ да что ни лучшая,
Шапочка надѣта на головушку,

Digitized by Google

Спе́реду введенъ да и свѣте́лъ мѣсяцъ,
По косицамъ введены да звѣзды частыи,
А шеломъ на шапочкѣ какъ быдто жаръ горитъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бе́ретъ плеточку шелко́ву во бѣлы́ ручки,
Про́велъ плеточкой шелко́вой по бѣло́й груди,
Еще петелки-ты свищутъ по соло́вьему,
А й то пуговки крычатъ-то по звѣриному.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
По бѣло́й груди сталъ плеточкой поваживать,
А й народъ сталъ падать на кирпичной мостъ
Отъ того отъ по́свисту соло́вьяго,
Отъ того отъ по́крыку звѣринаго.
Говорилъ ёму Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Перестань-ко во́дить плеткой по бѣло́й груди,
— Тоби полно-тко ронить да лю́дей черпети. —
Еныгосподу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту какъ приложилися,
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Да й пришли въ полаты бѣлокаменны
Да й ко славному-то князю ко Владыми́ру,
Еныстали-то ѣсть ѣствушки саха́рнею,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныихъ.
Подходилъ-то какъ Щурилушка-тотъ Пленковичъ
Ко тымъ столикамъ онъ ко дубовыимъ,
Говорилъ Щурила таковы слова:
«А й что ты холопина дворянская росхвастался
«Своимъ имѣніёмъ богачествомъ великіемъ?
«Да й ударимъ-ко со мной въ великъ закладъ,
«Чтобы намъ-то ско́чить черезъ славну матушку Пучай-рѣку».
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!

Digitized by Google

— Тóби просто бить со мною о великъ закладъ,
— Какъ твой добрый конь да богатырскіи
— У своихѣ стоитъ у конюховъ любимыихъ,
— Зоблетъ онъ пшену да бѣлоярову,
— Испиваетъ свѣжу ключеву́ воду,
— А мое-то жеребятушко дорожное,
— А й дорожноё да призаѣхано.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ бѣжалъ-то какъ скоренько на широкой дворъ
Къ своему коню онъ богатырскому,
Палъ-то онъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то онъ коню да таковы слова:
— А й мой добрый конь да богатырскія!
— Мошь ли выручить меня ты со неволюшки,
— Сподъ того закладу сподъ великаго,
— Еще мошь ли ты скочить черезъ славну́ Нѣпру́-рѣку [1])?—
Воспровѣщилъ ёму добрый конь да богатырскіи,
Испрого́ворилъ язы́комъ человѣческимъ:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й ты бей въ великъ закладъ, закла́дайся.
«У Щурилушки-то конь мой меньшій братъ,
«А й у стараго каза́ка Ильи Муромца
«Его добрый конь такъ мнѣ-ка большій братъ:
«У него есть трои крылышка подкожныи,
«У меня есть двое крылышка подкожныи,
«У моло́даго Щурилушка у Плёнкова
«У него коня да й богатырскаго
«Да й одны-то есте крылышка подкожныи.
«Какъ подо́йдетъ какова пора да каково́ времё,
«Нё уступлю тогда я брату большему,

1) Пропѣвъ: «Нѣпру-рѣку», Рябининъ поправился и сказалъ: «Пучай-рѣку», и на вопросъ собирателя объявилъ, что надо пѣть: «Пучай-рѣку» и что онъ обмолвился, назвавъ рѣку Нѣпрою.

Digitized by Google

«А й меньшóму брату съ мéне нéчто взять».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скоренько шолъ въ полаты бѣлокаменны,
Они били-то съ Щурилушкой великъ закладъ,
А й великъ закладъ да то не малыи:
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ залогомъ-тымъ покла́даетъ безсчетну золоту казну,
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Онъ покла́даетъ залогомъ буйну голову.
Ены сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да й ко славною ко матушкѣ къ Пучай-рѣкѣ.
То за нима ѣдутъ русьскіи могучіи бога́тыря
Посмотрѣть на нихъ замашки богатырскіи.
Порозъѣхали съ роздольица чиста́ поля,
Припустили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ
А й скакать-то черезъ матушку Пучай-рѣку.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ проскочитъ черезъ славную Пучай-рѣку
Да й на тотъ на славный кру́той бе́режекъ;
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Посередъ рѣки онъ пріогрюшился *(такъ)*
Со добры́мъ конемъ да съ богатырскімъ.
Поглянулъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А то нѣтъ при немъ да и товарища,
А й то плавае Щурила посерёдъ рѣки;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поскорешенько онъ поворотъ держалъ,
Припустилъ коня онъ богатырскаго
Ско́чить черезъ матушку Пучай-рѣку,
А й скочи́лъ-то ёго добрый конь да богатырскіи
Черезъ славну матушку Пучай-рѣку,
За кудерушка Щурила ёнъ повыхватилъ,
Со Пучай-рѣки Щурилу ёнъ повытащилъ,
Да онъ посадилъ Щурилу на крутóй берёгъ,

Digitized by Google

Говорилъ Щурилы таковы слова:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
— Да й не надо ти смѣяться вкругъ богáтырей,
— Да й не надобно Щурилы да въ заклады бить,
— А й ходи-тко ты Щурилушка по Кіеву,
— А й по Кіеву ходи за блядкамы. —
Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
А й пріѣхали ко князю ко Владыміру
На него на славный на широкой дворъ,
Заходили во полату въ бѣлокаменну.
Говорилъ Щурилушка-тотъ Плёнковичъ:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Полагай-ко писарёвъ ты да оцѣнщиковъ,
«Отпущай-ко во Индѣю во богатую
«Описать у Дюка ихъ богачество,
«Ихъ богачество да все имѣніё,
«Ихъ великую безсчётну золоту казну».
Тутъ славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Посылаетъ онъ двѣнадцать-то богáтырей да святорусьскіихъ:
— Поѣзжайте-тко богáтыри вы во Индѣюшку,
— Й учитайте-тко имѣніе богачество,
— Ихъ великую безсчетну золоту казну. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да по горенкѣ онъ да похаживатъ,
А Владыміру онъ князю выговариватъ:
«А й Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посылай-ко ты всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А двѣнадцать-то богáтырей-тыхъ святорусьскіихъ,
«Не посылай-ко ты богáтыря Олешеньки,
«Мóлода Олешеньки Поповича:
«А онъ роду есте-то поповскаго,
«У него глазеночка завидливы;
«Какъ увидитъ ёнъ имѣніе богачество,
«Да й увидитъ енъ безсчетну золоту казну,

Digitized by Google

«Не поѣдетъ больше въ стольне-Кіевъ градъ,
«Онъ положитъ тамъ буйну̀ головушку».
Какъ садились молодци-ты на добры́хъ коней,
Ены ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
А й во тою во Индѣюшки въ богатоей
Да во славноёмъ въ богатомъ въ Во̀лынъ-городѣ
У нихъ кровельки все были золоченыи;
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полёмъ,
Да й заѣхали на гору на высокую
Посмотрѣть-то на Индѣю на богатую;
А во томъ ли-то во славномъ Волынъ-городѣ
Кровельки да золоченыи
Отдалѝ оны какъ быдто жаръ горитъ.
Говорятъ бога́тыря да святорусьскіи:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣніе богачество,
— А срубить теби буйна̀ головушка!
— А Волынъ твой городъ вѣдь огнёмъ горитъ,
— Молодой ты Дюкъ, ты прозакла́дался! —
Какъ пріѣхали во славныи въ Волы́нъ-городъ,
А й на тотъ на славный на широкой дворъ,
По всему ёго двору да по широкому
Настланы̀ да сукна гормузинныя.
Становили оны коней богатырскіихъ
Посередъ двора оны широкаго,
Да й пошли самы̀ въ полаты въ бѣлокаменны;
Такъ у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
А й то грядочки у Дюка все орленыи,
А й орленыи да золоченыи.
То пришли они въ полаты во перво́й покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На вси стороны-то низко поклонялися:
— Ай ты здравствуешь честна́ вдова Настасьюшка Васильевна,

Digitized by Google

— Ай ты Дюковая матушка! —
Говорилъ имъ Дюкъ да таковы слова:
«А й не матушка моя тутъ есть не ро́дная,
«А й тутъ есть моя да рукомойница,
«Полагаетъ она воду въ рукомойничекъ».
Приходили молодцы оны въ другой покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говорилъ имъ Дюк-отъ таковы слова:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А тутъ есть моя да судомойница».
А й прошли они еще въ третёй покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися,
А честно̀й вдовы да и въ особину:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говоритъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А и есть моя да то и стольница».
Тутъ прошли они еще въ покой четвертою,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
Да честно̀й вдовы Настасьѣ-той Васильевной
Низко кланялись-то ёй въ особину.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай вы славные бога́тыря да святорусьскіи!
«Тутъ сидитъ моя да ро́дна матушка,
«То честна̀ вдова Настасья да Васильевна.
Какъ скорешенько честна̀ вдова ставала на рѣзвы́ ножки,
Со своимъ она со сыномъ со любимыимъ
Со пути да со дороженьки она тутъ поздоровкалась.

Digitized by Google

Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка,
«Ты честна́ вдова Настасья да Васильевна!
«Какъ пріѣхали бога́тыря да святорусьскіи
«Описать имѣніё пашё богачество,
«Описать нашу́ безсчетну золоту казну».
То честна́ вдова Настасья-то Васильевна
Да й скорешенько беретъ-то золоты ключи,
Повела по кла́довымъ да по богатыимъ,
Повела по погреба́мъ глубокіимъ.
Еще тихія Дунаюшко Ивановичъ
Говорилъ Дунаюшко онъ таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— То пишите письма въ стольнёй Кіевъ градъ
— Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
— Да й во нашоемъ во городѣ во Кіевѣ
— Да й не хватитъ-то безсчетной золотой казны
— Да й купить-то только перья со черниламы
— Да во тою во Индѣюшки въ богатою
— Описать безсчетна золота казна,
— Описать богачество великоё. —
Тутъ молодо́й бояринъ Дюкъ Степановичъ
Приказалъ онъ накрывать на столики дубовыи,
Становить-то ѣствушки саха́рніи,
Становить-то питьица медвяныи.
Онъ садилъ бога́тырей да святорусьскіихъ
Да й за тыя столики дубовыи,
Онъ кормить-то сталъ ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Сталъ поить ихъ питьицемъ медвяныимъ;
О́ны рюмочку-то пьютъ, такъ дру́гой хочется,
Оны дру́гую-ту пьютъ, такъ по третьёй душа горитъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
А й поѣли-то оны покушали,
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,

Digitized by Google

Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольнiихъ,
Оны Господу-то Богу помолилися
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
А самой честнóй вдовы да ёй въ особину
А й до тыхъ половъ да и кирпичныхъ,
А й до тою ли до матушки сырой земли.

Записано въ Кижахъ, 8 iюля.

86.

СОРОКЪ КАЛѢКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 39).

Да й ходили-то калѣки перехожiи,
А й лапóтики на ножкахъ-то шелкóвеньки,
Й у нихъ пóдсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клю́хи кости рыбьею,
На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
Да й ходили молодцы они съ земли́ въ землю,
Загуляли молодцы да къ королю въ Литву,
Ко тому-то за́шли къ ко́ролю къ Литовскому,
Заходили къ королю да й на широкой дворъ,
Становились молодцы да й посерёдъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля мило́стинки,
Да й воскрыкнули оны да громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ крыкну́ли во всю голову:
«Ай же батюшко король Литовски!
«Сотвори король да намъ мило́стинку,
«А и тымъ калѣкамъ перехожiимъ:
«Не рублямы мы берёмъ да не полтинкамы,
«А берёмъ-то мы цѣлы́ма ты́сящмы».
А й отъ нихъ-то покрыковъ отъ богатырскiихъ,

Digitized by Google

Да й отъ голосовъ отъ нихъ отъ молодецкіихъ,
А на теремахъ-то маковки покри́вились,
А й въ окошечкахъ околенки розсыпались.
Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои да слуги вѣрныи!
— Да й подите-тко вы на́ мой на широкъ на дворъ,
— Не калѣки-то пришли не перехожіи,
— Да пришли бога́тыря къ намъ святорусьскіи.
— Вы берите-тко за ручушки за бѣлыи,
— Да й за нихъ-то перстни за злаченыи,
— Да й ведите-тко въ рехте́ли *(такъ)* въ королевскіи,
— Да й во славныи въ палаты бѣлокаменны,
— Да й садите ихъ за столики дубовыи,
— Да й за тые за скамеечки окольніи.
— Вы кормите-ко ихъ ѣствушкой саха́рнею,
— То вы́ пойте-ко ихъ питьицемъ медвяныимъ,
— Да й дарите-тко имъ да́ры дрогоцѣнныи. —
Шли туды ѣго да слуги вѣрныи,
А й на славной шли оны широкой дворъ,
Оны брали ихъ за ручушки за бѣлыи,
То за нихъ-то перстни за злаченыи,
То вели оны въ рехте́ли въ королевскіи,
Да й во славныи въ полаты въ бѣлокаменны,
А й садили ихъ за столички дубовыи,
Да за тыя за скамеечки окольніи,
А й кормили-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Да й поили-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Да й дарили да́ры дрогоцѣнныи:
Насыпали мисы чиста се́ребра,
Да й другіе мисы красна золота,
Третьи мисы насыпали скатно-жемчугомъ.
Принесли оны къ калѣкамъ перехожіимъ,
Да й пошли эты́ калѣки похвалялися:

Digitized by Google

«Ай ты славныя король Литовскія!
«Да й умѣлъ калѣкъ кормить поить,
«Да й умѣлъ дарить-то да́ры дрогоцѣнныи!»
Выходили молодци да во чисто́ поле
Да й прошли во славнёй въ стольнё-Кіевъ градъ,
Розошлись въ свои полаты бѣлокаменны,
Стали жить-то быть да вѣкъ корбтати.

(Больше не знаетъ).

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

87.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

(См. Рыбникова, т. I, 72).

Изъ того было́ изъ города изъ Крякова,
Съ то́го сла́внаго села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Изъ того подворья богатырскаго,
О́хвочь ѣздить молодецъ былъ за охвоткою;
А й стрѣлялъ-то онъ да й гу́сей и лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушокъ.
То онъ ѣздилъ по роздольицу чисту́ полю,
Цѣлый день съ утра ѣзди́лъ до вечера,
Да и не наѣхалъ онъ ни гуся онъ ни лебедя,
Да й не малаго да перелетнаго утенушка.
Онъ по дру́гой день ѣзди́лъ съ утра до па́бѣдья,
Енъ подъѣхалъ-то ко синему ко морюшку,
Насмотрѣлъ двѣ бѣлыя лебедушки:
Да на той ли какъ на тихой за́берёги,
Да на томъ зеленоемъ на за́тресьи
Плаваютъ двѣ лебеди, колыблются.
Становилъ-то онъ коня да богатырскаго,

Digitized by Google

А свой ту́гой лукъ розрывчатой отстегивалъ
Отъ того отъ праваго отъ стремечка булатнаго,
Наложилъ-то онъ и стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Хо́титъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушокъ.
Воспрого́ворили бѣлыя лебедушки,
Проязычили язы́комъ человѣческимъ:
«Ты уда́лепькой доро́днёй добрый молодецъ,
«Ай ты славныя бога́ты́рь святорусьскіи!
«Хошь насъ подстрѣли́шь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
«Не укрятаешь плеча могучаго,
«Не утѣшишь сердца молодецкаго.
«Не дви лебёди мы есть да не дви бѣлыихъ,
«Есть двѣ дѣвушки да есть двѣ красныихъ,
«Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митріе́вичны.
«Мы летаемъ-то отъ пана отъ поганаго,
«Мы летаемъ по́ры времени по три́ году,
«Улетѣли мы за синеё за морюшко.
«Поѣзжай-ко ты въ роздольице чисто́ поле,
«Да й ко славному ко городу ко Кіеву,
«Да й ко ласковому князю ко Владыміру:
«А й Владыміръ князь онъ ѣстъ-то пьетъ и проклаждается,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
«Какъ поѣдешь ты роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
«Да пріѣдешь ты къ сыру дубу́ крякно́висту
«Насмотри-тко птицу во сыромъ дубѣ,
«Си́дитъ птица че́рной воронъ во сыромъ дубѣ,
«Перьице у ворона черны́мъ черно,
«Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
«Перьица роспущены до матушки сырой земли».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— Хоть-то подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушокъ,
— Да й побью я двѣ головки безповинныихъ,

Digitized by Google

— Не укрятаю плеча́ могучаго,
— Не утѣшу сердца молодецкаго. —
Енъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковеньку,
А й свой ту́гой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки булатнёму,
Да й поѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжалъ онъ ко сыру дубу́ крякно́висту,
Насмотрѣлъ ёнъ птицу черна ворона;
Сиди птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьицо у ворона черны́мъ черно,
Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
А й роспущены перьица до матушки сырой земли:
Эдакою птицы на свѣти́ не видано,
А й на бѣлоемъ да и не слыхано.
Мо́лодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ отъ праваго отъ стремечки булатнёго
Отстянулъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Говорилъ-то молодецъ да й таковы слова:
— Я подстре́лю эту птицу черна ворона,
— Е́го кровь-то росточу да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу я на сыру землю,
— Перьицо я роспущу да по чисту́ полю
— Да по тою долинушкѣ широкою. —
Воспрого́ворилъ-то воронъ птица черная,
Испровѣщилъ да язы́комъ человѣческимъ:
«Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
«Славныя бога́тырь святоруськія!
«Ты слыхалъ ли поговорю на святой Руси:
«Въ кельи старця-то убить — такъ то не спа́сеньё,
«Черна ворона подстрѣлить — то не ко́рысть по́лучить.

Digitized by Google

«Хоть подстрѣлишь мéне птицю черна ворона,
«Поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
«Спустишь тушицю на матушку сыру землю,
«Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
«Не утѣшишь сердця молодецкаго.
«Поѣзжай-ко ты во славный стольнёй Кіевъ градъ,
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру,
«А й у славнаго-то князя у Владыміра
«Есть почестенъ пиръ да й пированьицо,
«То онъ ѣстъ да пьетъ да й проклаждается,
«Надъ собою князь незгодушки не вѣдаетъ:
«То вѣдь ѣздитъ поляничищо въ чистóмъ поли,
«Она кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ собя да й супротивника,
«Изъ чистá поля она наѣздника:
««Онъ не дастъ ли мнѣ-ка если поединщика,
««Супротивъ меня да й супротивника,
««Изъ чистá поля да что наѣздника. —
««Розорю я славный стольній Кіевъ градъ,
««А 'ще чернедь мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
««Всѣ Божьи́ церквы́-то я на дымъ спущу,
««Самому князю́ Владыміру я голову́ срублю
««Со Опраксіей да королевичной».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На добрóмъ конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— То слыхалъ я поговорю на святой Руси:
— Въ кельи старця-то убить, такъ то не спáсеньѣ,
— Черна ворона подстрéлить, то не кóрысть пóлучить;
— Хоть я подстрѣлю́-то птицу черна ворона,
— Росточу-то его кровь да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу да й на сыру землю,
— Роспущу- ёго перьице да й по чисту́ полю
— Да по тою по долинушкѣ широкою, —
— Не укрятаю плеча-то я могучаго

Digitized by Google

— И не утѣшу сердця молодецкаго. —
Онъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковую,
А свой тугой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки къ булатнёму,
На кони сидитъ да й пороздумался:
— Прямоѣзжею дороженькой поѣхать въ стольнёй Кіевъ градъ,
— То не честь мнѣ-ка́ хвала да й отъ бога́тырей,
— А й не выслуга отъ князя отъ Владыміра,
— А поѣхать мнѣ дорожкой во чисто́ поле
— А й ко тою поляницищу уда́лою,
— А й убьетъ-то поляница во чисто́мъ полѣ,
— Не бывать-то мни да на святой Руси,
— А и не видать-то мо́лодцю мнѣ свѣту бѣлаго. —
Онъ спустилъ коня да й богатырскаго,
Енъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Енъ подъѣхалъ къ поляници ко удалою.
Оны съѣхалися добры молодцы да й поздоровкались,
Они дѣлали сгово́ръ да й промежду собой,
Какъ другъ у друга́ намъ силушки отвѣдати:
Намъ розъѣхаться съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палици булатніи,
Тутъ мы силушки у другъ друга́ отвѣдаемъ.
Порозъѣхались они да на добры́хъ коняхъ
По славному роздольицу чисту́ полю;
Они съѣхались съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палици булатніи,
Они другъ друга́-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскіи
Били палицми *(такъ)* булатнима да по бѣлы́мъ грудямъ.
И у нихъ палици въ рукахъ да погибалися,

Digitized by Google

А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ѐни другъ другà не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили мо́лодци оны добры́хъ коней
Й они дѣлали сговоръ да промежду́ собой,
Порозъѣхаться съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья муржамецкія,
Надо силушки у другъ друга́ отвѣдати.
Порозъѣхались съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударили во копья муржамецкія,
Они другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ.
У нихъ копья-ты въ рукахъ да погиба̀лися,
А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ѐни другъ другà не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили молодцы-ты промежду́ собой:
Опуститься надо со добры́хъ коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
Тутъ у другъ другà мы силушку отвѣдаемъ.
Выходили молодци они съ добры́хъ коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боемъ рукопашкою.
Молодо́й Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ;
Подошолъ онъ къ поляницищу удалою,

Digitized by Google

Да й схватилъ онъ поляницу на косу бодру *(такъ)*,
Да й спустилъ на матушку сыру землю,
Вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю *(такъ)*,
Заносилъ свою да ручку правую,
Заносилъ онъ ручку выше го́ловы,
Да й спустить хотѣлъ ю ниже пояса. —
Права ручушку въ плечахъ да застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-ко:
Ты съ коёй Литвы, да ты съ коёй земли,
Тобе какъ-то поляничку именёмъ зовутъ
— Й удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базыка новодревная *(такъ)*!
«То́би просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моёй бѣло́й груди
«И въ рукахъ ты держишь свой булатній ножъ,
«Ты хоти́шь пластать мои да груди бѣлыи,
«Доставать хоти́шь моё сердцё со печеней!
«Есть стояла я бы на твоёй бѣло́й груди,
«Да пластала бы твои я груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё да се́рдце съ печеней,
«Не спросила бъ я отця твоёго матери,
«А ни тво́его ни роду я ни племени».
Розгорѣлось сердце у бога́тыря
А у мо́лода Петроя у Петровича.
Енъ занесъ свою да ручку правую,
Ручку правую занесъ онъ выше го́ловы,
Опустить ю хочетъ ниже пояса, —
Права ручушка въ плечи да застояласе,
Въ ясныхъ очушкахъ да помутилуся свѣтъ.
То онъ сталъ у поляници повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-тко:

Digitized by Google

— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тобя какъ-то поляничку именемъ зовутъ,
— Тобя какъ-то звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«А й ты когда сталъ у меня выпрашивать,
«Я стану́ про то тобѣ высказывать:
«Родомъ есть изъ города изъ Крякова,
«Изъ того села да со Березова,
«А й со тою ли со улицы Рогатицы,
«Со того подворья богатырскаго,
«Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ.
«Увезёнъ былъ маленькимъ робеночкомъ:
«Увезли меня татара-ты погиныи,
«Да й во ту во славну въ хоробру́ Литву,
«То возро́стили до полного до возросту;
«Во плечахъ сталъ я имѣть-то силушку великую,
«Избиралъ коня соби я богатырскаго,
«Я повыѣхалъ на матушку святую Русь
«Поискать собѣ я о́тца матушки,
«Поотвѣдать своего да роду племени»,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скорошенько соскочитъ со бѣло́й груди,
То й беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За него беретъ за перстни за злаченые,
То здымалъ его со матушки сырой земли,
Становилъ онъ молодця да й на рѣзвы́ ноги,
На рѣзвы́ ноги да й супротивъ собя,
Цѣловалъ ёго̀ въ уста онъ во саха́рніи,
Называлъ-то братцемъ со̀би ро́дныимъ.
Еныі сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улици Рогатицы,

Digitized by Google

Къ тому славному къ подворью богатырскому;
Пріѣзжали-то они да й на широкой дворъ,
Какъ сходили молодцы они съ добрыхъ коней,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ бѣжалъ скорò въ полату бѣлокаменну;
Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ
А й сталъ по двору Лука похаживать,
За собою сталъ добрá коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скоренько шолъ полатой бѣлокаменной,
Проходилъ ёнъ во столову свою горенку,
Ко своёй ко рóдной прúшелъ матушкѣ:
— Ай ты свѣтъ моя да й рóдна матушка!
— Какъ-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й наѣхалъ я въ чистóмъ поли татарина,
— А кормилъ я ёго ѣствушкой сахáрнею,
— Да й поилъ я ёго питьицемъ медвянымъ. —
Говоритъ ему тутъ рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое,
«Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ!
«Какъ наѣхалъ ты въ чистóмъ поли татарина,
«То не ѣствушкой кормилъ бы ты сахáрнею,
«То не питьицемъ поилъ бы ты медвянымъ,
«А й то билъ бы ёго палицей булатнею,
«Да й кололъ бы ты ёгò да кóпьемъ вострымъ.
«Увезли у тóбя братця они рóднаго,
«Увезли-то ёны малымъ робёночкомъ,
«Увезли его татары-ты поганы!»
Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова!
— Ай ты свѣтъ моя да рóдна матушка!
— Не татарина наѣхалъ я въ чистóмъ поле,
— А й наѣхалъ братця сóби рóднаго,
— Мóлода Луку да я Петровича.
— А й Лука Петровичъ по двору похаживатъ,

Digitized by Google

— За собой добра́ коня поваживатъ. —
То честна́ вдова Настасья-то Васильевна
Какъ скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
Да й въ одной тонко́й рубашечкѣ безъ пояса,
Въ о́дныхъ то́нкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Приходила къ сво́ему да къ сыну ро́дному,
Къ мо́лоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за бѣленьки,
За него-то перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его въ саха́рніи,
Называла-то соби да сыномъ ро́дныимъ;
Да й вела его въ полату бѣлокаменну,
Да вела въ столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовыи,
Ихъ кормила ѣствушкой саха́рнею,
Да й поила-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Они стали жить быть, вѣкъ коро́тати.

Записано тамъ же, 7 іюля.

88.

СКОПИНЪ.

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тутъ Скопинъ да на добра́ коня,
Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,
Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,
Собиралъ ёнъ мужичковъ да новгородскіихъ,
Говорилъ ёнъ мужичкамъ да новгородскіимъ:
«Ай же мужички вы новгородскія!
«Соберите-тко мнѣ силушки соро́къ тысящъ

Digitized by Google

«Да й повыгнать изъ Москвы Литва поганая».
Эты мужички да новгородскія
Собирали ёму силушки сорóкъ тысящъ;
Ѣхалъ-то Скопинъ да къ каменнóй Москвы
Со своима со войскамы со великима.
У Литвы Москва да попризáнята,
А й всѣ домы у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима
Магазеи принаполнены,
Ему нéкакъ-то подъѣхать къ каменной Москвы.
А 'ще шолъ Скопинъ по славной каменнóй Москвы,
Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
Ко тому къ Микитушкѣ къ Романову.
А 'ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во Москвы живетъ да ёнъ не весело
Онъ со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьюшкой Романовой,
Енъ про нихъ дѣлà да и не вѣдаётъ.
Говорилъ Скопин-отъ князю-то московскому:
«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
«Розоритъ нашу́ Москву Литва поганая!»
Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
А й садился-то Микита на черленый стулъ,
Й онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да пониже плечъ своихъ могучіихъ,
Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
Говорилъ-то тутъ Микита таковы слова:
— Ай же молодость моя молóдая!
— Улетѣла отъ меня да й во чистó поле,
— Во чистó поле да яснымъ соколомъ!
— Ай ты старость ты моя да и глубокая!
— Налетала ты да изъ чистá поля,
— Изъ чистá поля да чернымъ ворономъ,
— Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучіи! —

Digitized by Google

А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы́ ноги,
А й то палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ,
Й онъ бѣжалъ по славной каменно́й Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ;
Онъ бѣжалъ-то на конюшни лошадиныи,
У добры́хъ коней всѣ глодочки повыторкалъ;
Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ
Во свою полату бѣлокаменну,
А й тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся, сталъ Микита добрымъ мо́лодцемъ.
Выходилъ-то какъ Микита на широкой дворъ,
Отобралъ добра́ коня Микита богатырскаго,
Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
Онъ повыѣхалъ на славну каменну́ Москву
Воевать съ Литвою со поганою.
Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лошадиныимъ,
Да у добры́хъ коней вси глодочки росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ магазеямъ оружейныимъ,
Отъ оружей всѣ замочики отщолканы, —
То имъ нечѣмъ воевать да съ каменно́й Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
А й очистили-то славну каменну́ Москву.
Еще тымъ эти́ дѣла покончились.

Записано тамъ же, 8 іюля.

89.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

А й сидитъ сидитъ кручиненъ доброй мо́лодецъ,
Да й сидитъ печаленъ доброй мо́лодецъ,

Digitized by Google

Онъ повѣсилъ свóю буйную головушку
Да й пониже плечъ своихъ могучіихъ.
«Ты чего сидишь печаленъ, доброй мóлодецъ,
«Ты чего сидишь кручиненъ, доброй мóлодецъ?»
— Еще какъ-то мóлодцю мнѣ не кручиниться?
— Еще какъ-то мóлодцю мнѣ не печалиться?
— Какъ вечоръ-то легъ я — не поужиналъ,
— Я утрóсь-то сталъ да не позавтракалъ,
— Пообѣдати схватился — тамъ и хлѣба нѣтъ.
— Поневолили-то мóлодца женитися,
— Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
— У сусѣда óны брали у богатаго
— Да й приданаго-то много — человѣкъ худой.
— А й приданоё виситъ на грядочкѣ,
— Да й худая жонка-та на ручки спитъ.
— То мнѣ не съ кимъ добру мóлодцю погладиться [1]),
— Да и не съ кимъ добру мóлодцю полиститься [2]).—
Й оттого-то молодéцъ да во гульбу пошолъ,
Во гульбу пошолъ да во гуляньицо;
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
Да пошолъ-то молодéцъ а изъ земли́ въ землю,
Изъ земли въ землю́ да изъ орды въ орду,
И зашолъ-то къ кóролю къ Литовскому,
Да й задался во служенiё къ литовской королевичной,
Да й служилъ у нёй двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
Вѣрой правдой онъ служилъ да неизмѣною:
На кроватки спалъ онъ на тисовою,
А й на той онъ на перинкѣ на пуховою,
У самой ли-то у ней да на бѣлóй груди.

---

1) Т. е. понѣжиться.
2) Т. е. поласкаться.

Digitized by Google

Стосковалось тутъ дородню добру мóлодцю
По своёй-то по родимой по сторонушки,
Онъ доклáдалъ королю Литовскому:
— Ай ты батюшко король Литовскіи!
— Стосковалось по родимой мни сторонушки,
— Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицо:
— Тамъ не выросло ль зелéное кропивушко? —
Приказалъ король ёму коня сѣдлать,
Королевична литовская
Насыпáла-то безсчетну золоту казну,
Во шелкóвъ камвертъ да запечатала,
Положила она мóлодцю въ глубокъ карманъ;
А й поѣхалъ тутъ дородней добрый мóлодецъ.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
А й то ѣхалъ мóлодецъ да изъ орды въ орду,
Да й проѣхалъ мóлодецъ онъ изъ земли въ землю,
Пріѣзжалъ онъ на отцёвско на помѣстьицо.
На отцёвскоёмъ да й на помѣстьицѣ
То стоитъ худая мала хизинка,
Да й у той ли малой хýдой хизинки
Ходитъ малыихъ два глупыихъ два вьюнышка[1]).
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мóлодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
— Вы котораго-то дому да коёй семьи?
— Еще есть ли-то у васъ да óтецъ матушка? —
Отвѣцали ёму малы глупы вьюнышки:
«Ай ты дядюшка да и незнáёмой!
«Столько есть у насъ одна родитель матушка,
«А й то нѣтъ у насъ да рóдна батюшка».
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мóлодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!

1) Т. е. юноши.

Digitized by Google

— А й куды у васъ ушла да ро́дна матушка? —
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«А й ушла-то наша ро́дна матушка
«На крестьяньскую да на роботушку,
«А и тымъ она да насъ воспитыватъ».
Й онъ стоялъ-то вѣдь до поздного до вечера
Тутъ худая-та жона́, да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная,
То идетъ она съ крестьяньской со роботушки,
Во правой руки несётъ-то косу вострую,
Во лѣвой руки несётъ-то грабли частыи,
На плечахъ бѣдна́ горюшиця дрова несётъ,
Приходила-то къ худою къ малой хизинки.
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мо́лодецъ:
— А й честна́я ль ты вдова аль жо́на мужняя? —
Отвѣцала-то ему́ да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная:
«Не вдова-то есть, жона́ не мужняя,
«Сирота я есть да горе-горькая».
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Не вдова ты есть, да жо́на мужняя. —
«Почему́ ты ме́ня знаешь жо́ну мужнюю?»
— Потому я знаю жо́ну мужнюю,
— Что съ тобою мы росли да близко-по́-близку,
— Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
— Да во славны во велеи во нѣмецкіи,
— А й тогда съ тобя я часто ѣзды бралъ....
— Подойди-тко ты ко мни, да жо́на умная,
— Жо́на умная многоразумная,
— Положи-тко свои ручки во глубокъ карманъ,
— Вынимай-ко изъ кармана ты шелко́въ камвертъ,
— Вынимай камвертъ да роспечатывай. —
То худая-та жона́ да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная,

Digitized by Google

Подошла она къ дородню добру мо́лодцю,
Положила свои ручушки въ глубокъ карма́нъ,
Вынимала-то оттуль она шолко́въ камвертъ,
Вынимала-то камвертъ да роспечатала,
Находила во камвертѣ свой злаче́нъ перстень,
А когда оны вѣнчалися во матушки,
Да й во матушки вѣнцались во Божьёй церквы,
Тогда этымъ о́на пе́рстнёмъ обручалася.
Й она брала-то за ручушки за бѣлыи,
За нёго́ за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его саха́рніи,
Называла-то соби мужо́мъ любимыимъ.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

90.

ГОРЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 85).

А й батюшка у матушки
Какъ жилъ-то мо́лодецъ да опъ во дрокушкѣ [1]),
А онъ ѣлъ сладко́ да и носи́лъ красно̀,
А й носилъ красно́ да работа́лъ лёкко.
Похотѣлось тутъ дородню добру мо́лодцю
Да й сходитъ ёму на чу́жу на сторонушку,
Посмотрѣть людей да показать собя.
Да ёнъ дѣлалъ-то одёжицу хорошеньку,
А онъ шилъ собѣ да кунью шубоньку,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;

1) Т. е. баловствѣ или нѣгѣ.

Digitized by Google

Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,
Изъ-заду̀ не видно шеи бѣ́лою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболи́ную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскіихъ,
А й кушачикъ опоясалъ онъ шелко́венькой,
Да й перцаточки на ручки съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
Подъ пяту́ подъ пя́ту воробей лети;
А онъ денежекъ-тыхъ взялъ да пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей-то взялъ ёнъ со полтинкою,
Да й пошолъ-то ёнъ на чу́жую на дальну на сторонушку.
Приходилъ-то онъ ко городу ко чу́жому,
Тутъ сустигла мо́лодца да ночка тёмная,
Да й не знаетъ онъ куды да пріютитися,
Городъ чужъ, людѝ ему незнаемы.
А й пришолъ-то ёнъ къ царе́воему къ ка́баку;
Еще тутъ-то мо́лодецъ да запечалился,
Еще тутъ-то мо́лодецъ да й закручинился,
Приклонилъ буйну̀ головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Изъ того царе́вого изъ ка́бака
Выходило ба́бищо курвя́жищо,
Да й турыжна ба́бищо ярыжная,
А й стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣ́ла,
У́ нёй кровь въ лици да какъ у за́яца,
Во лицѝ ягодицы[1]) какъ цвѣту макова.
Она стала во́кругъ молодца похаживать:
«Ты чого̀ стоишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чого̀ стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ тоби чужъ, людѝ незнаемы,

1) Т. е. щеки.

Digitized by Google

«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Ты поди-тко мóлодецъ да й во царевъ кабакъ,
«Выпей рюмочку вина зеленаго,
«Да и тутъ ты мóлодецъ да роскуражишься,
«Тутъ пойдешь по городу похаживать,
«Да й будёшь по чýжому погуливать,
«Да чужихъ людей да познавáть будёшь».
Енъ послушалъ бáбища курвяжища,
Да й турыжной бáбища ярыжною;
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
Выпилъ рюмочку да еще дрýгую,
Испивалъ-то онъ да й третью рюмочку,
А и тутъ-то молодецъ да й роскуражился,
А онъ бáбицой турыжной позабавился.
Такъ онъ денежокъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесять рублей онъ пропилъ со полтинкою,
Обвалился молодецъ тутъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нёму голюшки кабацныи
Й отпоясали кушачикъ семишолковый,
А й то сняли съ нёго шубоньку-ту куньюю,
А й съ головушки то шапочку-ту сняли соболиную,
Съ ручокъ сняли-то перцаточки да съ чистымъ серебромъ,
Да й сапоженьки розули съ ногъ сафьянныи,
А й лапóтики обули ёму липовы,
Да й рогóзаньку надѣли ёму липову,
Да й поношену да тую брошену,
На головушку колпакъ надѣли липовой,
Да й поношеной да тотъ и брошеной.
Пробудился молодéцъ да ёнъ отъ крѣпка сна,
Да й отъ крѣпка сна отъ молодецкаго,
Пороскинулъ онъ свои да яспы очушки,
А вся снята-то одёжа дрогоцѣнная,
А й надѣто-то одёженько всё липово.

Digitized by Google

Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да запечаливши,
Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да й закручинивши,
Енъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й на правую онъ на сторонушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошла-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
Да й турыжно бабищо ярыжное,
То стано́мъ ровна́ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто́ у заяца,
Во лица́ яго́дици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«То́би полно добру мо́лодцю печалиться,
«То́би полно добру мо́лодцю кручиниться.»
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
А и тутъ-то молоде́цъ ёнъ роскуражился,
Выходилъ-то молоде́цъ съ царева ка́бака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужи́хъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ зада́лся во роботушку въ басонскую.
Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ друго́и годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ со́би шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка́ румянаго,

Digitized by Google

Изъ-задȕ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморьскіихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то пóдъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чȕжому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мóлодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царе́воёму къ ка́баку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырóй земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило ба́бищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мóлодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ доброй молодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ доброй молодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, люди́ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Да й поди-тко мóлодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чȕжа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною.
Заходилъ-то мóлодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ мóлодецъ да то и дру́гую
Выпилъ мóлодецъ да еще третьюю,

Digitized by Google

Еще тутъ-то мóлодецъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нему голюшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ нéго куньюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перцаточки-ты сняли съ чистымъ сéребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился молодецъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бáбищо курвяжищо,
То станóмъ ровнà да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдтò у заяца,
Во лицѝ ягóдици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мóлодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«А 'ще тутъ-то мóлодецъ ты роскуражишься».
Тутъ удаленькой дородній доброй мóлодецъ
Испивалъ онъ чару зелена́ вина,
Выходилъ-то мóлодецъ съ царева кáбака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чýжому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ задáлся во роботушку въ басонскую.

Digitized by Google

Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ другóи годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,
Изъ-заду̀ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскiихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то по́дъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мо́лодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царе́воёму къ ка́баку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырóй земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило ба́бищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мо́лодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, людѝ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?

Digitized by Google

«Да й поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чу́жа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною.
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ молоде́цъ да то и дру́гую,
Выпилъ молоде́цъ да еще й третьюю,
Еще тутъ-то молоде́цъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ не́му голюшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ него куньюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки-ты сняли съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился мо́лодецъ отъ кре́пка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бабищо курвяжищо,
То стано́мъ ровна́ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто́ у заяца,
Во лица́ яго́дици-то цвѣту макова;
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:

Digitized by Google

«Ты удаленькой дороднёй доброй мóлодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина».
Испивалъ-то мóлодецъ онъ чару зелена́ вина,
Выходилъ ёнъ съ кабака да й со цареваго,
Обвернулся доброй мóлодецъ сѣры́мъ волкомъ,
Побѣжалъ-то онъ отъ Горюшка въ чисто́ поле,
А и Горюшко за нимъ собакою.
Обвернулся-то да й доброй мóлодецъ,
Полетѣлъ-то онъ да ясным соколомъ,
Горюшко вслѣдъ за́ нимъ чернымъ ворономъ...
А и тутъ-то доброй мóлодецъ приставился.
Да свезли-то на могилу на родительску,
Положили добра мóлодца въ сыру землю,
Прибѣгало тутъ да къ нёму Горюшко,
Прибѣгало Горе, о́бъ немъ плакало:
— А й хорошъ ты былъ удаленькой дороднёй мóлодецъ!
— Я топерь пойду во славну въ каменну Москву,
— У меня тамъ есть еще лучши́ тобя. —

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

XVII.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости, лѣтъ за 80, слѣпой съ малолѣтства, щедушный, небольшаго роста, сгорбленный, сѣденькой старичокъ. Онъ съ молоду остался безпомощнымъ сиротою на попеченіи міра, который сдалъ приходившійся на долю Романова участокъ другому крестьянину, съ обязательствомъ доставлять ему сколько нужно для пропитанія. Такъ онъ прожилъ весь вѣкъ, занимая избушку, доставшуюся ему отъ родителей. Былины онъ заимствовалъ отъ того же Ильи Елустафьева, отъ котораго учился и

Digitized by Google

Рябининъ; по его словамъ, онъ кромѣ Елустафьева не имѣлъ другаго учителя. Поётъ онъ былины слабымъ, дребезжащимъ голосомъ, не договаривая конца стиховъ. Въ большей части былинъ онъ не помнитъ конца или разсказываетъ конецъ словами. При этомъ оказалось, что когда онъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ обрывалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь, и что какъ самый кругъ былинъ, которыя онъ поётъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія. Съ тѣхъ поръ какъ записывалъ съ его словъ г. Рыбниковъ, онъ забылъ только былину про Василія Буслаева, которую и тогда онъ плохо зналъ и могъ возстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтія Богданова. Кузьма Романовъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сказителей, упоминаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, тѣмъ, что онъ считаетъ пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, составляющей его извѣстность и дающей ему нѣкоторую прибыль. Судя по его разговорамъ, этотъ взглядъ особенно укоренился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ приглашонъ спѣть былины передъ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ во время его путешествія на сѣверъ. Кузьма Романовъ считаетъ себя первымъ сказителемъ и не охотно признаетъ, чтобы кто-либо другой зналъ порядочно былины. При всемъ стараніи, невозможно было записать его былины съ напѣва, такъ какъ онъ, разъ «взявъ былину на́ голосъ», не въ состояніи уже остановиться. Потому былины, здѣсь печатаемыя, не представляютъ размѣра съ тою вѣрностью, съ какою Романовъ его дѣйствительно соблюдаетъ, когда распѣваетъ былины; притомъ Романовъ, совершенно беззубый, произносилъ такъ невнятно, что собиратель нѣкоторыхъ стиховъ не могъ хорошенько разслышать и принужденъ былъ въ этихъ случаяхъ придерживаться текста Рыбникова. Кромѣ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ, онъ сказывалъ еще былину про Хотена (Рыбн., т. II, 22) совершенно сходно съ Рыбниковскимъ текстомъ.

Digitized by Google

91.

ВОЛЬГА.

(См. Рыбникова, т. I, 1).

Закатилось красное солнышко
За лѣсушки за темныя, за моря за широкія,
Розсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу́ небу:
Порождался Вольга́ сударь Буславлевичъ
На святой Руси.
И росъ Вольга́ Буславлевичъ до пяти годковъ,
Пошолъ Вольга́ сударь Буславлевичъ по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звѣри въ лѣсахъ розбѣжалися,
Птицы по подоблачью розлеталися,
И рыбы по синю́ морю розметалися.
И пошолъ Вольга́ сударь Буславлевичъ
Обучаться всякихъ хитростей мудростей,
Всякихъ язы́ковъ онъ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буславлевичъ на́ семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ,
Обучался хитростямъ мудростямъ,
Всякихъ язы́ковъ разныихъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать бога́тырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатыимъ:
«Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
«Слушайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелѣное:
«Вейте веревочки шелко́выя,
«Становите веревочки по темну́ лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«А ловите вы куницъ лисицъ,
«Дикихъ звѣрей черныхъ соболей

Digitized by Google

«И подкопучіихъ бѣлыхъ заячковъ,
«Бѣлыхъ заячковъ, малыхъ горносталюшковъ,
«И ловите по три дня по три́ ночи».
Слушали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили веревочки шелко́выя,
Становили веревочки по темну́ лѣсу по сырой земли,
Ловили по три дня по три́ ночи,
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся онъ левы́мъ звѣрёмъ *(такъ)*;
Поскочилъ по сырой земли по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей черныхъ соболей,
И бѣлыхъ поскакучіихъ заячковъ,
И малыихъ горносталюшковъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
А со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то.
«И дѣлайте дѣло повелёное,
«А вейте силышка шелковыя,
«Становите сплышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныихъ соколей,
«А малую птицу-ту пташицу,
«И ловите по три дни и по три́ ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
А дѣлали дѣло повелёное:
А вили силышка ше́лковы,
Становили силышка на темный лѣсъ на самый верхъ;
Ловили по три дни по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной птички.

Digitized by Google

Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ Нау́й птицей,
Полетѣлъ по подоблачью.
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныихъ соколей
И малую птицу-ту пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ
Со своей дружинушкой со доброю;
Скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то,
«Дѣлайте вы дѣло повелёное:
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте судёнышко дубовое,
«Вяжите путевья̀ шелковыя,
«Выѣзжайте вы на сине море,
«Ловите рыбу семжинку да бѣлужинку,
«Щученьку, плотиченьку,
«И дорогую рыбку осе́тринку,
«И ловите по три дни по три́ ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья̀ шелковыя,
Выѣзжали на сине́ море,
Ловили по три дни по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ рыбой щу́чинкой
И побѣжалъ по синю́ морю.
Заворачивалъ рыбу семжинку бѣлужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осе́тринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:

Digitized by Google

«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Вы слушайте большаго братца атамана-то:
«Кого бы намъ послать во Турецъ землю,
«Провѣдати про думу про царскую,
«И что царь думы думаетъ,
«И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
«А стараго послать — будетъ долго ждать;
«Да средняго послать-то — виномъ запоятъ,
«А малаго послать,
«Маленькой съ дѣвушкамы заиграется,
«А со молодушкамы роспотѣшится,
«А со старыма старушкамы разговоръ держать,
«И буде намъ долго ждать.
«А видно будѐ Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею-пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И будетъ скоро во той земли Турецкоей,
Будетъ у сантала у турецкаго,
А у той полаты бѣлокаменной,
Противъ самыихъ окошечекъ,
И слухаетъ онъ рѣчи тайныя.
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А ты знаешь ли про то, вѣдаешь?
«На Руси-то трава ростетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежному,
«А на Руси трава растетъ не по прежному,
«А видно Вольгѝ-то живаго нѣтъ.
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я себѣ девя́ть городовъ,
«Подарю я девя́ть сыновъ,
«А тебѣ царица Панталовна
«Подарю я шубоньку до́рогу».

Digitized by Google

Прогóворитъ царица Панталовна:
— Ай же ты царь Турецъ-санталъ!
— А я знаю про то, вѣдаю:
— На Руси трава все ростетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
— А ночéсь спалось, во сняхъ видѣлось:
— Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
— Налетала птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетала птица чернóй воронъ;
— Слеталися оны во чистóмъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— И по перышку она повыщипала
— А на вѣтеръ все повы́пускала.
— То есть Вольга́ сударь Буславлевичъ,
— А что черной воронъ — Турецъ-санталъ. —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку доро́гуи».
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
— И не привезти тебѣ шубоньки до́рогой! —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу́ лицу,
И повéрнется, — по дру́гому,
И кинетъ царицу о кирпичень полъ,

Digitized by Google

И кинетъ ю второй-то разъ:
«А пое́ду я на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку до́рогу!»
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся се́ры́мъ волкомъ
И поскочилъ-то ёнъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пе́ребралъ,
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пе́рервалъ.
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малымъ горносталюшкомъ,
Поскочилъ во горницу оружейную,
Тугіе луки пере́ломалъ,
И шелко́выя тетивочки пе́рервалъ
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею пташицей,
И будетъ скоро во градѣ во Кіевѣ,
И пове́рнулся онъ добрымъ мо́лодцомъ
И будетъ онъ съ своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемте мы во Турецъ-землю».
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что́ было на́ дѣлу дорого,
Что было на́ дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

Digitized by Google

Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по три́ рубля.
А то было на́ дѣлу дешево — женскій полъ:
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

92.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 21).

А собака ты собака злодѣй Ка́линъ царь!
А думаетъ онъ думушку недобрую,
Совѣты совѣтуетъ не хорошіе,
А й помышляетъ онъ собака Калинъ царь
А отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя Владиміра
Молоду Опраксу королевичну.
А собирается онъ собака злодѣй Калинъ царь,
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ ко́ролей,
У всякаго было у царя у царевича
По сорока было тысячей, по тысячѣ,
У всякаго было у короля у королевича
По триста было тысячей, по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошолъ,
И какъ скоро онъ буде на томъ поле на Кули́ковѣ,
И розставилъ ёнъ силу по чисту́ полю,
А самъ сходилъ собака со добра́ коня,
А писалъ ярлыки скорописчаты,

Digitized by Google

Не чернилами писалъ, краснымъ золотомъ;
А день проѣздилъ, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
А выбиралъ все татаръ самолучшіихъ.
И по дрýгой день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
И по третій день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскія,
А выбиралъ татарина самолучшаго,
Выбиралъ татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
А говорилъ ему наказывалъ:
«Поѣзжай ко городу ко Кіеву,
«А не въѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы,
«А ты скачи черезъ стѣну городóвую
«А пріѣзжай къ крылечку ко перёному,
«Не привязывай коня, да не приказывай,
«Бѣжи скорѣй въ полаты княженецкія,
«А поди въ полату не съ упадкою,
«А отворяй двери все на́ пяту,
«А отворяй двери, не за́пирай,
«И поди въ полату княженецкую,
«Отдавай ярлыки князю Владиміру,
«И самъ изъ словъ выговаривай:
««Ай же ты Владиміръ стольно-кіевской!
««Очистилъ бы палату княженецкую,
««А стоять бы самому царю Ка́лину,
««Очистилъ бы подворья богатырскія,
««А стоять тамъ силы татарскоей»».
«И самъ скоро поворотъ держи,
«И бѣжи скорѣе на широкой дворъ,
«И садись скорѣе на добра коня,
«Поѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы».
Поѣхалъ татаринъ ко городу ко Кіеву,

Digitized by Google

Сдѣлалъ дѣло повелёное.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій,
А собиралъ всѣхъ могучіихъ богáтырей,
А самъ князь Владиміръ поросплакался,
А всѣмъ могучіимъ богáтырямъ раскланялся:
— Ай же вы могучіе богáтыри!
— Какъ бы съ непріятелемъ поправиться? —
Вси могучіи богáтыри отвѣтъ держатъ:
«Князь Владиміръ стольно-кіевской!
«Думаемъ съ непріятелемъ-тымъ поправиться».
И бысть *(такъ)* князь веселъ радостенъ.
А всѣ единъ по единому
Изъ города изъ Кіева онѣ повыѣдутъ.
У его-то былъ любимый ли племничекъ,
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ,
А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владиміру,
А бьетъ челомъ, покланяется:
«А дядюшка князь ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«А дай мнѣ прощеньице благословленьице
«А изъ города изъ Кіева повыѣхать!»
А прогóворитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же любимый мой племничекъ,
— Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— А ты младешенекъ да ты глупешенекъ,
— А отъ роду вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— А устрашишься ты вѣдь ужáхнешься
— Силы войска татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
— А изъ города изъ Кіева повыѣхать. —
А спрогóворитъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Дядюшка князь Владиміръ стольно-кіевской!
«А ты дашь мнѣ прощеньице, повыѣду,
«Аль не дашь мнѣ прощеньица, повыѣду».
А и скоро бѣжитъ во конюшенъ дворъ

Digitized by Google

А беретъ себѣ коня добраго,
Добраго коня лучшаго,
Коня лучшаго самолучшаго,
А сѣдлаетъ уздаетъ коня добраго,
И беретъ себѣ копье вострое,
Копье вострое, палицу булатную,
А скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
А скоро будетъ на томъ полѣ на Елéскинѣ,
А у того вѣдь у сы́ра дуба Нéвида,
У того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи бога́тыри;
И скоро сходилъ съ добра́ коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
А въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А на томъ шатрѣ было три примѣточки,
А примѣточки были замѣчёныя,
А три кисточки были золочёныя;
А на Добрынюшки Никитича на томъ шатрѣ
А двѣ кисточки были ше́лковы;
А на Алешеньки Поповича на томъ шатрѣ
Была кисточка едина ше́лкова.
И пошолъ ёнъ въ бѣло́й шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣло́й шатеръ,
И бьетъ челомъ поклоняется
Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ:
«Ай же вы могучіи бога́тыри!
«Ѣдите́, пьете́, утѣшаетесь,
«Во всякія игры забавляетесь,
«А остался князь Владиміръ стольно-кіевской
«Кручиноватъ, печаловатъ,
«Кручиноватъ князь, печаловатъ».
Прогово́рятъ могучіи бога́тыри:
— А ты мла́дой Ермакъ Тимофеевичъ!

Digitized by Google

— Пойди-ка ты на сырой дубъ на́ Невидъ,
— Погляди ты на силу войско татарское. —
И онъ скоро бѣжитъ на сы́рой дубъ
И поглядитъ на войско татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добра́ коня,
И поѣхалъ въ войско татарское.
А прошло времени не малое,
И схватились всѣ могучіи бога́тыри:
— Ай же вы бога́тыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба?
— Видно устрашился онъ силы-войска татарскаго. —
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Поди-тко Алешенька сынъ Ивановичъ,
— Погляди со сыра дуба на войско татарское. —
Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Ажно ѣздитъ по силу по татарскую
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ:
Куды ѣздитъ, туды улица,
А пове́рнетъ — переулкамы.
Какъ пришолъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
«Ай же братцы могучіи бога́тыри!
«А ѣздитъ Ермакъ по силу по татарскую,
«Куды ѣздитъ, туды улица,
«А пове́рнетъ — переулкамы».
Посылаютъ Добрынюшка Никитича:
— Поди, Добрынюшка Никитиничъ,
— Мла́даго Ермака Тимофеевича
— Ласковыма словамы его уговаривай,
— И удерживай баграмы желѣзныма,
— Укротилъ бы свое сердце богатырское. —
И скоро Добрынюшка Никитиничъ
Поѣхалъ въ силу войско татарское,

Digitized by Google

И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
«Укроти свое сердце богатырское,
«Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты младешенекъ глупешенекъ,
«Сорвешься ты, надо́рвешься».
И укротилъ свое сердце молодецкое
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

93.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Поросплачется поростужится
Добрынюшка Микитиничъ
Предъ своей передъ государыней матушкой:
«Ай же ты моя ро́дна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Александровна!
«Для чего ты меня несчастнаго споро́дила
«Несчастнаго, петаланнаго?
«А спороди́ла бы ты, матушка,
«Счасками бы ты споро́дила
«Въ стольно-кіевскаго князя во Владиміра,
«А красою бы ты споро́дила
«Во Осипа прекраснаго,
«А силою бы ты споро́дила
«А въ стараго каза́ка Илью Му́ромца,
«А смѣлостью бы ты споро́дила
«Во Алешу во Попо́вича!»
Отвѣтъ держитъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты чадо милоё,

Digitized by Google

— Ты ча́делко мое любимоё,
— Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А ты вѣдь Добрынюшка въ послахъ бывалъ,
— Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
— А ты говорить гораздъ, разговаривать. —
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Посылаютъ меня матушка въ землю Сорочинскую,
«Во тую землю на Пучай-рѣку,
«Выручать-то княженецкую племянницу».
Первый посолъ отъ города отъ Кіева
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А второй посолъ Добрынюшка Микитиничъ.
И поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Въ тую въ землю Сорочинскую;
И скоро будетъ на той рѣки на Пучай-рѣки,
И хочетъ Добрынюшка Микитиничъ
Хочетъ купаться во Пучай-рѣки,
Хочетъ купаться нагим̀ъ тѣломъ.
На той рѣки дѣвицы платье мыли бѣ́лили;
Прогово́рятъ всѣ дѣвицы портомойницы,
Портомойницы, бѣломойницы:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У насъ не ку́плятся во Пучай-рѣки нагим̀ъ тѣломъ,
— У насъ ку́плятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ. —
А прогово́ритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Дѣ́вицы вы красавицы,
«Портомойницы, бѣломойницы:
«А вы самы спали, се́бѣ сонъ видѣли!»
А скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И ку́плется во Пучай-рѣки нагим̀ъ тѣломъ;
И первую струю, струю быструю
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ,
И другую струю, струю быструю,
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ.

Digitized by Google

И закрычалъ-то малой па́робкя,
Закрычалъ па́робкя громкимъ голосомъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Изъ-подъ западнія сторонушки иде шумъ великъ! —
Налетѣла змѣя лютая Горынцята;
И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,
И приплылъ ёнъ ко круто-красному бережку,
И одѣваетъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку,
И скоро ёнъ облатился и обкольчужился,
И хватаетъ ёнъ палицу булатнюю,
И бьетъ змѣю лютую по змѣинымъ по хоботамъ,
Бьетъ онъ змѣю палицей булатнею,
А тутъ змѣя ему молилася:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Отдамъ я вашу королевичну.... —

(Далѣе пѣвецъ не помнилъ).

Записано тамъ же, 3 іюля.

94.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. I. 30.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бо́яровъ,
На могучіихъ на бога́тырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испрого́воритъ Владиміръ стольно-кіевской:

Digitized by Google

«Ай вы всѣ князи бóяра,
«Всѣ могучіи богáтыри,
«Всѣ купцы торговыи
«Всѣ мужики деревенскіи!
«Всѣ на пиру поженены,
«Одинъ я князь не женатый есть.
«Знаете ль вы про меня княгиню супротивную,
«Чтобы ростомъ была высокая,
«Станомъ она становитая,
«И на лицо она красовитая,
«Походка у ней частà и рѣчь баска,
«Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
«Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
«И всѣмъ вамъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
«Всѣмъ могучіимъ богáтырямъ,
«Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
«Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
«И всему красному городу Кіеву
«Было бы кому поклонятися?»
Всѣ на пиру призамолкнули
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мóлодецъ,
Изъ по имени Дунаюшки Ивановичъ,
Выходилъ за столика дубоваго,
Очень онъ пьянъ — не шатается,
Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
Низки поклоны поклоняется:
— Князь Владиміръ стольно-кіевской!
— Я знаю про то вѣдаю
— Про тебя княгиню супротивную:
— Во той во земли въ хоробрóй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великіи,
— Обѣ дочери на выдáваньи:

Digitized by Google

— Бóльшая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней частà и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
— И всѣмъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богáтырямъ,
— Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
— Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
— И всему крáсному городу Кіеву
— Будетъ кому покланятися. —
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владыміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
«Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
«Возьми казны десять тысячей,
«И поѣзжай во тую землю въ хоробрý Литву,
«И добрымъ словомъ посватайся:
«Буде въ честь не даютъ, такъ ты силóй возьми,
«А столько привези Опраксу королевичну».
Прогóворитъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
— Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
— Но надо казны десять тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
Испрогóворитъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи».

Digitized by Google

Скоро Добрынюшка понакнулся *(такъ)*
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добры́хъ коней;
Видли добрыхъ мо́лодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Быдто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли въ хоробро́й Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добры́хъ коней.
Прогово́ритъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Стой ты у коней, коней паси,
«А поглядывай на ринду *(такъ)* королевскую,
«На палату княженецкую:
«Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
«А каково бы время, такъ пріуѣхать бы».
А приходитъ къ королевскому величеству;
Знаетъ онъ порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться;
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«Здравствуй батюшка король хоробро́й Литвы!»
А оглянется король хоробро́й Литвы:
— Прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
— Жилъ ты у меня три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
— Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
— За твои услуги молодецкія
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо́ мѣсто;

Digitized by Google

— Ѣшь молодецъ досыта
— И пей молодецъ до́любо. —
И посадилъ его за большій столъ, въ большо́ мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай собя,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
— Насъ ли посмотрѣть али себя показать,
— А у насъ ли пожить а еще послужить? —
«Батюшка король хоробро́й Литвы!
«А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,
«Засвататься на твоей дочери на Опраксіи».
Этыи рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не за свое дѣло взялся — за бездѣлье́ице:
— Ме́ньшую дочь ты просватывашь,
— А бо́льшую дочь чѣмъ за́садилъ?
— Ай же вы татаровья могучіи!
— Возьмите Дуная за бѣлы́ руки,
— А сведите Дуная во глубокъ погребъ,
— Заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Задвиньте доскамы дубовыма,
— Засыпьте пескамы рудожелтыма;
— Пусть-ка Дунай во Литвы погоститъ,
— Во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ,
— А можетъ Дунай догадается. —
Выставалъ Дунай на рѣзвы́ ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной го́ловы,
И опирается на рученьки о дубовый столъ:
Столы дубовые роскрятались,
Питья на столахъ проливалися,
Вся посуда розсыпалася.
Всѣ татаровья испужалися,
Скоро прибѣжали слуги вѣрные
Со того двора съ королевскаго:

Digitized by Google

«Ай же ты батюшка король хоробро́й Литвы!
«Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«На дворѣ дѣтина не знай собой,
«Во лѣвой рукѣ два повода добры́хъ коней,
«А во правой рукѣ дубина сарацинская;
«Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
«Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиною розмахиваетъ,
«И убилъ татаръ до одиного,
«Не оставитъ татаръ на сѣмена».
Тутъ король догадается,
Прогово́ритъ король хоробро́й Литвы:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добры́хъ коней,
Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
Съ молодой Опраксой королевичной.
И во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Роздернули полатку полотняную
И тутъ добры мо́лодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добры́хъ коней,
А въ головы востры́ копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры мо́лодцы высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры мо́лодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто́ поле.

Digitized by Google

Повставали поутру ранешенько,
И выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
Камешки съ дорожки вывертывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву;
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По этой по лошадиной по ископыти
За тымъ татариномъ въ погону въ слѣдъ.
Гдѣ было татарина такъ доѣзжать,
Гдѣ было татарина копьемъ торыкать,
Такъ съ татариномъ промолвился:
«Стой ты татаринъ во чистомъ полѣ,
«Рыкни татаринъ по звѣриному,
«Свисни татаринъ по змѣиному!»
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Темные лѣсы роспадались,
Въ чистомъ полѣ камешки роскатывались,
Траванька въ чистомъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпались,
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ татарина съ добра коня:
«Скажи ты татаринъ не утай собою:
«Чьего ты татаринъ роду, чьего племени?»
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
— Какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины ни дѣдины,
— А пластáлъ бы твои груди бѣлыя. —
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,

Digitized by Google

Какъ роскинулъ плащи татарскіе,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
А видитъ по пе́рькамъ что женскій полъ.
У его сердечушко ужа́хнулось,
А рука въ плечи застоялася:
— Что же ты Дунаюшка не о́позналъ?
— А мы въ о́дной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ. —
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Кіеву,
«И примемъ мы чудны́ кресты золоты вѣнцы́».
Пріѣхали ко городу ко Кіеву
Ко той ко церкви соборныя;
Ме́ньша сестрица вѣнчается,
Бо́льша сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошолъ ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка росхвастался:
«Во всемъ городѣ во Кіевѣ
«Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
«Самъ себя женилъ, а дру́га подари́лъ».
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Ай же ты Дунай Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты Дунаюшка росхвастался?
— А и не долго я въ городѣ по́была,
— А много въ городѣ при́знала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице,
— На щепленьице [1]) — Добрыни Никитича,

1) т. е. изящная походка и манеры, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

Digitized by Google

— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
— А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
— Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
— Обѣ половинки ровны́ пришли,
— На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны. —
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ Настасьюшка въ чисто́ поле,
«Стрѣлять стрѣлочки каленыя».
И выѣхали во чисто́ поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половинки ровны́ пришли,
На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны.
И стре́лилъ Дунаюшка Ивановичъ;
Такъ разъ стре́лилъ, пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣлилъ, не до́стрѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ розсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка-ва при́грози три́ грозы,
— А не стрѣляй стрѣлочки каленыя;
— Первую грозу мнѣ-ка при́грози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка пригрози:

Digitized by Google

— Возьми меня за волосы за женскія,
— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту́ полю;
— А третью грозу мнѣ-ка при́грози:
— Веди меня во улицу крестовую
— И копай по пе́рькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма,
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка че́рево повы́носити,
— Дай мнѣ младенца поотро́дити,
— Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить.
— У меня во черевѣ младенецъ есть —
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
— По локо́ть руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми́ печетъ красно солнышко!
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью,
У нея во черевѣ младенецъ есть,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
По локо́тъ руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ печетъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки посе́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,

Digitized by Google

А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 3 іюля.

95.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 42).

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту́ полю,
Искалъ себи-ка поединщичка,
И находилъ ёнъ шестьдесятъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И сидятъ ёны во еди́н' кругу *(такъ)*,
Подѣляютъ они золоту казну,
Золотой казны сорокъ тысячей.
Прогово́ритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы уда́лыя дородни добры мо́лодцы!
«Дай-ко мнѣ-ка-ва золотой казны малый жеребе́ечекъ».
А проговорятъ вси удалыи добры мо́лодцы:
— А голяцокъ-то дородній добрый мо́лодецъ!
— Не можешь ты нажить себи золотой казны. —
Показалось это слово за досаду за обиду за великую,
Ухватилъ енъ черлиный *(такъ)* вязъ,
Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой земли;
Отъ того удару молодецкаго
Мать сыра земля всколыбалася,
Добрыи молодцы испугалися,
По чисту́ полю розбѣжалися,
Оставили золоту казну,
Золоту казну сорокъ тысячей.
Взялъ онъ золоту казну,
Пошолъ во каменну́ Москву,
Приходилъ на царевъ кабакъ,

Digitized by Google

Поилъ пьяницъ а голей кабацкіихъ:
«Пейте пьяницы голи́ кабацкіи,
«Не пропить моей золотой казны».
А пригодилися служки монастырскіе,
Доносили императорскому величеству
Петру Алексѣевичу;
И сталъ его императорско величество,
Петръ императоръ Алексѣевичъ,
Сталъ его допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькой дородній добрый мо́лодецъ!
— Былъ ли ты красть моná́стыря Румянцева? —
Такъ этотъ удаленькой добрый молодецъ прогóворитъ:
«Петръ императоръ Алексѣевичъ!
«Я не былъ красть моná́стыря Румянцева,
«А ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
«А искалъ себи-ка поединщичка
«И находилъ во чисто́мъ полѣ:
«А сидятъ они во един' кругу
«И подѣляютъ они золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
«И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребеечка.
«А они говорятъ удалы мо́лодцы:
««Голяцокъ-ты дородній добрый молодецъ!
««Не можешь ты нажить себи золотой казны!
«Показалось мнѣ это слово за досаду за обиду за великую:
«Ухватилъ я черлиный вязъ,
«Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой землѣ;
«Отъ того удару молодецкаго
«Мать сыра земля всколыбалася,
«Добрыи молодцы испугалися,
«По чисту́ полю розбѣжалися,
«Взялъ я золоту казну,
«Пошолъ въ каменну́ Москву».

Digitized by Google

И прогóворитъ Петръ императоръ Алексѣевичъ:
— Ай же ты удаленькой дородній добрый мóлодецъ!
— Ходи-гуляй по чисту́ полю
— И стой за вѣру христіанскую! —

Записано тамъ же, 3 іюля.

96.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 18).

Собиралося сорокъ калѣкъ со калѣкою,
А самъ-то атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ,
А собиралися калѣки на зеленый лугъ,
А садились калѣки во единый кругъ,
Думали они думушку-ту добрую
А совѣты совѣтуютъ хорошіе,
А итти оны ко городу Еросóлиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Господнему гробу приложитися.
А оны положили заповѣдь великую:
«А кто обворуется и кто облядуется,
«Того бить клюхáмы каличьима,
«Тянуть языкъ вонъ со теменю,
«И копать очи ясныя косицамы,
«А копать того во сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ».
И пошли они, — котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
А не простого сафьяну заморскаго;

Digitized by Google

На головушкахъ шляпы земли Греческой.
А клюшья у калѣкъ-тыхъ рыбья кость,
И взяли они-ко по камешку Антáвенту.
А скоро калѣки въ походъ пошли;
А въ день идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антáвенту;
А будутъ они на чистó поле,
И садилися они во единый кругъ,
Думали думушку добрую,
А совѣты совѣтуютъ хорошіе:
А зайти ко городу ко Кіеву
А ко князю ко Владиміру
Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закрычали калѣки громкимъ голосомъ:
««Свѣтъ надежда князь Владиміръ стольно-кіевской!
««А пошли мы ко городу къ Еросóлиму,
««А зашли ко городу ко Кіеву,
««А поѣсть, попить, хлѣба покушати»».
А тая-то побѣда [1]) учинилася,
А князя дома не случилося;
А выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Пойдите во столову богатырскую,
«И дамъ вамъ ѣствушку сахáрнюю
«И дамъ питьицевъ медвяныихъ, —
«Ѣшьте досыти, пейте вы дóлюби!»
Приходили во столову богатырскую;
Подавали имъ ѣствушку сахáрнюю
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли они досыти, пили долюби,

1) Т. е. бѣда.

Digitized by Google

И много они благодарствуютъ:
««Благодарствуешь, княгина Опракса королевична,
««За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья»».
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ сéребромъ краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
А прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А пожалуй-ко во спальну во теплую:
«Есть молвить я словечушко тайное».
Проходили во спальну во теплую,
А садились на кроваточку тесовую;
И прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А сдѣлаемъ любовь со мной великую».
А й да прогóворитъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— А какъ пошли мы ко городу Еросóлиму,
— Положили мы заповѣдь великую:
— «Кто обворуется, облядуется,
— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю
— «И копать во сыру землю по бѣлы́мъ грудамъ». —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывáла въ переплеты калѣчьи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чистó поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы въ городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,

Digitized by Google

«А дарила насъ чистымъ сéребромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ».
И прогóворитъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою;[1])
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы́ ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А прогóворятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной».
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогóворитъ Опракса королевична:

1) Безъ боязни.

Digitized by Google

«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична?
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую ....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы́ ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклéскали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую».
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогóворитъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитинчъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,

Digitized by Google

И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросо́лиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны́ очи:
И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:

Digitized by Google

«Ай же ты Ѳома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи».

Записано тамъ же, 4 іюля.

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ [1]) былъ у матушки
И по люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки корбтати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки».
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,
Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,

---

1) Т. е. въ баловствѣ.

Digitized by Google

Зачалъ жить быть, вѣкушку корóтати.
День по день и недѣли по недѣлѣ и гóдъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка».
«Во люби держитъ меня у сердечушка».
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На удáлаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немилóсливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя чернóй тафтой,
— Сведите его на чистó поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя чернóй тафтой
И повели его удалаго дородня добра мóлодца
Во чистó поле на казень смертную.
Онъ прогóворитъ удалый добрый мóлодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немилóсливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,

Digitized by Google

«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной».
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка
Его громкаго голоса,
Кидалася въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ *(такъ)* голосомъ:
— Ай же вы слуги королевскіе,
— Палачи немило́сливы!
— Ведите вы его въ палату королевскую, въ покои особливые;
— Стану добра молодца допрашивать. —
Приводили его въ полату королевскую,
Въ полату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его удалаго дородня добра мо́лодца допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
— Жилъ ты былъ у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ,
— За что топеричу мой батюшка на тебя прогнѣвался? —
Прогово́ритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Жилъ былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
«Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
«Стосковался сгоревался добрый молодецъ,
«Такъ шолъ на царевъ кабакъ
«И пилъ вина кабацкаго,
«Ударила хмѣлина кабацкая;

Digitized by Google

«Тутъ-то я поросхвастался:
««Король-тотъ меня жалуетъ,
««Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
««Во люби держитъ меня да у сердечушка».
Скажетъ душка красна дѣвушка Аннушка:
— Ай же слуги королевскіе,
— Палачи немило́стивы!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
— Роскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Розвяжите ручки бѣлыя,
— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою́ волю.
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своёй жены неудачливой. —
И взяли у ёй денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли очи ясныя,
И спустили его на свою́ волю,
И пошолъ на свою родимую сторонушку;
И дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
Во тою пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру́гая дорожка къ роду племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый мо́лодецъ пороздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будетъ?
«Пойти мнѣ въ дорожку къ отцу къ матери,
«Отца матери можетъ живаго нѣтъ;
«А пойти какъ къ роду племени,
«Не познаетъ родъ племя любимое».

Digitized by Google

Пошолъ дородній добрый мо́лодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженьки
Приходила полата бѣлокаменна;
Столбички точеные, а повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки куницамы, лисицамы
И дорогими соболями заморскима;
Играетъ на улицы два юноша малыихъ:
«Ай же вы юноши малые!
«Есть ли у васъ родима матушка,
«Есть ли у васъ ро́дный батюшка?»
Прогово́рятъ юноши малые:
— Ай же ты нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— А принесла насъ два юношей малыихъ;
— А нашъ батюшка въ гульбу ушолъ,
— Двѣнадцать лѣтъ да слыху нѣтъ. —
Захваталъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ во уста во саха́рніи:
«Ай же вы юноши малые!
«Я вамъ не дядюшка, ро́дный батюшка,
«Подите скажите своёй родимой матушкѣ:
««Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришолъ»».
Скакали бѣжали два юноши малые:
— Ай же ты родимая матушка!
— Нашъ батюшко съ гульбы пришолъ. —
Бѣжитъ молода жена неудачлива:
— Ай же ты милая моя ладушка,
— Крѣпкая здержавушка!
— Поди въ полату бѣлокаменну,
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися! —

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

XVIII.

ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

Терентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волкострова, Кижской волости, лѣтъ съ небольшимъ 50-ти, высокаго роста, богатырскаго тѣлосложенія, съ благообразнымъ лицомъ, русый, съ большою рыжею бородою. Внукъ Ильи Елустафьева, отъ котораго Рябининъ и Романовъ учились былинамъ. Сынъ этого Елустафьева, Іевъ, отецъ Терентія, вовсе не перенялъ отъ своего родителя знанія былинъ, потому что ему недосугъ былъ, онъ сѣлъ на «крестьянство» и занялся имъ исключительно. Дѣдъ, напротивъ того, живя не въ ладахъ съ сыномъ, мало занимался крестьянствомъ, а больше ходилъ по людямъ, работая разнаго рода рыболовныя снасти. При этомъ онъ часто бралъ съ собою мальчика Терентія, и внукъ удержалъ въ памяти кое-что изъ пѣсенъ, которыми старикъ сопровождалъ свою работу. Но по малолѣтству онъ могъ «понять» только малую часть того, что зналъ дѣдъ (Елустафьевъ умеръ, когда внуку было около 10 лѣтъ), и потомъ, наслѣдовавъ отцу въ крестьянствѣ, онъ не имѣлъ времени распѣвать былины, и онѣ заглохли въ его памяти. Терентій считается весьма исправнымъ домохозяиномъ и очень уважается. Онъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который лично записалъ былины съ его словъ.

98.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 1).

Микулушка Селя̀ниновичъ
Была у него кобыла Подыни-голова.
Какъ тутъ Микулушка оралъ да махалъ,
А ёнъ сосонки да ёлки въ борозду валилъ,
А ёнъ ржи-то напахалъ да домой выволочилъ,

Digitized by Google

Домой выволочилъ да дома вымолотилъ,
А ёнъ пива накурилъ, да гостей назвалъ.
Стали пиво пить да все Микулушку хвалить:
«А тебѣ было Микулушкѣ орать да пахать,
«Да тебѣ Микулушкѣ крестьяновать!»

Былъ онъ Микулушка въ городи во Кіевѣ,
А ёнъ вывезъ-то соли оттуль два́ мѣха,
Въ который мѣхъ походитъ пудовъ по со́року.

(Больше не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

99.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЙ.

Какъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ поли
Да ѣдетъ-ка тутъ Олешенька да и на добро́мъ конѣ,
Да какъ видитъ-то онъ Тугарина невѣрнаго,
Высоко летитъ Тугаринъ, близъ подъ о́блакой,
Какъ тутъ Олешенька спустился-то съ добра́ коня,
Да какъ ставился Олеша на востокъ лицёмъ,
Да онъ молится тутъ Господу святителю:
«Дай-ко ты Господи дождичка частаго да и мелкаго,
«Чтобы омочило у Тугарина бумажны крыльица,
«Спустился бы Тугаринъ на сыру́ землю,
«Да какъ мнѣ было съ Тугариномъ посъѣхаться».
Да и по Олешенькину тутъ моленію,
Какъ по Божьему-то по велѣнію,
Наставала тученька-та темная
Съ частымъ дождичкомъ да съ молніей,
Омочило у Тугарина бумажныя крыльица,

Digitized by Google

Спустился тутъ Тугаринъ на сыру́ землю.
Да какъ ѣдетъ-то Тугаринъ на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ да по сырой землѣ,
А идетъ Олешенка къ нему на стрѣ́тушку.
Какъ тутъ Задолище *(такъ)* поганое
Замахнулся онъ кинжаломъ-то булатнымъ,
Что срубить Олешѣ буйну голову;
Да какъ былъ Олешенка востéръ собою,
Завернулся онъ за ту гриву лошадиную,
Промахнулся тутъ Тугаринъ-тотъ невѣрный,
Ушло съ рукъ кинжалище булатное,
Ушло въ землю до чéреня.
Какъ былъ Олешенка востéръ собою,
Повывернулся тутъ онъ зъ-за гривы лошадиноёй,
Енъ ударитъ своей палицей военноей Тугарина,
Своротилось главúще на праву́ страну,
А 'ще тулово да на лѣвую.
Беретъ Олешенка Поповичъ сынъ Ивановичъ
Кинжалище булатное,
Воткнулъ онъ въ буйную голову, —
Не можетъ енъ главúща на плечо поднять,
Закрычалъ онъ своимъ зычнымъ жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы служки панюшки, вѣрны нянюшки *(такъ)*!
«Подсобите-ко главище на плечо поднять».
Подбѣжали служки панюшки, вѣрны нянюшки,
Подсобили главище на плечо поднять.
Несётъ онъ тутъ къ своему добру́ коню,
Привязалъ онъ желтыма волосочкамы
Ко тымъ стремянамъ да лошадиныимъ,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Крычитъ онъ да во всю голову:
«Ай же вы бабы портомойницы!
«Я привезъ-то вамъ буцúще со чистá поля, —

Digitized by Google

«Вы хоть платье мойте, а хоть зóлу варите,
«Хоть всимъ городомъ срать ходите».

Записано тамъ же, 6 іюля.

100.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка-то своей матушкѣ говаривалъ:
«Ай же моя матушка да ты родимая!
«На что же меня несчастнаго да и споро́дила,
«Не во своего государя свѣта батюшка,
«Да не въ сильняго могучаго бога́тыря,
«Да й не въ купца гостя́ торговаго?
«Когда же ты меня да поотро́дила,
«Свертѣла ты бъ меня въ само́чку во крупчатую,
«Снесла бы ты меня да край синя́ моря,
«Спустила бъ ты меня да на свяу́ воду,
«Такъ шолъ бы я туды на са́мо дно,
«Лежалъ бы и да й мѣсто камешка самоцвѣтнаго;
«Буйны бъ вѣтрушки тамъ на меня не вѣяли,
«Добры бъ людушки тамъ про меня не баяли.
«Какъ нонечку-таперечку посылаетъ меня солнышко,
«Солнышко Владиміръ князь да столенъ кіевской
«Во ту да въ матушку въ каменну́ Москву,
«Во каменну́ Москву да въ хоробру́ Литву
«За той меня за данью да за почлиной.
«Розстояньице туда есть полномѣрное,
«Житье туды есть все невѣрное.
«Но когда я ту́ды съѣзжу, когда здѣсь буду,
«Бывать ли мнѣ на роди́мой на сторонкѣ, аль не бывать,
«Видать ли мнѣ родимая сторонушка, аль той не́ видать».
Идетъ ли тутъ Добрынюшка да й на широкой дворъ,

Digitized by Google

Енъ сѣдлаетъ да уздаётъ коня добраго.
Говоритъ ли тутъ честна вдова Офимья Олександровна,
Да ко своей тутъ она невѣстушки:
— Ай же ты моя невѣстушка!
— Поди-тко ты да й на широкой дворъ,
— Спроси-тко ты у своего да богосу́женаго:
— Куда онъ поѣзжаетъ, куда путь держитъ,
— Когда онъ оттуль будетъ, когда ждать велитъ? —
«Ай же ты молода жена Настасья дочь Микулична!
«Когда ты у меня поспро́сила:
«Перво три́ году ты по́жди ме́не за́ меня,
«А 'ще друго три по́жди ме́не за́ себя, —
«Пойдетъ ли того времечки шесть лѣтъ назадъ,
«Да за тое шесть и другое шесть,
«Да тутъ сполнится вѣдь времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Буду живъ такъ я здѣсь буду,
«А живъ не́ буду, такъ и ждать некого.
«Да еще я тутъ тебя попа́кажу:
«Какъ послѣ моего бываньица
«Хоть заму́жъ поди, хоть вдовой живи,
«Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
«Хоть за сильнаго могучаго за бога́тыря,
«Столько не ходи за смѣлаго за Олешеньку за Поповича,
«Какъ Олешенка Поповичъ названый братъ, да мнѣ-ка ме́ньшой братъ,
«А я Олешенкѣ-то есте бо́льшой братъ».
Какъ садился тутъ Добрынюшка да на добра коня,
Тутъ вид'ли добраго-то молодца сядучи,
Не вид'ли со двора его поѣдучи.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротами,
Въ чисто́ полюшко поѣхалъ не дорогою.
Идетъ-то тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Во свои во покои во любимыи,
Садилась она на брусову бѣлу лавочку,

Digitized by Google

Глядитъ она на да́лече дале́че на чисто́ поле,
Ена горькима слезами да обливается,
Полотнинымъ рукавцемъ поотирается,
Сама говоритъ да таково слово:
— Закатилося сугрѣвное межѐнное тѐплое красное солнышко
— За лѣсушки да темныи, за горушки да высокіи,
— За мхи, за озера за широкіи.
— Столько свѣтитъ на́ меня теперечку свѣтёлъ мѣсяцъ, —
— Осталася со мной невѣстушка молода Настасья дочь Микулична. —
Да тутъ годъ по годъ бывъ трава ростетъ,
Да какъ три-то прождала мене за́ меня,
А 'ще три-то года прождала мене за́ себя,
Тутъ прошло ли того времечки шесть лѣтъ назадъ;
За тое шесть прождала да и другое шесть.
Какъ сполнилось тутъ времечки двѣнадцать лѣтъ,
Да приходитъ съ поля вѣсточка нерадостна:
Какъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ полѣ
А й лежитъ Добрынюшка да на сыро́й земли,
Сквозь бѣлы груди копьемъ прокóлото,
Тутъ на верху выросла вѣдь травонька шелковая,
Росцвѣли цвѣточики лазуревы.
Какъ сталъ ли тутъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ подхаживать, подсватывать да подговаривать,
Да и подбили тутъ Настасью съ ума разума.
Заводили они свадебку почестный пиръ,
Не на мало не много на двѣнадцать дёнъ.
Какъ со да́лечи дале́чи со чиста́ поля
Наѣзжаетъ тутъ дѣтинушка залѣщанинъ,
Залѣщанинъ да деревѐнщенинъ
Да ко той Офимьѣ Олександровнѣ,
Онъ вѣдь пря́мо ѣдетъ на широкой дворъ,
Да розмахивалъ воротца-ты на́ пяту,
Не спрашивалъ онъ ни придворничковъ ни придверничковъ,

Digitized by Google

Ни придверничковъ ни приворотничковъ,
Да й розмахивалъ воротца-тыи на́ пяту,
Да ёнъ ставилъ тутъ коня да середи двора,
Не привязаннаго́ да и не приказанаго.
Идетъ ли дѣтинушка во рингу *(такъ)* княжецкую,
Да ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
Енъ поклонъ ведетъ да по учёному.
Какъ тутъ говоритъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Наступаешь ты на мой да на вдовиной дворъ,
— Донесу я князю-то Владиміру,
— А й засадитъ ёнъ тебя да во глубо́къ погрёбъ. —
«Ай же ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Какъ гдѣ-то у тебя невѣстушка,
«Молода жена дочь Микулична?»
— Какъ пришла шишла[1]) ёна заму́жъ пошла
— За того за смѣлаго Олешеньку да за Поповича. —
«Да ёна̀ вѣдь не вдова, да е́сте му́жняя жена:
«Я да́лече на чисто́мъ поли
«Я видѣлъ Добрынюшку на добро́мъ конѣ,
«Я третьёго дни съ Добрынюшкой порозъѣхался,
«Тебѣ правлю поклонъ да челомъ-би́тьице
«Отъ того Добрынюшки Микитича».
А тутъ стала вѣдь вдова да рада весела.
Какъ еще Добрынюшка тутъ матушкѣ наказывалъ,
Какъ спустилась бы она да во глубо́къ погрёбъ,
Розвертѣла бы камочку-ту крупчатую,
Подала бы мнѣ платьица-ты цвѣтныи, —
Пошолъ бы я на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку.
Положилъ-то ёнъ гусёлу́шки яровчаты подъ праву́ полу,
Пошолъ на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку,

---

1) На вопросъ, что̀ это значитъ, пѣвецъ отвѣчалъ, что «такъ поется», что это значитъ «фантазія».

Digitized by Google

Приходитъ онъ во рингу княженецкую,
Ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
А и поклонъ ведетъ да по учёному,
Да ёнъ на вси на три на четыре на сторонушки,
Да ёнъ князю-то Владиміру поклонъ несетъ въ особину,
Новобрачному да съ новобрачноёй.
Говоритъ ли тутъ Владиміръ князь да столенъ кіевской:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Что же ты по́долгу долгаешься,
— По́тиху на смѣрепую на свадебку наряжаешься?
— То́перь вси-то е́сте мѣста да перезаняты
— Подъ князямы да подъ боярамы,
— Вси сидятъ, ѣдятъ да хлѣба кушаютъ,
— Какъ надобно итти да во Божью́ церковь
— Намъ ставить молодыхъ подъ златы́ вѣнци.
— Столько просто одно мѣстечко да скоморошное
— На той на печи на земля́ноей. —
Поскочилъ дѣтинушка залѣщанинъ да и деревенщенинъ
Енъ на ту на печку на земляную,
Положилъ гусёлышка на свои колѣна молодецкія,
Учалъ почалъ во гуселышка выигрывать,
То играетъ онъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросо́лима.
Этто всѣма-та игра да прилюбилася;
Наливалъ тутъ чарочку зелена́ вина
Владиміръ князь да столенъ кіевской,
Подливалъ онъ-то и медку сладкаго,
Да скрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена вина. —
Ёнъ спустился-то со печки со земляноёй,
Выпилъ выкушалъ чару да зелена́ вина,
Поскочилъ на печку на земляную,

Digitized by Google

Учàлъ почàлъ во гуселышка выигрывать,
Играетъ-то онъ отъ Царяграда,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросóлима.
Этто всѣмъ-та игра да прилюбиласе,
Они-то всѣ да порозслухались.
Наливалъ онъ князь Владиміръ столенъ кіевской чару зелена́ вина,
Подливалъ онъ въ чару медку сладкаго,
Вскричалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена́ вина.
— Да какъ перво мѣстечко теби возли́ меня,
— А 'ще дру̀го мѣсто супротивъ меня,
— А еще третье мѣстечко гди по разуму,
— Хоть самъ ты пей, хоть кому любо тому по́дноси. —
Наливалъ онъ чарочку зелена вина,
Подливалъ ёнъ въ чару медку сладкаго,
Да снялъ-то онъ съ правой руки злаченъ перстень,
А спустилъ-то ёнъ въ чару да въ зелено́ вино,
Подносилъ-то онъ Настасьѣ да Микуличной,
Да ёнъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Какъ выпьешь чарочку до дна, такъ увида̀шь добра,
«А не выпьешь чарочки до дна, такъ не видать добра».
А какъ чарочку-то она какъ вы́футкала[1]) да выкушала.
Прокатилося къ нёй къ устамъ золоченъ перстень.
Беретъ она ручкой лѣвою, надѣваетъ на ручку на правую,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Какъ не тотъ мой мужъ, который сидитъ подли́ меня,
— А тотъ мой мужъ, который стоитъ супротивъ меня. —
Какъ идетъ Добрынюшка въ большой уголъ,

---

1) Іевлевъ не могъ объяснить точнаго значенія этого слова и сказалъ только, что «такъ поется».

Digitized by Google

Онъ беретъ Олешеньку за желты́ кудри,
Да й повыхватилъ на рингу княженецкую;
Ёнъ ударитъ-то Олешеньку да о кирпичень полъ,
Его хочетъ переправить а 'ще и другой разъ
Какъ былъ у нихъ-то вѣдь старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Захватилъ его за пле́чка за могучія,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Не убей-ко за напрасницу богатыря,
«Хоть онъ силой-то не си́ленъ, да напу́скомъ смѣлъ».
Беретъ-то ёнъ ю за ручку за правую,
Беретъ ю своей ручкой лѣвою,
Енъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
Енъ поклонъ ведетъ да по учёному,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Поворотился ёнъ со ринги съ княженецкоей,
Повелъ ю во свои покои во любимыи,
Зовётъ-то ёнъ дружину всю хоробрую:
— Пойдемъ-ко со мной во покои во любимыи,
— Стану я годи́ны именины вси выправливать,
— Вси выправливать за двѣнадцать лѣтъ. —

Записано тамъ же, 6 іюля.

101.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

Какъ съ-подъ ельничку да съ-подъ березничку,
Да съ-подъ частаго молодаго съ-подъ олешничку,
Выходилъ каликушка не маленькій.
На ногахъ лапо́тики-тѣ у него семи шелковъ,
Не простыхъ шелковъ да самошинскіихъ;
Какъ въ косы-тѣ заплетено было по камешку,
По камешку по самоцвѣтному,

Digitized by Google

Что-ль не для-ради красы басы,
Для ради крѣпости богатырскоёй,
Чтобы свѣтло было итти по ты́мъ путямъ,
По широкимъ путямъ по дороженкамъ.
О костыль каликушка опираласи,
Высоко каликушка поднималаси,
Поднялся тутъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тутъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
Прискакалъ каликушка ко Пучай-рѣчкѣ,
Немала рѣчка — триста пятьдесятъ.
На тыхъ поляхъ да на Кули́ковыхъ,
На тыхъ лугахъ да на зеленыихъ,
Тамъ не облачко да призаси́нѣло,
Тамъ не рощица да бере́зовая,
Силушка стоитъ да городо́вая,
Силушка стоитъ армія.
О костыль каликушка опираласи,
Да й за рѣчку каликушка поднималаси.
Заскочила каликушка въ эту силу да городо́вую,
Заскочила каликушка въ эту армію:
Тутъ сорокъ царей сорокъ цареевичевъ,
Сорокъ королевъ сорокъ королевичей,
Хоть мелкой-то силушкѣ и смѣты нѣтъ,
Но сидитъ ту́рчанка да богатырченка.
Какъ сталъ каликушка выспрашивать:
«Ты скажи турка́ да не утай меня,
«Не утай меня да не сгуби себя:
«Куда-то эта силушка снаряжена?»
— Снарядилась эта силушка ко городу ко Кіеву,
— Хочетъ Кіевъ городъ да головнёй катить,
— А й добрыхъ коней да табунами брать,
— Красныхъ дѣвушекъ во полонъ взымать,
— А старыхъ людей да на огни сожгать. —
Тутъ взялъ его каликушка за желты́ кудри,

Digitized by Google

Помахнулъ каликушка на свой помахъ,
Да й пустилъ его да й до сырóй земли;
Лопнула у турки коженка
Съ гузнà да й до головушки.
О костыль каликушка да й опираласи,
Высоко калика поднималаси.
Поднялся тотъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тотъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
Прискакалъ ко городу ко Кіеву,
Онъ въ Кіевъ градъ скакалъ да не дорогою,
Онъ въ Кіевъ градъ зашелъ да не воротами,
Черезъ ту башкý *(такъ)* да наугольную,
Закрычалъ каликушка въ полголоса,
Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
Княгиня ходитъ роскаракою.
Какъ былъ у нихъ Добрынюшка Микитиничъ,
Похватилъ Добрынюшка черленый вязъ,
Какъ билъ каликушка да по головушкѣ,
Тутъ стоитъ каликушка — не стряхнется,
Желты кудрушки да й не сворохнутся.
Какъ былъ у нихъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да й сынъ Ивановичъ,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Ужъ вы глупыи неразумныи богáтыри!
«Не спѣшúлись бы-то каликушку бить бранить,
«Вы спѣшились бы каликушку кормить поить,
«Всякихъ новостей-то у него выспрашивать».
Наливалъ каликушкѣ чару да полтора ведра,
Подносилъ ему да единой рукой;
Выпивалъ каликушка да за единый духъ.
Они стали каликушку кормить поить,
Всякихъ новостей-тыхъ у него выспрашивать,
Сдѣлали во городѣ во Кіевѣ осторожности великіи.

Записано тамъ же, 6 іюля.

Digitized by Google

102.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. II, 12).

Во стольномъ во городѣ во Кіеви,
Да и у ласкова князя у Владиміра,
Былъ-то вѣдь у него почéстной пиръ;
А какъ всѣ-то на пиру были пособраны,
Всѣ были вси князи, вси бóяре,
А всѣ сильни́ могучіи бога́тыри,
Да всѣ тутъ поляниченки уда́лыи.
Они всѣ были за столы посаженыи,
Всѣмъ были кушанья налаженыи,
Да какъ всѣ они сидятъ да пьютъ, хлѣба кушаютъ,
Потѣшаются да похваляются:
А какъ умный-отъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-отъ хвастаетъ молодой женой,
А худой молодой неудацливой.
А какъ го́вори Владиміръ князь столенъ кіевской:
«А всѣ всѣ у мёня были пожененыи,
«Вы вы были у меня повѣнчаныи,
«А единъ-то у васъ князь не женатъ,
«А Владиміръ князь столенъ кіевской.
«А вы знаете ли ему да вѣдаете ль ему супротивную?
«А была бы-то жена мнѣ хорошая:
«Ена ростомъ-тымъ да высокая,
«А и садо́мъ-тымъ она да садомитая *(такъ)*,
«А красой-то она да красови́тая,
«У нея кровь-то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
«А какъ было бы то мнѣ-ка съ ней жить да и быть,
«А и долгій-отъ вѣкъ-то коро́тати,
«А 'ще было бы-то вамъ кому честь воздать,
«А 'ще было бы-то кому и поклонятися».
А тутъ всѣ за столомъ призамолкнули,

Digitized by Google

Всѣ за столомъ пріутихнули,
Да й никто никáкого словечка не вымолвитъ,
А еще большіи тулятся за средняго,
Средніи тулятся за меньшаго,
А отъ меньшаго-то и отговору нѣтъ.
Да какъ выходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
А выходи́лъ-то изъ зáпечья,
А онъ по́дходилъ-то ко́ тому столу княженецкому,
Да енъ самъ говоритъ да таковы слова:
— А вѣдь знаю то бы я да вѣдь вѣдаю:
— Какъ да́лече дале́че подъ сточно́й стороной,
— У того ли короля храбра Литскаго *(такъ)*,
— А какъ есть у него да дви дочери,
— А й двѣ дочери обѣ хорошіи,
— Только бо́льшая дочи́ мало при́ доми живе́тъ
— Она ѣздитъ во чисто́ поле поля́ковать;
— А какъ ме́ньша дочи́ всегда при́ доми, —
— А 'ще бо́льшая Настасья королевична,
— А какъ ме́ньшая эта Опра́ксимья.
— Опра́ксимья эта королевична
— А й была бы то би жена да хорошая,
— Она ростомъ-тымъ да высокая,
— А и садо́мъ-тымъ она да садомитая,
— А красой-то она да красовитая,
— У нея кровь то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
— А какъ было бы-то тобѣ съ ней жить да и быть,
— А и долгій-отъ вѣкъ-то коро́тати,
— А 'ще было бы-то намъ кому честь воздать,
— А 'ще было бы-то кому и поклонятися. —
— «Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А умѣлъ же ты теперечко повыхвастать,
«А умѣй-ко ты оттуль её повывести.
«Много ли туды ты силы́ возьмешь,
«Много ли возьмешь золотой казны?»

Digitized by Google

— А не надобно мни сила княженецкая
— И не надобно мни золотой казны,
— Да не биться тамъ мнѣ не ратиться;
— Столько дай мнѣ-ка-ва во товарищи
— Во товарищи Добрынюшку Микитича,
— А 'ще мнѣ-ка-ва двухъ жеребчиковъ неѣзжаныихъ
— Чтобы два сѣдла оба недéржаныи,
— Да вѣдь узды обѣ неýзданыи,
— Двѣ плеточки обѣ нехлы́станыи;
— Да пиши-тко ты ёрлыки о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ
— На той на дочéри на Опраксимьи,
— На Опраксимьи королевичной. —
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,
Да и поѣхали ко матушкѣ къ каменно́й Москвы,
Къ каменной Москвы къ хоробро́й Литвы,
Ко тому ли королю храбро-литскому
А й о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ.
Пріѣзжаютъ-то оны въ хоробру́ Литву,
И они ставили тутъ коней середи двора
Непривязанныхъ да неприказанныхъ,
Да поставилъ онъ товарища Добрынюшку Микитица,
Да онъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— А стой-тко ты на широко́мъ двори,
— Гляди-тко на рингу королевскую,
— Ка́кова пора, каково́ время,
— Чтобы можно намъ отсюль да поуѣхати. —
— А идетъ-то Дунаюшко Ивановичъ
Во тую во рингу королевскую,
Да онъ крест-отъ несетъ по писанному,
Да онъ поклон-отъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Да онъ ко́ролю несетъ поклонъ въ особину:

Digitized by Google

— Ужъ ты здравствуешь батюшко король да хороброй Литвы! —

«Ужъ ты здравствуешь Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты куда ѣдёшь, куда пу́ть держи́шь?
«А ты намъ послужить или себя́ показать?»
— А какъ вамъ послужить и себя́ показа́ть,
— А 'ще другое дѣло есть больше всѣхъ:
— Я объ добромъ дѣлѣ объ сва́товствѣ
— На твоей да дочу́шкѣ Опраксимьи,
— На Опраксимьи на королевичной,
— Да й за нашего князя Владиміра. —
А какъ го́воритъ король хоробро́й Литвы:
«Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А ты взялся за безумье за великое.
«Да какъ вашъ тотъ князь не вели́къ собою,
«А 'ще ваши цари́ца уро́дливыи,
«Не отдамъ я своей дочери
«Да й за вашего князя Владиміра,
«А возьму ли я тебя за желты́ кудри,
«Посажу я тебя въ глубо́къ погрёбъ,
«А пусть-ко Дунаюшко у на́съ посиди́тъ,
«Да пусть-ко Дунай въ погребу́ погости́тъ,
«То что Дунай да и обумѣется».
Да какъ подходитъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко́ тому столу да ко дубо́вому,
Енъ смахнулъ свои руки выше́ головы́,
Да пустилъ онъ до стола да до дубоваго.
А какъ пи́тья на столахъ проливаю́тся,
А 'ще столъ въ щапьё приломается,
А и мать земля сколыбается,
Да какъ самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Есть я здѣсь не оди́нъ собою,
— Да какъ есть-то я здѣсь со товарищемъ,
— Во товарищахъ Добрынюшка Микитиницъ. —

Digitized by Google

А какъ ко́ той ли поры ко тому времени
Да вѣдь скоро со двора тутъ послы пришли:
«Ужъ ты батюшка король хороброй Литвы!
«А ты ѣшь да пьешь, спотѣшаешься,
«А ты на́дъ собой незгодушки не знаешься.
«А какъ есть-то дѣтинка не зна́мъ собою,
«Во лѣво́й рукѣ водитъ два добра́ коня,
«А во право́й дубина сарацынская;
«Какъ ясно́й соколъ по́ двору попурхиваетъ,
«А вѣдь такъ-то онъ по двору поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиной помахиваетъ,
«Такъ прибилъ-то всѣхъ татаръ до единаго,
«Не оставилъ онъ татаръ тебе на сѣмена».
«Такъ какъ говоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшко Ивановичъ!
— Уйми-тко ты своего товарища,
— А какъ видно то дочу́шка Богомъ су́женая. —
Идетъ-ли Дунай на круто́й крылецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Полно тебѣ теперь уродовать,
«А какъ есть-то намъ видно Божья́ помочь».
А какъ говорилъ король хоробро́й Литвы:
— Ужъ вы служки пану́шки вѣрные нянюшки!
— Вы умойте убѣлите Опраксимью,
— Напушите-тко вы ёй да личко бѣлое,
— А умойте-тко вы ю бѣлешенько,
— Да сокрутите вы ю хорошешенько,
— Да веди-тко во рингу королевскую,
— Отпустить-то ее да на святую Русь
— А й въ замужество за князя Владиміра. —
Да беретъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
А беретъ-то своей ручкой лѣвою
За ней-то за ручку за правую,

Digitized by Google

За ней-то за перстни злаченыи,
А онъ крест-отъ ведетъ по писáному,
А и поклонъ тотъ несетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
А ёнъ кóролю поклонъ несетъ въ особину:
«А прощай ты батюшка король хоробрóй Литвы».
А идетъ-то енъ вѣдь на широкой дворъ,
А ведетъ-то онъ Опраксимью королевичну.
Какъ самъ-то онъ садился на добрá коня,
Да и ю посадилъ на дóбрá коня на татарскаго,
А онъ коня татарскаго себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхали они ко городу ко Кіеву,
Сустигáла на путѝ ихъ ночка темная,
Да спустился тутъ ёнъ да со добра коня,
Пороздернулъ Дунаюшко свой бѣлъ шатеръ,
Зашлы-то они да въ свой бѣлъ шатеръ,
Да ложился Дунаюшко да во шáтрихъ *(такъ)* спать;
А ёнъ вó ноги поставилъ саблю вострую,
Да ёнъ въ голову кладетъ кинжалище булатное,
Да ёнъ пó боци *(такъ)* кладетъ палицу военную,
А какъ тутъ-то они спятъ, сномъ темну ночку корóтаютъ.
Да какъ той-то они той ночкой темною
Хоть не видѣли, да столько слышали,
Какъ по тоей дорожкѣ Цареградскоей
Тутъ ѣхалъ татаринъ невѣрныій,
Да посвистывалъ ёнъ да по змѣиному,
Да покрыкивалъ ёнъ да по звѣриному.
Да поутру ставши они дорожку осматриваютъ,
Куда ѣхалъ татаринъ невѣрныій;
У того коня да у татарскаго
А какъ въ землю тутъ ножки да щетки угрязывали,
Камешки съ дорожки вывéртываны,
За три выстрѣлы камешки отмéтываны.
Отпустилъ-то онъ Опраксимью королевну

Digitized by Google

Ко́ тому ли ко городу ко Кіеву
Съ тымъ ли Добрынюшкой Микитичемъ,
А какъ самъ-то онъ поѣхалъ за татариномъ въ погону вслѣдъ,
Да загналъ ёнъ татарина въ чисто́мъ поли,
Гдѣ было къ татарину молчко́мъ подъѣзжа̀ть,
Гдѣ было татарина копье́мъ торыка̀ть,
Такъ вѣдь ёнъ со татариномъ промолвился:
«Скажи, татаринъ невѣрныій!
«Ку́да ты ѣдёшь, куда путь держишь?»
Да тутъ крыкнетъ татаринъ по звѣриному,
Да какъ свиснетъ татаринъ по змѣиному,
Да какъ тутъ у Дунаюшка конь-то сполохался,
Сполохался да на колѣнка палъ;
Да ёнъ бьетъ-то коня по толстыимъ ребрамъ,
Да ёнъ самъ говоритъ таковы слова:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Что же ты теперь потыкаешься,
«Али надо мной надсмѣхаешься?
«Не слыхалъ ли ты по́свисту да молодецкаго,
«А ты по́крыку да богатырскаго?»
Подъѣзжалъ ли Дунаюшко Ивановичъ
Подъѣзжалъ онъ къ татарину невѣрному,
Да и ударилъ онъ татарина востры́мъ копьемъ,
Вострымъ копьемъ да тупымъ концемъ,
Сбилъ ёнъ татарина съ добра́ коня,
Не казнилъ ёнъ татарина, допрашивалъ:
«Скажи татаринъ невѣрныій!
«Куда ты ѣдёшь, куда путь держишь?
«А я вижу-то по пелькамъ что ты женской полкъ» *(такъ)*.
— То вчерашняго дня я дома не́ была,
— Да какъ было со святой Руси два бога́тыря,
— Увезли-то сестрицю Опраксимью,
— Да поѣхала за нёй я въ погону вслѣдъ.

Digitized by Google

— А мнѣ навóротить сестрицю Опраксимью,
— Либо пóложить головушка Настасьина. —
Такъ не казнилъ ёй Дунаюшко Ивановичъ,
Да тутъ-то на нёй онъ посватался.
Садилъ-то вѣдь ю на добрáконя,
А самъ-то онъ сѣлъ на свóего;
Енъ татарскаго коня себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Да ёнъ въ домъ не входя́ й во Божью́ церковь.
А тамъ Владиміръ князь вѣнчается
Съ Опраксимьей со королевичной,
Да тутъ повѣнчался Дунаюшко Ивановичъ,
Повѣнчался онъ съ Настасьей королевичной;
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы крестились и молитвились,
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы замýжъ пошли.
Заводили они свадебку почестной пиръ,
Не на мало не на много на двѣнадцать дёнъ.
Тутъ вси были на пиру пособраны,
Вси князи вси бóяра,
Вси сильніи могучіи богáтыри,
Вси поляницы удáлыи,
А какъ вси они сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ,
Всѣ ѣли да пили, порасхвастались,
Но умный какъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-то хвастаетъ худой женой неудáчливоѐй.
Да какъ тутъ повыхвасталъ Дунаюшко Ивановичъ:
«Нѣтъ стрѣльця удалá молодця
«Супротивъ Дуная Ивановича».
А какъ гóворитъ Настасья королевична:
— Хоть немножко я во гóродѣ во Кіевѣ пóбыла,
— Столько много я во гóродѣ во Кіевѣ привидѣла:
— Тотъ стрѣлецъ во чистóмъ полѣ,
— Кто положитъ на головушку колечко серебряно
— И наставитъ напротивъ колечка ножъ булатныій,

Digitized by Google

— И отступитъ назад-отъ пятьсотъ шаговъ,
— И будетъ онъ стрѣлять изъ луку каленаго,
— И пропущать будетъ эту стрѣлочку каленую
— По остре́ю ножовому,
— И попадать будетъ въ колечко серебряно. —
Такъ тутъ тихія Дунай Ивановичъ
Становился онъ на рѣзвы́хъ ножкахъ,
И положилъ себи на головушку колечко серебряно,
И велѣлъ отступиться Настасьѣ королевичнѣ,
Велѣлъ отступиться пятьсотъ шаговъ.
И полагала она стрѣлочку каленую,
Натягивала тетивочки ше́лковыя
И спущала она стрѣлочку каленую;
Эта стрѣлочка каленая прокатилась по остре́ю ножовому
И угодила въ колечко въ серебряно.
Три разъ Настасья королевична простре́лила
И пропустила стрѣлочку каленую
Во этое колечко серебряно,
И не сшибла колечка со головушки.
Тутъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Сходилъ онъ со этого со мѣ́стечка,
На это мѣсто становилъ онъ Настасью королевичну,
Положилъ ёй колечко на головушку,
Самъ отступилъ ёнъ пятьсотъ шаговъ
И бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой
Во бѣлыи свои ручушки;
Тутъ молилась Настасья королевична,
Молилась и горько плакала:
— Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
— Копай-ко ты ме́ня до пояса въ сыру землю
— И бей ты меня по нагу́ тѣлу,
— Прости-тко меня въ женской глупости,
— Не убей-ко меня Настасьи королевичной,
— Не сдѣлай-ко двухъ головушекъ неповинныихъ:

Digitized by Google

— Есть у меня во чревѣ съ тобой дитятко посѣяно,
— По́ локоть ручки въ золоти,
— По ко́лѣнъ ножки въ се́ребрѣ,
— По косицамъ у него часты́ звѣзды,
— На всякоёй на волосиночкѣ
— По скачоноей по жемчужинкѣ;
— Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ *(такъ)* мѣсяцъ,
— Отъ очей-то пекетъ да солнце красное. —
Ничего-то Дунаюшко да не послѣдовалъ,
Разгорѣлось его сердце молодецкое,
Да натягивалъ онъ стрѣлочку каленую,
Подмазывалъ онъ саломъ — тымъ змѣинымъ,
Да наставилъ онъ Настасьи во бѣлы́ груди,
Да тутъ Настасьи смерть пришла.
Тутъ у ней че́рево роспластыватъ,
Вынимаетъ онъ младенца со бѣлы́хъ грудей:
По́ локоть ручки въ золоти,
По ко́лѣнъ ножки въ серебрѣ,
По косицамъ у него часты́ звѣзды,
На всякоёй на волосиночкѣ
По скачоноей по жемчужинкѣ;
Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ мѣсяцъ,
Отъ очей-то пекетъ да солнце красное.
Взялъ Дунаюшко Ивановичъ востро́ копье,
Поставилъ восстро́ копье во сыру землю тупымъ концемъ,
А востры́мъ концемъ себи да во бѣлы́ груди,
Тутъ Дунаюшко на свои́ руки по́сягнулъ:
— Гдѣ протекла Настасья рѣка,
— Тутъ протеки и Дунай рѣка! —
Тутъ Дунаюшку и славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 6 іюля.

Digitized by Google

103.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 32).

А какъ жилъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Да и зуба во рти нѣтъ,
Онъ со городомъ со Кіевымъ на брани не былъ,
Со матушкой каменно́й Москвой да вѣкъ не спаривалъ.
Оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Какъ былъ во городѣ Кіевѣ великій балъ почестный пиръ
У того у князя у Владиміра,
Онъ повыкатилъ князь зелена вина да девять бочечекъ,
Девять бочечекъ да сороковочекъ,
Пива пьянаго да й девяносто пудъ.
Были на пиру воры мужики городо-кемскіе *(такъ)*,
А й тутъ ѣли, пили, порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Со своей дружиной со хороброей
Побороть Васильюшку весь Кіевъ градъ,
Побороть ему вся матушка каменна́ Москва,
Со всѣми пригородкамы и со малыма.
Тутъ сдѣлали они вѣдь записи крѣпкіи,
Что завтра итти на побоище на смертное,
Биться ратиться да й ра́комъ ставиться *(такъ)*.
Пришолъ Василій къ матушкѣ съ честна́ пира
Садился на брусовую бѣлу лавочку,
Повѣсилъ онъ буйную голову
Промежъ ты свои плеча да и богатырскія,
Утупилъ онъ очи ясны во калиновъ мостъ.
Подходитъ къ нему родная матушка:
— Ай же ты молодой Василій сынъ Буславьевичъ!

Digitized by Google

— Что же ты теперь да закручинился,
— Закручинился да й запечалился?
«А й же ты родна матушка!
«Какъ же мни-ка теперь не кручиниться,
«Не кручиниться да не печалиться?
«Какъ я былъ на пиру да на почестномъ у князя у Владиміра,
«Мы тамъ ѣли до́сыти, пили до́пьяна,
«А й тутъ-то мы поросхвастались,
«Я повыхвасталъ, что побороть мнѣ-ка-ва весь Кіевъ градъ,
«Побороть мнѣ вся каменна Москва,
«А й каменна Москва да й хоробра́ Литва,
«Съ своей дружиной той съ хороброей.
«Сдѣлали мы записи крѣпкія
«Съ мужиками городо-кемскима,
«Чтобъ побороть мнѣ весь Кіевъ градъ,
«Вся матушка каменна́ Москва,
«Со всѣми пригородкамы и со малыма.
«Завтра итти мнѣ на побоище короткое
«Биться и ратиться,
«На конѣ придется дыбомъ ставиться».
Тутъ Василья родна матушка
Поила питьемъ да забудущіимъ,
Свела Василья въ теплу ложню спать.
Да спитъ Василій, не прохватится,
Не прохватится да й не пробудится;
Тамъ по записи да й дѣло дѣлаютъ,
Его вся дружина-то въ крови стоитъ.
Тутъ была-то у Васильюшка дѣвушка дворовая;
Ведеречько было у ней дубовое,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она Василью воду свѣжую,
Тутъ носила она Василью водушку
Сама говоритъ да таковы слова:

Digitized by Google

— Ай же ты, молодой Василій Буславьевичъ!
— Хорошо-то тебѣ было хвастать на пиру да на почестноемъ,
— Какъ нынѣче-то тебя въ пору́ не знать,
— Твоя вся дружина-та въ крови стоитъ. —
Какъ тутъ Васильюшко прохватится,
Схватился онъ за платьица та цвѣтныи,
За всѣ-то ты копья да долгомѣрные,
За сабли за тесаки за лемтячныи,
Схватился-то вѣдь онъ да и за добра́ коня,
Тутъ все у матушки да пріобряжено
Да добрый конь-то вѣдь спущенъ на поле.
Енъ въ одныхъ чулочкахъ да шелковыихъ
Повыскочилъ Васильюшко да й на широкій дворъ
Да й повыхватилъ Васильюшко телѣжну ось,
Тутъ пошолъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны телѣжной осью-то помахивать:
Да й рукой махнетъ — падетъ улица,
Другой махнетъ — падетъ переулочекъ.
Тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Да и махалъ Васильюшко, помахивалъ.
Тутъ видитъ его дядька, крестный батюшко,
Что силы ужъ стало мало ставиться,
Поскочилъ его дядька крестный батюшко
Енъ на ту башну да й колокольнюю,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ
Колокольнымъ языкомъ-то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается;
И онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Пурха́лъ-то ясный соколъ, ну да й до́пурхалъ,
«Ходилъ-то добрый мо́лодецъ, ну да й до́ходилъ!»
Какъ былъ тотъ Васильюшко востёръ собой;

Digitized by Google

Подскочилъ енъ плечкомъ подъ колоколъ
Спихнулъ онъ дядьку крестнаго батюшку подъ Обуховъ мостъ;
Да й какъ былъ Васильюшко востéръ собой,
Вернулся тутъ Васильюшка да подъ Обуховъ мостъ,
Да тамъ-то ужъ дядьки крестнаго батюшки и живаго нѣтъ,
Да повыхватилъ онъ Васильюшко языкъ-тотъ колокольный,
Онъ бьетъ-то дядьку крестнаго батюшку междý уши:
«Вотъ-ти, вотъ тебѝ яичко, крестный батюшко!
«Не дано тебѝ яичко о Христови дни,
«Ты прими-тко мое яичко о Петрови-дни!»
Повыскочилъ Васильюшка да и на Обуховъ мостъ.
Тутъ еще пошолъ Васильюшко да поскакивать,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
«Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
«Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
«Тутъ-то и сабля острая и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольнімъ помахивать;
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
На всѣ стороны языкомъ-тымъ помахивалъ,
Какъ силушки-то стало мало ставиться.
Владиміръ князь столенъ кіевскій
Бѣжалъ-то къ его рóдной матушкѣ,
Перепрóситъ онъ да éго матушку,
Идетъ ли тутъ честнáя вдова,
Беретъ его за плечка за могучіи,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Молодой Васильюшка сынъ Буславьевичъ!
— Уходи-тко свои плечушка могучіи,
— Укрѣпи *(такъ)* сердечушко ретивое! —
«Спасибо тебѣ, рóдна матушка

Digitized by Google

«Что ты сзади́ пришла!
«Какъ бы спереди пришла,
«Такъ тамъ же ты бы́ й была:
«Расходились мои плечушки могучіи,
«Разгорѣлось-то сердечушко ретивое,
«Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился» *(такъ)*.
Беретъ его за ручки-ты за бѣлыя
Ведетъ его въ свои покои во любимыя,
Стала она его кормить поить,
Да стали они жить да быть, да все добра творить.

Записано тамъ же, 6 іюля.

XIX.

АНДРЕЙ САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ, изъ Гарницъ, Сѣногубской волости, крестьянинъ лѣтъ подъ 50, грамотный, пользующійся извѣстностью какъ разскащикъ, помнитъ много старинъ, которыя слышалъ отъ родителей. Его дѣдъ Игнатій Андреевъ, какъ упомянуто выше (XVI), былъ великій мастеръ пѣть былины, и отъ него-то въ дѣтствѣ Сарафановъ ихъ и перенялъ. Но, сохраняя въ памяти содержаніе былинъ, онъ почти разучился пѣсенному ихъ складу; онъ передаетъ былины прозаическимъ пересказомъ и не въ состояніи выдерживать ихъ «на голосѣ». Былинамъ онъ сталъ предпочитать сказки, которыхъ считается отличнымъ знатокомъ; нѣсколько разъ онъ предлагалъ собирателю, спрашивавшему его о былинахъ, разсказать ему про Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Англійскаго милорда и т. под. Сарафановъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову. Сличеніе его былинъ, какъ онѣ были записаны г. Рыбниковымъ, съ нынѣшнимъ ихъ пересказомъ показываетъ въ нихъ разительный упадокъ поэтическаго склада, который можно объяснить тѣмъ, что Сарафа-

Digitized by Google

новъ, по его собственнымъ словамъ, съ лѣтами все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ распѣва былинъ, пріучившись передавать ихъ въ формѣ сказокъ.

104.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 4).

Ѣхалъ Илья Муромецъ въ пути въ дороженкѣ,
Подъѣзжаетъ онъ къ деревни къ Обалковщинѣ,
Стрѣчаютъ его мужики да и Обалковски.
«Куда ты Илья Муромецъ ѣдешь, куда путь держишь?»
— Ай же вы мужички да Обалковски!
— Куда мнѣ дороженкою прямоѣзжою,
— Дороженкою прямоѣзжою да во Кіевъ градъ? —
«Ай же ты Илья Муромецъ!
«Ѣхать тебѣ окольной дорогой да много верстъ,
«А ѣхать мимо рѣченку Смородину
«Дорожкой прямоѣзжею,
«Только прямоѣзжая дороженка
«Завалилася дубьемъ да и колóденькамъ».
— Отчего сія путь дороженка прямоѣзжая
— Завалилася дубьемъ да и колоденькамъ? —
«Оттого же завалилась сія рѣченка Смородина,
«Завалилась дубьемъ да колóденькамъ,
«Что свито у Сóловья Рохманова
«Гнѣздо свито свое великое,
«Свито гнѣздо на двѣнадцати дубахъ,
«На двѣнадцати кокóтищахъ
«И на пяти поприщахъ.
«Что мимо его гнѣзда воины не проѣзживали,
«Птицы не пролетывали,
«А боялись свисту соловьинаго,

Digitized by Google

«Отъ свисту соловьинаго живы не могли́ бывать».
Илья Муромецъ и пустилъ своего коня добраго
Дороженькой прямоѣзжею,
И котора дубьёмъ колодьемъ завалилася.
Черезъ дубье коло́дье конь да перескакиваетъ,
Подъѣзжалъ Илья Муромецъ ко гнѣзду да соловьиному;
Засвисталъ-то Со́ловей Рахмановъ въ треть свисту,
У Ильи-то Муромца сталъ конь да подтыкатися,
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, не слыхалъ чтоль свисту соловьинаго? —
Соловей Рахмановъ засвисталъ въ дру́гой разъ.
Отъ Со́ловья Рахманова по́свисту
Сталъ конь у Ильи Муромца гараже подтыкатися.
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не ужоль не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И пустилъ коня еще шибче того;
Конь богатырскій на аршинъ сталъ землю вывертывать.
Видитъ тутъ Со́ловей Рахмановичъ,
Что ѣдетъ сильной храброй воинъ подъ гнѣздо соловьиное,
И Со́ловей Рахмановъ засвисталъ во весь свистъ;
И отъ свисту соловьинаго
Лѣса дремучіи пошатались,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И розсердился Илья Муромецъ на своего коня богатырскаго,
Билъ коня еще рѣзвѣе по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И еще того сильнѣе пустился подъ гнѣздо соловьинос
И Соловей Рахмановъ высунулъ изъ гнѣзда своего буйну голову.

Digitized by Google

И натягивалъ Илья свой лукъ крѣпкіи,
Накладывáлъ стрѣлу каленую,
И стрѣли́лъ онъ Со́ловья Рахманова,
И стрѣ́лилъ ему прямо въ правый глазъ,
И вышибъ у него правый глазъ,
И выпалъ Соловей Рахмановъ на сыру землю.
И пристягнулъ его Илья Муромецъ къ стремени булатному
И отправился впередъ путемъ дороженькой.
И случилось Ильи Муромцу ѣхать мимо мызы Со́ловья Рахманова.
Зятовья и смотрятъ съ мызы этой Соловья Рахманова,
И говорятъ женамъ своимъ:
«И нашъ татенька ѣдетъ Со́ловей Рахмановичъ,
«И у стремени мужика́ везетъ».
Смотрятъ его дочери любимыи:
— Не татенька нашъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ ѣде, татеньку у стремени. —
И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую,
Выходили на ши́рокъ дворъ,
Отпирали свои ворота крѣпкіи на́стежо *(такъ)*,
И подымали подворотню на цѣпяхъ
Да въ восемьдесятъ пудовъ,
И просили Илью во почестное во гостéбище.
Илья Муромецъ глянулъ на нихъ ши́роки ворота
И види Илья Муромецъ — есть фальша великая,
И проскакалъ Илья Муромецъ мимо путемъ дороженькой
И прямо онъ во Кіевъ градъ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
Про́межъ заутреней и обѣдней,
И идетъ онъ ко службѣ во Божью́ церковь,
И ведетъ съ собой Со́ловья Рахманова.
И простояли оны обѣдню во Божьéй церквы,
И выходитъ весь народъ отъ обѣдни, православныи

Digitized by Google

И смотрятъ и дивятся, что привезъ Илья Муромецъ Со́ловья Рахманова.
Выходитъ Илья Муромецъ изъ Божьéй церкви съ Со́ловьемъ Рахмановымъ
И говоритъ онъ Со́ловью Рахманову:
«Ай же ты Со́ловей Рахмановичъ!
«Засвищи-ко ты въ треть свисту соловьинаго».
Тутъ Со́ловей Рахмановъ не послушалъ Ильи Муромца,
Не засвисталъ да въ треть свисту,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьи́ныи.
И отъ свисту соловьинаго,
Весь народъ да палъ о сыру землю
И словно какъ мертвы́ лежатъ,
И отъ свисту соловьинаго вси домы пошатались.
И на это розсердился Илья Муромецъ,
Что не послушалъ Соловей Рахмановичъ
Что онъ велѣлъ засвистать въ треть свисту соловьинаго,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиныи,
И за то взялъ, Со́ловью Рахманову
Отсѣкъ Илья Муромецъ буйну голову.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

105.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Наѣхалъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
Подъѣхалъ подъ князя подъ Владиміра,
И посылаетъ онъ посла своего вѣрнаго
Къ солнышку ко Владиміру стольнё-кіевскому:
«Ты очисти широки улицы стрѣлецкіе
«И большіе домы княженецкіе,
«Постоять тутъ царю Калину

Digitized by Google

«Со своею силушкой любимою».
Тутъ Владиміръ князь усумнился есть
И запечалился,
Сдѣлался невеселъ, буйну головку повѣсилъ.
И пріѣзжаетъ къ нему старой казакъ Илья Муромецъ,
Отпираетъ онъ двери-тыя на́ пяту,
Входитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владиміру князю стольно-кіевскому,
Владиміру князю со княгиною въ особину.
Потомъ онъ прогово́рилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Полюби-ко мое слово что я тебѣ го́ворю.
— Насыпь-ка мису́ да чиста се́ребра,
— Другую мису́ да скачна жемчуга,
— Третью мису́ да красна золота,
— И станемъ мы просить да на три мѣсяца
— Строку у царя у Калина
— Очистить улицы стрѣлецкіе,
— Большіе домы княженецкіе. —
Потомъ отвезъ старый казакъ Илья Муромецъ
Эти подарки царю Калину,
И царь Калинъ ты подарки принялъ
И далъ строку на три мѣсяца.
Потомъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Поворотился на гору на Латынскую,
Гдѣ тамъ стоятъ воины кіевскіе,
Тридцать воиновъ безъ воина,
Стоятъ на горы́ на Латынскія.
Пріѣзжаетъ ко князю ко Владиміру
Его ро́дный племянничекъ,
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Digitized by Google

Идетъ онъ въ полату со прихваткою,
Со прихваткою не съ упадкою,
И отпираетъ онъ дверь да на́ пяту:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь!
«Что же ты сидишь невеселъ,
«Что же ты буйну голову повѣсилъ?»
— Ай же младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Чего же мнѣ веселитися?
— Когда во Кіевѣ была добра́ пора,
— Тогда во Кіевѣ было защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ,
— А какъ стало во Кіевѣ недобра́ пора,
— Такъ нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ. —
Отвѣчае младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь,
«Родный мой дядюшка!
«Дай же-ко мнѣ благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице
«Выѣхать ко царю ко Калину,
«Во тую силу во поганую,
«Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ».
Отвѣчаетъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты родный мой племянничекъ,
— Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты есть младёшенекъ, ты есть глупёшенекъ,
— Прервешь свою силу богатырскую,
— И убьютъ тебя татара да поганые.
— Не дамъ я тебѣ ни благословенья ни прощенья. —
Говоритъ мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты дядюшка мой ро́дныій,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты мнѣ свое благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице,

Digitized by Google

«Повыѣхать на горушку Латынскую,
«Гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской
Далъ свое благословенье и прощеньице
Повыѣхать на горушку Латынскую.
Отправился мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ
На тую-то на гору на Латынскую,
И поѣхалъ онъ да во чисто́ поле.
Пришло двѣ пути дороженьки:
Одна на гору-ту Латынскую,
А другая къ царю Ка́лину во чисто́ поле.
И младой Ермакъ да Тимофеевичъ
Перекрестилъ свои глаза да на востокъ итти:
«Не поѣду я на гору на Латынскую,
«А поѣду я во силу во поганую,
«Попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ,
«Храбрости своея молодецкоей».
И подъѣзжаетъ онъ къ царю Калину,
Ко силы ко поганоей.
Не ясёнъ соколъ напускается
На гусей лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ,
На татаръ да на поганыихъ
Напущается Ермакъ Тимофеевичъ.
Ѣдетъ онъ — улица́ валитъ,
Све́рнетъ — переулочкой.
Бьетъ, а вдвоёмъ втроемъ конёмъ топчетъ,
И силу у царя Ка́лина вало́мъ валитъ.
Потомъ глядятъ съ этой горы со Латынскія
Свои воины кіевскіе.
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— Что больше некому выѣхать со Кіева,
— Какъ повыѣхалъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ.
— Прирветъ онъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганыи. —

Digitized by Google

Посылаетъ онъ смѣлаго Алешу да Поповица:
— Ай же ты смѣлый Алеша да Поповицъ!
— Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
— Словамы ласковыма,
— И накидывай ты на него да храпы[1]) бѣлые,
— И подтягивай его ко бѣлóй груди,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское,
— И проси-ка ты его словами ласковыма:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты позавтракалъ, дай же мнѣ и пообѣдати.—
У Ермака да Тимофеевича
Розгорѣлось сердце богатырское,
Привалъ его храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Валять въ силу поганую.
Усмотрѣлъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Что прервалъ Ермакъ храпы бѣлые:
— Прерветъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганые. —
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитича,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Посылаетъ во силу во поганую:
— Поѣзжай-ко ты во силу во поганую,
— Подъѣзжай-ко ты ко мла́дому Ермаку да Тимофеевичу,
— И накидывай на него да храпы бѣлые,
— И подтягивай его ты ко бѣлóй груди,
— И упрашивай его словами ласковыми,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское. —
И какъ накинулъ онъ храпы бѣлые
И подтянулъ его ко своей бѣлой груди,
То младый Ермакъ да Тимофеевичъ,

---

1) По объясненію Сарафанова, *храпы* значитъ руки, но не въ смыслѣ кисти руки, а всей руки отъ плеча.

Digitized by Google

Привалъ его да храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Рубить татаръ да и поганыихъ.
Въ это же время смотритъ старый казакъ Илья Муромецъ
И видитъ, что прерветъ Ермакъ Тимофеевичъ
Свою силу богатырскую:
— Не могли тыи воины укротить его храбрости. —
Потомъ обсѣдлалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Своего добраго коня,
И отправился во силу во поганую
Къ царю Калину.
Подъѣзжаетъ онъ къ младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинулъ онъ свои да и храпы бѣлые
Старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Укроти-ка свое сердце богатырское,
— Ты же сегодня вѣдь позавтракалъ,
— Ты же сегодня да и пообѣдалъ,
— Такъ дай-ка ты мнѣ хоть па́ужинать,
— Побить да и татаръ да поганыихъ. —
То мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ
Прервалъ у стары' казак' *(такъ)* Ильи Муромца,
Прервалъ его храпы бѣлыи.
То ѣдетъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ,
Ѣдетъ со лѣвыя фланки,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчётъ;
А потомъ поворотился старой казакъ Илья Муромецъ
Съ правая фланки.
Ѣдетъ онъ — улицей,
Повёрнетъ — переулочкомъ,
Вало́мъ валитъ силу невѣрную,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчетъ.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.

Digitized by Google

То царь Ка́линъ и выкинулъ ихъ подарки
Три мисы́: одну съ се́ребромъ,
Другу съ жемчугомъ, а третью съ краснымъ золотомъ,
И самъ на охоту шолъ
На уѣздъ въ свою сторону,
Не́ попалъ заѣхати во Кіевъ градъ.
Всѣ поѣхали во Кіевъ градъ
Всѣ сильныи могучіи бога́тыри.
И солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Встрѣчаетъ со радостью великою,
Со радостью и веселіемъ,
А въ особину мла́да Ермака да Тимофеевича.

Записано тамъ же, 3 іюля.

106.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Наѣхало Идо́лище поганое,
Наѣхало на Кіевъ градъ,
И весь хочетъ градъ пожрать.
И принялъ солнышко Владиміръ кня́зь его во Кіевъ градъ,
Во свои да во полаты бѣлокаменны,
И кормилъ его поилъ и досыта,
По волу ему жаркое жарили.
И сидитъ онъ за трапезой, жаркова кушаетъ.
Приходитъ во ту пору во то́ время
Старый казакъ Илья Муромецъ,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Была у крестьянина свинья да и обжорлива,
«Много ѣла да она лопнула».
И отвѣчаетъ-то обжорище поганое:
— Ничего я больше не желаю, кабы мнѣ Ильюшу повидать,
— И никого я не боюсь, только Илью бы посмотрѣть. —

Digitized by Google

А онъ стоитъ напротивъ у стола,
Отвѣчаетъ Идóлищу поганому:
«Гляди-ко на меня, такой же Илья».
Онъ говоритъ Идóлище поганое:
— Коли Илья таковъ, что за воинъ и за рыцарь есть?
— На долóнь клану, другой прижму и буде плюсень. —
Илья въ это время розсердился,
Со своей головы киверъ свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,
И съ него голову свернулъ, пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Ильи́ видалъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

107.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Былъ-то Добрынюшка при времени,
И онъ-то у стольнаго у Владиміра
Былъ онъ три года да во стольникахъ,
И потомъ-то вѣдь Добрынюшка проштрафился
По наговору да по богатырскому.
И взялъ-то вѣдь солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ посадить Добрынюшку во темницы да во крѣпкіи,
И сидѣлъ Добрынюшка во темницахъ во крѣпкіихъ,
Годъ сидѣлъ Добрынюшка и три мѣсяца.
Познала его маменька
Честна́ вдова Офимья Александровна,
И приходитъ она къ солнышку ко князю ко Владиміру,
Отпираетъ она дверь-то да на́ пяту,
И заходитъ она во полату бѣлокаменну;
Крест-отъ она кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ она ведетъ по учёному,

Digitized by Google

На всѣ на четыре стороны поклоняется,
'Ще стольнё-кіевскому князю Владиміру
Со княгиною въ особину:
«А 'ще ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Зачѣмъ же ты посадилъ моего рожонаго дитятка
«Во тыи во темницы да во крѣпкіи?
«Не состоитъ на немъ никакой вины».
И отвѣчае солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— Повыпущу твоего сына Добрынюшку Микитинца
Со темницъ да и со крѣпкіихъ. —
И отправилась честна̀ вдова Офимья Олександровна
Въ свои-то вѣдь полаты бѣлокаменны.
И солнышко Владиміръ князь
Собралъ да своихъ князей бо́яровъ,
Всѣхъ могучіихъ бога́тыревъ,
Дума думати, куда бы Добрынюшку отправити,
Чтобы Добрынюшки да живу не́ бывать.
И думали всѣ́ князи бо́яра думу крѣпкую,
И прого́ворилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во поганую,
«Во Литву поганую ко ко́ролю Литовскому
«Повыправить дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Это слово князю и понравилось,
Велѣлъ потребовать Добрынюшку.
И приводятъ Добрынюшку ко князю ко Владиміру.
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Тебя въ той вины прощу во первоей, —
— Съѣзди ты во Литву во поганую
— Повыправь-ко ты дань за двѣнадцать лѣтъ. —
Сдѣлался Добрынюшко невеселъ,
Отправился въ свои полаты бѣлокаменны,
Ко своей родной маменькѣ

Digitized by Google

Къ честнóй вдовы Офимьи Олександровнѣ,
И къ молодой женѣ Настасьѣ Николаевнѣ.
И встрѣчаетъ его съ радостью честна́ вдова Офимья Олександровна
Своего рожонаго дитятко.
Онъ ночевалъ въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ
Съ молодой женою Настасьею Николаевной,
По утру сталъ собираться въ путь дороженку
И своей онъ молодой жены наказывалъ:
«Ай же ты молода жена Настасья Николаевна!
«Жди-тко ты меня да со чиста́ поля первый годъ поры;
«Исполнится первой годъ поры, жди-тко ты меня другой годъ поры;
«Исполнится это времячко два́ году,
«И жди-тко ты меня третій годъ поры.
«Исполнится это времячко три годы;
«И жди-тко ты меня Настасья Николаевна,
«Жди-тко ты меня еще три́ года.
«Исполнится это времечко шесть лѣтъ вѣдь-то,
«И жди-тко ты меня со чиста́ поля
«Еще жди меня три года.
«Исполнится это времечко девять лѣтъ
«И жди-тко меня со чиста поля
«Еще жди меня три года
«Исполнится всему времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Въ это же время молода жена Настасья Николаевна,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ пойди,
«Только не ходи-ко ты за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«За роднаго за племника
«За князя за Владиміроваго,
«За бабьяго насмѣшника».
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Сталъ направляться въ путь дороженку,
Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго.

Digitized by Google

И только-то онъ сказалъ: «Прощай-ко ты моя маменька,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна!»
И видили добра мо́лодца сядуци,
И не видили добра мо́лодца поѣдуци.
Поѣхалъ добрый молодецъ не воротамы,
Скакалъ его добрый конь стѣною городовою,
И поѣхалъ онъ изъ орды въ орду,
Въ погану Литву ко ко́ролю Литовскому,
И ѣхалъ онъ въ одну сторону
Добрынюшка Микитиницъ ровно три году,
И подъѣхалъ онъ подъ Литву да подъ поганую,
И сталъ онъ во Литвы да поѣзживать
Сталъ онъ во Литвы да и куражиться,
Сталъ онъ татаръ да поколачивать,
Дани за двѣнадцать лѣтъ попрашивать.
И ѣздилъ-то Добрынюшко много времени во чисто́мъ поли,
Дань-то ему почастехонько понашивали,
И стало исполняться это времечко двѣнадцать лѣтъ.
И въ это же время ему прого́ворилъ сущій-вѣщій конь,
Прого́ворилъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Насыпай-ко коню пшены́ да бѣлояровой,
— Корми-тко ты коня да и до́сыта;
— Есть надъ тобой незгодушка не малая,
— Немалая незгода, великая:
— Твоя да молода жена заму́жъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповица.
— Солнышко Владиміръ князь письмо-то вѣдь составилъ
— Представилъ честно̀й вдовы Офимьѣ Олександровны:
— Добрынюшка во чисто́мъ полѣ лежитъ, головушка отсѣчена. —
Какъ накормилъ коня да пшеной бѣлояровой,
Ставалъ поутру да и ранешенько,
Умывался онъ бѣлешенько,

Digitized by Google

Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
И отправился Добрынюшка въ свою сторону
Со Литвы да со поганыя.
Ѣхалъ въ тую сторону ровно три году,
А взадъ такъ онъ представилъ въ трои суточки.
И пріѣзжаетъ онъ прямо къ честно́й вдовы
Къ Офимьѣ Олександровны.
Приходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Отворяетъ онъ двери на́ пяту:
«А здравствуешь честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Отвѣчаетъ, слезно плачетъ,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна:
— Почему же ты знаешь моего родимаго дитятка?
— Мое дитятко лежитъ да во чисто́мъ полѣ,
— Буйна головка отсѣчена. —
Онъ да отвѣчаетъ таковы слова:
«Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Трои суточки какъ мы съ Добрынюшкой да порозъѣхались,
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Потомъ и говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Подай-ка ты гуселушка яровчаты,
«Добрынюшкино платьице коморовчато *(такъ)*».
Потомъ вѣдь честна вдова Офимья Олександровна и поросплакалась:
— Если бы не во живности остался Добрынюшка Никитиничъ,
— Такъ не зналъ бы онъ спросить про платьице коморовчато,
— Про гуселушка яровчаты. —
И взяла честна вдова Офимья Олександровна свои ключи
И сходила во по́гребы глубокіи,
И принесла она платьице коморовчато
И гуселушка яровчаты,
И подала она той малой коморошины.

Digitized by Google

Малой коморошина надѣлъ свое платьице коморовчато
И взялъ онъ гуселышка яровчаты,
И садился онъ да на добра́ коня,
И поѣхалъ онъ да на почестной пиръ.
И пріѣзжаетъ малый коморошина
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Идетъ-то не съ упадкою, идетъ съ прихваткою богатырскою,
Отпираетъ онъ двери-то да на́ пяту,
Крест-отъ онъ кладетъ да по писа́ному,
А поклон-отъ ведетъ да по учёному,
На всѣ да на четыре стороны поклоняется,
А 'ще солнышку Владиміру да въ особину:
«Солнышко Владиміръ князь, дай ты малой коморошинѣ
«Мѣстечко поиграть во гуселышка яровчаты».
Солнышко Владиміръ князь отвѣчаетъ онъ да таковы слова:
— Перво ти мѣстечко возли́ меня,
— Другое ти мѣстечко супротивъ меня,
— Третье-то мѣстечко на пе́ченькѣ земля́ной. —
Какъ ему отвели мѣстечко на пе́ченькѣ земляной,
И скочилъ малый коморошина на пе́ченьку земляную,
И сталъ онъ во гуселушка яровчаты поигрывать,
Всихъ да на пиру и изве́селилъ,
И всихъ да на пиру игрой да утѣшилъ вѣдь.
И солнышко Владиміръ князь подходитъ къ печенькѣ земляной,
Наливаетъ ему чару зелена́ вина,
И чара не мала не велика,
Мѣрой чара полтора ведра,
А вѣсомъ чара полтора пуда;
Бралъ-то вѣдь малый коморошина
Сію чару да одной рукой,
Выпивалъ-то онъ одны́мъ духомъ.
И скочилъ-то малый коморошина со пе́ченьки земляной

Digitized by Google

И сталъ онъ по мостиночкамъ поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И сталъ онъ малый коморошина да выговаривать:
«Былъ я во Литвы да во поганоей,
«Повыправилъ я дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Потомъ на пиру вси да испугалися:
— Вѣрно пріѣхалъ Добрыня со чиста́ поля:
— Не бывать намъ на пиру никому́ живымъ. —
А сталъ Добрынюшка съ мостиночки на мостиночку поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Налей-ко ты мнѣ чару зелена вина».
И солнышко Владиміръ князь испугался самъ,
Что походочка его да некрасивая.
И говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же ты малый коморошина!
— Наливай-ко ты чару своёй рукой
— И розводи-ка медами да стоялыми. —
Тотъ малый коморошина налилъ чару зелена вина,
И подноситъ молодой женѣ Настасьѣ дочь Миколаевнѣ:
«Выпей-ко ты чарочку до дна, такъ увидаешь ты добра.
«Чарочка ни мала ни велика,
«Мѣрой полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда.
«Пей сію чару до дна, увидаешь добра,
«Не пьешь чару до дна, такъ не видать тебѣ добра».
Она брала чарочку одной рукой,
Выпивала чарочку одны́мъ духомъ,
И подняла съ сей чарочки злаченъ перстень,
Которымъ она съ Добрынюшкой обручалася.
Она го́воритъ таковы слова:

Digitized by Google

— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— Не тотъ мой мужъ, который возли́ меня,
— Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня. —
Вси-то на пиру да испугалися:
«Вѣрно Добрынюшка пріѣхалъ да во живности».
А тутъ-то Добрынюшка Никитиничъ
Взялъ-то смѣлаго Олешу Поповича
За желты́ кудри,
И поднялъ онъ выше своей буйныя го́ловы,
И хочетъ спустить его о полы да о-дубовыи.
То старый казакъ Илья Муромецъ
Накинулъ онъ свои храпы бѣлыи:
— Оставь-ка ты у насъ Олешеньку во живности. —
Тутъ Добрынюшка спустилъ его о пола̀ да о дубовыи.
Только смѣлый Олеша Поповичъ и женатъ бывалъ,
Только женатъ бывалъ и съ женой живалъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

108.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 21).

Выходитъ солнышко Владиміръ князь
И го́воритъ своимъ да князьямъ бо́ярамъ:
«Солнышко у насъ на ве́черѣ,
«Почестный пиръ прошолъ на весели,
«Всѣ же вы добры мо́лодцы
«У меня вы да вѣдь пожѐнены,
«Одинъ-то я вѣдь солнышко Владиміръ князь
«Холостъ есть, не женатъ хожу.
«Изберите-ка мнѣ невѣсту супротивъ меня
«Возростомъ и волосомъ;

Digitized by Google

«Походочка у ней чтобы была павлиная,
«Разговоръ чтобы былъ лебединыій,
«Очи были бы ясна сокола,
«Брови черна соболя.
«Собирайтеся-ко вси мои князи бóяра,
«Вси мои да подколѣнные,
«Подколѣнные и пóданные мои».
И собиралися вси князи бóяра,
Сильніи могучіи богáтыри,
И думаютъ они да думу крѣпкую,
Кого послать во чужу орду.
Потомъ предъявляе имъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого намъ послать, какъ послать тихій Дунай да сынъ Ивановичъ;
— У кóроля Литовскаго былъ да онъ во кóнюхахъ,
— Былъ во конюхахъ двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ бывалъ въ чужихъ земляхъ, видалъ чужихъ людей.—
Отправили его во чужу орду,
Дали помощника Добрынюшку Микитинца.
И тутъ-то они да добры мóлодцы
Сѣдлали своихъ коней да богатырскіихъ,
И видѣли добрыхъ мóлодцевъ сядуци,
А не видѣли добрыхъ молодцевъ поѣдуци;
Поѣхали они да не въ воротами,
Скакали кони богатырскіи
Черезъ стѣну городовую.
Поѣхали изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И подъѣзжаютъ они подъ королевство Литовское,
И въѣзжаютъ они въ королевство Литовское,
Прямо къ кóролю Литовскому,
И встрѣчаетъ ихъ кóроль Литовскіи.
И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Мы за добрымъ за дѣломъ пріѣхали за свáтовствомъ».
И встрѣтилъ кóроль Литовскій во почестное гостéбище.

Digitized by Google

И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Ай ты король Литовскій!
«Пріѣхали мы къ тоби свататься,
«Только твоей большоей дочери Настасьи королевичны не надо,
«А отдай-ко за солнышко за князя Владиміра
«Меньшую дочь Марью королевичну».
На то король Литовскій розсердился,
И розгорѣлось его сердце богатырское,
И скрычалъ своимъ подданнымъ громкимъ голосомъ:
— Оберите-тко тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
— И Добрынюшка Никитича въ крѣпкое мѣсто. —
А они добры молодцы не зѣвали,
Они добрыхъ коней сѣдлали,
И на татаръ на поганыхъ да напустились.
Кóроль Литовскій смотритъ во чистое поле, —
Мало у него да татаръ становится.
И скрычалъ да онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же ты тихій Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко мнѣ татаръ да и на сѐмена,
— Бери-ко мою любимую да мéньшую дочерь
— За солнышка за князя за Владиміра. —
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Да Добрыня Никитиничъ
Прекратили свое сердце богатырское,
И подъѣзжаютъ они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Берутъ-то не съ упадкою, а берутъ-то со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою.
И отправились они въ свою сторонку
Съ тою Марьею королевишной *(такъ)*,
И ѣхали они далече ль близко ль чистымъ полемъ,
И наѣхали слѣдъ рыцаря сильнаго,
Сильнаго и храбраго.
И тутъ же говоритъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ,

Digitized by Google

И говоритъ онъ да таковы слова:
«Ай же ты Добрыня Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты съ Марьею королевишной
«Во Кіевъ градъ ко Владиміру,
«А я остануся во чистомъ полѣ,
«Что за рыцарь выѣхалъ прежде насъ».
И распростились они тутъ, и тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Отправился этимъ слѣдомъ богатырскімъ,
А Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ.
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Наѣхалъ рыцаря во чистóмъ поли,
И они съѣхались въ одно мѣсто
Два сильныихъ могучіихъ богáтыря,
И сдѣлали они разъѣздъ во чистóмъ полѣ,
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ
И храбрости своей молодецкоей,
Ударились палицами булатными,
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Едва на конѣ усидѣлъ,
Розъѣхались опять во чистóмъ полѣ
И съѣзжаются опять въ одно мѣсто,
Какъ двѣ горы скатываются,
И ударили они палицами булатными,
Такъ аки громъ грянулъ.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Сразу того рыцаря изъ сѣдла вышибъ,
И палъ на сыру́ землю,
И самъ наступилъ на круты бедра,
И прижалъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Тупымъ концемъ копья ко сырой земли,
И сталъ его спрашивать:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
А онъ рыцарь отвѣчаетъ:

Digitized by Google

— Если бы я сидѣлъ на твоихъ бѣлы́хъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы роду племени,
— А пластáлъ бы твои груди бѣлыя. —
Такъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Не пластаетъ грудей бѣлыихъ,
А опять спросилъ рыцаря:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
Она отвѣчаетъ:
— Я есть Настасья королевична,
— Короля Литовскаго дочь. —
Опустился Дунай сынъ Ивановичъ съ добра́ коня
И бралъ ее Настасью за бѣлы́ руки,
И цѣловалъ ю въ сахарни́ уста.
И сѣли они на коней богатырскіихъ
И отправились они во Кіевъ градъ.
И пріѣхали они во Кіевъ градъ,
На пиръ поспѣли къ князю стольне-кіевскому.
Тутъ они на пиру да напивалися,
Тутъ они на пиру да наѣдалися,
Тутъ они да порасхвастались:
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ похвасталъ,
Что мастеръ въ стрѣлочку стрѣлять,
А прекрасная Настасья королевична отвѣчаетъ ему:
— Ай же тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Если стрѣлочку стрѣлишь, пере́стрѣлишь,
— Либо стрѣлочку стрѣлишь, не до́стрѣлишь,
— А я стрѣлю́ не пере́стрѣлю. —
Потомъ они выѣхали въ чистое поле
И положили цѣль куды стрѣлять.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Первой разъ стрѣлилъ, пере́стрѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, не до́стрѣлилъ;
А она натягивала свой ту́гой лукъ,

Digitized by Google

Положила стрѣлочку каленую,
Она стрѣли́ла не перестрѣлила.
Потомъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ разсердился,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Соскочилъ онъ съ коня богатырскаго
И схватилъ онъ Настасью королевичну съ коня да богатырскаго,
Бросилъ о сыру землю,
И заводитъ пластать да груди бѣлыи,
Она и смолилась:
— Ай же ты тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не пластай ты моихъ грудей бѣлыихъ,
— Я тебѣ въ эвтомъ брюхѣ принесу трехъ сыновъ,
— По колѣнушки въ се́ребри,
— По локо́точки въ золоти.
— И по косицамъ частыи звѣзды,
— А сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
— А во лби красное солнышко. —
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ —
Розгорѣлось его сердце богатырское,
И пласталъ ей груди бѣлыи.
Какъ роспласталъ ей груди бѣлыи,
Вынялъ оттель трехъ младенцевъ:
По колѣнушки въ се́ребри,
По локо́точки въ золоти,
И по косицамъ частыи звѣзды,
И сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
А во лби красное солнышко.
Поставилъ копье тупымъ концемъ въ землю,
А на вострый конецъ самъ грудью палъ.
Отъ Дунаевой крови и Настасьиной крови
Протекло тутъ двѣ рѣки:
Дунай рѣка и Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

109.

СТАВЕРЪ.

Во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владиміра
И былъ почестенъ пиръ на весели.
А будетъ день на вечерѣ,
Вси на пиру да напивалися,
Вси же на пиру да наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались:
Умной-отъ хвастаетъ матушкою,
А иный-отъ хвастаетъ имѣніемъ богатствомъ,
Иный хвастаетъ плечомъ да богатырскіимъ,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
А сидитъ же тутъ Ставeръ да Стогодиновичъ,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты Ставeръ да Стогодиновичъ!
«Что же ты сидишь не хвастаешь?»
— Чимъ мни-ка-ва да добру молодцу похвастати?
— И у добра молодца добры конюшки не ѣздятся,
— И у добра молодца цвѣтны платьица не носятся,
— У добра молодца золота казна не тащится *(такъ)*. —
Опять же Владиміръ князь
Говоритъ ему таковы слова:
«Отчего же у тебя золота казна не тащится?»
— Оттого у меня золота казна не тащится,
— Что сорокъ заводовъ со заводами. —
«Отчего же у тебя цвѣтно платье не носится?»
— Оттого у меня цвѣтно платье не носится,
— Что каждый день да платье смѣнное. —
«Отчего же у тебя да добры конюшки не ѣздятся?»
— А оттого у меня добры конюшки не ѣздятся,
— Сорокъ кобылъ со кобылою
— Каждый годъ приносятъ по жеребчику.

Digitized by Google

— Есть у добра молодца молода́ жена,
— Настасья дочь Микулична;
— Всихъ князей да бо́яровъ да она вѣдь повыманитъ,
— Солнышка Владиміра князя и съума сведетъ. —
Тутъ ли солнышко Владиміръ князь
Скричалъ да громкимъ голосомъ:
«Ай же мои сильніи могучіи бога́тыри,
«Вси же мои князья да подколѣнныи!
«Возьмите-ка Ставра да Стогодинова,
«Отведите его во темницы бѣлокаменны,
«Пущай-ка тамъ Ставеръ да обумѣется,
«Пущай-ка тамъ да образумится».
И взяли Ставра да Стогодинова,
Посадили во темницу бѣлу каменну,
И сидѣлъ Ставеръ да Стогодиновичъ.
Познала его молода жена,
Настасья дочь Микулична,
Она подстригла свои волосы по-му́жечки,
И окрутилась она да по-рыцарску *(такъ)*,
И обсѣдлала она коня да богатырскаго,
И взяла она палицу булатную, доспѣхи крѣпкіе,
И пріѣхала она въ стольной Кіевъ градъ,
И прямо она ко солнышку ко Владиміру,
Ко Владиміру князю стольне-кіевскому.
— Ай же ты солнышко князь стольне-кіевскій!
— Я пріѣхалъ вѣдь къ тебѣ за добрымъ дѣломъ за сва́товствомъ:
— Отдай-ка ты дочку за меня за храбраго за рыцаря. —
Солнышко Владиміръ принимаетъ во гостѐбищо во почестное,
И хочетъ кразу просватать свою дочь возлюбленную;
Приходитъ дочь къ нему въ полату бѣлокаменну:
«Ай ты мой батюшко возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Не отдай-ко ты дѣвчину да за женщину,

Digitized by Google

«Не надѣлай-ко смѣху по всей Руси».
Опять же Владиміръ князь стольне-кіевскій:
— Ахъ дочь моя возлюбленна!
— Какъ же не отдать тебя за рыцаря,
— За эдакаго за витязя? —
«Я замѣтила сего рыцаря:
«Есть дѣвчина либо женщина,
«На рукахъ златы перстни нóшены».
Опять говоритъ солнышку Владиміру:
«Ай же татенька мой возлюбленный!
«Надо узнать, его въ спальню позвать.
«Какъ онъ въ спальней проспитъ на пуховой постелѣ,
«Можно узнать, мужчина али женщина:
«Если мужчина — подъ грудмы яма будетъ,
«Если женщина, такъ подъ жопою».
Потомъ потребовалъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь опочивать въ спальнюю.
Онъ съ радостью идетъ опочивать,
Поутру онъ вставалъ раненько
И стряхнулъ свою постелю пуховую;
Потомъ умывался онъ бѣленько,
И выходилъ изъ сей спальней изъ палаты,
И отдалъ благодарность солнышку князю Владиміру
На теплоемъ ночлегѣ, на мяккоей постелѣ,
И поѣхалъ сей рыцарь въ чистое поле прогуливаться.
И въ эвто же время княжеская дочь возлюбленна
Кинулась она во спальнюю,
А на постели узнать нельзя:
Мущина ли почивалъ, али женщина?
Сей рыцарь пріѣзжаетъ со чистá поля
Опять за тымъ же добрымъ дѣломъ за сватовствомъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Хочетъ просватать свою дочь возлюбленну
За сего рыцаря, что храбрый сей рыцарь есть.

Digitized by Google

Дочь его возлюблена выходитъ:
«Ай же ты мой татенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Не надѣлай-ко смѣху́ по всёй Руси,
«Не отдай-ко ты дѣвчины да за женщину».
Солнышко Владиміръ князь прогóворилъ да таковы слова:
— Какъ же мни тебя да не просватати?
— Какъ же мы да узнаемъ, мужчина ли али женщина? —
«Ай же ты мой тятенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Истопить да парна баенка,
«Позвать да его съ пути да со дороженьки
«Въ парну баенку,
«Послать да своихъ слугъ да вѣрныихъ
«Узнать, мужчина ли есть али женщина?»
Истопили парну баенку
И проситъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
— Ай же ты храбрый рыцарь, не угодно ли съ пути съ дороженьки
— Попариться да въ парной баенки? —
«Весьма доволенъ съ пути съ дороженьки
«Попариться да въ парной баенки».
И скорѣе этотъ рыцарь роздѣвался,
Въ парну баенку сбирался,
И онъ шолъ въ парну баенку скоренко,
Умывался онъ бѣленько.
Направили они слугъ своихъ вѣрныихъ
За нимъ да вслѣдъ въ парну баенку,
А онъ ужъ съ баенки на встрѣчу идетъ и благодарность отдаетъ.
И тутъ же этотъ рыцарь обсѣдлалъ своего коня богатырскаго,
И выѣхалъ во чистó поле и скричалъ онъ по зари да по утреной:

Digitized by Google

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты съ Кіева мнѣ поединщика;
«А если не дашь мнѣ поединщика,
«Весь градъ плѣню, а дочь твою силой возьму».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской испугался
И не знаетъ кого изъ рыцарей послать.
И собиралъ своихъ князей бояровъ
И съ ними думаетъ крѣпка думушка.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого послать какъ Ставра Стогодинова. —
И говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Послать не послать — выпустить Ставра Стогодинова
«Со тыхъ со темницъ да со крѣпкіихъ
Приводятъ Ставра да Стогодинова
Со темницъ да со крѣпкіихъ
Къ солнышку ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Зачѣмъ же ты меня требуешь? —
«А зачѣмъ я тебя требую,
«Въ той вины я тебя прощаю,
«Только повыѣдь во чисто́ поле,
«Побѣди-ка ты рыцаря во чисто́мъ поли».
Потомъ Ставeръ да Стогодиновичъ
Сѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
Повыѣхалъ онъ да во чисто́ поле
И наѣхалъ во чисто́мъ поле на рыцаря.
Сдѣлали розъѣзды во чисто́мъ поли
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ,
Ударились палицамы булатныма.
Она да Ставра и зашибла вѣдь,
Ставра да Стогодинова,
И палъ Ставeръ да на сыру землю:
— Ай же ты Ставeръ да Стогодиновичъ!
— Чего же желаешь нынь живота, али смерти?

Digitized by Google

— Помнишь ли ты Ставeръ да Стогодиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ одномъ училищѣ училися,
— У меня чернильничка серебряна,
— А у тебя перышко золоченое?
— И сплошь ты въ мою черниленку помакивалъ,
— И даже частенько помакивалъ,
— А я тогда-сегда. —
Тутъ же Ставeръ не можетъ образумиться:
— Ай же ты Ставeръ да Стогодиновичъ!
— Чимъ же ты во поли похвастаешь?
— Никогда ты не хвастай молодой женой!
— Ты похвасталъ молодой женой,
— А теперь и самъ въ поли радъ жены дать. —
Потомъ розвернула свои бѣлы груди
И показала ему свое естество,
И тутъ онъ узналъ, что своя жена,
Молода жена Настасья дочь Микулична.
Тутъ они брали другъ дружку за бѣлы́ руки.
И сѣли они тутъ на добры́хъ коней:
— Ну Ставёръ да Стогодиновичъ!
— Никогда не хвастай молодой женой,
— Жена же тебя съ поло́ну вывела. —
И поѣхали въ свою сторону
На радость и на веселье;
Только были и во Кіеви.
А тутъ дочь отвѣчаетъ Владиміру:
«Ай же ты батюшко солнышко Владиміръ князь!
«Одва ты не надѣлалъ смѣху́ на всей Руси,
«Одва ты не отдалъ дѣ́вчину за женщину!»

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

110.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 25).

Во христовскую заутреню
Поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ,
Поѣхалъ во Божью церковь.
И въ это же время пріѣхалъ Щурилушка Щиплёнковичъ
Къ Домнѣ Александровнѣ,
И увидала Домна Александровна,
Выходила она на ши́рокъ дворъ,
Отпирала она ши́роки врата,
И встрѣчала она Щурилушку Щиплёнковича,
Брала его за бѣлы́ руки
И цѣловала его въ сахарны́ уста,
Выпрягала его коня рыцарскаго,
Убирала коня во конюшни во новы́и,
И санки постановила во каре́тникъ во свой,
И брала она Щурилушку за бѣлы́ руки,
И проводила во полаты бѣлокаменны.
И скидыва́лъ-то онъ шубоньку куньюю,
Шапочку соболиную,
Сапоженьки козловые.
И проводила она Щурилушку
Прямо во свою во спальнюю.
И въ это же время у Щурилушки была служанка крѣпостная
И говорила ему: «ахъ Щурило, это не хорошо!»
— Дѣвка молчи, я съ те сарафанъ сдеру! —
Дѣвки-то не понравилося.
Если бъ онъ отвѣчалъ, что сарафанъ куплю,
А онъ отвѣчалъ, что сарафанъ сдеру.
Она бѣжала во Кіевъ градъ ко Божьёй церквы,
Ко большимъ ключамъ церковнымъ,
Прямо она къ Добрынюшкѣ Микитинцу:

Digitized by Google

«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты на свой домъ, —
«Пріѣхалъ къ тебѣ гость незваный да и нежданыій
«И не по обычаю тебѣ, не по разуму,
«Пріѣхалъ къ твоей Домны Александровны
«Щурилушка Щиплёнковичъ».
То Добрынюшка Микитиницъ
Выходилъ да со Божьёй церквы,
И скакалъ онъ на своего коня да богатырскаго,
И скакалъ къ своимъ да и полатамъ бѣлокаменнымъ,
И заѣзжалъ онъ на ши́рокъ дворъ;
И стрѣчала его Домна Александровна.
Завóди онъ своего коня да богатырскаго
Во свои да во конюшенки во новы́я,
И тамъ стоитъ да конь Щурилушки Щипленковича.
И тутъ-то вѣдь и говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Онъ заходитъ въ каретничекъ во свой,
Увидалъ онъ Щурилушкины саночки самокатныя:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходи онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Виситъ шубонька Щурилина куньяя,
И говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходитъ онъ въ другую во комнату,
Увидалъ онъ Щурилины сапоженьки,
Соболиную шапочку на гвоздикѣ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Нѣтъ его Щурилушки здѣсь Щипленковица.
Добрынюшка Микитиницъ

Digitized by Google

Отпираетъ двери въ свою спальнюю полату:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Розсердилося Добрынюшки сердце богатырское,
И схватилъ онъ свою саблю острую,
И отсѣкъ онъ Щурилушкѣ буйну голову
И своей молодой женѣ Домнѣ Александровной.
А потомъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ этой служанкой повѣнчался,
А Щурилушка только и живъ бывалъ.
А Добрынюшка сталъ жить да быть, добра наживать, изъ лиха избывать.

Записано тамъ же, 3 іюля.

111.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Расеи,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росеи
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на христовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной, князя Литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенкѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовскоей,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,

Digitized by Google

Князя Литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоцѣнныя платья,
И выходили они въ драгоцѣнныихъ платьяхъ
На гульбище на прихладище.
И у Гришки у разстрижки былъ во чистóмъ поли
Храбрыій воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со чистá поля приходитъ грамота,
Гришкѣ разстрижки со чистá поля:
Нѣтъ его защитчика во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записано тамъ же, 3 іюля.

XX.

АЛЕКСАНДРЪ ДЬЯКОВЪ.

Александръ Дьяковъ, крестьянинъ дер. Потаневщины Кижской волости, лѣтъ около 50 отъ роду. Жилъ крестьянствомъ, но въ послѣднее время ослѣпъ, и міръ опредѣлилъ его на перевозъ, положивъ ему за это содержаніе. Дьяковъ слышалъ былины отъ того же Елустафьева, о которомъ упоминалось при прежнихъ сказителяхъ; онъ удержалъ въ памяти только одну нижеслѣдующую.

112.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Держалъ поѣздку со Мýромля.

Digitized by Google

Стоялъ Христовскую заутреню во Муромлѣ,
Завѣтъ положилъ поспѣть во Кіевъ градъ
Къ обѣдни ко христовскіи,
Завѣтъ положилъ ѣхать путемъ дорожкою,
Руки не кровавити.
Вышелъ на улицу широкую,
Тутъ молодецъ пороздумался:
Есть ко Кіеву да двѣ дороженьки,
Двѣ пути двѣ дороженьки:
Первая дорожка прямоѣзжая,
Другая дорожка окольная.
Окольная дороженька семьсо́тъ-то верстъ,
А прямоѣзжая дорога ровно триста верстъ;
Сорокъ лѣтъ дорожка заколо́дѣла,
Сидитъ Со́ловей Рахмановичъ,
Сидитъ у рѣченки у Черныи
У того дуба Леванидина,
У тоя береза покляпыи;
Убилъ сорокъ бога́тыревъ съ бога́тыремъ,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
А тутъ сказалъ Илья Муромецъ:
«Не честь хвала ѣхать дорожкою окольною,
«А поѣду я дорожкой прямоѣзжею».
Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею
Ко этой ко рѣчкѣ ко Черноей,
Ко тому дубу Леванидову,
Ко той ко березкѣ ко покляпыи.
Тутъ Со́ловей Рахмановичъ
Крыкнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному;
У Ильи Муромца конь на колѣнка палъ.
Илья Муромецъ бьетъ коня по тучны́мъ бедрамъ:
«Ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Не слыхалъ ли ты крыку звѣринаго,

Digitized by Google

«Не слыхалъ ли ты свисту змѣинаго?»
А натягивалъ-то Илья Муромецъ свой шелкóвый лукъ,
Положилъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ Сóловью во сы́рой дубъ.
Пришла стрѣлочка Сóловью во правый глазъ,
Вышла Сóловью въ затылочекъ.
Сóловей съ дубá упалъ на землю на матушку.
Привязалъ Илья Муромецъ Сóловья ко стрéмени,
Поѣхалъ къ подворью соловьиному,
Къ тоей его семеюшкѣ любимыи.
Выѣхалъ на соловьиное поле на широкое,
Увидала дочи мéньшая соловьиная,
Увидала во окошечко косивчато,
Говоритъ своей матушкѣ:
— Матушка, матушка родимая!
— Батюшка ѣде, мужика везетъ,
— Мужика везетъ у стремени,
— Верхъ-то ноженьки а внизъ головушка. —
Большая дочь поглянула въ окошечко:
«Ахъ ты сестра меньшая,
«Вѣкомъ меньше, а окомъ есть тупѣе меня!
«А мужикъ-то ѣде деревенщина,
«Везетъ батюшку у стремени».
А середняя дочи́ скочила,
Схватила подворотеньку пятьсотъ пудовъ,
Хочетъ Ильи Муромцу придать.
Илья Муромецъ ударилъ ю да и кну́товищемъ,
Она слетѣла на задній тынъ,
Тамъ на жопы по́лзаётъ, —
Батюшку не выручила, а увѣчье себѣ на вѣкъ нажила.
Говоритъ Сóловей Рахмановичъ:
— Ай же ты моя семеюшка любимая!
— Не деритесь-ко съ Ильей Муромцемъ,
— А несите-тко ему золотой казны. —

Digitized by Google

А Илья Муромецъ копье свое вострое,
Вострое копье трехсаженное,
Тыкнулъ свое копье во матушку во сыру землю,
Велѣлъ засы́пать копье вострое,
Копье вострое золотой казной.
Они заносили, копье вострое
Золотой казной засыпали,
А Илья Муромецъ взялъ, копье выдернулъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву
Поспѣть къ обѣдни ко христовскіи.
Пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру,
Поставилъ коня середи двора,
Неприказана, непривязана,
Самъ пошолъ къ обѣдни ко христовскіи.
Пришолъ на крыльцо церковное;
Владиміръ идетъ отъ обѣдни христовскія.
Онъ бьетъ челомъ поклоняется:
«Здравствуешь Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Положилъ завѣтъ поспѣть ко обѣдни ко христовскіи,
«Маленько-молъ я дорожкой позашишкался *(такъ)*,
«Не попалъ къ обѣднѣ ко Христовскіи,
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Привезъ я Со́ловья у стремени».
Идетъ рядомъ со Владиміромъ,
А говорятъ князья и бо́яра:
— Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Ма́нитъ мужикъ деревенщина. —
Прі́шелъ Владиміръ князь на свой на широкій дворъ,
Увидѣлъ Со́ловья у стремени;
Говоритъ Ильи таково слово:
«Какъ тебя зовутъ по имени,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ-то Илья Муромецъ, отвѣтъ держитъ:

Digitized by Google

— Аль зовутъ меня Ильюшенкомъ,
— Да по отечеству Ивановъ сынъ. —
Говоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Прошу тебя къ себѣ пожаловать
«Во почестное да и во гостебище».

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.

XXI.

СЕМЕНЪ КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (по мѣстному произношенію Корныловъ), крестьянинъ дер. Ку́рьяницы Кижской волости, 52-хъ лѣтъ, высокаго роста, худой, сгорбленный, слѣпой. Онъ ослѣпъ съ 13-лѣтняго возраста и съ тѣхъ поръ кормится частью работою у родственниковъ, частью мірскою помощью. Былины узналъ отъ сторонних людей и поетъ ихъ весьма складно.

113.

НАСТАСЬЯ НИКУЛИЧНА.

(См. Рыбникова, т. II, 61).

Начинается розсказъ люди добрыи для васъ,
Какъ оратай-тотъ оре́тъ да вѣдь подсвистывае.
У оратая сошка поскрыпливае,
У оратая сошка красна́ дерева̀,
У оратая омешики серебряныѐ,
А присошокъ красна́ золота̀.
У оратая сапожки на ножкахъ зелёнъ сафьянъ,
Пяты шиломъ, носы востры,
Около носа яйцо прокати,

Digitized by Google

А по́дъ пяту воробей пролетитъ.
Кудри у мо́лодца качаются,
Не скачёнъ жемчугъ да розсыпается;
Брови какъ чернаго соболя,
А гла́зы какъ яснаго сокола.
А 'ще было-то у молодца похожено,
А у добраго было поѣзжено
На томъ ли на соколи на батюшкѣ
А на бо́льшоемъ ка́рабли;
У того у сокола у батюшки,
А у бо́льшаго у ка́рабля,
Носъ корма по звѣриному.
А бока-ты были по змѣиному;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Снасти канаты были ше́лковы,
Паруса были поло́тняны.
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Якори были булатные,
Булата жалѣза заморскаго;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Флюгера-то были да дорого́й камки;
А 'ще на́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Была поляница удалая:
А жопка у ней крутенька по женьскому,
Поступочка у ней частенька по женьскому,
Поговорюшка у ней гладе́нька по женьскому.
Быть ли не быть ли Настасьѣ Никуличнѣ послу,
Тутъ-то Настасьѣ славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

Digitized by Google

114.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучіихъ,
Выѣзжалъ-то татарской сынъ,
Татарской сынъ да по имени Михаило Долгомѣровичъ.
Онъ ѣдетъ по чисту́ полю и видитъ ёнъ поѣздку богатырскую
А ископыть-ту лошадиную.
Тутъ татарско сердце розгорѣлоси,
Онъ поѣхалъ тутъ по за́рѣкамъ да вѣдь по за́водямъ,
Онъ стрѣлялъ тутъ гусей, ле́бедей
Да й пернастыхъ сѣрыхъ утушокъ.
И онъ увидѣлъ тутъ вѣдь сильняго могучаго бога́тыря,
И сильняго могучаго богатыря, да стараго казака да Илью Муромца.
Они по чисту́ полю да вѣдь розъѣхались,
А не двѣ тучи темныихъ сходилися,
А два сильніихъ могучіихъ бога́тыря съѣзжалися.
Оны въ первой разъ сразилися,
У нихъ копья приломилися;
А 'ще дру́гой разъ сразилися,
У нихъ сабли приломилися;
Оны въ третій разъ вѣдь сходятъ со добры́хъ коней,
Тутъ беремечкомъ схватилися.
Они долго другъ и съ другомъ тутъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернуласи,
Права ноженька свернуласи, лѣва ручка отмахнуласи,
Палъ Илья да о сыру землю.
Тутъ скочилъ татаринъ вѣдь Ильи да на бѣлы́ груди
И вынимаетъ онъ ножи́ще вѣдь кинжа́лище,
Хочетъ пла́стать вѣдь Ильи да бѣлыя груди.

Digitized by Google

Онъ сталъ поганый надсмѣхатися!
«Ужъ ты старая собака, ты сѣдатый песъ!
«Тебѣ ли ѣздить во чистóмъ поли,
«Во чистóмъ поли да на добрóмъ кони?
«Жилъ бы ты во городи во Кіевѣ,
«Пасъ бы ты гусей да лебедей,
«Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ».
Это слово-то Ильи вѣдь не слюбилося,
Какъ ударилъ-то Илья вѣдь татарина въ бѣлу́ю грудь,
Подынулъ-то онъ татарина повыше лѣсу стоячаго,
Пониже облака ходячева,
И палъ татаринъ о сыру́ землю,
И лежитъ татаринъ вѣдь не вѣдаетъ,
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна́ голова;
Лежалъ-то татаринъ тутъ три дни да вѣдь три ноченьки,
А старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да на зелёный лугъ,
Самъ онъ входитъ вѣдь во бѣлъ шатерь,
Онъ хлѣба соли тутъ покушаетъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному.
А въ это время, въ этотъ часъ татаринъ какъ быдто отъ сна да пробуждается,
Сталъ на ноги, да самъ быдто шатается.
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко своей матушкѣ,
А й ко матушкѣ а й ко Семигóркѣ, бабѣ-то Владимíркѣ.
Онъ ѣдетъ, самъ качается.
Стрѣтаетъ его матушка Семигорка, баба да Владимíрка,
Говоритъ ему да таково слово:
— Что же ты дитятко ѣдешь не по старому,
— Ѣдешь не по прежнему,

Digitized by Google

— Самъ сидишь въ сѣдли да вѣдь качаешься? —
И тутъ возгóворитъ молодой татарскій сынъ:
«Ты не знаешь, мать, незгодушки.
«Я наѣхалъ во чистóмъ поли
«Старую собаку да сѣдатаго пса;
«Ужъ мы въ первый разъ да съ нимъ сразилися,
«У насъ копья приломилися;
«А 'ще другой разъ сразилися,
«У насъ сабли приломилися;
«А 'ще въ третій разъ мы сходили со добрыхъ коней
«Дружка съ дружкою беремечкомъ схватилися,
«У его у стараго да права ножка отвернулася,
«Лѣва ручка отмахнулася,
«Ужъ онъ палъ какъ о сыру землю,
«Я садился-то на бѣлы́ груди,
«Вынималъ-то я ножище кинжалище,
«И сталъ надъ нимъ да надсмѣхатися:
««Ужъ ты старая собака, сѣдатый песъ!
««Жилъ бы ты во городи во Кіеви,
««И пасъ бы ты гусей да лебедей,
««Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ!»»
«Это слово-то ему вѣдь не слюбилося,
«Онъ ударилъ-то меня да во бѣлу́ю грудь,
«Подынулъ-то меня да повыше лѣсу стоячаго,
«Пониже облака ходячева,
«Ужъ я палъ какъ о сыру́ землю,
«И лежалъ-то я вѣдь три дни и три ноченьки,
«Гдѣ рука, гдѣ нога, да гдѣ буйна́я голова.
«Черезъ три дни черезъ три ноченьки
«Пробуждался я отъ сна да будто пьяныи».
Какъ возгóворитъ ему да ро́дна матушка:
— Ужъ ты дитятко, моло́дой ты Сокольничекъ!
— Это вѣдь не старая собака, не сѣдатый песъ,
— А это есте старый казакъ да Илья Муромецъ. —

Digitized by Google

Тутъ у татарина сердце розгорѣлоси,
Онъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ во чисто́ поле
Ко тому ли ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да вѣдь на зе́ленъ лугъ,
Онъ скочилъ въ шатеръ, да самъ не спрашивалъ,
И схватилъ-то онъ ножи́ще вѣдь кинжалище,
И ударилъ онъ Илью да во бѣлу́ю грудь,
А Илья лежитъ сонный, какъ и мертвыи;
И попало у Ильи да въ зо́лотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна да пробуждается,
Тутъ хватилъ Илья татарина вѣдь за ноги
И роздёрнулъ его на́-двоё;
Одну ногу кинулъ къ Семигоркѣ, бабѣ-то Владиміркѣ,
А другую ногу кинулъ во Ефратъ рѣку.
Тутъ садился-то Илья да на добра́ коня,
Тутъ поѣхалъ вѣдь Илья ко городу ко Кіеву
И ко князю ко Владиміру,
Бьетъ челомъ да поклоняется.
Тутъ Ильѣ честь пошла и славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

115.

ДЮКЪ.

Какъ во той ли во Индѣи во богатыи,
Какъ во той ли во Карелы во упрямыи,
Какъ во томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ себи свой ту́гой лукъ,
Да еще беретъ онъ тридцать три стрѣлы каленыихъ,
А тридцать-то каленыихъ а три-то золоченыихъ,

Digitized by Google

Онъ ходилъ-то по зарѣки да и по заводи,
И стрѣлялъ-то гусей лебедей.
Розстрѣлялъ онъ тридцать три стрѣлы,
Не попалъ онъ ни въ единую:
«Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣлъ,
«А только жалко мнѣ-ка трехъ-то стрѣлъ:
«Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,
«Оны вси да золоченыи,
«И перьямы сажоныи,
«Оны перьями орловыма,
«Не того орла который вѣдь летаетъ во чистомъ поли,
«А того орла который сидитъ на мори,
«На мори сидитъ на камени;
«А 'ще тотъ орелъ сворохнется,
«Сине морюшко сколыблется,
«А въ деревняхъ пѣтухи споютъ;
«Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
«Обираютъ перья-ты орловыя,
«Оны привозятъ къ моей матушкѣ
«Емельфѣ Тимофеевной».
Тутъ приходитъ молодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ
Во свои-ты полаты бѣлокаменны,
Онъ приходитъ вѣдь во гридни во столовыи,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
У матушки своей да сдоложается,
Говоритъ да таково слово:
«Ужъ ты матушка родимая!
«Я хочу вѣдь ѣхать-то ко городу ко Кіеву
«А Богу помолитися,
«Князю кіевскому поклонитися».
Какъ возговоритъ ему да родна матушка,
Родна матушка Емельфа Тимофеевна:
— Ужъ ты дитятко да Дюкъ Степановичъ!

Digitized by Google

— Ты еще вѣдь молодёшенёкъ,
— Эта есть дорожка дальняя,
— Кру́гомъ ѣхать три́ года,
— А прямо ѣхать три мѣсяца.
— На прямой-то вѣдь дороженькѣ
— Есть три за́ставы великіе:
— Перва за́става змѣиная,
— Дру́га за́става звѣриная,
— Третья за́става семь есте бога́тырей:
— А первый нашъ казакъ Илья Муромецъ,
— А другой опять Добрынюшка Никитинычъ,
— Третій-то Олешенка Поповичъ,
— Четвертый-то Чурилушка Щапленковичъ,
— Пятый-то Михайла Долгомѣровичъ
— Шёстый сёмый два брата Агрикановы. —
Тутъ пошолъ-то Дюкъ Степановичъ
По дворамъ-то по конюшенькамъ,
По дворамъ да по конюшенькамъ
Избирать себѣ коня да вѣдь по разуму;
Онъ выбралъ-то коня себѣ по разуму,
Бурушка маленькаго и косматенькаго.
Онъ надѣлъ-то вѣдь узди́цу-то тесмяную,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ кладетъ-то вѣдь сѣделышко черкаское,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ подтягиватъ подпруги шелковыя,
А семи шелковъ да шемаханскіихъ,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ вѣдь стягиватъ тутъ пряжки-то серебряны
И онъ вдергиватъ тутъ иглы золоченыя,
А не для красы басы молодецкія,

Digitized by Google

А для крѣпости да богатырскія.
Онъ ведетъ коня да ко перёному крыльцу,
Ко перёному крыльцу, да ко точеному столбу,
Ко точеному столбу, да ко золоченому кольцу.
Тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ во гридни во столовыи,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ съ матушкой прощается,
Въ путь дорожку отправляется.
Видѣли добра мóлодца сядучись,
А не видѣли добра мóлодца поѣдучись,
Только видятъ что въ поли кудельбá *(такъ)* стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Дюкъ къ первой зáставы змѣиныя;
Змѣи розсержаются а на Дюка розъяряются,
Поглотить его хотятъ.
Дюкъ сталъ коня понуживать,
Сталъ бурушка поправливать,
Сталъ бурушко поскакивать,
Перву зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ дрýгой заставы пріѣхалъ онъ звѣриноей;
Звѣри розсержаются а на Дюка розъяряются,
Хочутъ съ конемъ его зглотать.
Дюкъ Степановичъ бурушка поправливатъ,
Косматаго понуживатъ,
Сталъ бурушко поскакивать,
Сталъ косматенькой помахивать,
Дрýгу зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ третьей заставы пріѣхалъ онъ къ великоей,
Гдѣ семь стоитъ богáтырей,
Поляницъ да вѣдь удалыихъ;
Онъ пріѣхалъ вѣдь не спрашиватъ.
Тутъ выходитъ нашъ донской казакъ Илья Муромецъ,
Выходитъ со бѣлá шатра

Digitized by Google

И говоритъ да таково слово:
«Что ты за невѣжа ѣдешь мимо да не спрашиваешь?
«Мимо нашу за́ставу ни конный не проѣзживалъ,
«Ни пѣшій ни прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ,
«А вѣдь птица полетитъ, да и та перо сронитъ.
«Ты скажи-ко вѣдь уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Изъ какой земли да изъ какой орды,
«Куда ѣдешь, куда пу́ть держи́шь,
«И какъ тебя зовутъ?»
И возго́воритъ-то мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я есте изъ Индѣи изъ богатыя,
— Да изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того ли города Волынца,
— Мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ;
— Ужъ я ѣду да ко городу ко Кіеву,
— Богу помолитися, князю поклонитися.
— Скажутъ, Кіевъ градъ да на красы стоитъ. —
Тутъ возго́воритъ-то Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко да уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Ты давно ли выѣхалъ изъ Индѣи изъ богатыя?»
Тутъ отвѣтъ держитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я выѣхалъ-то изъ Индѣи изъ богатыя
— Послѣ позднихъ вечеренъ,
— А хочу поспѣть въ Кіевъ на обѣдню. —
Этому Илья да подивился,
Тутъ съ Дюкомъ-то Степановымъ простился.
Тутъ садился Дюкъ Степановичъ на добра́ коня,
На добра́ коня на бурушка косматаго;
Тутъ видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добра молодца поѣдучи,
Только видятъ что въ поли кудельба стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣхалъ-то Дюкъ Степановичъ

Digitized by Google

Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
Онъ ко поѣзду княженецкому.
Онъ поставилъ коня да не привязываетъ,
Ни у кого ничего да онъ не спрашиваетъ,
Онъ идетъ да вѣдь прямо во Божью церковь,
Крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю Владиміру въ особину.
Они Богу помолилися, обѣдни простояли,
И выходятъ тутъ изъ церкви изъ соборныя.
Ужъ какъ сталъ-то князь Владиміръ тутъ выспрашивать:
«Ты скажи-тко да удáлый добрый мóлодецъ,
«Изъ какой земли, да изъ коей орды,
«Какого отца матери,
«Какъ тебя по имени зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я есть вѣдь изъ Индѣи изъ богатыя,
— Изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того города Волынца,
— Мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ. —
Тутъ пошли они отъ церкви отъ соборныя
Прямо вѣдь на княжей дворъ,
Тутъ идетъ-то Дюкъ Степановичъ,
Да самъ-то онъ головушкой покачиватъ,
По двору идетъ, головушкой покачиватъ.
Оны приходятъ вѣдь въ полаты бѣлокаменныи
А во гридни во столовыи,
А Дюкъ Степановичъ идетъ да все головушкой покачиватъ.
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю-то съ княгиною въ особину.
Тутъ садилися они да за столы за дубовыя
Да за скатерти-ты браныя.

Digitized by Google

Тутъ собрался князи бóяра
И сильніи могучіи богáтыри,
Вси за столомъ сидятъ ѣдятъ да кушаютъ,
Ѣдятъ да кушаютъ, самы все слушаютъ.
Поднесли-то Дюку Степановичу
Чару зелена́ вина;
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Поднесли ему да чару пива пьянаго,
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Принесли ему колачикъ крупивчатый,
Онъ полъ-колачика ѣлъ, дру́го такъ отложилъ.
Тутъ возго́воритъ Владиміръ князь да столенъ-кіевской:
«Ужъ ты что же, Дюкъ Степановичъ,
«Половинку чары пьешь, а дру́гу такъ кладешь,
«А 'ще что же ты полъ-колачика ѣшь, а дру́го такъ кладешь?»
Тутъ возго́воритъ да Дюкъ Степановичъ:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь да столенъ-кіевской!
— У васъ всё да не по нашему:
— Я пришолъ какъ къ вамъ во гридни во столовыи,
— У васъ стоятъ столы дубовыи,
— А на столахъ все скатерти забраныи,
— А у насъ столы да все кленовыя,
— А скатерти-ты все шелковыя,
— А семи шелковъ да шемаханскіихъ.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А у насъ печки изразцовыя,
— Карнизы золоченыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У насъ вина виноградныи,
— А у васъ вина-ты простыя вѣдь;
— У насъ меды стоялыя,
— А у васъ-то меды кислые;
— У насъ колачики крупивчаты,

Digitized by Google

— Колачик-отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ;
— Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыя,
— А мочатъ-то ихъ въ меды да вѣдь стоялые;
— У васъ помяльца-то сосновыя,
— Такъ колачики-то на хвóйку пахнутъ.
— У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна
— Пойдетъ-то во церковь во соборную,
— Впереди идутъ лопатчики,
— А во слѣдъ идутъ метельщики,
— Дорожку розгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ,
— А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,
— А во слѣдъ идутъ служанки;
— У нея лапотики на ножкахъ шелковыя,
— Семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А одежа на себи да шуба соболиная;
— Придетъ-то въ церковь во соборную
— Крестъ кладетъ по писáному,
— Поклонъ ведетъ по учéному,
— На вси стороны да поклоняется;
— А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
— На свой на широкой дворъ,
— У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ дорожки не розглажены,
— Песочкомъ не засыпаны,
— У васъ на дворѝ хоть звѣрь ногу ломи;
— Дворники да слуги въ шашки да въ бабки играютъ,
— Въ красныхъ рубашкахъ гуляютъ. —
Тутъ они поѣли да покушали,
Они крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ ведутъ по учéному,
Князю-то Владиміру въ особину.

(Конца не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 іюля.

Digitized by Google

116.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 65).

Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастенькія,
Да изъ-подъ чуднаго креста да Левантинова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ мо́лодыма турама малыма дѣтушками.
Лучилось итти турамъ да мимо славный Кіевъ градъ.
Они видѣли — дѣвица-та ходитъ, держитъ книгу-ту ева́нгелье́,
А не стольки читаетъ, а всё ёна́ плачетъ.
Она видѣла надъ городомъ чудны́мъ чудно́,
Она видѣла надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно́,
Какъ наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ,
А й со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Да и со зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
И со дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги-то съ сыномъ силы сорокъ тысячей,
Да у зятя-то силы сорокъ тысячей,
Да у дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей.
Тутъ-то князь закручинился,
А Владиміръ запечалился.
По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ столыпаются,
А Василій въ кабаки безъ портокъ на печи.
А й возго́воритъ Василій таково слово:
«Наливайте-тко Василью чару зелена́ вина,
«А другую-то пива пьянаго,
«А третью-то сла́дкаго меду́».
Сливали то пи́тье да вѣдь въ одно мѣсто,
Становилоси пи́тья да полтора ведра.
Выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то тутъ Вастлій таково слово:
«Я теперь могу добры́мъ конемъ владать,

Digitized by Google

«Я теперь могу востро́й сабле́й махать».
Тутъ садился вѣдь Василій на добра́ коня:
Видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добраго молодца поѣдучи.
Поѣхалъ вѣдь Василій не воротами,
А черезъ тую стѣну городовую,
Только видятъ: въ поли кудельба́ стоитъ,
А подъ Васильемъ конь будто стрѣла́ летитъ.
Тутъ наѣхалъ вѣдь Василій на Батыгу,
Да со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Онъ убилъ вѣдь Батыгу Батыговича
И убилъ зятя Тараканчика Карабликова
И убилъ-то дьячка выдумщичка.
Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
Да и ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Онъ пріѣзжаетъ на княжій дворъ,
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ съ княземъ Владиміромъ прощается.
Тутъ-то Василью славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 7 іюля.

117.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

Женили меня мо́лодца,
Не у го́лова женили, у богатаго,
А приданаго-то много — человѣкъ худой;
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ виситъ,
А худая жени́шка на ручкѣ лежитъ.
Пошолъ пошолъ уда́лый добрый мо́лодецъ
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,

Digitized by Google

Самъ королю да во служеніе дается.
Первыхъ три́ году да онъ жилъ во конюхахъ,
А дру́го три́ году онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три́ году онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три́ году онъ жилъ да вѣдь во спальникахъ,
Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошолъ пошолъ да добрый мо́лодецъ,
Онъ зашолъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ дви,
Самъ онъ поросплакался,
Поросплакался да поросхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвы,
«У короля въ Литвы да съ королевичной,
«Первыхъ три году я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
«Дру́гихъ три году я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
«Третьи три году я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
«Четверто три году я жилъ да вѣдь во спальникахъ,
«Жилъ-то я со королевичной
«Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой».
Тутъ случились палачи да немило́сливы,
Тутъ схватили добра мо́лодца скорёшенько;
Рѣзвы ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи́ неумныя,
За басни неразумныя,
И ведутъ-то его мимо королевской дворъ.
Онъ смолился палачамъ да немило́сливымъ:
«Вы не ведите-тко меня къ королю на дворъ,

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ стр. 287

Василій Петровичъ
ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Digitized by Google

«А вы ведите-тко меня да къ королевичной»,
Увидала тутъ королевична,
Идутъ-то палачи да немило́сливы:
Она бросалась въ окно да вѣдь по поясу,
Она крычала жалкимъ голосомъ:
— Ужъ вы палачи да палачи вы немило́сливы!
— Вы не водите-тко да моего слугу,
— Моего слугу на королевской дворъ,
— А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
— Ужъ я дамъ вамъ много злата, много се́ребра. —
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ имаютъ,
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ ты хва́сты королю-то розсказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королевна своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила
И въ отлично[1]) платье снарядила,
Въ путь дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Записано тамъ же, 7 іюля.

XXII.

ВАСИЛІЙ ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Бояршины, Кижской волости, 65-ти лѣтъ отъ роду; земледѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сапожный мастеръ; пріобрѣлъ склонность

1) Т. е. въ такое платье, въ которомъ его нельзя было узнать; такъ пояснилъ Корниловъ.

Digitized by Google

къ пѣнію былинъ еще въ малолѣтствѣ, слушая своего дѣда и въ особенности дядю Тимофея, который, будучи безногимъ, сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ углу въ домѣ его отца и занимался сапожною работою. Перенявъ ремесло дяди, Щеголенокъ отъ него же научился и большей части тѣхъ былинъ, которыя помнитъ понынѣ. Поетъ онъ былины не громкимъ, но довольно пріятнымъ, хотя уже старческимъ голосомъ, соединяя, впрочемъ, часто въ одну былину разнородные предметы и не придерживаясь опредѣленнаго размѣра. Щеголенокъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову; осенью 1871 года онъ побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прибавилъ нѣсколько былинъ къ тѣмъ, которыя онъ пѣлъ собирателю въ Кижахъ и которыхъ тогда не могъ хорошенько припомнить; при этомъ повѣренъ вновь и текстъ былинъ, записанныхъ на мѣстѣ. Всѣ былины записаны «съ голоса». Щеголенокъ, хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинъ.

118.

СВЯТОГОРЪ И ДОБРЫНЯ.

Да на славноей на заставы на московскіи
Тамъ стояло двѣнадцать богатырей;
Да проговорилъ Святогóръ богатырь,
Онъ старше всѣхъ богáтырей:
«Русскіе могучіи богáтыри,
«Ай же вы поляницы удалыя!
«Кого же намъ послать во землю во Тальянскую?
«Да послать ли Святогóра богáтыря,
«Такъ вѣдь некому стоять на заставѣ,
«А й на заставѣ да и на московскіи.
«Да посылать ли намъ Добрынюшку Никитича

Digitized by Google

«Да во эту землю во Тальянскую,
«Да вѣдь тамъ надо ему биться ратиться,
«А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за ро́дно за отечество
«Да за тую ль-то за вѣру христіанскую,
«Надо повыбрать пошлина да за двѣнадцать лѣтъ».
Да прогово́рилъ-то Святогоръ тутъ бога́тырь:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай ко этому подворью вдовьиному
«Честно́й-то вѣдь вдовы Офимьи Александровной,
«Напроси-тко Добрынюшка прощеньица,
«Напроси-тко Добрыня благословеньица
«Да поѣхать ли во землю во Тальянскую,
«Тамъ надо биться ратиться
«И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое-то ро́дно отечество
«И за ту за вѣру христіанскую.
«Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь
«Подписались русскіи могучіи бога́тыри
«И вси поляницы-ты удалыи».
И прогово́ри честна́ мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Александровна,
А прогово́ритъ она да вѣдь таково слово:
— Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Я бы знала Добрынюшка, я бы вѣдала,
— Я спородила бы тебя силою великою
— Супротивъ Святогора бога́тыря,
— А смѣлостью супротивъ стараго казака, а супротивъ Ильи Муромца,
— И грамотой-то бы выучила тебя Добрынюшка
— Супротивъ Олешеньки Поповича. —
Да прогово́ритъ Добрыня таково слово;
«Честна́ мужняя вдова Офимья Александрова!
«Да ты дашь прощеньице поѣду,

Digitized by Google

«А не дашь благословеньица поѣду:
«А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
«А меня выбрали русскіе могучіе богáтыри,
«Подписался Святогоръ богáтырь».
И высталъ Добрынюшка на свои рѣзвы́ ноги
Во своёй ли полаты богатырскоей,
Онъ беретъ уздечку тесмяную,
Надѣвае на коня богатырскаго,
Кладывае на коня испотники,
На потнички да вѣдь войлочки,
На войлочки сѣделышко черкальское
И затягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
И во подпругахъ пряжечки серебряны,
А во пряжечкахъ штылёчики чиста золота;
Арабское золото не держится
И булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ.
И завязываетъ Добрынюшка свясточки онъ семи шелковъ
Онъ не для ради красы, а ради крѣпости.
И прогóворитъ тутъ честна́ вдова
Да вѣдь Афимья Алескандровна:
— Да что же Настасья Никулична
— Со своимъ мужомъ не прощаешься? —
И она стала молода жена Настасья Никулична
На свои-то на рѣзвы́ ноги,
Да идетъ-то покоемъ бѣлоду́бовымъ
И опущается по ступенечкамъ по кру́тыимъ,
Да выходитъ на улицу на ши́року,
Да прогóворитъ она да и таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«А когда те сожидать да со чиста поля?»
Да проговоритъ Добрыня таково слово:
— Сожидайте меня да вы три году;
— На проходи тому время три году,
— Сожидайте вы меня да шесть годовъ;

Digitized by Google

— И на проходи тому шесть годовъ
— Сожидайте вы меня девять лѣтъ,
— Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ.
— На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
— Тутъ ты Настасья Никулична
— Хоть замýжъ поди, хоть вдовой живи,
— Да не ходи за смѣлаго Алешу за Поповича,
— За того ль за дѣвóчьяго насмѣшника
— И за мóего названнаго за меньшаго за брата. —
Она беретъ Настасья Никулична
А того Добрынюшку Никитича
За эти ручки за бѣлыя,
За эти перстни за злаченыя,
А цѣлуетъ въ уста во сахáрніи.
И какъ сѣлъ ли удáлый добрый мóлодецъ
Добрынюшка Никитиничъ,
Какъ-то видѣли добра молодца посядучи
На этого коня да богатырскаго
А на эту степь *(такъ)* да лошадиную,
А не вид'ли добра мóлодца поѣдучи.
И скакалъ-то конь съ гóры-то нá гору,
И мелкіе рѣки перешахивалъ,
А большіе озера перескакивалъ,
А куда конь летитъ, туда ископытъ столбомъ стаётъ.
А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Таліанскую;
Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться,
А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
За свое-то за рóдно за отечество,
Да за ту ль-то за вѣру христіанскую.
На проходи тому времени три года,
Да не видно Добрынюшки со чистá поля;
На проходи тому времи шесть годовъ,
А не видно Добрынюшки со чистá поля;
На проходи тому времи девять лѣтъ,

Digitized by Google

А не видно Добрынюшки со чистá поля;
На проходи тому время двѣнадцать лѣтъ,
А не видно Добрынюшки со чистá поля.
И застучалось у полаты богатырскоей
А у того ли кольца золоченаго,
А на томъ ли на крыльцѣ на перёноемъ;
Да прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова Афимья Александровна:
«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитиничъ,
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
«Надъ подворьицемъ надъ вдовиныимъ».
Отворила да и ворота богатырскія,
Да пришло-то три калѣки перехожіи,
У калѣкъ-то лапóтки на ножкахъ семи шелковъ,
Да котомочки за плечами бархатны,
Да пришли оны въ покои богатырскіи,
И они крест-отъ кладутъ по писáному
Да поклоны ведутъ по учёному,
На двѣ на три на четыре на сторонки поклоняются,
Честноей вдовы да вѣдь Афимьѣ Александровной
И оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
— А мы видѣли Добрынюшку въ чистóмъ поли,
— Лежитъ-то Добрынюшка убитыи,
— Буйна гóлова Добрынюшки розломана,
— Бѣлы груди у Добрынюшки роспластаны,
— Да конь богатырскій по колѣнъ въ крови.
— И растетъ ли на Добрынюшки травонька,
— А растетъ ли на Добрынюшки шёлковая,
— Да на травоньки цвѣтутъ да вѣдь цвѣтики,
— А цвѣтики цвѣтутъ да вѣдь лазуревы. —
И прогóворитъ другой калѣка перехожіи:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«Мы пришли тебя посватати

Digitized by Google

«А за этого за смѣлаго за Олешу за Поповича,
«За того ль-то за дѣвóчьяго насмѣшника
«И за его-то за меньшаго а названаго за брата».
Да просватала сама себя Настасья Никулична,
Увели ее старци кáлѣки перехожіи,
Увели ее Настасью Никуличну
За этого за смѣлаго Олешу за Поповича,
За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
А за того за меньшаго за брата названаго.
И приходи тому временьки три денька,
И застучалось у полаты богатырскою
И на томъ ли на крыльцѣ да на перёноемъ
И у того ли кольца у золоченаго.
Да прогóвори честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Александровна
Да сквозь свои-то слезы да горючіи:
— И какъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,
— Не дошло бы надсмéяться надъ подворьицемъ,
— Надъ подворьицемъ да на вдовьинымъ! —
И отворила ворота да богатырскіи,
И пришолъ ли удалъ добрый молодецъ
И пришолъ ли молодецъ незнáкомый,
Онъ крестъ кладетъ по писáному
Да поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афимьи Александровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Онъ прогóворитъ удалый добрый мóлодецъ:
«Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
«И не спознала ты Добрынюшки Никитича?»
Да беретъ ее за ручки за бѣлыи,
И за эти за перстни злаченыи,
Да цѣлуе во уста да во сахарніи.
И онъ прогóворитъ удалый-то добрый мóлодецъ:

Digitized by Google

«А гдѣ-то жена моя Настасья Никулична?»
И прогóворитъ честно- мужняя вдова да вѣдь Афимья Александровна:
— Да твоя жена Настасья Никулична
— Да просватала сама себя
— За смѣлаго Олешу за Поповича,
— За того ль-то дѣвóчьяго насмѣшника,
— А за твоего ль-то меньшаго брата за названаго,
— На проходи тому временьки три денька. —
Да заходитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
Во свой ли кабинетъ богатырскіи
Да беретъ три златни́цы три серебряныхъ,
И кажная златница стоитъ сто рублей,
Онъ садился-то Добрынюшка Никитиничъ
И на этого коня-то богатырскаго,
И со этыма поспѣхама богатырскими
И со этою со палицей булатнею,
Онъ и плёточкой коня Добрынюшка понуживаетъ,
И палицей булатнею Добрынюшка поигрываетъ.
И надо ѣхать Добрынюшкѣ во эту землю во Смоленскую
И ко этому Олешенькѣ Поповичу
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ.
А садился Добрынюшка Никитиничъ
А на своего коня на богатырскаго,
Куда конь летитъ, туды ископыть стаетъ,
И мелки броды перешахивалъ,
А рѣчки широки перескакивалъ,
А озера болота вокру́гъ ѣхалъ.
И пріѣхалъ Добрыня во земли Смоленскую
Ко этому Олешѣ ко Поповичу
А на ши́рокъ дворъ на богатырскіи;
Да вѣдь заперты ворота да и богатырскіи,
Да стоятъ тутъ его да слуги вѣрныи,
Не пропущаютъ туда на ши́рокъ дворъ, на почестенъ пиръ

Digitized by Google

А ни коннаго ни пѣшаго.
А прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же вы слуги вѣрныи
«Алешеньки да вы Поповича!
«Вы возьмите съ меня златницу да серебряну,
«А вѣдь златница стоитъ сто рублей,
«Да пустите удáлаго добра мóлодца
«А дѣтинушку скоморошинку
«Да на ши́рокъ дворъ да и на почестенъ пиръ
«Да ко этому Олеши ко Поповичу».
Взяли-то златницу да серебряну
И отворили ворота да и богатырскіи
Да пустили дѣтинушку скоморошину.
И приходитъ дѣтинушка скоморошина,
А всѣ-то гости были званыи,
А всѣ-то были гости браныи,
Да всѣ-то гости за столомъ сидятъ.
И сѣлъ ли дѣтинка скоморошина
И на эту на печку на земляночку,
И началъ-то выигрывать въ гуселышка
Игрышки хорошіи;
Онъ первое розстояніе играетъ да й отъ до Кіева,
Да дру́гое розстояніе играетъ да й до Царяграда,
А третье розстояніе играетъ да й до земли Сорочинскоей,
Отъ Сорочинскоей до Тальянскоей,
Отъ Тальянскоёй до Еросóлима.
Эти наигрыши показалися Настасьѣ Никуличной,
Прогóворитъ она да й таково слово:
— Ай же вы-то слуги-то вѣрныи
— Алешеньки-то вы Поповича!
— А вы налейте чару зелена́ вина,
— Да не малу не большую, да полтора ведра,
— Поднесите дѣтинки скоромошинки. —
И онъ сидитъ дѣтинка скоромошина

Digitized by Google

И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ,
И наигрыши наигрываетъ хорошіи,
И выигрыши выигрываетъ отъ Еросо́лима,
Отъ Еросолима до земли Тальянскоей,
Отъ Тальянскоей до Сорочинскоёй,
Отъ Сорочинскоей до Царяграда,
И отъ Царяграда да вѣдь до Кіева.
Показались-то выигрыши Настасьи Никуличной,
И онъ прогово́ритъ дѣтинка скоромошина:
«Ай же вы слуги вѣрныи,
«Слуги вѣрныи богода́ныи
«Алешеньки Поповича!
«Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
«И дайте стаканъ да во мои руки,
«Я налью-то чару зелена́ вина,
«Зелена вина не малу не большую, да полтора ведра,
«Да я кому знаю тому по́днесу».
И налилъ-то дѣтинушка скоромошина,
Онъ ту чару налилъ зелена́ вина,
Онъ-то ни малу ни большую, полтора ведра,
Онъ подноситъ Настасьи Никуличной,
И самъ на словахъ выговариватъ:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«А ты пьёшь чару до дна, да ты увидишь добра,
«И не пьёшь чары до дна—ты не видишь добра».
Она выпила чару до до́нушка
А увидла на́ дни два перстня обру́чныи:
А одинъ перстень Добрынюшки Никитинича,
А другой перстень Настасьи Никуличной.
Она выстала Настасья Никулична.
А за этимъ столомъ за княжецкіимъ
А за этою доскою да за дубовою,
При гостяхъ-то вѣдь было званыихъ,
Званыихъ да гостяхъ че́щеныихъ,

Digitized by Google

Да прогóвори Настасья Никулична:
— Ай же ты Олешенька поповскій сынъ!
— Не тотъ мой мужъ, кто за столомъ сидитъ,
— Тотъ мой мужъ, кто середъ избы стоитъ. —
Она вышла-то Настасья Никулична
А зъ-за этого стола за княженецкаго
И захватила удáла добра мóлодца
Добрынюшка Никитинича
А за эти за ручки за бѣлыи,
А за эти за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста да во сахáрніи.
Да прогóворитъ Алеша поповскій сынъ
А за этыимъ столомъ за окольныимъ,
И прогóворитъ таково слово:
«Ай же вы-то мои да гости званыи,
«Ай же вы-то мои да гости браныи!
«И всякъ ли-то удáлый добрый мóлодецъ поженится,
«А не всякому удáлу добру мóлодцу женидьба удается».
Да только Алешенька Поповичъ и женатъ бывалъ,
Да поёмъ тебѣ старинушку, славý поёмъ.

Записано въ Кижахъ, 4 іюля.

119.

СВЯТОГОРЪ И САДКО.

Святогоръ-то былъ богáтырь
И жилъ-то у Садкà купца богатаго,
И Садкò-то вѣдь купецъ-то былъ богатыя.
Явилась у Святогора-то богáтыря,
Явилась сила-то великая,
И прогóворилъ ли Святогоръ это богáтырь
И этому Садку богатому:
«И я поѣду-то ко стольнему ко граду ко Кіеву».

Digitized by Google

Да прогóворилъ Садко купецъ богатыя:
— Ай же Святогоръ да богáтырь ты:
— И нѣтъ у насъ поспѣховъ богатырскіихъ. —
И написалъ-то листъ Садко купецъ богатыя,
Написалъ-то въ землю Сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богáтырю,
Вѣсомъ шляпонька-то сорока пудовъ.
И облачае Святогоръ богáтырь
Своего ли онъ коня да богатырскаго,
И выводитъ своего коня богатырскаго
И на этотъ дворъ Садка купца богатаго;
Надѣвае на коня уздицу тесмяную,
Во уздици повода были шелковыя,
И тыхъ ли шелкóвъ розныихъ,
Розныихъ шелковъ да шелковъ шемаханскіихъ;
Клáдывае на коня Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Кладывае на коня да исподнички,
И на исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣдёлышко,
А сѣдёлышко онъ черкальское,
И затягивае подпруги двѣнадцатеры,
И завязывае свясточки семи шелковъ,
Онъ не для красы, для ради крѣпости;
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылечики во подпругахъ-то золоченые;
И во сапожкахъ Святогора-то богáтыря
Да шпорики-то были булатъ-желѣзные.
Да садился Святогоръ да богáтырь
Да на этого коня богатырскаго,
Да со своими-то поспѣхами богатырскими,
Да со этоёй со палицей булатнею,
Да со этымъ мечемъ да вѣдь со вострымъ,
Да со этымъ со лукомъ со тýгімъ,

Digitized by Google

Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленыи.
И поѣхалъ-то Святогоръ-то вѣдь богáтырь
От Садка купца-то вѣдь богатаго
Да въ путь въ дороженку великую.
Да прогóворилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь:
«Ай ты конь-то мой богатырскій ли!
«И послужи-тко ты вѣрой правдой мнѣ».
Онъ прогóворилъ-то конь богатырскіи
Голосомъ человѣческимъ:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь!
— Когда сѣлъ ты на степь на лошадиную,
— Да не жми-тко шпорами булатнима
— Да меня-то подъ круты ребра,
— Да не хлыщи-тко меня плёточкой шóлковой
— Да по этой-то по степи лошадиною,
— Не натягивай ты поводовъ шелкóвыихъ,
— И тогды могу слýжить вѣрой правдою теби. —
Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ да дороженькой,
Палицу булатнюю выкидываетъ изъ виду вонъ.
Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
И прогóворилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
«Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
«Да дрýго кольцо во сырой землѣ во матушки,
«Поворотилъ бы я землю-то матушку,
«Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю».
Задремалъ ли Святогоръ да богáтырь
Да на этоемъ кони сúдячи богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то ли сзади русской мугучой богáтырь,
Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучіимъ,
Енъ ударилъ-то концемъ да не вострыимъ.
Да прогóворилъ ли Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Да прогóворилъ ли таково слово:
«Какъ кусаютъ мухи русскіи да дó-больня».

Digitized by Google

И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ,
А копьёмъ да концомъ не вострыимъ,
И взялъ онъ росправилъ свою руку богатырскую,
Захватилъ-то русскаго могучаго бога́тыря,
Посадилъ въ свой ко́лчанъ богатырской-то,
Да поѣхалъ ли путёмъ да онъ дороженькой.
Да конь богатырской у Святогора у богатыря
Да идётъ дорожкой, потыкается,
И прогово́рилъ-то конь и голосомъ человѣчьіимъ:
— Ай ты Святогоръ да бога́тырь!
— Оттого я не могу нести двухъ бога́тырей,
— И кладенъ у тебе да во свой колча̀нъ. —
Онъ и вынялъ изъ колча́на да бога́тыря
И со этыимъ конёмъ да богатырскіимъ,
И прогово́рилъ ли Святогоръ да тутъ бога́тырь:
«Да ты кто есть русской могучей бога́тырь?»
Онъ прогово́ритъ ему таково слово:
— Я богатырь отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
— Да Самсонъ да и Самойловичъ. —
Да прогово́рилъ ли Святогоръ тутъ богатырь:
«Ай же ты Самсонъ да ты Самойловичъ!
«По крестовому по бра́товству я бо́льшой братъ,
«А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Да ты будешь мнѣ ме́ньшой братъ».
Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
Розгоряется ихъ сердце богатырское.
И во той пути широкоёй дороженьки
Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойловичъ,
Да свернулъ-то во праву руку въ дороженьку окольнюю.
И пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь
И ко этой ли ко щельи [1]) ко великіи,
И вѣдь вышелъ изъ коня да богатырскаго;

1) Т. е. скала.

Digitized by Google

Розгорѣлось его сердце богатырское,
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ богатырь,
А вѣдь нѣтъ Самсона-то Самойловича.
Онъ поднялся на эту-то на щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима рукама богатырскима:
«Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
«Я убью его камнями великима
«Со щельги со крутою».
Да не могъ дождать Святогоръ-то богатырь.
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкою,
Да идётъ-то вѣдь два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживать,
Да не можетъ-то достать онъ старцевъ незнакомыихъ.
И остоялись эти старцы незнакомыи.
Положили они сумочки да на сыру землю,
И проговоритъ тутъ старецъ единó слово:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь:
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сыру землю,
— Да подписана на сумочкахъ,
— Да подписана все земляная тягота:
— Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
— Своей силы ты великою. —
И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь богатырь
Потребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ придынуть онъ сумочки-то старцевой,
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись тутъ-то старцы незнакомыи,
Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь,
Да онъ сѣлъ-ли на своего коня да богатырскаго,

Digitized by Google

И уходилось ёго сердце богатырское
А у этой да вѣдь у сумочки.
Да поѣхалъ ли Святогоръ да богáтырь
Да дороженькой поѣхалъ да шúрокой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдь Самойловичъ;
Они поѣхали ко городу ко Кіеву.
Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку
Да гробница тутъ да каменна,
Она óбнята обручами да желѣзныма.
Да прогóворилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь богáтырь:
«Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичъ!
«Розруби-тко ты саблей вострою
«Да вѣдь эти обручи желѣзныи».
Ёнъ ударилъ ли Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Да вѣдь по этыимъ обручамъ желѣзныимъ,
И отвалились эты обручи желѣзныи
И отъ этой отъ гробницы отъ каменной,
И открылъ-то онъ доску-ту гробóвую
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да прогóворилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ:
— Ай ты бóльшой братъ Святогоръ да богáтырь!
— Да ты лягъ во эту во гробницу-то во каменну. —
Опустился Святогоръ да богáтырь
Да на этую на матерь на сыру землю,
Да прошли-то его слёзы-то горючія,
А прошли-то óны изъ яснúхъ очей,
Ёнъ и лёгъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлы́ груди,
На бѣлы́ груди да богатырскіи
Да тутъ принялъ себи Святогоръ да вѣдь багáтырь,
Принялъ сéби тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да богáтырю славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 5 сентября.

Digitized by Google

120.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищи,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришло къ нему два старцы незнакомыи.
Прогóворитъ ему старецъ да единó слово:
«Ай же ′Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Дай-ко пива выпити я́ндому̀».
Илей говоритъ-то старцю таково слово:
— Не имѣю я да вѣдь ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищи. —
Говорилъ старый старецъ единó слово:
«Ай же ′Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Иди ты ′Илей къ водоносу ты,
«Налей пи́ва яндому̀,
«Принеси ты яндому́ питья̀».
Высталъ ′Илей на свои рѣзвы́ ноги,
Пришолъ ′Илей къ водоносу-то
Яндому́ захватилъ пи́тія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцю единому;
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты ′Илей да самъ я́ндому̀».
Выпилъ ′Илей питія я́ндому̀,
Почувствовалъ въ себѣ силу да великую,
Говорилъ старецъ-то другó слово:
«Ай же ′Илей дай же мнѣ пива̀ вы́пить яндому̀».
Онъ пошелъ по мосту по дýбовому.
Закричали балки подъ мостòмъ бѣлодýбовымъ,
Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
Зачерпнулъ питія ′Илей съ водоносу,
Приносилъ старцу яндому́ питія̀.

Digitized by Google

Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты Илей да са́мъ яндому̀».
И выпилъ 'Илей дру́гу яндому̀,
Услышалъ Илей въ себи силу великую.
Прогово́ритъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
«Ай же ты 'Илей дай-ко выпить яндому́ питія».
Онъ какъ выпилъ 'Илей пи́ва-то яндому̀,
Онъ почуялъ въ себѣ 'Илей силу да великую.
Говорилъ другой старецъ таково слово:
— Ай же ты 'Илей налей-ко мнѣ пи́ва яндому̀. —
Наливаетъ 'Илей пива съ водоносу,
А приноситъ старцу-то дру́гому,
Прогово́рилъ ли старецъ таково слово:
— Если приказать тебѣ третье́ пить яндому̀,
— Не удержать тебѣ силы великія,
— Не удержать тебѣ силы богатырскія. —
Выпилъ-то старецъ вѣдь са́мъ яндому̀,
И прогово́рилъ старецъ да таково слово:
— Ай же ты 'Илей, да ты справься-тко да ко городу,
— Ко городу да ты ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру.
— И выйдешь изъ своего ты посе́ленія
— Тутко о путь камень есть неподвижныя,
— На камени да подпись есть подписапа. —
И ходитъ Илей поко́ёмъ бѣлоду́бовымъ
Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
Пришли его родители да рожденыи,
Пришли оны со работы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались его рожденыи да родители,
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищи,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни погъ.

Digitized by Google

Говоритъ 'Илей своимъ рожденыимъ родителямъ,
Говоритъ 'Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденые!
Гди вы были на крестьянской на роботушкѣ?»
А й же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей да на сѣдалищи,
— Не имѣлъ 'Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
«Ай же вы мои рожденые родители!
«Гдѣ вы роботали крестьянскую роботушку?»
Говорилъ ему родитель да рожденыя:
— Ай же ты Илей, мы роботасмъ лугъ-пожню,
— Чистимъ лугъ-пожню за три поприща отъ дому. —
«Ай же ты родитель мой рожденыя!
«Сведи меня туда да на займище,
«Укажите вы мнѣ мою роботушку».
Привелъ его родитель да на займище:
«Укажи мнѣ родитель по которыхъ мѣстъ межа».
Захватилъ Илейко лѣсу кусту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіи по корешку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
«Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
«Простите меня съ рожденаго со мѣста».
Отправлялся 'Илей къ стольному городу ко Кіеву.
Пришолъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписано:
— 'Илей, 'Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
— Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
— Со всѣми-то поспѣхами да богатырскима;
— Тамъ есть-то шуба соболиная,
— Тамъ есть-то плеточка шелковая,

Digitized by Google

— Тамъ есть-то палица булатняя. —
Прогóворилъ Илей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
«Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ».
Конь-то прогóворилъ Илéю таково слово:
— Ай же ты Илей, старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Ты мóшь ли владать конемъ богатырскíимъ? —
Онъ садился старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На этого коня на богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима;
Садился тотъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Прогóворилъ конь голосомъ человѣчьíимъ:
— Ай же старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Знай ты мной управлять, далъ тебѣ Господъ коня да богатырскаго,
— Послалъ Господь ангеловъ милосли́выихъ
— На твое рожденое на мѣсто;
— Далъ тебѣ Господь руцѣ́-ногѣ́;
— Не написано теби, старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Не писана тебѣ смерть на убоищи. —
И поѣхалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Путемъ ли-то дороженкой-то ши́рокой.
Конь-то вѣдь мелкíи-то рѣчки перешахивалъ,
Глубоки озерà перескакивалъ.
И онъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И коня-то онъ попуживаетъ,
И плеточкой шелковою дотрогиваетъ,

Digitized by Google

Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ
Онъ поигрываетъ,
Палицу булатнюю онъ кидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палицѣ булатней сорокъ-то пудовъ.
Онъ-то ѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
И пришло на путь ему три ро́зстани;
На розстаняхъ-то было тутъ написано:
Въ лѣву руку-то ѣхать — богату быть,
Прямо ѣхать — убитому быть,
Въ правую руку ѣхать — женатому быть.
И роздумался старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Мнѣ не надо-то на старость да бога́титься,
Мнѣ не надо-то на старость да женитися,
Мнѣ надо на старость туды-то ѣхать гдѣ убиту быть.
И поѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Прямо въ путь въ дороженку во ши́року,
И вдругъ на́ѣхалъ на четыреста разбойниковъ.
Всѣ-то разбойники спать улеглись,
Один-отъ разбойникъ похаживаетъ,
Похаживаетъ покравуливаетъ.
Прогово́рилъ разбойникъ таково слово:
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты намъ коня богатырскаго,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты палицу булатнюю,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Отдай-ко ты старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Отдай-ко ты плеточку шелкову,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«И волей не отдашь, такъ мы неволею,

Digitized by Google

«Ай ты старóй казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты шубку соболиную,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«Волей не отдашь, такъ мы неволею».
Прогóворилъ старóй казакъ Илья Муромецъ:
— Да мнѣ на старóсть надо шубка погрѣватися,
— Мнѣ на стáрость надо конь богатырскія,
— Мнѣ старýю казаку надо палица поигрывать,
— Плетка шелковая надо коня попýживать. —
И розгорѣлись ёго жилы богатырскія,
Розгорѣлись его руцы бѣлыя,
Умертвилъ Илей-то всѣхъ четыреста разбойничковъ,
Этого единаго розбойничка привязалъ ко стремечку булатнему,
Привязалъ къ этому ко тóроку кониному.
И мелки рѣчки конь перешахивалъ,
И глубоки рѣки конь перескакивалъ;
Плеточкой шелковой тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго попуживаетъ,
Палицей булатнею старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палица-то булатняя сорока пудовъ.
Онъ пріѣхалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И пріѣхалъ ли ко городу ко Крякову,
Ко городу ли пріѣхалъ ко Крякову,
И къ этому Одолищу поганому.
Заѣхалъ на дворъ богатырскіи
И много множество татаръ тутъ поганыихъ
Умертвилъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

Digitized by Google

Умертвилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ
И этой палицей булатнею,
А й булатнею, мечемъ богатырскіимъ.
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому столбу ко золоченому.
Шолъ-то къ Одолищу поганому
Во эти покои бѣлодубовы.
Сидитъ тутъ Одолище поганое
И въ этой онъ покои бѣлоду́бовой:
Голова-то у него пивной котелъ,
Глаза-то у него пивны чаши
И между глазами у Одолища поганаго пядень.
То спроситъ Одолище по̀ганое:
«Ай же ты крестьянской сынъ!
«Есть на руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Онъ великъ ли-то ростомъ есть?»
Прогово́ритъ крестьянской сынъ,
Прогово́ритъ ему таково слово:
— Е на руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Е онъ росту такой какъ я. —
«И много ли онъ хлѣба соли къ выти кушаетъ?»
— Онъ кушаетъ крестьянской сынъ,
— Старо́й казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— По три фунта хлѣба ѣстъ,
— И мяса ѣстъ по три фунта,
— И пиво пьетъ по пивной по чашѣ. —
Отвѣчаетъ тутъ Одолище поганое:
«Ой же ты крестьянской сынъ!
«Какой же есть-то русскій могучо́й богатырь?
«Какъ есть-то я́ богатырь,
«Ѣмъ-то я хлѣба по пе́чи,
«Мяса ѣмъ я по стя́гу

Digitized by Google

«И пива пью по три я́ндомы».
Прогово́рилъ ли тутъ крестьянской-то сынъ,
Прогово́рилъ Одолищу поганому:
— У моего родителя у батюшка
— Была на дворѣ корова да обжориста,
— Ѣла да пи́ла—ю ро́зорвало. —
Одолище поганое розгорѣлось его сердце богатырское
И взялъ съ гвоздя ножи́ще кинжа́лище,
Бросило въ сына крестьянскаго.
И въ емъ была въ крестьянскомъ сынѣ,
Въ старо́мъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ухватка была богатырская,
Остранился отъ этого ножика кинжалища,
Пролетѣлъ же этотъ ножикъ кинжалищо
Во эти сѣни во рѣшетчаты.
Онъ вышелъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И отъ этого Одолища поганаго
А съ этыихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
На ши́рокъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому,
Увеселилось ёго сердце богатырское:
Очистилъ-де старо́й казакъ Илья Муромецъ
Путь дороженьку да ши́року
Ко этому ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли солнышку ко князю ко Владиміру.
И тутка старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ по го́роду Крякову погуливаетъ,
Онъ погуливаё а й похаживаё.
Самъ думу крѣпку подумываё:
— Надо бы ѣхать отъ города отъ Крякова
И надо бы ѣхать въ руку во правую,
Въ лѣвую руку ѣхать ко Со́ловью Рахманову. —
Садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,

Digitized by Google

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На того ли коня богатырскаго
Отъ этого ли Одолища поганаго,
Отъ этого ли отъ города отъ Крякова;
Привязалъ ли это Одолище поганое
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Къ этому ко стремени булатнему
А ко этому ко тóроку кониному,
И конь мелкіи переброды перешахивалъ,
Глубокіи рѣки перескакивалъ,
Мхи и озера на окóлъ-то держалъ.
Ѣдетъ ли путёмъ ли-то дороженькой шúрокой
Ко этому ли Сóловью Рахманову;
И этотъ ли Сóловей Рахмановъ,
Явный розбойникъ по бѣлý свѣту,
Имѣе онъ жительство на двѣнадцати дубахъ,
Не пропущаетъ онъ къ соби ни коннаго,
Ни коннаго онъ ни пѣшаго.
Онъ ѣдетъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Палицей булатнею поигрыватъ
И палицу булатнюю выкидаетъ изъ виду вонъ,
И палица булатняя сорока пудовъ;
Плеткою коня да вѣдь шелкóвою попуживатъ.
Пріѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ко этому же полю ко великому,
Ко этому ко полю ко чистому.
Ѣзди сóловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
И палицей булатнею поигрываетъ,
И палицу булатную выкидаетъ úзъ виду вонъ.
Устрашился же у старà казака Ильи Муромца,
Устрашился конь да богатырскіи
Этого Сóловья Рахманова.
Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному,

Digitized by Google

Крыкнулъ онъ по звѣриному,
Со́ рта пламя у него пома́хиваетъ,
Съ носу искры у него попрядываютъ.
Устрашился у стара́ казака Илья Муромецъ
Этого крику да звѣринаго,
Этого свисту да змѣинаго,
Его конь да богатырскіи,
Палъ ли конь его богатырскій на сыру землю,
Палъ ли конь да на колѣна.
Прогово́ритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же волчья сыть, пелово́й мѣшокъ!
— Ты что же устрашился крыку звѣринаго,
— Устрашился ты свисту змѣинаго?
Послужи-тко вѣрой правдой мнѣ. —
Они съѣхались на поли на чистоёмъ
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Со этыимъ Со́ловьемъ со Рахмановымъ,
И сбилъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Этого Со́ловья Рахманова
Со сѣделышка черкаскаго,
Со этого коня да богатырскаго,
Со этой палицей со булатнею,
Съ этими поспѣхамы богатырскима.
Его розгорѣлось сердце богатырское,
Вышелъ со своего добра-то коня,
Отвязалъ-то вѣдь онъ того да розбойничка
Отъ своего онъ стремени булатняго
Отъ этого то́рока конинаго,
Еще тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Отвязалъ отъ того Одолища поганаго
Отъ этого то́рока конинаго,
Отъ этого стре́мени булатняго,

Digitized by Google

Привязалъ онъ Со́ловья Рахманова
И ко этому ко стремени булатному,
И ко этому то́року конину́му.
Пое́халъ со поля тутъ со чистаго
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этыимъ со Со́ловьемъ Рахмановымъ,
И ко этой полаты богатырскоей.
Си́дятъ въ покои богатырскоей,
Си́дятъ три дочери рожденыя,
Си́дятъ три зятя любимые.
Большая дочь поговариваетъ:
«Нашъ-то батюшка е́детъ со чиста́ поля,
«И русскаго могучаго бога́тыря везетъ у стремени булатняго
«И у этого то́рока конинаго».
Середняя дочь прого́воритъ таково слово:
— Правду говоришь, моя сестра ро́дная!
— Е́детъ родитель батюшко,
— Везетъ русскаго могучаго бога́тыря
— У этого у то́рока конинаго,
— У этого у стре́мени булатнаго. —
Меньшая сёстра́ говоритъ таково слово:
«Ай же вы, сестры мои ро́дныя!
«Русскій могучій богаты́рь е́детъ,
«Везетъ нашего родителя батюшку
«У этого у торока конинаго,
«У этого у стремени булатняго».
Прiéхалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Ко этой ли полаты богатырскоей,
Розгоре́лось его сердце богатырское.
Поднята у этыхъ у дочерей подворотня чугунная,
Въе́хать бы туда русскому могучу бога́тырю
На ши́рокъ туды ему на бе́лой дворъ,

Digitized by Google

Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
Какъ была-то у него ухватка богатырская,
Узналъ онъ ихъ намѣры думныи,
Что хочютъ оны умéртвити
Русского могучаго богáтыря,
Осадилъ своего коня да богатырскаго
Своёй назадъ уздой тесмяною,
Спустили подворотню-ту чугунную;
Какъ была у него ухватка богатырская
Въ старóмъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ильѣ Муромцѣ сыну Ивановичу,
Ухватка была крестьянская,
Онъ въѣхалъ къ нимъ на широкой дворъ,
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому кольцу къ золоченому,
Умертвилъ онъ его дочерей рожденыихъ
И въ этомъ покои бѣлодýбовомъ
Умертвилъ онъ и родныхъ зятовей,
Отрубилъ имъ буйны гóловы
Этимъ мечемъ богатырскіимъ.
Онъ здрадовался старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— И я очистилъ дорогу ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру. —
Пріѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,
Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ,
Крест-отъ кладетъ по писáному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
Иконамъ нерукотвореннымъ поклоняется:
— Не исполнилъ старóй казакъ Илья Муромецъ
— Заповѣди я той да Божіей,
— Надо бы служить Господу Богу во храмѣ молебенъ:
— Окровавлены руки да во человѣчью кровь. —

Digitized by Google

Онъ поѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому ль князю ко солнышку,
Ко солнышку князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Отворяетъ онъ ворота да нá пяту,
Пріѣзжаетъ онъ на княжій дворъ,
Привязалъ коня да богатырскаго,
Приходитъ въ полаты гряновитыя,
Крестъ-то кладетъ по писáному,
Да поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
«Ай же ты старóй казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«А которой ты ѣхалъ да дороженькой?»
Отвѣчалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
— А ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А я ѣхалъ ли по городу по Крякову,
— И я ѣхалъ ли по Сóловью Рахманову,
— И очистилъ вси пути дорожки шúроки
— И во всёй ли-то земли святорусскою. —

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.
Повѣрено въ Петербургѣ, 8 сентября.

121.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 22).

Во стольноемъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,

Digitized by Google

Заводилось пированьице почестенъ пиръ,
На многихъ на князей на бо́яровъ,
А на русскіихъ могучіихъ бога́тырей,
А на всѣхъ на поляницъ на удалыихъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Онъ похвастаё а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи бога́тыри
А хвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тутъ торговыи
А похвастались они тутъ товарами,
А тыма ли товарамы заморскими,
А куницами лисицами а черными соболями заморскими.
И умной похвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвасталъ добры́мъ конемъ,
Олеша Поповичъ сынъ похвасталъ золотой казной.
Есть ли у молодца золота казна,
Золота казна да не тощится,
Малы денежки да не держатся.
Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляници удалыи
Да вси со двора росходилиси
По своимъ ли-то полатамъ богатырскіимъ.
Среди-то ноченьки темныя
Вдругъ-то забило въ било колокольчато
На томъ ли дворё на княженецкоемъ
У солнышка князя у Владиміра;
Пришолъ татаринъ поганыи,
Ёрлыкъ на столъ выкладывалъ
Солнышку князу Владиміру,
На тотъ ли столъ на дубовыя
А на ту доску золоченую,

Digitized by Google

И самъ-то на словахъ выговаривалъ:
«Ай же солнышко Владиміръ князь,
«Владиміръ князь стольно-кіевской!
«Прибери-тко вси дворá да княженецкія,
«Очисти-тко вси полаты богатырскіи,
«Очисти-тко ты улицы стрѣлецкіи
«Въ ѣхать Калину *(такъ)* собакѣ да поганоей
«Во стольный градъ да во Кіевъ».
Испугался солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Отъ Калина собаки отъ поганаго,
Отъ силы его да вѣдь великоей,
Послалъ звать русскіихъ могучіихъ богáтыревъ,
Стараго казака Илью Муромца.
Вси пришли русскіи могучіи богатыри,
Вси пришли поляницы тутъ удалыи,
Нѣтъ одного старá казака.
А стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича.
Да прогóворитъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— А й гдѣ же старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ? —
Привели старого казака Илью Муромца.
Онъ крестъ кладетъ по писáному,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину.
Да прогóворитъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Ай же ты старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ есть ли кому стоять за Кіевъ градъ,
— За своё ли рóдное отечество,

Digitized by Google

— За тую ль вѣру христіанскую? —
Да прогóворитъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Дай-ко ты мнѣ времени и поóтдохнуть,
«Не на много не на мало на двѣнадцать дней».
Они съѣхали русскіи могучіи богатыри
Отъ этого двора княженецкаго,
Отъ солнышка князя Владиміра,
Поѣхали ко полю да ко чистому,
Роздернули шатры да бѣлыи,
Насы́пали конямъ пшёны бѣлояровой,
Да вси кони стоятъ да вси пшену́ ѣдятъ.
Пришолъ ли тутъ младой Ермакъ Тимофеевъ сынъ
А ко солнышку ко князю ко Владиміру
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ,
Да онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Ты дай-ко мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты мнѣ благословеньицо,
— Да поѣхать ко этымъ татарамъ ко поганымъ
— Да на это ли на поле да на чистое.
— Надо намъ тамъ биться да ратиться,
— Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество,
— За тую ли вѣру христіанскую. —
Прогóворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты есть-то вьюношъ, отъ роду тебѣ вѣдь семьнадцать лѣтъ».
Да прогóворилъ ли младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,

Digitized by Google

— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Да ты дашь ли прощеньице поѣду,
— А не дашь ли благословенья поѣду. —
«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
«Да гдѣ же твой ро́дной батюшко?»
Прого́ворилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Мой-то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
— Въ старцы ушелъ постригатися,
— А я поѣду ко татарамъ ко поганыимъ,
— Надо мнѣ тамъ биться ратиться,
— А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество. —
И поѣхалъ ли-то Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Садился да на коня богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима,
И плёточкой-то коня попуживаётъ
И палицей булатнею поигрываетъ,
А палицу булатнюю выкидываетъ,
И палицу выкидываетъ подъ облаки,
А палица булатняя сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Ко этимъ шатрамъ ко бѣлыимъ.
Прого́воритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты выстань-ко мла́дый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
«Во дубъ тотъ во ши́рокой
«И посмотри ты на поле на чистое:
«Много ль нагнано у Ка́лина у собаки у поганыя
«Много ль нагнано татаръ да поганыихъ?»
И много множество у Калина у собаки у поганыя,
А пріѣхалъ-то Калинъ собака да поганая
Ко той ко рѣкѣ ко Смородинѣ,

Digitized by Google

Ко тому ли дубу ко ши́року,
Ко тому ли ка́меню къ Олатырю,
И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей королевичей;
У царей силы по цѣлой есть по тысящѣ,
А у королевичей по десяти тысячъ.
Ко той ли-то рѣки-то Смородинѣ,
Ко тому ли ко ду́бу ко ши́року,
Ко тому ли ко каменю къ Олатырю
Высталъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Во дубъ ли онъ да во ши́рокой,
Посмотрѣлъ-то онъ во тру́бку во подзорнюю,
Какъ нагнано у Калина у собаки у поганыя
Да ко той ли рѣки ко Смородинѣ
Много множество татаръ да поганыихъ,
Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о́скакать,
Че́рному ворону въ день не о́блетѣть.
Онъ вышелъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Со этого со дуба да со ши́рока
Да на этую на матерь на сыру́ю землю,
Прогово́ритъ русскіимъ могучіимъ богатырямъ:
— Русскіе вы могучіе богатыри,
— Ай же вы поляницы да удалыи!
— Не честь е вамъ — конямъ богатырскіимъ
— Въ шатрахъ да бѣлоду́бовыхъ
— А ѣсть-то имъ пшёну да бѣлоярову. —
Какъ садился младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ ли на это ли на поле да на чистое
Ко этыимъ ли татарамъ ко поганыимъ.
И высталъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ высталъ ли въ тотъ ши́рокъ дубъ,
Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,

Digitized by Google

Посмотрѣлъ во трубку подзорнюю,
Какъ вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о́скакать,
Чёрному ворону въ день не о́блетать,
Только нагнано татаръ поганыихъ.
И опустился старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этого со ду́бу да й со ши́рока
И на этую́ на матерь на сырую землю,
А какъ садился на коня богатырскаго,
И плеточкой-то коня попуживаетъ,
И палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ,
Онъ палицу булатнюю подъ облака,
А палица вѣсу сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ во поле во чистое
А ко этыимъ татарамъ ко поганыимъ,
Начали они рубить татаръ да поганыихъ
Да со мла́дымъ Ермакомъ Тимофеевымъ сыномъ,
Прирубили они всѣхъ татаръ да поганыихъ
На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины,
У того ли дуба у ши́рока,
У того ль у камени у Олатыря;
Прирубили они всѣхъ татаръ поганыихъ,
Розгорѣлися сердца богатырскія,
Росходились жилы богатырскіи.
А подумалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Какъ была бы сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную;
И прого́ворилъ да старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ прого́ворилъ себи да таково слово:
«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,

Digitized by Google

«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
Розрубятъ татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два;
А розрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ,
А сдѣлается съ двухъ да четыре.
Рубили тутъ всё татаръ да поганыихъ,
Да пересѣлся-то старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этыихъ татаръ да отъ поганыихъ,
Окáменѣлъ его конь да богатырскои,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старà казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича [1]).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

122.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Да во стольноёмъ во городи во Кіеви,
И у ласкова князя у Владиміра,
И вси были богатыри позáзваны,
Поляницы удалыи да й пособраны,
Да вси на пиру сыты пьяны веселы.
Да проговорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«А вси богáтыри сыты пьяны веселы,
«Я могу нунь похвастать городомъ,
«Да городомъ да Кіевомъ».

---

1) На вопросъ о томъ, откуда ему извѣстно о такой кончинѣ Ильи Муромца, Щеголенокъ отвѣчалъ, что это извѣстно изъ Пролога, и прибавилъ, что нѣкогда раскольники выправляли въ Кіевъ довѣренныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воротившись, разсказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ персты при крестномъ знаменіи.

Digitized by Google

Да прогóворятъ богатыри таково слово:
— Мы можемъ похвастать силой своей да богатырскою. —
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ:
«Да ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я служу у тебя во двори да княженецкоемъ,
«Да спусти меня съѣздить по городу,
«Да по городу да по Кіеву,
«Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ».
Да прогóворятъ тутъ русски могучи бога́тыри:
— Ай же ты мла́дый-то Добрынюшка Никитиничъ!
— Поѣзжай-ко ко подворьицу ко вдовиному,
— Да проси-тко ты у честно-мужней вдовы Офимьи Александровны,
— Да ты проси-тко прощеньица,
— Да проси-тко ты благословеньица,
— И ѣхать-то по городу,
— А по городу вѣдь по Кіеву,
— Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ. —
Да прогóворитъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты младой-то Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты поѣдешь-то по городу по Кіеву,
«По этыимъ по узкимъ переулочкамъ,
«Только не заѣдь въ татарскую во улицу,
«Въ Маринкину еще да во слободу:
«Она убила трёхъ-то русскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«И убьетъ-то четвертаго русскаго могучаго бога́тыря».
Енъ поѣхалъ ли мла́дый-то Добрынюшка
Да со этыма поспѣхами богатырскима,
Да со этоёй со саблей да со востроей,
Ёнъ поѣхалъ ли по городу по Кіеву,
Да по этыимъ по частымъ переулочкамъ,
Онъ заѣхалъ ли въ татарскую улицу.
Да тамъ въ татарской да вѣдь во улицы
И пискъ да вéрезгъ вéликъ идетъ,

Digitized by Google

И розгорѣлись-то его жилы богатырскіи
Да во этыихъ во руцѣхъ да во бѣлыихъ,
Прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыихъ.
И онъ-то ѣхалъ ли въ Маринкину во слободу,
Да пріѣхалъ ли къ полатки полотняною
И опустился со коня да богатырскаго,
И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту
Да въ эту полатку полотняную,
И тамъ сидитъ Маринка со татариномъ,
И со татариномъ да со поганыимъ,
Да со этыимъ Одо́лищомъ поганыимъ,
Да со этыимъ Горюнищомъ поганыимъ.
Своима она рѣзвыма ногами татарина охватываетъ,
Да татарина Горюнища поганаго
Рукамы его бѣлыма татарина обнима́ётъ,
Да татарина Горюнища поганаго
И ко бѣлымъ грудямъ да прижимаётъ
И цѣлуетъ-то устами своими да саха́рныма
Да этого татарина Горюнища поганаго,
Да вѣдь этого Одолища поганаго.
Ёнъ прого́ворилъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Ай же ты Маринушка, идёшь ли за меня замужъ? —
Ёна говорила таково слово:
«И только иду за мла́даго Добрынюшку Никитица,
«Да за русскаго могучаго бога́тыря».
Енъ прого́ворилъ тутъ мла́дыи Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты Маринушка, тутъ я́ это есть,
— Да намъ нужно повѣнчаться съ тобой околъ кустышка,
— Да во чисто́мъ поли околъ кустышка ракитоваго. —
Да обвелъ ли тутъ младый Добрынюшка Никитиничъ
Околъ кустышка ракитова три́ разу,
Ёнъ прого́ворилъ ли тутъ да таково слово:
— Ай же ты Маринушка жена моя! —
И вынялъ съ ножней да саблю вострую

Digitized by Google

Да съ того ли темляка богатырскаго,
Отрубилъ ли ёй рѣзвы ноженки,
Рѣзвы ноженки по колѣночку,
И самъ говорилъ таково слово:
— Я за то те отрубилъ да рѣзвы ноженки:
— Когда ты сидѣла въ полатки полотняноёй
— Да со этымъ Одолищомъ поганыимъ,
— Да со этымъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Ты охватывала своими ногами рѣзвыма. —
Перевёрне саблю вострy на дрyгy сторону,
Отрубилъ-то ёй да руки бѣлыи,
Руки бѣлыи да по локóточки:
— Я за то те отрубилъ да руки бѣлыи:
— Когда ты сидѣла-то съ Одолищомъ поганыимъ
— Въ этой полатки полотняноёй,
— Прижимала ты руками да вѣдь бѣлыма
— Ко своёй ли ты ко бѣлóй груди. —
И отрубилъ онъ у нёй буйну голову,
Да прогóворилъ тутъ мла́дой Добрынюшка:
— Оттого я отрубилъ у тебя буйну голову:
— Когда-то ты сидѣла въ полатки полотняноей
— Да съ этыимъ Одолищомъ поганыимъ,
— Съ этыимъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Цѣловала ты устами да саха́рныма
— И этого Одолища поганаго,
— И этого Горюнища поганаго,
— И за то отрубилъ у тебя буйну голову,
— Чтобы больше не цѣловала Одолища поганаго. —
Онъ съѣхалъ ли назадъ во стольней Кіевъ градъ
Къ честно-мужней вдовы Офимьѣ Александровной.
Да прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Да что же ты, мла́дый Добрынюшка,
«Долго ѣздилъ ты по городу,

Digitized by Google

«Долго ѣздилъ-то по Кіеву,
«По этыимъ по узкимъ переулочкамъ?»
— Честно-мужняя вдова да ты Офимья Александровна!
— Я былъ ли во улицы татарскоей
— Да всихъ прирубилъ тамъ татаръ я поганыихъ,
— И былъ въ Маринкиной я слóбоды,
— Повѣнчался съ нёй околъ кустышка ракитова,
— И отрубилъ ей ножки по колѣночку,
— И отрубилъ руки бѣлы по локоточку,
— И отрубилъ ёй буйну голову:
— За то я отрубилъ, что сидѣла въ полатки полотняной
— Да съ этыимъ Одолищомъ поганыимъ,
— Да съ этыимъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Захватывала его ногами рѣзвыма,
— И обнимала его руками бѣлыма,
— Цѣловала-то устами да сахáрными
— Да вѣдь этого Горюнища поганаго. —
Да тутъ ли старинушки славý поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 10 сентября.

123.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласкови князи при Владиміри,
Были русскіи могучіи богáтыри,
Тыи поляницы были удáлыи.
Да прогóворилъ Добрыня таково слово,
Таково слово Добрынюшка великое:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы вси удалыи!
«У насъ нынече то время начинается,
«И время начинается середи лѣта.

Digitized by Google

«Середи-то лѣта было краснаго
«Захотилось Добрынюшкѣ Никитичу
«Окупать свое тѣло да богатырское,
«Ѣхать ли ко этоей да ко рѣченки
«А ко рѣченки а ко Почаевой».
Пріѣхалъ ли Добрынюшка Никитиничъ
Къ честно-мужней ли вдовы Офимьѣ Олександровной
И прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя ты вдова Офимья Олександровна!
«Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать-то ко рѣченьки
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Окупать-то свое тѣло да нáгое,
«Тѣло нáгоё богатырскоё».
И прогóворитъ Офимья Олександровна:
— Ай же дитятко мое рожоное!
— Безъ родителя ты росъ безъ желаннаго
— И росъ ты со родителью со матушкой.
— Да куды ты справляешься Добрынюшко,
— Да куды ты отправляешься въ широкой путь? —
Онъ прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя вдова ты Офимья Олександровна!
«Ми охвота-то поѣхать ко рѣченькѣ
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Покупать-то своё тѣло нáгоё,
«Тѣло нагоё богатырскоё».
Она прогóворитъ ему да й таково слово:
— Ай ты чадо мое да ты рожоное!
— Эта рѣченка была да вѣдь Почаева,
— Поперекъ-то рѣки верста-мѣрная
— И глубиной-то рѣка сорока саженъ. —
И ставаетъ-то Добрынюшка на ноженьки
И ставаетъ-то на рѣзвыи
И надѣваетъ босавички на босу́ ногу,
Надѣваетъ онъ одежду богатырскую,

Digitized by Google

Богатырскую одежду самолёгкую;
Надѣваетъ-то онъ шляпоньку на головушку
И выходитъ-то Добрынюшка со сѣницей,
И со сѣницей выходитъ со рѣшетчатыхъ,
И приходи Добрынюшка въ конюшню бѣлоду́бову,
И отворяе ворота да онъ на́ пяту,
Да беретъ-то жеребчика неѣзжанаго,
А неѣзжана жеребчика не сѣдланаго.
Надѣваетъ тутъ Добрынюшка уздицу на головушку,
На головушку да на буйную,
И уздиця была та вѣдь семи шелковъ,
Поводъ-то онъ былъ онъ се́ребромъ зо́лоченъ
Се́ребромъ зо́лоченъ да сяю́чімъ *(такъ)*.
Да выводитъ Добрынюшка коня да богатырскаго
А со этоей конюшни бѣлоду́бовой,
А не ѣзжанъ жеребецъ не сѣданъ былъ;
Кла́дываетъ на жеребчика исподнички,
На исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣделышко,
Да сѣделышко онъ черкаскоё;
Затягиваетъ Добрынюшка подпруги
И подпруги затягиваетъ двѣнадцатеры, —
Пряжки во подпругахъ булатня желѣза,
А иглы во пряжечкахъ червона золота.
Крыкнулъ Добрынюшка громкимъ голосомъ:
«И поѣду ко рѣченки и ко Почаевой!»
Услыхали ёго слуги вѣрныи,
Выводятъ слуги на ши́рокъ дворъ.
Онъ беретъ ли палицю булатнюю,
Енъ беретъ копье долгомѣрное,
Онъ беретъ саблю на́ поясъ,
Беретъ-то плеточку шелко́вую,
И поднимался на коня богатырскаго,
Онъ прижалъ коня да подъ круты ребра,

Digitized by Google

И шпорамы своима булатнима.
Испрогóворилъ конь таково слово:
— Ай же Добрынюшко Никитиничъ!
— Не жми-тко шпорамы меня подъ круты ребра. —
Енъ поѣхалъ ли Добрыня со широкá двора,
И выѣхалъ въ дороженьку широкую
И поѣхалъ ко рѣчкѣ ко Почаевой.
Онъ плетечкой коня Добрынюшка
И плеточкой коня да онъ попуживаетъ,
Палицей булатнею Добрынюшка поигрываётъ,
Копьемъ долгомѣрнымъ поворáчиваётъ.
И поѣхалъ онъ ко рѣчкѣ ко Почаевой,
И до рѣченьки еще тамъ три поприща
И конь-то ступае на воли своёй.
Да пріѣхалъ ли Добрынюшка ко рѣченьки,
И ко рѣченьки да ко Почаевой,
И выходитъ Добрыня со добрá коня,
Выходитъ-то Добрыня на крутóй берёгъ
И начинаетъ Добрынюшка дѣло дѣлати.
Да прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты дѣтинка неудáкова! [1])
«Покаравуль-ко ты коня да богатырскаго
«А у той ли у рѣченьки у Почаевой,
«Мнѣ охвота покупаться да й у рѣченьки
«И во рѣченьки во Почаевой,
«Покупати свое тѣло нáгое,
«Тѣло нагое да богатырское».
Да тутъ протомойки *(такъ)* на рѣчкѣ бѣльé мыли
И бѣлье мыли оны, полоскали оны,
Да прогóворятъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Не купли-тко ты своего тѣла нáгаго

1) По объясненію Щеголенка это значитъ: неудалая или неудачливая.

Digitized by Google

— И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
— Тѣла на́гаго богатырскаго,
— Да купли-тко ты въ рубашкѣ полотняноей. —
И зашолъ ли Добрынюшка во рѣченьку,
Окупалъ ли свое да тѣло богатырское
А во этоёй ли рубашкѣ полотняноей.
Да сподъ западнёй сторонкѣ стукъ да гремъ великъ идетъ.
Сколыбаласи на рѣченькѣ на Почаеви *(такъ)*
И свѣжая-та ключевая водушка,
И забилась-то волна по крутымъ берегамъ.
И надѣлся тутъ Добрынюшка въ одежду богатырскую;
Показалиси змѣя да восьмиглавая
Да по этоёй ли по рѣчкѣ по Почаевой.
Разгорѣлось ёго сердце богатырское,
Разгорѣлись его жилы богатырскіи,
Онъ беретъ-то вѣдь Добрыня саблю въ рученьки
И во рученьки беретъ богатырскіи,
А хочетъ показнить змѣины головы,
Головы змѣины восьмиглавыи.
И смолилась тутъ змѣя восьмиглавая
И голосомъ смолилась человѣчьимъ:
«Не казни-тко ты Добрынюшка змѣиныи головы,
«Я иду ко морю, ко синю́ морю,
«А иду къ ко́ролю ко великому,
«Ко великому ко́ролю да у синя́ моря;
«И есть-то у него да едина дочь,
«Едина дочь королевская:
«Брови-то у нёй черна соболя,
«И очи у нёй ясна сокола,
«По косицамъ-то у нёй звѣзды частыя.
«Я достану-то, Добрынюшка Никитиничъ,
«Я достану эту королевичну отъ синя́ моря,
«Да жди-тко ты меня Добрыня три денька».
Да проходитъ тому временки три деньку,

Digitized by Google

Приходитъ Добрынюшка ко рѣченьки,
Приходитъ Добрынюшка ко Почаевой,
Стоитъ-то тутъ дѣвица на крутомъ берегу,
А брови-ты у нёй черна соболя,
А очи-ты у ней ясна сокола,
На косицахъ-то у ней звѣзды частыя.
И захватывае Добрынюшка ю за рученьки,
Прижимае ю къ сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское
Да прогóворилъ Добрыня таково слово:
— Нонь поѣдемъ мы съ тобой да вѣдь ко городу,
— Да ко городу да мы ко Кіеву,
— Ко тому ли князю́ ко Владиміру.
— Могу ль-то я похвастать таковымъ словомъ
— Русскіимъ могучіимъ богáтырямъ:
— Я досталъ ли красну дѣвицу отъ синя́ моря
— Отъ синя моря отъ корабля великаго. —
Да прогóворятъ тутъ русскіи могучіи богáтыри,
Да прогóворятъ тутъ поляницы удалыи:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Да досталъ ли ты ю да красну дѣвицу
«Отъ синя моря да отъ того ли кóроля
«Отъ того ли короля да отъ великаго?»
Заводитъ-то Добрынюшка ю въ покои бѣлоду́бовы;
Устрашилась его рóдна матушка
Честная вдова Офимья Олександровна,
И брови-то у нёй черна соболя,
А вѣдь очи-то у нёй да ясна сокола,
И на косицяхъ-то у ней звѣзды частыя.
И прогóворитъ эта честно-мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты досталъ ли, мое ты чадо любимое,
— А дѣвицю отъ синя́ моря отъ короля да ты великаго?
— Вѣдь тутъ теби Добрынюшка Никитиничъ

Digitized by Google

— Не надѣя-то на красную на дѣвицю,
— Она вышла-то съ земли да вѣдь съ невѣрною,
— Да по заповѣди теби да видь приставила,
— Приставила змѣя да восьмиглавая.
— И оставить надо тутъ Добрынюшка этую дѣвицю
— И не взять-то ёй теби да во супружество,
— Надо докладъ сдѣлать солнышку князю Владиміру.—
Какъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-
кіевской:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Зачѣмъ же ты оставилъ змѣю восьмиглавую,
«Зачѣмъ же ты да не рубилъ ёй да буйны гóловы,
«Эти головы да змѣиныя?

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

124.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОПАЛѢ.

Какъ во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ
И у солнышка князя́ да у Владиміра
Собраны были русскіи могучіи богáтыри,
Да тыи́ ли поляницы удалыи
Да во ту ли полату гряновитую.
Да тыи русскіи могучіи богáтыри
По мѣстамъ были вѣдь розсажены,
И были они да вѣдь накормлены,
И накормлены были да вѣдь напóены,
И сыты они да вѣдь-то веселы.
И прогóворилъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай вы русскіи могучіи богáтыри,

Digitized by Google

«Ай же поляницы вы удáлыи!
«Я похвастаю вѣдь городомъ,
«А городомъ да вѣдь Кіевомъ».
Да Самсонъ да вѣдъ Самойловичъ
Онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
И тотъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Тоже онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
Дюкъ-то вѣдь Степановичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой [1]) молодецкою,
И также-то Чурило вѣдь Щаплёнковичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
Да сидитъ за этыимъ столомъ да княженецкіимъ,
А не хвастаетъ онъ никакимъ словомъ.
Тутъ прогóворилъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же ты, мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
«А за что же ты сидишь, ничимъ не хвастаешь?»
Онъ прогóворилъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— Вы русскіи могучіи богатыри,
— Вы всѣ поляницы вы удалыи!
— И я похвастаю своей молодой женой,
— Молодой Настасьей да Никуличной:
— Она князей бояръ съ ума повыведётъ
— И солнышка Владиміра вонъ повыведетъ. —
Это слово не казалось солнышку князю Владиміру,
Онъ станетъ да на свои да на рѣзвы́ ноги,
Онъ идётъ своей полатой гряновитоей
И съ ножки на ножку переступываетъ,
И по буйной головушкѣ ручками поглаживаетъ

1) Такъ, вмѣсто «пощапкой», т. е. щегольствомъ; но Щеголенокъ говорилъ, что не понимаетъ этого слова, чѣмъ и объясняется ошибка въ его произношеніи.

Digitized by Google

И самъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь:
«И будутъ ли ко тому дѣлу охвотнички,
«Аль будутъ къ этому дѣлу невольнички?»
И у этого стола княженецкаго
Сидитъ-то тамъ дѣтинушка невеликенькой,
Самъ прогóворитъ да таково слово:
«Да къ этому дѣлу будутъ охвотнички,
«Не надо вѣдь невольничковъ».
— Бери-тко мла́даго Добрынюшку Никитича
— За этыи за рученьки за бѣлыи,
— За этыи за перстни за злачёные,
— Отведи его во погребы глубокіе
— А за его за рѣчи неумильніи. —
Взялъ ли свёлъ ли мла́даго Добрынюшку
Со той ли со полаты гряновитыи,
И по этымъ по узкимъ переулочкамъ,
И засадилъ во этыи во погребы глубокіе.
И со той полаты гряновитыи
Донесли таково слово честно-мужнеей вдовы Офимьѣ Александровной:
— И засаженъ ли мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ
— Во этыи во погребы глубокіи. —
Тутъ прогóворитъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна
Сквозь свои слёзы да горючіи:
«Я рóстила мла́даго Добрынюшку Микитича
«Не во богачестви — во сирочестви».
И проходитъ тому времени да три денька,
И обрубила тутъ Настасья-та Никулична
Свои волоса да по мужичьему,
Да взя́ла ли коня да богатырскаго,
И взяла она свой ту́гой лукъ
Да со этыма со стрѣлочками каленыма,
И пріѣзжаетъ она ко солнышку князю́ Владиміру

Digitized by Google

И на княжой дворъ, на богатырской дворъ,
И прогóворитъ ли: — Посолъ земли турецкоей,
— И этого солтана да турецкаго;
— Покаравульте-тко моего коня да богатырскаго
— И на этоёмъ двори да княженецкоёмъ,
— Я пойду ко солнышку князю Владиміру
— И во этую полату гряновитую. —
Отворялъ ворота онъ тутъ да нá пяту
Да приходитъ тутъ въ полату гряновитую.
Тутъ всѣ сидятъ русскіи могучіи богáтыри
И всѣ сидятъ поляницы тутъ удалыи.
Этотъ ли посолъ земли турецкоей
И этого солтана да турецкаго
Онъ крест-отъ кладётъ по писáному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
На двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину:
— Ай же ты солнышко Владыміръ князь стольне-кіевской!
— Я пріѣхалъ къ твоему ко городу ко Кіеву
— Да просить поединщичка,
— Да стрѣлять-то стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку да изъ тýгаго,
— И во чистóмъ поли поставить кольцо серебряно
— И класть ли ножичекъ булатніи
— И розрубить ли эту стрѣлочку каленую по́-поламъ:
— Одна другой половина-то не бóльше,
— Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше. —
И посылаетъ солнышко Владиміръ князь и стольнё-кіевской:
«Вы русскіи могучіи богáтыри!
«Вы подите-тко въ поле во чистое
«Стрѣлять эту стрѣлочку калёную
«Изъ этого изъ луку изъ тýгаго,
«И во это ли кольцо во серебряно,
«Во этотъ ли во ножичекъ булатніи,

Digitized by Google

«Розрубить надо стрѣлочку каленую по́-поламъ:
«Одна другой половина-то не больше,
«Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше».
Тутъ и шли русскіи могучіи богатыри
А на это ли на поле да на чистое;
Тутъ шолъ ли Самсонъ да Самойловичъ,
Тутъ шолъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Во этоемъ ли полѣ да во чистоемъ
Тамъ наложено кольцо да серебряно,
Ножичекъ тамъ наложенъ да булатній-тотъ.
Стрѣ́лилъ-то Самсонъ да Самойловичъ
Стрѣлочку да онъ каленую
А изъ этого изъ луку изъ ту́гаго,
Первый разъ-то стрѣ́лилъ да пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ-то стрѣ́лилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣ́лилъ да попасть не могъ.
И также старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Первый разъ-то стрѣлилъ да пере́стрѣлилъ,
Другой разъ-то стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
И тутъ солнышку князю да Владиміру
Стало это дѣло за досадушку,
Стало за досадушку да за великую:
— Ты солнышко Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Какъ у насъ былъ ли мла́дый-то Добрынюшка Микитинчъ,
— Онъ могъ стрѣлять стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку изъ ту́гаго. —
Тутъ прогово́рилъ солнышко Владиміръ князь:
«Вы русскіи могучіи богатыри!
«Вы идите-тко ко погребу глубокому,
«Вы достаньте-тко мла́даго Добрынюшку Микитича,

Digitized by Google

«Огройте-тко пески да вы жолтыи,
«Выпустите его на волю да на вольнюю».
Вышелъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ
Изъ этого изъ погреба глубокаго,
И приходятъ-то къ солнышку князю да Владиміру
Самсонъ-тотъ да Самойловичъ,
Да старый казакъ Илья Муромецъ,
Приводятъ ли-то мла́даго Добрынюшку Микитича
И во этую полату гряновитую.
И прогово́ритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да пріѣхалъ ли посолъ земли Турецкоей,
«Да вѣдь этого солтана да турецкаго,
«Проситъ онъ поединщичка
«На это ли на поле да на чистое
«Да стрѣлитъ ли стрѣлочку каленую.
«Вы подите-тко русскіи могучіи бога́тыри
«Со мла́дыимъ Добрынюшкой Микитичемъ,
«И со своимъ ли лукомъ со ту́гіимъ».
И стрѣлитъ-то посолъ земли Турецкоёй,
Изъ своего изъ луку да изъ ту́гаго
И въ это ли кольцо въ серебряно
И во этотъ ли ножичекъ булатніи,
Розрубитъ онъ стрѣлочку да вѣдь по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
И приклался ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
И со своимъ ли со лукомъ со ту́гіимъ,
Стрѣли́лъ вѣдь стрѣлочку каленую
И въ это ли кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубилъ онъ стрѣлочку каленую по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
Выѣхалъ ли младый Добрынюшка Никитиничъ

Digitized by Google

Со этого ль поля да со чистаго,
Во свою ль полату богатырскую,
Ко той ли ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной.
Онъ приходитъ въ свою полату богатырскую,
Онъ крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Честно-мужніи вдовы Офимьи Олександровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Зрадовалась честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты пріѣхалъ ли младыи Добрынюшка,
— Со этыихъ со погребовъ со глубокіихъ,
— Вышла ли волюшка вольная
— Отъ солнышка князя́ да отъ Владиміра. —
И тутъ тебѣ старинушку да славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

125.

ДУНАЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У солнышка князя́ да й у Владиміра,
Были собраны русскіи могучіи бога́тыри,
Да вси поляницы ли уда́лыи.
Ены ѣли пили да вѣдь кушали
И за этыимъ столомъ да княженецкіимъ
И стали оны да вѣдь-то на́ весели.
Да прогово́ритъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Да Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы да удалыи!

Digitized by Google

«Да вы знаете ль мнѣ княгину въ супру́жество взять,
«Да было бы мнѣ съ кимъ вѣкъ корота́ть,
«Да было бы съ кимъ кня́жество держать?»
Да прогово́ритъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Я знаю къ тебѣ да вѣдь княгину взять,
— Да вѣдь будетъ тебѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
— Да съ кимъ будетъ княжество держать:
— И есть у короля въ Литвы,
— Есть-то у него да вѣдь три дочери:
— Да перва дочь Опракса королевична,
— Да дру́га дочь Марья королевична,
— Да третья дочь да есть не въ до́рости.
— Да взять теби мошно Опраксу королевичну,
— Да будетъ теби съ кимъ вѣкъ коротать
— Да вѣкъ коротать, да съ кѣмъ княжество держать. —
Да прогово́ритъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Да прогово́ритъ онъ да й таково́ слово:
«И ай же ты мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты къ королю въ Литву».
Онъ прогово́ритъ ли мла́дыи Добрынюшка:
— И не честь молодцу ѣхать да единому,
— Надо взять дру́гаго бога́тыря. —
«Выберай себи бога́тыря по разуму
«Да ѣхать съ то́бой въ землю во Литовскую».
Онъ прогово́рилъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Да поѣдемъ мы съ тобой въ землю во Литовскую,
— Къ королю туды да вѣдь къ великому,
— Да посватать-то Опраксы королевичной. —
Оны собрали́сь русскіи могучіи бога́тыри
Изъ этой-то полаты гряновитоей,
Они заходятъ-то въ конюшню богатырскую,
Надѣваютъ на коней узди́цы да тесмяныя,
Во уздицы повода́ да вѣдь шелко́выи,

Digitized by Google

Да вѣдь тыхъ ли шóлковъ, шóлковъ разныихъ,
И разныихъ шолкóвъ да шóлковъ шанскіихъ;
Кладывáютъ на коней да вѣдь исподнички,
На исподнички да оны войлочки,
И на войлочка оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко да вѣдь черкальскоё,
И затягиваютъ пóдпруги двѣнадцатеры,
И во подпругахъ пряжки серебряны,
И во пряжечки штылёчики чиста золота,
И завязываютъ свясточки семи шолковъ,
И не ради-то красы, ради крѣпости,
Да тыхъ ли шелкóвъ да шóлковъ разныихъ,
Шóлковъ разныихъ да шóлковъ шанскіихъ.
И надѣли на головушку по шляпоньки,
И шляпоньки земли да сорочинскою,
И вѣсомъ шляпы сорока пудовъ;
И взяли по палицы булатнёёй,
И взяли по луку по тýгому,
И взяли по плёточки шелкóвоёй,
И садились на коней да богатырскіихъ.
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на эти переулочки на кѣевски,
На эты переулочки на узеньки,
Волею идутъ кони богатырскіи.
Они выѣхали съ града изъ Кіева
И въ эту путь да въ дороженьку,
Они прúжали коней да богатырскіихъ,
Они прúжали-то шпорамы вострыма
Да подъ этыи да подъ круты́ ребра,
Да ударили ихъ плеточкой шелкóвою
Да по этоей по степи лошадиною.
Да пошли ихъ кони богатырскіи
И мелки озера перескакивали,
И глубоки озёра перемахивали;

Digitized by Google

Лѣсомъ ѣдутъ дремучіимъ,
Ли только отъ нихъ-то ископыть стаётъ;
Ёны съѣхали тутъ къ королю въ Литву.
Пріѣзжаютъ оны́ на королевской дворъ,
Тамъ наставлено татаръ много́ поганыихъ.
И опустились тутъ русски могучи бога́тыри
Со своихъ ли-то коней да богатырскіихъ
И на этую на матушку на сыру землю.
И прогово́ритъ тутъ мла́дый да Добрынюшка,
Да прогово́ритъ онъ да й таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Покаравуль-ко ты коней да богатырскіихъ. —
Ёнъ пошолъ ли младый Добрынюшка,
Во покои пошолъ да королевскіи,
И отворяе ворота онъ-то на́ пяту,
Да приходи въ покои королевскіи.
Онъ крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Да поклонъ ведётъ по учёному,
И на всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Королю-то дѣлае поклонъ да вѣдь въ особину.
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Пріѣхалъ ли ты да й не по старому
«Королю храбру да во служеніе?»
— Я пріѣхалъ ли посватать-то Опраксы королевичной
— И за солнышка князя Владиміра. —
Тутъ приходитъ-то татаринъ да поганыи,
Говорилъ ли онъ да й таково слово:
«Тамъ стоитъ ли русской могучой бога́тырь,
«У коней стоитъ да богатырскіихъ,
«Онъ прирубилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ.
«На дворѣ татаръ да мало ставится».
Да прогово́рилъ король да й таково слово:
— Да закличь-тко ты своего русскаго бога́тыря. —
Онъ закли́калъ-то Дуная сына Ивановича:

Digitized by Google

«Не руби татаръ да ты поганыихъ,
«Да ты ступай сюды въ полаты королевскіи,
«Они каравулятъ нашихъ-то коней да богатырскіихъ».
Да пришолъ ли Дунай сынъ Ивановичъ
Да во этыи полаты королевскіи;
Да проговорилъ тутъ младой да Добрынюшка,
Онъ проговоритъ опять да таково слово:
«Да когда къ теби пріѣхать къ королю въ Литву?»
— Когда можете вы да справиться,
— Тогда пріѣзжайте къ королю въ Литву.
— И отдамъ-то я Опраксу королевичну
— И за солнышка князя да за Владиміра,
Приглянулась ли Дунаю сыну Иванычу
Да вѣдь эта Марья королевична,
Да проговорилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты король земли Литовскоей!
«Я не поѣду ко городу назадъ да вѣдь ко Кіеву,
«Если ты дашь за меня Марью королевичну
«Да во этоё велико во супружество.
«Да пусть ѣде младый взадъ Добрынюшка,
«И одинъ ѣде ко городу ко Кіеву».
Ёнъ остался тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Енъ остался тутъ у короля въ Литвы.
И проговоритъ вѣдь Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Я мастеръ стрѣлять стрѣлочки калёныи
— Да во этоёмъ во поли да во чистоёмъ,
— И держать въ руки кольцо да серебряно
— Да Дунаю сыну да вѣдь Ивановичу,
— Да стрѣлить вѣдь изъ этого изъ луку да изъ тугаго,
— И стрѣлить стрѣлочку калёную,
— И поставить тутъ да ножичокъ булатніи,
— Да противо кольца да вѣдь серебрянаго,
— Да попасть ли стрѣлочкой калёною

Digitized by Google

— Да въ это кольцо да во серебряноё,
— Да во этотъ во ножичокъ булатніи,
Розрубить-то стрѣлочку калёную да вѣдь пóполамъ,
— И одна другой половина да не больше,
— Да чтобы вѣсомъ была одна другой да не тяжельше:
— И тошто [1]) иду тебѣ въ супружество. —
И натянула она свой да вѣдь тýгой лукъ,
Да вѣдь стрѣ́лила стрѣлочку калёную
Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго,
Да попала она въ кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубила она стрѣлочку калёную
И одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она да не тяжельше.
И онъ прогóворитъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Марья королевична!
«Нунь держи-тко ты кольцо да серебряно,
«Да держи-тко ножичокъ булатніи.
«Я буду стрѣлять стрѣлочку калёную
«Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго».
Тутъ прогóворитъ Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй-ко ты стрѣлочки калёноей.
— Не попасть теби въ кольцо да во серебряно,
— И не попасть теби въ ножичокъ булатніи,
— Не розрубить теби стрѣлочки калёноей. —
А не могъ терпѣть Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Нѣтъ ужъ надо стрѣлить, Марья королевична,
«Да стрѣлочку да вѣдь калёную,
«Да тоже мнѣ изъ луку да изъ тýгаго,
«Да попасть во кольцо да во серебряно
«Да во этотъ-то во ножичокъ булатніи».

---

1) Т. е. тогда или въ такомъ случаѣ.

Digitized by Google

Она прогóворитъ Марья королевична,
Да прогóворитъ она да й таково слово:
— Да ты стрѣлишь мнѣ да во бѣлы груди.
— Я спорожу теби сына да единаго:
— По колѣночку ножки да въ сéребри,
— По локóточки да ручки въ золоти,
— На головушки будутъ волоса звѣзды частыи,
— И очи-ты будутъ ясна сокола. —
Она стала держать Марья Королевична
И этого кольца да вѣдь серéбрянаго,
Да вѣдь этого ножичка булатняго;
И натянулъ ли тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
И натянулъ онъ свой да тýгой лукъ,
Да спустилъ ли стрѣлочку каленую
Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго.
Онъ первой разъ стрѣлилъ да и перéстрѣлилъ,
Да другой-то разъ стрѣлилъ да не дóстрѣлилъ,
Да въ третій разъ стрѣлилъ да въ груди́ попалъ
Да вѣдь этой Марьи королевичной.
Да приходитъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Онъ приходитъ тутъ да ко бѣлу́ тѣлу,
Роспласталъ-то ёй тутъ грудюшки бѣлыи,
Да засѣянъ-то младенецъ да во чреви:
По колѣночку ножки въ серебри,
По локóточки ручки въ золоти,
На головушкѣ волоса звѣзды частыи,
И глазушка у него ясна сокола.
И заплакалъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Да по этоёй по Марьи королевичной,
Говорилъ ли тутъ онъ да таково слово:
«Да гдѣ легла Марья королевична,
«Да на эту легла да на сыру землю,
«Да тутъ лягъ Дунай сынъ Ивановичъ».
Да лёгъ ли Дунай сынъ Ивановичъ

Digitized by Google

И возли Марьи королевичной,
И духъ онъ отдалъ Господу Богу.
И посли этого прошла рѣченька Дунай рѣка,
Да тутъ теби старинушку славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

126.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Была честна́я вдова, Часовова жена,
Была́ блудна жена да Хотинушкина мать.
Завела она-то честна́ вдова Часовова жена,
Завела она тутъ да почестенъ пиръ,
Князей-то бояръ на пиръ посо́брала
И русскіихъ могучіихъ бога́тыревъ позабрала.
Они ѣли да пили на радости,
Пили хмѣльное на весели,
И были-то гости на мѣсто розсаженыи,
И носила тутъ честна́ вдова, Часовова жена,
Носила по честно́й по чарочкѣ,
И всимъ-то гостямъ да прохожіимъ,
И приходитъ она съ чарочкою зеленою
А къ блудноёй жены да Хотинушки мать;
Сидитъ она — буйная головушка между плечи повѣшеная
И очи ясны во калиновъ мость утупленыи,
Чарочки питья съ рукъ не вынимаетъ.
И прого́воритъ Хотинушкина матушка:
«И честна мужняя вдова, Часовова жена:
«Я осмѣлюси словцё-то сказать, словцё выразить
«Есть у меня дѣтинушка блудной сынъ,

Digitized by Google

«А й ты честна̀ вдова, Часовова жена,
«Есть у тебя единая дѣвушка Устинушка:
«Отдай-ко Устинушку въ законной бракъ
«И за этого за Блудова дѣтинушку Хотинушку».
И прогóворитъ честна вдова, Часовова жена:
— И не отдамъ я Устинушку за блуднаго сына Хотинушку. —
Походятъ гости собѣ съ пиру вонъ,
И пошла тутъ Хотинушкина матушка,
Да буйную голову повѣсила,
А буйную голову между́ плечи,
Утупила очи ясны во сыру́ землю.
И увидѣлъ блудной сынъ Хотинушка,
И приходитъ Хотинушкина матушка
Ко своёй ли полаты жилецкоей,
Да приходитъ она да вѣдь не весела.
Да прогóворитъ Хотинушка блудной сынъ:
«Ай же ты мати моя да ты рóдная:
«И была ты на почестномъ на гостёбищѣ
«А у честной вдовы, Часовова жены:
«И мѣсто ль теби не по разуму,
«Аль чарой великой тебя óбнесли,
«Аль словомъ тебя опорочили?»
Говорила ему матушка словечко:
— Ай же ты блудной сынъ Хотинушка!
— Я сказала честной вдовы, Часового жены,
— Я сказала ей единое словечушко:
— А дай-ко ты дочерь Устинушку
— Да за блуднаго сына Хотинушку.
— Не отдаетъ она дочери Устинушки
— За блуднаго сына Хотинушку. —
Да прогóворитъ блудный сынъ Хотинушка:
«А мы возьмемъ ее Устинушку.
«Она волею отдастъ, такъ мы волею возьмемъ,

Digitized by Google

«А вѣдь волей не отдастъ, мы неволей возьмемъ
«А не то, такъ возьмемъ кроволитіемъ».
И посватали Устинушку въявѣ
И за этого блуднаго сына Хотинушку.
Говорила тутъ честна вдова, Часоваго жена:
— Ой же ты блудный сынъ да Хотинушка!
— Не отдамъ я дочери Устинушки
— За блуднаго тебе за сына Хотинушку. —
И прогóворитъ Хотинъ да таково слово:
«А мы возьмемъ Устинушку кроволитіемъ».
Тутъ-то Устинушка не вышла
За этого за блуднаго сына Хотинушку.

(Конца не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

127.

ЧУРИЛО.

«Поженилъ-то меня батюшко а неволею,
«И женила меня матушка не охвотою,
«Да приданаго много — человѣк-отъ худой;
«Да придано большо̀ на грядкѣ виситъ,
«Да золота монета въ кованóмъ ларци,
«Да худая женишка на рукѝ лежитъ,
«И на руки лежитъ да цѣловать велитъ,
«Цѣловать-то мнѣ-ка ёй не хочется».
И заплёлъ тутъ Щурилушко Щаплёнковичъ
По самоцвѣтному по камешку
Да въ эти лапотики шелкóвыи,
Пошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Со своёй ли со сторонушки рожденыи,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду.

Digitized by Google

И шолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
И шолъ ли онъ къ королю́ храбру,
Да нанялся къ королю́ хробру
Да на десять лѣтъ и во служеніе.
Онъ служилъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Королю въ Литвы да вѣдь Литовскому,
Онъ служилъ да вѣрой правдою
Вѣрой правдою да безошибочно,
Да вѣдь ѣлъ да пилъ да съ одного судна.
И приходитъ ему времечко срочное,
И по своёй сторони стосковалоси
Да по этыихъ рожденыихъ родителяхъ,
Да худа́-то женишечка на умъ не йдетъ.
И давае королевска ему́ дочерь
И даваетъ ему де́нежекъ пятьдеся́тъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтиною.
Тутъ пошолъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Отъ короля въ Литвы да отъ Литовскаго,
И пошолъ-то по городу да Окіянову,
И выходитъ супротиво того домишечку питейнаго.
Изъ питейника домишечка выходитъ-то бабёночка,
Бабёночка турыжная [1]) да ярыжная,
Подвигается къ Щурилушкѣ да близёхонько,
Да сама-то говоритъ да каково слово:
— Ай же ты дѣтинушка ясе́нъ соколъ:
— Пріустали-то твои да рѣзвы ноженьки
— Да во этой во пути да й во дороженьки,
— И примахались твои ручки бѣлыи
— А во этоёй пути да й во дороженьки,
— Припечалились уста твои саха́рныи
— А во этоей пути да й во дороженьки,
— Пріустала твоя буйная головушка

1) По объясненію Щеголенка, *турыжная* значитъ: оборванная.

Digitized by Google

— А въ пути въ дороженьки во ши́рокой.
— Да ты, ясе́нъ соколъ дѣтинушка,
— А зайди-тко ты да на царевъ кабакъ,
— Да ты выпей-ко да чару зелена́ вина,
— И запей-ко ты медамы настоялыма,
— И окати своё ретивое сердечушко,
— И роспечаль-ко ты свои уста саха́рныи,
— Розвесели свою буйную головушку. —
И онъ зашолъ ли-то Щурилушка Щапленковичъ
Да въ это-то домишечко въ питейноё,
Да онъ сѣлъ-то на скамеечку дубовую,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
И запилъ онъ тутъ медамы настоялыма.
Тутъ прогово́ритъ ясенъ соколъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«И я жилъ молодецъ у короля въ Литвы,
«И служилъ-то я вѣрой правдою ему,
«И ѣлъ да пилъ я съ одного судна».
И похвасталъ дочерь' королевскою:
«И спалъ я у дочери королевскоей,
«И спалъ я на право́й руки,
«И на право́й руки у бѣло́й груди,
«Цѣловалъ ю во уста да й во саха́рныи».
И услыхали тутъ короля да Литовскаго
А слуги вѣдь да и вѣрныи,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И хочутъ ве́сти на поле Куликовое.
И онъ прогово́ритъ Щурилушка Щапленковичъ:
«Ай же вы ребята короля да вы Литовскаго!
«Вы возьмите съ ме́ня денежокъ да пятьдесятъ рублей,
«И пятьдесятъ рублей да со полтиною,
«Да ведите меня мимо королевской домъ,
«Да послѣдне мни-ка съ нёй проститися,
«Да послѣдне мнѣ съ ней розставатися».

Digitized by Google

Повели его Щурилушку Щаплёнкова
Мимо королевской домъ,
Онъ и крыкнулъ тутъ да громкимъ голосомъ:
«Ай ты дочь-то вѣдь королевская!
«Да послѣднё мни съ тобой проститися,
«Да послѣднё мни розставатися».
Прогóворитъ-то эта дочь да королевская:
— Вы возьмите-тко съ меня да сéмдесятъ рублей,
— Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи
— И розвяжите ему да ручки бѣлыи,
— И откройте ему да очи ясныи,
— Да спустите на волю да й на вольнюю. —
Онъ взяла дочь королевская
Во свои новы сѣни да рѣшотчаты.
Онъ прогóворитъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«Я еще хочу послужить у короля́ въ Литвы,
«Хоть еще бы послужилъ да два годика».
Да служилъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Да служилъ еще вѣдь да два годика.
На проходи ему времечко строчное
Ёнъ походитъ Щурилушка Щаплёнковичъ
И давае ему денежокъ пятьдесятъ рублей,
Да сама й говорила таково слово:
— Не зайди-тко больше на царевъ кабакъ,
— И не выпей болѣ чары зелена вина,
— Не запей-ко медами настоялыма,
— Не похвастай мной королевичной. —
Да пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пошолъ онъ отъ короля съ Литвы,
И опять пришло итти по городу,
И пришло итти да по Кіянову.
И тутъ прошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
И этотъ городъ Кіяновъ весь,
И вышелъ на дороженьку на ши́року,

Digitized by Google

И пошолъ оттуда изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да въ свою сторону.
Да идетъ ли Щурилушко Щаплёнковичъ,
Идетъ-то дороженькой да ши́рокой.
Да впереди-то себя пахарь да попа́хиваётъ,
Лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да сошка у пахаря поскрыпываётъ.
Онъ день-то шолъ да до пахаря не дошолъ,
Да дру́гой день-то дороженькой пошолъ,
И пахарь, слышитъ, попахиваетъ,
И лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да вѣдь сошка у пахаря поскрыпываётъ.
И третій-то день пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да вѣдь тоже пахарь попахиваётъ,
Да лошадку пахарь понукиваётъ,
И сошка у пахаря поскрыпываетъ.
И третей день шолъ да до пахаря дошолъ;
У пахаря лошадка пѣга́ненькая,
Да сошка у пахаря клено́венькая,
И омешики на сошки була́тъ желѣза:
«И Богъ тебя помочь крестьянушко!»
— Да поди-тко дѣтинушка ясе́нъ соколъ. —
Тутъ пришолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пришолъ ли тутъ да во свою сторону
Да ко этыимъ рожденыимъ родителямъ.
Престарѣлы родители рожденыи;
Да здоровался Щурилушко Щаплёнковичъ,
Да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ.
Да заплакали рожденыи родители:
— Да пришолъ ли ты Щурилушка Щаплёнковичъ,
— Да пришолъ ты да во свою сторону. —
И прожилъ-то Щурилушка Щаплёнковичъ
И отдыхалъ на мѣстечки три де́нечки,
И слыши по себѣ силу́ великую,

Digitized by Google

И ладитъ итти да вѣдь во Кіевъ градъ
Да ко солнышку князю́ да ко Владиміру,
Да даваться-то на службу богатырскую.
Енъ пришолъ ли-то ко городу ко Кіеву
На этотъ ли на дворъ на княженецкой-то,
Отворяе ворота да тутъ онъ на́ пяту
И въ этую полату гряновитую,
Да тутъ сидятъ русски могучи бога́тыри,
Вси поляницы тутъ удалыи,
Да за этыимъ столомъ да княженецкіимъ.
Ёнъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Да поклон-отъ ведётъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Енъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину,
Да вѣдь самъ говорилъ да токово слово:
«И ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«И возьми-тко мня въ службу богатырскую».
— Я возьму тебя Щурилушка Щаплёнковичъ
— И въ службу къ себи да въ богатырскую,
— Только надо служить да вѣрой правдой мнѣ,
— Вѣрой правдой да безошибочно. —
Тутъ тебѣ старинушку славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

128.

ДЮКЪ.

Да во стольномъ во городи во Кіеви
И у солнышка князя́ й у Владиміра,
Заводился пированьицо почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,

Digitized by Google

И на русскихъ могучихъ богатырёвъ,
Да на всихъ поляницъ на удалыихъ.
Да вси на пиру сыты пьяны веселы,
И вси на пиру розвеселилися.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Ёнъ похвастаетъ-то вѣдь городомъ,
Городомъ похвастаетъ да вѣдь Кіевомъ.
Самсонъ да Самойловичъ похвасталъ своей силой богатырской,
Да Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
Да старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ёнъ похвасталъ своей силой богатырскою.
И Олешенька Попóвъ сынъ
Онъ росхвастался своей золотой казной —
Есть ли у молодца — золотóй казной.
Да сидитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
Онъ похвасталъ своимъ-то конёмъ богатырскіимъ
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою.
Да сидитъ тутъ Щурилушка Щаплёнковичъ
Ёнъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою,
Да сидитъ тутъ Дюкъ да Степановичъ
Онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Надо ѣхать имъ во полё да во чистоё
И розсердить своихъ коней да богатырскіихъ,
Воротиться назадъ да ко рѣченки,
Да ко рѣченки ко Почаевой,
Впоперёкъ-то рѣка верста мѣрная,
Глубиной-то рѣка да сорока сажонъ.
Это слово говоритъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ.
Оны вышли изъ-за стола да изъ-за окольняго,
Да изъ этоей полаты гряновитою,

Digitized by Google

Да вышли они на широкъ на бѣ́лой дворъ,
Они заходя въ конюшню богатырскую,
И надѣваютъ на коней уздицы чесмяныи.
И во уздицахъ повода были шелковыи,
Вѣдь разныхъ шолковъ шолковъ шанскіихъ,
Кладываютъ на коней они исподнички,
На исподнички они войлочки,
На войлочко они сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко они черкальское.
Да затягиваютъ подпруги двѣнадцатеры,
И завязываютъ свясточки семи шелковъ,
Да не для́ ради красы, да ради крѣпости,
Да тыхъ ли шолковъ шелковъ разныихъ,
Да разныихъ шелко́въ да ше́лковъ шанскіихъ.
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылёчики были они чиста зо́лота,
У сапожковъ шпоры була́тъ желѣза,
И осѣдлали коней да богатырскіихъ.
Да Щурилушка тутъ Щаплёнковичъ,
Да Дюкъ да тутъ да Степановичъ,
Шляпоньки на головушки земли да Сорочинскою,
Шляпоньки на головушки сорока пудовъ,
И палицы́ булатни сорока́ пудовъ,
И сабли взяли съ со́бой вострыи.
Ёны садились на коней богатырскіихъ,
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на этыи на Кѣевски переулочки,
И сзаду́ ѣдя три русскихъ могучихъ богатыря.
И напередъ ѣдé Щурилушка Щаплёнковичъ,
Всѣдъ ѣде Дюкъ да Степановичъ.
Да прогово́рилъ Дюкъ да Степановичъ
Да своему ли коню да богатырскому:
«Ай же ты сивушка бу́рушка,
«Да ты вѣщей во́ронке!

Digitized by Google

«Какъ ты служилъ моему родителю да батюшку,
«Также и мнѣ послужи вѣрой правдою».
Да прогóворилъ тутъ конь голосомъ человѣчьимъ:
— Ай же ты Дюкъ да Степановичъ!
— Когда сядешь ты на степь да лошадиную
— Да не жми-тко ты шпорами булатныма
— Да подъ эты меня да подъ круты́ ребра,
— Не хлыщи-тко плёточкой шелковою
— Да по этоёй по степи лошадиною,
— Не натягай пóводовъ да ты тесмяныихъ.
— Ты держись-ко за гриву да за святу́ гриву,
— Я тошто тебя служить буду вѣрой правдою. —
Оны съѣхали во поле да во чистое
И розсердили то своихъ коней да богатырскіихъ.
Пріѣхали ко рѣчки ко Почаевой,
Тутъ стоитъ три русскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
Да смотрѣть надо на чудо да на чудноё.
Ёны скочили до половины рѣченки Почаевой,
Оборвался у Щурилушки Щапленковича
Оборвались повода да вѣдь шелковыи,
Оборвались-то стрéмени булатніи
Въ половины-то рѣченки Почаевой.
Да проговорилъ ли Дюкъ да Степановичъ,
Онъ проговорилъ да таково слово:
«Мнѣ не жалко головы человѣчьею,
«Мнѣ жалко головы лошадиною».
И взялъ ли коня да богатырскаго
И этого Щурилушки Щаплёнковича,
И взялъ ли Дюкъ да Степановичъ
И вытащилъ его да вѣдь изъ рѣченьки,
Да изъ рѣченьки изъ Почаевой,
И вытащилъ его да й на крутóй берёгъ,
Да на этую на матушку сыру землю.
Да прогóворилъ тутъ Дюкъ да Степановичъ:

Digitized by Google

«Ты не хвастай-ко Щурилушка Щаплёнковичъ,
«Да не хвастай ты на дворъ поѣдучи
«Да ты похвастай-ко со двора́ да по́йдучи».
И остудился Щурилушка Щаплёнковичъ
И всѣхъ четырехъ русскихъ могучихъ богатыревъ.
Да тутъ ли старинушку и славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 9 сентября.

129.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
Тогда рыбы вси на глубь сошли,
Тогда сбѣжали звѣри въ лѣса тёмныи.
Мы сидѣли да были по коне́цъ пальца,
Мы ѣли да пили по коне́цъ стольца:
«Да вы слушайте братцы послухайте,
«Я скажу старину стародавную,
«Стародавную старинушку бывалую,
«Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ,
«Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ
«Не много не мало семь-то годовъ».
Да прогово́рилъ пушкарь да таково слово:
— Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
— И подъ эты подъ стѣны городовыи,
— Закатить бы намъ бочки съ зельёмъ лютымъ,
— Начинить бы намъ бочки чернымъ порохомъ,
— И зажгать бы намъ свѣчи воско́выи
— Во эты во руцы во бѣлыи,

Digitized by Google

— За эты за стѣны да за дубовыи,
— Во рукахъ-то свѣщи догорѣются
— Надъ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется. —
«Ай же пушкарь да ты обманываешь!»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить:
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
— За стѣнами свѣщи оны не ясно горятъ. —
Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
Трёснули башенки треугольніи,
Разорвало стѣны городовыи,
И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
Да повынесли знамёна со Казáнь городà,
Да повынесли порфилу-ту царскую,
Изъ-за этого стола да изъ-за окольнёго.
Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Ёнъ по свѣтлоей по свѣтлици похаживаетъ,
Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваётъ,
Да самъ онъ гóворилъ таково слово:
«И нунь заведу я почестенъ пиръ
«И на многихъ на князей на бóяръ,
«И на русскихъ могучихъ богáтырёвъ,
«И на всихъ поляницъ на удалыихъ.
«Я повыведу измѣну нунь съ каменнóй Москвы,
«Я повыведу измѣну со Новá города,
«Я повыведу измѣну да й со Опского,
«Я повыведу измѣну да й со Вáстракани».
Да прогóворилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
«Да садись-ко на коня да й богатырскаго
«И со этыма поспѣхамы богатырскима.
«Поѣзжай-ко ты да великóй Москвой,
«Каменнóй Москвой да ты великою,
«Старыхъ и малыхъ конёмъ топчи,

Digitized by Google

«Русскихъ могучихъ богáтыревъ саблёй руби,
«Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменнóй Москвы».
Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
Старыхъ и малыхъ конёмъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богáтырёвъ саблёй не рубилъ.
Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменнóй Москвы.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,
И ко этому столу да княженецкому,
И отворяе ворота да онъ-то нá пяту,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писáному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да й по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ особину.
Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
И на свои-то да на рѣзвы́ ноги,
И самъ говоритъ да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы удалыи!
«Я повынесъ-то знамéна съ Казáнь города,
«Я повынесъ ли порфилу-то царскую
«А зъ-за этого стола да зъ-за окольняго,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдь со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Вáстракани».
Какъ сидятъ тутъ воры да й Гагарины:
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ. —
Ёнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,
Какъ меньшей-то тулится за средняго
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбы пришло».

Digitized by Google

Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за рученки за бѣлы,
За этыи берётъ ли за перстни злаченыи,
Да поводитъ на поле на чистоё,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна го́лова.
И придать смерть ему напрасная,
И вынять сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвы́ ноги,
Надѣвала чере́вички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболину на одно плечо,
И шла-то къ стару казаку да къ Никиты Романовичу.
И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару́ казаку Микиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Ай ты старой казакъ Микита Романовичъ!
— Да ты пьёшь да ѣшь да проклаждаешься,
— А надъ нами ты незгодушки не вѣдаёшь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича.
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ сынъ
— И взялъ ли за рученки за бѣлыи,
— И за этыи за перстни злачёныи,
— И свёлъ ли на полё на чистоё,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью.
— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —
Да проговоритъ старо́й казакъ Микита Романовичъ:

Digitized by Google

«Долго долго не пекало красно солнышко—двѣнадцать лѣтъ,
«Не бывала-то Настасья Романовна
«У старá казака Микита Романовича».
Онъ сталъ ли старóй казакъ Микита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвы́ ноги,
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ берётъ-то коня да й богатырскаго,
Онъ садится на коня да й богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же народъ сторонитесь вы!
«Старыхъ и малыхъ конёмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ богáтыревъ саблёй срублю».
Далъ народъ улицу широку да вѣдь продóлговату,
Каменнóй Москвой ѣхать да великою.
И онъ выѣхалъ на поле да й на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Да ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься,
«Да ты выпьешь эту чару захлéбнешься».
Да пріѣхалъ ли Микита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовою,
И досталъ-то онъ Ѳёдора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдь во живности.
Онъ сходитъ съ коня да й богатырскаго,
Онъ берётъ-то Скурлатова зá волосы,
Онъ кидае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ёму да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,
Да вынялъ сердце со пéченью.
И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская.
И садился тутъ старóй казакъ Микита Романовичъ

Digitized by Google

На своего ли коня да богатырскаго,
А со этыимъ ли со Ѳёдоромъ Ивановичемъ,
И привёзъ его въ полату богатырскую.
И въ эту въ суботу во христовскую
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Розсылалъ-то онъ афишки по всѝмъ сторонамъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь вѣрнымъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь подданнымъ:
— Да вы пóйдете къ заутреной христовою,
— Вы надѣньте одежду роспечальную,
— И нѣтъ-то у мня сына да любимаго
— И Ѳёдора да вѣдь Ивановича.
— Да свёлъ ли Скурлатовъ на чѝсто поле,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— И придалъ ему смерть напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью. —
Да пришли эты слуги ёго вѣрныи,
И пришли эты слуги ёго подданны,
Да пришли-то во церковь во Божію,
Да ко этой заутреной христовою
И надѣта одежда роспечальная.
Да приходитъ старóй казакъ Никита Романовичъ
Онъ крест-отъ кладётъ по писáному,
И поклон-отъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да вѣдь самъ гóворилъ да таково слово:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своёй семьёй, да со моёй сестрой,
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ да Ивановичемъ! —
Ёнъ повёрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
И згляне на него да немилы́мъ окомъ:

Digitized by Google

«Какъ былъ бы ты собака не въ церкви не въ Божьею,
«Я не далъ бы собакѣ на часъ живота».
Какъ скаже старóй казакъ Микита Романовичъ
— Да живётъ ли грѣшному прощеньицо,
— Да живётъ ли грѣшному благословеньицо? —
«Я простилъ бы да вѣдь некого,
«Я помиловалъ бы да негдѣ взять».
И повéрнется старой казакъ Микита Романовичъ
Да со этой церкви да со Божьею,
Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
Говоритъ-то тутъ Ѳедору Иванычу:
— Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
— Я досталъ ли-то у грознаго царя у Ивана да Васильевича
— Я досталъ ли у него да вѣдь прощеньицо,
— Я досталъ ли у него да вѣдь благословеньицо.
— Да ты ставай-ко вѣдь по утрушку ранёхонько,
— Умывайся-тко да ты бѣлёхонько,
— Утирайся-тко да вѣдь сухохонько,
— Убирайся ты да хорошохонько,
— Да мы пойдемъ-то вѣдь во церковь да во Божьюю
— И ко этоёй заутреной христовою. —
И пришли оны во церковь да во Божьюю,
Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняются
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да прогóворитъ старóй казакъ Микита Романовичъ:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со моёй сестрой да со своёй семьёй
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ со Ивановичемъ! —
Да повéрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да къ старýю казаку Никиты Романовичу,

Digitized by Google

Онъ берётъ его за рученки за бѣлыи,
И берётъ-то за перстни за злачоныи,
И цѣлуе во уста да во сахарныи,
Да вѣдь самъ говорилъ и таково слово:
«Ай же ты старой казакъ Микита Романовичъ!
«Да чимъ тебя на́ скорп пожаловать:
«Городамы ли тебя и пригородкамы,
«Али ли силою тебя да вѣдь великою,
«Али золотой казной да вѣдь безсчетною?»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мни не надо городовъ съ пригородкамы,
— Мни не надо-то вѣдь силы богатырскою,
— Мни не надо золотой казны безсчотною,
— И у меня-то всего того своего́ вѣдь есть.
— Мни пожалуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Да вѣдь на́ скори Микитину отчину.
— И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ,
— Кто въ Микитину отчину уйдетъ, того Богъ простилъ.—
Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Васильевичъ
Какъ на крути́ Микитину отчину
Да стару казаку Микиты Романовичу.
Да старинушки и славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

130.

ПТИЦЫ.

(См. Рыбникова, т. II, 59).

И отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего братцы становилась весна красна?
Весна красна становилась отъ зимы холодной.

Digitized by Google

Отчего братцы становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего братцы становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.

Покладутъ крестьяне стоги.
Имъ жить хорошо,
И весело и прохладно.
Да цари живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіи судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы-дьяки живутъ по погостамъ,
А сироты мелкіи люди живутъ они по подворьямъ.

А про то бы братцы было вѣсто:
Старой бабы на печи было мѣсто,
И лежала она бы — не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
Старыи старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвицы по ошёсткамъ спятъ,
Малыя ребята спятъ по зенькамъ спятъ.

Тутъ изъ далеча изъ далеча,
Изъ синяго дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-пташка,
Спрашиваетъ у русскихъ птицъ:
«Ай же вы русскія птицы!
«Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
— Ай же ты мала птица-пташка!
— Хорошо намъ жить на Руси:
— Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,

Digitized by Google

— Да всѣ птицы у насъ при работѣ
— И всѣ птицы у насъ при каравулѣ. —
. . . . . .

И налетали птицы вóробьи,
Садились оны по кóламъ,
Садились оны по изгородамъ,
Садились оны по малымъ ракитовымъ кусточкамъ
Да садились оны вдоль зеленой дубравы,
А живутъ оны въ домахъ по рагузу.
Губалъ-птица на морѣ плотникъ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра.
Канюкъ на морѣ хлопóтникъ,
Гусь на морѣ морской ходатель.
Чайки на морѣ были онѣ погощанки.
Синица была на морѣ пѣвица:
И то она была не пѣвица
То она была пономарица.
И чирка на морѣ она была рыболовка
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ:
И только съ рыбой въ ярманку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ.
Сойка на морѣ, она была верещата.
Утка на морѣ, она — сѣроплавка.
Селезень-то на морѣ — удалый добрый молодецъ,
Ластушки на морѣ были косатыя красны дѣвушки.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ онъ по поднебесью летаетъ,

Digitized by Google

Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Вытлюкъ на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то былъ тонконосый.
Косачъ на морѣ казакъ донской
И тетерка на морѣ молодая жонка.
Галки на морѣ, оны погощаны.
Гагара изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха.
Ворть былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строитель,
И былъ строитель, то онъ былъ не строитель,
Былъ онъ монастырскій разоритель.
Журавь на морѣ пономарь монастырскій:
Въ большой колоколъ ударитъ,
Къ обѣднѣ итти заставитъ,
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волк-отъ овчинникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ — молода молодица:
Много винъ сдѣлае
Про себя вины не скаже,
Дологъ хвостъ на свой не ступитъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлае,
Рѣпки не паше,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,

Digitized by Google

Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ.
Охъ тошнехонько, охъ тяжеленько, —
Кошкѣ на морѣ вдовицы,
И то бобыли — сироты,
День она по печамъ,
День она по ошёсткамъ,
И ночь-то придетъ — пойде по молочнымъ крынкамъ.
Да сорока на морѣ — кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поимаетъ,
Всякій пирстомъ въ дыры́ покопае,
Оттуль яицо добывае,
И зятю тёща яйцо добываетъ,
Отъ того теща и честь залучаетъ.
На морѣ ворòница бабка пупорѣзна:
Голови́ще у ней толстòе,
Платьице у ней грязнòе.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали.
Что знали то и сказали.

XXIII.

ВАСИЛІЙ АКСЕНОВЪ.

Василій Аксеновъ съ Леликова, 80-лѣтній старикъ-крестьянинъ, грамотный, мастеръ разсказывать сказки и обладающій

Digitized by Google

нѣсколькими лубочными изданіями. На вопросъ о былинахъ онъ сперва отвѣчалъ, что ихъ всѣ забылъ, но потомъ вспомнилъ отрывокъ про Вольгу и Микулу и другія былины, здѣсь помѣщаемыя. Отъ кого онъ имъ научился, не могъ припомнить.

131.

ВОЛЬГА И МИКУЛА [1]).

Во славномъ городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра
Былъ любимый племянничекъ
Младой Вольга Святославьевичъ.
Князь Владиміръ стольнё-кіевскіи
Пожаловалъ ему три города,
Три города что не лучшіихъ:
Гурсовцемъ да Череповцемъ,
Да третьимъ городомъ Орѣховцемъ.
И поѣхалъ племянникъ городовъ смотрѣть
Услыхалъ оратая на нивы [2]) оручиво,
Услыхалъ оратая за двѣнадцать верстъ
Како ратай покрикиваетъ,
Омешики о камешки поскрипываютъ.
А сошка-та была у него дубовая,
Омешики чистаго серебра,
А присошекъ краснаго золота.
Пріѣхалъ Вольга Святославьевичъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Богъ помочь, крестьянинъ оратай, на нивы оручись».
— Милости просимъ, Вольга Святославьевичъ! —

---

1) Старикъ Аксеновъ плохо помнилъ эту былину, и нѣкоторые стихи ему подсказывала Степанида Конова (XXI).

2) Это значитъ — въ лѣсу.

Digitized by Google

«Почему ты меня знаешь именёмъ зовешь?»
— А потому тебя знаю, именемъ зову,
— Служилъ твоему батюшкѣ двѣнадцать лѣтъ,
— А за двѣнадцать лѣтъ еще наемъ не взятъ.—
Говоритъ Вольга Святославьевичъ:
«А послужи мнѣ-ка-ва тринадцатый,
«За тринадцать лѣтъ вдругъ наемъ отдамъ.
«А съѣздимъ со мной городовъ смотрѣть.
«И какъ тебя какъ, крестьянинъ, именёмъ зовутъ?»
— Какъ я жита напашу, да домой выволочу,
— Да дома и вымолочу,
— Да солоду напа́рю и пива наварю,
— Гостей зазову и гостей накормлю,
— И пойдутъ гости будутъ благодарить:
— Благодаримъ Микула Селя̀ниновъ. —
Такъ ёнъ какъ бросилъ сошку въ ракитовъ кустъ,
Улетѣла сошка подъ о́болоко,
Потомъ упала въ ракитовъ кустъ,
Сошка была двѣнадцать пудъ.
И поѣхалъ съ нимъ городовъ смотрѣть,
А су́лова кобылка пѣшо́мъ идетъ,
А Вольгѝнъ конь пробѣгиваетъ,
А су́лова кобылка во рысь идетъ,
А Вольгѝнъ конь и гнаться не могъ.
Остался Вольга̀ середѝ лѣса,
Колпако́мъ махалъ, голосомъ кричалъ:
«Не оставь меня, Микула Селя̀ниновъ,
«Не оставь меня середи лѣса».
А ёнъ скажетъ: «Кабы моя кобылка конемъ была,
«Моей кобылкѣ цѣны не было».

Записано на Леликовѣ, 4 іюля.

Digitized by Google

132.

ДОБРЫНЯ [1]).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ старой Пермятъ Васильевичъ
Имѣлъ жену Катерину Микуличну.
Пріѣзжалъ къ ней гость любимыій
Добрыня Микитиничь
У воротъ стучится, колотится,
Выбѣгала тутъ дѣвка поваренка,
Поваренка и челя́динка,
Сама говоритъ таково слово:
«Кто у воротъ стучается?
«У насъ стараго Пермята въ домѣ нѣтъ,
«Ушолъ къ обѣднѣ къ божественной».
Услыхала тутъ Катерина Микулична
И бьетъ она дѣвку правóй рукой по лѣву́ лицу:
— Не твое дѣло гостей отказывать,
— А твое дѣло шти кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить да казаковъ кормить. —
Запускала тутъ Добрыню Микитича,
Сѣли оны играть во шахматы.
Разъ игралъ, Катерину пóигралъ,
Другой игралъ, Катерину пóигралъ,
А третій разъ Катерина ступить не даетъ.
Говоритъ Катерина Микулична:
— Не могу смотрѣть на твою́ красу,
— Мое бѣлое тѣло ходунóмъ ходитъ,
— Тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ,
— Полны чóботы воды натекли.
— Ложись-ко ты Добрыня на кроваточку. —

---

1) Здѣсь Добрыня, вѣроятно по обмолвкѣ, поставленъ на мѣсто Чурилы Пленковича.

Digitized by Google

И сталъ тутъ Добрыня попихивать,
Тесовая кроваточка поскрипывать.
А тутъ услыхала дѣвка поваренка,
Проходитъ въ эту теплую горницу,
Сама говоритъ таково слово:
«Схожу я къ старому Пермяту Васильевичу,
«Скажу, что есть у тебя гость немилыій».
Проговоритъ Добрыня Микитинцъ:
— Не ходи-тко ты дѣвка къ Пермяту Васильевичу
— Вотъ тебѣ дѣвка кося́къ камки,
— Въ золотѣ камочка не погнется. —
На то дѣвка не позáрилась,
А сходила она во Божью́ церкву,
Сказала старому Пермяту Васильевичу:
«Есть у тебя дома не милый гость
«Занимается съ Катериной Микуличной».
Не достоявши Пермятъ обѣдни, домой пошолъ,
Бралъ онъ въ руки саблю вострую,
Отрубилъ Добрынѣ буйную голову.

Записано тамъ же, 4 іюля.

133.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Какъ во славномъ во́ гради во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице почестенъ пиръ.
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Тотъ хвастаетъ тѣмъ, иной инымъ,
Умной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Добрымъ конемъ да отцемъ матерью,

Digitized by Google

А безумный хвастатъ молодой женой.
А тутъ солнышко Владиміръ
Самъ да поросхвастался:
«Кто бы со мной билъ во великъ закладъ
«Скакать отъ города отъ Кіева,
«Отъ Кіева до города Чернигова,
«Между тѣми частыми межу лебедами,
«Межу тою обѣдней завтреницей,
«А перескóку-то было да ровно триста верстъ».
Выставалъ тутъ Иванушко Гостиный сынъ
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Самъ говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Я съ тобою бью во великъ закладъ
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова
— А перескоку было ровно триста верстъ. —
Тутъ проговоритъ Владиміръ князь столенъ-кіевскій:
«У меня-то у князя есть триста жеребцовъ,
«Триста жеребцовъ и три жеребца.
«Кологривый жеребецъ и сивогривый живобецъ
«Есть младыій косматыій бурушко.
«А у тебя Иванушка Гостиный сынъ
«На коемъ-то черти буде повыѣхать?»
Не досидѣвши Иванушка въ пиру домой пошолъ
Не проходитъ онъ во гридни во столовые,
А проходитъ въ конюшенку стоялую
Ко своему-то косматому ко бу́рушку,
Кланялся ему во правую во лѣвую во ноженку:
— Былъ я у́ князя на пи́ру.
— Въ пьяномъ разумѣ поросхвастался
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова,
— Между тыма частыма между ле́бедами.
— Между тою обѣдней за́втреницей,
— А перескоку-то будетъ да ровно триста верстъ. —

Digitized by Google

Насыпалъ тутъ свому косматому бурушку
Пшены бѣлояровой,
Наливалъ ему питьица медвянаго,
Проходитъ во гридни во столовыи,
Во свою во теплую спаленку.
Тутъ Иванушку не очень спится,
Подушечка въ головахъ вертится.
Ставалъ онъ поутру ранёшенько,
Умывался онъ бѣлёшенько,
Одѣвалъ онъ сапожки на ножки
Зеленъ сафьянъ а носы востры,
Около пяты яичко кати,
А подъ пяту воробей пролетитъ.
Сталъ онъ латиться, булатиться,
Булатиться, кольчужиться,
Прошолъ онъ во конюшну стоялую,
Сталъ онъ сѣдлать своего бурушка,
Надѣвалъ онъ шубу соболиную,
Надѣвалъ онъ шапочку собольюю
Пушисту и ушисту,
Ушисту и завѣсисту.
Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать,
А сзади съ-подъ шапки шеи бѣлоей.
Повелъ онъ своего косматаго бурушка
За поводы шелковыи,
Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучивалъ,
За соболиную шубоньку покусывалъ,
По цѣлому соболю выдёргивалъ,
Провелъ онъ своего косматаго бурушку
Ко князю ко Владиміру,
Привязывалъ онъ ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольцу да къ золоченому,
Проходитъ онъ ко князю ко Владиміру,
Молится Богу по писаному,

Digitized by Google

Поклонъ ведетъ по учёному
На вси на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты стольне Владиміръ князь, полно спать, пора́ вставать,
— Закладніи заповѣди пора выполнить. —
Выставалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы мои конюхи придворныи,
«Гоните-тко вы триста́ жеребцёвъ и трехъ жеребцёвъ».
Тутъ скоро конюхи пригнали триста жеребцёвъ и трехъ жеребцевъ
Кологрива жеребца и сивогрива живобеца
И младаго косматаго бурушка,
Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ
На тѣхъ триста́ жеребцевъ.
Кологривый жеребецъ ископытился,
Сивогривой жеребецъ обнаричился [1]),
А младый косматый бурушко хвостъ заскалъ да въ поле ускалъ,
Въ теремахъ верхи пошатались,
И на столахъ пи́тья росплескались,
А тутъ князи бояра тутъ вси мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь ходитъ раскаракою,
Соболиной шубой укрывается,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Иванушко Гостиный сынъ!
«Веди-тко своего косматушка бурушка съ моего двора,
«Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ».
Только-то они и ѣздили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

---

1) Захромалъ.

Digitized by Google

134.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова,
Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разъѣхались по пустымъ пусты́нямъ
И по всѣмъ монасты́рямъ,
Всѣ становились по кры́лосамъ
И всѣ поютъ «Господи́ Боже».
Одна Софеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать «Господи́ Божи»
А втыпоры сказала: «Васильюшко подвинься сюды».
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На дру́гую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеи наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
«Ты Васильюшко пей да Сафеи не да́вай,
«А Сафеюшка пей Василью не давай».
А Васильюшко пилъ и Сафеи подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретиво́ сердце щемитъ.
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Сафею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипари́чно дерево́,

Digitized by Google

А Сафеѣ выростала золота верба,
Они вмѣсто вершочками свивалися,
И вмѣсто листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то наплачется,
А младыій идетъ надивуется,
А малый идетъ-то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXIV.

СТЕПАНИДА НЕКЛЮДИНА.

Степанида Кононовна Неклюдина, дочь Конона Савиновича Неклюдина съ Зяблыхъ Нивъ, славившагося во всемъ околоткѣ сказителя, о которомъ слыхалъ и г. Рыбниковъ (см. т. III, стр. XXVIII). Ей лѣтъ подъ 50, она, какъ незамужняя дочь, живетъ на отцовской осѣдлости, на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской волости. Помнитъ она былины плохо, но когда слышала, какъ пѣли другіе, именно Аксёновъ, Сурикова и Дутиковъ, то нерѣдко припоминала, какъ пѣвалъ то или другое мѣсто ея отецъ, и ихъ поправляла или дополняла.

135.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Въ стольнѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владыміра,
Былъ то у него почéстенъ пиръ
На многихъ на князей на бóяровъ,

Digitized by Google

На русьскіихъ могучіихъ богáтыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцемъ матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сидитъ-то онъ не ѣстъ не пьетъ,
Не ѣстъ не пьетъ ничѣмъ не хвастаетъ.
Сгóворитъ Владыміръ стольно-кіевской:
«Душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Что же ты сидишь не ѣшь не пьешь,
«Не ѣшь не пьешь не кушаешь,
«Бѣлыя лебеди не рушаешь?
«Мѣсто ли было тебя не пó люби,
«Хлѣбъ да соль не пó души,
«Цярой тебя поóбошли
«Пьяница не надсмѣялась ли?»
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сгóворитъ онъ князю Владыміру:
— Нецѣмъ мнѣ-ка-ва похвастати
— Мѣсто мнѣ-ка по люби
— Хлѣбъ да соль мнѣ-ка по души,
— Пьяница не надсмѣялася.
— Лучше станемъ во великъ закладъ:
— Я пробью свою буйну́ голову,
— Ты пробей казны своей,
— Казны своей сорокъ тысящей. —
Сгóворилъ Владыміръ князь стольне-кіевской:
«Ужъ ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Во хмѣлю дѣтина призахвастался,
«Не на комъ тебѣ повыѣхать
«По широкому роздолью розгуливати».
Скоро пописали письма крѣпкіи,

Digitized by Google

Приложили тутъ и ручки бѣлыя,
Ѣхать имъ на добрыхъ коняхъ
Межъ обѣдней и межъ завтреней,
Межу частыма молебнама,
Кó тому ко городу ко Чернигову.
И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ.
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Крест-отъ клалъ по писáному,
Поклоны велъ по учёному,
На вси на четыре на сторонушки,
Князю Владыміру въ особину.
Приходитъ къ полаты бѣлокаменноей,
Заходитъ онъ на широкій дворъ,
Отворяетъ конюшню бѣлодубову,
Палъ ёнъ въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную:
— Ай же ты мой добрый конь!
— Былъ я севодня на честнóмъ пиру,
— Пробилъ я севодня буйну́ю голову̀.
— Можешь ли ты меня вы́ручити,
— Мою бу́йную головку повы́купити? —
Сгóворитъ ему добрый конь,
Сгóворитъ голосомъ человѣчьимъ:
«Ай же ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Князя Владиміру къ стыду приведу,
«Братца своего, его пóстрамлю,
«Твою буйную голову повыкуплю».
Взялъ ёнъ за поводы за шéлковыи,
За пóдбраздьё за серéбряно
Приводитъ ко тому и ко князю Владиміру,
Приводитъ его на широкій дворъ,
Тутъ сидятъ князи бóяра.
Сталъ онъ пó двору похаживать,
Добраго коня сталъ поваживати.

Digitized by Google

Добрый конь сталъ за шубку похватывать
По черному соболю выдéргивати.
Тутъ сидятъ князи бояра,
Сгóворятъ тутъ князи бóяра:
— Глупый душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортилъ шубу твой добрый конь. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ таково слово:
«Стоитъ эта шубка мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей,
«Живъ я бывалъ, шубку держивалъ,
«Живъ я буду шубку сдѣлаю въ тысящу».
Приходитъ въ полату бѣлокáменную
Кó тому ко князю ко Владыміру,
Крест-отъ клалъ по писáному,
Поклоны велъ по учéному,
На вси на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Время намъ ѣхать на добры́хъ коняхъ
«Кó тому граду ко Чернигову,
«Межу частыма молебнама,
«И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ».
Зóвопилъ Владыміръ стольне-кіевской:
— Подьте-тко вы мои конюхи,
— Подьте вы на конюшій дворъ,
— Выбирайте-тко мои конюхи
— Тридцать жеребцёвъ, да трехъ жеребцевъ,
— Сивогрива жеребца, кологрива жеребца,
— Маленька полонéнаго воронка,
— Нá него надѣя великая. —
Душка Ивана Гостинаго
Зáржалъ ёго добрый конь,
Князя Владыміра во конюшенки
Вси ты кони мертвы лежатъ:

Digitized by Google

Сивогривый жеребецъ ископытился,
Кологривый жеребецъ на колѣнка палъ,
Маленькій полоненый воронкé
Голову заляцилъ, хвостъ заломилъ,
Хвостъ заломилъ, черезъ Пучай рѣку скочилъ,
Въ чисто поле ушолъ.
Ай же вы князи бóяра
Буде отдали сумма великая
Душкѣ Ивану Гостиному.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

136.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА[1]).

Со того ли города со Крякова,
Отъ того ли отъ села да отъ Берёзова,
Поѣзжалъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
На зеленое на затресье
Стрѣлять да гусей лебедей,
Малыихъ перелетныихъ утушекъ.
Онъ не стрѣлилъ ни гуся ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утёнуша.
Показалось это ему за досадушку,
Увидалъ онъ на сырóмъ дубу черна ворона:
«Я подстрѣлю черна вóрона на сырóмъ дубу,
«Спущу его тушу о сыру землю,
«Распущу его перья по чисту́ полю».
Провѣщится птица вѣщая воронъ черныи:
— Старця убить не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить не корысть залучить.

---

1) По словамъ Кононовой, эта былина обыкновенно поется хоромъ, въ четыре или пять голосовъ, весьма жалобнымъ напѣвомъ.

Digitized by Google

— Подъѣзжай Лука Петровичъ королевской сынъ
— Во да́лече, дале́че во чисто́ поле,
— Во чисто́мъ полѣ теби буде Божья́ помочь. —
И нашолъ онъ во чисто́мъ полѣ татариновъ.
Ударили они въ сабли острыи,
Въ сабли вострыи, до обуха притупилися.
Ударили они въ палици булатныи,
У нихъ палици въ рукахъ да нагибалися.
Ударили они рукопашкою, —
Сбилъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Татарина да онъ во сыру́ землю,
Сталъ татарину на бѣлы груди,
Заздынулъ ножище выше го́ловы.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего̀ ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки
«Звеличаютъ тебя да по оте́честву?»
— Кабы я бы былъ да на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— Не спрашивалъ бы я твоей родины,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Вынималъ бы сердце со пе́ченью. —
Заздынулъ ножище на второ́й на конъ.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ, не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки,

Digitized by Google

«Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
— Когда сталъ ты меня выспрашивать
— Я стану тебѣ розсказывать:
— Со того ли города со Крякова,
— Отъ того села да отъ Березова,
— По имечки меня зовутъ Васильюшкомъ,
— По отечеству я Петровъ-тотъ сынъ. —
Скочилъ Лука Петровичъ на рѣзвы́ ноги,
Еще бралъ-то братца за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста да во сахарніи,
Повезъ-то онъ его да въ свою сторону,
Ко своёй-то ко родители ко матушкѣ
Ко честной вдовы Настасьѣ Александровнѣ.
Приходи во полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ клалъ по писа́ному,
Поклоны-то велъ по учёному,
На всѣ на три на четыре сторонушки,
Своей матушкѣ бьетъ въ особину:
«Здравствуй матушка честна вдова
«Честна вдова Настасья Александровна!
«Я привезъ теби съ поля гостя любимаго.
«Составляй-ко ему ѣствушки сахарныи,
«Напиточки полаживай медвяныи».
— Ахъ ты чадо мое милое
— Варила бы я этимъ гостямъ смолу вареную
— И толкла бы имъ версту[1]) толченую.
— Тому времячки есть двѣнадцать лѣтъ
— Увезли у меня сына Василья Петровича троемѣсячна. —
«Пойдемъ-ка родитель матушка,
«Не татарина привезъ тебѣ съ чиста́ поля, —
«Братца родимаго, твоего-то сына любимаго».

1) Каменье.

Digitized by Google

Подвелъ къ столбу каменному,
Потомъ показывалъ сына любимаго,
Сдѣлали здоровье плотнехонько.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

137.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ[1]).

Отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ,
Отъ зимы наставала весна красная,
Отъ весны наставало лѣто теплое,
Отъ теплаго лѣта наставала осень богатая.
Цари-то живутъ наши по царствамъ,
Воеводы-то живутъ по уѣздамъ,
Попы дьяки живутъ по погостамъ,
Крестьне живутъ по деревнямъ,
Бобыли сироты вкругъ тыхъ же,
Чтобы было братцы про то вѣсто,
Старóй бабы на печи бы мѣсто,
А подъ носомъ крынка съ тѣстомъ,
Чтобъ она лежала не ворчала.
Изъ моря мóря со дунайскаго моря,
Прилетала малая птица пѣвица,
Садилася на деревцо калиново.
Прилетали тутъ русьскіи птицы,
Садилися они вси по коламъ,
Садилися они вси по изгородки,
Вдоль по зеленыя дубровкѣ,

---

1) Нѣкоторые стихи въ этой «старинкѣ» подсказывалъ Дутиковъ (XXIII).

Digitized by Google

Учали жупѣть и говорити,
Какъ младъ соловей щекотати,
А русьскаго голоса являти.
Кто у насъ на морѣ больше,
Кто у насъ на морѣ меньше.

Зелéнъ птица на морѣ надлетникъ,
Зуй на морѣ поваръ,
Клевецъ на морѣ плотникъ,
Колзанъ на морѣ поддеверье,
Витлюкъ ключникъ язычникъ,
Жаворонокъ земскій
То-есть очищикъ деревенской,
Пава на морѣ гостья богата,
Павины жонки торговки,
Пѣтухи козаки донскіе
То наши молодцы удалые,
Держитъ куръ по двѣ и по три,
И держитъ по цѣлому десятку,
И всихъ онъ наряжаетъ
И вси его боятся.
Не такъ какъ на Руси крестьяне:
Одной баженой женки
И той нарядить не умѣютъ.

Сорока на морѣ кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,
Удалыхъ молодцовъ примѣчала,
То себи честь залучала.
Ворóна на морѣ пупорѣзная бабка.
Журавь на морѣ вытегорскій,
То пономарь монастырскій:
Въ бóльшой колоколъ ударитъ,
Завтракать обѣдать кличетъ.

Digitized by Google

Побѣдная птица курица—
Кто ее во дворѣ поймаетъ,
Всяка въ ней жопу покопаетъ,
Яйца добываетъ,
Зятю свѣту запасаетъ,
Отъ зятя свѣта честь залучаетъ.

Сѣрый волкъ овчинникъ,
По многу овецъ съѣдаетъ,
А шубу себѣ не видаетъ,
По закустошью ночуетъ,
Надѣется на свою на теплую шубу.
Старый медвѣдь кожемяка,
По многу кожъ сминаетъ,
А порткёвъ на ногахъ не видаетъ.
Кошечка вдовица
Та сирота бобылица,
День она по печамъ,
Ночь она по добычамъ:
Молосны крынки ломаетъ.
За то и бьютъ безпощадно.
Собака на мори свекрова,
Много она бранится,
Никто ея не боится.
А лисица на мори молодица:
Долгій хвостъ да не ступитъ,
Сдѣла вину да не скажетъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

XXV.

ДОМНА СУРИКОВА.

Домна Васильевна Сурикова, крестьянка дер. Конды Сѣнногубской волости, вдова лѣтъ 40, раскольница. Былины, которыя она поетъ очень складно и отчетливо, хотя слабымъ дребезжащимъ голосомъ, она переняла отъ стариковъ, между которыми особенно отличался Кононъ съ Зяблыхъ-Нивъ. Пѣть съ такою разстановкою, чтобы можно было записать былины съ «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также пѣла стихъ про царя Соломона, извѣстный по изданію г. Рыбникова.

138.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Рѣки-то озера ко Новуго́роду,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки роздо́лья ко О́пскому,
Темныя лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусало́лиму.
Матушка Казань подошла подъ Острохань:
Устьемъ выпадала во Черно́ море,
Въ тое ли во морюшко во Черное.
Собирается, сподобляется,
Справляется царь Ка́лина
Ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Что царя со царицей во полонъ обрать,
А душеньку царевну въ замужеству.
Сбиралъ свою силу по три году,

Digitized by Google

Собралъ силы и смѣты нѣтъ.
Приказалъ своей силы великоей
Въ одно мѣсто бросить по камешку,
Стала гора превеличающа:
Только силы, что смѣты нѣтъ.
Подходитъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
Становилъ свою силу въ чисто́мъ поли,
Повыбралъ онъ лучше татаревьевъ,
Посылае къ стольнему городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру:
«Подите мои князи бо́яра,
«Мои послы царя Ка́лина!
«Подите ко стольнему городу ко Кіеву,
«Къ ласкову князю Владиміру,
«Не спросите у дверей придверниковъ,
«У воротъ не спросите приворотниковъ,
«Отпирайте вы двери на́ пяту,
«Положите конвертъ на золоченый столъ,
«Пословесно ему выговаривайте
«Ласкову князю Владиміру:
«Чтобы́ были улици опаханы,
«Чтобы́ были дворы очищены,
«Тыи бъ дворы богатырски,
«Тыи бы полаты княженецки,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Калину,
«Чтобы было гдѣ стоять намъ князьямъ боярамъ».
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ,
На всихъ на князей на бояровъ,
На русскіихъ могучихъ бога́тыревъ.
Красное соньце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на ве́сели.
Вси на пиру пьяны веселы.
Зъ-за того стола за дубоваго

Digitized by Google

Выходитъ Владиміръ стольне-кіевской,
Ёнъ имъ бьетъ челомъ поклоняется:
— Вы русскіи могучіи богатыри:
— Пособите мни дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ со царицей во полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выскочилъ Алешенька Поповичъ тотъ сынъ.
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольняго города Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра,
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіе богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выскочилъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольнаго града Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіи богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?

Digitized by Google

— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Послыхай мене стараго каза́ка Илью Муромца
«Положи на мису красна золота,
«На другу чистаго серебра,
«На третью скатнаго жемчуга.
«Заложи коляску княженецкую,
«Меня-то возьми во запятнички,
«Съѣздимъ въ далече во чисто поле,
«Свезем къ царю Калину дороги подарочки,
«Времени упросимъ на два мѣсяца:
«Чтобы было когды улицы опахивать,
«Чтобы было когда дворы очищивать,
«Тыи бы дворы богатырскіи,
«Тыи бы полаты княженецкіи,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
«Было бы стоять гдѣ князьямъ боярамъ».
Послухалъ Владиміръ стольне-кіевской
Стараго казака Илью Муромца
Положилъ на мису красна золота,
На другу чистаго серебра,
На третью скатнаго жемчуга,
Заложилъ коляску княженецкую,
Илью Муромца взялъ въ запятнички,
Поѣхали въ далече во чисто поле,
Свезли царю Ка́лину дороги подарочки,
Времени упросили на два мѣсяца:
Чтобы было когды улицы опахивать,
Чтобы было когда дворы очищивать,

Digitized by Google

Тыи бы дворы богатырскіи,
Тыи бы полаты княженецкіи,
Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
Чтобы было гдѣ стоять князьямъ боярамъ.
Собрались тутъ русьскіи могучіи богатыри,
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Поповъ-тотъ сынъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Олеша во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ двадцати саженъ.
На деревце повѣсилъ одну кисточку,
Одну кисточку повѣсилъ золоченую,

Digitized by Google

Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырскоей!
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Алеша во чистомъ поли,
На этой на заставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитиничъ
Во далече далече во чисто поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ потеси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Добрыня во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ тридцати саженъ
На деревце повѣсилъ двѣ кисточки,
Двѣ кисточки повѣсилъ золоченыи

Digitized by Google

Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Добрыня во чистóмъ поли
На той ли на зáставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется старый казакъ Илья Муромецъ
Во дáлаче далéче во чистó поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ пóтеси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Илья во чистó поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ сорока саженъ,
На деревце повѣсилъ три кисточки,
Три кисточки повѣсилъ золоченыихъ,

Digitized by Google

Не ради красы басы угожества,
Для ради пристрашки богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Илья Муромецъ въ чистóмъ поли,
На этой на зáставы великоей.
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Собрались двѣнадцать богатыревъ
На эту на заставу великую.
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
Енъ по городу похаживатъ,
Куньей шубой окрывается.
У стольняго у города у Кіева
Хлѣба трёснутъ ѣсть-é кому,
А за Кіевъ градъ пóстоять некому.
Съ того царева со кáбака
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныихъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ай ты мой крестный батюшко!
— Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
— Поѣду въ дáлече во чистó поле
— На эту на зáставу великую. —
Спрогóворитъ князь стольне-кіевской:
«Ты, младый вьюношъ, перéрвешься,
«Не будешь впередъ ты богатыремъ».
— Дашь коня, крёстный батюшка,
— Я поѣду во чистó поле;
— А не дашь коня, я пѣшомъ пойду. —
Владиміръ стольне-кіевской
Онъ давалъ ему добра коня.
Скочилъ Ермакъ на добра коня,
Не на сѣдланаго, не на узданаго,
Только вид'ли добра молодца сядуци,

Digitized by Google

А не вид'ли во чистó поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую
Къ тому къ дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому каменю къ Олатырю,
Оставилъ коня непривязанаго.
Пришелъ Ермакъ во бѣлъ шатеръ
Къ тому Ильи, Ильи Муромцу,
Сидятъ двѣнадцать богатыревъ
Играютъ въ шашки въ шахматы заморскіи.
Спрогóворитъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Во томъ во городѣ Кіевѣ
— Хлѣба трёснуть ѣсть é кому,
— А за Кіевъ градъ пóстоять некому. —
Спрогóвори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Поди-тко младый Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Повыстань, поди, во сырой дубъ,
«Считай-ко силу по знаменью,
«Погляди на силу великую:
«Ужо ли сила на ходъ пошла?»
Повысталъ Ермакъ во сы́рой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую,
А тамъ сила на ходъ пошла.
Скочилъ Ермакъ со сырá дуба
Садился Ермакъ на добрá коня,
Съѣхалъ въ силу великую.
Сидѣли богатыри въ бѣломъ шатрѣ.
Спрогóвори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Сходи-тко Добрыня во сы́рой дубъ:
«Не упалъ ли Ермакъ со сырá дуба?»
Пришолъ Добрыня во сырой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую.

Digitized by Google

Тамъ не ясный соколъ полетываетъ,
Не черный воронъ попурхиваетъ,
Поскакивалъ удáлой добрый молодецъ
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Пришолъ Добрыня со сыра дуба,
Къ Ильѣ Муромцу пришолъ во бѣлóй шатеръ:
— Ай же вы русскіе могучіе богатыри!
— Ѣзди въ силы великоей
— У насъ не ясный соколъ полетываетъ,
— Не черный воронъ попурхиваетъ,
— Поскакивае удалой добрый молодецъ
— Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ. —
Спрогóвори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Вы русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь богатыри на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговаривайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати.
«А онъ младый вьюношь перервется,
«Не будетъ впередъ онъ богатыремъ».
А тутъ русскіе могучіи богатыри
Брали храпы желѣзныи
Накидывали на плечи могутніи
Мла́дому Ермаку Тимоѳеевичу,
Пословесно ему выговаривали:
— Младый вьюношь перервешься
— Не будешь впредь богатыремъ.
— Ай ты младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Дай намъ хоть пообѣдати. —
Тутъ русскіе могучіи богатыри

Digitized by Google

Вывели съ силы съ великой
Младаго Ермака Тимоѳеевича.
Заѣхалъ который отъ Новáгорода,
Который отъ Бѣлáозера,
Который заѣхалъ отъ Кіева,
Который заѣхалъ отъ Еросóлима
Всю прибили силу великую.
Тутъ въ одно мѣсто богатыри съѣхались,
А тутъ они поросхвастались:
«Кабы бы́ла на небо лѣстница,
«Мы прибили бы мы всю силу небесную».
А тутъ у́бьютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,
Остался одинъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Спрогóвори князь стольне-кіевской:
— Ай ты любимый мой крестничекъ!
— Чимъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
— Мызами тебя, али дачами,
— Али жаловать тебя золотой казной? —
А спрогóвори младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ай ты крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ кáбакѣ,
«Пить пивцё-винцё безденежно».

Записано тамъ-же, 4 іюля.

Digitized by Google

139.

ДУНАЙ.

У стольнаго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра,
Было̀ пированье почестенъ пиръ,
На вси на князи, на бóяра,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на вéчери,
Почестенъ пиръ у нихъ на вéсели.
Вси на пиру пьяны вéселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́датью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
Кто ли конима добрыма,
Кто ли платьями цвѣтныма,
Изъ-за того стола зъ-за ду́бова,
Зъ-за того пиру̀ зъ-за почóстнаго,
Выходи Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай же вы князи, кня́зи бóяра,
— Всѣ русьскіе могучіе бога́тыри!
— Вси вы на пиру принакóрмлены,
— Вси вы на пиру принапоены,
— Вси вы на пиру пьяны веселы,
— Вси вы на пиру испоженены,
— Я у васъ одинъ холостъ нéженатъ.
— Дайте вы мнѣ супротивную

Digitized by Google

— Чтобы станикомъ она была ровнёшенька,
— Ростомъ была высокёшенька,
— Очи бы были́ ясна со́кола,
— Брови бы были черна соболя,
— Чтобы тѣло было снѣгу бѣлаго,
— Волосомъ желта, и умо́мъ сверста̀. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выходитъ сильнёй Дунай Ивановичъ,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я тебѣ знаю супротивную.
«Е во земляхъ Ляховинскіихъ
«У ко́роля Микулы Ляховинскаго,
«Е у него дви до́чери:
«Больша дочь Настасья Микулична
«Ѣзди въ чистомъ поли, полякуетъ.
«Меньша дочь Опраксія Микулична
«За тридевять сидитъ за за́мочками
«За тридевять сидитъ за сторожочками».
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
— Достаньте вы Опраксію Микуличну
— Русьскіе могучіе бога́тыри. —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Дай ты мнѣ во това́рищи
«Хоть мла́даго Добрыню Микитьевича.
«Пишите письма скорописчаты
«О добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ,
«Сѣдлайте уздайте добры́хъ коней».
Дали ему во товари́щахъ
Мла́даго Добрыню Микитьевича,
Писали письма скорописчаты
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
Сѣдлали уздали добрыхъ коней,

Digitized by Google

На коней клали попу́тники,
На попутники клали наметники,
На наметники сѣделышка черкасскіи,
Вид'ли добрыхъ молодцовъ сѣдучи,
А не вид'ли во чисто поле поѣдучи.
Не воротами мо́лодцы поѣхали, —
Ихъ добры кони черезъ стѣну скочили городовую,
Поѣхали дорогамы не окольныма,
А поѣхали дорогамы прямоѣзжима.
Скоро скажется, а тихо дѣется.
Пріѣхали въ земли ляховинскіи,
Къ ко́ролю Микулѣ Ляховинскому.
Ёнъ оставилъ Добрыню середи́ двора.
Во лѣво́й рукѣ два по́вода шелковыихъ,
Держитъ два ко́моня до́брыихъ,
Во право́й рукѣ дубинка вязовая.
А Дунай пошолъ на высо́къ теремъ,
Пришолъ Дунай на высокъ теремъ
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на́ три на четыре на сторонушки,
А ко́ролю Микулѣ въ особину:
«Здравствуй король земли Ляховинскія!»
Спрого́вори король земли Ляховинскія:
— Ай же вы горланы святорусскіе!
— Зачѣмъ же пріѣхали на королёвскій дворъ?
— Безданно заѣхали безпошлинно? —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ!
«Заѣхали мы на королевскій дворъ
«Хоть безданно, заѣхали безпошлинно,
«О добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ».
Кладывае письма скорописчаты,
На столики ёнъ на дубовые,
Спрого́вори король земли Ляховинскія:

Digitized by Google

— Хоть вы пріѣхали о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
— Я за ваши рѣчи неумильныя
— На годъ тебя кладу въ конюхи,
— На дру́гой кладу тебя во по́вары,
— А на третій кладу въ по́гребы глубокіи,
— Желѣзной дощечкой призадвину тебя,
— Пропитомство кладу овса́ съ водой.
— Пусть-ко Дунай воспотѣшится,
— Ума разума въ головку побирается. —
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку,
Утопилъ свои ясныя очушки
А въ тыи столики дубовыи,
Въ тыи мосты во кленовыи,
Здынулъ свою бѣлую ручушку,
Ударилъ кулакомъ во столики.
Тутъ столики вси порозсыпались,
Крыльца перильца покосились.
Король по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой окрывается:
— Ахъ ти ми́ ребята на бѣду попалъ,
— Ахъ ти ми́ ребята на великую:
— Не знаю какъ съ бѣдою розвязатися? —
Прибѣжали слуги его вѣрныи
Съ его двора королевскаго:
«Король земли Ляховицкія!
«Ты ѣшь пьешь похлаждаешься,
«А надъ собою невзгоды не вѣдаешь.
«На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
«Не ясный соколъ полетываетъ,
«Не черный воронъ попурхиваетъ:
«Поскакивалъ удалый добрый молодецъ.
«Въ лѣвой руки два повода шелковыихъ
«Держитъ два ко́моня добрыихъ,
«Во правой руки дубинка вязовая,

Digitized by Google

«Полна дубина свинцу на́лита.
«Енъ куды махнéтъ, падутъ у́лицама,
«А о́тмахнетъ — переулкама,
«Крупныхъ татаръ убилъ сорокъ ты́сячей,
«А мелкимъ татаришкомъ тымъ и смѣты нѣтъ.
«Не оставилъ татаришекъ на сѣмены».
Король земли Ляховинскія
Ёнъ по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой укрывается:
— Бѣжите слуги мои вѣрныи,
— Отом(к)ните тридевять замочики,
— Ведите Опраксію Микуличну,
— Мойте Опраксію бѣлешенько,
— Сокрутите ю хорошохонько,
— Посадите ю на добра коня,
— Отпустите въ земли Святорусьскіи. —
Сходили слуги его вѣрныи,
Отом(к)нули тридевять замочики,
Взяли Опра́ксію Микуличну,
Мыли тутъ Опраксію бѣлешенько,
Сокрутили ю хорошонько,
Посадили ю на добра коня,
Отпустили въ земли Святорусьскіи.
Въ томъ во чисто́мъ полюшки
Сустигла ихъ темная ночушка.
Бѣлъ они шатёръ роздернули и спать легли.
Въ головы клали саблю вострую,
Возли себя копье́ мурамецкое,
Въ ноги палицу булатную.
Вставае сильнёй Дунай Ивановичъ,
По утрушку вставае ранёшенько,
Выходи на путисту дороженку,
Тамъ ѣде поляница удалая,
По колѣнъ въ землю конь угрязываетъ.

Digitized by Google

Прибѣжалъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Вставай Добрыня Микитьевичъ!
«Садись Добрыня на добра коня,
«Поѣзжай ты въ земли Святорусьски,
«Вези Опраксію Микуличну,
«Скажи поклоны, челомъ-битьице,
«Всему городу Кіеву,
«Ласкову князю Владиміру.
«Ащé ль я живъ буду, поѣду за поляницей за удалою».
Съѣхались съ поляницей они съ удалою,
Начали биться тутъ ратиться.
Ударились пáлицами булатныма,
Палицы до рукъ приломáлися.
Ударились копьями мурамецкима,
Копейца въ одно́ мѣсто свивалися.
Ударились саблями вострыма,
Сабли до рукъ притупилися:
Боле нечѣмъ биться ратиться.
Стали биться боемъ кулачныимъ,
Ёнъ побилъ поляницу удалую:
Не самъ ёнъ побилъ, ему Богъ пособилъ.
Вынялъ съ ножни́ свой вострый ножъ,
Хоть пластать ёй бѣлу грудь.
А груди мяки по женьскому.
Сталъ у нёй тутъ и выспрашивать:
«Скажи поляница удалая!
«Какой ты орды и какой земли?»
А говори́тъ поляница удалая:
— Я кабы сидѣла на твоихъ грудяхъ,
— Пластала бы твои груди бѣлыя,
— Не спрашивала бы ни какой орды ни какой земли.—
Говоритъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Не стану я пластать твоихъ бѣлыхъ грудь,
«Только скажи ты какой орды, какой земли?»

Digitized by Google

— Коли ты сталъ у меня выспрашивать,
— Я тебѣ буду высказывать:
— Я есть земли Ляховинскоей,
— Короля Микулы Ляховинскія
— Бóльша дочь Настасья Микулична.
— Пріѣхали горланы святорусьски,
— Увезли мою сестрицу родимую. —
Спрогóвори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья Микулична!
«Сядемъ-ка, пойдемъ на добрыхъ коней
«Поѣдемъ-ко къ стольнёму граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Станемъ мы креститься молитвиться,
«Сходимъ мы съ тобою во Божью церковь,
«Примемъ мы съ тобою золоты вѣнци».
Здымалъ ю за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни злаченыи,
Посадилъ Настасью на добра коня,
Поѣхали они тутъ во Кіевъ градъ.
Настасья Микулична во Божью церковь,
Апраксія Микулична съ Божьёй церкви.
На церковномъ крыльцѣ они встрѣтились,
Тутъ они поздоровались,
Сходили тутъ они во Божью церковь,
Приняли тутъ они золоты вѣнци,
Жили они тутъ и три годы.
Тутъ князь Владиміръ кіевской,
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяровъ,
На русьскихъ могучихъ богатыревъ.
Красно солнце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на весели,
Вси на пиру пьяны веселы.
Спрогóворитъ сильнёй Дунай Ивановичъ:

Digitized by Google

«Я-ка въ зе́мляхъ Ляховинскіихъ
«Какъ самъ женился, да царя женилъ,
«Вытащилъ двѣ бѣлыя двѣ лебеди».
А спрого́вори Настасья Микулична:
— Ай же ты сильнёй Дунай Ивановичъ!
— Хоть ты самъ женился да царя женилъ,
— Хоть ты вытащилъ двѣ бѣлыихъ лебеди;
— Много въ чисто́мъ поли ѣзживалъ,
— А не стрѣливалъ только стрѣлочки калёноей,
— А не попадывалъ въ колечко золоченое.
— Какъ я стрѣлю стрѣлочку каленую,
— Такъ я попаду въ колёчко золоченое,
— Не убью тебя во чисто́мъ поли.
— А тебѣ не стрѣлить стрѣлочки каленой,
— Чтобы попасть въ колечко золоченое:
— Ты у́бьешь Настасью Микуличну. —
Тутъ они пошли во чисто́ поле.
Настасья Микулична стрѣлила стрѣлочку каленую
Такъ попала въ колечко золоченое.
Тутъ она и расплакалась:
— Ай же сильнёй Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй стрѣлочки каленоей,
— Тебѣ не попасть въ колечко золоченое. —
Тутъ сильнёй Дунай Ивановичъ
Стрѣлилъ стрѣлочку каленую,
Не попалъ въ колечко золоченое,
Попалъ Настасьѣ Микуличнѣ въ бѣлы груди,
Убилъ Настасью Микуличну, расплакался:
«Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ пади и ясно́й соколъ».
Вынялъ зъ ножни́ свой вострой ножъ,
Поставилъ вострый ножъ на сыру землю,
Тупымъ концемъ во сыру землю,
Востры́мъ концемъ во бѣлы груди.
Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ протеки рѣка Черная,

Digitized by Google

А гдѣ сильныій Дунай, Дунай сынъ Ивановичъ,
Тутъ протеки матушка Дунай рѣка
От нынь и до вѣка.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

140.

СТАВЕРЪ.

У стольняго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра
Заводилось пированье, почéстенъ пиръ
На всихъ на князей, на бояровъ,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на вéчери,
Почестенъ пиръ у нихъ на вéсели.
Вси на пиру пьяны вéселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́далью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
За тымъ же столикомъ за дубовыимъ
Сидитъ молодой гость Черниговской,
Мóлодой Ставёръ сынъ Годиновичъ.
Не ѣстъ, не пьетъ ёнъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Ничѣмъ онъ молодецъ не хвастаетъ.
Подходитъ князь стольне-кіевской:
«Что ты молодый гость Черниговскій,
«Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ,

Digitized by Google

«Не ѣшь, не пьешь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь,
«Ничѣмъ ты не похвастаешь?»
Тутъ дородный добрый молодецъ
Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
На́ѣлся, напился, расхвастался.
— Чѣмъ мнѣ-ка молодцу хвастати?
— У меня у молода Ставра
— Сапожки на ножкахъ не держатся,
— Цвѣтныи платья не носятся,
— Золоты кареты не ломаются,
— Добрыи кони не ѣздятся,
— Вѣрныи слуги не старятся.
— А 'ще у меня у молода Ставра
— Есть-то жонка молодая.
— Всихъ князей бояръ обманула она,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
«Ты скажи молодой Ставеръ!
«Для чего сапожки на ножкахъ не держатся,
«Цвѣтное платье не носится,
«Зо́лоты кареты не ломаются,
«Добрыи кони не ѣздятся,
«Вѣрныи слуги не ста́рятся?»
— Кожу я куплю себи хорошую,
— Мастера у меня придворны:
— Сошьютъ мнѣ-ка-ва́ хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку по́держу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яры.
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— Оттого платьице у меня не носится:
— Суконце куплю хорошее,
— Мастера у меня придворны:

Digitized by Google

— Сошьютъ мнѣ-ка-вà хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку пóдержу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бóяры,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А оттого кареты не ломаются:
— Тыи кареты со двора пошли,
— А другіи кареты на готовый на дворъ придуть.
— Да съ того добры кони не ѣздятся:
— У меня кобылочки хорошія,
— Носятъ жеребчиковъ хорошіихъ.
— Я годъ держу, да другой держу,
— Сгоню же я на рыночекъ,
— Вамъ же продамъ, князи бóяра,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А 'ще ка у меня молода Ставра
— Есть-ка жонка молодая,
— Всихъ князей бояръ обманула ёнà,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
Тутъ его за хвастки великіи,
Тутъ его за рѣчи неумныя
Посадили въ погреба глубокіи,
Задвинули дощечками желѣзными,
Ворота засыпали песками желтыми,
Пропитомство клали овсà съ водой.
Остался у него мла́дый па́робокъ,
Одна дружинушка хорабрая.
Крестъ на лицѣ, съ терема́ долой.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Приходитъ къ городу Чернигову,
Идетъ ступае на высóкъ теремъ
Къ тоей Василисты Микуличной,
Крестъ кладé по писаному,

Digitized by Google

Поклонъ ведé по ученому.
У ёй Василисты Микуличны
Были забраны гостюшки любимыи.
Она ѣстъ, да пьетъ, кушаетъ,
Надъ собой невзгоды не вѣдаетъ,
Что не стало у нёй молода Ставра,
Посадили его въ пóгребы глубокіи.
Спроговори младоíй паробокъ:
«Ай Василиста Микулична!
«Ѣшь ты пьешь, да кушаешь,
«Надъ собою невзгоды не вѣдаешь,
«Что не стало у тебя молода Ставра.
«Посаженъ въ пóгребы глубокіи
«За его за хвастки великіи».
Спрогóворила Василиста Микулична:
— Подите вы гости по своимъ домамъ,
— Нынѣ мнѣ гости не до васъ пришло:
— Не стало у меня ясна сокола
— Молода Ставра сына Годиновича! —
Тутъ Василиста Микулична
Волосы подбрила по мужичьему,
Платья надѣла богатырскіи,
Сходила въ конюшечку во новую,
Взяла жеребчика неѣзжанаго.
Сѣдлала уздала добра коня,
Сѣделышко клала черкаское,
Положила стремянки булатныи,
Пряжки мѣди казанскоей:
Не для ради красы басы угожества,
А для ради закрѣпы богатырскоей
Сѣла она да поѣхала.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Буде у города у Кіева,
У ласкова князя Владиміра.

Digitized by Google

Остановила коня середи двора,
Непривязанаго, неприказанаго,
Скоренько идетъ на высо́къ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны веде́ по ученому,
На всѣ на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину
Съ молодой княгиней съ Опраксіей.
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
«Откуда ты дородный добрый молодецъ?
«Откуда-ва ѣдешь, куда путь держишь?
— А есть я земли Тальянскоей,
— А любимый племянникъ королевскіій.
— Пріѣхалъ на твоей дочкѣ посвататься
— На мо́лодой Настасьѣ Владиміровны. —
Спрого́воритъ князь стольне-кіевскій:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Не хочу тебя держать, хочу за му́жъ отдать,
«За любимаго племянника королевскаго».
Спрого́воритъ Настасья Владиміровна:
— Ай же ты батюшка Владиміръ стольне-кіевской!
— Не отдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по свято́й Руси.
— У ней жопа крутинька по женьскому,
— Походка частенька по женьскому.
— Груди мяконьки по женьскому. —
«Сходимъ мы съ нимъ въ парну баенку,
«Я тутъ его и по́смотрю».
«Ай дородный добрый молодецъ!
«Не угодно ли въ баяньку попариться?»
— Не худо съ дорожки парна баенка. —
Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.

Digitized by Google

Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской.
Она той порой вымылась и упарилась,
Скоро съ баянки справилась.
«Что ты дородній добрый молодецъ
«Не долго мылся парился,
«Скоро съ баянки справился?»
— У насъ вѣдь справы не по царскому,
— А у насъ справы по дорожному. —
Спрогóворилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Я отдамъ тебя за королевскаго племянника.»
— Ай же батюшко Владиміръ князь стольне-кіевской.
— Не выдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по святой Руси. —
«А мы его спровѣдаемъ,
«Положимъ на перину на царскую:
«Буде мужчина, — подъ плечами буде ямина,
«А женщина, — буде подъ жопою».
Она была то лукавая:
Жопой легла на изголовьицо.
Спрогóворитъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же дородній добрый молодецъ!
«Не угодно-ль поиграть въ шашки въ шахматы заморскія?»
А спрогóворитъ дородній добрый молодецъ:
— У насъ онъ эвтомъ дѣло не свѣдано,
— Игроки у меня съ дому не взяты.
— Пожалуй, поиграемъ въ шашки въ шахматы заморскія.—
Обыграла царя со царицею,
Всѣхъ игроковъ придворныихъ.
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай ты дородній добрый молодецъ!
«Больше у меня нѣкому съ тобой играть
«Въ шашки шахматы заморскія».

Digitized by Google

А спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Никто въ Расеи не могъ меня óбыграть,
— Одинъ то меня и обыгрывалъ Ставeръ Годиновичъ.
— Когда я бывалъ во Черниговѣ
— Одинъ-то онъ меня обыгрывалъ.—
Сходилъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Выпустилъ Ставра изъ погребовъ глубокіихъ.
Сѣли со Ставромъ Годиновичемъ
Они играть въ шашки шахматы заморскіи,
Спрогóвори ему дородній добрый молодецъ:
— Помнишь ли молодой Ставeръ сынъ Годиновичъ
— Какъ мы съ тобой живали во Черниговѣ?
— Я была чернильницей, а ты перомъ лебединымъ,
— Ты въ меня частенько помакивалъ,
— Я въ тебѣ тогды-сегды. —
Спрогóворилъ Ставeръ сынъ Годиновичъ:
«Дородній добрый молодецъ!
«Я все позабылъ сидючи въ пóгребахъ глубокіихъ».
Спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Помнишь Ставeръ сынъ Годиновичъ!
— Какъ мы живали во Черниговѣ
— Я ходила кобы́лицей,
— А ты жеребчикомъ некладенымъ:
— Ты на меня частенько поскакивалъ,
— Я на тебѣ тогды-сегды.
— Съѣдемся Ставeръ во чистомъ поли,
— Попробуемъ силы богатырскоей!
— Дай-ко Владиміръ стольне-кіевской
— Дай-ко Ставру молодà коня
— Съѣздить со мной во чисто поле,
— Спробовать силы богатырской! —
Сѣли на добры́хъ коней поѣхали,
Уѣхали они во Черниговъ градъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

141.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ Градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Мо́лодый Василій сынъ Буславьевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ — рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ — нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ — голова съ плечи вонъ.
Собирались мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
«Ай же Васильева матушка,
«Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
«Уйми свое чадо милое
«Молода Василія Буславьева.
«А не уймешь Васильюшка Буслаева,
«Будемъ унимать всимъ Новымъ Градомъ,
«Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,
«Пихнемъ Васильюшка въ Волхово».
Тутъ Васильева матушка,
Молода Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Хватила свое чадо милое,

Digitized by Google

Хватила подъ правую подъ пазуху.
— Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старѣлся,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ Градомъ не перечился,
— А съ каменной Москвой спору не было. —
Тутъ Василій сынъ Буславьевъ
Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Накýрилъ Василій зелена́ вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На вёдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
«Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
«Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
«Кто истерпи мой черленой вязъ».
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ.
Идетъ въ стрѣту маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
«Не выпить тебѣ чары зелена́ вина,
«И нѐ стерпеть вяза черленаго».
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ ёнъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ

Digitized by Google

Хлопнулъ вязомъ черленымъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его жолтыи кудри не сворохнутся.
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ай же ты маленькій Потанюшка!
— Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи. —
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накýрили они зелена́ вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они на́ пиръ по́звали,
А Василія Буславьева и не по́звали.
Спрогóвори Василій сынъ Буславьевичъ:
— Пойду я, матушка на почестенъ пиръ! —
Спрогóворитъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не ходи, Василій, на почéстенъ пиръ!
«Вси придутъ на пиръ гости званыи,
«Ты прúдешь на пиръ незваный гость».
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
— Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
— Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
Пошли со дружиною на почéстенъ пиръ.
Приходитъ Василій на почéстенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіи!
«Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
«Садись Василій во большомъ углу».
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка до́пьяна.
«Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
«Завтра итти на Волхово!

Digitized by Google

«Мы станемъ биться всимъ Новымъ-Градомъ,
«А ты двоима со дружинушкой».
Пошелъ Василій со честна́ пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спрого́вори матушка родимая:
— Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
— Что ты Василій прикручинивши,
— Что ты Василій припечаливши?
— Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
— Либо пьяница собака обезчестила? —
Спрого́вори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
«Чарой Василья не о́бнесли,
«И пьяница собака не обезчестила:
«Ёнъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ ра́зумомъ,
«Бился Василій о великъ закладъ:
«Что итти съ-у́тра на Волхово,
«Имъ биться всимъ Новымъ Градомъ.
«А намъ двоима со дружинушкой».
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
На мистку положила красна золота,
На дру́гую чистаго серебра,
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіе!
— Возьмите до́роги подарочки,
— Простите Василья во той вины. —
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Мы не во́зьмемъ дороги подарочки

Digitized by Google

«И не простимъ Василья во той вины.
«Хоть повладѣемъ Васильевыма кóнями добрыма,
«Павладѣемъ платьями цвѣтныма!»
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна,
Крестъ на лицё, да съ терема́ долой.
Ударила чоботомъ во ли́пину,
А улетѣла ли́пина во задній тынъ,
А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался,
Вси крыльца перильца покосилися.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Вставая по утру ранешенько,
Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
— Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Зналъ загудки загадывать,
— А не знаешь нонѣ отгадывать:
— Прибили дружину во чисто́мъ поли. —
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Чоботы надернулъ на босу́ ногу,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо.
Хватилъ Василій свой черленый вязъ,
Побѣжалъ Василій во чисто́ поле.
Идетъ въ стрѣчу старчищо Андронищо,
Его иде крёстный батюшко,
Надѣтъ на голову Софеинъ колоколъ.
«Ай же ты крёстный батюшко!
«Зачѣмъ надѣлъ на голову Софеинъ колололъ?»
Хлопнулъ крёстнаго батюшку,
Убилъ старчищо Андронищо.
Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
Сталъ по Волхову поскакивать,
Черленымъ вязомъ помахивать.
Куды махнетъ — падутъ улицама́,

Digitized by Google

А въ перехватъ махнетъ—переу́лкама.
Кистенямы головы переломаны,
Кушакамы головы перевязаны.
Бѣжатъ къ Васильевой матушкѣ.
— Ай же Васильева матушка,
— Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
— Уйми свое чадо милое,
— Оставь людей хоть и на сѣмена. —
Тутъ Васильева матушка
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Прибѣжала она на Волхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
«Ай же ты Василій сынъ Буславичъ!
«Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
«Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
«Живучи Буславъ не старился,
«На достали Буславъ переставился,
«Со Новымъ Градомъ не перечился,
«Съ каменной Москвой спору не было».
Принесла Василья со чиста поля.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Говоритъ онъ матушкѣ родимоей:
— Ай же ты матушка родимая!
— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
— Дай хоть сегодня пообѣдати.
— Спусти меня молодца въ Еросо́лимъ градъ,
— Во святую святыню помолитися,
— Ко Христову гробу приложитися.
— Во Ердань рѣку окупатися.
— Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
— Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
Говоритъ Васильева матушка

Digitized by Google

Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не спущу тебя Василья во Ерос̀лимъ градъ,
«Тебе мнѣ-ка-ва больше жива нѐ видать».
— Ай же матушка родимая!
— Спустишь—поѣду, а не спустишь—пойду.—
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей съ дружинушкой хороброю
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали къ матушкѣ Сивòнь горы.
Пошли на матушку Сивòнь гору,
Пошли по матушкѣ Сивòнь горѣ,
Лежитъ тутъ кость сухоялова.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Сталъ этой костью попинывать,
Сталъ этой костью полягивать.
Спрогóвори кость сухоялова
Гласомъ яна человѣческимъ:
«Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
«Меня бы кости не попинывалъ,
«Меня бы кости не полягивалъ,
«Тебѣ со мной лежать во товарищахъ».
Плюнулъ Васильюшко, да прочь пошолъ.
«Сама спала, себи сонъ вид'ла».
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали они въ Ерос̀лимъ городъ,
Сходили въ святую святыню помолилися,
Ко Христову гробу приложилися;
Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
— Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
— Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
— Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!

Digitized by Google

— А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ.—
Сѣли въ суденушко, съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ай же дружинушка хоробрая!
«Болитъ у меня буйная головушка.
«Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь горѣ,
«Пошли мы съ костью разбранилися,
«Пошли мы съ костью не простилися.
«Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
«Простимся у кости сухояловой».
Пріѣхали на матушку Сивонь гору,
Гдѣ лежала кость сухоялова.
Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень:
Въ долину камень сорокъ сажень.
Въ ширину камень двадцать сажень.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ты, дружинушка, скачи въ поперекъ камня.
«А я скачу вдоль каменя;
«Перескочимъ черéзъ камень!»
Скочилъ Васильюшко вдоль каменя,
Палъ Васильюшко о сúнь камень.
Рѣчёнъ языкъ въ головкѣ поворотится,
Говоритъ дружинушкѣ хоробрыя:
«Съѣдешь дружинушка хоробрая
«Къ моей матушкѣ родúмоей,
«Вели поминать Васильюшка Буславьева».

Записано тамъ же, 4 іюля.

Digitized by Google

142.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

У Грознаго царя Ивана Васильевича
Былъ у его почéстенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяръ,
На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Красное солнце нá вечери,
Почéстенъ пиръ у нихъ нá весели.
Вси на пиру пьяны вéселы.
Спрогóворитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Повывелъ я измѣну со Новàгорода,
«Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Повывелъ я измѣну и со Кіева».
Спрогóворилъ его а'ще меньшій сынъ:
— Ай же ты батюшка родимый мой!
— Хоть повывелъ ты измѣну со Кіева,
— Хоть повывелъ ты измѣну со Новàгорода,
— Хоть повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А е у тебя измѣна подъ правы́мъ плечомъ.
— Какъ я которой ѣхалъ улицей,
— Я казнилъ чисто на чисто.
— Дядюшко какъ ѣхалъ улицей,
— Тоже казнилъ чисто на чисто.
— А братецъ какъ ѣхалъ улицей,
— Тотъ казнилъ чисто не нà чисто:
— Впереди себя послалъ скорѝ гонця,
— Чтобы мужики новгородскіи
— По погребамъ они бы охитялися,
— А желѣзными бы доскамы задвигалися.
— Онъ казнилъ чисто не нá чисто. —
Тутъ царьское сердце расходилося.

Digitized by Google

Хмѣльнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ онъ да таково слово:
«Ай палачики немилóсливыя!
«Ведите мо'го сына бóльшаго
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсьте ему ясныя очушки,
«Сѣките ему буйную голову».
Тутъ вси на пиру испужалися,
Тутъ вси на пиру разбѣжалися.
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ.
Взялъ его сына бóльшаго
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Повелъ за болото за житное,
На тую доску на липову
Отсѣчь ему буйная головушка.
Познала его матушка родная,
Познала Анна Романовна.
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
Спрогóвори братецъ, Микита Романовичъ.
— Неждáна гостьица ко мни́ пришла! —
Спрогóвори Анна Романовна:
«Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
«Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
«Али ты надо мной надрываешься?

Digitized by Google

«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня вѣдь сына бóльшаго
«Мóлода Ѳедора Ивановича,
«Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсить ему ясныя очушки,
«Сѣчь его буйная головушка».
Тутъ Микита Романовичъ
Скорёшенько ёнъ тутъ исправился:
Чоботы надернулъ на босы ноги,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо,
Палъ на коня не на сѣдланаго,
Колпакóмъ махалъ, голосóмъ кричалъ:
— Не казните-тко вы сына царскаго! —
Пріѣхалъ за болото тутъ за житное
Къ той доски онъ къ липовой.
Положенъ Ѳедоръ Ивановичъ на тую дощечку на липовую,
Завѣшены ясныя очушки,
А не сѣчена буйная головушка.
Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
Вора Малютка сына Скурлатова
Положилъ на дощечку на липову,
Завѣсилъ ему ясныя очушки,
Ссѣкъ ему буйную головушку.
Племянника на коню везетъ,
А самъ за конёмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
Дѣло дѣялось въ Христовскую во Пятницю.
Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
Идетъ Никита Романовичъ въ церковь Божію,
Ко той Христовской ко заутрени,

Digitized by Google

Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
— Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ, прикручинился.
— Что же ты припечалился? —
Спроговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, братецъ, Микита Романовичъ!
«Толи́-ль надо мной надсмѣхаешься,
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня сына бо́льшаго,
«Мо́лода Ѳедора Иванова.
«Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсилъ ему ясныя очушки,
«Ссѣкъ ему буйную головушку.
А спрого́вори Микита Романовичъ:
— Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати! —
Прого́воритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ввѣкъ того на сёмъ свѣтѣ не водится,
«А живой съ мертваго не ро́дится.
«Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива́ сдѣлалъ,
«Я бы половину отдалъ своего государствія!»
Спрого́вори Микита Романовичъ:
— Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,
— Ни половины твово государствія,
— А только сдѣлай Микитину отчину.
— Кто голову сдѣлаѐ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ,
— Кто коня угонитъ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ. —
Записали записи великіи,
Показалъ ему сына бо́льшаго.

Digitized by Google

Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
Взялъ сына бо́льшаго за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записано тамъ же, 4 іюля.

143.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ.
Не успѣлъ воръ собака вцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися:
Не у насъ въ Росеи въ каменной Москвы,
Не въ каменно́й Москвы—въ хороброй Литвы,
У Юрья пана́ Сердобольскаго,
На самой на меньшіей дочери,
На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
Пиръ свадьбу играли въ Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
А Микола у насъ была въ пятницю.
Дошло это дѣло до Велика дни,
До Великаго дни до Христова дни.
У того ли у Іоанна-Великаго
Ударили во бо́льшой во колоколъ.
Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
Ко той ко Христовской ко заутрени,
Воръ Гришка-Рострижка онъ въ мыльню идетъ

Digitized by Google

Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояря Богу молятся,
А воръ Гришка-Ростри́жка въ мыльнѣ моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояра отъ обѣдни пошли,
Отъ той они Христовской заутрени,
Воръ Гришка-Ростри́жка со мыльни идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
На Маринѣ салопъ въ цѣлу тысящу.
Выбѣгалъ воръ собака на царско крылечико,
Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно къ королю въ Литву,
Къ Юрію пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я́ скажу,
«Послушай Марина что я́ говорю!
«Поди въ полату бѣлокаменну,
«Не бей челомъ княземъ боярамъ,
«Не кланяйся ты чуднымъ образамъ.
«Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай рушай бѣлу́ лебедь,
«Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ».
«Прожить ли Маринѣ хоть три году —
«Не прожить намъ съ тобой Марина три́ часу»[1]).
Собирались господа, бояри московскіи,
Думали думушку обчую,
Приходили ко инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ.
— Инока Марѳа Ивановна!
— Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался
— Что далъ царя несчастливаго! —
«Неумны вы господа вси неразумны!
«Дмитрію царю вѣдь смерть при́дали,

1) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

Digitized by Google

«Голову рубили въ хоробро́й Литвы,
«А мощи хоронили подъ каменну́ церковь.
«А это Гришка-Ростри́жка Отрепьевъ сынъ
«Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
«Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
«Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
«Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ».
Тутъ господа бояре вси московскіи,
Собрались бояре въ одно́ мѣсто,
Гришкѣ-Ростри́жкѣ смерть придали,
А его жену въ окно бросили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXVI.

НИКОЛАЙ ДУТИКОВЪ.

Николай Филипповъ Дутиковъ изъ Конды, крестьянинъ лѣтъ 50-ти, заимствовалъ свои былины отъ того же Конона съ Зяблыхъ Нивъ, о которомъ упомянуто выше (VI и VII), но помнитъ ихъ слабо и часто не досказываетъ конца. Дутиковъ говорилъ, что онъ бывалъ въ Петрозаводскѣ у г. Рыбникова и что послѣдній записывалъ его былины. Изъ сопоставленія этого съ тѣмъ, что̀ упоминаетъ г. Рыбниковъ о какомъ-то крестьянинѣ Ѳедотовѣ, ученикѣ Конона съ Зяблыхъ Нивъ (т. III, стр. XXVIII), а также изъ сличенія текста самыхъ былинъ, оказывается, что Дутиковъ есть тотъ самый сказатель, который названъ въ сборникѣ г. Рыбникова Ѳедотовымъ; это послѣднее имя произошло отъ ошибки.

Digitized by Google

144.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. III, 7).

Какъ ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, да лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
Онъ не могъ убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной сѣрой утицы;
А встрѣтился калѣка, калѣка перехожая,
И говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
«На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
«Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
«Со стольною княгиною Апраксою?»
Да спроговоритъ калѣка перехожая:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
— Сидитъ татаринъ между княземъ и княгиною,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.
— А голова у татарина какъ пивной котёлъ,
— А глазища у татарина какъ пивныя чашыщи,
— А носъ-то у татарина какъ кислóй пирогъ,
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилося. —
Спроговоритъ Илья, да Илья Муромецъ:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Молодца въ тебѣ въ два меня,
«И силы-то у тебя въ три меня,

Digitized by Google

«А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
«Скидывай ты платьице калѣчьское,
«Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
«Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,
«Разувай-ко лапотики шелковыя,
«И надѣвай платье богатырское,
«Садись на моего добра коня
«И поѣзжай-ка въ Муромъ градъ
«Къ тому подворью богатырскому».
И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. —
И складывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку [1])
Во матушку сыру землю, —
И уходила та клюшка до коковочки [2]);
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня.
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Какъ скоро скажется, тихо дѣется...
И будетъ онъ въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,

---

1) Изъ дерева иволги.
2) До загнутаго верхняго конца палки.

Digitized by Google

У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкіихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
«Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Сотвори-ко мнѣ милостыню:
«Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ татаринъ бросался по-плечь въ окно:
— Ай же вы горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ. —
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому-ли татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ Идолище поганое:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно-ль ты бывалъ на святой Руси,
«Давно-ль ты видѣлъ Илью Муромца?
«Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
«А мнѣ бы Илью видѣть надо
«Я бы клалъ Ильинку на долонь
«Я ударилъ бы другой долонью сверху
«И сдѣлалъ бы Ильинку какъ овсяный блинъ».
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья есть мнѣ братецъ названыій:
— Онъ мнѣ есть братецъ большій,
— А я ему братецъ меньшій.
— Я за своего брата хочу постоять. —
Это слово татарину не слюбилося:

Digitized by Google

Какъ схватилъ онъ со стола булатній ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
Стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь поразсыпался.
Тутъ выходилъ Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Какъ бралъ черезъ столъ, дубовый столъ
Бралъ татарина за желты кудри,
И здынулъ его выше буйной головушки,
И бросилъ татарина о кирпичной полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.
Поѣхала Хупова та Крынская,
Со земли Россійскія
И сама говоритъ таково слово:
«Здѣсь чортъ не борцы и не удалы добры молодцы!
«Почто было рукама ломать,
«Почто было глазъ воротить?

(Эта Хупова пріѣзжала вмѣстѣ съ татариномъ, но Дутиковъ не помнитъ какъ оно поется).

145.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Середъ было двора да княженецкаго,
А не бѣлая березка къ земли клонится,
Еще кланяется сынъ да своей матушкѣ.

Digitized by Google

«Свѣтъ ли государыня моя матушка!
«Дай-ко мнѣ прощеньице, благословеньице
«Повыѣхать во да́лече-дале́че во чисто поле,
«Поискать мнѣ-ка-ва́ братца названаго
«Старово́ ли казака да Илью Муромца.
«Да распрогнѣвался на меня солнышко Владиміръ стольне-
кіевской,
«Наложилъ на меня службу несносную
«Ѣхать въ землю во татарскую
«Сбирать тутъ дани да и выходы,
«Не за много, не за мало, за двѣнадцать лѣтъ».
Спроговоритъ его родная матушка,
Честна вдова Намерфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты мое да чадо милое,
— Младый Добрынюшко Микитиницъ!
— На кого ты оставляешь свою матушку,
— На кого ты покидаешь молоду́ жену,
— Мо́лоду Настасью Микуличну? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитиничь:
«Оставляю я свою матушку и молоду жену,
«Подъ опекою да стараго казака да Ильи Муромца».
Спроговоритъ его да любима́ семья,
Мо́лода Настасья Микулична:
— Ахъ ты младыій Добрынюшко Микитинъ сынъ!
— Скоро ли назадъ да поворо́тъ держишь? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Вы ждитка-ко меня да по три году.
«А по три году не можете дождатися,
«Ждите меня да и по шесть годовъ.
«А по шесть годовъ не можете дождатися,
«Тутъ моя любима́ семья,
«Мо́лода Настасья Микулична
«Хотя вдовой живи, да хоть замужъ поди.
«Поди-ко ты за князей и за бояровъ,

Digitized by Google

«Поди-ко за русьскіихъ могучіихъ богатыревъ,
«А столько нѣ ходи за славнаго Алешеньку Поповича,
«За того ли за бабьяго насмѣшничка».
А и тутъ Добрынюшко Микитиничь
Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
На добра коня кладывалъ потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки сѣделочко черкацкое,
Двѣнадцать пóдпружковъ подтягивалъ
Шелку да шемуханскаго,
Не ради красы басы угожства,
А для ради закрѣпы богатырскія.
И бралъ онъ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ да на добра коня.
И не одинъ поѣхалъ, со дружинкою.
Вид'ли добрыхъ коней сѣдучихъ,
А не вид'ли поѣдучихъ.
Не путемъ поѣхали дорожкою,
А прямо черезъ стѣну городóвую.
Одна куревка въ чистомъ поли стоитъ
Отъ тѣхъ копытъ да лошадиныихъ.
Ждали Добрынюшко по три году,
По три году не могли дождатися.
Ждали Добрынюшку по шесть годовъ,
По шесть годовъ не могли да дождатися.
Тутъ его любимà семья,
Мóлода Настасья Микулична
Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
Пошла она въ замужество
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.
Тутъ какъ сидитъ его родная матушка
Во теремѣ высокоемъ,
Сама слезно да и порасплакалась.

Digitized by Google

— Не пекло на мени красное солнышко по шесть годовъ,
— А пёкъ на меня младъ свѣтелъ мѣсяцъ.
— Нынече и младъ свѣтелъ мѣсяцъ закотáется! —
А подъѣзжаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
Ко стольному ко городу ко Кіеву;
Стрѣтается ему въ чистомъ полѣ Раньжа калѣка перехожая.
Тутъ проговорúтъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Эй же ты, Раньжа, калѣка перехожая!
«Давно ли ты бывалъ во Кіевѣ,
«Давно ли видалъ князя Владиміра
«И княгиню Апраксію?
«Все ли они живутъ да и здравствуютъ?»
— Да не давно я былъ третьёго дни,
— Все живутъ они да и здравствуютъ. —
«Да еще спрошу, Раньжа калѣка перехожая!
«Пріѣхалъ ли Добрыня Микитинъ сынъ со зéмлей татарскіихъ?»
Спрогóворитъ калѣка перехожая:
— Не пріѣхалъ еще Добрынюшко со зéмлей татарскіихъ.
— А его любима семья
— Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича.
— Какъ его родная матушка порасплакалась,
— Сидитъ она да въ теремѣ высокоемъ,
— Глядитъ во чисто поле въ косящатое окошечко. —
Не ясéнъ соколъ по чисту полю полётыватъ,
А ѣдетъ Добрынюшка со зéмлей татарскіихъ.
Тутъ его родная матушка
Выходила на крылечко перéное,
Брала Добрынюшку за бѣлы́ руки,
Вела его въ теремы высокіи.
Спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Ай же ты моя рóдная матушка!

Digitized by Google

«А гдѣ моя любима́ семья,
«Мо́лода Настасья Микулична?»
Тутъ она да порасплáкалась:
— Ай же ты мое да чадо милое!
— Нарушила она слово твое Добрынюшко Микитинъ сынъ,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича,
— Свадебка назначена играть двѣнадцать дней. —
Тутъ-то Добрынюшкѣ не до́чего.
Скидывалъ онъ платьице дорожное,
Надѣвалъ онъ платьице богатырское,
Бралъ онъ гуселышка яровчатыи,
И пошелъ къ нимъ да на почéстной пиръ.
Садился онъ у дверей да у дубовыи́хъ,
У тѣхъ у стоечекъ кленовыи́хъ,
Началъ онъ играть въ гуселышка яровчата:
Игры играетъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ да отъ Еросо́лима,
А напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица,
Выходила она зъ-за стола зъ-за дубоваго,
Наливала она чарочку да зелена вина,
Подносила Добрынюшкѣ Микитичу,
Да выпилъ онъ чарочку зелена вина,
А Добрынюшка Микитинъ сынъ
Наливалъ стаканъ да меду сладкаго,
И спустилъ онъ да свой злачéнъ перстень.
Которымъ перстнемъ они да обручалися,
И самъ говоритъ таково слово:
«И пей, Настасья Микулична, стаканчикъ и́ весь до дна,
«Такъ увидишь ты много добра».
И она выпила стаканъ меду сладкаго,
И прикатился перстень къ устамъ ея сахарныи́мъ.

Digitized by Google

Тутъ спрогóворитъ Настасья Микулична:
— Не тотъ мужъ, который со мною да за столомъ сидитъ,
— А тотъ мужъ, который передъ мной стоитъ.
— Ты прости ты, Добрынюшко Микитичь, меня въ такой вины! —
Спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Мужъ въ лѣсъ по дрова, баба и замýжъ пошла».
«Не виню тебя, молодá жена[1]),
«А виню Алешеньку Поповича:
«Зачѣмъ у живá мужа жену беретъ,
«А князя Владиміра — зачѣмъ сватаетъ».
Тутъ взялъ Алешу за желты кудри,
Почалъ по терему поваживать,
А почалъ гуселкамы охаживать.
А тутъ спрогóворитъ Алешенька Поповъ тотъ сынъ:
— А всякій на сёмъ свѣтѣ женится,
— Только не всякому женитьба удавается. —
А взялъ Добрынюшка Настасью Микуличну,
Повелъ Настасьюшку во свой теремъ.

Записано на Леликовѣ, 5 іюля.

146.

САДКО.

(См. Рыбникова, т. III, 42).

Во славномъ было во Нови-городѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость,
Да все-то у Садка по небесному:
И на небѣ солнце, въ теремѣ солнце,

1) Конецъ былины, начиная съ этого стиха, прибавила Сурикова (XXII).

Digitized by Google

На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
Все-то у Садка по небесному.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во славенъ въ Новгородъ,
«Откупите-ко товары въ Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во въ Новгородъ,
Откупили товары въ Нови-городѣ,
На другой день товаровъ еще больше того.
А еще спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Еще берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во въ Новгородъ,
«И откупите-ко товары во Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во славенъ въ Новгородъ.
Откупили товары въ Нови-городѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью.
«А стройте-тко да тридцать кораблей,
«Носъ-корму кладите по звѣриному,
«Бока-то вы сведите по змѣиному,
«Машты кладите краснаго деревца,
«Блочики кладите все кизюльные,
«Канатики кладите все шелковые,

Digitized by Google

«Паруса кладите полотняные,
«Якори кладите все булатніе,
«Да по черному по соболю сибирскому
«Вмѣсто бровъ продерните,
«По бурыя лисицы по сибирскія
«А вмѣсто ушей повѣсьте-тко,
«По дорогу́ по камешку по яхонту
«Вмѣсто глазъ вы вставливайте».
Слушали дружинушки, прикащики ето,
Дѣлали дѣло повелѣное.
Да тутъ-то Садко купецъ, богатый гость, поѣздъ держалъ
Поѣздъ держалъ изъ Чернаго,
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, оны летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, да онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Послушайте стараго хозяина,
«Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
«И на жеребьяхъ имена вы подписывайте,
«Бросайте-тко жеребья вы на воду».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребьи на воду:
Всѣ-то жеребья какъ гоголи пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Да спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!

Digitized by Google

«Вы тешите дощечику дубовенькую
«И бросайте дощечику на воду.
«А садите-тко Садка купца, гостя богатаго,
«На тую дощечиньку дубовенькую
«И полагайте мнѣ гуселки яровчаты».
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики на дубовыя
И полагали ему гуселки яровчаты
И тутъ его взялъ водяной царь.

(Не умѣетъ также спѣть конца при всемъ старанiи сказать складно).

147.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ѣзди поляница удалая
Ѳедоръ Петровичь, княженецкiй сынъ,
Во чистóмъ поли за охвотою:
Стрѣлялъ гусей да лебедей,
Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ.
Увидѣлъ онъ во сыромъ дубу
Стараго чéрнаго вóрона:
Распущены его крылушки по сырóмъ дубу.
И говоритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкiй сынъ
«Я убью стараго чернаго вóрона,
«Пролью его кровь по сыру́ дубу,
«Спущу его ту́лово о сыру́ землю
«И роспущу его перышка по чисту́ полю».
Спроговоритъ старый черный воронъ
Гласомъ человѣческимъ:

Digitized by Google

— Ай же ты, поляница расейская,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Не бей-ка меня стараго чернаго ворона.
— Я лечу съ зе́млей татарскіихъ.
— Ѣздилъ татаринъ во чисто́мъ поли,
— Кидаетъ палицу булатнюю
— Подъ тыи подъ облаки летучіи, подхватываетъ,
— Грозится на землю Святорусскую. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ,
Садился на добра коня, поѣхалъ во земли татарскіи.
И будетъ онъ во земляхъ татарскіихъ.
Наѣхалъ татарина во чистомъ поли,
И самъ говоритъ таково слово:
«Татаринъ поганый! Скажи съ коей земли,
«Съ коей земли, съ коей орды,
«И какъ тебя зовутъ по имени,
«И называютъ тебя по отечеству?»
Спрого́воритъ татаринъ поганыи:
— Ай же ты, поляница расейская!
— Сядемъ-ко мы на добрыхъ коней,
— И разъѣдемся по чисту полю. —
И ударились они въ палици богатырскія,
Палицы богатырскія до рукъ вси приломалися.
Ударились во сабельки вострыя,
Сабельки до рукъ вси прищелялися.
Ударились въ копейца мурамецкія,
Копейца мурамецкія до рукъ вси свивалися.
Опущалися оны да со добрыхъ коней.
Кому-то была на́ бою Божья́ помочь?
Была на́ бою Божья помочь поляницѣ расейскоей.
Побилъ онъ татарина поганаго́,
Садился татарину на бѣлую грудь,
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись-ко, татаринъ поганыій

Digitized by Google

«Коей земли и коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть тебя по отечеству?
Спрогóворитъ татаринъ поганыій:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Дивья тебѣ насмѣхатись
— Какъ ты сидишь на моихъ на бѣлыхъ на грудяхъ.
— Я бы какъ былъ на твоихъ на бѣлыхъ на грудяхъ,
— Пласталъ бы тебѣ да груди бѣлыя,
— И вынималъ бы тебѣ сердце ретивое. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Вынималъ изъ ножней булатенъ ножъ,
И здынулъ ножъ выше буйной головушки,
И хочетъ пустить да во груди бѣлыя,
Правая рука въ плечи да застоялася.
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись съ коей земли, да коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть по отечеству?»
Спрогóворитъ татаринъ поганыій:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Когда сталъ ты у меня выспрашивать,
— Я тебѣ стану высказывать:
— Я есть не татаринъ да не поганыій,
— Я есть съ зéмлей Росейскіихъ,
— Славнаго города Очакова,
— Вотчины Березинской,
— Улицы Рогатницы,
— Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
— Увезли меня татарева поганыи
— Трехъ годовъ во земли во татарскіи. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Скорёшенько вставалъ на рѣзвы ноги,
И бралъ онъ братца за бѣлы руки,

Digitized by Google

И здымалъ на ножки на рѣзвыя,
И цѣловалъ во уста во сахарныи.
«Ты есте братецъ мой родимыій,
«Лука Петровичъ княженецкій сынъ!»
Тутъ оны садились на добрыхъ коней
И поѣхали во земли во Росейскія.
Скоро скажется, да тихо дѣется,
Будутъ они во земляхъ во Росейскіихъ
У славнаго города Очакова,
Во той во отчинѣ Березинской,
Во улицѣ Рогатницы,
У того ли подворья княженецкаго.
Сходили они да со добрыхъ коней,
Оставилъ Ѳедоръ Петровичъ братца у добрыхъ коней,
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкіи,
Говоритъ онъ родной матушкѣ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Поди-ко ты на широкій дворъ,
«Да бери-ко татарина за бѣлы руки,
«Да веди-ко его во палаты княженецкіи,
«Да корми-ко татарина хлѣбомъ крупивчатымъ».
Спрогóворитъ его родная матушка:
— Ай же ты, мое да чадо милое,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Какъ бы была у меня старая пóрушка,
— Я бы шла-то на широкій дворъ,
— Я бы брала татарина за желты кудри,
— Вела бы татарина въ погребы глубокіи,
— Кормила бы татарина пескомъ жолтымъ,
— Поила бы татарина водой болотнею. —
Спрогóворитъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Не татаринъ есть да не поганыій,
«А есть мой братецъ родимыій,

Digitized by Google

«Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
«Я привезъ его со зе́млей татарскіихъ».
Тутъ его родная матушка
Скорёшенько надѣла чоботы на босу́ ногу,
Кунью шубоньку накинула на одно́ плечо,
Брала его да за бѣлы ручки,
Вела его въ палаты княженецкіи,
Столы она ставила дубовыи,
Скатерти стлала все браныи,
Ѣства-ты клала саха́рныи.
Кормила-поила двухъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Тутъ они стали жить да быть веселитися.

XXVII.

АБРАМЪ ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ, по прозванію Бутылка, крестьянинъ д. Горка, Пудожгорской волости, Повѣнецкаго уѣзда, 59-ти лѣтъ. Заимствовалъ былины отъ отца, который былъ мастеръ пѣть и зналъ очень много «старинъ». Отецъ родился и провелъ молодость на Космозерѣ, въ Кижскомъ краѣ; оттого, по свидѣтельству самого Абрама, онъ поетъ былины такъ, какъ Кижане, а не такъ, какъ ихъ поютъ другіе сказители на Пудожской Горѣ. Впослѣдствіи отецъ переселился въ Кузаранду, а оттуда уже, лѣтъ сорокъ тому, на Пудожскую Горку. Абрамъ Евтихіевъ въ молодости выучился портняжному мастерству и до сихъ поръ ежегодно проводитъ осень и зиму, странствуя по деревнямъ, чтобы шить крестьянамъ платье; преимущественно бываетъ въ Кижскомъ Заонежьѣ; за работою онъ обыкновенно распѣваетъ свои старины. Онъ, впрочемъ, ведетъ и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служитъ обществу въ качествѣ сборщика податей. Абрамъ Евтихіевъ, какъ кажется, первый

Digitized by Google

изъ Олонецкихъ сказителей обратилъ на себя вниманіе, чему онъ обязанъ какъ открытому, общительному характеру, такъ и тому, что часто бывалъ въ губернскомъ городѣ. По его словамъ, ужъ онъ много лѣтъ тому назадъ, еще гораздо прежде знакомства съ г. Рыбниковымъ, сдѣлался извѣстенъ какому-то генералу въ Петрозаводскѣ (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горныхъ заводовъ), и по порученію этого генерала какой-то писарь списалъ у него всѣ былины, какія онъ зналъ; а зналъ онъ ихъ въ то время безъ малаго два десятка, гораздо больше, чѣмъ помнитъ теперь. Но писарь этотъ потерялъ тетрадь съ этими былинами: такъ увѣрялъ Абрамъ. Однако оказывается, что всѣ тѣ былины, которыя въ 50-хъ годахъ печатались въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ», и которыя г. Рыбниковъ помѣстилъ потомъ въ своемъ сборникѣ съ простою отмѣткою «изъ Олонецкой губерніи», суть тѣ самыя, которыя поетъ Абрамъ Евтихіевъ.

148.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 15).

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
«На тую́ горý да сорочинскую,
«Не топчи́-ко мла́дыихъ змiёнышевъ,
«Ты не выручай-ко по́лоновъ да русьскiихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
«Но Пучай рѣка очень свирипая,
«Но серéдняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня своей матушки не слушался.
Какъ онъ ѣдетъ далéче во чисто́ полё
А на́ тую на гору сорочинскую,

Digitized by Google

Потопталъ онъ младыйхъ зміёнышёвъ,
А й повыручалъ онъ да полоновъ да русьскіихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси.
Онъ приправилъ своего добрà коня,
Онъ добра коня да ко Пучай рѣки,
Онъ слѣзалъ Добрыня со добрà коня,
Да снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ забрелъ за струёчку за первую,
Да онъ забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
— Мнѣ Микитичу маменька й наказывала:
— Что не ѣзди-ко далече во чистó полё
— На тую горý на сорочинскую,
— Не топчи́-ко младыихъ зміёнышовъ,
— А не выручай пóлоновъ да русьскіихъ,
— И не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
— Но Пучай рѣка очень свирипая,
— А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ.
— А Пучай рѣка она кротнà смирна,
— Она будто лужа-то дождéвая. —
Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,
Вѣтра нѣтъ, да тучу нáднесло,
Тучи нѣтъ, да быдто дождь дождитъ,
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Громъ гремитъ, да свищетъ молвія.
А какъ лéтитъ зміищо Горынчищо
О тыèхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужахнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
«Ты тепереча Добрыня во моихъ рукахъ!
«Захочу тебя Добрыню тéперь пóтоплю,
«Захочу тебя Добрыню тéперь съѣмъ-сождру,

Digitized by Google

«Захочу тебя Добрыню въ хоботá возьму,
«Въ хоботá возьму, Добрыню во норý снесу».
Припáдаетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ:
Онъ нырнѐтъ на бéрежокъ на тáможной,
Онъ нырнѐтъ на бéрежокъ на здѣшный.
А нѣтъ у Добрынюшки добра коня,
Да нѣтъ у Добрыни платьевъ цвѣтныихъ,
Столько-то лежитъ одинъ пуховъ колпакъ.
Да посыпанъ тотъ колпакъ да земли греческой:
По вѣсу тотъ колпакъ да въ цѣло три́ пуда.
Какъ ухватилъ онъ колпакъ да земли греческой,
Онъ шúбнетъ во змѣю да во проклятую,
Онъ отшибъ змѣи́ двѣнадцать да всихъ хоботовъ.
Тутъ упала-то змѣя да во кувы́ль траву.
Добрынюшка на ножку онъ былъ пóвертокъ,
Онъ скóчитъ на змiйнины да груди бѣлыя.
На крестѣ-то у Добрыни былъ булатній ножъ,
Онъ вѣдь хочетъ роспластать ей груди бѣлыи,
А змѣя Добрыни ёму смолится:
«Ахъ ты эй Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую:
«Тебѣ не ѣздити далече во чистó поле
«На тую на гору сорочинскую,
«Не топтать бóльшё младыихъ змiёнышевъ,
«А не вы́ручать полоновъ да русьскiихъ,
«Не купаться ти Добрыня во Пучай рѣки,
«И мнѣ не летать да на святую Русь,
«Не косить людей ни больше русьскiихъ,
«Не копить мнѣ полоновъ да русьскiихъ».
Онъ повыпуститъ змѣю какъ съ-подъ колѣнъ своихъ,
Поднялась змѣя да вверхъ подъ облаку.
Случилось ей летѣть да мимо Кiевъ градъ,
Увидала она кня́зеву племянницу

Digitized by Google

Молоду Забаву дочь Потятичну
Идучи́сь по улицы по ши́рокой.
Тутъ припадаетъ змѣя да ко сырой земли,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору́ да въ глубокую.
Тогда солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
А онъ по́ три дня да тутъ били́чъ[1]) кликалъ,
А били́цъ кликалъ да славныхъ рыцарей,
Кто бы могъ съѣзди́ть далече во чисто́ поле,
На ту́ю на гору сорочинскую,
Сходить въ нору да въ глубокую.
А достать мою кня́зеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Говорилъ Олешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Ты накинь-ко эту службу да великую
— На того Добрыню на Никитича.
— У него вѣдь со змѣёю заповѣдь положена,
— Что ей не летать да на святую Русь,
— А ему не ѣздить дале́че во чисто́ поле,
— Не топтать-то мла́дыихъ змѣёнышевъ
— Да не выручать по́лоновъ да русьскіихъ.
— Такъ возьмётъ онъ князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
Какъ накинулъ эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съѣздить далече во чисто́ поле
И достать ему князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Онъ пошолъ домой Добрыня закручинился,

1) Знахарокъ.

Digitized by Google

Закручинился Добрыня запечалился.
Стрѣтатъ государыни́ да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Олександровна:
«Ты эй рожо́но мо́е дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты что́ съ пиру идешь не веселъ-де?
«Знать что мѣсто было ти не по́ чину,
«Знать чарой на пиру тебя пріо́бнесли,
«Аль дуракъ надъ тобою насмѣялся-де?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты эй государыни́ да ро́дна матушка,
— Ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
— Чарой на́ пиру меня не о́бнесли,
— Да дуракъ-то надо мной не насмѣялся вѣдь:
— А накинулъ службу да великую
— А тотъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Что съѣздить далéче во чисто полѣ
— На тую́ гору́ да на высокую,
— Мнѣ сходить въ нору́ да во глубокую,
— Мнѣ достать-то кня́зеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну. —
Говоритъ Добрыни родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Ложи́сь-ко спать да рано съ вечера,
«Но утро будетъ очень мудроё:
«Мудренѣе утро будетъ о́но вечера».
Онъ ставалъ по утрышку ранешенько,
Умывается да онъ бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Да йдетъ на́ конюшню на стоялую,
А беретъ въ руки узду онъ да тесмяную,
А берётъ онъ дѣдушкова́ да вѣдь добра коня,
Онъ поилъ бурка питьёмъ медвяныимъ,

Digitized by Google

Онъ кормилъ пшоно́й да бѣлояровой,
Онъ сѣдлалъ бурка въ сѣдёлышко черкальское.
Онъ по́тнички да клалъ на потнички,
Онъ на потнички да кла́детъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чисто́мъ полѣ не вы́рутилъ.
Подпруги были́ шелковыи,
А спеньки́ у подпругъ всё булатніи.
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шолкъ не рвётся, да була́тъ не трётся,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Поѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
На прощенье ему матушку да плётку подала,
Са́ма говорила таково слово:
«Какъ будешь дале́че во чистомъ поли,
«На тыи́ горы да на высокія,
«Пото́пчешь младыихъ зміёнышовъ,
«Повы́ручишь по́лоновъ да русьскіихъ,
«Какъ тыи-то младыи зміёныши
«Подточатъ у бурка какъ оны щоточки,
«Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
«А зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
«Ты возьми-ко эту плёточку шелковую,
«А ты бей бурка да промежу́ ноги,
«Промежу́ ноги́, да промежу́ уши,
«Промежу ноги да ме́жу задніи.
«Станетъ твой бурушко поскакивать,
«А зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
«Ты притопчешь всихъ да до единаго».
Какъ будетъ оно далече во чистомъ поли,

Digitized by Google

На тыя горы да на высокіи,
Потопталъ онъ младыихъ зміёнышовъ.
Какъ тыи-ли младыи зміёныши
Подточили у бурка какъ оны щоточки,
Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
Зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Берётъ онъ плёточку шелковую,
Онъ бьётъ бурка́ да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да межу задніи.
Тутъ сталъ е́го бурушко поскакивать,
А зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Выходила какъ змѣя она проклятая
Изъ тыя́ норы да изъ глубокія,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Добрынюшка Никитиничъ!
— Ты знать порушилъ свою заповѣдь.
— Зачѣмъ сто́пталъ младыихъ змѣёнышовъ,
— Почто выручалъ полоны да русьскіи? —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты эй змѣя да ты проклятая!
«Чортъ ли́ тя нёсъ да черезъ Кіевъ градъ.
«Ты зачѣмъ взя́лъ кня́зеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Потятичну?
«Ты отдай же мнѣ-ка князеву племянницу
«Безъ бою, безъ драки кроволитія!»
Тогда змія она проклятая
Говорила-то Добрыни да Никитичу:
— Не отдамъ я тебѣ князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Заводила о́на бой драку́ великую.
О́ны дра́лись со змѣёю тутъ трои́ сутки,

Digitized by Google

Но не могъ Добрыня змѣи перебить.
Хочетъ тутъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Какъ съ небесъ Добрыни ёму гласъ гласитъ:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Дрался со змѣёю ты трои́ сутки,
«Подерись со змѣей е́ще три́ часу:
«Ты побьёшь змѣю да ю проклятую!»
Онъ подрался со змѣёю е́ще три часу,
Онъ побилъ змѣю да ю проклятую.
Тая змѣя́ она кровью пошла.
Стоялъ у змѣи́ онъ тутъ трои сутки,
А не могъ Добрыня кро́ви пе́реждать.
Хотѣлъ Добрыня отъ кровѝ отстать,
Но съ небесъ Добрыни опять гласъ гласитъ:
«Ахъ ты ей Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Стоялъ у́ кровѝ ты тутъ трои сутки,
«Постой у крови да еще трѝ часу,
«Бери своё копьё да бурзомецкое
«И бей копьёмъ да во сыру́ землю,
«Самъ копью да приговаривай:
«Розступись-ко матушка сыра́ земля,
«На четыре розступись да ты на четверти!
«Ты пожри-ко эту кровь да всю змѣиную!—»
Розступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змѣиную.
Тогда Добрыня во нору пошолъ,
Во тыѝ въ норы́ да во глубокіи.
Тамъ сидитъ соро́къ царей сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей да королевичёвъ,
А простой-то силы той и смѣту нѣтъ.
Тогда Добрынюшка Никитиничъ
Говорилъ-то онъ царямъ да онъ царевичамъ
И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
— Вы идите нынь туда, откель принесены,

Digitized by Google

— А ты молода Забава дочь Потятична,
— Для тебя я эдакъ тéперь странствовалъ,
— Ты поѣдемъ-ко кó граду́ ко Кіеву.
— А й ко ласковому князю ко Владиміру. —
Повёзъ молоду Забаву дочь Потятичну.
На тыя путь ши́рокой дороженки
Увидалъ онъ бродъ да лошадиныи,
По колѣнъ было у лошади да въ землю грязнуто.
Онъ догналъ Олешеньку Поповича,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй Оле́шенька Левонтьевичъ!
— Ты возьми-ко эту князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Отвези-ко къ солнышку да ко Владиміру,
— Ко Владиміру да ты во цѣлости.
— Я поѣду этымъ бродомъ лошадиныимъ. —
Онъ поѣхалъ этымъ бродомъ лошадиныимъ,
Догналъ по́ляницу да великую,
Онъ ударилъ сво́ей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
А онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ около трёхъ сажонъ.
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да росшибъ вѣдь сырой дубъ по ла́стиньямъ,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому.
— А вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Догналъ по́ляницу да великую,

Digitized by Google

Ударилъ своей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
Онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Что смѣлость у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно сила у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
Толщиною дубъ да былъ шести сажонъ:
Онъ ударилъ своей палицей булатнею,
А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ догналъ поляницу да вѣдь въ трётій разъ,
Онъ ударилъ своéй палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ да таково слово:
«Я думала комарики покýсываютъ?
«Ажно русьскіи могучіи богáтыри пощалкиваютъ».
Ухватитъ-то Добрыню за желты кудри,
Положитъ-то Добрыню во глубокъ карманъ,
Во глубокъ карманъ Добрынюшку съ конёмъ цѣло,
А везла она Добрынюшку трои́ сутки.
Испровѣщится какъ ейной добрый конь
Ей но голосомъ да человическимъ:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Что конь у богатыря да сопротивъ меня,
— Сила у богáтыря да сопротивъ тебя:
— Не могу везти я больше васъ съ богáтыремъ! —
Говоритъ Настасья дочь Никулична:
«Ежели богáтырь да онъ старыи,

Digitized by Google

«Я бога́тырю да голову срублю.
«Ежели богатырь да онъ младыи,
«Я бога́тыря да во поло́нъ возьму.
«Ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
«Я теперь вѣдь за богатыря за мужъ пойду».
Вынимаетъ-то богатыря да изъ корманчика,
Тутъ ёй богатырь да понравился.
Говоритъ Настасья да Микулична:
«Ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы поѣдемъ съ то́бой ко́ граду ко Кіеву,
«Да ко ласкову ко князю ко Владиміру,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцу».
Тутъ пріѣхали коо́ (sic) граду ко Кіеву,
И ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Приняли они да по злату вѣнцу.
Тутъ по три дни было да пированьицо
Про молода Добрыню про Никитича,
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А Синему морю да на тишину,
А вамъ добрыимъ-тымъ людямъ на послушаньё.

149.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 25).

Добрынюшка тотъ матушкѣ говаривалъ,
Да Никитиничь-отъ матушкѣ наказывалъ:
«Ты свѣтъ государыня да родна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня Добрынюшку несчастнаго споро́дила?
«Породила государыни бы родна матушка
«Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
«Завернула государыни да родна ма́тушка

Digitized by Google

«Въ тонкольняный было бѣлый во рукавцичекъ,
«Да вздынула государыни да родна матушка
«Ты на вы́соку на гору Соро́чинскую
«И спустила государыня да родна матушка
«Меня въ Черное бы море, во турецкое, —
«Я бы вѣкъ бы тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
«Я отнынѣ бы лежалъ да я бы до́ вѣку,
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту́ полю,
«Я не у́бивалъ Добрыня непови́нныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови я напрасная,
«Не слезилъ Добрыня отцей матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрынюшка молодыхъ жонъ,
«Не спущалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушекъ».
Отвѣтъ держитъ государыни да родна ма́тушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
— Я бы рада бы тя дитятко споро́дити:
— Я талантомъ-у́частью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора да богатыря,
— Я бы смѣлостью во смѣлаго Алешу во Поповича,
— Я походкою тебя щапливою
— Во того Чурилу во Пленко́вица,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрыню во Никитича,
— Столько тыи ста́тьи есть, а другихъ Бо́гъ не далъ,
— Другихъ Богъ статей не далъ, да не пожаловалъ. —
Скоро-на́-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Садился онъ скоро на добра́ коня,
Какъ онъ потнички клалъ да на потнички,
А на потнички клалъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рушилъ.
Подпруги были́ шелковыи,

Digitized by Google

А спенькй у́ подпругъ все булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шелкъ не рвется, да булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Провожала-то Добрыню родна ма́тушка.
Простиласи и воротиласи,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима́ семья,
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята изъ земли Политовскія),
Сама говоритъ да таково слово:
«Ты душка́ Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты когда, Добрынюшка, домо́й будешь?
«Когда со́жидать Добрыню изъ чиста́ поля?»
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Когда меня ты стала спрашивать,
— Такъ теперича тебѣ я стану сказывать:
— Сожидай меня Добрынюшку по три́ года.
— Если въ три года не буду, жди по дру́го три,
— А какъ сполнится то время шесть годовъ,
— Какъ не буду я Добрыня изъ чиста́ поля,
— Поминай меня Добрынюшку уби́таго.
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
— Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
— А хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Столько не́ ходи за мо́его за брата за названаго
— Ты за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Его государыня-то родна матушка,
Она у́чала какъ по полати-то похаживать,
Она учала какъ голосомъ поважи́вать,
И сама говоритъ да таково слово:

Digitized by Google

«Единоё-жъ было́ да солнце красное,
«Нонь тепере за темны лѣса да закатилоси,
«Стольки оставлялся младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ.
«Какъ единое-жъ было́ да чадо милое
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Онъ во да́лечи, дале́чи, во чистомъ поли,
«Судитъ-ли Богъ на вѣку хоть разъ видать?»
Еще стольки оставлялась любима́ семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздѣй тоски великоя кручинушки.
Стали со́жидать Добрыню изъ чиста поля по три́ годы,
А й по три́ годы, еще и по́ три дни,
Сполнилось времени цѣло три́ годы,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Стали со́жидать Добрыню по другóе три,
Тутъ какъ день за днёмъ да будьто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени и другое три,
Да какъ сполнилось времени да цѣло шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во тую пору, да во то время,
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ имъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитица,
Онъ убитъ лежитъ да на чистомъ поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострѣляны,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Какъ тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо бѣлое
По своёмъ рожоноёмъ по дитятки,
А по молодомъ Добрыни по Никитичи.

Digitized by Google

Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-то похаживать,
Да Настасьи то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
— Что какъ тебѣ жить да молодóй вдовой,
— А й молóдый вѣкъ да свой корóтати,
— Ты поди замýжъ хоть зá князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богáтыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Говоритъ Настасья дочь Микулична:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я исполнила заповѣдь ту мужнюю!
«Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
«Я исполню заповѣдь да свою женскую:
«Я прожду Добрынюшку другó шесть лѣтъ.
«Какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
«Да успѣю и въ тѣ поры́ замужъ пойти».
Опять день за днёмъ да будто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Онъ Настасьи той Викуличной посвáтывать,
Посватывать да подговаривать:
— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
— Какъ тебѣ жить да молодóй вдовой,
— А молóдой вѣкъ да свой корóтати.
— Ты поди замýжъ хоть зá князя, хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богáтыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Не пошла замýжъ не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго богáтыря,
А пошла замýжъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

Digitized by Google

А севодни имъ ити да ко божьéй церквы,
Принимать съ Олешей по златý вѣнцу.
Въ тую-ль было пору, а въ тó время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да ты медвѣжья шерсть!
«Ты чево севодня подтыкаешься?»
Испровѣщится какъ ему добрый конь,
Ему голосóмъ да человѣческимъ:
— Ахъ ты эй хозяинъ мой любимыя!
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— А твоя Настасья королевична
— Королевична она замужъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповича.
— Какъ пиръ идётъ у нихъ по третій день,
— Севодня имъ итти да ко Божьёй церкви,
— Принимать съ Олешей по злату вѣнцу. —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Онъ бьётъ бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на горы да съ хóлма на холму,
Онъ рѣки и озёры перескакивалъ,
Гдѣ широкіи роздолья—межу ногъ пущалъ.
Буде вó градѣ во Кіевѣ.
Какъ не ясный соколъ въ перелётъ летѣлъ,
Добрый молодецъ да въ перегóнъ гонúтъ,
Не воротми ѣхалъ онъ черезъ стѣну,
Черезъ тую стѣну городóвую,
Мимо тую башню наугóльную,
Ко тому придворью ко вдовúному;
Онъ на дворъ заѣхалъ безобсы́лочно,
А въ палаты идетъ да бездокла́дочно,

Digitized by Google

Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ;
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло прóходилъ въ пóлаты во вдовиныи,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ три, четыре да на стороны,
А честной вдовѣ Офимьѣ Олександровнѣ да въ особину:
«Здравствуешь честнáя вдова Офимья Олександровна!»
Какъ вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,
Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобý творятъ,
Самы говорятъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Офимья Олександровна!
— Какъ этотъ-то удáлый добрый мóлодецъ
— Онъ наѣхалъ съ поля да скорымъ гонцомъ,
— На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
— Въ полаты-то идетъ да бездокладочно,
— Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Да всѣхъ взáшей прочь отталкивалъ,
— Смѣло прóходилъ въ полаты во вдовиныи. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Ты эй удáлой добрый мóлодецъ!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ на сиротскій дворъ да безобсылочно,
«А въ полаты ты идешь да бездокладочно,
«Ты не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ?
«Кабы было живо мóе чадо милое,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
«Отрубилъ бы онъ тебѣ-ка буйну голову
«За твои поступки неумильніи».
Говорилъ удáлый добрый молодецъ:
— Я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,

Digitized by Google

— А Добрыня поѣхалъ ко Царю́-граду,
— Я поѣхалъ да ко Кіеву. —
Говоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Во тую-ли было пору во перво шесть лѣтъ,
«Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поли,
«Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли:
«Буйна голова его испроломана,
«Могучи плеча да испрострѣляны,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
«Я жалешенько тогда вѣдь по́ немъ плакала,
«Я слезила-то свои да очи ясныя,
«Я скорбила-то своё да лицо бѣлое
«По своёмъ рожоноёмъ по дитятки.
«Я по молодомъ Добрыни по Никитичи»
Говорилъ удалый добрый молодецъ:
— Что наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— Спросить про него про любиму семью,
— А про мо́лоду Настасью про Микуличну. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«А Добрынина любима семья замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповица.
«Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
«А сегодня имъ ити да ко Божьёй церквы,
«Принимать съ Олешой по злату вѣнцу».
Говорилъ удалой добрый мо́лодецъ:
— А наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь:
— Если слу́читъ Богъ быть на́ пору тебѣ во Кіевѣ,
— То возьми моё платье скомороское,
— Да возьми мои гуселошка ярбвчаты
— Въ новой горенькѣ да все на стопочкѣ. —

Digitized by Google

Какъ бѣжала тутъ Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скомороское,
Да гуселошка ему яровчаты.
Накрутился молодецъ какъ скоморошиной,
Да пошолъ онъ на́ хорошъ почестный пиръ,
Идетъ какъ онъ да на княженецкій дворъ,
Не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Да всѣхъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло про́ходилъ во полаты княженецкія;
Тутъ онъ крестъ кладётъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
На всѣ три четыре да на стороны,
Солнышку Владиміру да въ собину.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольный Кіевскій
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
Вслѣдъ идуть придверники да приворотники,
Вслѣдъ идуть, всѣ жалобу творятъ,
Сами говорятъ да таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Какъ этая удала́ скоморошина
«Наѣхалъ изъ чиста́ поля скоры́мъ гонцомъ,
«А теперичу идётъ да скоморошиной,
«Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ
«У дверей онъ насъ не спрашивалъ придверниковъ,
«Да всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ,
«Смѣло про́ходилъ въ полаты княженецкіе».
Говорилъ Владиміръ стольный Кіевской:
— Ахъ ты эй удала скоморошина!
— Зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ да безобсылочно,
— А й въ палаты идешь бездокладочно,
— Ты не спрашивашь у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивашь придверниковъ,
— А всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ? —

Digitized by Google

Скоморошина въ рѣчамъ да не вчуеться,
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Говоритъ удала скоморошина:
«Солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Скажи гдѣ есть нашо мѣсто скомороское!»
Го́воритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Что ваше мѣсто скомороское
— А на той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой на печкѣ да на за́печкѣ. —
Онъ скочилъ скоро́ на мѣсто на показано,
На тую на печку на муравлену.
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
Тыи струночки да золочёныя,
Онъ у́чалъ по стрункамъ похаживать,
Да онъ у́чалъ голосомъ пова́живать.
Играетъ-то онъ вѣдь во Кіе́ви,
А на вы́игрышъ беретъ во Цари́гради.
Онъ повы́игралъ во́о гради во Кіе́ви,
Онъ во Кѣеви да всѣхъ пои́менно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру́ игры заслухались,
И всѣ на пиру призамо́лкнулись,
Сами́ говорятъ да таково́ слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Не быть это уда́лой скомороши́ны.
«А какому ни́ быть надо русьскому
«Быть уда́лому да добру молодцу».
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ахъ ты эй уда́ла скоморошина!
— За твою игру́ да за веселую,
— Опущайся-ко изъ печки изъ-за́печка,
— А садись-ко съ нами да за дубовъ столъ,
— А за дубовъ столъ да хлѣба кушати.
— Теперь дамъ я ти три мѣста три люби́мыихъ:

Digitized by Google

— Перво мѣсто сядь подлѝ мене,
— Друго мѣсто сопротивъ мене,
— Третье мѣсто куды самъ захошь,
— Куды самъ захошь, эще пожа́луешь. —
Опущалась скоморошина изъ печки изъ муравленой,
Да не сѣла скомороши́на подлѣ́ князя́,
Да не сѣла скоморошина да сопроти́въ князя,
А садилась въ скамѣ́ечку
Сопротивъ княгины-то обручныя,
Противъ мо́лодой Настасьи да Никуличны,
Говоритъ удала скомо́рошина:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Бласлови-ко на́лить чару зелена́ вина,
«Поднести-то эту чару кому я́ знаю,
«Кому я́ знаю, эще пожа́лую».
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай ты эй удала скоморошина!
— Бы́ла дана ти пово́лька да великая,
— Что захочешь, такъ ты то́ дѣлай
— Что ты здумаешь, да эще й то́ твори. —
Какъ тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опуститъ въ чару свой злаче́нъ персте́нь,
Да подно́ситъ-то княгины поручёныя,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
«Прими-ко сію чару еди́ной рукой,
«Да ты выпей-ко всю чару еди́нымъ духомъ.
«Какъ ты пьешь до дна, такъ ты вѣдашь добра,
«А не пьешь до дна, такъ не видишь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единымъ духомъ,
Да обсмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
А которымъ съ Добрыней обручаласи,

Digitized by Google

Сама говоритъ таково слово:
— Вы эй же вы князи, да вы бояра
— Вы всѣ же князи вы и дворяна!
— Вѣдь не тотъ мой мужъ, да кой подли мене,
— А тотъ мой мужъ, кой сопротивъ мене:
— Сидитъ мой мужъ да на скамеечкѣ,
— Онъ подноситъ мнѣ-ко чару зелена вина. —
Сама выскочитъ изъ стола да изъ-за дубова,
Да й упала Добрыни во рѣзвы ноги,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ты эй молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничь
— Что не по твоему наказу да я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Олёшенку за мужъ пошла.
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, да мы туда идёмъ,
— Насъ куда везутъ, да мы туда ѣдемъ. —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Не дивую разуму я женскому:
«Мужъ-отъ въ лѣсъ, жена и замужъ пойдетъ,
«У нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«А дивую я солнышку Владиміру
«Со своей княгиней со Опраксіей,
«Что солнышко Владиміръ тотъ сватомъ былъ.
«А княгиня-то Опраксія да была свахою,
«Они у жива мужа жону да просватали».
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи во сыру землю.
Говоритъ Олешенько Левонтьевичъ:
— Ты прости, прости, братецъ мои названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
— Ты въ той винѣ прости меня во глупости,
— Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,

Digitized by Google

— Подли мóлодой Настасіи да Викуличной. —
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиничь:
«А въ той вины братецъ тебя Богъ проститъ,
«Что ты пóсидѣлъ подли́ моёй да любимóй семьи,
«Подли молодой Настасіи Микуличны!
«А въ дру́гой вины братецъ тебя нé прощу.
«Когда пріѣзжалъ изъ чиста́ поля во перво́ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Микитича:
«Убитъ лежитъ да на чистомъ полѣ.
«А тогда-то государыня да моя родна́ матушка
«А жалешенько она да по мнѣ плакала,
«Слезила-то она свои да очи ясныя,
«А скорбила-то своё да лицо бѣлое,—
«Такъ во этой вины братецъ тебя нé прощу».
Какъ ухватитъ онъ Олешу за желты́ кудри,
Да онъ выдернетъ Олешу черезъ дубовъ столъ,
Какъ онъ броситъ Олешу о кирпи́ченъ мостъ,
Да повыдернетъ шалыгу подорожную,
Да онъ у́чалъ шалыгищемъ охаживать,
Что въ хлопаньѣ-то охханья не слы́шно вѣдь,
Да тольки-то Олешенка и женатъ бывалъ,
Ну стольки-то Олешенка съ женой сыпалъ.
Всякъ-то братцы на́ вѣку видь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ женитьбы той Олешиной.
Тутъ онъ взялъ свою да любиму́ семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошолъ къ государыни да и родной матушкѣ,
Да онъ здыялъ доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину́ скажуть,
А синему морю на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Петрозаводскѣ, 20 іюня.

Digitized by Google

150.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 16).

Во стольномъ было во городѣ Кіеви,
Да у ласкова у князя у Владиміра,
Какъ было пированье почестный пиръ
Да на многіихъ тыхъ князей, бояръ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыихъ браныихъ,
Званыихъ браныихъ, го́стей приходящіихъ.
Всѣ-то на́ пиру да наѣдалися,
Всѣ-то на чёстномъ да напивалися,
Всѣ-то на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конемъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ
Иный хвалится есть села и со приселкамы,
Иный хвалитъ города и съ пригородками,
Умный хвастаетъ да ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Изъ-за того было стола да изъ-за ду́бова
А не зо́лота звонка́ труба да вытрубила,
Испроговорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай вы, эй вы, князи бояра!
«Какъ нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастати:
«Нѣту у меня да золото́й казны.
«Ты первый русьскій сла́вный бога́тырь,
«Старый казакъ Илья Муромечь!
«Съѣзди-ка ты да въ Золоту орду,
«Повыправь-ка мнѣ дани вы́ходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«А ты дру́гой русьскій сла́вный бога́тырь,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничь!

Digitized by Google

«Съѣзди-ка ты да во Турецію,
«Повыправь-ка тамъ дани выходы,
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.
«Третій русьскій славный богатырь,
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-ко ты да во Швецію
«Ай повыправь-ко тамъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ».
Согласились три русьскихъ три могучихъ три богатыря,
Пріѣха́ли ко кресту къ Леванидову,
Тутъ они крестами да побратались.
Который же изъ нихъ былъ старшій братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ старшій братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ былъ средній братъ,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ ме́ньшій братъ.
Который-то пораньше повы́ѣдетъ,
А ко другому-то ѣхать да й на выруху.
Старый-то казакъ Илья Муромецъ
Отправился да въ Золоту орду,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ во Швецію.
Какъ тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взыскалъ-то свои дани выходы,
Привозилъ ко солнышку да ко Владиміру.
Получаетъ онъ свои да дани выходы
За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской;
«Знай Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пишетъ мнѣ де Бухарь царь заморскія:
«Проситъ онъ съ меня да́ни выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиной».
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Напиши-ко ты скорописчатые ёрлыки,

Digitized by Google

— Што отпущены у тебя дани выходы
— За Михайломъ Потыкомъ сыномъ Ивановымъ,
— А я поѣду да безъ выходовъ. —
Поѣхалъ ко Бухарю царю заморскому:
«Ты здравствуешь Бухарь да царь заморскія!
«Я привезъ тебѣ да дани выходы,
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— Гдѣ же у тебя да дани выходы? —
«Дани выходы остались во чистомъ полѣ.
«Я везу монетою все мѣдною,
«Какъ тележочки да пріосыпались,
«Тамъ остались мужики да вѣдь починивать».

Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются,
— Со той съ великія со радости,
— Какъ получатъ-то у васъ да дани выходы?—
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Что у насъ въ Россіи забавляются:
«А й играютъ въ карты биліарты,
«Да играютъ въ шашечки кленовыя,
«На тыйхъ дощечкахъ на дубовыихъ».
Оны стáли йграть во шашечки кленовыя,
Какъ наставили дощечку они первую,
Тотъ Бухарь да царь заморскія
Положилъ онъ на дощечку дани выходы,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку онъ добра коня.
Проигралъ Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ своего онъ добра коня
Онъ Бухарю то ему царю заморскому.
Какъ наставили дощечку они другую,

Digitized by Google

Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на̀ дощечку дани выходы,
Да положилъ Михайлина добра коня,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на̀ дощечку буйну голову.
Сыграли то дощечку они другую,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Со Бухаря со царя да й дани выходы.
Наставили дощечку они третью.
Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на дощечку онъ полцарства пол-имѣйство де,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани выходы.
Сыграли какъ дощечку они третью,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
И онъ полцарства-то повыигралъ, да пол-имѣйство де,
Со Бухаря со царя да й со заморскаго.
Какъ о тую было пору да о то время,
А й дубовая то дверь да отпи́рается.
Приходилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
А самъ говорилъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
— А твоя жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
— Ай подоленка да королевична,
— Уѣхала во землю Политовскую
— Со тоимъ ко́ролемъ со политовскіимъ. —
Разсердился тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Схватитъ онъ дощечку да дубовую,
Да отброситъ въ дверь да во кленовую,
Да повылетитъ вонъ двери съ ободвереньемъ.
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ты эй же братецъ мой крестовой

Digitized by Google

«Старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Получай-ко со Бухаря со царя да со заморскаго
«А полцарства ты, да пол-имѣйство де.
«Я поѣду нонь во землю Политовскую,
«Я искать своей да Марьи лебедь бѣлоей,
«Я подоленки да королевичной».
Пріѣзжаетъ онъ во землю Политовскую.
Заѣхалъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А та подоленка да й королевична
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Увидала тутъ Михайлу Потыка сына Ивановича,
Да й сама говоритъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, а мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, а мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ка сію чару единой рукой,
— Да ты выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
— Да й ко ласкову ко князю ко Владиміру. —
Онъ Михайло до вина да былъ упачливой.
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Да онъ выпилъ вѣдь всю чару единымъ духомъ,
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

А тая жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
А й подоленка да королевична,
Броситъ то Михайла да черезъ плече,
Вела Михайлу во чисто поле,
А сама къ Михайлѣ приговаривала:
— Гдѣ былъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,

Digitized by Google

— Тутъ стань бѣленькій горючій да нынѣ камешекъ. —
И тутъ Михайло да окаменѣлъ.

Съ тыя поры да съ того времени,
Сожалѣли его братьицы крестовыи,
Накрутилися они каликама,
Да й пошли они во землю Политовскую.
На той на́ пути да на дороженьки
А й сустигли тутъ старчище полигримище.
Говорилъ старчище полигримище:
«Ахъ вы русски могучи богатыри!
«Пригласите вы старчища полигримища
«А итти-то намъ во землю въ Политовскую».
Пригласили тутъ старчища а полигримища,
Да й пошли они во землю въ Политовскую.
Да й приходятъ то во землю Политовскую,
Къ тому ко́ролю да политовскому.
Пришли они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Подъ тоё косивчато окошечко,
Попросили то они да тутъ милостыню.
Какъ тутъ терема́ да пришаталиси,
А околенки да пріосыпались.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична,
И сама говоритъ да таково слово:
— Ты й король земли да Политовскія!
— Это есть то не калики перехожіи,
— А есть русскіи могучіи богатыри!
— Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменныя,
— Да корми каликъ ты тѣперь досыта,
— Да напой каликъ ты тѣперь допьяна. —
Садили каликъ за столы да за дубовыи,
Онъ кормилъ каликъ да вѣдь тутъ досыта,
Онъ поилъ каликъ да вѣдь тутъ допьяна,

Digitized by Google

Онъ дарилъ каликъ да вѣдь тéперь долюби,
Много онъ дарилъ да злата-серебра.
Пошли какъ тутъ калики перехожіе
Отъ того отъ кóроля да политовскаго,
Пришли они къ бѣлому горючему ко камешку.
Говорилъ старчище полигримище:
«Станемте ко братцы животы дѣлить».
Говорятъ тутъ русскіи могучіи богáтыри:
— А дѣли-ко ты старчище полигримище! —
Онъ сталъ дѣлить старчище полигримище,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорилъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты эй старчище полигримище!
«Ты что дѣлишь на четыре да на четверти?»
А говорилъ старчище полигримище:
— А тому изъ насъ братцы да четверта часть,
— Кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо! —
Принялся молодой Добрыня сынъ Микитиничь
Ко эвтому горючему ко камешку,
Да здынулъ онъ камень по колѣни себя, —
По колѣнушка Добрынюшка во землю угрязъ.
Прискочилъ какъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А здынулъ онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ Илья да онъ въ землю угрязъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«А здымай-ко ты старчище полигримище!»
Какъ тотъ старчище полигримище
Прискочилъ къ горючему ко камешку,
Хватилъ этотъ камень да конéцъ рукмы,
Броситъ камень этотъ да черезъ плечо,
Самъ ко каменю да приговаривалъ:
— Гдѣ былъ бѣленькій горючій да тотъ камешокъ,
— Тутъ повыскочи Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ! —

Digitized by Google

Тутъ повыскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Фу, фу, фу, братцы! я коль долго спалъ!»
Говоритъ калика перехожая:
— Если бы не я, такъ ты и вѣкъ бы спалъ!—
Говорили ему да братьица крестовыи:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ съ нами коó граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру!»
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Я пойду къ коóролю да къ политовскому,
— За тоей за Марьей лебедь бѣлоей,
— За подóленкой королевичной. —
Простился онъ съ бóратьями крестовыми,
Да й приходитъ онъ въ землю да Политовскую,
Ко тому къ коóролю къ политовскому.
А й заходилъ онъ какъ на широкой дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала то да Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична.
Наливала чару питья забудýщаго,
Выбѣгаетъ на крыльцо на переное,
Сама говорила да таково слово:
«Прими сію чару единой рукой,
«Да ты выпей чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коó граду ко Кіеву,
«И ко ласкову да князю ко Владиміру».
Онъ Михайло до вина то былъ упачливой:
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпилъ чару единымъ духомъ.
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А тая же Марья лебедь бѣлая,
Да схватила то Михайла за желты кудри,
Да стащила въ глубóкъ погребъ.

Digitized by Google

Прибила Михайлу она на́ стѣну,
Прибила ему руки-ноги гвоздями,
Не хватило то гвозда ему сердечнаго.
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку
Покупать гвозда́ ему сердечнаго.
А во тую пору да въ то время,
Та Настасья королевична
Пошла смотрить русьскаго могучаго богатыря.
Тутъ богатырь ёй да и понравился.
А тянула она гвозди съ него нёктями,
И прибила то татарина тутъ мёртваго,
Мёртваго да й мёрзлаго.
Сама говорила да такого слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Иваѣовичъ!
— Ты дай мнѣ заповѣдь великую,
— Что отрубить-то Марьѣ буйну голову,
— Меня взять замужъ Настасью королевичну.—
Онъ далъ ей заповѣдь великую.
Тая жъ Настасья королевична
Завернула его въ шубу соболиную,
Провела она въ покои во особые.
Какъ заростилъ эти раночки кровавои,
Тогда молода Настасья королевична
Говорила королю то политовскому:
— Ты эй государь мой-родной батюшко!
— Обсѣдлай-ко мнѣ коня да богатырскаго
— Мнѣ-ка ѣхать во чисто поле поляковать. —
И отпустила она русскаго могучаго богатыря
Во тое во чисто поле поляковать.
Пріѣзжаетъ какъ богатырь изъ чиста поля,
Заѣзжаетъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскімъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична,

Digitized by Google

Наливала чару питья забудущаго.
Выбѣгаетъ на крылечко на переное,
Да подноситъ то Михайлѣ Потыку сыну Иванову:
«Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прими-ко чару единой рукой,
«Да й выпей сію чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коó граду ко Кіеву
«Ко ласкову князю ко Владиміру».
Мыхайло до вина да былъ упачливой:
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,
Увидала Настасья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична:
— Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А ты знать нарушилъ свою заповѣдь! —
Спомнилъ-то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да смахнулъ своей да саблей востроей,
И отнесъ онъ Марьѣ буйну голову,
Той подоленкѣ да королевичнѣ.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ младу Настасью королевичну,
Да й поѣхали коó граду ко Кіеву,
И ко ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дни было пированьице
Про Михайлу Потыка сына Ивановича,
Что отрубилъ онъ Марьѣ буйну голову,
А онъ взялъ замýжъ Настасью королевичну.
Тутъ вѣкъ по Михайлу старину поютъ
Синему-то морю да на тúшину,
А вамъ добрымъ-то людямъ на послушаньѣ.

Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня.

Digitized by Google

151.

СТАВЕРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 20).

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
Да у ласкова было князя̀ Владиміра,
Было пированьицо почестной пиръ
А на многихъ кня́зей да на бо́яровъ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыхъ браныихъ,
Званыхъ браныхъ, го́стей приходящіихъ.
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на честно̀мъ да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конёмъ,
Иный хвастаетъ да шелковы́мъ портомъ,
Иный хвалитъ села со приселками.
Иный хвалитъ города да съ пригородками.
Богатый хвастатъ золотой казной,
Умный хвастатъ ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй, Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
«Пріѣхалъ ты изъ зе́мли Ляховицкія,
«Ты самъ сидишь, да ты не хвастаешь.
«Аль нѣту у тебя да золотой казны?
«Аль нѣту у тебя да добрыхъ ко́меней?
«Аль нѣту сёлъ со приселками?
«Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
«Аль не славна твоя да ро́дна матушка?
«Аль не хо́роша твоя да молода жена?»
Говоритъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть есть у меня да золотой казны,
— Золота казна у мо́лодца не то́щится,
— И то мнѣ мо́лодцу не по́хвальба;

Digitized by Google

— Хоть есть у меня да добрыхъ комоней,
— Добры комони стоятъ да все не ѣздятся,
— И то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть есть города и съ пригородками,
— И то мнѣ мо́лодцу не по́хвальба;
— Хоть есть и село́въ да со приселками,
— И то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Да хоть славна-та моя ро́дна матушка,
— Такъ и то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть и хо́роша моя да молода жена,
— Такъ и то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Васъ князей бояръ она повыманитъ,
— Тебя солнышко Владиміра съ ума сведетъ. —
Тутъ всѣ на пиру и призамолкнули.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мы засадимъ-ко Ставра во по́греба глубокіи,
«Да пущай Ставрова молода жена
«А Ставра она изъ погреба повыручитъ,
«Васъ князей бояръ да всѣхъ повыманитъ
«А меня Владиміра съ ума сведетъ».
Посадилъ Ставра во по́греба глубокіи.
А былъ у Ставра тутъ сво́й чёлъвѣкъ,
Онъ садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю́ Ляховицкую
Къ молодой Василисты ко Никуличной:
«Ахъ ты эй Василиста дочь Никулична!
«Ты сидишь да пьешь да забавляешься
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ твой молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Какъ посаженъ онъ во по́греба глубокіи,
«Что похвасталъ онъ тобой да молодой женой,
«Что князей бояръ ты всѣхъ повыманишь,
«Его солнышка Владиміра съ ума сведешь».
Говоритъ Василиста дочь Никулична:

Digitized by Google

— Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
— Если силой выручать Ставра — не выручить,
— Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
— А своёй догадочкою женскою. —
Скорешенько бѣжала она къ фершеламъ,
Подрубила волосы по молодецкіи,
Накрутиласи Василіемъ Никуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ стрѣльцёвъ
И сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Поѣхала ко-о́ граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Не доѣдучи до-о́ града до Кіева
Пораздёрнула она хо́рошъ бѣлъ шатеръ
Да й оставила дружину у бѣла́ шатра
Сама поѣхала ко-о́ граду ко Кіеву
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Приходитъ во палаты бѣлокаменны,
Она крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да поклоняется
На вси три четыре на стороны,
Солнышку Владимі́ру въ особину:
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
«Ты откуда есть, уда́лый добрый молодецъ,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Какъ тебя именёмъ зовутъ,
«Нарекаютъ те́бе по отечеству?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Что я есть изъ зе́мли Ляховицкія
— Того ко́роля сынъ ляховицкаго,
— Молодой Василій да Микуличъ де.
— Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ

Digitized by Google

— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу съ дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перецки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говоритъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли съ пути да со дороженки
«Сходить теби во парную во баенку?»
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— И это съ дороги да не худо бы. —
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили какъ во парную во баенку,
Онъ пошолъ во парную во баенку,

Digitized by Google

Но покудова Владиміръ снаряжается,
А посолъ той порой во баенки попарился.
Изъ байни-то идетъ, ему и честь отдаетъ:
— Благодарствуешь на парной на баенки! —
Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
«Ты же мéне въ баенки не пóдождалъ.
«Я бы въ баенку пришолъ а тебѣ пáру поддалъ,
«Я бы пару поддалъ да и тебя обдалъ».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что ваше дѣло-то домашное,
— Домашное дѣло княженецкое,
— А наше дѣло-то посольное,
— Недосугъ вѣдь долго да намъ чваниться
— А во баянки-то долго да намъ париться,
— Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ объ свáтовствѣ
— На твоей любимой на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходитъ-то къ дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Гóворитъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому

Digitized by Google

— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли тебѣ да послѣ парной баенки
«Отдохнуть во ложни-то во тёплыи?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— И это послѣ баенки не худо бы. —
Приходитъ какъ во ложню-ту во тёплую,
Головой-то онъ ложился гдѣ ногамъ-то быть,
А ногами-то ложился на подушечку.
Какъ выходитъ вонъ изъ ложни-то изъ тёплыи,
Шолъ туда Владиміръ стольнё-кіевской,
Посмотрѣлъ онъ ложни его тёплыи,
И самъ говорилъ да таково слово:
«Есть широкія плеча да богатырскія».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ

Digitized by Google

«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавашь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де:
«Не угодно-ли со мóими дворянами потѣшиться,
«Сходить съ нимѝ да на широкій дворъ
«Стрѣлять въ колечко золоченое,
«Во тое остріе́ да во ножевое
«Расколоть бы стрѣлочка да надвое,
«Чтобы мѣрою однаки и вѣсóмъ ровны?»
Говорилъ Василій да Никуличъ ли:
— Остались стрѣльци да во чистóмъ поли,
— Во чистомъ поли да у бѣла шатра:
— Неужоли самому-то поотвѣдати? —
Выходитъ онъ да на широкій дворъ,
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ да пе́рво кня́зевой,
Первый разъ стрѣлѝлъ онъ не дóстрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣлѝлъ онъ да пере́стрѣлилъ,
Трегій разъ стрѣлѝлъ онъ и не́ попалъ.
«Стрѣляй-ко ты Василій да Никуличъ де!»
Какъ тотъ Василій да Никуличъ де
Натягиватъ скорешенько свой тугой лукъ,

Digitized by Google

Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ во колечко золоченое
Въ тое востріе да во ножевое,
Раскололъ онъ стрѣлочку-ту надвое,
Оны мѣрою однаки и вѣсо́мъ ровны.
И самъ говоритъ онъ таково слово:
— Я пріѣхалъ вѣдь о добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я еще схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Никуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми!
— Отдавашь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкій
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкій,
«Молодой Василій да Никуличъ де!

Digitized by Google

«Не угодно ли со мóими дворянами потѣшиться,
«На широкомъ-то двори да поборотися?»
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Остался борци да во чистóмъ поли,
— Въ чистомъ поли да у бѣлá шатра:
— Неужоль мнѣ самому да поотвѣдати? —
Выходитъ онъ какъ на широкій дворъ,
Сталъ Василій тутъ боротися,
Того захватитъ въ руку, дрýгого во дрýгую
Третья склéснетъ во серёдочку,
По трое заразъ онъ на зéнь ложилъ,
Которыихъ положитъ, тыи съ мѣста нé встаютъ.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Молодой Василій да Никуличъ де!
«Укроти-ко своé сердце богатырское,
«Оставь людей мнѣ хоть на сúмена!»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ,
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
— Если съ чести нé дашь, такъ возьму нé съ чести,
— Нé съ чести возьму да теби бокъ набью. —
Не пошолъ онъ больше къ дочери-то спрашивать,
Да сталъ онъ дочь свою просватывать.
Какъ пиръ идетъ у нихъ пó третій день,
Севодни имъ итти да ко Божьёй церквы,
Принимать съ Васильемъ по златý вѣнцу.
Закручинился Василій, запечалился,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи онъ во сыру землю.
Подходитъ-то Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй Василій да Никуличъ де!

Digitized by Google

«Что же ты севодни да не веселъ есть?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что-то будетъ на разумѣ не весело.
— Либо батюшко мой есть да померъ вѣдь,
— Либо матушка моя да померла.
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ загусельщиковъ
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Привели они мла́дыхъ загусельщичковъ,
Всё они играютъ всё не ве́село.
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ затюрёмщичковъ
— Поиграть во гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюрёмщичковъ,
И всё они играютъ всё не весело.
Говорилъ Василій да Никуличъ де!
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка
— Что былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во погребѣ глубокіи.
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Мнѣ какъ выпустить Ставра, такъ не видать Ставра
— А не выпустить Ставра, такъ разгнѣви́ть посла. —
А не смѣетъ онъ посла да ра́згнѣвить,
Онъ повыпустилъ Ставра изъ погреба,
Ставёръ сталъ играть во гуселышка яровчаты.
Развеселился тугъ Василій-то Никуличъ де,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Помнишь-ли Ставёръ да памяту́ешь ли,
— Какъ мы маленьки на уличку похаживали
— И мы съ тобою сваечкой поигрывали?
— Твоя-то была сваечка серебряна,
— А мое было кольцо да подзолоченое,

Digitized by Google

— Я-то попадывалъ тогды́-сегды
— А ты попадывалъ всегды́-всегды? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«Да я съ тобою сваечкой не игрывалъ».
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Помнишь ли Ставёръ да памятуешь ли,
— Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамотѣ учились,
— Какъ моя была чернильница серебряна
— А твое было перо да подзолочено:
— Я-то помакивалъ тогды́-сегды
— А ты помакивалъ всегды́-всегды? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«И я съ тобою грамотѣ не учивался».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Спусти Ставра съѣздить до бѣла́ шатра
— Посмотрѣть дружинушки хоробрыя. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мнѣ спустить Ставра̀, такъ не видать Ставра,
«А не спустить Ставра, такъ розгнѣви́ть посла».
А не смѣетъ онъ посла поро́згнѣвить,
Спустилъ Ставра съѣздить до бѣла̀ шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
Пріѣхали они ко бѣлу́ шатру,
Слѣзли они со добры́хъ коней.
Тутъ мо́лодой Василій да Никулицъ де
Зашолъ онъ скоренько въ хо́рошъ бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя онъ платье молодецкое,
Надѣвалъ на се́бе платье женское,
Выходитъ онъ на улицу на ши́року,
Самъ говорилъ онъ таково́ слово:
— Топерича, Ставёръ, меня ты знаешь ли? —

Digitized by Google

Говорилъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Ахъ ты эй млада Василиста дочь Микулична!
«Не поѣдемъ больше кѡ граду ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А уѣдемъ мы во землю Ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— А не честь хвала тебѣ-ка добру молодцу
— Тебѣ вóровски изъ Кіева уѣхати,
— А поѣдемъ ко князю ко Владиміру,
— Мы станемъ свадебки доигрывать. —
Пріѣхали они ко солнышку Владиміру
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Зачто былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во пóгреба глубокіи? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«А похвасталъ онъ своей да молодой женой,
«Что князей бояръ да всѣхъ повыманитъ,
«Меня солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Такъ что же у тебя теперь на разуми?
— Выдавашь дѣвчину самъ за женщину,
— За меня-то Василисту за Микуличну! —
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны̀ очи во сыру землю,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«За твою великую за пóхвальбу
«А торгуй въ нашѡмъ во-б градѣ во Кіевѣ
«Ты во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошлины».
Тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Поѣхалъ онъ во землю Ляховицкую

Digitized by Google

Съ молодою Василистой со Микуличной.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину́ поютъ
Синему морю-то на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шанье.

Записано тамъ же, 30 іюня.

152.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 49).

Во тои́ во Инде́и во бога́тыя,
У честно́й вдовы Мамельѳы Тимоѳеевнѣ
Тамъ былъ мо́лодой боя́ринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ все по за́водямъ,
Стрѣлялъ сѣрыихъ гусей и стрѣлялъ ле́бедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ равно триста стрѣлъ,
Равно триста стрѣлъ, эще три́ стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ каменя изъ-подъ яфонту
Онъ изъ-подъ яфонту самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла, три орловица;
Не тѣхъ, которыи летаютъ на святой Русѣ,
Которы летаютъ надъ синемъ моремъ:
Онъ сидитъ орелъ на бѣленькомъ на ка́мешки,
И когда онъ утритъ перьица орлиныя,
Тогда ѣздятъ мужики́ оны Индѣйскія
Покупаютъ это перьицо орлиное
И привозятъ это перьицо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
И со тоя со великія со радости

Digitized by Google

Пошолъ къ государыни родной матушки
Просилъ у нёй бла́гословенья
Ѣхать ко граду Кіеву
И ко ласковому князю ко Владиміру,
Прямой дорожкой, не окольною.
И говорила государыня ему родна матушка
Честна́ вдова Мамельѳа Тимоѳеевна:
— Ахъ ты гей рожоно моё дитятко
— Не дамъ я ти прощенья съ благословеньицомъ
— Той прямой дорожкой не окольною.
— Что на той прямой дорожки не окольныя
— Есть три за́ставы великіихъ.
— Первая та за́става великая:
— Стоятъ тамъ горы толку́чіи;
— Тыи жъ какъ горы врозь росто́лнутся,
— И тогда онѣ вмѣсто сто́лнутся,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— И тутъ тебѣ молодо́му жи́ву не́ бывать.
— Другая есть великая за́става:
— Сидятъ дви птичи тамъ клевучіихъ
— Тыи птичи тебя съ конемъ склюють:
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати.
— Третія за́става великая:
— Лежитъ Змѝище да Горы́нчище.
— О двина́дцати змия о хо́ботахъ;
— И тая змия тебя съ конёмъ сожрётъ,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ-ко-ва живому не́ бывать. —
Онъ бояринъ своей матушки не слушался,
Идетъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду себѣ въ руки тесмянную,
Одивалъ на мала буру́шка-кову́рушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ бурка́ питьемъ медвяныимъ.

Digitized by Google

И кормилъ его пшеною бѣлояровой,
И сѣдлалъ бурка на сѣдёлышко черкальское,
И потницки кладетъ на потницки,
И на потницки онъ кладетъ войлоцки,
Клалъ на войлоцки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатой клалъ ради крѣпости.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна злота
А шпеньки были у пряжки все булатныя
Чтобы добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вырутилъ.
Провожала-то его родна матушка
На прощанье ему словчё смолвила:
— Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ во гради во Кіеви
— У славнаго князя у Владиміра,
— Ты не хвастай животишками сѣротскими,
— И сѣротскими животишками вдовиными. —
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
Онъ ко землѣ бурко тутъ припадывалъ;
Испровѣщится ему добрый конь,
Въ видѣ голоса человѣческа:
— Ты эй, хозяинъ мой любимыя,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,
— Бери земли сыро-матерой,
— Подвязывай подъ пелецко подъ правое
— И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно бы сидить на добромъ кони,
— А я стану малый бурушко поскакивать,
— Съ горы на гору, и съ холмы на холму,
— Буду рѣки и возёра перескакивать

Digitized by Google

— Гдѣ широкія раздолья — и между но́гъ пущать. —
Пріѣзжаетъ онъ ко первы́я заставы
Гдѣ стоятъ тутъ горы толкучи;
Тые жъ какъ горы врозь расто́лнулись
И не успѣли горы вмѣсто сто́лнуться,
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Ко другой ко заставѣ прискакивалъ:
Сидятъ тутъ птицы клевучіи
И не успѣли птицы крылышекъ распра́вити,
Онъ и другу за́ставу проска́кивалъ.
Ко третей ко заставѣ прискакивалъ:
Лежитъ змиѝще да Горы́нчище,
О двѣнадцати змия о хо́ботахъ:
Не успѣла змия хо́боту расправити,
Онъ и третью за́ставу проска́кивалъ.
Онъ ко́ граду ко Кіеву прискакивалъ,
Заѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,
И оставилъ своего добра̀ коня,
Добра коня середь бѣла̀ двора,
Не привязана и не приказана;
Самъ пошелъ во переднюю во столовую.
Крестъ кладетъ по писа̀ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному
На всѣ три-четыре на стороны,
Княгини-то Опраксіи да въ со́бину:
«Ты здравствуешь, княгиня да Опраксія!
«Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольный кіевскій?»
Отвѣчала княгиня тутъ да Опраксія:
— Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій къ оби́дни сшолъ. —
Онъ пошелъ во церковь ту во Бо́жію:
По тыя идетъ по улицы по ши́рокой
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Ихъ по́длило водою тутъ дожжевою,
Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;

Digitized by Google

Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
Идучи во церковь-то во Божію,
Приходитъ онъ во церковь во Божію
Крестъ кладетъ по писáному
Да поклонъ ведетъ по учёному,
На вси три-четыре на стороны,
И солнышку Владиміру да въ собину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ стольный кіевскій
«Съ молодой княгиней со Опраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты откýдашной, удáлой доброй молодецъ,
— Ты коéй орды, ты коéй земли,
— И какъ тебя именёмъ зовуть,
— Нарекають тебя по отечеству? —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что я есть изъ Индѣи изъ богатыя
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
«Отстоялъ я дома раннюю заутрену
«Сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ-де».
Говорятъ вси князи, вси бóяра,
И тая жъ говоритъ вся мелка чета:
««Что не быть это молоду боя́рину,
««Тому де Дюку Степанову,
««Есть какой нибудь дѣти́нушка залѣ́шаникъ,
««Онъ убилъ купца, либо боярина,
««Платьевъ дѣтина не видаютци,
««И все онъ на платье поглядыватъ»».
Вышли они изъ Божьёй церквы
Становились на мѣсто на плóское
На тую дуброву на зеленую.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіеви у васъ да не по нашому:

Digitized by Google

«Церкви все у васъ да деревя́нныя,
«У васъ маковки на церквахъ всѣ оси́новы,
«Мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны,
«Ихъ подлило водою тутъ дожжевою,
«Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди;
«Замаралъ я сапожки-ты зелёнъ сафьянъ,
«Идучись во церковь ту во Божію».
Приходятъ тутъ ко́ князю ко Владиміру,
Садились за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ мякишъ-отъ ѣстъ, корку подъ сто́лъ мечётъ.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ты на что же мякишъ ѣшь, корку подъ столъ мечешь?—
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:
«У васъ пе́чечьки да все глиняны
«Да и помялчики у васъ сосновые,
«Пахнуть калачики крупивчеты
«На тую на глину на ручьёвую
«И на тую на сѣру на сосновую,
«На сосновую на сѣру на капучую;
«Не могу я йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
«Какъ у насъ было во Индѣи во богатыя,
«Какъ у моей государыни родной матушки,
«У честной вдовы Мамельѳы Тимоѳеевной,
«Какъ пекетъ она калачики крупивчеты,
«У ней печечки все муравлены
«Да и помялчики у ней шелковыя,
«Какъ калачикъ-отъ съѣшь, другого хочется,
«Другой съѣшь — по третьему душа горитъ,

Digitized by Google

«Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
— Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать
— Снова на́ ново, все на три года,
— По три года да еще и по три дни,
— Чтобы на всякій день кони были смѣнные
— И смѣнные кони перемѣнные,
— Чтобы въ три года такой больше не́ было;
— Чтобъ на всякій день платья были смѣнныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Сново на́ ново, все на три́ года,
— На три́ года, да еще на́ три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣту не было.—
Ударили они о великъ закладъ,
По тоёмъ было Чурилѣ по Пленко́вицѣ
Держали поруку-то двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черни́говымъ;
А по тоемъ было по мо́лодомъ бояринѣ,
По немъ не было ника́ковой пору́кушки,
Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его батюшка,
Не спустятъ-то боярина, домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
Закручинился бояринъ запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи въ сыру землю
Садился скоро на ременсатъ стулъ,
И написалъ онъ скорописчатые ерлуки,
Полагалъ въ сумки перемётныя,
Отпущалъ мала бурушка-кову́рушка,
Сталъ его бурушка поска́кивать

Digitized by Google

Съ горы на гору, съ хóлмы нá холму,
Рѣки-озера перескáкивать,
Гдѣ широкіи раздолья межу ногъ пущать.
Куда будетъ онъ во Индѣи во богатыя
У него государыни родной матушки
Заржалъ голосомъ лошадинымъ;
Услыхала государ́ыни родна матушка,
Выбѣгала она на крылечко на перёное,
Сама говоритъ да таковó слово:
«Видно нѣтъ жива рожонова дúтятки,
«Стоитъ у крыльца одинъ дóбрый конь».
Какъ увидла она сумки перемётныя,
Сама говоритъ таково слово:
«Что рожоно мое дитятко захвасливо,
«И захвасливо, да-знать-захвачено»
Брала она сумки переметныя,
И читала скорописчатые ёрлуки,
Полагала-то ему да платьевъ цвётнихъ,
По три пары положила да на всякій день,
Съ ново на ново на три года,
И на три года, эще на три дни,
Отпустила мала бурушка-ковурушко.
Какъ будетъ его бурушка во Кіеви
У Владиміра на широкомъ двори,
Заржалъ голосомъ лошадинымъ,
Что тутъ теремы пошатилися
Да околенки чуть не сыпались,
Вси во градѣ пріужáхнулись.
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выбѣгаетъ скоро на широкій дворъ
Увидѣлъ своего добрá коня,
Получалъ свои платьевъ цвѣтныихъ
По три пары получилъ онъ на всякій день.
Тутъ поѣхали они въ чистó поле.

Digitized by Google

Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поѣхалъ на одномъ-то добромъ конѣ.
Какъ пораньше онъ поутрушку повыстанетъ,
Бурка свого въ росы повы́кататъ,
И на бурки-то шерсть да перемѣнится.
Проѣздили они тутъ по три годовъ,
По три года, эще и по три дни;
Пришли они ко Божьёй церквы
Заходили въ церковь-ту во Божію.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ —
Какъ во своемъ во градѣ ему дѣется, —
Такъ становился онъ на кры́лосо на пра́вое,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Такъ становился онъ на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Да изъ петелки было въ петелку.
Пловетъ Змиишечко-Горынчищо.
Тутъ всѣ въ церкви пріужахнулись
Сами говоря́тъ таково́ слово:
««Какъ у нашего Чурилки у Пленковица
««Есть отмѣточка противъ молода боярина
««Что еще некуда бодрѣе ему выступить»».
Закручинился бояринъ, запечалился,
И повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи во сыру́ землю,
Онъ сталъ плетонкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ запѣли птичы тутъ пѣвучіи,
Закричали звѣри тутъ рыкучіи,

Digitized by Google

Тутъ вси во церкви да о зе́нь пали,
О зе́нь пали, да они обмерли.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей намъ хо́ть на си́мена. —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не твое вѣдь я севодня ѣмъ, да кушаю,
«Не хочу тебя теперича послушати».
Говоритъ владыка-то Черниговскій,
Тотъ крестовъ его батюшка:
— Ахъ ты эй, крестово мое дитятко!
— Ты послушай крестоваго батюшки,
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей хоть намъ на си́мена. —
Онъ послушалъ крестоваго батюшка,
Пріунялъ птичекъ тыхъ пѣвучіихъ
И призакликалъ звѣрей всѣхъ рыкучіихъ,
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говоритъ Чуришка Пленковичъ:
««Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
««Ударимъ-ко еще о великъ закладъ:
««Переѣхать намъ черезъ Пуча́й-рѣку,
««Пучай-рѣка на два по́прища;
««Который-то не можетъ да пере́скочить,
««Тому изъ насъ и голова́ рубить»».
Пріѣхали они ко Пучай-рѣки.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты эй Чурилушка Пленковичъ!
«Твоя по́хвальба сегодня на перёдъ зашла,

Digitized by Google

«Поѣзжай черезъ рѣку́ ты попе́реди».
Тогда Чурилушка Пленковичъ
Приправилъ своего добра́ коня,
Добра коня черезъ Пучай-рѣку:
О полу-рѣки Чурила въ воду вве́рзился.
Тотъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скочилъ черезъ Пуча́й рѣку,
Еще того скорѣе поворо́тъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Онъ Чурилу за желты кудри захва́тывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конёмъ съ воды,
Не спустилъ Чурилы онъ до Кіева,
До солнышка до Владиміра,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ты солнышко, Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Не руби-ко ты Чурилы буйной го́ловы,
— А оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти. —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты эй, Чурилушка Плёнковичъ!
«Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
«Пусть ты Кіевскими-то бабами оплаканный!
«Да не ѣзди съ нами со бурла́ками,
«А ѣзди во́ гради во Кіеви
«Ты во Кіеви во́ гради межу бабами!»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты торгуй въ нашомъ вое́ гради во Кіеви,
— Въ Кіеви да вѣдь безъ пошлины. —
Тогда Владиміръ стольный кіевскій
Онъ сталъ посылать туды общѣщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:

Digitized by Google

Стараго казака Илью Муромца,
Въ другихъ смѣлаго Олешу Поповица.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не посылайте-ко Олешеньки Поповица,
«Его глазишецка попóвскіе,
«Поповскіе глазишецка завидливы,
«А ему оттоль съ Индѣи да не выѣхать!
«Пошли ты молода Добрынюшку Никитича».
Какъ поѣхали въ Индѣю во богатую.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Вы́стали на гору́ на высóкую,
Увид'ли Индѣю богатую,
Сами говорятъ таковó слово:
«Знать, что мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Онъ послалъ туды вѣсточку не радостну
«Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
«Горитъ Индѣя та богатая!»
Какъ подъѣхали они поближе тутъ,
Увидѣли Индѣю богатую:
Тамъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Пріѣзжали ко Дюку ко Степанову
Къ его государыни ко родной матушки.
Идуть они по улицы по ши́рокой
Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы,
Не замараешь-то сапожковъ зеленъ-сафьянъ
Идуцись во церковь во Божію.
Приходятъ въ палаты бѣлокаменны
Къ его государыни родной матушки;
Сидитъ жена стара-ма́тера,
Стара-ма́тера сидитъ жена вся въ золоти,
Вся въ золоти она да въ серебрѣ.
Они бьютъ челомъ поклоняются,

Digitized by Google

Сами говорятъ таково слово:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-ма́тера:
— Я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова портомывница.
— Подите въ покои во другі́и,
— И тамъ есть Дюкова матушка. —
Приходятъ въ покои во другі́и.
Сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера жена сидитъ вся въ золоти,
Вся въ золоти, она вся въ серебри.
Они бьютъ челомъ, да кланяются:
«Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова да вѣдь калачница,
— Я пеку калачики крупивчаты
— Про того про молода боярина
— Про того про Дюка про Степанова.
— Подите-ко въ покои да въ третіи,
— Тамъ есть Дюковая матушка. —
Идуть они въ покои въ третіи.
Идетъ жена стара-ма́тера
Стара-матера идетъ вся въ золоти
Въ золоти она да въ серебри.
Они бьютъ челомъ, поклоняются:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена да стара-матера:
— Вы здравствуйте, мужики да вы общѣнщики!
— Вы за чѣмъ сюда теперь пріѣхали
— Вы сиротскихъ животишековъ описывать? —
Садилися они тутъ за дубовъ столъ
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчатыхъ:

Digitized by Google

Какъ калачикъ-отъ съидятъ — другого хочется,
Другой съидятъ — по третьемъ и душа горитъ,
Третій съидятъ — четвертый и съ ума нейдетъ.
Какъ вышли они изъ-за стола изъ-за дубова,
Тая жъ де Дюкова матушка
Свела ихъ во погреба глубокіи, ко сбруямъ лошадиныимъ:
Писали они тутъ по три года,
По три года, эще и по три дни,
Не хватило тутъ бумаги листъ гербовыя,
Не могли обцѣнить однѣхъ сбруй лошадиныихъ.
Говорила Дюковая матушка:
— Вы эй мужики, вы обцѣнщики,
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру
— На бумагу-ту пущай-ко-то продастъ весь Кіевъ градъ,
— На чернила-ты продастъ весь Черниговъ градъ,
— И тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать. —
И повела она ихъ по пóгребамъ глубокіимъ:
Вúсятъ бочечки красна золота,
Вúсятъ бочечки чиста серебра,
Висятъ бочечки скáтна жемчуга.
Повывела она ихъ на широкій дворъ:
И течетъ тутъ струйка золоченая, —
Тутъ они не могли и вовсе смѣты дать.
Пріѣхáли ко-ó граду ко Кіеву
И ко солнышку ко Владиміру.
И сказали солнышку Владиміру:
«Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
«На бумагу-ту велѣла продать она весь Кіевъ градъ,
«На чернила продать весь Черниговъ градъ,
«И тожно пріѣхать животишечковъ описывать».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,

Digitized by Google

— Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины. —
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Отправился къ государыни и родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Дюка старину́ скажуть
Синему морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шанье.

153.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 65).

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
«Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
«Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
«Царскую перфиру на себя надѣлъ,

Digitized by Google

«Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко каталося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичь-государь,
Сынъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй государь мой родной батюшка,
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьи носитъ одноцвѣтныя
— Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Тутъ не мутное око помутилося
Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты маленькой Иванушко, царевичь-государь!
«Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
«Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичь государь:
— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился.
— Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— А буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Ѳедора Ивановича.
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
— Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
— А я-то ѣхалъ да по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
— Мы все казнили, да все вѣшали,
— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середчкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,

Digitized by Google

— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувыль-траву да развалялися,
— А которые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
«Ай вы эй, палачи да немило́стивы!
«Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича
«За тыя за рученки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле
«А на тое болотцо-то на житное,
«А на тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову
«За него поступки неумильные!»

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися,
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
««Я безъ счету королей, да королевичей,
««А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!»»
Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Ѳедора да въ чисто поле
На тое болотечко на житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Ѳедору да буйну голову
За него́ поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыни да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,

Digitized by Google

Кунью шубу-ту одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,
«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимыя!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Ѳедору буйну голову. —
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ крычитъ, да самъ рукой машитъ:
«Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!
«Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
«Не казни-тка мла́да царевича,
«Ай тогожъ-де Ѳедора Ивановича».
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Ѳедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову.
А наѣхалъ Никита да Романовичь,
Смахнулъ своей саблей да востроей,

Digitized by Google

Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыихъ
Подъ ты кареты подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ,
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Со своей со любимóй семьёй,
«Съ молодой со Авдотьей со Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Съ тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ
«Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
Исговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Ай того де Ѳедора Ивановича:

Digitized by Google

— Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— Да на тую на плашку да на липову
— Срубить Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные. —
Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей со Романовной,
«Со своима съ малыма съ дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тогожъ де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Ай на тую на плашку да на липову
— Срубилъ Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные.
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,
«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!

Digitized by Google

— Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ.
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ.
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ рожоное по дитятки,
— По тоёмъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
— По немъ не было никакого заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хоть бываетъ-то прощенье, тéперь взять негдѣ. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Не отрублена есть Ѳедору да буйна голова,
«А отрублена да буйна голова
«А тому Малюты да Скурлатову».

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скорó, бросается
Не кидается за Ѳедора Ивановича,
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорилъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Ты эй же шуринъ мой любимыя,
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ да золотой казны?
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Есть у меня села со приселкамы,
«А и то мнѣ молодцу не похвальба;
«Есть у меня города съ пригородкамы,

Digitized by Google

«А и то мнѣ молодцу не похвальба.
«Есть у меня и золотой казны
«И то мнѣ молодцу не похвальба:
«А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
«Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
«Хоть коня угони, хоть жену уведи,
«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,
«Того добраго-то молодца да̀ Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажуть,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

154.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 46).

Во тоя было Москвы да бѣлокаменной,
Когда царствовалъ Алексѣй Михайловичъ Московской
А выходилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:

Digitized by Google

«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь Востраханскій,
Онъ поблизку государя становился,
А онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:
— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь
Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы, эй же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
«А ужь онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А онъ даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ да за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка второй князь Бухарскій,
Онъ поблизку государя становился,
Да онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвить:

Digitized by Google

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы эй-же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать,
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:
«Она проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Да али намъ за Смоленецъ постояти,
«Да али намъ за Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка князь Данила Милославской,
Онъ поблизку государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
— Что Смоленецъ строенье не литовско,
— А Смоленецъ строеньице московско;
— А во Смоленцѣ казны есть, да смѣту нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постояти,
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ ты эй же князь Данило Милославской!

Digitized by Google

«Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать,
«А я пожалую во Смоленецъ воеводой».
Астраханскаго взялъ — повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

155.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

(См. Рыбникова, т. III, 52).

Кабы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы бы были крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотечкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Кабы да й на молодца
Мнѣ не служба государева,
Не наборы-бы были солдатскіе,
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-я по дальной стороны
По тыя бы по Свирской украины.
Прошелъ молодецъ изъ бpды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
«Какъ батюшко, король Политовскія,
«Политовскія король земли Польскія!
«Прими-ко меня во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы, хоть во конюхи».
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году.
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ,
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,

Digitized by Google

Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меда сладкаго,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во стольники.
Я во стольникахъ жилъ цѣло три годы,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не закусывалъ я бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три годы,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ.
И у того короля политовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю Политовскому:
«Ты батюшко король Политовскій,
«Литовскій король земли Польскія!
«Ты дай мнѣ ко кроваткѣ кроватничка».
Говорилъ король Политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей. —
Говорила Настасья королевична:
«Не надо ко кроватки кроватничка
«Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,

Digitized by Google

«Мнѣ не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
«Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
«Ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
«Своего дай любимаго ключника».
Положили тутъ его ко кроваткѣ кроватничкомъ.
Служилъ молодецъ тутъ онъ три годы,
Не стоялъ у кровати тесовыя,
Не постилалъ онъ перины пуховыя,
Не складалъ круто-складне зголо́вьица,
Не натягивалъ одѣяла соболинаго,
Онъ спалъ на кровати тисовыя
Съ молодой Настасьей королевичной.
Зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Да и выпилъ молодецъ меду сладкаго,
Заходилъ во кружало королевское,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ.
Онъ тутъ во кружалѣ расхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я въ конюхахъ,
«Друго три годы служилъ я во стольникахъ,
«Третье три годы служилъ я во ключникахъ,
«Это три годы служилъ во кроватничкахъ.
«Это три годы служилъ я у кроваточки:
«Не стоялъ я у кровати тесовыя,
«Не стилалъ я перинки пуховыя,
«Не складалъ круто-складне зголовьице,
«Не натягивалъ соболинаго одѣяла,
«Я спалъ на тесовыя кровати
«Съ молодой со Настасьей королевичной».
Схватили меня добра молодца,
Донесли королю Политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную,
Держали тамъ меня нѣсколько.

Digitized by Google

Повели меня добра молодца
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя
На тую на плашку на липову
Отрубить-то мою буйну голову.
Говорилъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Вы эй, сторожа котемьскіе!
«Берите съ меня золотой казны!
«Вы только берите, сколько надобно,
«А ведите меня добра молодца
«Помимо окошко королевнино».
Повели какъ его добра молодца
Помимо окошко ко́ролевнино,
Закричалъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Молодая Настасья королевична!
«Ведутъ-то меня добра молодца
«На тую-то плашку на липову,
«Срубить-то мнѣ буйну голову,
«Я похвасталъ тобой королевичной!»
Тая же ли Настасья королевична
Отворяла косивчато окошечко,
Бросиласи въ окошко по поясу,
Говорила сторожамъ королевскіимъ:
— Вы эй сторожа королевскіи!
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову. —
Призвала къ себѣ добра молодца,
Стала его тутъ допрашивать:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Да есть ли у тебя молода жена,
— Да есть ли у тебя малы дѣтушки? —
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:

Digitized by Google

«Что есть у меня въ дому отецъ и мать,
«Да и есть у меня молода жена,
«Да и есть у меня малы дѣтушки».
Говорила Настасья королевична:
— Бери-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы́ ларци,
— Бери-ко себи́ золотой казны,
— Ты столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— Да осталось твоимъ младымъ внучатамъ. —
Тутъ вѣкъ про нее старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

XXVIII.

ИВАНЪ КАСЬЯНОВЪ.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ, крестьянинъ с. Космозера, 40 лѣтъ отъ роду, грамотный, изъ старообрядцевъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ въ единовѣріе. Научился въ молодости пѣть былины отъ стариковъ, съ которыми ѣздилъ на рыбную ловлю, преимущественно отъ нѣкоего кривого Ивана Трофимова. Въ прежнее время зналъ былинъ весьма много, но потомъ бросилъ ихъ пѣть, предавшись страстно чтенію церковныхъ книгъ для уясненія спорныхъ между православною церковью и расколомъ вопросовъ. Это и привело его въ единовѣріе, но, по словамъ Касьянова, заглушило былины въ его памяти. При встрѣчѣ съ собирателемъ въ Чолмужахъ, Касьяновъ не могъ припомнить былины о Вольгѣ, но упоминалъ, что ее отлично знаетъ и хорошо поетъ его сосѣдъ, раскольничій наставникъ Іуда Егоровъ. Впослѣдствіи, прибывъ въ Петербургъ, по порученію единовѣрческаго общества для сбора на церковь, онъ уже пѣлъ эту былину со словъ Егорова.

Digitized by Google

156.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мо́лодый Вольга̀,
Мо́лодой Вольга̀ Святославовичъ.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѐть матерѐть,
Похотѣлоси Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубо́кихъ моря̀хъ,
Птицей-соколомъ летать ему подъ о́болока̀,
Сѣрымъ волкомъ рыска́ть да по чисты́мъ поля̀мъ.
Уходили всѣ рыбы во сини́и моря̀,
Улетали всѣ птицы за о́болока̀,
Ускакали всѣ звѣри во темны́и лѣса̀.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѐть матерѐть,
Собиралъ себѣ дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцовъ да безъ единаго,
А самъ-то былъ Во́льга во тридцатыихъ.
Собиралъ себѣ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ неле́гченыихъ.
Вотъ посѣли на добрыхъ коней поѣхали,
Поѣхали къ городамъ да за получкою.
Повыѣхали въ раздольицо чисто поле,
Услыхали во чистомъ поли оратая,
Какъ оретъ въ полѣ оратай посви́стываѐтъ,
Сошка у оратая поскри́пливаѐтъ,
Омешики по камешкамъ почи́ркиваю́тъ.
Ѣхали-то день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Они ѣхали да вѣдь и другой день,
Другой день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,

Digitized by Google

Сошка у оратая поскрипливаетъ,
А омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Тутъ ѣхали они третій день,
А третій день еще до пáбѣдья,
А наѣхали въ чистомъ поли оратая.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,
А бороздочки онъ да пометываетъ,
А пенье́ коренья вывертываетъ,
А большіе-то каменья въ борозду валитъ.
У оратая кобыла соло́вая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шило́мъ пяты, носы́ востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробе́й пролетѝтъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата.
Говоритъ-то Вольга таковы слова:
«Божья́ помочь тебѣ оратай-оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестья́новатѝ,
«А бороздки тебѣ да поме́тывати,
«А пенья коренья вывертывати,
«А большіе-то каменья въ борозду валить!»
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-ко ты Вольга Святославовичъ!
— Мнѣ-ка надобно Божья помочь крестья́новатѝ.

Digitized by Google

— А куда ты Вольга ѣдешь, куда путь держѝшь? —
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Какъ пожаловалъ меня да ро́дной дядюшка,
«Родной дядюшка да крестной батюшка,
«Ласковой Владиміръ стольне-кіевской,
«Тремя ли городами со крестьянами:
«Первымъ городомъ Курцовцомъ,
«Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
«Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,
«Теперь ѣду къ городамъ да за получкою».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
— Они подрубятъ-то сляги калиновы,
— Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину!
— Я недавно тамъ былъ въ городи, третьёго-дни,
— Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
— Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
— А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ,
— А тутъ стали мужички съ меня грошовъ просить.
— Я имъ сталъ-то вѣдь грошовъ дѣлить,
— А грошовъ-то стало мало ставиться,
— Мужичковъ-то вѣдь да больше ставитсе.
— Потомъ сталъ-то я ихъ вѣдь отталкивать,
— Сталъ отталкивать да кулакомъ грозить,
— Положилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
— Который стоя стоитъ, тотъ си́дя сидитъ.
— Который сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежѝтъ. —
Тутъ проговорилъ вѣдь Во́льга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Ты поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ?»
А тутъ ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковыи повыстегнулъ,
Кобылу изъ сошки повывернулъ,

Digitized by Google

Оны сѣли на добрыхъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается,
У оратая кобыла ступою́ пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Я оставилъ сошку во бороздечкѣ
— Не для ради прохожаго-проѣзжаго:
— Маломожный-то наѣдетъ — взять нечего,
— А богатый-тотъ наѣдетъ не позáрится,
— А для ради мужичка да деревенщины.
— Какъ бы сошку изъ земельки повы́дернути,
— Изъ омешиковъ бы земельку повытря́хнути,
— Да бросить сошку за ракитовъ кустъ. —
Тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Какъ бы сошку изъ земли да повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣзжаетъ дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Къ той ли ко сошки кленовенькой,
Они сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли поднять,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ мóлодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Цѣлыимъ онъ да вѣдь десяточкомъ.
Оны сошку за обóри вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,

Digitized by Google

Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
И тутъ вѣдь Во́льга Святославовичъ
Посылаетъ всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку изъ земли повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ оратай-оратаюшко,
На своей ли кобылы соловенькой,
Пріѣхалъ ко сошки кленовенькой,
Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
Сошку изъ земли онъ повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
А тутъ сѣли на добры́хъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Тутъ Вольга сталъ да онъ покрикивать,
Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помахивать.
«Ты постой-ко вѣдь оратай-оратаюшко!
«Какъ бы этая кобыла конько́мъ бы была,
«За этую кобылу пятьсо́тъ бы дали́».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты Вольга Святославовичъ!
— Я купилъ эту кобылу жеребёночкомъ.
— Жеребёночкомъ да изъ подъ матушки,

Digitized by Google

— Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
— Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
— За этую кобылу цѣны нѐ было бы̀! —
Тутъ проговоритъ Вольга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ тебя да по отечеству?»
Тутъ проговорилъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Я какъ ржи-то напашу да во ски́дры сложу,
— Я во скидры сложу да домой выволочу̀,
— Домой выволочу да дома вы́молочу,
— А я пива наварю да мужичковъ напою̀,
— А тутъ станутъ мужички меня похваливатѝ:
— «Молодой Микула Селяни́новичъ! —»
Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживатѝ;
Стали города разсматриватѝ,
А ребята-то стали поговарива̀ти:
«Какъ этотъ третьего дни былъ, да мужичковъ онъ билъ!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися оны да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
— Ай же ты Никула Селяниновичъ!
— Я жалую отъ себя трема городами со крестьянамы.
— Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
— Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую! —

Записано въ Петербургѣ, 13 октября.

Digitized by Google

157.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынѣ говорила роднá матушка:
«А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«А топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
«Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
«Пучай рѣка да есть великая,
«Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ».
А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то во конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкаское,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
Онъ на войлочки черкаское сѣделышко,
И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый-то клалъ для ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи.
Притопталъ всѣхъ младыихъ зміенышовъ,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Онъ правилъ кóня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,

Digitized by Google

Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ Добрынѣ матушка говóрила,
— Мнѣ Никитичу матушка наказывала:
— Не куплися Добрыня во Пучай рѣки!
— А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
— Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ.
— А Пучай рѣка да есть смирнá прутка,
— Какъ будто лужа вѣдь дождевая. —
Вотъ какъ вѣтра нѣтъ и тучу пóднесло,
Тучи нѣтъ, да быдто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются.
Налетѣло змѣичищо Горынчищо
О двѣнадцати змѣя о хóботахъ.
«А теперь Добрыня во моихъ рукахъ,
«Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру,
«Съ кóнемъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ возьму!»
Какъ не было у Добрыни да добра коня,
Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,
Да не было меча да бурзомецкаго,
А Добрыня-то плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣшныій.
А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли Греческой,
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А Добрыня да на ножку пóвертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да взмолилася:
«Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!

Digitized by Google

«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую
«Чтобъ не ѣздить бы тебѣ во далече чисто поле,
«Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
«А моихъ-то вѣдь рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ,
«А мнѣ не летать больше на святую Русь,
«Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ».
А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
Онъ и кликалъ вѣдь былицъ да волшебницъ,
Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичну.
Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты накинь-ка эту службу на Добрынюшку,
— На молода Добрынюшку Никитинича.
— У него-то со змѣей заповѣдь положена
— А не ѣздить боли во чисто поле,
— На тыи горы Сорочинскія,
— Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
— А змѣи не летать да на святую Русь,
— Не полонить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, безъ драки кровопролитія. —
Какъ пошелъ Добрыня закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты Добрынюшко Никитиничъ!
«Что же ты Добрыня закручинился?
«Али мѣсто тебѣ было не по чину,

Digitized by Google

«Али чарой на пиру тебя пообнесли,
«Дýракъ нá пиру да насмѣялся-де?»
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ было вѣдь по чину,
— Чарою̀ меня да не пообнесли,
— А дурáкъ-то на пиру не насмѣялся де.
— Какъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую,
— Съѣздить мнѣ далече во чисто поле
— На тыи горы Сорочинскіи,
— Во тую нору во глубокую,
— А достать князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Путятичну! —
Проговоритъ Добрынюшкина матушка:
«Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
«Утро будетъ мудрое,
«Мудренѣе оно вечера!»
Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошехонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь кóня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко черкаское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,

Digitized by Google

Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимоѳеевной.
Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Когда будешь далече во чистомъ поли
«На тыихъ горахъ да Сорочинскіихъ,
«А притопчешь-то всѣхъ младыихъ змѣенышевъ,
«Подточатъ у бурка они да щоточки,
«Такъ возьми ты плеточку шелковую,
«Бей бурушки промежду ушей.
«Бей бурушки промежду ноги,
«Промежду ноги да ноги заднія.
«Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
«А змѣенышевъ отъ ногъ онъ да оттряхивать,
«Притопчетъ всѣхъ да до единаго».
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыихъ змѣенышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки,
Не можетъ бурушка болѣй да подскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать.
Добрынюшка Микиничь
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Какъ изъ норы да изъ глубокія
Выходило змѣищо Горынчищо,
Выходила змѣя да та проклятая,

Digitized by Google

Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,
— Не топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
— Моихъ-то рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Ай же ты змѣя да ты проклятая!
«А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
«Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Ты отдай безъ брани безъ бою кровопролитія!»
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кровопролитія!—
Они тутъ дрались да цѣло по́ три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничь
Отшибъ у ей двѣнадцать хо́ботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей боя́ровъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатырей,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Теперь вамъ да воля вольная!»
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги гря́знули.
Онъ наѣхалъ паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Да тую паляницу въ буйну голову, —
Паляница назадъ не оглянется,

Digitized by Google

Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шѐсти саженъ.
Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сы́рой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ла́стиньямъ,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница-то назадъ да не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь да по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала комарики покусываютъ;
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощалкиваютъ! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговоритъ паляницынъ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяюшка любимая!
«Не могу я васъ везти со бога́тыремъ.
«Конь у богатыря супротивъ меня,

Digitized by Google

«А сила у богатыря супротивъ тебя!»
Испроговоритъ паляница женщина великая:
— Если старъ богатырь, я голову срублю,
— Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
— Если ровня богатырь, я замужъ пойду! —
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика,
Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру
Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу,
Побыло три дня у нихъ да пированьице.
Говорилъ Добрыня своей родной матушкѣ
Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Тимоѳеевнѣ:
«Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
«Ты бы лучше меня матушка спородила
«Бѣлымъ горючімъ камешкомъ,
«Завернула бы во тонкій бѣлой рукавчичекъ,
«А спустила бы меня во сине море.
«Я бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы далéче во чисто поле,
«Не проливалъ бы я напрасно крови человѣчія,
«Не слезилъ бы я Добрыня отцовъ матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрыня молодыихъ женъ,
«Не сиротались бы да малы дѣтушки!»
Испроговоритъ да пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
— Я бы рада тебя дитятко спородити
— Я талáномъ-участью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора богатыря,
— Я бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
— Красотою во Осифа прекраснаго,
— А походкою щепетливою во того-ли Чурилушку Пленкóвича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,

Digitized by Google

— Только тыи статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
— Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Провожала Добрыню родна матушка.
Какъ простилася — воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Стала по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобнёшенько она да вѣдь съ причетью:
— Какъ у тыя было стремени у правыя,
— Провожали-то Добрыню любима́ семья,
— Молода дочь Настасья Никулична.
— Провожаючи она да стала спрашивать,
— Стала спрашивать, да выговаривать:
— «Ты когда Добрынюшко домой будешь,
— «Когда Добрыню ждать да изъ чиста поля?»
— Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Когда ты меня стала спрашивать,
— Я тебѣ буду наказывать:
— Ты прожди Добрыню цѣло три́ году,
— Черезъ три́ года не буду, жди и дру́го три.
— Когда исполнится времечки шесть годовъ,
— Я не буду домой да изъ чиста поля,
— Поминай меня Добрынюшку убитаго,
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди, хоть за боя́рина,
— Хоть за русскаго могучаго бога́тыря,
— Только не́ ходи́ за моего братца названаго,
— За смѣлаго Алешу за Поповича,
— А Алеша-то Поповичъ мой крестовый братъ! —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣло три́ года,

Digitized by Google

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
И день-то за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки друго три́ года.
Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во ту пору во то время
Пріѣхалъ Олешенька Левонтьевичь изъ чиста поля,
Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна го́лова его да испроломана,
Мугучи́ плечи его да испострѣлены,
Головой лежитъ да чрезъ ракитовъ кустъ.
Пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна
Жалобнешенько она по немъ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ по рожоноёмъ по дитятки,
По мо́лодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
Какъ во ту пору во то время
Сталъ солнышко Владиміръ князь похаживать,
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Да какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Испроговоритъ Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Я исполню свою заповѣдь женскую;

Digitized by Google

— Я прожду Добрыню дру́го шесть годовъ.
— Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
— А не будетъ Добрыни изъ чиста́ поля,
— Я поспѣю и тогда за му́жъ пойти. —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой.
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
А сегодня имъ итти да ко Божьёй церкви,
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
А Добрыня случился во Царѣградѣ.
Добрынинъ конь да спотыкается,
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
Какъ проговоритъ Добрынѣ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяинъ мой любимыи,
«Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
«Какъ твоя да любима семья

Digitized by Google

«Молода Настасья дочь Никулична
«Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича
«Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу».
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелетъ летитъ,
Добрый молодецъ да перегонъ гонитъ.
Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора,
Непривязана да не приказана.
Какъ пошелъ во полаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны
Пречестной вдовѣ да Мальфы Тимоѳеевны въ особину.
А вслѣдъ идутъ придвернички, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творятъ:

Digitized by Google

— Ай же ты пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна!
— Какъ сей удалый добрый молодецъ
— Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
— Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
— Мимо тую башню наугольную.
— Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,
— Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,
— Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ. —
Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
«Да въ полаты идешь бездокладочно.
«Въ покои идешь да безобсылочно,
«А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивашь да придверниковъ,
«Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?
«Какъ бы было рожоно мое дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«За твои поступки не умильныи
«Отрубилъ бы тебѣ буйну голову».
Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?
— Я вчера съ Добрыней поразъѣхался,
— Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,
— Я поѣхалъ ко Кіеву.
— Велѣлъ спросить про его любиму семью,
— Про молоду Настасью да Никуличну! —
Испроговоритъ да Мальфа Тимоѳеевна:
«Какъ его Добрынина да любима семья,
«Настасья дочь Никулична замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповича,
«Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.

Digitized by Google

«Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,
«Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля,
«И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
«Буйна голова его да испроломана,
«Могучи плечи его да испрострѣлены,
«Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
«Жалобнешенько о немъ я да поплакала,
«Слезила я свои очи ясныя,
«Скорбила я свое лицо бѣлое
«По своемъ рожоноёмъ по дитяткѣ,
«По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ,
«Стала я по покоямъ похаживать,
«Стала голосомъ я вѣдь поваживать,
«Жалобнешенько я да и съ причетью».
Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Какъ есть въ горенки, да во спаленки,
— А во спаленки есть на столикѣ,
— Гуслицы его есть да яровчаты,
— Платьицо его да скоморошское. —
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй князь Владиміръ стольне-кіевскій
— Со своей княгиней со Опраксіей! —

Digitized by Google

Какъ вслѣдъ идутъ придвернички да приворотнички,
Сами идутъ жалобу́ творятъ:
«Какъ сей удалый добрый молодецъ,
«Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ.
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Онъ всѣхъ взашей прочь да насъ отталкивалъ».
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговоритъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— А гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиное? —
Испроговоритъ съ сердцемъ князь Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ваше мѣсто скоморошеное
«На той-то печкѣ на запечки,
«На за́печки печки муравленой!»
Онъ скоро скочилъ на мѣсто показаное,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи,
На тыи-ли на струночки да золоченыи,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
А какъ въ карты играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все во Кіеви,
Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго.
Только вси на пиру да призамолкнули,
Сами говорятъ да таково слово:
— Это не быть удалой скоморошинѣ,
— А какому либо русскому могучему бога́тырю! —
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты удала скоморошина!
«За твою игру да за веселую
«Опущайся-ко съ печки съ за́печки,
«Выбирай-ко себѣ три мѣста любимыихъ:
«Перво мѣсто подли меня,

Digitized by Google

«А другóе мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто кýда самъ захошь,
«Куда самъ захошь, еще пожалуешь!»
Не садилась скоморошина подли князя,
Не садилась скоморошина супротивъ князя,
А садилась скоморошина супротивъ княжны да поручёныя,
Противъ молодой Настасьи Никуличной.
И прогóворитъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владимíръ стольне-кіевскій!
— Ты позволь мнѣ нáлить чару зелена вина,
— А поднесть-то чару кому я́ знаю,
— Кому я́ знаю, еще пожалую! —
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
Подносилъ онъ чару молодóй княжнѣ,
Молодой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
А самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья Никулична!
— Ты́ прими-тко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.
— А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра. —
Молода Настасья Никулична
Принимала-то чару единой рукой,
Выпивала чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалися.
Испроговоритъ Настасья Никулична:
«А не тотъ мой мужъ который подли меня сидитъ,
«А тотъ мой мужъ который супротивъ меня сидитъ!»
Она скóчила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
«Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
«А во той меня вины прости во глупости,

Digitized by Google

«Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
«Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!»
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
— У нихъ волосъ дологъ, умъ коротокъ,
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
— А дивую я князю Владиміру,
— Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
— А княгиня-то Опраксія да свахою,
— У живаго мужа жену просватали! —
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговоритъ Алешенка Леонтьевичъ:
«Ты прости, прости, крестовый братъ,
«Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
«Что я подли твоей посидѣлъ да любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!»
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Какъ во этой винѣ братецъ тебя Богъ проститъ,
— А въ этой винѣ братецъ тебя нѐ прощу!
— Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть годовъ,
— Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитинича,
— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
— Буйна голова его да испроломана,
— Могучи плечи его да испрострѣлены,
— Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
— Тутъ родитель моя матушка,
— Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна,
— Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лицо бѣлое
— По своемъ по рожономъ по дитяткѣ,
— По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —

Digitized by Google

Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Олешу о кирпиченъ полъ.
Выхватилъ шалыгу подорожную,
Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
Что не два-ли ясныхъ сокола слеталися,
Два сильныихъ могучіихъ богатыря
Съѣзжалися на смертный бой.
А всякъ-то́ братцы женится,
А не всякому женитьба удавалася.
А не дай Богъ женитьбы Олеши Поповича,
Только Олеша и женатъ бывалъ,
И женатъ бывалъ и съ женой сыпалъ.
Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ,
Синему морю на тишину
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

158.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Во стольноемъ было во городи во Кіеви,
У славнаго князя у Владиміра,
Былъ собранъ многопочетный пиръ
На всѣхъ-то князей, да вѣдь бояровъ,
На всѣхъ гостей званыихъ-избраныихъ.
А какъ всѣ на пиру наѣдалися,
А какъ всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру-то порасхвастались:
Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ золотой казной.

Digitized by Google

Говорилъ тутъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Еще нечѣмъ мнѣ Владиміру по́хвастаться:
«Нѣтъ у меня да золотой казны.
«Еще первой русскій сильныи могучіи богатырь
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Съѣзди-ты да въ золоту орду,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще другій русскій сильныи могучіи богаты́рь
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди ты во Турцію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще третій русскіи сильныи могучіи богатырь
«Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничь!
«Съѣзди ты во Швецію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною».
Собрались три сильнихъ русскихъ три могучіихъ богатыря
Ко кресту да ко Левинову.
Они тутъ крестами да побратались.
А кто изъ нихъ да будетъ большій братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ средній братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ меньшій братъ?
А старый казакъ да Илья Муромецъ былъ большій братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А мо́лодой Добрынюшка Никитиничъ былъ меньшій братъ.
А который изъ насъ раньше выѣдетъ,
А къ другому пріѣхати на выручку.
Воротился прежде всѣхъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ привезъ-то дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольне-кіевскій,
Говоритъ Михайлу По́тыку сыну Ивановичу:

Digitized by Google

«Пишетъ мнѣ Бухарь да царь заморскіи:
«Проситъ съ меня дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною».
Тутъ говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты пиши-тко къ Бухарю́ царю заморскому,
— Что посланы-де дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною,
— А со тѣмъ ли со Михайломъ Потыкомъ,
— А я поѣду самъ туда безъ выходовъ. —
— Здравствуйте Бухарь да царь заморскіи! —
Какъ проговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«Вы коей земли, да вы коей орды?»
— Я есть изъ города изъ Кіева.
— Я привезъ вамъ дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною
— Отъ того ли солнышка отъ князя отъ Владиміра. —
Испроговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«А гдѣ же у васъ-то дани выходы?»
— А отправлены монетою все мѣдною.
— У мужичковъ телѣжки подломалися,
— Мужички остались починивать. —
Тутъ Бухарь-то царь заморскіи,
Онъ съ тоя великія со радости,
Самъ-то говоритъ да таково слово:
«У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются:
«А играютъ ли во карты биліартовы,
«А играютъ ли во шашечки кленовыи
«А на тыхъ дощечкахъ на дубовыихъ?»
Оны ставили да первую дощечку.
А Бухарь-то царь заморскіи
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку своёго добра коня.

Digitized by Google

Сыграли тутъ дощечку они первую;
Проигралъ Михайло да добра коня.
А поставили дощечку-то вѣдь другую.
А Бухарь-то царь заморскіи
А поставилъ на дощечку дани выходы,
Да поставилъ онъ Михайлина добра коня.
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ поставилъ на дощечку буйну голову,
Вотъ сыграли оны дощечку да вѣдь другую,
Тутъ повыигралъ Михайла дани выходы,
Да повыигралъ Михайла своего добра коня.
А поставили дощечку они третьюю.
А Бухарь-то царь заморскіи
Онъ поставилъ на дощечку полцарства полы́мѣнства,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
И сыграли оны дощечку-то и третьюю,
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А полцарства и полы́мѣнства.
Какъ въ ту пору, да въ то время
Дубовая дверь да растворилася,
Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ является,
И самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты крестовый братъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой-то вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
— Какъ твоя ли Марья лебедь бѣлая,
— А подоленка да королевична,
— А уѣхала-то въ землю Политовскую,
— Какъ со тѣмъ королемъ да Политовскіимъ!—
У Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ и тяпнетъ-то дощечку-ту дубовую,
Да ударитъ въ дверь да во кленовую,

Digitized by Google

Да и вышибъ дверь онъ и съ одверьицемъ,
А самъ онъ говоритъ да таково слово:
«Ай же ты крестовый братъ
«Молодой Добрынюшка Никитичъ!
«Ты получай-ко дани выходы
«Съ Бухаря царя заморскаго,
«Отвези ко солнышку Владиміру,
«Я поѣду къ королю да Политовскому».
Какъ пріѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
А сама да говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, мы туда́ идемъ.
— Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ. —
А Михайло до вина да былъ упальчивый.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Онъ и выпилъ чару единымъ духомъ.
А какъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А вѣдь Марья лебедь бѣлая,
Ухватила Михайлу за желты кудри,
Потащила Михайлу во чисто поле.
Бросила Михайлу да черезъ плечо,
А сама она да приговóрила:
«А ты стань-ко бѣленькой горючій ка́мешокъ!»
Какъ спомнили его братцы крестовыи,
Сожалѣли Михайлу Потыка Ивановича.
А старыи казакъ да Илья Муромецъ,

Digitized by Google

А молодой Добрынюшка Никитиничъ
Накрутился въ калики перехожія,
А пошли они да въ землю Политовскую.
Идучись до земли Политовскія,
А сустигли старичища пилигримища.
А клюка у него да сорока пудовъ!
Пригласили старичища и въ компанію.
Приходили къ королю да Политовскому,
Подъ тоё косявчато окошечко,
Сопросили они тутъ да милóстины.
А'ще Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Услыхала голосъ да каличьи,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай же ты король да Политовскіи!
«Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
«Ты корми каликъ да дóсыта,
«Ты напой каликъ да дóпьяна,
«Ты дари каликъ да дóлюба!»
И'ще тотъ король да Политовскіи,
Онъ и взялъ каликъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ кормилъ каликъ да дóсыта,
Онъ поилъ каликъ да дóпьяна,
Онъ дарилъ каликъ да дóлюба:
Далъ и злата имъ онъ много множество.
Ты пошли калики изъ земли Политовскія,
Приходили ко бѣлому ко камешку.
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Теперь время намъ братцы животовъ дѣлить. —
Испроговорятъ калики перехожія:
«Ты дѣли, старичище пилигримищо».
И тутъ сталъ старичище животовъ дѣлить,
А дѣлить-то на четыре четверти.
И проговорятъ калики перехожія:

Digitized by Google

«А кому эта вѣдь четверта часть?»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— А тому изъ насъ вѣдь четверта часть,
— А кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо? —
Прискочилъ Добрынюшка Никитиничъ,
По колѣнъ-то каменя поднять онъ могъ,
По колѣна Добрыня онъ въ землю увязъ.
Прискочилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По грудямъ-то каменя поднять онъ могъ,
По грудямъ Илья въ землю увязъ.
Испроговоритъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
«Поднимай-ко старичищо пилигримищо
«А ты этотъ-то да бѣлый камешекъ!»
Прискочилъ пилигримищо ко камешку,
Онъ привзялъ-то камешокъ конецъ-кувши [1]),
Онъ и бросилъ камешокъ черезъ плечо,
Самъ ко камешку да приговоривалъ:
— Ты повыскочь-ко тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! —
«Фу-фу я какъ долго спалъ!»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Еслибъ не я, тутъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
Говоритъ старичищо таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты когда будешь во градѣ во Кіевѣ,
— Ты поставь свѣчу Николы угоднику. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Распрощался онъ со братцима крестовыма,
Самъ пошелъ онъ въ землю Политовскую.
Онъ приходитъ вѣдь на королевскій дворъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,

1) Такъ поетъ, но не знаетъ, что̀ значитъ.

Digitized by Google

Та подоленка да королевична,
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико.
А сама да говоритъ-то таково слово!
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А вѣдь выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ съ тобой ко́ граду ко Кіеву,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ принялъ-то чару единой рукой,
А вѣдь выпилъ чару единымъ духомъ,
А гдѣ выпилъ, онъ тутъ въ сонъ заснулъ.
Тутъ схватила Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична,
А того Михайлу за желты кудри,
Потащила его да во глубокъ погребъ,
Прибивала его да вѣдь на стѣну.
Сама побѣжала вѣдь на торжищо
Покупать-то гвоздёвъ да сердечныихъ.
У того короля да Политовскаго
Была дочь Настасія красивая,
Пришла по́смотрѣти русскаго богатыря.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ взмолился ей:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Ты повытащи гвоздья хоть бы нёгтями,
— Я теперя Марьѣ голову срублю,
— А тебя Настасья я замужъ возьму. —
Вотъ повытащила гвоздья она нёгтями,
Прибивала мертваго татарина,
А хоть мертваго да и мерзлаго.
Повела Михайлу во покои во особые,
Увидалъ-то король Политовскіи,
И самъ говоритъ да таково слово:

Digitized by Google

«Ай же ты Настасья королевична!
«Ты кого ведешь да черна съ собой?»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— У м'не была младая служаночка,
— Захотѣла посмотрѣти русскаго богатыря:
— Какъ увидѣла и испугалася,
— А теперь идетъ во покои во особые. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ заростилъ тутъ кровавыи раночки,
А Настасья-то королевична
Стала просить коня-то богатырскаго
У того короля Политовскаго,
А что съѣздить ей да во чисто поле.
Посадила на коня Михайлу Потыка сына Ивановича.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ онъ богатырскімъ голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична.
Наливала питья забыдущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
Сама говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А да выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ къ городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить онъ да единымъ духомъ.
Услыхала Настасья королевична,
Растворила косивчато окошечко,
Закричала она жалкимъ голосомъ:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Знать забылъ ты свою заповѣдь? —

Digitized by Google

Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ взмахнулъ да своéй саблей востроёй,
Онъ срубилъ-то Марьѣ буйну голову.
А онъ тутъ Настасью да замужъ-то взялъ,
Да поѣхали да ко граду ко Кіеву,
А ко солнышку ко князю ко Владиміру.
Было по три дня у ихъ пированьицо.
А вѣдь тутъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю да на тишину
Намъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

159.

ДЮКЪ.

Во той было Индѣи во богатыя,
А былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ по тихіимъ по заводямъ,
Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и лебедей.
Онъ всѣхъ выстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ да еще три стрѣлы.
Онъ тремъ-то стамъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Какъ изъ-подъ камешка изъ-подъ яхонта,
Изъ-подъ яхонта да самоцвѣтнаго,
Убилъ онъ три орла онъ три орловища.
А не тѣхъ убилъ, которы летаютъ по святой Руси,
Онъ тѣхъ убилъ, которые летаютъ по синимъ морямъ.
Какъ ѣдутъ гости корабельщики,
Поднимаютъ это перушко орлиноё.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.

Digitized by Google

Покупали мужички-то да индѣйскіе,
Приносили это перышко въ подарочекъ
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А онъ самъ стрѣля́лъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ съ такихъ-ли великіихъ со радостей,
Пошелъ онъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Просить прощеньица съ благословеньицемъ
Ѣхать ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
Онъ прямой дорожкой не окольною.
Какъ проговорила его государыня родна матушка,
Родна матушка Мальфа Тимоѳеевна:
«Я не дамъ тебѣ прощеньица съ благословеньицемъ,
«Ѣхать ко граду ко Кіеву,
«Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
«Прямой дорожкой не окольною.
«А прямой дорожкой не окольною
«Есть три за́ставы тамъ да великія:
«А первая-то за́става есть горы тамъ толкучіи:
«Въ другой разъ столкнутся, а въ дру́горы истолкнутся;
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть тамъ другая застава — птицы клевучія,
«Онѣ тебя Дюка и съ конемъ склюютъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть третья тамъ за́става — лежитъ змѣищо горынчищо,
«О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
«И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть».
А онъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ не слушалъ своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,

Digitized by Google

Онъ пошелъ во конюшенку стоялую,
Взялъ онъ уздицу да вѣдь тесмяную,
Онъ взялъ бурушко да вѣдь ковурушка.
Какъ у бурушка по колѣнъ ноги въ землю́ зарóщены.
Онъ кормилъ бурка́ пшеномъ да бѣлояровымъ,
Онъ поилъ бурка питьицемъ медвяныимъ,
Онъ сѣдлалъ бурка́ въ черкаское сѣделышко,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
На потнички онъ клалъ да вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый клалъ для ради крѣпости,
Чтобы конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-ты были шелковыя,
Шпеньки у подпруговъ булатнія,
Пряжки у него да красна золота.
А какъ шелкъ не рвется, булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на кони сидитъ не старѣетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой,
Какъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Если Богъ тебѣ судитъ быть во Кіевѣ,
«У ласкова князя у Владиміра,
«Ты не хвастай животишками сиротскими,
«Сиротскими животишками вдовиными!»
Перво́ пóприще бурке скочилъ цѣлу́ версту,
И припадывалъ къ земли сыро-ма́терой,
Испроговоритъ человѣческимъ голосомъ:
— Ай же ты хозяинъ мой любимыи!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,

Digitized by Google

— Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
— Ты подвязывай подъ плечико подъ право,
— Да подвязывай подъ плечико подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно было сидѣть на мнѣ да на добромъ конѣ.—

Какъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ опущался вѣдь да со добра коня,
А онъ бралъ земли да сыро-матерой,
Онъ подвязывалъ подъ плечико подъ правое,
Да подвязывалъ подъ плечико подъ лѣвое,
И садился онъ да на добра коня.
Тутъ сталъ бурушко-кавурушка поскакивать,
Съ горы на гору, да съ холмы нá холму,
А рѣки озёра перескакивать,
Широки́ раздолья между ногъ пущать.
А пріѣхалъ онъ кó граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Заѣхалъ онъ среди бѣла двора,
Поставилъ онъ своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А онъ самъ взошелъ въ столову во переднюю,
Онъ крестъ кладетъ по писáному,
А поклонъ ведетъ да по ученому
А на всѣ на четыре на стороны,
А княгинѣ Апраксіи въ особину.
А спроговоритъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Вы здравствуйте княгиня Апраксія!
«А гдѣ солнышко Владиміръ стольне-кіевской?»
— А солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Ушелъ онъ во Божью церковь,
— Къ обѣдни да ко раннія. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ вышелъ на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,

Digitized by Google

Пошелъ онъ во Божью церковь.
Мостовыя были землею призасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Пришелъ онъ во Божою церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты изъ какой земли, изъ какой орды,
«Да какъ тебя, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ по отечеству?»
— Я изъ той Индѣи изъ богатыя,
— Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
— Отстоялъ дома раннюю заутреню,
— А сюда пріѣхалъ вѣдь къ обѣдни-де. —
Какъ прогóворятъ князи бояра,
А также говорятъ и мелкá чета:
«А не быть это мóлоду Дюку Степановичу!
«А какой нибудь дѣтинушко залѣтаникъ.
«Онъ убилъ князя́, либó боярина,
«Онъ на платьице свое да вѣдь поглядываетъ».
Какъ и вышли изъ церкви изъ Божія
На тую улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Мостовыя были земелькой принасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Какъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— А что Кіевъ очень краси́въ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.

Digitized by Google

— Церквы у васъ деревяныя,
— А маковки на церквахъ да осиновыя.
— А у насъ-ли во Индѣи во богатыя
— Церкви у насъ да всѣ каменныя,
— А известочкой они да отбѣлены,
— На церквахъ-то маковки самоцвѣтныя,
— На домахъ-то крышечки золоченыя,
— Мостовыя рудожолтыма пріусыпаны,
— Сорочинскія суконца прирозастланы,
— Не замараешь тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ.—
Вотъ зашли они во полаты княженецкія,
Садились за дубовый столъ хлѣба кушати,
Стали крупивчатыхъ калачиковъ оны рушати.
Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ мякíшь-то ѣстъ, а корочку подъ столъ мечетъ.
А проговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты молóдой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты почто мякíшь ѣшь, а корочку подъ столъ мечешь?»
Какъ проговоритъ молóдой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— Что Кіевъ очень красúвъ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.
— У васъ печки-то каменныя,
— А помелечки у васъ да сосновыи.
— А какъ пахнутъ-то колачики крупивчиты
— На тую сѣру на сосновую,
— На сосновую сѣру на кипучую,
— На кипучую сѣру на горючую,
— Не могу я ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ.
— Какъ у мóей государыни у родной матушки,
— Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,
— У насъ печки всѣ-то мурáвленые,
— А помелечки у насъ да шелковыи,
— А пекетъ она колачики крупивчаты:

Digitized by Google

— Какъ колачикъ-то съѣшь, такъ дру́гой хочется,
— А другой-то съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— А какъ третій съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ. —
Тутъ прогово́рилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты мо́лодой бояринъ самъ захвастливый.
«Ты ударь-ко съ нашимъ Чурилушкой Пленковичемъ о великъ закладъ:
«Чтобы ѣздить вамъ во чисто поле по три́ году,
«А по три́ году да еще по три дни,
«Чтобы на всякій день кони были смѣнные,
«Чтобы смѣнные да перемѣнные,
«А шерсти такой да бы не было,
«А платье на всякій день было смѣнное,
«Чтобы цвѣту такого да не было,
«А на третій день вамъ итти да ко Божьей церкви.
«А который изъ васъ добрѣе вы́ступитъ,
«А другому изъ васъ да голова рубить!»
И не спустили тутъ Дюка Степановича
Съѣздить за платьемъ за цвѣтнымъ,
Во тую Индѣю во богатую.
Онъ сѣлъ бояринъ закручинился,
Закручинился да запечалился,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ-то ясны очи во сыру землю.
Онъ садился вѣдь да на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые е́рлычки
Ко своей-ли государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ по Чурилѣ-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первымъ градомъ Кіевомъ,
А другимъ градомъ Черниговомъ.
А молодому боярину Дюку Степановичу

Digitized by Google

Держалъ поруку крѣпкую
Тотъ-ли владыко Черниговскій,
Его-ли крестовый онъ батюшко.
Клалъ на бурушка сумки переметныя,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай ты бурушко-ковурушко!
— Когда прискачешь во Индѣю во богатую
— Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
— Ты заржай-ко голосомъ лошадиныимъ! —
Услыхала голосъ лошадиныій
Его-ли государыня родна матушка,
Выбѣгала на крылечико переднее,
А сама говоритъ да таково слово:
«Видно нѣтъ жива моего дитятки,
«Молода боярина Дюка Степановича!»
Какъ увидала сумки переметныя,
И говоритъ да таково слово:
«Какъ мой-ли мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ захвастливый,
«Захвастливый, да знать захваченой!»
Вынимала скорописчатые ёрлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день:
На каждой дёнь по три платьица,
Смѣнныя и перемѣнныя по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка ковурушка,
Сама говоритъ да таково слово:
«Какъ прискачешь ты во Кіевъ градъ,
«Во Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
«Ты заржай-ко лошадиныимъ голосомъ!»
А моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Услыхалъ онъ своего добра коня,
Онъ взялъ сумки да вѣдь переметныя.
Тутъ поѣхали во чисто поле поляковать,

Digitized by Google

А Чурилушка Пленковичъ по́гналъ ко́ней онъ цѣлы́имъ стадомъ,
А молодый бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше-то онъ повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повы́катаетъ,
На буркѣ-то шерсть да перемѣнится.
И тутъ они проѣздили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А севодня итти имъ ко Божьей церкви.
А тому-ли Чурилушкѣ Пленковичу
Во своемъ-ли ему городѣ да дѣется,
Становился онъ на крылосо на правое,
А мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Становился онъ на крылосо на лѣвоё.
А Чурилушко Пленковичъ взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ плеточкой по пуговкамъ поваживать
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки,
Плыветъ змѣищо горынчищо,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Какъ испроговорятъ князи бояра,
И также говоритъ и вся мелка чета:
— Какъ у нашего Чурилушки Пленковича
— Есть отмѣточка противъ молода боярина Дюка Степановича! —
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю.
Онъ взялъ-то плеточку шелковую,
Сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки
Налетѣли тутъ птицы клевучіи,
Наскакали тутъ звѣри рыкучіи.

Digitized by Google

А тутъ въ церкви всѣ да о́ зень пали,
О зень пали да и́ны о́бмерли.
Тутъ проговоритъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Пріуми тко ты птицъ тыхъ клевучіихъ,
«Призакличь-ко тыхъ звѣрей рыкучіихъ,
«Да оставь-ко ты народу хоть на сѣмена!»
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я севодня не твое ѣмъ, да кушаю,
— Не хочу тебя и слушати! —
Какъ проговоритъ владыко-то Черниговски,
Его-ли крестовый батюшко:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Призакличь-ко ты птицъ клевучіихъ,
«Пріуйми-тко ты звѣрей рыкучіихъ,
«Ты оставь-ко народу намъ на сѣмена».
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Послушался крестоваго онъ батюшки,
Призакликалъ птицъ онъ клевучіихъ,
Пріунялъ звѣрей тыхъ рыкучіихъ.
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Какъ возговорилъ Чурилушка Пленковичъ:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ты ударь-ко со мною о великъ закладъ.
«А который изъ насъ переско́читъ черезъ Пучай-рѣку,
«А который изъ насъ да не пере́скочитъ, —
«Тому изъ насъ да голова рубить.
«А Пучай-рѣка да на два поприща!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А твоя ли похвальба напередъ зашла!
— Ты скачи-ко прежде чрезъ Пучай-рѣку. —
Онъ скакалъ Чурило чрезъ Пучай рѣку:

Digitized by Google

О полу рѣки Чурило въ воду вверзился.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скакалъ да чрезъ Пучай рѣку,
Онъ скорѣе того поворотъ держалъ.
О полу рѣки онъ на воды припадывалъ,
И Чурилу за желты кудри захватывалъ,
Повытащилъ Чурилушку съ конемъ съ воды,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
«Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты Чурилушка Пленкóвичъ!
— А пусть ты княземъ Владиміромъ упрошеный,
— А кіевскими бабами уплаканный.
— Ты не ѣзди-то съ нами со бурлаками,
— Ты не ѣзди во чисто поле поляковать,
— А живи ты вó градѣ во Кіевѣ,
— Въ Кіевѣ во градѣ между бабамы! —
Тутъ Владиміръ стольній-кіевскій
Посылалъ онъ тутъ общѣнщичковъ
Во тую-ли Индѣю во богатую
Къ пречестнóй вдовѣ Мальфы Тимоѳеевной.
Во первыхъ стараго казака Илью Муромца,
А въ дрýгіихъ молода Добрынюшку Никитича,
А онъ въ трéтьіихъ Олешушку Поповича.
Тутъ прóговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній-кіевскій:
— Не посылай-ко ты Олешушку Поповича:
— У него глазишечка-ты поповскія,
— А поповскія глазишечка завидливы,

Digitized by Google

— Не выѣхать ему изъ той Индѣи изъ богатыя.
— Не берите-ко бумаги на три мѣсяца,
— Вы берите-ко бумаги на три году,
— На три году, да еще на три дни. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольній-кіевскій,
Отправлялъ-то стараго казака Илью Муромца,
Отправлялъ-то молода Добрынушку Никитича.
Какъ пріѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индѣю да богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
«Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Знать послалъ онъ вѣсточку къ своей матушкѣ,
«Что зажгана Индѣя та богатая».
Какъ пріѣхали въ Индѣю ту богатую,
А тутъ церкви были всѣ каменныя,
Стѣны известочкой отбѣлены,
На церквахъ маковки самоцвѣтныя,
На домахъ крышечки да золоченыя,
Мостовыя рудожелтыми песочками пріусыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
Вотъ зашли они въ полаты бѣлокаменны,
Вотъ сидитъ жена да стара-матера,
Стара-ма́тера да и вся въ золотѣ.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— Я не есть-то Дюковая матушка! —
Тутъ прошли они въ полаты во переднія,
Тутъ сидитъ жена да стара-матера,
Она болѣ того да и вся въ золоти.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:

Digitized by Google

— Я не есть-то Дюковая матушка!
— Я есть-то Дюковой матушки колашница. —
«А гдѣ же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— А Дюковая матушка ·
— Ушла она во Божою церковь,
— Къ обѣднѣ-то ко позднеей. —
Какъ идетъ-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведутъ ее подъ руки,
А и сама говоритъ де таково:
«Вы здравствуйте, мужички да вы оцѣнщички!
«Вы зачѣмъ сюда да вѣдь пріѣхали?
«Знать животишечковъ сиротскіихъ описывать?»
Тутъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столомъ они да кушати
И крупивчатыхъ колачиковъ рушати.
Какъ колачикъ-то съѣшь, другой хочется,
Другой съѣшь, на третьемъ душа горитъ,
А третій-то съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ.
Тутъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
Привела ихъ въ погреба глубокіи,
Ко тѣмъ ли сбруямъ лошадиныимъ,
Да тутъ они писали по три годы,
По три годы да еще по три дни.
Еще привела: висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Потомъ вывела на улицу да на широкую:
Течетъ-то струйка золоченая,
И тутъ они не могли и смѣты дать.
Сама говоритъ таково слово:
«Ай же вы мужички да вы оцѣнщички!
«Поѣзжайте вы ко граду ко Кіеву,

Digitized by Google

«Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
«Вы скажите-тко князю Владиміру:
«Онъ на бумагу продастъ пусть Кіевъ градъ,
«А на чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
«А тогда пріѣдетъ животишечковъ сиротскіихъ описывать».

Какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Они пріѣхали-то ко́ граду ко Кіеву,
Къ солнышку князю ко Владиміру,
И сами говорятъ да таково слово:
— Наказывала Дюковая матушка
— На бумагу продать весь Кіевъ градъ,
— На чернила продать Черниговъ градъ,
— Тогда пріѣхать животишечковъ сиротскіихъ описывать? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній кіевскій:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«За твою ли за великую за похвальбу
«Ты торгуй-то въ нашемъ во́ градѣ во Кіевѣ,
«А во Кіевѣ во градѣ да безъ пошлины!»
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ садился на своего добра коня,
Онъ поѣхалъ-то въ Индѣю во богатую
Ко своей государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ.
А онъ сдѣлалъ съ нею доброе здоровьице,
А тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

Digitized by Google

160.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вы, молóдые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань горóдъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А Татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Óни грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлыимъ царемъ!»
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да й зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
«Ты позволь, государь, слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальнія свѣчи,
Вдругъ рáзорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому чарю да покорилися.
Говорятъ тѣ Татаре таково слово:

Digitized by Google

— Вѣчно быть нашéй Казани подъ святóй Русью,
— Подъ святóй Русью непобѣдимою,
— Непобѣдимою Богóмъ любимою! —

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября 1871.

161.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Посредѣ-ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни злата труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.

Digitized by Google

— Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
— Бласлови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
— Не возьми-тко мое слово во досаду,
— Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московскоё строеньицо, литовско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
«Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь
«Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!
«Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьми-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
«Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московскоё строеньицо, литовско».
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третіи бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
— Ахъ ты, свѣтъ наша́ надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!

Digitized by Google

— Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны безчётно,
— Не литовское строеньице, московско! —
Тутъ проговоритъ свѣтъ наша надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же ты храбрыи воинъ
«Иванъ сударь Иванычъ Милославской!
«А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
«Поѣзжай туда во полки воеводой!»
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

162.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Какъ на со́ловья не зима бы да студеная,
Не морозы бы да вѣдь крещенскіе,
Не леталъ бы я со́ловей по мхамъ, по болотицамъ,
И по ча́стыимъ да наволочищамъ.
А какъ на мо́лодца да не служба бъ государева,
Не наборы вѣдь солдатскіе,
Не ходилъ бы молодецъ по чужей дальней по сторонушкѣ,
А по той по свирской по украинѣ.
Вотъ пошелъ молоде́цъ изъ земли въ землю,
А зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.
«Ай ты батюшко да ко́роль По́льскіи!
«Ты прими молодца́ во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы прими да хоть во конюхи».
Я во конюхахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,

Digitized by Google

И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мо́лодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
Тутъ пожаловалъ молодца во стольнички.
Я во стольникахъ-то жилъ да цѣло три́ годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мо́лодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
А пожаловалъ-то молодца во ключники.
Я во ключникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Какъ у того короля Политовскаго,
Была дочь Настасья красивая.
— Государь-то мой да ко́роль батюшко!'
— Ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка. —
Испроговоритъ король Политовскій:
«Выбирай себѣ къ кровати кроватничка:
«Хоть изъ князей-то иль изъ бо́яровъ,
«Иль изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
«Или изъ тѣхъ ли поганыхъ Татариновъ!»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— Мнѣ не надо къ кровати кроватничка
— Мнѣ не съ князей-то, не изъ боя́ровъ,
— Не изъ сильныихъ могучіихъ бо́гатырей,
— А ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка
— Своего ты любимаго ключничка! —
Я въ кроватничкахъ жилъ да цѣло три годы.

Digitized by Google

Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А напился молодецъ меду сладкаго,
А напился молодецъ пива пьянаго,
А онъ самъ говоритъ таково слово:
«Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я да во конюхахъ
«Друго три годы служилъ я да во стольникахъ
«Третье три годы служилъ я да во ключничкахъ,
«Четверто три годы служилъ да во постельничкахъ.
«Я тисовоей кроваточки не складывалъ,
«Я пуховоей перинки не растряхивалъ,
«Круто-складняго зголовьица не складывалъ,
«Соболина одѣяльца не натягивалъ,
«А я спалъ-то со Настасьей королевичной,
«А я спалъ у ей да на правой руки,
«Часто я бывалъ да на бѣлой груди!»
Тутъ схватили удалаго молодца,
Повели во тюрьму да богадѣльнюю.
Черезъ три дни молодцу рѣшеньицо
Отрубить-то ему буйна голова.
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы палачи Политовскіе!
«Вы берите съ меня золотой казны,
«А вы только берите, сколько надобно,
«Вы ведите меня мимо окошечекъ королевичныхъ!»
Закричалъ удалый добрый молодецъ:
«Ты прости прости Настасья королевична!
«А ведутъ меня-то на дощечку да на липову
«Отрубить-то мнѣ да буйну голову!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же вы палачи Политовскіи!
— Вы спустите сего удалаго молодца.
— Вы берите съ меня золотой казны,
— А вы только берите, сколько надобно,

Digitized by Google

— Вы возьмите Татарина хоть мертваго,
— А хоть мертваго, да еще мерзлаго,
— Отрубите ему да буйну голову,
— Донесите королю Политовскому,
— Что за его поступки неумильныя
— А отрублена ему буйна го́лова!
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— А есть ли дома у тебя отецъ и мать,
— Есть ли у тебя да молода жена,
— А есть ли у тебя да малы дѣтушки? —
Тутъ проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Есть у меня дома́ отецъ и мать,
«Есть у меня и молода жена,
«Есть у меня и малы дѣтушки!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ты возьми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай мои кованы ларцы,
— Ты бери себѣ да золотой казны.
— Ты только бери, сколько надобно,
— Чтобы было довольно твоимъ да малымъ дѣтушкамъ! —
А тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

XXIX.

ІЕВЪ ЕРЕМѢЕВЪ.

Іевъ Еремѣевъ, слѣпой крестьянинъ дер. Кокориной въ Мелой Губѣ, старообрядецъ. Ему 56 лѣтъ отъ роду, но по глубокимъ морщинамъ его лица имѣетъ видъ древняго старика, хотя обла-

Digitized by Google

даетъ желѣзными мышцами и страшною силою. Трехъ лѣтъ отъ роду у него отъ оспы вытекли глаза; оставшись въ малолѣтствѣ сиротою, онъ былъ призрѣнъ добрыми людьми, но какъ скоро подросъ, началъ кормиться собственною работой. «Своими трудами праведными» Еремѣевъ устроилъ себѣ, съ теченіемъ времени, домъ и хозяйство; не смотря на слѣпоту, постоянно ѣздитъ на рыбную ловлю, правитъ лодкою и всѣмъ распоряжается самъ безъ чужой помощи и знаетъ такъ хорошо мѣста въ озерѣ, что къ нему обращаются за совѣтами, какъ къ опытному лоцману. Еремѣевъ слыхалъ былины отъ матери и отъ стариковъ и случайно удержалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти, но ему недосугъ было заниматься этимъ дѣломъ.

163.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Какъ во стольномъ было городи во Кіевѣ
Былъ бы мóлодой Добрынюшка Микитиницъ.
Былъ охвоцъ Добрыня за охвотою гулять,
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Встаетъ онъ по утрышку ранехонько
Умывается онъ да бѣлехонько
Снаряжается онъ хорошонько,
Убиралъ онъ своего добрá коня
Во свое сѣделышко черкаское,
Взялъ съ собой онъ тýгой лукъ розрывчатой
Да поѣхалъ добрый молодецъ во чистó поле гулять
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
И заѣхалъ онъ въ Маринкину во улицю.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны

Digitized by Google

На ей на косищатомъ окошечкѣ
Сидѣло два сизыихъ два голуба.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Онъ натягиваетъ ту́гой лукъ розрывчатой
И накладывалъ онъ стрѣлочку каленую,
Спущаетъ во сизыихъ во голубовъ.
Не летѣла стрѣлочка каленая,
Не летѣла во сизыихъ во голубовъ,
Пролетѣла стрѣлочка каленая
Къ душкѣ ко Маринкѣ во высо́къ теремъ.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Скоро онъ скочилъ да со добра́ коня,
Скоро онъ пошолъ да по пере́ходамъ,
Поскорѣе того по новы́мъ синямъ,
Буде во палаты бѣлокаменной.
Не́ креститъ Добрыня лица бѣлаго,
И не молится Добрыня чудну образу,
Взялъ свою онъ стрѣлочку каленую.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Что жъ ты Богу да не молишься,
«Со́ мною Маринкою целомъ не бьешь?»
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиницъ:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу́ ты кровопивчица
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Мене хошь Добрынюшку ты и́звести! —
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекну́ться ти́ будётъ! —
Взялъ онъ свою стрѣлочку каленую,
По́шолъ со палаты бѣлокаменной.

Digitized by Google

Душка Маринка дочь Игнатьевна
Брáла нóжище кинжаловое.
Подрѣзала слѣ́ды-то Добрынины.
А й душа Добрынюшка Микитинцъ
Ѣздилъ онъ по дáлечу чисту́ полю
И поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Стала тутъ Добрынюшку тоскá ушибать,
Онъ заѣхалъ во Маринкину во улицю,
Скоро онъ скочилъ да со добрá коня,
Поскорѣе того по перéходамъ,
Будетъ во полаты бѣлокаменной
Крестъ онъ кладетъ по ученому,
Онъ поклоны ведетъ по писаному
Молится Добрыня, поклоняется
На всѣ на четыре онъ на стороны
А души Маринки онъ въ особину.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
А грубá сидитъ да съ мѣста нé стаетъ,
Съ мѣста нé стаетъ, сама целомъ не бьетъ,
Сама говорила таково слово:
«Ну когды Добрыня-то на своей вóли гулялъ,
«Нынече Добрыня на моихъ рукахъ!
«Зáхочу, Добрынюшку я óбверну.
«Óбверну Добрыню я сорокою,
«Óбверну Добрыню я вороною,
«Óбверну Добрынюшку я свúньею,
«Óбверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»
Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свúньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ.
У ней было въ поли тридевя́ть туровъ,
Сбылся въ поли тридесятый туръ.

Digitized by Google

Рожки у́ тура да въ золоти,
Ножки у́ тура да въ се́ребри,
Шерсть на турѹ̀ да рыта бархату.
Добрынина сестрица-та родимая
Ждётъ она братца да родимаго,
Сама говорила таково слово:
«Никакъ это дѣло есте не́ плохо!»
Обернулася сестрица-та сорокою
Полетѣла она во Маринкину во улицю,
Къ душкѣ ко Маринкѣ дочь Игнатьевной,
Сѣла на косивчато окошечко,
Са́ма говорила таково слово:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу ты кровопивчица,
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Моего хошь братца ныньче и́звести!
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекну́ться ти́ будётъ!
— За́хочу Маринку-ту я о́бверну,
— О́бверну Маринку я сорокою,
— О́бверну Маринку я вороною,
— О́бверну Маринку-ту я сви́ньею
— Да спущу Маринку-ту по Кіеву гулять! —
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала-то ей заповѣдь великую
О́твернуть ей братца да по старому,
Да по старому братцà по прежному.
Обернулася Маринка-та сорокою,
Полетѣла въ да́лече чисто́ поле,
Будетъ-то да́лече дале́че во чисто́мъ поли
У тыхъ у туриныихъ у пастыревъ,
Сѣла ко Добрынюшкѣ Микитичу,

Digitized by Google

Сѣла на плечко на правое,
Говорила она таково слово:
«А й душа Добрынюшка Микитиничъ!
«А давай-ко ты мни заповидь великую,
«Вóзьми ты Маринку мене зá себе.
«Отверну Добрыню я по старому,
«А по старому Добрынюшку по прежному».
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ давалъ ей заповѣдь великую
Взять Маринку-ту онъ зá себе.
Она стала-то Добрынюшку отвёртывать,
Отвернýла-то Добрыню да сорокою,
Отвернула-то Добрыню да вороною,
Отвернула-то Добрынюшку да свúньею,
Отвернула-то Добрынюшку по старому
Да й по старому Добрынюшку по прежному,
Они пóшли къ городу ко Кіеву.
Они стóлы столовали да й пиры́ пировали.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ Маринку онъ да зá себе.
Пошли въ теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ съ собой саблю-ту вострую
Отрубилъ Маринкину буйну́ю голову.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ стаётъ по утрышку ранёшенько,
Умывается онъ да бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Онъ сбѣраетъ попóвъ протопóповъ всѣхъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вечоръ былъ Добрынюшка женáтъ нё хóлóстъ,
— Нынече Добрынюшка холóстъ нё жёнáтъ,
— Отрубилъ Маринкину буйну́ю голову! —
Собѣралися попы протопопы всѣ,

Digitized by Google

Дѣлали о́гни палящіи,
Рыли Маринкино бѣ́ло тѣло̀
На эти на о́гни на палящіи.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
Во всякоемъ суставѣ по змѣ́енышу,
По змѣ́енышу да й по гаде́нышу.

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

164.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Заводилъ государь свой поче́стный пиръ
На́ всѣ на князя, на бо́яра,
На сильныи могучіи богатыри
И на́ всѣ поляницы на удалыи.
Красное солнышко на вече́ри,
Почестный пиръ идетъ на ве́сели.
Всѣ на пиру наѣдалися
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильный хвастатъ своей силою,
Богатый хвастаетъ золотой казной,
Глупый хвастатъ молодой женой,
А разумный хвастатъ своей матушкой.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Да было Катерина Блудова́я жена.
Она говорила таково слово:
«Ай же ты Чайна Чусовна!
«У тебя есть дочка на выда́ванью,
«У меня есть сынъ холостъ, не женатъ,

Digitized by Google

«Сдѣламъ мы съ тобой сва́товство».
Говорила ей Чайна Чусовна:
— Ой ты Катерина Блудова́ жена!
— Мы есть роду княженецкаго,
— Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— А вы есть роду каличьяго,
— Да й каличьяго роду вѣковичнаго.
— Но и мо́лодой Катёнко Блудовски́
— Ѣзди по да́лечу чисту́ полю,
— Ищетъ куса́ перехватнаго,
— Во́ что бы Катенку пода́виться было! —
Эта Катерина Блудова́ жена,
Сполъ-пиру она й во́нъ пошла.
Ѣздетъ во да́лече чисто́мъ полѣ,
Стрѣтаетъ ей Катёнке Блудовской.
«Что же, родитель моя матушка!
«Съ пиру идешь кручиновато.
«Але мѣсто въ пиру было тебѣ не по́ люби,
«Але ѣста тебѣ во пиру была́ не по́ мысли,
«Але пьяница тебя обезчестила,
«Але голь надъ тобою надсмѣяласи?»
Говорила Катерине Блудова́я жена:
— Мѣсто въ пиру было мнѣ по́ люби,
— И ѣста въ пиру мни была по́ мысли,
— Да и пьяница меня не обезчестила,
— Да й голь надо мной не надсмѣяласи, —
— А надсмѣяласи Чайна Чусовна.
— Дѣлала я съ ней сватовство,
— Она говорила таково слово:
— «Мы есть роду княженецкаго,
— «Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— «А вы есть роду каличьяго,
— «Каличьяго роду вѣковѣчнаго.
— «Мо́лодой Катёнке Блудовской,

Digitized by Google

— «Ѣзди по далечу чисту полю,
— «И ищетъ куса́ перехватнаго,
— «Во́ что бы Катенку задави́ться бы было́». —
Говорилъ Катёнко ей Блудовской:
«Ай же родитель моя матушка!
«Ѣшь и пей, Богу молись и поди спать ложись.
«Утро мудро, день прибыточенъ!»
Эта темная ночка на проходъ прошла.
Мо́лодой Катёнко Блу́довской
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Снаряжается онъ хорошехонько.
Убиралъ онъ своего добра коня
Во свое сѣделышко черкасское.
Поѣхалъ добрый молодецъ въ чисто́ поле гулять,
За своей охвотою молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Взялъ онъ съ собой палицю булатную,
Да заѣхалъ онъ ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Ударилъ палицой по терему,
Теремъ палъ и загородь поломалъ,
И вышибло ворота середи́ двора,
Середи двора княженецкаго,
Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Са́ма говорила таково слово:
— Ужо Господи-свѣтъ милосердный́й Богъ!
— Не было ни вѣтра, ни ви́хоря,
— Теремъ палъ, загородь поломалъ
— И вышибло ворота середи́ двора,
— Середи двора княженецкаго,
— Княженецкаго двора вѣковѣчнаго. —
Ей была дочка любимая,
Она говорила таково слово:

Digitized by Google

«Ай же родитель моя матушка!
«Не было ни вѣтра, ни вихоря,
«Ѣхалъ Катёнке Блудовской
«И ударилъ палицей по терему.
«Теремъ палъ и загородь поломалъ,
«Вышибло ворота середи двора,
«Середи двора княженецкаго,
«Княженецкаго двора вѣковѣчнаго».
Она была жонка упрямая,
Упрямая жонка богатая.
Нанимала бурлакóвъ пятьсотъ человѣкъ,
И давала бурлáкамъ пятьсотъ рублей.
— Ай же бурлаки вы вольница!
— Сходите во дáлече чистó поле,
— Тамъ увидите Катёнка Блудовска.
— Приведите вы на мои бѣлы́ руки,
— Я-то ему жопу голикóмъ посѣку! —
Ай же бурлаки вольница,
Собирались они пятьсотъ человѣкъ,
И брали они пятьсотъ рублей.
Пошли во дáлече чистó поле,
Тамъ увидѣли Катёнка Блудовска
Говорилъ Катёнке имъ Блудовской:
«Ай же бурлаки вы вольница!
«Если смерти вы рады, такъ ступáйте сюда.
«Пожить вамъ охвота, такъ вы прóчь бѣги».
Они увидѣли бѣду всѣ неминýчую,
Да затыкнули жопу всѣ онучами,
Побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Говорили онѣ Чайнѣ Чусовнѣ:
— Мы видѣли Катёнка Блудовска,
— Говорилъ Катёнке намъ Блудовской:
— «Ай же бурлаки вы вóльница!
— «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда,

Digitized by Google

— «Пожить вамъ охвота, такъ вы прóць бѣги!»
— Мы увидѣли бѣдý всю неминучую,
— Да затыкнули жопу всѣ онучами
— И побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ. —
Говорила имъ Чайна Чусовна:
«Ай же бурлáки вы вольница!
«Подите во дáлече чистó поле.
«Вы увидите Катёнка Блудовска,
«Вы скажите Катёнку Блудовску:
«— Сдѣламъ мы съ нимъ свáтовство». —

Записано тамъ же, 30 іюня.

165.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Московско царство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изó Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Тýрскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ люди были кáзненныи,
«А неéднова людей въ Москвѣ не кáзнено».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изó Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Тýрскова,

Digitized by Google

«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ,
«Дайте мнѣ на́ руки измѣнщика!»
И пронзитъ государь тако третій разъ.
Московско царьство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ были люди ка́зеныи,
«И не е́днова людей въ Москвѣ не ка́зпено.
«Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ!»
Всѣ палачи поразбѣгались,
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Выскакивалъ въ полату бѣлока́менную.
— Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
— Измѣну́лъ у насъ въ каменной Москвѣ
— Мла́дой царь Ѳеодоръ Ивановичъ! —
Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Взялъ Ѳеодора за́ руки,
За тѣи за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни́ за злаченыи,
Повелъ на боло́то на житницу
Къ этой ко казени ко смертноей.
Ево родитель матушка
Побѣжала къ Микитѣ Романовичу.
Не крести́тъ она лица бѣлаго,
Не молится чудну образу,
Сама говорила таково́ слово:

Digitized by Google

«Ай же Микита Романовичъ,
«Братецъ ты мой родимыій!
«Ѣшь и пьешь и тѣшишься,
«Надъ собой незгоды не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племницка,
«Давно его и жива нѣтъ.
«Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
«Увелъ на болото на житницу
«Ко тоей ко казени ко смертноей,
«Къ этой ко кончинѣ ко послѣднеей».
Этотъ Микита Романовицъ
Скоро скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Шубу надѣлъ рукавомъ на́ голову,
Скочилъ въ конюшню бѣлоду́бовую,
Тамъ взялъ жеребчика неѣзжанаго,
И не ѣзжана жеребчика и не сѣ́данаго.
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Буде на болотѣ на житницѣ.
Держитъ онъ Ѳедора за руки,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты мла́дой царевицъ Ѳедоръ Ивановицъ!
— Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
— Нынече смерть тебѣ скорая,
— Теперь кончина тебѣ послѣдняя.
— Кому оставишь золоты́ ключи,
— Кому ты оставишь золоту́ казну,
— Кому оставишь платье цвѣтное,
— Кому оставишь всѣхъ добры́хъ коней? —
Говорилъ ему младой царевицъ Ѳедоръ Ивановичъ:
«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
«Да былъ бы я на тво́ей бѣло́й груди,
«Не спрашивалъ бы тво́ей золотой казны,
«И не спрашивалъ бы твоихъ золоты́хъ ключи,
«И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,

Digitized by Google

«Отрубилъ бы тебѣ буйну го́лову!»
А й же Микита Романовичъ
Ѣхалъ по да́лечу чисту́ полю,
Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
— Не́ убей любезнаго племницка,
— Не твой е кусъ, да не тебѣ и съись.
— Хо́те буде и съѣшь, да подавишься,
— Да хоте буде и глонешь, да заклекну́ться будётъ. —
Будетъ онъ на болотѣ на житницѣ,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
За тѣ за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ во уста во саха́рніи,
И поѣхали они къ каменно́й Москвѣ.
Эта темная ночка она на прохо́дъ прошла.
Этотъ Микита Романовичъ
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Васильевичу
Подъ его косивчато окошечко.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Тоже встаетъ по утру ранешенько,
Сѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
Жалешенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечорная,
— Не видать ни краснаго солнышка,
— Младого царевича Ѳедора Ивановича.
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казени ко смертныя,
— Къ этой кончинѣ ко послѣднеей! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Надѣвалъ платьице опальное,
Сбѣралъ онъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.

Digitized by Google

Пошли во церковь во Божію
Слу́жить молебены великіе.
Этотъ Микита Романовичъ
Надѣвалъ онъ платьице что лучшее,
И пошелъ во церковь во Божію.
Взялъ онъ любезнаго племницка,
Оставилъ на крылечкѣ бѣлоду́бовыемъ,
При́шелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На этого на Микиту Романовича,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старый собака, сѣдатый пёсъ!
— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?
— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?
— Твоего любезнаго племничка
— Давно его и жива́ нѣту!
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казни ко смертноей,
— Ко этой кончинѣ ко послѣднеей: —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не вели-ко ты́ суда́рь меня скоро́ казнить,
«Только вели мнѣ государь слово вымолвить!
«Что тому буде, кто жива найдетъ?»
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Я дамъ тому села со приселками,
— Да дамъ города съ пригородками,
— И дамъ золотой казны по на́добну.
— Перво мѣсто подли́ меня,
— И дру́гое мѣсто проти́въ меня,
— А третье гдѣ тому и на́добно. —
Этотъ Микита Романовичъ
Скочилъ на крылечко бѣлоду́бово,

Digitized by Google

Взялъ онъ Ѳедора за руки,
Своего любезнаго плéмницка
Привелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На своегó сына любезнаго,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— Братецъ ты мой богоданныій!
— Я дамъ тебѣ села со приселками,
— И дамъ города съ пригородами,
— И дамъ золотой казны по нáдобью.
— Перво мѣсто подлú меня,
— Дрýгое мѣсто противъ меня,
— Трéтье гдѣ тебѣ и надобно! —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Не надобно мнѣ селъ съ присёлками,
«Не надобно городовъ съ пригородками
«Да не надо и золотой казны по надобью.
«Только дай-ко Микиты таковó слово:
«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,
«Того у Микиты и Богъ проститъ».

Записано въ Горскомъ, 1 іюля.

166.

КОСТРЮКЪ.

Задумалъ царь государь,
Задумалъ женитися,
Во земли во невѣрныя.
Бралъ шурина любезнаго,
Тáко бралъ во приданыихъ
Молодá Кострюкá Мастрюкá,

Digitized by Google

Молода Чемерю́ковица.
Этотъ ли мла́дъ Кострюкъ,
Молодой Чемерю́ковицъ,
Сидитъ за дубовы́мъ столомъ,
Хлѣба соли онъ не кушаетъ
И бѣлой лебеди не рушаетъ.
Говорилъ ему царь государь:
«Ай же ты младъ Кострюкъ,
«Молодой Чемрю́ковицъ!
«Что же хлѣба соли не кушаешь,
«И бѣлой лебеди не рушаешь?»
Говорилъ ему младъ Кострюкъ,
Молодой Чемерюковицъ:
— Ай же ты царь государь!
— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,
— Да и дай удалыхъ молодцовъ,
— Все названыихъ ма́стеровъ! —
Государь припечалился,
Послалъ молоды́хъ пословъ,
Послалъ по всёй орды,
И кричатъ во всё горло,
Покликивать имъ борцовъ,
И борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Эти молоды́ послы
Пошли по всёй орды
Кричатъ во всё горло
И покликиваютъ онѣ борцовъ,
Да и борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Сошлись на единый дворъ
Одинъ Сенюшка маленькій,
Другой Васенька невели́къ тоже былъ,
Два братца родимыихъ.

Digitized by Google

Говорятъ таковы́ словеса:
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ побороти́ся.
«Да й пойдемъ съ молоды́мъ покидатися».
Эти мла́ды послы
Пошли въ полату бѣлокаменную,
Во гридню столовую,
Говорятъ таковы словеса:
«Ай же ты младъ Кострюкъ
«Молодой Чемерюковицъ!
«Тебѣ хлѣбъ соли есть на́ столи
«Да и Богъ-отъ есть на́ стѣни,
«А борцы на широ́комъ дворцы».
Этотъ младъ Кострюкъ
Молодой Чемерюковицъ
Скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Задѣлъ ножкой за скамеечку:
Пятьдесятъ-то Тата́ръ онъ убилъ,
И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.
Выходитъ на крылечко бѣлоду́бовое,
Взглянулъ на широкій дворъ,
Говорилъ таковы словеса:
— Это-то есть мнѣ не́ борцы,
— Да й то не удалы́ молодцы!
— Я бра́тца во ру́ку возьму,
— Да й другаго во дру́гу возьму,
— Я братцями вмѣсто хлесну,
— У нихъ кости расхлѣбаются,
— И всѣ суставы разсыплются. —
Одинъ Сенюшка маленькій
Говорилъ таковы́ словеса:
«Ужъ ты братецъ родимый мой!
«У тебя силы есть съ два́-то меня,
«А смѣлости въ по́лъ-меня.
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,

Digitized by Google

«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»
Пошли съ Кострюкомъ поборотися,
Пошли съ молодымъ покидатися.
Разъ-то Кострю́къ поборолъ
Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,
Тако третій разъ Ко́стрюка,
Тако третій разъ мла́даго,
Они силу его смитили,
Да и брали тутъ Ко́стрюка
На ручки на бѣлыи,
Кидали тутъ Ко́стрюка
Выше церкви соборныя
Со кресты Лева́нидовы.
Палъ тутъ мла́дъ Кострюкъ,
Онъ палъ о сыру́ землю.
Рубашка-та трёснула,
И на себѣ кожа лопнула,
Онъ свой со́ромъ долонью закрылъ,
И побѣжалъ съ каменной Москвы,
Говорилъ таковы словеса:
— Не дай-ко мнѣ Господи
— Въ каменной Москвѣ по́бывати,
— Да й борцовъ поотвѣдывати,
— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,
— Все названыхъ мастеровъ.
— Не дѣтямъ, не внучатамъ,
— Да не роду нашему Карачанамъ [1]).—

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

---

1) Что значитъ «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошенько объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ «поляница, т. е. дѣвица»

Digitized by Google

167.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

По край моря, моря синяго,
По край моря ай веряжскаго,
По край синяго моря веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромина некрытая,
А некрытая хоромина не мшоная.
Тамъ жила была вдова благочестивая,
Было́ у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
И эти всѣ сынова̀ въ разбо́й пошли,
Оставалася дочка единёшенька.
Какъ изъ-за синяго моря веряжскаго,
Наѣхали на дочку къ нею сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила не стоскулася,
Другой жила въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у́ мужа у свѣта подавалася,
У всёй семьѣ здоложилася.
Состроилъ ей мужъ червончатый корабъ,
Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,
Корму дѣлалъ по звѣриному,
Носъ грузилъ чистымъ се́ребромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Онѣ сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька сустигла ихъ,
Не частыи дождики обсыпали,
Наѣхали воры разбойники,
Онѣ гостя торговаго зарѣзали,

Digitized by Google

Зарѣзали и въ воду бросили,
Онѣ жоночку рязаночку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали обезчестили.
Всѣ эти разбойнички спать легли,
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ не лежитъ думу думаетъ,
У жоночки рязаночки выспрашиваетъ:
«Скажи жоночка рязаночка съ коёй орды,
«Съ коёй орды, съ коёй страны?»
— Ужъ мы жили жили по край моря,
— По край синяго моря веряжскаго.
— Тамъ стояла хоромина не крытая,
— Не крытая хоромина не мшоная.
— Во той было хороминѣ некрытоей
— Жила была вдова благочестивая.
— Было у вдовушки девя́ть сыновъ,
— Во десятыихъ была одинокая дочь.
— У ней всѣ сынова́ во разбой пошли,
— Оставаласи дочка одинёшенька.
— Изъ-за синяго моря веряжскаго,
— Наѣхали на дочку къ ней сва́това.
— Она выдала дочку за синё море,
— За этого гостя за торговаго. —
Тутъ разбойничикъ расплакался.
«Вы ставайте-ко братцы родимыи!
«Мы не гостя торговаго зарѣзали,
«Зарѣзали и въ воду бросили,
«Мы зарѣзали зятя любимаго.
«Не жоночку рязаночку въ полóнъ брали,
«Въ полонъ брали и обезчестили,
«Обезчестили сестрицу родимую».

Записано тамъ-же, 30 іюня.

Digitized by Google

XXX.

ПРАСКОВЬЯ МАКАРОВА и ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА ПАСТУХОВА.

Прасковья Макарова и Прасковья Полуектовна Пастухова, крестьянки дер. Горка въ Чоргѣ-Губѣ, лѣтъ подъ 30, поютъ на посидѣлкахъ былины и разные духовные стихи, которымъ выучились отъ родителей. Былины, здѣсь записанныя, пѣлись ими хоромъ вмѣстѣ съ крестьянскою дѣвушкою, сестрою Пастуховой.

168.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Три году Добрынюшка ключничалъ,
Друго три Добрыня подворотничалъ,
А третье три Добрынюшко пиръ держалъ.
Нигдѣ Добрынѣ счастья не пришло,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Афимья Александровна!
«Безчастнаго Добрынюшку споро́дила,
«Безчастнаго Добрыню, безталаннаго.
«Ты бы силою, родитель, бы споро́дила
«Во сильныихъ могучіихъ бога́тырей,
«Смѣлостью, родитель, бы спородила
«Во смѣлаго Олёшенку Поповича,
«Талаиомъ бы, родитель, спородила
«Во тыихъ купцовъ во заморскіихъ,
«Ты походочкою въ родителя спородила
«Во того родителя батюшку,
«Красотою бы, родитель, ты спородила
«Во Осипа того прекраснаго.

Digitized by Google

«А нѣтъ, такъ бы, родитель, спородила
«Катучіимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ.
«Завернула бы этотъ камешокъ въ полотнушко,
«Спустила бъ этотъ камешокъ въ синё морё,
«Пусть бы онъ катался, валялся
«Отъ нынѣ, сударь, до вѣку».
Ай мать ему да отвѣтъ держитъ:
— Ай же ты рожоно мое ди́тятко,
— Ты ай Добрынюшко Микитиничъ!
— Мать пришла не Богородица,
— Рукамы я наладити тебя не́ могла.
— Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ! —
Это-то Добрынюшкѣ словечушко во гнѣвъ пришло,
Во гнѣвъ пришло и во претъ пришло.
Выходилъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ,
Отворялъ конюшенку стоялую,
Вынималъ лошадушку ѣзжалую,
Своего ли бу́рушка космоть'вича.
Засѣдлалъ сѣделышко черкаское,
Двѣнадцать подпружковъ шелко́выихъ,
Ай не нашего шёлку заморьскаго,
Заморьскаго шолку китайскаго.
Въ воротахъ стоитъ Добрынина матушка,
Еще стоитъ молода́ жена,
Сами говорятъ таково слово:
«Ты ай ли Добрынюшко Микитиничъ!
«И скоро ли ты домой будёшь,
«Ты домой будешь да поворотъ держишь?»
— Жена моя Настасья Микулична! [1])
— Ты жди-тко меня три года.
— А я три года не буду, такъ дру́го три,
— А друго не буду, такъ еще жди тре́тьё три.

1) Сестренка была ея Василиса Микулична.

Digitized by Google

— А третьё три не буду, хоть вдовой живи,
— Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди.
— А только не ходи за смѣлаго Олешеньку Поповича.
— Олешенька Поповичъ мнѣ крестовый братъ,
— Мы съ нимъ златыма крестама побратались,
— Злаченыма крестама помѣнялись. —
Видѣли Добрынюшку тутъ сядучи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи,
Подынулъ Добрынюшко кýрево,
Ай курево Добрынюшко мáрево,
Отъ неба дó земли, óтъ земли дó неба.
Пріѣхалъ онъ во дáлече чистó поле.
Тутъ его Добрынина матушка,
Еще Добрынина молода жена,
Шли оны во высóкъ терёмъ,
Жалешенько оны поросплáкались.
«Закатилось наше красное солнышко,
«Ай за мхи, болота, за топучіи,
«И за этыи горушки высокіи,
«И за тыи лѣсушки темныи!»
Ай пріѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Во далече чистó поле.
И сидитъ тутъ птица черна вóрона,
И онъ натягивалъ свой тýгой лукъ,
Накладывалъ свою да калену́ стрѣлу.
Ужъ онъ хочетъ пострѣлить птиченку да черна вóрона.
Спроговоритъ тутъ птиченька черно́й воронъ
Тыимъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
— Не убей ты меня птицы черна ворона,
— Не пролей ты крови ворóньей,
— Ворóньей крови напрасноей!
— Не укротить тебѣ богатырскаго ретливаго сердечушка!
— Ты поди на гору на Яичкину,

Digitized by Google

— По́глянь-ко подъ сторону подъ сточную.
— Тамо стои́тъ сила невѣрная,
— Ай невѣрна сила поганая,
— Людямъ тамо да проходу нѣтъ,
— Птиченки да пролету нѣтъ,
— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,
— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ. —
И тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
И старый казакъ Илья Муромецъ,
Еще Добрынюшка Микитиничъ,
Ай Алешенка По́повичъ,
И стали они по силы поѣзживать,
И стали они татаръ потаптывать,
Не оставили силы на сѣмена.
Годъ по году прошло три года.
Тутъ приходятъ отъ Добрынѣ вѣсточки нерадостны,
Ай нерадостны вѣсти, невеселыя:
Ле́житъ убитъ Добрынюшка въ чисто́мъ полѣ,
Ручки ножки пораскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудёрышки
Шолко́вая тра́вушка про́росла,
Ай Добрынюшкинъ конь во мху до́ колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.
«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«И проживу да ужъ я друго три».
Ай скоро старина-та скажется,
Не скоро времечко сбывается.

Digitized by Google

Ай годъ по году прошло три году.
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово:
«Да нынечку да теперечку»
Тутъ они какъ въ полѣ воевали
И тутъ они сказали:
— И со небесной мы бы силой супротивились,
— А не то что съ силой проклятой! —
Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,
Спустилъ на нихъ столóпъ óгненный.
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ двá станетъ,
Два станётъ все поединщика.
Еще перерубятъ, а тутъ три станётъ,
Три станётъ все опять поединщики.
Тутъ они Богу смолилися:
— Намъ бы тое же слово да не такъ сказать! — [1])
Годъ по году прошло опять три года.
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки, ножки пороскиданы,
Буйнá головка порозломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая трáвушка прóросла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не похаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.

1) Стихи 123—135 какъ будто взяты изъ другой былины; съ текстомъ они не ладятся.

Digitized by Google

«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«Прóживу да ужъ я третье три».
И побѣжалъ Алешенька Поповичь
Побѣжалъ отъ ней прочь.
И тотъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Годъ по году прошло еще три года.
Все отъ Добрынюшки вѣсти приходятъ нерадостны.
Опять Олешка Поповичъ сватаетъ.
Она говоритъ таково слово:
«Какъ былъ у меня законный мужъ
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ.
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ,
«И спомню я мужнюю заповѣдь».
Опять приходятъ тѣ же вѣсти,
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки ножки пороскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая тра́вушка про́росла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Вотъ по году прошло и двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ сталъ Олешенька подхаживать,
Поуми́лась Настасьюшка замужъ по́ити.
Веселымъ пиркомъ, да за свадебку.
Было у Добрынюшки Микитинича,
Было два голубка кормлёныихъ,
Кормлёныихъ два голубка поёныихъ,
Спустила ихъ родитель его матушка,
И жалешенько она расплакалась:
Увидалъ Добрынюшко Микитиничъ
Своихъ го́лубковъ кормлёныихъ,

Digitized by Google

Садился на добра коня, поѣхалъ домой,
И поѣхалъ ко родители матушкѣ,
Пріѣхалъ къ родители матушкѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— При смерти Добрынюшко наказывалъ:
— «Висятъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— Висятъ сафьяныи сапоженки»,
— То, сударыня, подай сюда. —
Спроговоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Ай же ты удалой скоморошище!
«Какъ была бы у меня силушка могутушка,
«Я бы тебя ножикомъ зарѣзала!»
Ай же спроговоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ кунья шубонька»,
— То́, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ въ клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ шапочка собольяя»,
— И то, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висятъ яровчаты гусёлышки»,
— То, сударыня, подай сюда! —
И сокрутился Добрынюшка Микитиничъ,
Пошелъ на почестный пиръ на свадебку.
Приходитъ на почестный пиръ на свадебку,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На три на четыре стороны,
Князю молодому со княгинею въ особину.
Вси есть мѣстечка призаняты,

Digitized by Google

Одно то мѣстечко на кирпичной печкѣ.
А садился тутъ Добрынюшка да на кирпичной печь,
Сталъ ёнъ во гуселышки выигрывать.
Догадалась Настасья Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
«Удалому скоморошищу
«Поднесемъ чару зелена вина!»
И наливала чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
А мѣрой чара полтора ведра.
Возымалъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня во единый здухъ.
Тутъ спустилъ свой злаченый перстень,
Спустилъ во чару зелена вина,
И поднесъ Настасьѣ Микуличной,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Микулична!
— Ужъ ты выпьешь до дна, ты увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра! —
И выпила Настасья Микулична,
Увидала вѣдь свой перстень обрученой,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, который за столомъ сидитъ,
«А тотъ мой мужъ, который на кирпичной печь».
Она и вышла зъ-за дубова стола.
«Прости меня Добрыня Микитиничъ!
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туда умъ понесетъ,
«Ай мужъ по дрова, да жена за мужъ пошла!»
Скочилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Схватилъ Олешеньку Поповича,
Схватилъ за желты кудри,
Бросилъ о дубовъ полъ.
Только Олешенька женатъ бывалъ.

Digitized by Google

Спрогóворитъ Олешенька Поповичъ:
— И всякій-то на свѣтѣ женится,
— Не всякому женидьба удается.
— Только удалась женидьба
— Ставру Годиновичу, да Добрынюшкѣ Микитичу. —

Записано тамъ же, 1 іюля.

169.

СТАВЕРЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Да былъ присобранъ почестный пиръ
На вси на князи, на вси бóяра,
На вси гостюшки столовыи,
На вси людюшки торговыи,
На вси поляницы на удалыи.
И вси на пиру-то наѣдалиси,
И вси на пиру-то напивалиси.
И вси на пиру-то порасхвастались.
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Умный хвастатъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой
Сильныи Ставёръ сынъ Годиновичъ
Онъ не ѣстъ не пьетъ не кушаетъ,
Ничѣмъ онъ не хвастаетъ.
Испроговоритъ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, Ставёръ, сынъ Годиновичъ,
— Что же ты не ѣшь не пьешь не кушаешь,
— И ничимъ же, Ставёръ, ты не хвастаешь? —
И тутъ добрый молодецъ росхвастался:
«Да есть у меня у добра молодца,

Digitized by Google

«Золотой казны да у меня и счету нѣтъ,
«Цвѣтныхъ платьицевъ и смѣту нѣтъ,
«Тридевять кобылицъ есть неѣзжаныихъ,
«Тридевять жеребчиковъ некла́деныихъ
«Жена у меня Василиста Микулична,
«Она Кіевъ градъ ку́питъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ!»
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Во́зьте Ставра̀, подхвати́те Ставра̀,
— Посадите Ставра̀ во глубо́кой погрѐбъ
— За него слова неумильніи,
— За него рѣчи неучливыи! —
Взяли Ставра̀, подхвати́ли Ставра̀
Да за не́го за ручки за бѣлыи
За́ него перстни за злаченыи,
Посадили Ставра во глубокъ погрёбъ.
При Ставрѣ при Годиновѣ
Былъ молодой Ванюша воръ пова́ренокъ,
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
Поѣзжалъ во городъ во Чернигово.
Пріѣзжаетъ тутъ во городъ во Чернигово
Приходилъ ко Василистиной ко матушки:
«Ай же Василистина матушка!
«Да гдѣ же Василиста Микулична?»
— Василисты Микуличны-то дома нѣтъ,
— Ушла на почестный пиръ на свадебку. —
Онъ приходитъ слѣдъ туда да на почестный пиръ.
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ по ученому
На три на четыре на сторонушки,
Князю со княгинею въ особину.
«Ай же Василиста Микулична!
«Ты ѣшь, ты пьешь, да проклаждаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь,

Digitized by Google

«Какъ старыи Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Онъ посаженъ во глубокъ погрёбъ
«За него слова неумильніи
«За него рѣчи неучливыи!»
Скочила она зъ-за дубова́ стола,
Пала она да о бѣлый полъ,
Думала думу ровно три́ часу:
«Силой Ставра мнѣ-ка изъ Кіева не взя́ть,
«Деньгами Ставра мнѣ-ка не вы́купити,
«Взять не взять Ставра своима догадкама женьскима».
Она волосы брила́ по турецкому,
Кудёрышки вила́ по молодецкому,
Штаники одѣла чернобáрхатныи,
А сапожки на ножки зеленъ сафьянъ.
Шиломъ пятики, носы востры,
Около носочка яи́чко катить,
А и по́дъ пяту воробе́й пролетитъ.
Стала Василиста удалы́мъ молодцомъ
Да садилась на добра коня, поѣхала.
Пріѣзжала она да во Кіевъ градъ
Какъ поставила коня середь ши́рока двора,
Несвязанаго, непривя́заного
Еще никому неприка́заного.
Стоитъ добрый конь, не воро́хнется.
Проходила тутъ во гридню во столовую.
Кладывала листъ посольній на ду́бовъ столъ
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-кіевской,
«Ты хотъ въ листъ гляди, хоть за листомь слушай!
«А я пришолъ къ тебѣ свататься
«На твоёй любезноей дочери
«А на младоей Машутѣ Влади́міровнѣй».
Видитъ князь, что уда́лъ молодѣцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,

Digitized by Google

Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у́ нея съ прóвизгомъ
— А походочка у́ нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, животá бережетъ.
— Два на двое буде намъ съ тоскú помереть. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали борцовъ удалы́хъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Она взяла борца по правýю руку,
Дрýгаго взяла по лѣвýю руку,
Она стала тутъ борцами потаскивать,
Да тѣмъ борцамъ только можется.
Видитъ князь, что удáлъ молодѐцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у́ нея съ прóвизгомъ
— А походочка у́ нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, животá бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоскú помереть. —

Digitized by Google

Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Одинъ стрѣлилъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлилъ перестрѣлилъ.
А Василиста Микулична стрѣлила
Да во цѣлочку попала.
Видитъ князь, что удалъ молодецъ,
Князь бы далъ, да посѣлъ бы взялъ,
Не иде младая Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у нея съ провизгомъ
— А походочка у нея частенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стегна жметъ,
— Стегна жметъ, живота бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоски помереть. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати.
«Мы постелемъ мягку пухову постель,
«Кладемъ круто складно зголовьицо,
«Буде стане подъ плечма ямина, мужчина будетъ,
«Буде стане подъ жопой, женщина».
И они стлали мягку пухову постель
Положили круто складно зголовьицо.
Куда бы повалиться буйной головой
Она тутъ жопой повалиласи.
По утру пришла Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:

Digitized by Google

— Свѣтъ государь ты мой батюшка
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Тутъ гдѣ бы спать головой, тутъ жóпой спанò.
— Не отдавай мене дѣвчины за женщину. —
«Мы еще посла да поотвѣдаемъ:
«Вытопимъ теплу парну баенку».
Пришелъ тутъ посёлъ тотъ Ляховицкіи
Племничекъ да королевскіи,
Онъ не мылся, онъ да не парился,
Помочилъ свою буйну головушку.
Князь-то идетъ да во баенку,
А посёлъ-то идетъ да изъ баенки.
Испроговоритъ тутъ князь стольнё-кіевской;
«Ай же ты посёлъ да Ляховицкіи,
«Племничекъ да королевскіи!
«Что же ты скоро умылся, испарился?»
Испроговоритъ посёлъ Ляховицкіи:
— Ваши повороты княженецкіи,
— Наши повороты молодецкіи
— За то жалуешь любезной своей дочерью,
— Мла́доей Машуткой Владиміровной. —
Видитъ князь, что уда́лъ молодецъ,
Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.
Испроговоритъ тутъ посёлъ Ляховицкіи
Племничекъ королевскіи:
— Дайте игроковъ, удалы́хъ молодцёвъ,
— Игры бы играли во Кіевѣ,
— Тоньци выводили въ Еросо́лимъ градъ. —
Тутъ-то князь пораздумался:
«Только было игроковъ, удалыхъ молодцёвъ
«Одинъ старый Ставёръ сынъ Годиновичъ,
«Такъ посаженъ во глубокъ погребъ.
«Взять Ставра̀, такъ невида́ть Ставра
«А не взять Ставра̀, такъ огрубить посла». —

Digitized by Google

«Ай же слуги мои вѣрныи!
«Ужъ вы возьте Ставра, подхвати́те Ставра̀
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Приведите Ставра на почестный пиръ».
Тутъ взяли Ставра, подхватили Ставра,
Приводили Ставра на почестной пиръ.
Сталъ онъ играть да выигрывать,
Игры играетъ во Кіевѣ,
Тоньци выводитъ въ Ероси́лимъ градъ.
Тутъ-то вси на пиру поразслухались.
Испроговоритъ Василиста Микулична:
— Помнишь ли Ставёръ, памятуешь-ли Ставёръ,
— Когда я была кобылицей, ты же́ребцемъ,
— У меня было колечко золоченое,
— У тебя была спаечка *(такъ)* серебряна? —
. . . . . [1])
Она одѣлась въ платья женскіи,
Пришла къ князю ко Владиміру
Она говоритъ да таково слово:
— Занапрасно Ставра посадили во глубокъ погребъ.
— Онъ похвасталъ, такъ былицею. —
Испроговоритъ ему князь стольнё-кіевской:
«По́ люби бери золотой казны,
«По́ люби бери добры́хъ коней».
Тутъ они домой поѣхали.

Записано тамъ же, 1 іюля.

1) Тутъ пѣвицы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто.

Digitized by Google

IV.

ВЫГОЗЕРО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Ѳедоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной наружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился пѣть множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить, отъ кого именно онъ былины заимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былины. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника.

170.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подъ славныя подъ Кіевъ градъ,
И ко славному князю ко Владиміру,
И приходитъ посёлъ да скоровѣстныя.

Digitized by Google

Приходилъ поселъ да изъ чиста поля,
А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да Калиновича.
А онъ идётъ посёлъ да не съ упадкою,
А онъ не бьетъ челомъ, не низко кланяется,
Ай прямо грядётъ въ гридни свѣтлыя,
И во тѣе ли полаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ напи́саный,
И чтоль на свинцу да чубаравскоемъ.
И сей ярлыкъ вѣсу́ былъ сорока пудовъ.
Ужъ какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломишася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣстнаго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣстному:
«А ты откуль пришолъ да добрый молодецъ,
«И отъ кого принесъ ты сей посла́ный ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И чтоль скорыій посёлъ Василій Ивановичъ:
— Я изъ иной земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина́ царя да Калиновича,
— Ай же ты Владиміръ князь да стольне-кіевскій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеви да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И супротивъ Калина́ царя да Калиновича
— Ежели не дашъ ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ возьмемъ,
— И въ полонъ возьмемъ и весь огнемъ сожгемъ. —
И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинилсо,
Закручинилсо князь да запечалилсо,
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:

Digitized by Google

«По грѣхамъ то вѣрно сучинилося,
«И богáтырей во градѣ не случилося».
И какъ на тую славу на великую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голь кабацка,
А по имени ли тотъ Васильюшка упьянсливы.
Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтлыя,
И въ тѣе ли полаты княженецкíя,
И онъ какъ крестъ то кладетъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному,
И на всѣ стороны Василей поклоняется,
И бьетъ целомъ да о сыру землю,
И ласковóму князю Владиміру.
Испроговоритъ Василей таковы слова:
— А гой же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевскій,
— И стольне-кіевскій славно-Владимірскій!
— И ты почто же такъ сильнё кручинишься,
— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?
— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,
— Развѣ нѣтъ у насъ во стольноёмъ во градѣ въ Кіевѣ,
— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
— Ай супротивъ Калинà царя да Калиновича?
— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,
— И во чистомъ полѣ да во бѣлóмъ шатрѣ,
— Ай есть вѣдь тамъ да удалóй добрый молодецъ.
— Эще старыя казакъ да Илья Муромецъ.
— И про него же славу про великую,
— И про него же силу богатырскую,
— И во стихахъ поютъ, и въ старинахъ скажутъ,
— И на бою ему то смерть не писана.
— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Калинà,
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя да Калина.—
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
«Ай ты скорѣй достань да добра молодца,

Digitized by Google

«И славнаго казáку Илью Муромца».
Пріѣзжаéтъ Василей во чисто полё,
Во чисто поле да ко бѣлу шатру.
И во бѣломъ шатри-то спитъ да добрый молодецъ,
А онъ-то спитъ да добрый молодецъ глубокимъ сномъ,
А его добрый конь зоблетъ пшену да бѣлоярову
И щиплетъ добрый конь травеньку шелковую,
И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.
И дожидатъ Васильюшко упьянсливый,
И когда прохватится да добрый молодецъ,
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
И онъ воспрянýлъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго,
И предъ собой увидѣлъ стоитъ да добрый молодецъ,
И тотъ ли то Васильюшко упьянсливый,
И бьетъ челомъ Василей низко кланяйтся,
И какъ удалому да добру молодцу,
Старому казаку́ да Ильѣ Муромцу.
Испроговоритъ Василей таково слово;
— А гой же ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣрную,
— И отгони отъ Кіева цюдовища великого.
— Пріѣзжаетъ Калѝнъ царь Калиновичъ,
— И со той ли силой со невѣрною,
— И со тымъ ли войскóмъ со татарскіимъ. —
Цють ли выслушалъ да таковы слова
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
И скоро онъ беретъ своего добра коня.
И какъ садился онъ да на добра коня,
И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто полё,
И что ль подъ славныя да что ль подъ Кіевъ градъ.
Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи,
Но не видѣли удалаго поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,

Digitized by Google

Курева стоитъ, да пыль столбомъ валитъ.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
И становятся тутъ колодци ключевой воды.
И какъ доѣхалъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
И до того ли до города Кіева,
У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ поли,
И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,
И во чистомъ поли вѣдь стóитъ бѣлъ шатеръ,
Въ которомъ шатрѣ былъ да Калúна царь Калиновичъ.
И направлятъ коня да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Калинý царю,
Къ Калинý царю да Калинови́чу,
И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,
И Калúна царь да что-ль Калúновичъ.
А какъ садился Калúна на добра коня,
И на того ли на жеребчика на ворона,
И берéтъ Калúна саблю вострую,
И во вторыхъ беретъ копье да долгомѣрное,
И выѣзжатъ Калúна во чисто поле
И супротивъ русскаго богаты́ря.
И какъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
И не двѣ ли сильніи горы́ вмѣстó скатаются,
И какъ два сильніихъ могучіихъ богатыря сражаются.
И они съѣхались добры молодцы побратались,
А й у Калинà царя конь на колѣна палъ,
А й самъ ли Калинà царь подъ конёмъ лежитъ,
И разбитъ онъ до конскаго до сѣдлища.
А старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А й на кони сидитъ подобно какъ столѣтній дубъ.
И на конѣ сидитъ да не шатается,
А его сердечико да розгоряется.
Началъ рубить тутъ силу всю татарскую,
И пролилъ онъ всю кровь татарскую,
Очистилъ онъ вѣдь славный Кіевъ градъ,

Digitized by Google

Избавилъ отъ напасти онъ князя Владиміра.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ.
И какъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
И бьютъ челомъ да добру молодцу со всѣмъ усердіемъ,
И Владиміръ князь да ёму въ особину.
«И какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
«И за то, что избавилъ отъ той напасти отъ великія,
«И что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
«За то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:
«Ты бери-ко-сь отъ меня да злата серебра,
«И ты бери отъ меня каменья драгоцѣннаго;
«Или городъ на-бъ тебѣ да съ пригородками,
«Или тебѣ села надо да съ приселками,
«Или тебѣ деревни надо со крестьянами?»
А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ
И солнышку князю Владиміру:
— Ничего вѣдь мнѣ не надобно.
— Только дай-ко мнѣ похвальный листъ,
— И напиши Владиміръ ты своей рукой. —

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

171.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села да Карачаева,
Бы́ла тутъ поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ оттуль да добрый мо́лодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ,

Digitized by Google

И онъ ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
Ото мла́дости гулялъ да онъ до старости.
Ѣдетъ добрый молодецъ да́ во чистомъ поли,
И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
И отъ камешка лежитъ три розстани,
И на камешки было подписано:
Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ѣхать — женату быть,
Третьюю доро́женку ѣхати — богату быть.
Стоитъ старенькой да издивляется:
Головой качатъ самъ выговариватъ:
«Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ да ѣзживалъ,
«А ещё такова́го чуда не нахаживалъ.
«Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ богату быть?
«Нѣту у меня да молодой жены,
«И молодой жены да любимой семьи,
«Некому держать тощить да золотой казны,
«Некому держать да платья цвѣтнаго.
«Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхать гдѣ женату быть?
«Вѣдь прошла моя теперь вся молодость.
«Какъ молодинка вѣдь взять да то чужа корысть.
«А какъ ста́рая-та взять дакъ на печи лежать,
«На печи лежать да киселемъ кормить.
«Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
«А й во тую дороженку гдѣ убиту быть?
«А й пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семъ свѣти,
«И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во чистомъ поли».
Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ убиту быть.
Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ да пыль столбомъ летитъ.

Digitized by Google

Съ горы на гору добрый мóлодецъ поскакивалъ,
Съ холмы нá холму добрый молодецъ попрыгивалъ,
Онъ вѣдь рѣки-ты озёра межу ногъ спущалъ,
Онъ синú моря-ты на окóлъ скакалъ.
Лишь проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
Не доѣхалъ добрый молодецъ до Индíи до богатыи,
И наѣхалъ добрый молодецъ на грязи на смоленскіи,
Гдѣ стоятъ вѣдь сóрокъ тысячей разбойниковъ
И тѣ ли ночны́и тати подорожники.
И увидѣли разбойники да добра мóлодца,
Стараго казáку Илью Муромца.
Закричалъ разбойничéскій атаманъ большой:
— А гой же вы мои братцú-товарищи,
— И разудаленькіи вы да добры молодцы!
— Принимайтесь-ко за добра молодца,
— Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,
— Отбирайте отъ него да что-ли добра коня. —
Видитъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,
Да бѣда пришла да неминуема.
Испроговоритъ тутъ добрый молодецъ да таково слово:
«А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ
«И тѣхъ ли татéй ночныхъ да подорожниковъ!
«Вѣдь какъ бить трепать вамъ будетъ стара некого,
«Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со стараго да нечего.
«Нѣтъ у стараго да золотой казны,
«Нѣтъ у стараго да платья цвѣтнаго,
«А и нѣтъ у стараго да камня драгоцѣннаго.
«Столько есть у стараго одинъ вѣдь добрый конь,
«Добрый конь у стараго да богатырскіи.
«И на добромъ конѣ вѣдь есть у стараго сѣдéлышко,
«Есть сѣдéлышко да богатырское.
«То не для красы, братцы, и не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи,

Digitized by Google

«И что можно́ было́ сидѣть да добру молодцу,
«Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ поли.
«Но еще есть у стараго на кони уздечика тесмяная,
«И во той-ли во уздечики да во тесмяныи
«Какъ зашито есть по камешку по яфонту.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи.
«И гдѣ ходитъ вѣдь гулятъ мой добрый конь,
«И среди́ вѣдь ходитъ ночи темныи,
«И видно́ его́ да за пятнадцать верстъ да равномѣрныихъ.
«Но еще у стараго на головушкѣ да шеломчатъ колпакъ,
«Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи».
Скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
Разбойническій да атаманъ большой:
— Ну чтожъ вы долго дали старому да выговаривать!
— Принимайтесь-ко вы ребятушка за дѣло ратное. —
А й тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снималъ тутъ старый со буйной главы да шеломча́тъ колпакъ,
И онъ началъ старенькій тутъ шелома́мъ помахивать.
Какъ въ сто́рону махнетъ — такъ тутъ и улица,
А й въ дру́гу о́нъ махнетъ — дакъ переулочекъ.
А видятъ тутъ разбойники да что бѣда пришла,
И какъ бѣда пришла и неминуема,
Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
«Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣмена».
Онъ прибилъ прирубилъ всю силу невѣрную,
И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешки подпи́сь подписывалъ:
И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.

Digitized by Google

И поѣхалъ старенькой во ту дорожку гдѣ женату быть,
Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полё,
Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменны,
Пріѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Увидала тутъ да красна дѣвица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встрѣчать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —
И она бьетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,
И беретъ она добра молодца да за бѣлы руки,
За бѣлы руки, да за златы перстни.
И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣлокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый столъ,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добраго молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!
— Ты какой земли есть, да какой орды,
— И ты чьего же отца есть, да чьеё матери?
— Еще какъ же тебя именемъ зовутъ,
— А звеличаютъ тебя по отечеству? —
А й тутъ отвѣтъ-то держалъ да добрый молодецъ:
«И ты почто спрашивашь объ томъ да красна дѣвица.
«А я теперь усталъ да добрый молодецъ,
«А я теперь усталъ да отдохнуть хочу».
Какъ беретъ тутъ крáсна дѣвица да добра молодца,
И какъ беретъ его да за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Какъ ведетъ тутъ добра молодца
Во тую ли во спальню богатоýбрану,
И ложúтъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испроговоритъ тутъ молодéцъ да таково слово:
«Ай же ты душечка да красна дѣвица!
«Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И какъ хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,

Digitized by Google

И хватилъ онъ ей да по подпазушки,
И броси́лъ на тую на кроваточку,
Какъ кроваточка-то эта подвернуласи,
И улетѣла красна дѣвица во тотъ да во глубокъ погребъ.
Закричалъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:
«А гой же вы братци мои да вси товарищи,
«И разудалыи да добры молодцы!
«Но има́й хвата́й вотъ и сама́ идетъ».
Отворяетъ погреба глубокія,
Выпущаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,
И все сильніихъ могучіихъ богатырей,
Едину́ оставилъ саму да во погребѣ глубокоёмъ.
Бьютъ-то челомъ да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Илью Муромцу.
И пріѣзжаетъ старенькой ко ка́мешку къ олатырю,
И на камешки-то онъ подпи́сь подписывалъ:
И какъ очищена и та дороженка да прямоѣзжая.
Но направляетъ добрый молодецъ да своего коня
И во тую ли дороженку да гдѣ богату быть.
Во чистомъ поли наѣхалъ на три по́греба глубокіихъ,
И которыи насыпаны погре́ба златомъ серебромъ,
Златомъ серебромъ каменьемъ драгоцѣнныимъ.
И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,
И роздавалъ это злато серебро по нищей по братіи,
И роздалъ онъ злато серебро по си́ротамъ да безпріютныимъ.
Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,
И на камешки онъ подпись подписывалъ:
И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжая.
И онъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ
И которой же дороженкой да прямоѣзжею.
И коя лежи́тъ дороженка отъ Кіева,
Отъ Кіева и до Чернигова,

Digitized by Google

И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,
А около-то ѣздили да ровно двѣ тысящи.
И на той ли на дороженки да прямоѣзжая,
А й на шести дубахъ сидѣлъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И онъ свисталъ вѣдь посвистомъ змѣиныимъ,
И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣриныимъ.
И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,
И отъ покрика его да отъ звѣринаго
Умирали тутъ сильныи могучіи богатыри.
Но наѣхалъ тутъ добрыи молодецъ на шесть дубовъ на кряновистыихъ,
И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И видитъ онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.
Засвисталъ онъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,
Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,
А й у стараго казáки Ильи Муромца
Бѣжитъ добрый конь да потыкается
Отъ того ли отъ страха отъ великаго.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ тутъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!
«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,
«Развѣ вѣдаешь ты надъ собой незгодушку великую;
«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?
«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,
«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,
«Я не вѣдаю того что меня убьётъ».
Какъ увидалъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И закричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскіи,
Въ богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ Соловéй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскія.

Digitized by Google

У старенькаго вѣдь добра молодца конь на колѣни палъ.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ нѐ бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты пóкрика звѣринаго,
«И не слыхалъ же ты и посвиста змѣинаго?»
А й беретъ вѣдь старенькой свой тугой лукъ,
Натягаетъ свой тугой лукъ да богатырскій,
Вынимать колчанъ со стрѣлами да со калёными,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Соловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый глазъ,
И тому ли собаки Соловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскакалъ же тутъ да добрый молодецъ,
И налагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на гóлову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодецъ во славный Кіевъ градъ
И ко стольнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь ѣдучи.
Какъ пріѣхалъ добрый молодецъ во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Соловья разбойника Догматьева.
И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечико,
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый молодецъ!
— И ты какой земли, да ты какой орды,
— И чьего отца есть и чьёё матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ зовутъ,
— И звеличаютъ по отечеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуль путь держишь? —
Отвѣтъ держалъ да добрый молодецъ:

Digitized by Google

«А гой же ты ласковое солнышко Владиміръ князь!
«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А й отъ Чернигова пріѣхалъ и до Кіева,
«И очистилъ ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловéй разбойникъ Догматьевиъ.
«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣинымъ,
«И покрикомъ звѣриным,
«Сильніихъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыихъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодецъ
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскій сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отечеству да сынъ Ивановичъ».
Собиралъ Владиміръ князь почестенъ пиръ,
И на тѣхъ ли князей и на бóяры,
И на тѣхъ ли на вельможъ да на великіихъ,
И на русскіихъ на славныихъ богатырей,
И на поляницъ да на удалыихъ.
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
— Ты повели-тко, добрый молодецъ,
— И тому ли Сóловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
— И закричати въ пол-крика звѣринаго.
— А й пусть потѣшатся мои всѣ князи бóяра,
— И пусть услышатъ всѣ вѣдь русскіи богáтыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалый. —
И повелѣлъ же тутъ да старыи казакъ да Илья Муромецъ
И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричать въ полъ-крика въ пол-звѣринаго.
Но не послушалъ татаринъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскіи,

Digitized by Google

Богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугалися,
И кои мертвые, а ины окорачь ползутъ,
Владиміръ князь стоитъ онъ и шатается.
А й молоду́ княгиню его́ Абраксину
И спасъ ея да жизнь вѣдь доброй молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ.
Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Выводилъ Со́ловья да во чисто полѣ,
Отрубилъ у него да буйну голову,
Буйну голову его татарскую.
И тутъ ему да Соловью славу́ поютъ.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

172.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

Какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
Какъ отъ матушки да отъ разумныя,
Зарождается чадушко безумноё,
Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
Какъ не стало у Иванушка да родна батюшко,
И оставается у Иванушка да родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна.
И унимаетъ родна матушка да своего чада,
И своего ли чада милаго,
И того ли дитятка любимаго,
И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
«А гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!

Digitized by Google

«И не ходи-тко чадо да на царевъ кабакъ,
«И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
«И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
«И не связывайся чадо со жонками со курвами,
«И со тѣма ли со дѣвками со блядками».
И не послушалъ Иванушко да своей матери,
И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
И съ тѣма ли со жонками со блядками,
И съ тѣма ли со дѣвками со курвами.
И какъ прослышала да ёво матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна,
И приходила тутъ евò да родна матушка,
Приходила она да на царевъ кабакъ,
Испроговоритъ она да таково слово!
«А гой же вы народъ люди православныи!
«И не видали ль вы моего да чада милаго,
«Чада милаго дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго?»
Испроговорятъ народъ да православныя:
— А гой же ты честнà вдова Офимья Олександровна!
— И не видали мы твоего да чада милаго,
— И что ль по имени Иванушка Гостинаго. —
Испроговоритъ тутъ Офимья Олександровна,
И что ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкімъ:
«А гой же вы голи вы кабацкія!
«Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
«И чадо милоё дитя любимоё,
«И что ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
«И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
И привели тутъ голи кабацкія
Ай оборвáнаго да добра молодца,
Ай что ль по имени Иванушка Гостинаго.
И какъ берётъ Ивана родна матушка,

Digitized by Google

И честна вдова Офимья Олександровна,
И какъ берётъ ево да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
И за бѣлы руки да за златы перстни,
И повела ево на пристань корабельную,
И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморьскімъ,
И ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой же вы купци замóряна,
«И вы замóряна купци да й вавилóняна!
«И вы купите-тко да моегó чада,
«И моего ли купите чада мúлаго,
«И чада милаго купите дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго,
«И дайте-тко за нево мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей».
Испроговорятъ купци да таково слово:
— А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
— И не вора ли продаешь да не разбойника? —
Ай отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
Ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И я не вора продаю, да не разбойника,
«А своего ли продаю да чада милаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго».
Ай отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И что ль Иванушко Гостиной сынъ,
И ко тѣмъ купцамъ да ко замóрянамъ,
Ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
— И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
— И что былó бы моёй матушкѣ
— И до гробнóй доски ей да не скитатися. —
И тутъ пролилъ горючія слéзы добрый молодецъ,
И въ слезáхъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:

Digitized by Google

— И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
— И какъ честна́ вдова Офимья Александровна,
— И по писаному была да ро́дна матушка,
— Ай по житью бытью да змѣя лютая. —
И тутъ простилася да родна матушка,
А какъ простиласи она да съ любимы́мъ сыномъ,
Съ любимы́мъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

173.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пусты́ни богомоленьи,
Выходило соро́къ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
Выходило сорокъ каликъ да со каликою.
Выходили онѣ да во чисто полѣ,
Становилися каликушки да во зелёной лугъ,
Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
И ткнули каликушки копьицо да во сыру землю,
И на копьица положили они сумочки,
Ай сумочки ты были у нихъ да рыта бархату.
И стали они думать думу заединую:
«Мы куда́ пойдемъ, братци́ каликушки, да ку́да путь держимъ?
«И кто изъ насъ, братци каликушки, буде атама́нъ большой?
«Молодой Михайлушка Романовичъ да атама́нъ большой».
И стали они думать думу заединую.
«Мы пойдемъ, братци ребятушки, во славный Еруса́лимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,

Digitized by Google

«И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
«И во Ерданъ рѣки да покупатися,
«И во плакунъ травы да покататися.
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяжкій блудный грѣхъ,
«И того казнить вѣдь казнію калицкою
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во чисто поле,
И во славныи Кіевъ градъ,
Ко ласкову ко солнышку Владиміру.
Не дошедши до города до Кіева,
На пути попалъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскій;
Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,
И они бьютъ челомъ да низко кланяются:
«И здравствуй ласковое солнышко Владиміръ князь,
«Что ль Владиміръ князь да стольне-кіевскій,
«Стольнё-кіевскій славнò-владимірскій!
«И ты подай-ко намъ Владиміръ князь милостыню,
«Ты подай-ко-сь намъ каликамъ перехожіимъ,
«И ты подай-кось намъ по гривнѣ зóлотой,
«И что былó бы пройти въ славный Ерусолимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,
«И ко святымъ мощамъ да причаститися,
«И во Іерданъ рѣкѣ да покупатися,
«И во плакунъ-травѣ да покататися».
Подадѐ Владиміръ князь по гривнѣ зóлотой,
Испроговоритъ самъ да таково слово:
— А гой же вы, сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
— И сорокъ сильныйхъ могучіихъ богатырей!
— Вы идите-тко, добры молодцы, во славныя во Кіевъ градъ,
— Ко мóлодой моёй жены къ Абрáксины.
— И пусть примётъ она каликъ со честію,

Digitized by Google

— И пусть поитъ, кормитъ, и съ честью спать приметъ.—
И бьютъ челомъ калики о сырой земли,
И бьютъ каликушки да низко кланяются,
И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксинѣ,
Какъ вступили жъ только въ славный Кіевъ градъ,
Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксины,
И они бьютъ челомъ да до сырой земли,
И отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра,
И отъ Абраксина супруга отъ законнаго.
Испроговорятъ калики таково слово:
«А гой же ты Абраксина да молода жена!
«И ты накорми каликъ, напой, да спать прими».
Посадила Абраксина каликъ за столицки дубовыи
И за тѣя ли за скатерёдочки за браныя.
И всѣ калики за столомъ да наѣдалися,
И всѣ каликушки да за столомъ и напивалися,
Но й всѣ каликушки да на спокой пошли,
Какъ единъ оставается калицкій атаманъ большой,
И молодый Михайлушка Романовичъ.
Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абраксина,
И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.
— И ты пожалуй-ко да доброй молодецъ,
— Молодой Михайлушко Романовичъ!
— А не угодно ли тебѣ да ночевать со мной,
— Ай ночевать со мной да й позабавится?
Испроговоритъ каличій атаманъ большой,
Молодый Михайлушка Романовичъ:
«Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великая
«А й великая тутъ заповѣдь калицкая:
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлатъ тяжкій блудный грѣхъ, —

Digitized by Google

«Того казнить вѣдь казнію калицкою,
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
Но вѣдь въ томъ тутъ добра молодца да призамѣтили,
И тѣе ли калики да его товарищи,
И скопали его по грудямъ во сыру землю.
И они путь держáтъ каликушки да во славный Ерусалимъ градъ,
Что ли ко гробу Господнему да помолитися,
Что ли ко святымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупатися,
И во плакунъ-травѣ да покататися.
Пришли они во славныé во Еросолимъ градъ,
И ко гробу Господнему да помолилися,
И ко честнымъ мощамъ да причастилися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупалися,
И во плакунъ-травѣ да покаталися.
И они взадъ тутъ путь держатъ-то сорокъ каликъ да добрыхъ молодцевъ.
Какъ дошли до славнаго до града Кіева,
И до ласкова солнышка да до Владиміра,
И посмотрѣли они мóлода Михайлушка Романова,
И своего ли калицькаго да атамáнъ-больша.
И какъ обóзрили тутъ калицьяго да атамáнъ-больша,
И молода Михайлушку Романовича,
И всѣ ль тутъ каликушки да удивились,
И какъ живой есть тутъ калицій атаманъ большой,
И молодóй Михайлушка Романовичъ,
И тутъ у калицьяго атамáнъ-больша,
Да всѣ каликушки простились,
И какъ избавили Михайлушку да изъ неволюшки.
И они путь держатъ да добрыя мóлодцы,
И они путь держатъ да во свои мѣста.

Записано тамъ же, 16 іюля.

Digitized by Google

174.

САДКО.

И бился Садкò купецъ да о великъ закладъ,
И не о ста рубляхъ онъ бился не о тысящи,
И о своёй онъ бился о буйной головушкѣ,
И что изъ Новáграда товарушки повыкупить,
И какъ на желты пески товарушки повыкатить,
На черны кóрабли товарушки повыгрузить.
И начáлъ Садко купецъ богатыя,
И начáлъ товарушки выкупливать,
И на желты пески товарушки выкатывать,
И на чёрны кóрабли товаръ повыгрузить.
И не могъ Садко купецъ богатыя,
Столько откупить да одного молокá прѣсна,
Но и въ каждый день на славушку привозятъ пó два разъ.
И видитъ тутъ Садко купецъ богатыя,
И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
И нагрузилъ Садко купецъ богатыя,
И нагрузилъ всѣ кóрабли черленыя,
И отправляется Садко во сине море,
Во сине морё да во солóноё.
Какъ услышалъ князь да новгородскія,
Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ богатымъ,
Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ моё лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
И скоро догоняли слуги вѣрныя,
Слуги вѣрныя и безызмѣнныя,
И хощутъ только схватить Садка купца богатаго.
А й видитъ Садко купецъ богатыя,
Какъ бѣда пришла да неминуема,
И беретъ Садко купецъ богатыя,
И беретъ гуселышка звончатыя,

Digitized by Google

И бросился Садко купецъ богатыи,
Да во́ синё море да во солоное.
И тамъ сыма̀лъ поддонный князь Садка купца богатаго,
Ведетъ Садка во полаты бѣлокаменны
Испроговоритъ тутъ поддонный князь да таково слово:
«А гой же ты Садко купецъ богатыя!
«И ты взыграй-ко во гуселышки звончатыи,
«И ты спотѣшь, спотѣшь меня князя поддоннаго».
И началъ Садко купецъ богатыя,
И началъ онъ въ гуселышка выигрывать.
И игралъ Садко купецъ богатыи,
И онъ игралъ въ гуселышка да трои суточки,
И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
Какъ синё-то море всколыбалося,
Черны ко́рабли вѣдь въ мори всѣ разру́шались,
И много тутъ поги́нуло напрасныхъ душъ,
Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
И на четвертыя на суточки
Повалился спать Садко купецъ богатыя,
И какъ во сни кажется Садку купцу богатому
Что ли пришла къ нему да Богородица,
Испроговоритъ ему да таково слово:
— Ты гой же Садко купецъ богатыи!
— И ты почто игралъ въ гусе́лышка звончатыя,
— И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддоннаго?
— И какъ подонный князь да воспотѣшился,
— И въ тое время синё море всколыбалоси,
— И черны ка́рабли да разрушались,
— И много погибало тутъ напрасныхъ душъ,
— Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
— И ты сорви, сорви струны да у гуселышковъ,
— Ты Садко что ли купецъ богатыи,
— И за то дарить будетъ тебя да златомъ серебромъ,
— И да́рить будетъ каменемъ да драгоцѣннымъ,

Digitized by Google

— Не бери-тко, не бери да злата серебра,
— Не бери-тко каменья да драгоцѣнныи,
— И попроси себѣ невѣ́сту наречёную.
— И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
— И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатыя,
— И выбирай себѣ которой хуже нѣтъ,
— И которой хуже нѣтъ, коéй черньѣе нѣтъ. —
И воспрянýлъ Садко купецъ богатыя
И онъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго.
И онъ во страхѣ бысть да во великоемъ,
И онъ сорвалъ да струночки звончатыя.
Приходитъ тутъ къ Садку поддонный князь
И повелѣтъ *(такъ)* играть въ гусéлышка звончатыи.
Испроговоритъ Садко купецъ богатыя:
«А гой же ты поддонный князь,
«Какъ нельзя взыграть въ гуселышка звончатыя,
«И какъ гуселышка у меня да потравились,
«И сорвалися струночки звончатыя».
Испроговоритъ поддонный князь да таково слово:
— Ай же ты Садко купецъ богатыи!
— Ты за то бери съ меня да злата серебра,
— И ты еще бери-тко каменьевъ да драгоцѣнныихъ. —
Испроговоритъ Садко да таково слово:
«А й же ты поддонный князь да что ль великія!
«А й не надо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
«И не надо мнѣ-ка каменья да драгоцѣннаго,
«И столько дай-ко-сь мнѣ невѣ́сту нареченую,
«Я здѣсь у тебя хощу женитися».
И приводилъ поддонный князь сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
И выбиралъ Садко купецъ богатыя,
И выбиралъ себѣ невѣсту нареченую,
И выбираетъ дѣвицу коей хуже нѣтъ,
И ко́ей хуже нѣтъ, коéй черньѣе нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ богатыи,

Digitized by Google

Началъ Садко купецъ женитися.
Всѣ прошли у него да столованія,
И отвели Садка купца богатаго,
Со своей ли со невѣстой нареченою,
И повалился спать Садко купецъ богатыя,
И охапи́лъ Садко купецъ богатыи
Онъ тую ли невѣсту нареченую.
И увидалъ Садко купецъ богатыи,
И увидалъ онъ тутъ, что я въ воды лежу,
Въ воды лежу я на берегу да во своёй рѣки.
И увидалъ Садко купецъ богатыи
И что ль свои полаты бѣлокаменны,
И выходилъ Садко купецъ богатыя,
И прославлялъ пречисту Богородицу,
И что избавила меня да отъ погибели,
И отъ погибели да отъ напрасныя.

Записано тамъ же, 16 іюля.

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на грознаго царя Ивана Васильевица.
Изъ иной земли, изъ Золотой орды,
Наѣзжаетъ молодой нахвальщичекъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскіимъ.
А й самъ онъ мо́лодый нахвальщикъ похваляется:
«А я всю землю Русскую наскрозь пройду,
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму».
И какъ услышалъ эту по́хвалу

Digitized by Google

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыихъ,
Испроговоритъ да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколько надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы мóлода нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.
И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто полё.
И наказываетъ имъ да родный батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы поѣдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на выпашку,
— И не оставляйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Ѳедоромъ царевицемъ,
— Какъ плѣнены эти улицы Василіемъ Ивановичемъ. —
Выѣзжаютъ добры молодци во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣрнаго,
И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставляютъ на улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписыватъ:
Какъ плѣнены эти улицы Василіёмъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василій царевичъ надъ своимъ братомъ,
А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну великую;
И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ каменну Москву,
И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:

Digitized by Google

«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
Ай тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуётъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за кленовыи,
И за тѣя ли за скатерти за бѣлобраныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
И всѣ на пиру да порасхвастались.
И чтоль похвасталъ грозный царь своей защитою.
— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной Москвы.—
Испроговоритъ его да родной сынъ,
Ай родной сынъ Василей царевичъ младъ:
«Ай не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,
«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывесть измѣны съ каменной Москвы.
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣстъ и пьетъ,
«И платьице-то носитъ одного сукна,
«Одного сукна да одного шveца.
«Ужъ какъ на́ брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ по́ брати сказать — себѣ напрасна смерть».
Какъ скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай гой же вы сорокъ па́лачовъ да немилосливыхъ!
— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Ѳедора царевича,
— И вы ведите-тко-сь на поле на Ку́ликово,

Digitized by Google

— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣките-тко у него по плечъ да буйну голову,
— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копьице на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальнаго. —
И какъ услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельфа Тимоѳеевна,
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣжала,
И ко тому ли братцу къ двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во гридни свѣтлыя,
Ай она крестъ-то кладётъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному.
«И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!
«Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
«И надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племника любимаго,
«Ай на тое ли болото па Куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хощутъ отрубить по плечь да буйну голову».
Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣлешенько Романовичъ да отправляется,
А й обуваетъ онъ чебо́тики да на босу ногу,
И кунью шубоньку бросаетъ на одно плечо,

Digitized by Google

И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечику тесмяную,
Ай выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѣзжана,
Ай отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ тóго Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И пріѣзжаетъ Никита въ поле Куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— Ай ты стой-ко-сь палачъ да немило́сливый,
— Ай ты маленькой Малютушка Шкуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься. —
Ай выпадаетъ сабля со правой руки,
Ай у того ли палача да неми́лослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полатъ да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А й сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да запечалилсо.
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всёй Москви,
Чтобы сбирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьё печальноё.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноёмъ,

Digitized by Google

Какъ Никитушка Романовичъ пріѣхалъ въ платьѣ драгоцѣнноемъ,

И за собой привезъ онъ е́го чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племника поставилъ позади себя.
Испроговоритъ да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты старцище удальцище
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьицѣ опальноёмъ».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— А гой же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— Ай виноватому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да то́го негдѣ взять».
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Ѳедора царевица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы́ руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарнія.
Испроговоритъ Никита таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-сь отъ меня да каменья драгоцѣннаго,
«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоёй да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣннаго,

Digitized by Google

— И не надъ *(такъ)* твоихъ градóвъ да съ пригородками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревёнъ да со крестьянами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Дай-кось мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унёсъ.

Записано тамъ же, 17 іюля.

176.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбникова, т. IV, 19).

Какъ у вдовушки былó у пашицы,
Какъ девять сынковъ да одинака дочь.
Какъ девять сынковъ да возростáть стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли.
И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
Одинаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славноё да за синё море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснуласи,
«Я другой жила да въ уми не было,
«И я на третій годъ да стосковалася,
«И чтоль у свекрушка да подавалася,
«И у свекровушки да доложиласи,
«Съ мужемъ сдумали, вдвоё поѣхали,
«Чтоль за славноё за синё морё,
«За синё морё да за солоное».
Какъ среди моря да среди сúняго,
Что ль не туценки да призатемнили,
И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,

Digitized by Google

Призатемнѣли черны ка́рабли,
Ай призабѣлѣли да тонки парусы.
Что ль наѣхало девя́ть разбойниковъ,
И у младо́й жены мужа́ потре́били,
И чтоль младенцика да въ море спу́стили,
И молоду вдову да прибезчестили.
Всѣ разбойники спать улягутся,
И одному жъ разбойнику не по́спалось,
И не поспалось да призаду́малось,
И онъ началъ тутъ вдовушку выспрашивать,
И нача́лъ у вдовушки вывѣдывать:
— И ты скажи́, скажи́, ты ска́жись, вдовушка,
— И ты цьего роду́ и цьего племени,
— И ты цьего отца да цьёё матери?
— Еще какъ тебя да именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
И что ль отвѣтъ дёржи́тъ да молода вдова:
«Ужъ я есть-то роду сама ме́ньшаго,
«Ужъ я есть-то рода вдовки пашицы
«И какъ у вдовушки было у пашицы
«И что ль девять сыновъ было одинака дочь.
«И какъ девять сыновъ да возростать стали,
«Возростать стали́ да вдругъ повыросли,
«И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
«И чтоль меня едину за́ мужъ выдали,
«И какъ за славноё да за синё море
«И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
«И другой жила да въ уми не было,
«Я на третій годъ да стосковаласи,
«Я у свёкрушка да подаваласи,
«У свекровушки да доложиласи.
«Двое здумали, съ мужо́мъ поѣхали,
«Чтоль за славноё да за синё морё

Digitized by Google

«И ко свóёй ли ко родной матушкѣ.
«Что ль среди моря да среди синяго,
«И какъ не туценки призатемнѣли,
«И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
«Призатемнѣли вѣдь черны кáрабли,
«Ай призабѣлѣли да тонки пàрусы».
Ай все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
И онъ вскричалъ сзычалъ да зычнымъ голосомъ:
— И вы ставайте-тко да братья родныи!
— Своего ли зятя мы потрéбили,
— Родна племника да въ море спустили,
— Родиму сестру да прибезчестили.
И всѣ разбойники да пробудилися
И всѣ разбойники да устрашилися,
И у родной сестры они простилися:
«И ты прости, прости да сестра родная,
«И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ!»

Записано тамъ же, 16 іюля.

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ розумноя,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо неразумноё,
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знайся ты чадо со жонками со блядками,
«И что ли со тѣма со дѣвками со курвами».
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.

Digitized by Google

И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкима,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да Горе привязалоси,
Какъ молодецъ со Горюшка да въ козаки пошолъ,
Еще Горе вслѣдъ да топоры́ несётъ,
Топоры несётъ само приговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси. —
И молодецъ со Горюшка да во солдатушки.
А еще Горе вслѣдъ да оружьё несётъ,
Ай оружьё несётъ само выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
И молодецъ со Горюшка да во быстру рѣку.
А й Горе вслѣдъ да невода́ несётъ,
И невода́ несетъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да на синё море.
Еще Горе вслѣдъ да гоголёмъ пловётъ,
И гоголёмъ пловётъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да во синё море.
А й тутъ-то Горе сѣло вѣдь на бѣлу́ю грудь,
И стало Горюшко да слезно плакати.
— И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
— И какъ умѣлъ на сёмъ свѣти́ Горя́ помыкати! —
А й тутъ на вѣкъ Горе розставалоси,
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Записано тамъ же, 11 іюля.

Digitized by Google

XXXII.

Ѳ. ЗАХАРОВЪ.

Ѳедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былинамъ отъ заѣзжихъ людей; поетъ «голосомъ» былины про Ивана Гординовича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочихъ не умѣетъ пѣть, а разсказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

178.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й во городѣ было во Кіеви,
А явилоси чудо неслыхано,
Наѣхало Идóлищо поганоё,
Ростомъ Идолищо трехъ аршинъ,
Межъ глазамы у него пяда мѣрная,
Глаза у него какъ чаши пивныи,
Онъ сидитъ, ѣстъ да пьетъ, проклаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
«Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
«А Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«Князей бояръ всѣхъ повырублю».
А на ту пору да нá то времечко,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ является Илья да ко Владиміру.
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
— Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Онъ много ль ѣстъ, да много ль кушаетъ?»

Digitized by Google

А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
— А колачикъ съѣмъ, дру́гой хочется.
— А дру́гой съѣмъ, съ то́го сытъ живу. —
«А я то Идолищо поганоѣ,
«Я по́ хлѣбу кладу за́ щеку,
«А по дру́гому кладу я за другую,
«Лебедь бѣлую на закусочку,
«Ведро мѣрное да на запивочку».
Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
— Какъ у моего было у батюшка
— Большобрюхая коро́вищо обжорищо,
— Она много ѣла пи́ла, да и лопнула. —
Таково́ слово ему́ за гнѣвъ пало.
Онъ бросилъ ножичищомъ — кинжалищомъ
Во стараго казака Илью Муромца.
Его ножикъ Илья клюхой отвелъ,
Не попало въ Илью Муромца,
А попало въ придве́рину со две́рями,
Вышибло придверину со дверями.
И того Илья не устрашается,
А стоитъ Илья да й усмѣхается.
Самъ говоритъ таково слово:
— Не честь не хвала молодецкая,
— Окровавить полата княженецкая,
— А повывести Идолища на крылечико. —
И бралъ тутъ его за желты́ кудри,
За желты́ кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ его изъ полаты вонъ.
Говорилъ Илья таково слово:
— Не честь будѣ хвала молодецкая,
— Окровавить крылечко княженецкое,
— Лучше вывести татарина на ши́рокъ дворъ. —
Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,

Digitized by Google

Розбилъ его всéго въ дребезги.
Тутъ среди стола бѣлодубова
Только Идолище живъ бывалъ,
Только поганоё Кіевъ бралъ;
А вся честь хвала Ильи Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й у насъ было въ городи Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся, зачался почестенъ пиръ
На многи на князи на бóяра,
И на русски поляницы удалыя.
И самъ тутъ Владиміръ веселъ былъ,
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
«У насъ вси молодци были женены,
«А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
«Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
«Поѣзжай ты, Иванушко, женитися,
«Сколько надобно бери золотой казны,
«Или несчетныя силушки великія».
Испроговоритъ Иванушко Гординовичъ:
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевскій!
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,
— Мнѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
— Только дай мнѣ три коня что ни лучшіихъ,
— Еще три молодца изобраныихъ.
— Во первыхъ дай Добрыню Никитича,
— Во дрýгихъ дай Алешу Поповича,

Digitized by Google

— Во третьихъ Исака Петровича.
— У мёня есть теперь невѣста повыбрана,
— А во этомъ городи Черниговѣ,
— У Митрія купца у богатаго,
— Есть душечка Настасья Митріёвична,
— Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
— И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла.
— У ей бровушки были черна соболя,
— У ней очушки были ясна сокола,
— Походочка у ней была павиная,
— Разговорушки были лебединые. —
А й садилися молодци поѣхали
Ко этому городу Чернигову,
Ко Митрію купцу ко торговому.
Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
А не видѣли удалыихъ поѣдучи.
И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
Увидѣлъ тутъ Митрéй торговый гость,
Скоро выбѣжалъ Мúтрей на шúрокъ дворъ,
Во óдныхъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
И въ óдной рубашкѣ безъ шубоньки,
Принимаетъ гостей да й подчуетъ.
«Ай же вы удалыи молодцы!
«Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
— А пріѣхали посвататься
— На твоей ли любимой на дочери,
— А й на этой Настасьѣ Митріёвичной.
— Есть ли волей не дашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Испроговоритъ купецъ имъ богатыи:
«Ай же вы удалыи добры молодци!
«У мёня за три годы Настасьюшка просватана
«За того царя за Кощерища,
«А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ».

Digitized by Google

Брали удалыи молодцы
Душечку Настасью Дмитріёвичну,
Посадили её на добра коня,
Повезли её ко городу Кіеву,
И ко ласкову князю Владиміру.
Не доѣдучи до города Кіева,
Попало на лѣсу три слѣдочика.
И первый слѣдъ лева́ звѣря,
А дру́гой слѣдъ лани бѣлыя,
А третій слѣдъ черной куночки.
Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левы́мъ-звѣрёмъ.
А Олешенька за ланью за бѣлою,
А Исакъ Петровичъ за куночкой чорною,
А Иванушка Гординовичъ
Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣло́мъ шатрѣ.
Наѣзжаетъ тутъ царищо Кощерищо,
И говорилъ тутъ царищо таково слово:
— Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
— Ты почто увезъ невѣсту обручёную,
— Обручёную Настасью за три́ года.
— А ужъ мы станемъ-ко кидать теперь жеребёй,
— Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
Царища Кощерища о землю,
И садился ему на бѣлу грудь,
Садился Иванъ да выговаривалъ:
«Ужъ ты душечка Настасья Митріёвична!
«Ты подай ножичищо кинжалищо,
«Распорю я теперичу татарску грудь».
А й возмолится царищо Кощерищо:
— Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
— Не подай ножичища — кинжалища,
— А возьми-тко Иванушка за́ кудри,
— А сними-тко съ меня е́го на́ землю.

Digitized by Google

— За мной будешь жить, дакъ царицей слыть,
— А за Иваномъ жить, бабой портомойницей. —
А у дуры у бабы волосá долги,
Волосá долга да дума кóротка.
Она взяла Иванушка зá кудри,
А склонила его да на сыру землю,
Исправился царищо Кощерищо.
Нарвали они да ковыль травы,
Привязали Ивана ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да на ковыль траву.
Сы́рой дубъ погибается,
А ковыль трава не порывается.
А на ту пору да на то времечко
Прилетѣло два малыихъ два сизыихъ голуба,
Прилетѣли надъ Иванушкомъ вóркали:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка прикована?
«Ради дѣвки ради дурища».
А й ты слова царю да не влюбилися,
Онъ беретъ тутъ Иванушковъ ту́гой лукъ,
Накладыватъ Иванову калену стрѣлу,
Направляетъ во малыихъ голубовъ.
А возмолится Иванъ у сыра дуба:
— Ужъ ты батюшко мой ту́гой лукъ,
— Матушка да калена́ стрѣла,
— Не пади, стрѣла, не на́ воду,
— Не пади, стрѣла, ты й не на́ землю,
— А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
По его́ словамъ тутъ случилоси,
Калена́ стрѣла да воротиласи,
И вышибла сердцо со печенью.
А й заплакала Настасья Митріёвична,
А отъ о́дного бережка отка́чнутось,
Ко дру́гому да не прика́чнутось.

Digitized by Google

Говоритъ ей Иванъ таково слово:
— Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба,
— Я не буду бить тебя наказывать,
— Только дамъ три грозы княженецкіихъ,
— Да и три тебѣ науки молодецкіихъ. —
Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
А й беретъ тутъ Иванушко булатній ножъ,
Отсѣкъ у ей руки по локóтамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Съ поганымъ царемъ охапляласи. —
Отсѣкъ у ей носъ да и со губами:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этима мѣстама цѣловаласи. —
А копалъ глаза со косицамы.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы умиляласи. —
А й тулово оставилъ на сырой земли,
Черныимъ вóронамъ на грáянье,
Добрыимъ людюшкамъ на бáянье.
Самъ поѣхалъ ко городу Кіеву,
А ко дядюшкѣ Владиміру ко Кіевску,
Розсказалъ ему обо всемъ пóдробно.
А и только нашъ Иванушка женатъ бывалъ,
И только Гординовичъ съ женой сыпалъ.

Записано тамъ-же, 15 іюля.

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А й у ласкова князя у Владиміра,
Открылся зачался почестной пиръ,

Digitized by Google

На многи на князи на бояры,
И на русски поляницы удалыи.
Этотъ день идетъ къ вечеру,
А почестной пиръ сталъ на весели.
Всѣ на пиру напивалиси,
И всѣ на пиру наѣдалиси,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильній-етъ хвасталъ своей силою,
А богатый хвасталъ золотой казной,
А удалой хвасталъ добрымъ конёмъ,
Умный хвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный хвасталъ молодой женой.
Тутъ, среди стола бѣлодубова,
Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
Молодой Дюкъ Степановичъ.
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаётъ,
Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаетъ.
Говоритъ ему Владиміръ князь:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты чего не пьешь, не кушаёшь,
«Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаешь?
«Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
«Или ѣсть тебѣ было нѣчего,
«Или человѣкъ бѣдёнъ хвастать не о чемъ?»
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской!
— У меня есть живота и больше вашего,
— Я отъ батюшки остался малешенёкъ,
— И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
— А у моей-то родители у матушки,
— У честной вдовы Амальфы Тимоѳеевной,
— Есть гридни палаты бѣлокаменны.
— Полы и среда одного серебра,
— Крюки пробои по булату злачёны,

Digitized by Google

— Печки тѣ были муравлены,
— Помялышка были шелковыи,
— Водушка была медовая,
— Колачики пекутъ крупивчаты.
— Колачикъ съѣшь, а другой хочется,
— А другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— Если третій съѣшь, то и сытъ будешь.
— А серебра и золота смѣту нѣтъ,
— Широкій дворъ на семи верстахъ,
— И около заборы позолочены. —
На тѣ слова Владиміръ не повѣрилсо,
А принялъ молодца за́ гостя,
Къ нему въ домъ послалъ Чурилу Плёнкова
И мо́лода Олешу Поповича,
Узнать, описать все имѣніе.
Пріѣзжали молодцы къ дому Дюкову,
И увидѣли изрядную женщину.
Поклонившись ей проздравили:
«Здравствуй-ко Дюкова матушка,
«Честна́ вдова Амельфа Тимоѳеевна!»
Отвѣчала имъ женщина:
— Я не Дюкова матушка,
— А Дюкова послѣдняя портомойница,
— А вы увидите Дюкову матушку,
— Она отворитъ вамъ глубокіи погребы
— И покажетъ вамъ много злата и серебра,
— И всякаго каменья драгоцѣннаго. —
Потомъ Чурила Плёнковичъ,
Написалъ письмо ко Владиміру:
«Ты послушай Владиміръ кіевской!
«У насъ чернилъ бумаги не ставится,
«А у Дюка́ живота остается».

Записано тамъ же, 15 іюля.

Digitized by Google

181.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й у насъ было во городи во Кіевѣ,
А какъ сподъ этой-то стѣны городовыя
Выходило два тура златорогія,
А на встрѣчу турамъ ихна мать родна.
«Ай же малыи туры неразумныи!
«Ужъ вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, мати, чудо чудное,
— Чудо чудноё вид'ли, диво дивное.
— Тамъ ходила по стѣны красна дѣвица,
— Не столько ходила, сколькы плакала,
— Она плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
«Ужь вы глупыи туры неразумныи!
«Это плакала стѣна городовая,
«Она слышала побѣду надъ Кіевомъ».
А й на ту пору на другой день,
Пріѣхалъ Батый тутъ невѣрной царь,
Со своимъ сынóмъ Батыгою Батыгичемъ,
Да съ любимыимъ зятемъ татариномъ
И со хитрымъ дьячкомъ зловыдумчивымъ.
У Батыги было силы сорокъ тысящей,
И у сына его сорокъ тысящи,
У зятя у него сорокъ тысящей,
Да й у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
Обступили обошли они Кіевъ градъ,
И посылаетъ тутъ Батый царь скорà гонца:
— Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
— Ты потребуй у него намъ поединщика,
— А й не дастъ будетъ Владиміръ поединщика,
— Мы побьемъ разоримъ ёго Кіевъ градъ,
— Не оставимъ мы во городѣ ни óдного,
— Ни óдного Владиміру на сѣмена. —

Digitized by Google

А й приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
Ужъ онъ бросилъ ярлыкъ на кру́глый столъ,
Самъ онъ садился на ременный стулъ,
Испроговоритъ татаринъ таково слово:
«Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
«А й не дашь буде Владиміръ поединщика,
«Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ».
Видитъ тутъ Владиміръ, что бѣда пришла
И некого послати поединщика.
Самъ говоритъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мной солучилоси,
— Молодцевъ у меня не случилоси.
— Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ поли,
— А Добрыня у Макарья на ярмонкѣ,
— А й Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
— А одинъ мо́лодой Васильюшка упьянсливой
— Со похмѣльица лежитъ во цареви кабаки. —
Запечалился Владиміръ позадумалсо.
Услышалъ тутъ Василей такову бѣду,
Скоро шелъ на башню на стрѣльнюю,
И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
А й накладываетъ Василей калену стрѣлу,
Онъ пущаетъ во шатры во Батыгины,
И убилъ подъ шатрамъ ровно три головы,
Что не лучшіи головушки удалыи.
Во первыхъ убилъ сына Батыгина,
Во другихъ убилъ зятя любимаго,
А й во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловыдумчива.
Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
Что изъ Кіева пущёна калена́ стрѣла.
Призываетъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
А й которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
Да й которой-то татаринъ посильнѣе всѣхъ.
Отправляетъ онъ его ко Владиміру,

Digitized by Google

Отправляетъ онъ его да и наказываетъ:
«Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
«Ужъ ты требуй у него виноватаго.
«И кто это убилъ у меня три головы,
«Что не лучшіи головушки удалыи?»
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
Скоро бѣжитъ во гридню свѣтлую,
Онъ Спасову образу не молится
И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
Только самъ говоритъ таково слово:
— Ужь ты старая собака сѣдатый песъ!
— Это кто сошутилъ таку шуточку.
— Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
— А й убилъ подъ шатрами ровно три головы.
— Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
— А й не дашь буде Владиміръ виноватаго,
— Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
А й приходитъ тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
«Охъ молодой Васильюшко упьянсливый!
«А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
«Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
«Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
«Во большой во винѣ извинятися».
Говоритъ ему Василей упьянсливой:
— Ты послушай-ко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не могу я теперь пристати, головы поднять,
— А й шумитъ-то болитъ буйна голова,
— Со похмѣльица дрожатъ и ножки рѣзвыя.
— Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлиться,
— Хоть единою чарочкой похмѣльною,
— Чтобы мѣрою помѣрить полтора ведра. —
Принималъ Василей единой рукой,

Digitized by Google

А й выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
Да й по кабаку Василей сталъ похаживать,
Буйною головушкой покачивать,
Правою ручкой помахивать.
«Я теперь могу владѣть добрымъ конемъ,
«Я теперь могу владѣть саблей острою».
А й приходитъ тутъ Василей ко Владиміру,
Увидалъ онъ татарина сидячаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Это что у тебя за дуракъ сидитъ?
«Это что у тебя болванъ необтесаный?
«Онъ Спасову образу не молится,
«А Владиміру князю челомъ не бьетъ».
Выбиралъ тутъ Василей коня по люби,
На этой на конюшенкѣ княженицкою,
Сѣдлалъ уздалъ Василей приговаривалъ:
«Ужъ ты конь мой конь лошадь добрая!
«Не убойсь-тко шуму татарскаго».
Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіёва,
Подъѣзжалъ ко татарамъ ко Батыевымъ,
У Батыя во вины онъ прощается:
«Ты прости меня Батый во большой вины,
«Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысящей,
«Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
«Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
«Худо заперты ворота, не заложены».
А й на ты слова Батый обнадѣялсо,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до одного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
Онъ во этоей вины извиняется:
«Ты прости меня, Батый, во большой вины!

Digitized by Google

«Я попалъ на заставушки россійскіи,
«Отобрали у меня всѣхъ до о́дного.
«Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысящей».
А й на ты слова Батый пріукинулся,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Онъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до о́дного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
И больше въ вины не прощается.
Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученкой махнётъ — туды улица,
Куды ноженкой пи́хнетъ — переулочекъ,
Вдвое втрое то́го топчетъ е́го добрый конь.
И видитъ тутъ Батый, что бѣда пришла,
И самъ говоритъ таково слово:
— Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
— А одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ? —
Поскорешенько на ко́ней собирается,
И самъ онъ, невѣрный, заклинается:
— Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
— И не дѣтямъ моимъ и не внучатамъ.
— Оставайтесь во Кіеви по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
А и изъ городка было изъ Крякова,
Изъ того села Карачаева,
А выѣзжалъ тутъ удалый добрый молодецъ,

Digitized by Google

Пе́тре Петровичъ королевской сынъ,
Поѣздить гуляти по чисту полю.
Онъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
А й беретъ тутъ Пе́тре ту́гой лукъ,
Направляетъ Петре калену стрѣлу.
Испровержется воронъ птица хитрая:
«А й ты, Петре Петровичъ, королевской сынъ!
«Не спускай-ко ты, Петре, калену стрѣлу.
«А й прольешь ты, королевичъ, воронину кровь,
«А й рознесетъ мое перье вороньное
«По широкому да по чисту полю,
«И сгніютъ мои кости у сыра дуба,
«У сыра дуба на кореньицахъ.
«А пойзжай-ко, Петре, на гору высокую,
«Посмотри-ко во страну во восточную.
«А й тамъ ѣздитъ татаринъ косинскій,
«Онъ тѣшится утѣхой молодецкою.
«А й мечетъ онъ палицю подъ облако,
«На кони гонятъ да и подхватываетъ».
А й раздумался Петре королевскій сынъ:
— Мнѣ-ка старца убить не спа́сеньё,
— А черна ворона убить не корысть получить.
— Я повыстану на гору высокую,
— Посмотрю во страну во восточную. —
А й увидѣлъ онъ татарина косинскаго,
Молодецкое сердце разгорѣлоси,
А й и пробовать силы захотѣлоси.
Направился къ татарину насупротивъ,
Съѣхались молодчики ударились,
А й ударились во копья во вострыи,
У нихъ вострыи копья приломалиси,
И не кой коего не поранили.
А й ударились во палици булатніи,
У нихъ палици въ рукахъ прищепалиси,

Digitized by Google

И не кой коего не поранили.
Соскочили они со добрыхъ коней,
Ухватилиси они рукопашкою,
И одолѣлъ королевичь татарина,
Онъ садился татарину на бѣлу грудь.
Вынималъ ножичищо — кинжалищо,
Хочетъ пороти ему бѣлу грудь.
Тутъ въ плечи его рука устояласи,
Выпадаетъ ножъ съ руки на землю.
Сталъ тутъ королевичъ спрашивать:
— Ты скажи, скажи, татаринъ косинскій,
— Ты коёй орды татаринъ, коёй земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— А чьего отца и какой матери? —
А й отвѣчатъ ему татаринъ косинскій:
«Ужъ ты сукинъ сынъ, блядинъ сынъ, молодой щенокъ!
«Кабы я сидѣлъ на твоёй груди,
«Я не спрашивалъ бы имени, отечества.
«Я бы скоро поролъ твою бѣлу грудь
«И вынялъ бы тебѣ сердцо со печенью,
«А й закрылъ бы тебѣ да очи ясныи».
И говоритъ ему Пётре королевской сынъ:
— Ты послушай-ко, татаринъ косинскій!
— Ты скажи, скажи да не утаивай,
— А й какъ тебя именемъ зовутъ.
— А чьего отца ты, какой матушки? —
А й говоритъ ему татаринъ косинскій:
«А й ты русскій удалый добрый молодецъ!
«Когда началъ меня спрашивать,
«А я тебѣ теперь буду разсказывать.
«Я есть не татаринъ не косинскій,
«А я русской удалый добрый молодецъ,
«Изъ этого изъ города изъ Крякова,
«Изъ этого села Карачаева,

Digitized by Google

«А й Василій Петровичъ королевской сынъ.
«Когда воевали татара косинскіи,
«Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли и въ Литву свезли».
Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
Поднималъ онъ татарина за руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Прижималъ ко сердечику ретивому.
И садилиси они на добрыхъ коней,
Поѣзжали ко городу ко Крякову,
Ко своему селу Карачаеву.
Подъѣзжай тутъ Петре королевичь ко́ дому,
Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
— Свѣтъ ты государыни матушка!
— Ты бери-тко татарина за руки,
— А корми-тко татарина до сыта,
— А люби-тко татарина до́'люби.
— Это есть не татаринъ косинскіи,
— А мой старшій братецъ родимыи,
— Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 іюля.

183.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменно́й Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича,
Собранъ былъ да великій пиръ
На многи на князи на бояры.
Вси на пиру наѣдалиси,
Вси на пиру напивалиси.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

Digitized by Google

«Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,
«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
«А й повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Зъ-за того стола да бѣлоду́бова,
Изъ этой скамеечки яровчатой,
Ставалъ поднимался удалой добрый молодецъ,
А по имени Иванъ да Ивановичъ.
Ставалъ молодецъ выговаривалъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
— А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
— Да не вывелъ ты измѣны изо́ Пскова,
— А не вывести измѣны съ каменно́й Москвы,
— А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
— За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
— Она платьице носитъ одного швеца,
— Ѣстъ-то пьётъ да съ о́дной ча̀шечки. —
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты скажи скажи моё дитятко,
«Это кто такова измѣнушка?»
А й восплачется Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
— А на себя сказать, дакъ живу́ не быть.
— Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
— Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
— А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
— Онъ грѣшныхъ не билъ, а миловалъ,
— Давалъ ерлычки потаенные
— Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
Испроговоритъ Грозный Иванъ Васильевичъ:

Digitized by Google

«А й же вы татара безбожныи,
«А й же вы палачи немило́сливы!
«Вы берите-тко моего сына Ѳёдора
«За бѣлы руки да желты кудри,
«Отвезите-тко его во чисто́ поле,
«Ко этому болоту Кули́кову,
«Ко этой ко плахѣ ко липовой,
«А ко той ко сабли ко вострою.
«Отрубите-тко Ѳедору голову
«За его за измѣнушку великую».
Тутъ палачи испугалися,
Грознаго гласу убоялися,
Средній тулялся за старшаго,
А старшій тулялся за младшаго,
А отъ младшаго во-все й отвѣту нѣтъ.
И всѣ говорили едино́ слово:
— Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Намъ нельзя поднять руки татарскія,
— На твои на роды на царскія. —
А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
Онъ бралъ Ѳедора за руки,
Выводилъ его на широкій дворъ,
Посадилъ его во карету темную,
А повезъ его во чисто полѣ,
Ко этому болоту Кули́кову,
Да й ко этой ко плахѣ ко липовой,
И ко этой ко сабли ко вострыя.
Видитъ царица россійская,
Молода Марѳа Романовна,
Что бѣда еѐ пристигла неминуема.
Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо,
А й бѣжала царица каменной Москвой
Ко милому братцу родимому,

Digitized by Google

Ко этому Никитѣ Романову.
Не чорная куночка прорыскала,
Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
А й увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
Выбѣжалъ Никитушка на ши́рокъ дворъ
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты послушай-ко сестрица родимая,
«Молодая ты Марѳа Романовна,
«А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
Отвѣтъ держитъ Марѳа Романовна:
— Ты послушай-ко, родимый мой брателко,
— Старый Никита Романовичъ!
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Старша племничка любима крестничка.
— А увезъ его Малютушка въ чисто полё
— Отрубить у него буйну голову:
Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
На свою онъ конюшню̀ богатырскую.
Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
Неѣзжана жеребчика некладана,
Сѣдлалъ уздалъ Никита приговаривалъ:
«А й же вы народъ да люди добрыи,
«Вы сусѣдушки мои порядовныи!
«Дайте торну путь дорожку широкую,
«Чтобы старому мощно̀ проѣхати».
Только видѣли Мѝкитушку сѣдучи,
А не видѣли Романовича ѣдучи.
Только пыль пылитъ да дымъ столбомъ валитъ.
Повыѣхалъ Никита во чисто поле,
Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
Не доѣдучи болота Кули́кова,
Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
«Ай же ты сукинъ-сынъ молодой щенокъ Малютка Шкуратовъ

Digitized by Google

«И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклекнешься,
«А съѣшь наше мясо да и задавишься».
Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
Отрубилъ у Шкуратова голову.
Бралъ онъ любимаго племничка,
Посадилъ его на добра коня,
Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
Отправлялся ко грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
«Здравствуй, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей ты съ любимой семьёй,
«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты послушай-ко, Микита Романовичъ!
— Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
— Или вовсе про незгодушку не вѣдаёшь,
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Любимаго хрестничка а моего сына Ѳедора.
— Увезъ его Малютка въ чисто поле
— Отрубить у его буйну голову. —
Испроговоритъ Микита Романовичъ:
«Ты послушай-ко, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли грѣшнику покаяніе,
«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»
— А было бы оно, тéперь негдѣ взять. —
«А не отрублена Ѳедору голова,
«А отрублена Малютѣ Шкуратову».
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— За твою за услугу великую,
— Ты бери города съ пригородками,
— Ты бери сёла со присёлами,
— И сколько надо бери золотой казны,
— А представь ты мнѣ Ѳедора прéдъ меня. —
Говоритъ ему Никита Романовичъ:

Digitized by Google

«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
«И не надо мнѣ-ка сёлъ со присёлкамы,
«Да не надо твоей золотой казны,
«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
«Хошь коня угони, хошь жену уведи,
«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину».
«Который ушелъ, того Богъ унесъ,
«А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ».

Записано тамъ же, 15 іюля.

184.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ зе́млю,
Загулялъ молодецъ въ землю Литовскую,
Ко тому королю Литовскому,
Господь молодца помиловалъ,
Король молодца пожаловалъ,
Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года служилъ молодецъ конюхомъ,
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три́ года молодецъ служилъ ключникомъ,
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичной.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Ростилалъ онъ перинушки пуховыи,
Росправлялъ одѣяла соболиныи,
У Елены былъ да во большой любви.
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говоритъ ему Елена королевична:

Digitized by Google

«Ай же ты удалой добрый молодецъ!
«Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,
«Не пей молодецъ зелена вина,
«Не расхвастайся Еленой королевичной».
Во одну пору во это времечко
Выходилъ молодецъ прогулятися,
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они до́ пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
— Я три годы служилъ во конюхахъ,
— Три годы служилъ я во ключникахъ,
— А теперь служу во постельникахъ.
— Постилаю перинушку пуховую,
— Роспровляю одѣяло соболиное,
— А й по времени бываю у Елены на бѣлой груди. —
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты́ кудри,
За желты́ кудри его, за бѣлы руки,
Проводили его къ королю Литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле,
«Отрубите ему да буйну голову».
Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:
— Вы послушайте татаровья-улановья!
— Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
— Не ведите-ко меня во чисто полё,
— Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —
Повели его татаровья-улановья.
Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
— Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,
— Про́щай, милая Елена королевична. —

Digitized by Google

А й услышала Елена королевична.
Бросилáсь она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы татаровья-улановья!
«Вы ведите молодцá ко мнѣ на ши́рокъ дворъ,
«Вы берите съ меня золотой казны,
«Золотой казны сколько надобно».
А сама стала мóлодца спрашивать:
«Ты скажи, молодецъ, не утаивай,
«Не утаивай, меня не оманывай,
«Холостъ ли ходишь, или женатъ гуляешь?
«Есть ли у тебя мóлодецъ отецъ и мать,
«Есть ли у тебя молода жена,
«Есть ли молодецъ малы дѣточки?»
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
— Есть у меня отецъ и мать,
— Есть у мóлодца молода жена,
— Есть у меня малы дѣточки. —
«Ты возьми молодéцъ золотой казны,
«Да поди молодéцъ въ твою сторону.
«Ты корми молодéцъ отца и мать,
«Ты люби свою молоду жену,
«А корми молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
«А й не хвастай ты Еленой королевичной».

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXIII.

ВИСАРІОНОВЪ.

Алексѣй Висаріоновъ Батóвъ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинъ изъ тѣхъ, ко-

Digitized by Google

торыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ (писано въ 1871 г.) и считавшійся лучшимъ знатокомъ былинъ на Выгозерѣ. Онъ поетъ былины очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чистóмъ поли съѣзжáлосѝ
Три сильнiихъ могучiихъ богáтырѧ
По имени первóй Колывáнъ богáтырь,
Другой Муромля́нъ богатырь,
Третей Самсонъ богáтырь.
Промежду собою рѣчи говорѝли:
«Которыя изъ насъ будетъ бóльшій брāтъ?»
Говорѝтъ Самсóнъ богáтырь:
«Кабы былъ столобъ въ земли́,
«Кабы было кольцѐ въ столбý
«Я бы землю всю во кругъ повернýлъ».
Говоритъ Муромлянъ богáтырь:
«Я бы такожде повернýлъ».
Гóворитъ Колыванъ богáтырь:
«Я бы такожде могъ повернуть».
Господь Всевышнія творѐцъ
За нихнеѐ похваленьѐ
Далъ имъ привидѣніѐ:
Куда у ихъ было нóрчено въ путь ѣ́хāть,
Лежитъ на дороги сýмкà,
Въ таковои сумкѣ́ сложенъ весь земныя грýзъ.
Выскакиватъ со своего со добраго съ коня́
Самсóнъ багáтырь,
Хватаетъ таковýю сумкý.
Сумка съ мѣ́ста не ворохнéтсѧ,

Digitized by Google

Выходитъ Муромля̀нъ бога́тырь
Со своего со доброго коня́,
Хватаетъ таковую́ сумку́;
По колѣнамъ въ землю усѣ́лъ,
Сумка съ мѣ́ста не ворохне́тсѧ.
Выходитъ Колыванъ бога́тырь
Со своего со доброго коня̀,
Хватаетъ таковую сумку.
По грудямъ въ землю сѣ̀лъ,
Сумка съ мѣ́ста не ворохне́тсѧ.
Съ небеси имъ гласъ прогласи́ло̀:
«Сильніи могучіи бога́тырѧ̀
«Отстаньте прочь отъ таковыя сумкѝ,
«Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ,
«Впредки не похваля́йтѣсь
«Всѣю землѣю владѣ́тѝ,
«Наблюдайте своѐ доброѐ,
«Ѣздите по Русе́ѝ,
«Дѣлайте защиту,
«Сохраняйте Русе́ю отъ не́пріятелѧ̀
«А хвастать по пустому вного не знайте».

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

186.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольноёмъ городи во Кіеви,
У ласкова князя Владыміра,
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіевъ градъ.
Наѣхало Идолищо великоѐ,
Въ долину Идолищо шти саженъ,

Digitized by Google

Въ ширину Идолищо трёхъ саженъ,
Межъ ушами у него вѣдь какъ саженъ со локотью,
Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрная,
Межъ ноздрами у его изляжетъ каленà стрѣла,
Самъ на словахъ похваляется:
«Давайте мнѣ поединщика!
«Если нѣтъ у васъ поединщика,
«Я Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«А й весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму».
А й ѣстъ-то онъ пьетъ хлѣбъ-отъ за щеку,
Другой за дру́гую,
А й бѣлую лебедь на закусочку.
Выпивае онъ вѣдь напиточокъ,
По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,
А во градѣ вина все мало ставится.
А й стольнія князь стольнё-кіевской,
А й видитъ бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
А й говоритъ тутъ Василей упьянсливой,
Говоритъ тутъ онъ таково слово:
— Стольнія князь стольнё-кіевской!
— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,
— Ретливо́ сердцо мнѣ пріо́бкатить,
— Буйна го́лова мнѣ изве́селить. —
Наливали ему чару зелена вина,
Мѣрой чара полтора ведра.
Принималъ Василей единой рукой,
Выпивалъ Василей единымъ духомъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:
— Ретливо́ сердцё теперь пріо́бкачено,
— Буйна го́лова теперь изве́селенà. —
Беретъ въ руки клюху богатырскую,
Вѣсо́мъ клюха тя́нетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,

Digitized by Google

А й сталъ онъ съ холмы на холму попрядывать:
Рѣки, мелки озера межъ ноги́ спущалъ.
Приходитъ Василей упьянстливой
Во то ли онъ во чисто́ полё,
А й встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Здравствуй, Василей упьянсливой!»
— Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ! —
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«А й же ты Васильюшко упьянстливой!
«Все-ль есть во городѣ во Кіевѣ по старому,
«По старому ли есть по прежнему?»
Испроговоритъ Васильюшко упьянстливой:
— Все есть во городѣ не по старому,
— Все-ль есть во городѣ не по прежнему,
— Наѣхало Идолищо великоё,
— Въ долину-то Идолищо шти сажонъ,
— Въ ширину-то Идолищо трехъ сажонъ,
— Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,
— Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрою,
— Межъ ноздрами у его вѣдь изляжетъ калена стрѣла. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А й же ты Васильюшка упьянстливый!
«Силы у тебя вѣдь есть два меня,
«Смѣлости-у́дати у тебя нѣтъ въ полъ-меня».
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,
И скидывае изъ себя онъ платье богатырское.
Снимае съ Василья платье кали́чьеё,
Надѣваетъ на себя онъ платье кали́чьеё,
А й на Васильюшка на упьянстлива,
Надѣвае платье богаты́рскоё.
Посадилъ Василья на своего на добра коня,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивалъ.

Digitized by Google

Тутъ поѣхалъ Василей по чисту полю,
Безъ ума его вѣдь конь носитъ безъ памяти,
А й радъ бы Василей выпасть да нé можно.
А й старый казакъ Илья Муромецъ
Берётъ въ руку клюку богатырскую,
Вѣсомъ клюка тянетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы нá гору поскакивать,
А й сталъ онъ съ холмы нá холму попрядывать.
Приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко той ко полаты бѣлокаменной,
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ пóсвистомъ соловьиныимъ,
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ дрýгой разъ,
Крыкнулъ пóкрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ пóсвистомъ соловьиныимъ, —
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ третей разъ,
Крыкнулъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ, —
Вся матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна съ угла нá уголъ зашаталаси,
А й всѣ питья по стóламъ расплескалиси.
Говоритъ Идолищо таково слово:
— Подите-тко-сь, выведите-тко-сь,
— Какая-сь калика перехожая,
— Перехожая калика переѣзжая? —

Digitized by Google

А идетъ старый казакъ Илья Муромецъ
А й во тую-ли во полату бѣлокаменну,
А й онъ крестъ-отъ кладётъ по учёному,
А й поклонъ тотъ ведетъ по̀ писа́ному.
«А й здравствуйте вси купци вси бо́яра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
Князю Владиміру со княгинею низко кланялсо,
Низко кланялсо имъ въ особину,
А этому татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ-отъ татаринъ таково слово:
— А й же ты калика перехожая,
— Перехожая калика, переѣзжая!
— Видалъ-ли ты, все слыхалъ ли ты,
— Славнаго бога́тыря
— Стараго казака Илью Муромца? —
«Видалъ вѣдь я, все слыхалъ вѣдь я
«Стараго казака Илью Муромца.
«Съ меня́ ростомъ, съ меня́ толстомъ,
«Съ меня ровно всимъ вели́чествомъ».
— По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣстъ? —
«А й ѣстъ онъ пьетъ во славу Божьюю,
«Колачикъ съѣстъ, по другомъ душа горитъ,
«А й другой съѣстъ, вѣдь онъ сытъ бывать».
— По вногу ли онъ выпивать напиточокъ? —
«Онъ стаканчикъ выпье, по дру́гомъ душа горитъ,
«А другой выпьетъ, онъ дово́ленъ бывать».
— Какъ бы эттакъ былъ, на доло́нь бы я клалъ,
— Да грязь родиласи.
— А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
— Хлѣбъ тотъ я за щеку,
— Другой я за дру́гую,
— Бѣлую лебедь на закусочку.
— Испиваю я вѣдь напиточокъ,
— По бочечкѣ сороковочкѣ

Digitized by Google

— На единой духъ. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«У моего досюль у батюшка родителя
«Была коровищо обжорищо,
«Вного питей пила, только лопнула.
«А й былъ кобелищо объѣдищо,
«Вного ѣлъ, только треснулъ онъ».
Эта рѣчь-та татарину не влюбиласи.
Берётъ ножичищо кинжалищо,
А й бросилъ ножичищо кинжалищо
Въ стараго казáка Илью Муромца.
А й старой казакъ былъ догадливой,
Былъ догадливой самъ увётливой,
Отвелъ ножичищо кинжалищо
А й той ли клюкой богатырскоёй,
Пролетѣло ножичищо во липину,
Рвало ли́пину вѣдь со дверма вонъ.
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Пойти взять было татарина за желты кудри».
А й взялъ-то татарина за желты кудри,
А й самъ говоритъ таково слово:
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить полати княженецкія».
Повывелъ татарина на новы̀ сѣни.
«Не честь фала̀ молодецкая,
«Кровавить сѣней княженецкіихъ».
Повывелъ татарина на широкіи дворъ.
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить двора княженецкаго».
Повывелъ татарина во чистò полё,
А й тропнулъ его единой рукой,
А й только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
А й сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
Куды махнетъ — улкамы,

Digitized by Google

Перемахне — переулкамы.
Ахъ какъ ребята оружьё добро,
Ай гнётся татаринъ не ломится,
Самъ весь на жильяхъ подавается.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

У того ль у пана у купца сердопольскаго,
Было оставленьицо оставлено.
Добрынюшка Микитиничъ,
Во младоемъ возрастѣ,
Остался отъ родителя отъ батюшка.
Честна вдова Степанида Обрамовна
Возростила своегó сына,
Добрынюшку все Микитича,
До полнаго его до возраста.
А й сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
Въ чисто поле сталъ поѣзживать,
Богатырской силы своей пробовать,
Выѣзжалъ вѣдь онъ на поединочокъ,
А й со вногима всё со вйтяжямы.
А й на то ли на ратно на смертно побоищо,
А й не было съ имъ поединщичка.
А й прославился Добрынюшка Микитинецъ
А й сильніимъ могучіимъ богáтырёмъ,
А й прославился Добрынюшка во Кіёви,
А й прославился Добрынюшка въ Чернигови,
А й въ матушкѣ Добрыня въ каменнóй Москвы.
А й пріѣзжаетъ домой Добрынюшка
А й со ратнаго смертнаго побоища.

Digitized by Google

А й честна вдова Степанида Обрамовна
А й присудила Добрынюшкѣ женитися,
Чтобы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
А й не ѣздилъ бы на ратноё на смертноё побоищо.
А й Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ слушался свою матушку,
Прибиралъ себѣ княгиню обручную,
А й Настасьюшку Викуличну.
А й взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
А й самъ говоритъ таковó слово:
«А й матушка ты честна вдова
«Степанида Обрамовна!
«А й душечка Настасья Викулична!
«Не могу я укротить своего сердца богатырскаго,
«Поѣду я во чистó полё».
Говоритъ тутъ ёго матушка,
Честна вдова Степанида Обрамовна:
— Ай же Добрынюшка Микитинецъ!
— На кого же оставишь молоду жену? —
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
«А й же ты моя матушка,
«Честна вдова Степанида Обрамовна!
«Кабы ты меня все спородила
«Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
«Силой-храбростью въ стáраго казáка Илью Муромца,
«Смѣлостью во Олешу Поповича,
«Не ѣздилъ бы я по чисту полю,
«Не билъ бы головъ безповинныхъ,
«Не слезилъ бы я отцей, матерей.
«А й такъ не могу укротить своего сердца богатырскаго,
«А й поѣду я во чисто полё.
«Матушка Степанида Обрамовна!
«Дай-ко-сь мнѣ благословленьицо.
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во три года.

Digitized by Google

«Я не буду, не буду во три́ года,
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во шесть годовъ.
«Я не буду, не буду во шесть годовъ,
«А й ждите-тко-сь меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
«Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
«Матушка Степанида Обрамовна,
«А й душечка Настасья Викулишна,
«Не читайте-тко-сь Добрынюшки во живности.
«А й душечка мнѣ молода́ жона,
«Настасья Викулична!
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Только не́ ходи за братца крестоваго,
«За того ли за Олешенку Поповича».
А й уѣхалъ Добрынюшка во чисто́ полѣ.
А й матушка его Степанида Обрамовна.
Молода́ жена Настасья Викулична,
А й ждали его домой вѣдь во три́ годы,
На исходѣ Добрынюшки три́ годы,
А й нѣту Добрынюшки во три годы.
А й ждали Добрынюшку шесть годовъ,
На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
А й нѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
А й нѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
А й ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ.
А й Олешенка Поповинецъ
А й сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживать,
Поѣзживать сталъ посватывать.
Самъ говоритъ таково слово:
— А й же ты Настасьюшка Викулична!
— Ты волей нейдешь, я бое́мъ возьму. —

Digitized by Google

А й бралъ-то Настасью за бѣлы́ руки,
За бѣлы́ руки, злачены перстни,
А й пово́зилъ Настасью во церковь во Божьюю,
А й во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
Еще тамъ столовали пирова́ли оны́,
А й мало времечко миновалоси,
А й пріѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
А й поразвѣдалъ, что нѣту Настасьи Викуличной,
А й увезёна у Олешенки Поповича,
А й во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
А й по́сылаетъ посла́ онъ ко матушки.
«Ты послушай-ко-сь меня вѣдь посёлъ вѣрныя
«А й за де́нежной расчётъ.
«А й съѣзди-тко-сь къ моёй матушкѣ,
«Къ Степанидѣ Обрамовной,
«А й проси-тко у ёй вѣдь платья цвѣтныи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь гусёлышка нѣмецкіи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь струночки сибирскіи,
«Для своего сына Добрыни Микитича,
«А й что набъ то росчитаюсь тебѣ за утружденіе».
А й послухалъ его вѣдь посёлъ вѣрныя,
А й съѣздилъ вѣдь ко его ко родители ко матушки,
А й къ Степанидѣ къ Обрамовной.
А й просилъ у нёй пла́тьица цвѣтныи,
А й просилъ у ней гусёлышка нѣмецкіи,
А й просилъ у ней струночки сибирскіи,
Ради своего сына Добрыни Микитича.
А й говоритъ послу его матушка,
Степанида Обрамовна:
— А й же ты посёлъ вѣрныя!
— А й гдѣ ты видѣлъ моего вѣдь чада милаго,
— А й Добрынюшку всё Микитича? —
А й отвѣчаетъ ёй вѣдь посёлъ вѣрныя:
«А й нынь мы что ни съ Добрынюшкой приразъѣхались.

Digitized by Google

«А й платьица у него на себѣ вѣдь повыдержались,
«А й платьица на себѣ вѣдь онъ носитъ лосиныи».
Ёго матушка Степанида Обрамовна
Подавала послу всё платья цвѣтныи,
Подавала послу гусёлышка нѣмецкія,
А й струночки были сибирскія.
А й отвозилъ вѣдь посёлъ вѣрныя
Цвѣтны платьица къ Добрыни Микитичу,
А й гусёлушка нѣмецкія;
А й струночки онъ сибирскія.
А й Добрыничина Микитинецъ,
За утружденіе послу далъ несчетной золотой казны,
А й золотой казны все сколько надобно.
А й надѣвалъ на себя платьицо цвѣтноё,
А й бралъ съ со́бой гусёлышка нѣмецкіи,
А й бралъ съ со́бой струночки сибирскіи,
А й поѣзжалъ онъ ко го́роду Чернигову,
А й на тотъ ли на тотъ на почестенъ пиръ.
А й пріѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
А й приходитъ онъ на почестенъ пиръ,
А й на пиру было́ большо собра́ньицо,
А й на пиру былъ князь Митрей богатыя,
А й управитель города Чернигова.
А й доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
А й у Митрія князя бо́гатаго.
— А й Митрей князь ты богатыя!
— А й дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусёлышка нѣмецкія,
— А й дай волю-тко поподернуть въ струночки сибирскія,
— А й для мо́лода Олеши Поповича. —
А й говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
«А й ты сыграй-ко-сь въ гуселушка нѣмецкія,
«А й поподе́рни-ко въ струночки сибирскія».
А й заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
А й заигралъ тутъ въ гусёлушка нѣмецкія,

Digitized by Google

Поподёрнулъ онъ струночки сибирскія.
А й распотѣшилсо Митрей князь богатыя,
А й распотѣшилсо мóлодой Олеша Поповинецъ.
А й наливали Добрынѣ зелена вина.
А й подносили на подносѣ молодой князь Олеша Поповинецъ,
Со своёю онъ со княгинею.
А й принимаетъ чару зелена вина
Добрынюшка онъ Микитинецъ,
А й выпиваетъ чару зелена вина,
А й спущаетъ въ стоканъ свой обручной перстень.
А й говоритъ тутъ Настасьюшка Викулична:
— А й не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подлѝ меня,
— А й тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ меня.—
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й хватаетъ Олёшу Поповича за шиворотъ,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Олешенка Поповинецъ!
«Кабы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
«А й тропнулъ бы я тя вѣдь о печнóй столобъ,
«А й только бы ты живъ бывалъ.
«А й такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
«Ради братца крестоваго».
А й мóлодой Олёша Поповинецъ,
А й скоро женился, да не съ кѣмъ спать.
А й только Олёшенка женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й Добрынюшка Микитиницъ,
А й всимъ какъ онъ вѣдь честь воздалъ,
А й Митрею князю со княгинею.
Уѣзжалъ онъ во своё во помѣстьицо,
А й со своёю женою старопрежніей.
А й съ Настасьюшкой онъ съ Викуличной,
А й ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовной.

Digitized by Google

А й полно больше Добрынюшкѣ ѣздить по чисту́ полю,
Положилъ мысель и разумъ
Во своихъ полатахъ проживати.

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кіёви,
У ласкова князя Владиміра,
Завелсо, завелсо почестенъ пиръ.
А й вси на пиру наѣдалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто вѣдь хваста отцемъ матушкой,
А иной вѣдь хваста молодой женой.
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вси-ль добры молодцы споженены,
«Вси дѣвушки за мужъ повыданы,
«Одинъ-то единъ добрый молодецъ
«Холостъ ходилъ, не женатъ гулялъ,
«Иванушко Годиновичъ».
А й испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— А й свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— У меня есть невѣста поприбрана,
— Поприбрана невѣста во Кіёви,
— Во Кіеви невѣста, во Чернигови,
— У Митрея князя богатаго.
— А й всимъ-то Настасьюшка добры́мъ добра,
— Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
— Походочка у ёй вѣдь павлиная,
— А й тихая рѣчь лебединая,

Digitized by Google

— А й брови-ты у ёй черна соболя,
— Глаза-ты у ей ясна сокола,
— А й личико у ей вѣдь какъ ма́ковъ цвѣтъ. —
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
«Чего ль тебѣ вѣдь все надобно,
«Города ль тебѣ набъ съ пригородками,
«Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
«Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— Владиміръ князь стольнѣ-кіевской,
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— Ницёго вѣдь мнѣ-ка не надобно.
— Не надо городовъ съ пригородками,
— Не надо силы войска великаго,
— Не надо несчетной золотой казны.
— А й только дай-ко-сь три молодца что ни лучшіихъ,
— Что ни лучшіихъ перебраныихъ.
— Во-пе́рвыхъ стараго казака Илью Муромца,
— А й во-дру́гихъ Исака Петровича,
— А й во-третьихъ Алёшу Поповича. —
А й вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
Во чисто́мъ полѣ курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, пыль столбо́мъ валитъ.
Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
Черезъ башню ѣдутъ треугольнюю.
Скакали кони черезъ стѣну городовую,
Пріѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
Ко Митрею князю богатому,
А й ко той ко полаты бѣлокаменной,
А й ко тымъ крыльцамъ ко точёныимъ.
А й вязали добрыхъ коней
Ко тымъ ко кольцамъ золочёныимъ,

Digitized by Google

А идутъ во полату бѣлокаменну,
А й крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ тотъ ведутъ по уцéному.
«А й здравствуйте вси купци, вси бóяра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею князю со княгиною
Въ особину низко кланялись.
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыи:
— Цёго пришли гостюшки небывалыи,
— Небывалыи гости неѣзжалыи?
— Садитесь-ко-сь вы хлѣба соли покушати,
— Бѣлыхъ лебедей все порушати. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Мы не хлѣба соли пришли кушати,
«Не бѣлы́хъ лебедей мы всё рушати, —
«Мы пришли зашли объ староемъ дѣлѣ, объ сватовстви,
«А й сватать Настасьи Митріёвичной,
«За того ль за Ивана Годинóвича».
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыя:
— А й же вы добры молодци!
— За трѝ годы Настасьюшка просватана,
— Во тую ль во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмёмъ».
Испроговоритъ Настасья Митріёвична:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Митрей князь богатыя!
— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища,
— Я иду за Ивана Годиновича. —
А й брали Настасью добры молодци.

Digitized by Google

Иванушка Годи́новичъ
А й бралъ онъ вѣдь за бѣлы руки,
За бѣлы руки злачены перстни,
А й водилъ вѣдь во церковь во Божьюю,
А й садились въ корету золоченую,
А й вид'ли добрыхъ мо́лодцевъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ пое́дучи,
Во чистомъ поли одна пыль стоитъ.
На пути имъ попало три сле́дочика:
А й первый сле́дочикъ лева́ звѣря,
А й другой сле́дочекъ лани бѣлыя,
А й третій сле́дочекъ черна соболя.
Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Поди-тко-сь ты за левомъ звѣрёмъ,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лева́ звѣря,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«А й Исакъ Петровинецъ!
«Поди-тко за ланью за бѣлыя,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лани бѣлыя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«Алеша Поповинецъ!
«Поди-тко за чернымъ за соболемъ,
«Достань-ко-сь ты черна соболя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ».
А й остался одинъ добрый молодецъ
Иванушко вѣдь Годиновичъ,
А й самъ роскинулъ онъ бѣлъ шатеръ,
А й сталъ съ Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалоси,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьиныимъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:

Digitized by Google

— А й же ты Иванушко Годиновичъ!
— Съѣшь мое мясо подавишься. —
Видитъ Иванушко бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
Выскакивалъ изъ бѣла шатра
На тую ль на площадь дуброву зелёную,
Глядитъ-смотритъ въ сторону полудённую,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо.
Куды падаютъ копыта лошадиныи,
Тутъ оставятся колодци ключевой воды.
А Иванушко Годиновичъ
Выскакивалъ онъ на добра коня,
А й взялъ сбрую всю богатырскую.
Не двѣ горушки вмѣсто столкнулось,
Два богáтыря вмѣсто съѣхалось.
А й помахнулись въ палици булатніи,
А й палици во цúвьяхъ пригибáлися,
Пригибалися переломалися,
А й дрýгъ друга дó крови не ранили.
Помахнулись во сабли во вóстрыя,
Востры́ сабли́ прищербилися,
Прищербилися, пополамъ переломилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Помахнулись во кóпья во вострыи,
Востры́ копья́ притупилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,
На тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й схаживаются на рукопашный бой.
Иванушко Годиновичъ
А й взялъ-то татарина за шиворотъ,
А й пóложилъ-то своей вѣдь правóй ногой
Татарина по лѣвой ноги.
А й бросалъ-то его о сыру землю,

Digitized by Google

А й сѣлъ ёму на́ груди на бѣлыя,
А й на бѣлыя на груди на царскіи,
На царскіи груди татарскіи,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Настасья Митріёвична!
«Подай ножичищо кинжалищо
«Вырвать сердце со печенью татарскоё,
«Татарскоё сердце царскоё,
«Добрымъ людюшкамъ на сгляжéніё,
«А й старымъ старухамъ на роптаніё.
«Чернымъ воронамъ всё на гра́яньё,
«А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́еньё».
Говоритъ тутъ царищо Кощерищо:
— А й же ты Настасья Митріёвична!
— Не подай ножичища кинжалища,
— Какъ за имъ вѣдь будешь жить.
— Будешь слыть бабой простомы́вныя,
— Будешь старому, малому кланяться.
— А й за мной вѣдь будешь жить,
— Будешь слыть царицей вѣковѣчноёй,
— Будетъ старый вѣдь малый тѣ кланяться. —
А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.
Выскакиваё Настасья изъ бѣла шатра,
А й хватае Иванушко Годино́вича за желты кудри,
А й сбиваетъ Иванушко Годино́вича о сыру землю.
А й привязали Иванушко Годино́вича
Ко тому ли е́го ко сыру дубу,
А й той ли е́го всё кувыль травой,
А й сами свалились во бѣлъ шатеръ.
Мало времечко миновалоси,
Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
А й другъ промежъ другомъ спрогуркнули:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка, прикована?

Digitized by Google

«Ради дѣвки, ради бляди, ради сводницы,
«Ради сводницы, всё душогубницы».
Эта рѣчь-то татарину не влюбиласи.
Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
Вытягивае у Ивана Годинóвича
Съ колчана у его какъ вѣдь тýгой лукъ,
А й берётъ у его калену стрѣлу,
А й тугой лукъ онъ натягиватъ,
Калену стрѣлу все направливатъ,
А й хочетъ стрéлить сизыихъ малыихъ голубовъ.
Иванушко Годиновичъ
У сыра дуба приговариватъ:
— Ужъ ты батюшко мой тýгой лукъ,
— Ужъ ты матушка калена стрѣла,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни въ сы́рой дубъ,
— Не стрѣли сизыихъ малыихъ гóлубовъ,
— Обвернись, стрѣла, въ груди татарскіи,
— Въ татарскіи груди во царскіи,
— А й вырви-ко сердце со печенью,
— Добрымъ людишкамъ на сгляжéніё,
— А й старымъ старухамъ на роптаніе,
— Черным воронамъ всё на грáяньё,
— А й сѣрымъ волкамъ всё на вóеньё. —
А й не пала стрѣла вѣдь ни нà воду,
А й не пала стрѣла вѣдь ни нà гору,
А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
Не стрѣлила сизыихъ малыихъ голубовъ,
Обвернулась стрѣла въ груди татарскіи,
А й въ татарскіи груди во царскіи,
А й вырвала сердце со печенью,
Добрымъ людишкамъ на сгляжéньё,
А й старымъ старухамъ на роптаніе,

Digitized by Google

Чернымъ ворономъ всё на гра́янье,
А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́енье.
А й тутъ-то Настасьюшко заплакала:
«Я отъ бережка откачнуласи,
«Я ко дру́гому не прикачнуласи».
Испроговоритъ Иванушко Годино́вичъ;
— Отвяжи-ко Настасья Митріёвична
— Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«А й же ты Иванушко Годино́вичъ!
«Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
«А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити».
Говоритъ тутъ Иванушко Годино́вичъ:
— А й же ты Настасья Митріевична!
— Я не буду тебя бить мучити,
— Только дамъ три науки молодецкіихъ,
— Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
Эта рѣчь-то Настасьѣ не влюбиласи,
А й выскакиваётъ изъ бѣла шатра,
А й на тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й берётъ въ рукѝ саблю вострую,
А й замахъ держитъ на Иванушко Годино́вича,
А й хочетъ у него отсѣчь прочь буйну голову.
А й богатырско сердце разгорѣлоси,
Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дубъ къ зенѝ приклоняется,
Самъ весь въ штильци прищербается.
Отходилъ Иванушко Годиновичъ
На своѝ волю отъ сыра дуба,
А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ цѣловаласи. —

Digitized by Google

Копалъ глаза со косицамы:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ смотрѣласи. —
Отсѣкъ у ей руки по локо́тамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ обнималаси. —
Отсѣкъ у ней ноги по колѣнамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы несчастливымъ заплеталаси. —
А й только Иванушко женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

189.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Обувается Чурила снаряжается,
Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
Утираетъ Чурила въ тонко льня́но полотно,
Сапожки на ножки краснаго сафьяна,
Краснаго сафьяна турецкаго,
Турецкаго шитья нѣмецкаго,
Подъ пяты пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочковъ яичко катилъ.
На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
А й пушисту, пушисту, завѣсисту,
Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
Онъ беретъ-то коня́ да ко́ня шахманка,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ, засѣдлываетъ,

Digitized by Google

Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягиваё.
Подпружки были шелковыи,
А й супруженки золоченыи,
А й не ради красы, всё ради крѣпости.
А й шелкъ-то не рвется, булатъ тотъ не трется,
Красно золото не ржа́вѣётъ.
Вид'ли-то Чурилушку сядучись,
А й не вид'ли удалаго поѣдучись.
Во цистомъ-то поли да одна пыль стоитъ.
Увидала Катерина Викулична,
Она во́ поясъ бросалась во косивчато окно,
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣнямъ,
А еще того скорѣе ко широкимъ воротáмъ.
Отпирала широкія воро́тика,
Запущала Чурилушку Плёнковича,
А й ставила коня до во кони́ну стойлу,
Во конину́ю стойлу лошадину́ю,
А й насыпала пшоны да бѣлояровой,
Отошла отъ коня да поклониласи.
«Ужъ ѣшь ты конь да неци́стой духъ!
«Не для те́бя покланяюсь, для хозяина,
«Для хозяина да для Чурилушки,
«Для Чурилушки да для Пленковича».
Брала Чурилу за бѣлы́и руки,
За бѣлыи руки все злачены́и перстни,
Цѣловала во уста да во сахарніи,
Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлици.
«Сядемъ-ко Чурилушка во ша̀шечки играть».
Оны разъ-то играли — проигрывали
Оны дру́гой-то играли — выигрывали.
«Бросимъ-ка Чурила ша̀шечну игру́,
«Ляжемъ-ко Чурила на тисо́вую кровать,
«На тисовую кроватку, призабавимся».
Увидала тутъ дѣвчоночка чёрная,

Digitized by Google

Чёрная дѣвчоночка челя́динка.
— Еще что же Катерина Викулична,
— У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
«Чорна дѣвчоночка челядинка!
«Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,
«Шапочка да пятьсотъ рублей,
«Ушиста, пушиста, завѣсиста,
«Чтобы спереди не видно лица чёрнаго,
«Чтобы сзади не видно вши́ваго пучка.
«Еще вотъ тѣ дѣвчонка полтинка серебра,
«Полтинка серебра да на румянишка,
«Еще вотъ тебѣ дру́га на бѣлилушка».
Испроговоритъ Катерина Викулична:
— Еще а й же ты Чурилушка Плёнковичъ!
— Еще шапочку-то эту са́мъ сдержи,
— А й полтинки серебра мнѣ́-ка-ва отдай. —
А й дѣвчоночку пало не по́ ндраву,
Она скоро-то да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью́ю церкву́,
Не крестя, ни моля да лица чёрнаго.
Испроговоритъ Пермянъ да сынъ Васи́льёвичъ:
«Еще что же ты дѣвчоночка чорная,
«Чорная дѣвчоночка челядинка,
«Не крестя, ни моля да ли́ца чорнаго».
— Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ:
— У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто му́жъ съ женой. —
Онъ скоро-то шолъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротàмъ.
Увидала Катерина Викулична.
«Еще охъ-ти мнѣ да пере-о́хъ-ти мнѣ,
«Куды-то я кладу да Чурилушку,

Digitized by Google

«А й Чурилушку да Плёнковича».
Еще брала тутъ она да золоты́и ключи,
Отмыкала она тутъ кованы́и ларцы́,
Полагала Чурилушку Плёнковича̀.
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣна̀мъ,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротàмъ,
Отпирала широкія ворóтика,
Запускала Пермяна Васи́льёвича.
— Еще что же Катерина Викуличка,
— А въ однихъ ты чулочкахъ бе́зъ чоботкòвъ?
— У тя гость въ гостяхъ, дя быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильёвичъ
«Еще бы́ла калика перехожая.
«Накормила, напоила, на пери́нки отдохну́лъ».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ сынъ Васильевичъ.
Онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю̀,
А еще того скорѣе во Бо̀жью̀ церкву,
Самъ говоритъ таково́е слово̀:
— Чорна дѣвчоночка челядинка!
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ
«Ты поди-тко во свою да во кони́ну стойлу,
«Во конину́ю стойлу лошадину́ю,
«Тамъ стоитъ вѣдь Чурилино конишечко».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
А еще того скорѣе во конину́ю стойлу,
Во конину́ю стойлу лошадину́ю,
Тамъ стоитъ-то Чурилино конишечко,
Онъ замахъ-то держалъ да на конишечка,
У конишечка головушка скатиласи.
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
— Еще что же Катерина Викулична!

Digitized by Google

— А й откуль у тебя да конишечко,
— А й конишечко да Чурилино? —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Какъ крестовыя братьици съѣзжалися,
«Они добрыма кóньми помѣнялися».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чистóму полю̀,
А еще того скорѣе во Божью церкву,
Самъ говоритъ таковое слово:
— Еще чорна дѣвчоночка челядинна
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Ты поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлици».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чистóму полю,
А еще того скорѣе въ свѣтлы свѣтлици,
А й бралъ-то свои да злачены̀и ключи,
Отмыкалъ-то свои да кованы̀и ларци,
Откуль выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
Онъ замахъ-то держалъ да на Чурилушку,
У Чурилушки головушка скатиласи.
Говоритъ Катерина Викулична:
— Куды пала Чурилина головушка,
— Тутъ скатись-ко моя буйна головушка. —
Онъ замахъ-то держалъ да на Викуличну,
У Викуличны головушка скатиласи.
Какъ не бѣлыя лебеди слеталися,
Двѣ головушки вмѣсто скатилоси.
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чистóму полю,
А еще того скорѣе во Божью̀ церкву,
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
«Чорна дѣвчоночка челядинна!
«Знала бы ты да коровъ кормить,

Digitized by Google

«Коровъ кормить, да телятъ поить,
«А не знала бы ты мужнихъ жонъ доказывать».
Онъ замахъ-то держалъ да на дѣвчоночка,
У дѣвчоночки головушка скатиласи.
Онъ тупымъ-то концомъ да о сыру́ю землю́,
А й онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣ́лую гру́дь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица**, съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольницъ, лѣтъ подъ 60. Извѣстна въ околоткѣ знаніемъ свадебныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былинъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Онъ рѣки озёра черезъ скакалъ,
Онъ сине морюшко на около́ бѣжалъ.
Пріѣзжалъ старъ ко чисту полю, къ сѣру камешку,
На камешкѣ подпи́сь подписана:
Въ одну́ дорожку ѣха́ть убиту быть,
А въ другу́ ѣха́ть богату быть,
Въ тре́тью ѣхать же́нату быть.
А стоитъ старъ удивляется,
Головой кача́, выговаривать:

(44*)

Digitized by Google

«На что мнѣ-ка стару убиту быть,
«На бою стару не написана.
«А на что мнѣ-ка стару жонату быть,
«Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
«А й молóдая взять да чужа корысть.
«А на что мнѣ-ка стару богату быть,
«Еще нѣтъ у меня любимóй семьи,
«Любимой семьи молодой жены,
«Молодой жены малыхъ дѣточекъ,
«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ.
«Не кому тощить золотой казны,
«Не кому держать платья цвѣтного.
«А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть».
Попроѣдучись Индѣи богатыей,
А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
А стоитъ сорóкъ воровъ сорóкъ разбойниковъ,
Стоитъ сорóкъ тѣхъ же дураковъ-подорожниковъ.
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго рóзлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,
«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«И только съ собой прилучилоси
«Одинъ солóмъ на главы сорокъ тысячей,
«На ножкахъ сапожки семи шелковъ,
«Во рукахъ во ногахъ по камешку,
«По цвѣтному лазуреву по латырю,
«А чуденъ-то крестъ да семьсотъ рублей».
Говоря́ воры разбойники:
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго розлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,

Digitized by Google

«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«Только прилучился добрый конь,
«И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
«И потому ему цѣны нѣтъ:
«Заплечены дро́ги (sic) камешки во гривушку во конину́ю,
«Положенъ во хвостикъ самоцвѣтный камешокъ
«Не ради красы басы молодецкіи,
«Ради темныи ночи осенніи.
«Гдѣ ходитъ гуляѣ добрый конь во чистомъ поли,
«Вижу за тридцать верстъ мѣрныихъ».
Садился старъ на добра коня,
Сталъ коничкомъ порыскивать,
Куды махнётъ — улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
Смолились воры разбойники:
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Оставь-ко ты хоть насъ на сѣмена. —
Старо́й казакъ Илья Муромецъ
Прирубилъ силу́ татарскую,
Прирубилъ силу́ поганую.
Пріѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
Старую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись написывалъ:
Та дорожка очищена,
Стары́мъ каза́комъ Ильей Муромцемъ
Очищена, оглажена.
Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
Пріѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
Привязывалъ ко́ня добраго
Ко тому столбу ко точёному,
Ко колечику вязалъ золочёному
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
И шёлъ въ полату бѣлокаменну,

Digitized by Google

И не держали замочки щурупчаты,
Отворялъ вси двери ворота великіи.
Нашелъ красну дѣвицу въ своемъ теремѣ,
И просилъ ключовъ великіихъ
Отомнуть всѣ погребы глубокіи.
И жалко красной дѣвицы
Подать ключовъ великіихъ,
Не стала красна дѣвица
Подавать ключовъ великіихъ.
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
Онъ тóлнулъ красну дѣвицу во бѣлу грудь,
Просѣла она въ тыи погребы глубокіи,
И роскочились двери великіи.
Выпускалъ сорóкъ купцей, сорокъ купечичей,
Сорóкъ простыхъ молодцевъ со тыхъ погребовъ глубокіихъ.
Пріѣзжалъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Тую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
Вси эты дорожки очищены,
Очищены дорожки, оглажены
Стары́мь казакомъ Ильей Муромцемъ.
А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
Есть у меня золотой казны несчётныя,
Есть у меня казны собины несмѣтныя.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

Digitized by Google

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ,
Убилъ Дунаюшко го́ловъ безповинныихъ.
Кого за́ руку щипнулъ, то рука́ прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.
Сдѣлалась надъ Дунаюшкомъ незгодушка великая,
Сдѣлалась надъ царемъ незгодушка великая,
Улетѣла люта̀ змѣя пещорская,
Любимую его племничку,
Отъ креста его хрестничку.
И прозналъ царь про Дуная Дунаюшка,
Дуная сына Ивановича,
На̀бъ ѣхать за любимою племничкой,
Отъ креста ёго хрестничкой,
Вывести отъ змѣи пещорскіи.
А й сидитъ Дунаюшко кручинится,
Буйная головушка повѣшена.
Очи ясныя потупя̀ держитъ.
Говорила Дунаюшку ро́дна матушка,
Родна матушка, чёстна вдовушка:
«Ты Дунай Дунаюшко,
«Дунай сынъ Ивановичъ!
«Поди Дунаюшко на конюшій дворъ,
«Остался отъ батюшка добрый конь».
Шелъ Дунаюшко на конюшій дворъ,
Отворилъ конюшій дворъ.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрна́ слуга!
— На̀бъ съѣздить ко люто́й змѣи,
— Ко люто́й змѣи ко пещорскіи,
— За любимой племничкой, царской хрестничкой. —

Digitized by Google

Глаголетъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Семнадцать лѣтъ послѣ батюшка не кармливалъ,
«Послѣ батюшка семнадцать лѣтъ не паивалъ».
Да тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичъ
Палъ коню въ копытце правое.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрна́ слуга!
— Свози къ змѣи пещорскіи. —
И наливалъ пшеницы бѣлояровой
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
И кормилъ коня до сыта
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
Принесла матушка сѣделышко черкальское,
Принесла матушка узду золоченую,
Принесла матушка плетку шелкову,
Плетку шелкову сорока пудовъ.
И садился Дунай на добра коня,
Вид'ли добра молодца сѣдучись,
Не вид'ли поѣдучись.
Въ чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Пріѣзжалъ къ змѣи пещорскіи,
Глаголетъ красна дѣвица Дунаюшку:
«Дунай Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
«А пусть змѣя лютая
«Нажрется груди бѣлою,
«Груди бѣлою дѣво́чьею».
Наждралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣво́чьею,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкіи.
И увезъ Дунаюшко любимую племничку
Отъ змѣи пещорскіи,
И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
И садилъ ю на золотъ столъ.

Digitized by Google

Сталъ царь выспрашивать
И сталъ вывѣдывать:
— Ты красна дѣвица любима моя племничка,
— Отъ креста моя хрестничка!
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́стыдилъ ли,
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́страмилъ ли? —
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Своему хрёстну батюшку,
Царю великому:
«Везъ меня — не при́стыдилъ,
«Везъ меня — не при́страмилъ».
Говоритъ царь великіи:
— Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
— Городамы ль берешь съ пригородками,
— Али селами берешь съ присе́лками,
— Аль золотой казной несчётною,
— Иль силой берешь несмѣтною? —
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
— Не на̀бъ золотой казны несчетною,
— Не на̀бъ мнѣ силы несмѣтною,
— Не на̀бъ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
— Осталось отъ батюшка родителя
— Золотой казны несчетною,
— Остались бочечки сороковочки,
— И вѣснутъ на цѣпочкахъ серебряныхъ.
— Ты царь великіи,
— Дай-ка красну дѣвицу за меня́ замужъ. —
И сложился царь, отдалъ любимую племничку
За Дуная сына Ивановича,
За его вѣрну услугушку,
Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 іюля.

Digitized by Google

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестенъ пиръ
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богáтыри,
На вси поляници удалыи.
И вси во пиру пьяны веселы,
И вси во честномъ приросхвасталисъ.
Да иной-то похваста золотой казной,
А иной-то похваста своей у́датью.
А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
За той скамеечкой каленовою,
Сидитъ старыи Данилушко Игнатьевичъ.
Онъ не ѣстъ-то не пьетъ самъ не кушаё,
А ничего самъ въ пиру не хвастае.
Говоритъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Ты чего сидишь въ пиру кручинишьсе,
«Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
«Али мѣсто въ пиру не по отчинѣ,
«Али чарой въ пиру тебя пріóбнесли,
«Али пьяница надъ тобою усмѣхнуласи».
Говоритъ Данилушка Игнатьевичъ!
— Бласлови, осударь, слово павымолвить,
— Не сруби, осударь, буйной головы,
— Не вынь сердцá со печенью.
— Бласлови Данилу въ монастырь итти,
— Какъ постричься во старци во чорныи,
— Поскомидиться въ книги спасеныя,
— При старости Данилы бы душа спасти. —
И гóворитъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.

Digitized by Google

«Какъ познаютъ орды невѣрныи,
«Провѣдаютъ цари нещасливыи,
«Такъ Кіевъ градъ щепой возьмутъ,
«Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
«Меня осударя въ полонъ возьмутъ».
— Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
— Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
— И будетъ стоять по городи по Кіеви,
— И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Бласловилъ Данилу въ монастырь нойти
Какъ постричься во старци во чорныи,
Поскомидиться во книги спасеныя,
При старости Данилы бы душа спасти.
И познаютъ орды невѣрныи,
Провѣдаютъ цари нещасливыи.
Да заводилъ осударь почестенъ пиръ,
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На вси поляницы удалыи,
И вси во пиру пьяны веселы,
Вси во честномъ приросхвастались.
Да иной похваста золотой казной,
Да иной-то хвастаетъ своей у́датью,
А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И самъ осударь-та не ѣстъ, не пьё,
Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитси,
Ничимъ въ пиру онъ не хвастаё.
Говоритъ царь таково слово:
«Ой вы князи вси бояра,
«Вси сильни могучіи богатыри,
«Вси поляници удалыи!
«Выбирайте-тко мнѣ поединщика

Digitized by Google

«Ѣхать во далечо́ чисто полё,
«Намъ сила считать, полки высмѣкать,
«Вывести передъ смѣтой на зо́лотъ столъ».
Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
Изъ-за той скамеечки кленовыя,
Выставае мо́лодой Иванушко Данильевичъ.
Онъ князьямъ-то бьё о лѣву́ руку,
Самому осударю о праву́ руку.
— Ѣду во далечо въ чисто́ поле,
— Всю силу считаю, полки высмѣкаю,
— Приведу передъ смѣтой на зо́лотъ столъ. —
Говоритъ царь таково слово:
«Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
И говорятъ вси князи, вси бояра,
Вси сильни могучи богатыри,
Вси поляницы удалыи:
— Видѣть добра молодца по походочкамъ,
— Видѣть добра молодца по поступочкамъ. —
Наливалъ осударь чару зелена вина,
Вѣсомъ та чара полтора пуда,
Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко едино́й рукой,
Выпивалъ Иванушко на еди́ный духъ.
Вид'ли добра молодца сядучись,
Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
А во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
Онъ голосомъ кричитъ, шля́пой маше:
«Мо́лодой Иванушко Данильевичъ!
«Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гужъ,
«Ты ѣдь-ко въ полъ-гужа,
«Ты силу руби съ одного плеча».
Молодый Иванушко Данильевичъ

Digitized by Google

Онъ во день ѣздилъ по красну по солнышку,
Онъ въ ночь ѣздилъ по лунну по мѣсяцу,
И налилъ коню пшеницы бѣлояровой,
И самъ молодецъ спать-то лёгъ.
Проснулся добрый молодецъ, стоитъ конь добрыи,
Не ѣстъ травы шелковыи,
Не зоблетъ пшеницы бѣлояровой.
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— И что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
— Не ѣшь травы шелковыи? —
Жерствуе[1]) конь языкомъ человѣчьимъ:
«Надъ тобой знаю незгодушку великую,
«Надъ собою знаю незгодушку великую,
«Копали татара поганыи,
«Копали три погреба глубокихъ
«И клали рогатинки звѣриныя.
«И первой тотъ погребъ перескочу,
«И другой тотъ погребъ перескочу,
«Третьяго погреба не могу скочить,
«Упаду во погребы глубокіи,
«Во ты рогатинки звѣриныи.
«Обневолятъ тебя добра молодца
«Во ты во путинки шелковыи,
«Во ты желѣза во нѣмецкіи».
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— Ты не знашь незгодушки, не вѣдаешь. —
И садился Иванушко на добра коня,
Въ чистомъ поли 'ще курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Пріѣзжалъ къ татаровамъ поганыимъ.

1) Такъ нѣсколько разъ.

Digitized by Google

Онъ первой тотъ погрёбъ перéскочилъ,
Онъ дрýгой тотъ погрёбъ перескочилъ,
Говоритъ конь доброй языкомъ человѣчьимъ,
Говоритъ мóлоду Иванушку Данильевичу:
«Мóлодой Иванушко Данильевичъ!
«Дай-ко ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.
«Перескочу погребъ и третьи».
Богатырское сердце разретивилось,
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ,
Упалъ конь во погребы глубокіи,
Во ты рогатинки звѣриныи.
Обневолили добра молодца,
Связали ручки бѣлыи
Во тыи путинки шелковыи,
Во ты желѣза нѣмецкіи.
Росплакался добрый молодецъ.
Богородица Иванушку гласъ гласитъ:
— Молодóй Иванушко Данильевичъ!
— Здынь-ко правую ручку выше гóловы,
— Лѣвую ручку ниже пояса,
— И розлопаютъ путинки шелковыи,
— И рострескаютъ желѣза нѣмецкіи. —
Молодóй Иванушко Данильевичъ
Прáвую ручку выше гóловы,
Лѣвую ручку ниже пояса.
Розлопали путинки шелковыи,
Рострескали желѣза нѣмецкіи,
Онъ хватилъ татарина кой больше всихъ,
Онъ сталъ татариномъ помахивать,
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнётъ — переулкамы.
И добро оружьё татарское,
Гнется татаринъ не ломится,
На жиловы татаринъ подавается,

Digitized by Google

Во вси стороны татаринъ поклоняется.
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
И та дорожка очищена
Молодымъ Иваномъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

193.

КОСТРЮКЪ.

Ѣдетъ царица Крымская,
Ѣде Упаво татарскіи,
Поляница удалая,
Съ молодымъ со Кóстрюкомъ.
Кострюкъ Кострю́ковичъ,
Демьянъ Демьяновичъ,
Молодой ѣдетъ черкаленецъ,
Иде царю въ нову горенку,
Идё Богу не молится,
Говоритъ не съ упадками:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Чтобъ были́ столы розставлены,
«Терема были́ роспростра́нены,
«Кушанья были́ налажены,
«И питья наголовлены».
Ѣде царица Крымская,
Упавъ ѣдётъ татарскіи,
Поляница ѣдё удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострю́ковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,

Digitized by Google

Иде во нову горенку.
Во полату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоритъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли у васъ въ Москвы борци,
«Удалы добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
— На походочку скорёшенёкъ.
— Бѣ́жи Ѳедька дьякъ ко той церквы ко Божьей,
— Крыкни Ѳедька дьякъ во всю́ орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутёшенёкъ,
Бѣжалъ къ церквы соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныихъ.
Съ-подъ Пятничкой пятны,
Съ-подъ Волоцкой стороны
Бѣжитъ два братца родимыихъ:
Михалка бѣжитъ нарывается,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борецъ на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на́ столи,
— И Богъ стоитъ на́ стѣны,
— И борецъ стоитъ на́ двори. —

Digitized by Google

Побѣжалъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Задѣлъ ногой за́ скамью,
Убилъ соро́къ боя́ровей,
Убилъ сорокъ тата́реней,
Достальни́ лежатъ окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не́ притти.
Пришелъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты ку́дерки не шарашатся.
Онъ и дру́гой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третій разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не сворохнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣть ли борца побороть,
«Смѣть ли молодо́го ломать,
«Смѣть ли рука нога́ ломить,
«Смѣть ли глазъ повы́воротить?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи по́собилъ. —
Здынулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи,
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до́ груди.
А тутъ Кострюку славы́ поютъ,
Славы́ поютъ старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала,
На что борца поборолъ,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.

Digitized by Google

Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славы поютъ,
Славы поютъ старину поютъ.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честною славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисѣевъ, старикъ раскольникъ, подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, занимался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти только одну былину, здѣсь помѣщаемую.

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

Молодой Добрыня Микитинецъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы братцы крестовые:
«Ты молодой Олеша Поповинецъ,
«Во другихъ Исáкушко Петровинецъ!
«А сходите на конюшню великую,
«Берите коня что ни лучшаго,
«Сѣдлайте во сѣделышка черкацкіи,
«Выводите коня на улушку широкую,
«Чтобы съѣздить Добрынюшкѣ ко городу ко Кіеву,

Digitized by Google

«И ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
«Посвататься бы на душечкѣ Настасьѣ Митріёвичной,
«Да Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной.
И всимъ была Настасья добрымъ добра,
И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
Походочка у ёй была павлиная,
Поговорка у Настасьи лебединая.
Сходили братци крестовы на конюшню великую,
Брали коня что ни лучшаго,
Приводили коня ко крылечушку точеному,
Ко тому столбу золоченому.
Выходитъ Добрыня на новы́ сѣни́,
Изъ новыхъ сѣней на круто крыльцо,
На круто крылечко на перѝнчато,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы народъ, людюшки добрые!
«Пороздвиньтесь, поростроньтесь, на три на четыре стороны,
«Дайте Добрынѣ порозъѣхаться».
Только видѣли Добрынюшку сѣдучись,
Не видѣли Добрыню поѣдучись.
Курева стоитъ, столбомъ паръ валитъ.
Куда падали копыта лошадиныи,
Ставятся колодцы ключевой воды,
Рѣки озера Добрыня межъ ногамъ спущалъ.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
Привязываетъ коня ко столбику точеному,
Ко тому столбу золоченому,
Самъ заходитъ Добрыня во горницу великую.
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны поклоняется,
Ласковому князю въ особину.
Выходитъ князь со горницы великоей,

Digitized by Google

И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же вы гостюшки заѣзжіе,
— Заѣзжіе гости захожіе!
— Вы чего пришли, чего заѣхали? —
«Мы пришли, зашли посвататься,
«На душечкѣ Настасьѣ Митріевичной,
«Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной».
Честнымъ пиркомъ да и свадебку.
Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
Бралъ за злачены перстни,
Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
И много-ль мало времечки ѣхали,
Какъ встрѣтились два слѣдочика.
И первой слѣдъ бѣла звѣря,
Другой слѣдъ кунушки прорыскиватъ.
Пошли братци крестовые за полѣсьицемъ [1]).
Молодой Добрыня Микитинецъ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ, зашелъ съ Настасьей забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалоси,
Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечистой духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— За емъ будешь Настасья Митріевична,
— Будутъ бабой звать портомойницей,
— Кабы за мной была Настасьюшка,
— Былъ бы старый малый кланялся. —
Хватила она за желты кудри,
Посадила Добрыню ко сыру дубу,
Приковала Добрыню ко сыру дубу,
Сама зачала съ нечестливымъ забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалося,

1) Т. е. за этою дичью.

Digitized by Google

Налетало три голуба,
Три малыхъ сизыхъ голубушка.
Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
«Зачто е та головушка посажена,
«Посажена головушка прикована?
«Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
«Ради сводницы ль душегубницы?
«У бабы у дуры волосъ дологъ, умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесетъ».
И видитъ Настасья Митріевична,
Что бѣда пришла неминучая.
Отъ бережка Настасья откачнулася,
Ко дрýгому Настасья не прикачнулася.
Хватаетъ она палицу булатнюю во сорокъ пудъ,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты Добрыня Микитинецъ!
— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
— Буде Добрыня станешь бить мучити,
— Ударю палицей булатнеёй во сорокъ пудъ. —
И его же богатырско сердце розгорѣлоси.
Сходился Добрынюшка у сыра дýба,
Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ приклоняется,
И матушка сыра земля подрогнула,
Вси Божьи церкви пошаталиси,
Кня́зи бояра испужалися.
И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты Настасья Митріевична!
«Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,
«Только дамъ я тебѣ три наукушки великіихъ.
«Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
«Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
«Этима мѣстищамы съ нечестливымъ цѣловаласи.
«Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
«Этихъ мнѣ рукъ не надобно,

Digitized by Google

«Этима рукамы съ нечестливымъ обнималаси.
«Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
«Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
«Этима ногамы съ нечестливымъ онлеталаси».
И столько Добрынюшка женатъ бывалъ,
Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

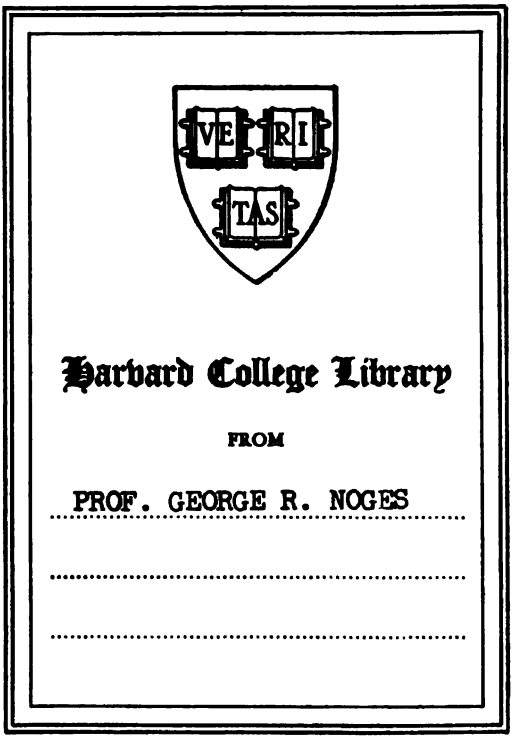
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DEC 4 '68 H
2232-901

Digitized by Google

PSlav 109.50 (59)



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

George R. Noyes.
St. Petersburg 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

57

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1894 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

зильбергъ.

С.-Петербургъ Мѣщ. 19.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIX.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1894.

Digitized by Google

PSlav 109.50

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY Jul 10, 1944

Prof. George R. Noyes

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1894 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе III
Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ. . . . . V—XX
Олонецкая губернія и ея народные рапсоды. . . . . 1—62

БЫЛИНЫ

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.—ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I. Калининъ, Петръ Лукичъ.

1. — Святогоръ. 4
2. — Садко, Вольга и Микула . 8
3. — Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ. 19
4. — Илья Муромецъ и Идолище. 26
5. — Добрыня Никитичъ . . . 31
6. — Михайло Потыкъ 63
7. — Ставеръ. 92
8. — Смерть Чурилы 104
9. — Дюкъ. 109
10. — Князь Карамышевскій . . 127
11. — Рахта Рагнозерскій . . . 137
12. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 141
13. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 147
14. — Гришка Отрепьевъ. . . . 156

II. Фомина, Аксинья Кузминишна.

15. — Вольга 158
16. — Илья Муромецъ 160
17. — Добрыня и Маринка . . . 163
18. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 166
19. — Хотенъ Блудовичъ. . . . 169
20. — Дюкъ. 171

III. Кононова, Домна Дмитріевна.

21. — Ставеръ. 177

IV. Корсаковъ, Ѳедоръ Александровичъ.

22. — Илья Муромецъ и Идолище. 183
23. — Добрыня и Алеша 186
24. — Кострюкъ. 195

V. Конбинъ, Степанъ.

25. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 199

VI. Котова, Мароа Трофимовна.

26. — Добрыня и Алеша 203
27. — Чурило 208
28. — Братья разбойники и сестра 211
29. — Пѣтухъ и Лисица 212

Digitized by Google

VII. **Попова**, Настасья Аѳанасьевна.

30. — Василій Буслаевичъ . . 215
31. — Два любовника 218

ТОЛВУЙ.

VIII. **Гришинъ**, Иванъ Артемьевичъ.

32. — Вольга и Микула. 220
33. — Добрыня и Алеша 224
34. — Дунай. 231
35. — Чурила 236
36. — Соловей Будиміровичъ . . 241
37. — Взятіе Азова 244

IX. **Тимоѳеевъ**, Андрей.

38. — Добрыня и Алеша 247
39. — Михайло Потыкъ 253

X. **Прохоровъ**, Петръ.

40. — Михайло Потыкъ 266
41. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 288
42. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 292

XI. **Антоновъ**, Тимоѳей.

43. — Добрыня и Алеша 296
44. — Василій Буслаевичъ . . . 303

II.

ПУДОГА.

XII. **Прохоровъ**, Никифоръ.

45. — Вольга и Микула. 312
46. — Илья и сынъ 315
47. — Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ. 322
48. — Илья Муромецъ и Идолище. 326
49. — Добрыня и Алеша 335
50. — Нѣпра и Донъ. 350
51. — Иванъ Годиновичъ. . . . 353
52. — Михайло Потыкъ 360
53. — Соловей Будиміровичъ . . 394
54. — Василій Буслаевичъ . . . 403

XIII. **Фенономъ**, Иванъ.

55. — Вольга и Микула 413
56. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ. 416
57. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 424
58. — Послѣдняя поѣздка Ильи Муромца 434
59. — Добрыня и Змѣй. 438
60. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 450
61. — Наѣздъ Литовцевъ. . . . 456
62. — Птицы и звѣри 462

XIV. **Антоновъ**, Потапъ Трофимовичъ.

63. — Сухманъ 469
64. — Добрыня и Змѣй. 475
65. — Добрыня и Алеша 488
66. — Василій Игнатьевичъ и Батыга. 504
67. — Смерть Чурилы 512
68. — Соловей Будиміровичъ . . 517

XV. **Сорокинъ**, Андрей Пантелѣевичъ.

69. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 525
70. — Садко. 541
71. — Наѣздъ Литовцевъ . . . 560
72. — Сорокъ каликъ 573

Разнорѣчія у Рыбникова. . . . 589

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Онежскія Былины», собранныя А. Ѳ. Гильфердингомъ, самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества, по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности. Первое изданіе этого сборника, вышедшее въ 1873 г., давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по сношенію съ вдовою покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, приняло на себя новое изданіе «Онежскихъ Былинъ». Перепечатывая первое изданіе, находящійся въ прибавленіи къ нему «Дневникъ путешествія А. Ѳ. Гильфердинга по Олонецкой губерніи въ 1871 году» (будетъ помѣщенъ въ концѣ изданія) и статью его: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» (здѣсь, какъ и въ первомъ изданіи Былинъ угольными скобками отмѣчены дополненія, сдѣланныя авторомъ послѣ напечатанія статьи его въ «Вѣстникѣ Европы»), новое изданіе присовокупляетъ: 1) біографическій очеркъ, составленный академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; 2) былины, записанныя собирателемъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи въ томъ же 1871 году и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»; 3) словарь словъ областныхъ и малоупотребительныхъ въ общемъ-русскомъ языкѣ; 4) указатели, которые имѣютъ цѣлью дать полныя, такъ сказать, статистическія данныя

Digitized by Google

къ вопросамъ, касающимся былеваго эпоса; составныя части этого указателя предполагаются слѣдующія: a) указатель именъ собственныхъ, встрѣчающихся въ сборникѣ, съ перечнемъ фактовъ, касающихся этихъ именъ; b) указатель предметовъ и фактовъ, касающихся бытовой стороны эпоса; c) указатель былинныхъ эпитетовъ. Словарь и указатели составляются А. А. Ѳоминымъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Сверхъ того, въ новое изданіе введенъ счетъ стиховъ въ каждой былинѣ; портреты и поты, сопровождающіе первое изданіе, повторяются и во второмъ; сверхъ того прилагается портретъ Гильфердинга. Все изданіе разсчитано на три тома. Смотрѣніе за изданіемъ поручено Отдѣленіемъ академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ

Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ и общественныхъ и литературныхъ. Его непродолжительная жизнь (онъ скончался на 42 году) посвящена была дѣятельности въ одномъ направленіи, согрѣта однимъ желаніемъ: будить сознаніе и въ родной землѣ и во всемъ славянствѣ. Оттого его зналъ весь славянскій міръ, и въ Россіи онъ встрѣчалъ болѣе сочувствія, чѣмъ противодѣйствія. Его характеръ ровный, изящный, его умъ ясный, чуждый крайностей, доставили ему особенное положеніе. Лучшимъ доказательствомъ такого его значенія служитъ общее сочувствіе къ нему, выразившееся единодушно въ литературѣ людьми всѣхъ партій по случаю его кончины, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ то время, когда онъ собиралъ остатки народнаго творчества въ Олонецкомъ краѣ и изучалъ бытъ мѣстнаго населенія. Была бы очень интересна подробная его біографія, но для нея нужна обширная подготовительная работа, въ особенности потому, что его служебная дѣятельность тѣсно связана съ его воззрѣніями и общимъ направленіемъ его жизни, для изученія которой необходимо и ознакомленіе съ архивами, и невозможность опредѣлить, что̀ именно лично принадлежитъ ему. Въ особенности это относится къ его участію въ преобразованіяхъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ онъ явился дѣятельнымъ сотрудни-

Digitized by Google

комъ Н. А. Милютина. Въ настоящее время ограничимся краткимъ очеркомъ его жизни и трудовъ, основываясь и на сообщеніяхъ, появившихся въ печати, и на личныхъ воспоминаніяхъ.

Александръ Ѳеодоровичъ родился 2-го іюля 1831 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего Ѳеодора Ивановича, служившаго директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго. Ѳеодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный (онъ учился въ Московскомъ университетѣ), чрезвычайно добродушный и хорошій русскій патріотъ, не смотря на то, что былъ католическаго исповѣданія; онъ даже сына своего окрестилъ по православному обряду. Овдовѣвъ, Ѳеодоръ Ивановичъ посвятилъ всѣ свои досуги воспитанію сына, съ которымъ у него до конца жизни сохранились трогательныя дружескія отношенія. Воспитаніе молодому человѣку дано было самое тщательное: онъ основательно изучилъ древніе и новые иностранные языки и познакомился, что̀ тогда было рѣдкостью, съ славянскими нарѣчіями. Въ числѣ его учителей былъ извѣстный славистъ Паплонскій. Сохранилось непрерѣкаемое свидѣтельство о тогдашнемъ развитіи Гильфердинга и о тѣхъ интересахъ, которые и тогда уже занимали его: въ бумагахъ его нашлась тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Здѣсь разсказывается разселеніе славянскихъ племенъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меѳодія, паденіе государствъ Болгарскаго и Моравскаго, основаніе Польскаго. Словомъ, въ этой юношеской работѣ мы встрѣчаемся съ тѣми самыми задачами, которыя занимали всю его жизнь и, что̀ всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ ряду русскихъ писателей: умѣнье отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событія въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно.

Въ 1848 г. Гильфердингъ поступилъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Универ-

Digitized by Google

ситетъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ. Реформа — закрытіе каѳедры философіи, стѣсненіе преподаванія по нѣкоторымъ предметамъ, ограниченіе числа студентовъ — послѣдовала только въ 1849 г.; но и эта реформа существенно измѣнила немного, особенно на факультетѣ, выбранномъ Гильфердингомъ. Самою важною перемѣной была передача философіи профессору богословія; комплектъ студентовъ вошелъ въ силу только съ слѣдующаго года. Но не по этой причинѣ университетъ не имѣлъ такого глубокаго вліянія на Гильфердинга, какое имѣлъ на многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ московское интеллигентное общество рѣзко дѣлилось на два лагеря: съ одной стороны стояли западники, съ Бѣлинскимъ, только что тогда умершимъ, и Грановскимъ во главѣ, третьимъ вождемъ былъ только что эмигрировавшій Герценъ; съ другой стороны стояли славянофилы. Большинство профессоровъ Московскаго университета той поры были западниками; даже тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами (Буслаевъ, Соловьевъ), все-таки отдѣляли себя отъ нихъ; то же слѣдуетъ сказать и о Кавелинѣ, только что оставившемъ тогда университетъ и вліяніе котораго еще сильно чувствовалось. Близки къ славянофиламъ были только Шевыревъ и отчасти Бодянскій, впрочемъ по независимости своего характера державшій себя какъ-то особнякомъ. Гильфердингъ, по тому направленію, которое получилъ дома, не могъ стать западникомъ, а по связямъ своего отца получилъ доступъ въ славянофильскій кружокъ. Кружокъ этотъ былъ собраніемъ независимыхъ, высокообразованныхъ и ярко талантливыхъ людей: въ ихъ собраніяхъ слышались остроумныя и глубокомысленныя слова Хомякова, горячая, нравственно-чистая рѣчь К. С. Аксакова, изящная, звучащая непоколебимымъ убѣжденіемъ рѣчь Ю. Ѳ. Самарина; слышалась полная вѣры рѣчь И. В. Кирѣевскаго; говорилъ тамъ и П. В. Кирѣевскій, знатокъ народнаго творчества, проникнутый сознаніемъ народнаго духа, мало оцѣненный потому, что мало по себѣ оставилъ, но за то завѣщавшій потомству огромное богатство собраннаго имъ мате-

Digitized by Google

ріала. Попавъ въ этотъ кружокъ, молодой человѣкъ, особенно еще подготовленный къ воспріятію его взглядовъ первопачальнымъ воспитаніемъ, долженъ былъ подчиниться его вліянію. Такъ и было съ Гильфердингомъ. Изъ его университетскихъ учителей имѣлъ на него вліяніе только Григоровичъ, полгода замѣнявшій Бодянскаго. Въ «Русской Старинѣ» по смерти того и другого напечатано было письмо Гильфердинга къ Григоровичу, свидѣтельствующее, что непродолжительное преподаваніе его было плодотворно для молодого слависта. Подъ вліяніемъ филологическихъ взглядовъ Хомякова, которые онъ высказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», Гильфердингъ принялся за изученіе санскритскаго языка; учителемъ его былъ К. А. Коссовичъ, а ревностнымъ товарищемъ въ занятіяхъ С. П. Микуцкій, умершій недавно преподавателемъ Варшавскаго университета, обладавшій громадною памятью словъ и формъ, любившій рискованныя сближенія, но къ сожалѣнію, не одаренный умственнымъ творчествомъ ни въ какой степени; впрочемъ не того отъ него и требовалось, а свѣдѣнія его служили значительнымъ пособіемъ. Кончивъ курсъ въ 1852 г., Гильфердингъ въ 1853 г. помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ» свое сочиненіе: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», и въ томъ же году защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра славянскихъ нарѣчій: «Объ отношеніяхъ языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Филологическія работы Гильфердинга не оставили глубокаго слѣда въ наукѣ, но свидѣтельствовали о замѣчательномъ талантѣ молодого ученаго. Впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи: можно упомянуть объ его «Общеславянской Азбукѣ», трудѣ очень остроумномъ, но не имѣвшемъ практическаго успѣха. Отъ филологіи онъ обратился къ исторіи, какъ предмету болѣе ему сродному, и труды историческіе и публицистическіе положили основу его извѣстности и до сихъ поръ составляютъ украшеніе нашей литературы.

Въ 1854 г. появилось начало двухъ историческихъ сочи-

Digitized by Google

неній Гильфердинга: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — «Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» (продолженіе было въ «Русской Бесѣдѣ»), въ «Москвитянинѣ» — «Исторія Балтійскихъ Славянъ» (продолженіе въ «Архивѣ» Калачева за 1861 г.; въ «Сочиненіяхъ, т. IV, помѣщено еще дальнѣйшее продолженіе, до смерти императора Генриха III, найденное въ бумагахъ покойнаго). Сочиненія эти, мало извѣстныя тогда у насъ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія Сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторической литературѣ они были положительною новостью: исторіей Славянъ занимались по большей части люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика, но по своему изложенію онѣ мало были доступны читателю и къ тому же обнимали только языческій періодъ. Такимъ образомъ, книги Гильфердинга были положительною новостью для тѣхъ, кто прочелъ ихъ; но прочли очень немногіе, ибо то было время преобладанія западничества. Извѣстно, что позднѣе (въ 1858) въ «Атенеѣ» австрійскій жандармъ провозглашался цивилизаторомъ между Западными Славянами. Въ сочиненіяхъ этихъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость; впрочемъ въ новомъ изданіи «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ», въ I т. «Сочиненій», вышедшемъ еще при жизни автора, она частью сглажена: уничтожена форма писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія. Но это — мелочь, которая блѣднѣетъ при высокихъ ихъ достоинствахъ. Это не только исторія событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами сплачивается изъ различныхъ стихій царство Болгарское и рядомъ съ нимъ образуется Сербское. Болгарское принимаетъ христіанство. Здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди. Слѣдуетъ блистательный вѣкъ царя Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его царства: оно сложилось механически, внѣшне. Авторъ осуждаетъ

Digitized by Google

такое насильственное, внѣшнее соединеніе и видитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину паденія царства Симеона. Также ярко характеризуется попытка Самуила, причины ея неудачи, изображаются преступленія его рода,— и картина выходитъ замѣчательно полная и округленная, безъ всякаго желанія блистать внѣшнею красотою разсказа и бить на эффектъ; отсутствіе эффекта при замѣчательной стройности изложенія болѣе всего поражаетъ непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое. Можетъ быть, осужденія его будутъ иногда и правильны: объ этомъ пусть судятъ спеціалисты; но такую картину въ состояніи нарисовать немногіе даже и изъ спеціалистовъ. «Исторія Балтійскихъ Славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницею, что здѣсь въ значительной доли повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) оттѣснено на задній планъ изложеніемъ особенностей быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголкѣ славянщины, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ формы политическаго устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ Славянъ (княжеская власть у однихъ племенъ, аристократія у другихъ, демократія у третьихъ), гдѣ встрѣчаются и попытки федеративнаго устройства, которыя, какъ основательно доказалъ Гильфердингъ, никогда не имѣли успѣха у Славянъ.

На службу Гильфердингъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и по заключеніи Парижскаго мира въ 1856 г. назначенъ былъ консуломъ въ Боснію. Время для дипломатіи русской было тяжелое: значеніе наше на Востокѣ понизилось вслѣдствіе неудачъ только что завершенной войны; постоянные наши соперники на Босфорѣ торжествовали побѣду и ревниво слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ; дома мало думали о вѣковыхъ задачахъ русской политики; все вниманіе было устремлено на приготовленіе внутреннихъ реформъ; восточной вопросъ казался препятствіемъ къ правильному развитію и помѣхою нашаго сближенія съ Европой.

Digitized by Google

Никогда, можетъ быть, западничество наше не заявляло себя такъ торжественно, и такъ не принижалось все національное. Общество наше было западническимъ и въ 20-хъ годахъ, но тогда роль Россіи представлялась господствующею въ Европѣ: «вождь вождей, царей диктаторъ» открылъ намъ дорогу въ Парижъ. Все ликовало, и если сознавались недостатки во внутреннемъ устройствѣ, недостатки иногда и мнимые, за то крѣпко вѣрили во внѣшнюю силу Россіи. Эта вѣра еще возросла въ слѣдующее царствованіе — и вдругъ неудача все поколебала и все подверглось сомнѣнію. Такъ внутренніе вопросы не только затмили внѣшніе, но даже явилось сомнѣніе въ правильной постановкѣ этихъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ это-то время началась дипломатическая дѣятельность Гильфердинга. На Востокѣ консулъ не то, что̀ на Западѣ; тамъ онъ долженъ поддерживать мѣстное православное населеніе, слѣдственно, имѣетъ дѣло не только съ русскими подданными. Молодой консулъ съ честію занималъ этотъ постъ, находя къ счастію для себя поддержку въ умномъ и понимавшемъ дѣло директорѣ азіатскаго департамента: тогда этотъ постъ занималъ Е. П. Ковалевскій. Сараевскій консулъ былъ не только дипломатъ, онъ былъ и ученый. Побуждаемый интересомъ знанія, онъ объѣхалъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и собралъ свои наблюденія въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (С.-Пб. 1859). Книга эта (переиздана въ т. III «Сочиненій») представляетъ живые очерки мѣстностей, историческія воспоминанія, археологическія описанія храмовъ, литературныя замѣтки о рукописяхъ. Въ самой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней читатель знакомится и съ прошедшимъ и съ настоящимъ состояніемъ описанныхъ областей. Высокій интересъ предмета и необыкновенно даровитое изложеніе обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся русскою литературой, безъ различія партій. Во время своего консульства Гильфердингъ написалъ по-французски обзоръ движенія у западныхъ славянъ и напечаталъ безъ имени въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Les Slaves

Digitized by Google

Occidentaux» въ 1858 году. Въ томъ же году Александръ Ѳедоровичъ женился на В. Ф. Ридель, съ которою былъ знакомъ еще въ Москвѣ, и скоро возвратился въ Россію.

Въ 1860 г. образовалась редакція «Энциклопедическаго Словаря». Мнѣ предложили отдѣлъ русской и славянской исторіи. По славянской мои свѣдѣнія были слабы, и я обратился за помощью къ А. Ѳ. Гильфердингу (отдѣлъ польскій принялъ на себя Ю. С. Рехневскій). Это было поводомъ къ знакомству съ Гильфердингомъ. Хотя мы и были современниками въ университетѣ, но не встрѣчались, ибо были и на разныхъ курсахъ и на разныхъ факультетахъ. Мало по малу это дѣловое знакомство перешло въ тѣсную дружескую связь; изящная природа Гильфердинга, его необыкновенная талаптливость, его житейскій тактъ неотразимо влекли къ себѣ. Онъ не любилъ говорить для разговора, и съ людьми мало знакомыми онъ былъ вѣжливъ, но неразговорчивъ; иным онъ являлся въ дружескомъ кругѣ и тамъ, гдѣ слово его было нужно, гдѣ приходилось защищать любимыя убѣжденія. Для меня сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходился немимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ (съ нимъ, къ сожалѣнію, я былъ поверхностно знакомъ), что въ моей статьѣ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» я смотрю на русскую народность слишкомъ объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу), я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, свособычное, что̀ измѣнило въ значительной степени и мой взглядъ на русскую исторію. Разговоры и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра.

Digitized by Google

Здѣсь нахожу умѣстнымъ сказать кое-что объ общемъ направленіи воззрѣній Гильфердинга, сказавшемся какъ въ его ученыхъ трудахъ, такъ и въ его служебной и общественной дѣятельности. Слѣдующія замѣчанія были уже высказаны мною въ статьѣ «А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ» (см. мой сборникъ: «Біографіи и характеристики». С.-Пб. 1882). Идеей, опредѣлившею всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими предѣлами Русскаго государства, ни даже этнографическими предѣлами русскаго племени: оно простиралось на весь славянскій міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, не смотря на разнообразіе народовъ, его составляющихъ. Единство это являлось Гильфердингу кореннымъ единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ» читаемъ въ одной изъ записныхъ его книжекъ—«составляютъ не какія бы то ни были нравственныя качества, а понятія, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и пр.); неизмѣняемость этихъ понятій. Эти понятія—плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе, опровергая мнѣнія одного нѣмца, основывавшаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства родства своего съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ такой, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, или и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совершенно иначе». Проникнутый этими мыслями, онъ не оберегаетъ древнихъ Славянъ отъ обвиненій, напримѣръ, въ пиратствѣ и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другого — всѣ пороки; за то за понятіями онъ слѣдитъ внимательно и ихъ-то старается выста-

Digitized by Google

вить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учрежденій общественныхъ и семейнаго быта у Славянъ Балтійскихъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго Нѣмцами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ этой мысли служитъ характеристика главнѣйшихъ народовъ арійскихъ въ «Древнѣйшей исторіи Славянъ», гдѣ три пары народовъ, чередовавшихся въ числѣ народовъ арійскихъ, Индусы и Персы, Греки и Римляне, Германцы и Славяне, раздѣлены на двѣ группы: въ одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его блестящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ другой — общинность съ неизбѣжно соединенною съ нею способностью къ политической организаціи. Эта характеристика, возбудившая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ значительныхъ смягченій, ограниченій, но тѣмъ не менѣе она не только блистательно остроумна, но и въ высшей степени важна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно добиваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долженъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія отношенія, а все-таки остается что-то такое, что̀ составляетъ сущность народной жизни, и это что-то есть понятіе, выражающееся такъ или иначе среди всѣхъ измѣненій судебъ народовъ. Ясно, что, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ довольствоваться частными историческими изслѣдованіями, медленно подготовляющими матеріалы для будущаго зданія и долго съ сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ ли онъ для предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоваться изложеніемъ того, что̀ уже принято въ наукѣ, имѣющей въ виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, указывать имъ, что̀ сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью исторіи вообще, а слѣдовательно, и своихъ собственныхъ историческихъ трудовъ — не только изображать прошлое, т. е. указывать, на сколько народы прославили себя въ своей исторіи, но

Digitized by Google

и будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограничиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣкоторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, многія изъ которыхъ казались ему просто ученою прихотью; а слѣдовательно, занятіе ими въ его глазахъ было бы только отвлеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ мало полемическаго элемента, что̀ имъ придаетъ особую занимательность. Что̀ бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, идетъ по нимъ; до того ли ему, чтобы доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

Въ 1861 г., оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Гильфердингъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и началъ свою дѣятельность по отдѣленію государственной экономіи, которымъ въ то время управлялъ извѣстный и опытный финансистъ, нынѣ покойный А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ этой, повидимому, чужой ему сферѣ Гильфердингъ скоро показалъ всю силу своихъ способностей. Приводимъ по этому случаю свидѣтельство М. И. Семевскаго[1]), бывшаго сослуживца Александра Ѳеодоровича: «Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ Гильфердингъ, почти вошла въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что̀ другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что̀ у другихъ выходило полно безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарки и всегда въ изложеніи краткомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ». Такимъ образомъ, и здѣсь умъ его, живой и ясный, служилъ горячо имъ любимой родной землѣ.

---

1) «Русская Старина» 1872 г., № 10.

Digitized by Google

Но скоро открылось ему другое, болѣе свойственное ему поприще: въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе. Правительству пришлось и отписываться на дипломатическія ноты, и усмирять возстаніе, и преобразововать устройство Царства Польскаго. Эта послѣдняя задача поручена была Н. А. Милютину. Въ числѣ другихъ своихъ сотрудниковъ Милютинъ обратился и къ Гильфердингу, который съ тѣхъ поръ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, участвуя въ то же время въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія. Дѣятельность Гильфердинга въ эти годы была обширна: онъ являлся редакторомъ офиціальныхъ бумагъ, помѣщалъ статья въ газетахъ, въ которыхъ разъяснялся польскій вопросъ для русской публики, издалъ по-англійски брошюру (анонимно): «Polish Question». Общій свой взглядъ на лучшій способъ разрѣшенія польскаго вопроса высказалъ онъ въ 1863 г. въ слѣдующихъ словахъ одной изъ своихъ статей: «Наша обязанность тамъ — и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи — доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ не разрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, а упразднить его могутъ только соціальныя средства». Таково же было мнѣніе и тогдашнихъ руководителей реформъ въ Царствѣ: послѣ устройства сельскаго населенія распространеніемъ на него Положенія 19-го февраля 1861 г. послѣдовалъ рядъ узаконеній объ устройствѣ учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, отъ которыхъ устранено вліяніе ксендзовъ и шляхты, до среднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ (полное обрусеніе преподованія относится къ послѣдующему времени). Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ Вар-

Digitized by Google

шавскаго университета. Въ начертаніи этихъ уставовъ Гильфердингъ имѣлъ самое большое значеніе, хотя и не ему пришлось осуществить ихъ. Онъ также принималъ участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства и наконецъ въ работахъ по устройству судебной части.

Въ послѣдніе годы Гильфердингъ особенно занятъ былъ мыслью о трудѣ, который долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всѣ ого предварительныя ученыя работы. Трудъ этотъ—«Исторія Славянъ» былъ имъ лишь только начатъ: первыя главы его появились въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: «Древнѣйшая исторія Славянъ»; въ бумагахъ покойнаго сохранились наброски еще двухъ главъ: о Славянахъ Паннонскихъ и о Скиѳахъ. Они должны были войти въ пятую часть его «Сочиненій», печатаніе которой остановилось по случаю банкротства издателя Д. Е. Кожанчикова. Труду этому покойный отдавалъ большую часть своихъ досуговъ: читалъ древнихъ писателей, отыскивалъ въ нихъ какія-либо свѣдѣнія о народахъ, въ которыхъ можно было бы признать Славянъ. Онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями и искалъ ихъ и въ твореніяхъ отцовъ церкви, и у историковъ, и у географовъ, и у писателей о земледѣліи и т. д. Множество выписокъ было имъ сдѣлано. Сколько разъ заставалъ я его у конторки надъ громадными книгами, которыя онъ внимательно изучалъ. Съ какою любовью говорилъ онъ объ этомъ трудѣ, и ему не суждѣно было осуществиться!..

Послѣ славянскаго съѣзда 1867 года, создалось въ Петербургѣ отдѣленіе Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Сначала предсѣдатели смѣнялись, но скоро явился постоянный, и имъ былъ Гильфердингъ. Многіе еще помнятъ, съ какимъ тактомъ онъ предсѣдательствовалъ, какъ онъ умѣлъ руководить преніями, какъ онъ вдохновлялъ своими рѣчами, какъ онъ умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность, какъ по его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины, которыми, съ одной стороны будился въ обществѣ интересъ къ

Digitized by Google

славянству, а съ другой — находились средства для благотворительной цѣли комитета. Его усиліями созданъ въ Прагѣ православный храмъ; но Александру Ѳедоровичу не суждено было дожить до его освященія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Гильфердингъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія Географическаго общества. Къ этой обязанности онъ относился также чрезвычайно внимательно: устраивалъ интересныя засѣданія, печаталъ важные этнографическіе труды и наконецъ самъ совершилъ капитальный этнографическій трудъ. Лѣтомъ онъ иногда уѣзжалъ далеко изъ Петербурга (разъ онъ совершилъ поѣздку къ Балканскимъ Славянамъ, откуда вывезъ собраніе рукописей, купленныхъ впослѣдствіи Хлудовымъ). Въ апрѣлѣ 1871 г. онъ задумалъ поѣздку въ Олонецкую губернію. Поводомъ къ поѣздкѣ было то обстоятельство, что скровища былиннаго эпоса, открытыя П. Н. Рыбниковымъ, возбуждали сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Гильфердингъ рѣшился лично повѣрить открытіе Рыбникова и посѣтилъ этотъ отдаленный край, гдѣ часто приходилось ему проѣзжать верхомъ по лѣсамъ и болотамъ. Трудъ его награжденъ былъ сторицею: онъ вывезъ оттуда «Онежскія былины» (изданныя уже по его кончинѣ). Гильфердингъ самъ знакомился съ пѣвцами [1]), заставляя ихъ пѣть речитативомъ, что̀ давало ему возможность записывать ихъ былины слово въ слово и даже отмѣчать удлиненіе слоговъ. Это послѣднее обстоятельство открыло ему тайну русскаго народнаго стиха. Такимъ образомъ «Онежскія былины» дали прочную основу для историковъ литературы, историковъ языка и т. д. Здѣсь въ первый разъ изслѣдователи встрѣтились съ матеріаломъ, вполнѣ годнымъ къ употребленію. Всѣ сомнѣнія замолкли сами собою. Свое путешествіе Гильфердингъ описалъ въ статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» («Вѣстникъ Европы» 1872, № 3) перепеча-

1) Въ «Русской Старинѣ» 1872, № 12, напечатанъ неоцѣнимый по своему простодушію разсказъ одного изъ этихъ пѣвцовъ, Касьянова, о знакомствѣ съ Гильфердингомъ.

Digitized by Google

танной въ первомъ изданіи былинъ и повторенной въ настоящемъ, въ которой рукою мастера изображены и край, и бытъ народа и охарактеризованы пріемы пѣвцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали зимою 1871—72 г. въ Петербургъ, пѣли у Гильфердинга; а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ Славянскомъ комитетѣ, и въ Географическомъ обществѣ. По ходатайству Гильфердинга, черезъ Августѣйшаго предсѣдателя общества Рябинину пожалована была медаль. Лѣтомъ 1872 г. Гильфердингъ снова поѣхалъ въ Олонецкую губернію. Доѣхавъ на пароходѣ до Вознесенской пристани, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ онъ почувствовалъ себя дурно, но лѣчиться не хотѣлъ и поѣхалъ въ Каргополь, откуда далѣе ѣхать не могъ: здѣсь посѣтилъ его докторъ и не могъ уже ничего сдѣлать: у больного былъ брюшной тифъ. 20-го іюня онъ скончался. Въ Каргополѣ онъ проболѣлъ всего пять дней[1]). При вѣсти о кончинѣ Гильфердинга отслужены были въ разныхъ мѣстахъ по немъ понихиды. Въ Карлсбадѣ протоіерей Кустодіевъ произнесъ хорошую рѣчь, гдѣ сказалъ между прочимъ: «Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ». 4-го іюля тѣло Гильфердинга было привезено въ Петербургъ, встрѣчено на пристани друзьями и почитателями и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь тогдашній ректоръ семинаріи, впослѣдствіи епископъ Нижегородскій, нынѣ уже почившій Хрисанѳъ, со свойственнымъ ему глубокомысліемъ и краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, изъ которой выпишемъ слѣдующія, проникнутыя мыслію и глубокимъ чувствомъ строки: «Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы

1) Письмо изъ Каргополя («Русская Старина» 1872, № 10).

Digitized by Google

знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идеи. «Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Передъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющія скоро и здѣсь исчезнуть... Конецъ, достойный жизни»! [1])

14-го февраля 1873 г. петербургскій отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго комитета собрался подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова. Это торжественное засѣданіе съ присутствіемъ публики посвящено было памяти Гильфердинга. Тогда Т. И. Филипповъ прочелъ рѣчь о московскихъ годахъ жизни Гильфердинга, О. Ѳ. Миллеръ—объ его заслугахъ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, В. И. Ламанскій—объ его трудахъ по славянству, а нижеподписавшійся—объ его историческихъ трудахъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

---

1) Объ рѣчи напечатаны въ названномъ уже № «Русской Старины».

Digitized by Google

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

и

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Павелъ Николаевичъ поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не безполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуй на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предвари-

Digitized by Google

тельно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуя переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отрадно видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отрадно видѣть его *самого по себѣ;* тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле — ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерею времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости. Пріученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ са-

Digitized by Google

мыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиліарности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія, чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озёра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телега. Телега не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что̀ нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на волокáхъ, то есть оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ со-

Digitized by Google

общеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивъ», то есть полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», то есть стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахиваютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахиваются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго

Digitized by Google

лѣсу не трогаютъ по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственица, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-молъ охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ внутренніе распорядки въ прежнія времена — не знаю; но со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружного начальства, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Digitized by Google

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это — въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то и дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безысходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село, и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣйно снимаютъ шапки и крестятся. — «Что это такое за развалина?» — «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужь двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — «А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?» — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники, и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ, вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе тружениковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Digitized by Google

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ, и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа, а не то, что жиды, которые Христа проклинаютъ; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняютъ, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить!». Признаюсь, я не нашелъ отвѣта. Нашелъ ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей!

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно — къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно — въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины— *свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже

Digitized by Google

въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напримѣръ, сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, то есть между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признаютъ это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею»; это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телегою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное не возможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хо-

Digitized by Google

зяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
А й рубите-тко руки бѣлыи,
А й со лба-то копайте очи ясныи,
А й тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что̀ въ ней разсказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслію въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напримѣръ, Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ По-

Digitized by Google

тыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «въ старину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ, и другой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ, и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напримѣръ, Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ въ началѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими «сказителями». Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былину про пре-

Digitized by Google

вращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрыню да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ:
Рожки у тура да въ золоти,
Ножки у тура да въ сребри,
Шерсть на турў да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ, руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его [1]), я былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерею времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольничьими убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему

1) См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь на столько, на сколько они причастны религіозной области, и на сколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

Digitized by Google

личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа, кажется, не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ, и что они мнѣ ничѣго не сообщатъ, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно безполезно»,—отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился;—«деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (то есть перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч.—«Ну, я такъ и зналъ»,—говорилъ мой хозяинъ;—«нѣтъ онъ не пріѣдетъ».—«А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?»—«Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя».

Digitized by Google

Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служитъ», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинъ и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихіевѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему, легко устранялось недовѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на пріѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихіевъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины

Digitized by Google

до полнаго физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человѣкъ[1]) извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человѣкъ[2]), отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человѣкъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинъ я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ рапсодій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70-ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь разсказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь

---

1) Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (то есть Иванъ Сивцевъ), Бутылка (то есть Абрамъ Евтихіевъ), Сорокинъ, Ѳедотовъ (то есть Дутиковъ), Іевлевъ, Потахинъ (то есть Потапъ Антоновъ), Щеголёнокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (то есть Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (то есть Иванъ Фепоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (то есть Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужь такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

2) Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

Digitized by Google

анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизустъ жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только пятерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ, и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старины». Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человѣка божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинъ и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинъ по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его

Digitized by Google

сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинъ и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинъ не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинъ, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видитъ, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинъ, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинъ, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ. Читатель видитъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинъ для Романова практическое значеніе; но, повторю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семенъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но впрочемъ, и между слѣпыми ска-

Digitized by Google

зителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинъ извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимоѳеева въ Толвуи, Абрама Евтихіева и Петра Калинина на Пудожской Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пóромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому, былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который сумѣетъ спѣть разныя «исторіи»; но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомнили, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготов-

Digitized by Google

леніемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (то есть земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напримѣръ, звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабьи старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «У большинства сказителей»—говоритъ онъ,—«врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполнѣ справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно прибрежья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками, и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, ко-

Digitized by Google

торыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица — женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива, — прибрежья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ, и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ, и жена охотники пѣть былины и поютъ разныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, спеціальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинъ, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно

Digitized by Google

позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская разсказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣе замѣчателенъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала «Іовы и Мары» отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ «Іовы и Мары».

Digitized by Google

Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную былину [1]). Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому

---

1) Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка, и печатный текстъ Щербины:

«Іово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ вылѣчитъ разомъ.
Въ пору ужъ было Іовѣ жениться,
Дѣвушкѣ Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
«Душа моя Мара,
«Любишь ли меня, мое сердце,
«Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
«Дороже очей ты мнѣ своихъ,
«Какъ мать сына у сердца ношу я».
Выслушалъ эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Донесъ онъ Овановой майки.
Говоритъ-де Овану эта майка:
«Юные Ово, перо дорогое!

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Іово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станетъ —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Въ пору Іовѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Іово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара — слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Миловидна, что̀ горная вила,
А гибка-то, что̀ ель молодая.
Годъ на Мару гляди — все и мало
Мало бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотритъ — такъ вылѣчитъ разомъ..
Но сироткой была наша Мара,
Іовъ жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:

Digitized by Google

складу, протягивая хореическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человѣкъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинъ, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозёркинъ, пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало бы-

---

«Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
«Даютъ за тебя лучше и краше,
«Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
«Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
«Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
«Не видала муравки на поли,
«Не видала мужчины ни разу,
«И къ тому же богатаго рода,
«И не простого — господскаго рода
«Богатство во время тебѣ пригодится...»
и такъ далѣе.

«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
«Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Іово, ты глазъ мнѣ дороже,
«Завсегда ты на мыслѣхъ у Мары!
«Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ...»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Іована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое!
«Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
«Есть невѣста и лучше, и краше:
«То — Фатима, Атлагича злато.
«Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
«И не знаетъ, что́ солнце, что̀ мѣсяцъ;
«Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
«Не видала муравки на полѣ,
«Не видала ни разу мужчины, —
«А къ тому жъ и богатаго рода,
«И въ подмогу богатствомъ сгодится..
и такъ далѣе.

Digitized by Google

лины про три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ), что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинъ, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ; они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ

Digitized by Google

я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кенозера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Прионежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе, такъ-сказать, серьезныя, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что̀ не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотенку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства

Digitized by Google

и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пóтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удальцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василій Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи передъ русскими, и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую разчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ,

Digitized by Google

дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую. Такъ, напримѣръ, онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говоритъ-то ёнъ имъ таково слово:
— А й ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за зёмнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былинъ не пѣвалъ, а зналъ про Илью разсказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія

Digitized by Google

къ тексту былинъ. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «Ахъ, это все равно»— отвѣчалъ Сорокинъ—«я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно»! Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными [1]).

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что́ разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ:

---

1) Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера» (т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но деревня Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ города Пудожа; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріимствомъ сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивъ», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ, какъ Сумозеро, не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожа.

Digitized by Google

«такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполнѣ довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ напримѣръ, сохраненіе образа «гнѣдаго тура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько

Digitized by Google

же, сколько намъ съ нимъ, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что̀ это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ или пнями клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстныя, и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пущалъ,

то онъ рисуетъ картину, которая составилась на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особливой обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженье корабля: эти картины, конечно, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверъ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланье коня и снаряженье корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею, такъ-сказать, любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ богатырямъ, именно сѣдланье коня и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что, въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужчиною, образъ бо-

Digitized by Google

гатырл-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что, при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что̀ такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что̀ рыскаетъ по полю ради подвиговъ» [1]). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьѣ каждый крестьянинъ вамъ скажетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины, и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. [«Поляница — это значитъ женщина-*богатырица*», говорилъ водлозеръ Сухановъ]. Что̀ такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозёркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ. «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (то есть въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины; это *поляницы* значитъ по нашему, по-деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что̀ отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть гресть и править лодкою, въ осеннюю непо-

1) Такое же неправильное толкованіе и въ Словарѣ Даля: *поленица* — удальцы, ватага шалуновъ, наѣздники, разбойники; *поленица удалая* — шайка, вольница.

Digitized by Google

году тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ такое поляница, скажутъ, либо что это — то же самое, что̀ богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что̀ такое, не знаемъ». [Впрочемъ, и тамъ лучшіе пѣвцы (напримѣръ Рябининъ) употребляютъ названіе «поляница»,—хотя кажется безсознательно, по старой памяти, — собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ][1]).

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ перепяли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это — Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пѝромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пѝромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно рознятся въ подробностяхъ изложенія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

---

1) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ, повидимому, смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужескаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею—его дочерью (№ 77)].

Digitized by Google

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста, и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ-сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тожественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, то есть

Digitized by Google

пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики, по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодія. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, на столько цѣнными для науки, что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что́ иначе казалось бы не заслуживающимъ никакого вниманія. Такъ, напримѣръ, читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варіанта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ уда-

Digitized by Google

лить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпашпортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это — молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на каналъ, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпашпортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражавшихъ народъ. Этотъ варіантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (то-есть, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ, и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *Прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *Заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности, прилегающія къ Онегу, а вторая — края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ,

Digitized by Google

намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионежской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинъ, *Сѣверо-восточная* группа—относительною ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Горацій приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длинnотою: «dic age *longum*, Calliope, *melos*». Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми-8-ми-и 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняютъ былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длинnотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижи, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижъ* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, то-есть, погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, то есть погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья.

Digitized by Google

Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница, — манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «Какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!» Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ»—говорилъ онъ,— «понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ двадцать, оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе».

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ безпрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпическаго стиха, подобно гомерическимъ частицамъ ἄρα, αὖ, вѣ, δὴ и прочія.

Digitized by Google

Въ Кижахъ такими частицами, кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли,* служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де;* у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ,* ни *вѣдь,* ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынь* или *нунь, же, было* и *есть* или *е:* это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерянъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинъ. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Фепоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему, Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *Сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кено-

Digitized by Google

зерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинъ, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что̀ и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и такъ далѣе, и сверхъ того, Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе, особенно — пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ Сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинъ (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предположить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго, ого* выговаривается такъ, какъ мы его

Digitized by Google

пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *ѣ* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ѣ* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч*, рѣдки и непостоянны,— обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать, Такъ, напримѣръ, очень рѣдко скажутъ: *бѣлый свитъ, молодечь*, обыкновенно же выходитъ не то *билый свитъ, молодечь*, не то *бѣлый свѣтъ, молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемѣну въ нарѣчіи: *ц* произносится чисто, *ѣ* уже весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *г* въ *в* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово, сево, нево* и тому подобныхъ.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчіи: ослабѣваетъ *оканье*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ѣ* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ перемѣною въ нарѣчіи совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболѣе знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблю-

Digitized by Google

деній на счетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихіевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Потыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»[1]) и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выражанія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ пріучить своего спутника рапсода *пѣть* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который

1) По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

Digitized by Google

при передачи сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же пріемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъчуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладится къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распредѣлить на три группы:

1) сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;

2) сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и

3) сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ непра-

Digitized by Google

вильности въ стопосложеніи, все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, то-есть, то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи, и во внутреннемъ складѣ былинъ.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ «Ставрѣ», въ «Пòтыкѣ» какъ-то заунывнѣе, а въ «Вольгѣ и Микулушкѣ» выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ «Ставрѣ» у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ «Пòтыкѣ»—чистый хорей, въ «Вольгѣ и Микулѣ»—анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ*, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ топическомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинъ, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былину сло-

Digitized by Google

вами безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибо́льшая часть стиховъ 4-хъ-и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсью 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былины про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ-и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти-и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (то-есть, безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ [1]):

---

1) Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса. — Вотъ соотвѣтствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времяни,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,

Digitized by Google

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанò-то силушки чернымъ-черно,
А й чернымъ-черно какъ черна вòрона,
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добрòмъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черный воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.

Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«А й же вы, мужики Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кіевъ градъ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— А й же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскиій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравѣла;
— Сѣрый звѣрь туда не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—

Digitized by Google

Енъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
Выходили мужички да тутъ черниговски
И отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«А й же мужички да вы Черниговски,
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему Черниговски:
— Ты удаленькой, дородній добрый молодецъ,
— А й ты славныя богàтырь святорусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколòдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла.
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжóю
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
— На добрòмъ кони никто да не проѣзживалъ.
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Чернóей,
— Да у той ли у березы у покляпыи,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Сòловей розбойникъ во сыромъ дубу,
— Сиди Сòловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сòловей да по солòвьему,
— Енъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному.
— Й отъ него ли-то отъ пòсвисту солòвьяго,
— Й отъ него-ли то отъ пòкрыку звѣринаго
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы лежатъ.—

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былину въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значитъ, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство

Digitized by Google

нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ какъ хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорея употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихіева:

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чистò полё
«На тую горȕ да сорочинскую,
«Не топчи-ко мла̀дыихъ змiёнышёвъ,
«Ты не выручай-ко по̀лоновъ да русьскiихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки;
«Но Пучай рѣка очѝнь свирипая,
«Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня свȍей матушки не слушался,
Какъ онъ *ѣдетъ* далече во чистò полё,
А на̀ тую на гору сорочинскую,
Потопталъ онъ младыйхъ змiенышевъ,
А й повыручалъ онъ полоновъ да русьскiихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
Онъ приправилъ своего добра̀ коня.
Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
Онъ слѣзалъ Добрыня со добра̀ коня,
Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ *за̀брелъ за струечку* за первую,
Да онъ *за̀брелъ за струечку* за среднюю
И самъ говорилъ да таково слово:
«Мнѣ *Добрынюшки* матушка говаривала,
«Мнѣ *Микитичу* маменька й наказывала,
«Что не ѣзди-ко далече во чистò полё
«На тую горȕ на сорочинскую,
«Не топчѝ-ко младыихъ змiенышовъ,

Digitized by Google

«А не *выручай* по́лоновъ да русьскіихъ
«*И не куплись Добрыня во Пучай рѣки*,
«Но Пучай рѣка очѝнь свирипая,
«А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ;
«А Пучай рѣка она кротна̀-смирна
«Она будто лужа-та дождевая».
Не успѣлъ Добрыня словца молвити,—
Вѣтра нѣтъ — да тучу на̀днесло
Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ да свищетъ молнія.
А какъ ле́титъ зміищо Горынчищо
О тыѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужа́хнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
— Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
— Захочу тебя Добрыню те́перь по́топлю,
— Захочу тебя Добрыню те́перь съѣмъ-сождру,
— Захочу тебя Добрыню въ хобота̀ возьму,
— Въ хобота возьму Добрыню, въ нору̀ снесу.—
Припа́даетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
Онъ нырнѣтъ на бе́режокъ на та́мошной
Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшныій, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хореическихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорея [1]). Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею,

1) Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихіевъ, съ «пословесной» передачи былины:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ зміенышей,
«Выручать-то полоновъ русскіихъ.
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
«Пучай-рѣка есть свирипая:

Digitized by Google

хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ

«Середня струйка какъ огонь сичетъ».
Добрынюшка матушки не слушался.
. . . . . .
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю.
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
«Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
«Что не ѣзди далече во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змиенышей.
«Не выручай полоновъ русскіихъ,
«Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«Средня струйка какъ огонь сичетъ.
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
«Она будто лужа дожжевая».
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло.
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу — Добрыню теперь потоплю,
— Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобата возьму и на Русь возьму,
— Захочу — Добрыню съѣмъ сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

Digitized by Google

выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны— тѣхъ, какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *игривымъ*, какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,— что̀ было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,— а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владыміръ князь стольно-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бо̀яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то молодцы на честно̀мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красныи дѣвушки замужъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не же́неной.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротѝвъ меня,
«Очшуки у ней бы ясныхъ соболей,
«Бровушки у нёй бы черныхъ соболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,

Digitized by Google

«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корóтати
«А'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися».
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да пріутихнули
За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильнихъ русьскіихъ могучихъ на богáтырей
А й на славныхъ поляницъ на удалыихъ

Здѣсь:

Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хореическимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ, и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго ризмѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ — или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бóльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Згóворитъ младъ Соловéй сынъ Гудíміровíчъ:
«Сходенку выкидывай серéбряную,

Digitized by Google

«Другу выкидывай подзоло́ченую,
«Третью выкидай испово́лжануюю.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны во бѣлы́и руки,
Матушку камочку узо́рчатую,
И самъ беретъ гуселка яро́вчатый,
И самъ и́детъ по сходенки золо́ченый,
Матушка идѣтъ по серебряны́й,
Вся его дружина по испово́лжаны́й;
Приходятъ оны ко Влади́міру на двѣръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведѣтъ по учёному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на сто́роны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узо́рчатую
Молодой княгини Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлы́и руки,
А взимаетъ княгиня дивуется:
Да не до́рога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскіи.
Сталъ его Владиміръ выспра́шивати
Сталъ его Владиміръ вывѣдывати:
— Ты скажись, молодецъ, съ коёй земли,
— Какъ молодца именѣмъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анапестическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что̀ г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась, вѣроятно, и былина о дѣтствѣ Ильи

Digitized by Google

Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былину, Щеголёнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и переставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга онъ ростѣть матерѣть,
Похотѣлось Вольги-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во синихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ оболоки,
Волкомъ и рыскать во чистыхъ поляхъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубокія моря,
Улетали всѣ птички за оболокй,
Убѣгали-то всѣ звѣри за темны лѣса.
Сталъ Вольга онъ ростѣть матерѣть .
И сбиралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чистомъ поли съѣзжалоси
Три сильніихъ могучіихъ богатыря
По имени первой Колыванъ богатырь,
Другой Муромлянъ богатырь,
Третій Самсонъ богатырь.
Про между собою рѣчи говорили,
Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
Говоритъ Самсонъ богатырь:
«Кабы былъ столбъ въ земли,

Digitized by Google

«Кабы было кольцо въ столбу̀
«Я бы землю всю во кру̀гъ повернýлъ».
Говоритъ Муромля̀нъ бога́тырь;
«Я бы такожде по́вернýлъ».
Го́воритъ Колыва̀нъ бога́тырь:
«Я такожде мо̀гъ повернýть».
Господь Всевышнія творѐцъ
За ихнее похвале́ніе
Далъ имъ привиде́ніе:
Куда у ихъ было на́рчено въ путь е́хать,
Лежитъ на дороги сумка̀,
Въ таковои сумке́ сложенъ весь земны́я гру̀зъ.
Выскакиватъ со своего со до́браго коня̀
Самсо̀нъ бога́тырь,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
Сумка съ ме́ста не ворохне́тся̀.
Выходитъ Муромля́нъ бога́тырь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову̀ю сумку̀,
По колѣнамъ въ зе́млю усѣ́лъ,
Сумка съ ме́ста не ворохне́тся̀.
Выходитъ Колыванъ бога́тырь
Со своего со до́браго коня̀,
Хватаетъ такову́ю су́мку̀
По грудямъ въ зе́млю сѣ́лъ,
Сумка съ ме́ста не ворохне́тся̀.
Съ небесъ имъ гласъ прогласи́ло:
«Сильніи могучіи бога́тырѝ!
Отстаньте прочь отъ таковы́я сумкѝ,
Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ.
Впредки не похваля́йтѐсь
Всёю землёю владе́тѝ,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздите по Русѝ,
Дѣлайте защи́ту̀,
Сохраняйте Ру́сею отъ не́пріятеля̀,
А хвастать по пустому вного не зна́йтѐ».

Алексѣй Висаріоновъ.

Digitized by Google

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кіевскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ сказать, безыменныя (напримѣръ, про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и такъ далѣе). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархати,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Ёнъ де суды разсу́живалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Томкою [1])
И Ерёму Новы́мъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе,
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу,

1) Т. е. Тотьмою.

Digitized by Google

Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улицы по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей,
У кого-де пяти рублей нѣтъ
У того онъ жену́ беретъ,
У кого какъ жены́-то нѣтъ
И того самого́ беретъ.
Какъ у Щелкана не вы́робишься,
Со двора вонъ не вы́рядишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо [1]) ты, царь Возвягъ,
Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
И ты су́ды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ,
Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
И селами и помѣстьями,
Городамъ съ пригородками,
И Хому дарилъ Токмою
И Ерёму Новы́мъ-городомъ;
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимаго зятюшка,
Ме́ня Тверію городомъ,
Ме́ня Тверію славною,
Ме́ня Тверію богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ».
Говоритъ ему царь Возвягъ:
«Ты любимое зятюшко
Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
Заколи́-ко чада милаго,
Своего сына любимаго,

---

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

Digitized by Google

Ты Гордѣя Щелкановича,
Нацѣди-ко ты чашу́ руды
Токо чашу серéбряную,
Выпей ту чашу́ руды,
Стоючи́сь передъ Звягой-царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
Токо взявши Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Своего сынà любимаго,
И Гордѣя Щелкановича,
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
Токо чашу серéбряную
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Подарилъ его царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя ро́дна сестрà
Токо Марья Дудентьевна!»
— «Ты прощай же мой ро́дной братъ,
Ужо по́ роду ро̀дной-братъ,
По прозванью окаянной братъ!
И кабы̀ ти уѣхати
И назадъ не пріѣхати
Ка́бы ти самому на ножѝ остыть
И на сабли на вострые!»
И уѣхалъ Щелканушко
Еще самъ голово́й вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Digitized by Google

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейческимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII вѣка облекалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми аттрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и, такъ сказать, освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было Московскаго царства
Середи́ было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во ко́локолъ,
Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша́ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ро́вно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорила наша́ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы князья-бояра
«Пособите государю дума думать,

Digitized by Google

«Дума думать государю, не продумать,
«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачаласе,
А й красное лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А й красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А й малая птица пѣвица.
Садилась въ зелену̀ садочку.
А на тое на дерево калино,
Ай начала пѣти жупѣ́ти,
Всякими она-те ясака́ми.
А й услыхали русьскія птичи,
Собиралися стады̀ оны стадами,
Прилетали къ зелену садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ одну сторону до головами,
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати!
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утай ее:
«Кто у васъ за моремъ бо́льшій,
«Кто за Дунаечкимъ ме́ньшій?» и т. д.

Иванъ Фепоновъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или казацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ числѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лирическимъ

Digitized by Google

пѣснямъ; это — единственныя былины, которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ сбирались казаки | — на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски | — запорожскіи,
Запорожски казаки | — и все были яицкіи,
Ахъ атаманъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ.
Ой изъ тихаго Дону Ермакъ | — былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Оста | — фей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки | — на легки стружки,
Ай на легки стружки | — сѣли на мелки павозки
Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было го|роди во Вастракани
Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
Баско щепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ офице|рушкамъ не кланяется,
Востраканскому губерна|тору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ таченыи,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ,
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ
И какъ персидской кушачекъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца, губернаторъ скрычалъ:
Вы сходите приведи|те удалаго молодца.
Еще сталъ то губерна|торъ его спрашивати:
«А ты скажись, скажись ко дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль казачей сынъ,
«Аль ты съ нашего крѣпкато го|рода изъ Вастракани?»
Какъ проговоритъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ;
«Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
«Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Вастракани
«Я со Камы то со рѣки | Сеньки Разина сынъ.
«Посулился мой-то ба|тюшка завтра въ гости къ вамъ быть,
«Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
«Вы кормить его поить | и честно жаловати».

Digitized by Google

Или наконецъ:

Ой ростужится расплачется | нашъ Прусскòй — нашъ Прусскòй, — нашъ Прусскòй король,
А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
«Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала — достава — ласе?
«Доставаласе да достава|ласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
А какъ другому же генера|лушку Краснощо — Краснощо — кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсенъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дактилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ «природное языка нашего свойство», то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно, знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и

Digitized by Google

то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» риѳмамъ, то есть дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха—этого, конечно, онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собираніе. Надѣюсь, что меня не обвинятъ въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Фепоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
А й молодой Добрыня во чистомъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
А Самсонъ да Илья у синя моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался, или что Фепоновъ ошибся, я заставилъ его потому разъ пять повторить эти самые стихи; но анъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрилъ меня при этомъ, что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя

Digitized by Google

Святополка страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣетъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе, какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку Великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судитъ о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

Digitized by Google

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢНЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжій. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ пѣть былины, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуетъ то, что кромѣ былинъ, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ сказокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика нищаго гдѣ-то около Толвуи или

Digitized by Google

Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ея лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV №№ 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лукинымъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ пословеснаго пересказа стиховъ.

1.

СВЯТОГОРЪ [1]).

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдныи,
Что ль во весь же міръ онъ дивныи,
Во весь же міръ былъ дивныи.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь [2]) богáтыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богáтырю
На тыи было горы на высокіи.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

---

1) По словамъ пѣвца, это есть окончаніе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

2) Нунь, нуньчу, нунечу — вмѣсто нынь, ныньче.

Digitized by Google

А на тыи было горушки высокіи
Къ тому же Святогору да богáтырю,
Пріѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А й поклонъ ведетъ да понизёхонько:
«Здравствуешь богáтырище порныи[1])
«Порныи богáтырь ты да дивныи!»
— Ты откуда, добрый молодецъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города нунь Муромля
«А села да Карачаева,
«Я старыи казакъ да Илья Муромецъ.
«Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богáтыря:
«Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
«Къ намъ богáтырямъ да онъ не явится».
Отвѣчаетъ богáтырь было порныи:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
— Не носитъ меня мать сыра земля,
— Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
— Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
— Да по щéлейкамъ[2]) по толстыимъ.
— А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щéлейкамъ,
— А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ.
Ѣздили оны было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ оны да по Святымъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное,
Находили площаницу[3]) да огромную.
Говоритъ богáтырь Ильи Муромцу:

---

1) Т. е. крѣпкій.
2) Щелья — скала.
3) Площаница — гробъ.

Digitized by Google

— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ка въ площаницу да въ огромную:
— Поглядимъ-ка площаницы мы огромною,
— Что она тебѣ поладится-ль? —
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да изъ добра коня
А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромныи, —
А этотъ гробъ-то Ильи Муромцу да дологъ есть.
Опускается богáтырь Святогорскiи
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную, —
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ:
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты повыздынь съ площаницы да огромныи. —
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю, —
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богáтыря
А съ того гробá глубокаго.
Говоритъ же тутъ богáтырь Святогорскiи:
— Ты сломай-ко эти щелья да высокiи
— А повыздынь-ко съ гробá меня глубокаго. —
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокiи, —
Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще великiи,
Черезъ тую площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дрýгой разъ, —
Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богáтырь Святогорскiи:
— Видно тутъ же есть богáтырь да кончается!
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,

Digitized by Google

— А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
— Къ древному да батюшку,
— Къ древному да темному,
— Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
— Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица. —
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту гору на Палавóнскую
А къ тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту на гору Палавóнскую
Къ древному да къ темному:
«Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
«Древныи ты темныи!
«Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
«Отъ твоего сынà любимаго
«Отъ того же Святогора я богáтыря:
«Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
«Какъ легъ же въ площаницу онъ въ огромную
«Да во тотъ было во гробъ во каменной,
«Я оттуль не могъ его повыздынуть».
Разсердился тутъ старикъ да было темныи,
Темныи старикъ да было древніи:
— Знать убилъ же Святогора ты богáтыря,
— Пріѣжаешь нунь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
— Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.—
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богáтырскую
Да помáхне во богатыря,
А й богáтырь тутъ увéрнется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богáтырю
Да и сыну да любезному.

Digitized by Google

Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончáется.

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ 24 іюля.

2.

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА [1]).

Во славномъ во Новѝ градѝ
Находится купецъ да богáтый,
Былъ работникъ Сáткъ новгорóдскій.
Отправлялись купци новгорóдскій
Торговать за сѝне морѐ
. . . . . [2])
Торговали за синимъ за славнымъ морюшкòмъ.
Отправляются они во славный во Новгорòдъ,
Выѣзжали они срéди морѝ.
Становились корабли нóвгородскій,
Стояли на мори трóи суткѝ,
Не куда оны не подаваютсѝ.
Говорятъ купци новгородскій:
«Требуе изъ насъ Водянóи цàрь
«Каку ни съ нáсъ онъ пошлинý».
Отвѣцае водá имъ матушкà:
— Проситъ человѣка Водянóи цàрь. —
Выбирали купци нóвгородскій

---

1) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя ударéніями въ концѣ стиха, при чемъ ударéніе на послѣднемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

2) Калининъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы поѣхали.

Digitized by Google

Изъ артели человѣка въ синѐ морѐ.
Пожелалъ съ артели Сатóкъ работничòкъ,
Рядилъ много злата серебрà
И мелкихъ съ и́хъ же жемчугòвъ:
Буде буду я на святую Рýсь,
Должны отдать купци новгородскій.
Отпускали Сатка работничкà
Во славно во синѐ морѐ
На двухъ дощечкахъ дубóвыихъ.
Отправлялся Сатóкъ работничòкъ
За большое у нихъ было зóлото.
Спустился Сатóкъ работничòкъ
Во славно во синѐ морѐ.
Приходитъ къ си́лы къ отпадшій,
Къ тому къ царю́ къ невѣрному̀,
Къ тому приходитъ къ двору́ къ царевому̀.
На трехъ столбахъ у двора́ цареваго̀
Положено по голови́ человѣческòй.
Говоритъ Сатóкъ работничòкъ:
«Ляже видно моя́ головушкà
«У того царя́ невѣрнаго̀,
«У той же силы отпáдшію».
Приходитъ Сатóкъ работничòкъ,
Приходитъ же óнъ въ царскій дòмъ
И на то онъ суди́лищò:
Остужается цáрь невѣрный
Со своей молодóй женòй,
И спрашиватъ Саткá работничкà:
— Что Сатóкъ работничòкъ?» —
«Отъ тѣхъ купцовъ новгоро́дскіихъ
«Посланъ Сатóкъ работничòкъ.
«Объ чёмъ ты, царь невѣрный,
«Требуешь человѣка ты́ съ Русѝ?»
— И зову я къ себѣ на суди́лищò, —

Digitized by Google

— Спорилъ со своей молодóй женóй:
— Что на Россіи у насъ нуньчу дѣется:
— Дороже булатъ-желѣзо краснагó видь золота?
Отвѣчаетъ Сатóкъ работничòкъ:
«У насъ на Россіи нунь дiется, —
«Подороже булатъ-желѣзо краснагó видь золотà».
Скочилъ же цáрь невѣрный,
Тяпне въ руки сáблю вострую,
Отсѣкъ царици буйну голову[1]).
Отвѣчаетъ Сатку́ работничку́:
— Ай Сатóкъ работничòкъ!
— Не угодно ли служить царю невѣрному́? —
«Отъ васъ, царь, не отнимаюсѝ,
«Только хотѣлось бы на бѣлый свѣтъ».
— Женись-ко Сатóкъ работничòкъ,
— Награжу тебя Сатóкъ имѣніемъ. —
Не отнимался Сатóкъ работничòкъ
Отъ того царя невѣрнаго.
Приводитъ ёнъ ему три дѣвушкѝ:
Двѣ дѣвушки бѣленькѝхъ,
Третья дѣвушка чернàя,
Черна дѣвчонька чиганочкà.
Ступае дúвчонька нá ногу́
Тому Сатку работничку́, —
Догадался Сатóкъ работничòкъ,
Отвѣчаетъ царю невѣрному́:
«Возьму я дѣвушку чéрную».
Отвелъ же невѣрный цáрь
Ему дѣвушку чéрную.
Ложился Сатокъ работничòкъ
И спать онъ съ дѣвушкой чéрною.

---

1) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водянаго, увѣряла, будто на Руси золото дороже желѣза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человѣка съ Руси.

Digitized by Google

Говоритъ ему дѣвушка чёрная,
Черна дивчонька чиганочка:
— Не вались, Сатокъ работничокъ,
— Близехонько ко мни къ дѣвушкѣ,
— Накинь свои ручки Сатковый,
— Накинь конецъ перстиковъ. —
Накинулъ Сатокъ работничокъ,
Накинулъ онъ конецъ перстичковъ, —
И тутъ Сатокъ работничокъ
Объявился въ тую ночь въ Новѣ градѣ
И лежитъ покрай матушки Волховы,
Одни ручки въ водыі его.
Пріѣзжаютъ купци новгородскій
Изъ-за славнаго синя моря:
Получилъ съ ихъ злато и серебро,
Получилъ съ ихъ и мелкіи жемчугй.
Вознесся Сатокъ работничокъ
Вознесся е славою,
Прописалъ себя въ купцй богатый.
Кажется Сатку богатому,
Не во снѣ ему кажется,
На яву ему видится:
— Вяжи-тко ты шелковъ неводъ,
— Лови-тко ты въ матушки Волховѣ
— Что попадетъ тебѣ въ неводкѣ:
— Сострой амбарыі великій,
— Въ амбарь вали безпощадно грязь. —
Попадае мусоръ и чёврой[1]) тутъ,
Попадае листья и дубья колодинкѣ.
Валилъ въ амбарыі великій
И всяку неподольну грязь.
Вси новгородчана смѣялисѣ

1) Чеврой — рѣчной песокъ.

Digitized by Google

Надъ тымъ Саткомъ работничкомъ:
— Вознесся Сатокъ работничокъ,
— Прописалъ себя въ купе́чество
— И залогу вели́каго,
— А нунь ловитъ мусоръ и чеврой тутъ
— И всяку неподо́льну грязь,
— И валитъ въ амбары́ вели́кіи! —
На яву у Сатка причуди́лося,
Все золото и серебро въ амбарѣ объяви́лося.
Произвелъ Сатко́ купецъ бога́тый
И все на денежный счетъ же вдругъ, —
И не узналъ свою казну безсмѣ́тную.
Повыхвасталъ Сатко́ богатый,
Повыхвасталъ съ купцами новгоро́дскима:
«Ай же вы купци новгоро́дскіи,
«Ай же вы купци издревле здѝ!
«Я повыкуплю у васъ запасы всѣ хлѣ́бный,
«Повыкуплю товары вси кра́сный
«И на свое было имѣ́ніе
«И на свою злату казну́!»
И вси купци новгоро́дскіи
Вси купци заду́малися:
— Неужто не можетъ поставить на Сатка купца бога́таго
— Хлѣбовъ запасныихъ и товаровъ намъ красныихъ,
— Чтобы не выкупить Сатку́ куцу́ богатому́
— Нашего иму́щества́? —
Не смѣли бить о вели́къ залогъ,
Не смѣли на оди́нъ же разъ,
А били съ Саткомъ они на́ три разъ, —
Били купци о своихъ главахъ,
И Сатокъ купецъ богатый
Билъ о своей буйной го́ловы́.
Сталъ купить запасы онъ хлѣбный
И товары вси красный,

Digitized by Google

Очистилъ вси лавки у купцовъ нóвгородскіихъ.
Нечего купить Сатку богатому
У тыхъ купцовъ нóвгородскіихъ,
Повыкупилъ съ лабазовъ запасы всѣ хлѣбный,
Съ лавокъ товары вси красный.
Наставляли купци было въ дрýгой рàзъ
Про того Сатка купца богатагò,
Сталъ купить Сатокъ въ другой рàзъ
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары все красный,
Повыкупилъ на свое большое имѣніѐ
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары всѣ красный,
Не осталось запасовъ тутъ хлѣбныихъ,
Не осталось товаровъ тутъ красныихъ.
Сами купци новгородскій
Сами купци призадумалúсь,
Сами купци пріужахнулúсь:
— Набъ[1]) намъ поставить буйны головы,
— Не заправимъ запасовъ мы хлѣбныихъ,
— Не заправимъ товаровъ мы красныихъ,
— Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
Писали купцамъ греческúмъ,
Писали купцамъ заморскіймъ:
Пособили бы наставить запасы же хлѣбный,
Пособили бы наставить товары все красный.
Наставили купци заморскій,
Заморскіи купци что ли греческй,
Наставили запасы тутъ хлѣбный,
Наставили товары тутъ красный
Въ пóмочь купцамъ нóвгородскіймъ
Сталъ купить Сатокъ купецъ богатый

1) Набъ — надобно.

Digitized by Google

Въ томъ своёмъ въ Нови́ гради́,
Повыкупилъ Сатокъ онъ же тре́тью часть:
Не хватае у Сатка больше золота
Купить тутъ запасовъ да хлѣ́бныихъ,
Да товаровъ да красныихъ.
За свое за бахвальство за ложноѐ,
За свое пустое за хвастаньѐ
Отсѣ́чь набъ Сатку буйна го́лова́,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбѣ́жалъ Сатокъ купецъ богатыи
Отъ тыхъ купцёвъ новгородскіихъ,
Сбѣ́жалъ изъ думы изъ кре́пкіи
Къ тому Вольги́ Всеславьеву́:
«Молодой Вольга́ Всеславьевичъ,
«Сбереги́ меня Сатка купца богатаго́
«Отъ тою смерти напра́сною
«За своё за ложноё хвастаньѐ!»
Одѣ́вался Вольга́ Всеславьевичъ
И въ латы богатырскіи,
Беретъ орудію богатырскую,
Ставился Вольга́ Всеславьевичъ,
Ставился на матушку на Во́лхово́,
Ставился на ши́рокъ мостъ,
Казнилъ онъ народъ безщадно безпошлинно,
Рылъ[1]) народъ во матушку во Во́лхово́
И всихъ купцёвъ новгородскіихъ;
Бѣ́жали купци́ новгородскіи,
Тыи мужики новгородчане́
Къ тому было отцу его крестному
Къ тому Вольги Всеславьева:
— Упроси-тко ты Вольгу́ Всеславьева.
— За того Сатка купца богатаго

1) Рыть — сбрасывать.

Digitized by Google

— Казнитъ народъ безданно безпошлинно. —
Одѣвается отецъ его крестный,
Кладывае колоко́лъ себя на́ главу̀
Кладывае колоко́лъ же мѣдный,
Мѣдныи колоко́лъ еще сорокъ пудъ.
Идетъ къ крестовому дитятку̀
Къ тому Вольги Всеславьеву̀:
«Ай крестовое мое ты дитятко̀,
«Ай Вольга̀ Всеславьевѝчъ!
«Не казни жъ народъ безданно безпошлинно
«За того купца ты невѣрнаго,
«Не за вѣрнаго купца богатаго,
«За богатаго Сатка новгородскаго!»
Упирается отца онъ крестнаго,
А ударилъ отца онъ крестнаго
Своимъ копьемъ бурзамецкіимъ
Во его буйную голову,
Въ тотъ колоко́лъ было мѣдныи,
И молодой Вольга́ Всеславьевѝчъ.
И лопнулъ колоко́лъ было мѣдныи
На главы у того отца крестоваго.
Убилъ отца онъ крестоваго.
Тутъ самъ Вольга́ ужахну́лся вдру̀гъ,
Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
Приходитъ къ родители къ матери,
Самъ Вольга и хвастаетъ:
— Ай родитель моя матушка!
— Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
— Убилъ своего отца было крестнаго. —
Говоритъ родитель ему матушка
Тому Вольги Всеславьеву:
«Молодой Вольга Всеславьевичъ!
«Не потерпитъ тебя небесной царь,
«Что убилъ отца ты крестнаго,

Digitized by Google

«За ту напрасну смерть».
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Справляется къ дружины хороброю,
Набралъ дружины хороброю
Набралъ сорокъ стрѣльцёвъ молодыхъ молодцёвъ,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Отправляется съ дружиной хороброю,
Отправляется Вольга́ Всеславьевичъ,
Отправлялся въ дальню сторону.
Пріѣзжае Вольга́ Всеславьевичъ,
Пріѣзжае къ Викулы Селягину.
Паше Викула Селягинъ сынъ
Въ томъ въ чисто́мъ поли,
Борозды гоняе предолгій,
Сошка его поскрипливатъ,
Солова́ кобылка его поступливатъ,
Камешки вонъ вывертыватъ,
Де́ренъ Викула внизъ повертыватъ.
Пріѣзжаетъ Вольга́ Всеславьевичъ
Къ Викулы Селягину:
— Богъ помочь, ратарь великій,
— Во чистомъ поли попа́хивать!
— Какъ тя зовутъ, ратарь вели́кій,
— По имени нарекаютъ по отечеству?—
Отвѣчаетъ тутъ ратарь великій,
Называется Викулушкой,
По изотчинѣ звеличается Селягинъ сынъ.
— Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
— А нашолъ тебя въ чистомъ поли
И спрашиватъ Викула Селягинъ сынъ:
«Откуда удалой добрый молодецъ?»
— Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣстъ,
— По прозваньицу Вольга́ Всеславьевичъ. —
«И вы есть Вольга Всеславьевичъ?

Digitized by Google

«Куда вы отправились?»
— Отправился къ Викулы Селягинў,
— Искать Викулы Селягинà,
— Что поренъ Викула Селягинъ сы̀нъ. —
И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
«Вели́ка сила у Викулы Селягинà,
«Какъ ратаремъ живу во чисто́мъ полѝ».
— Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
— Поѣдемъ съ нами въ Курчевецъ,
— Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ. —
Отвѣчае Викула Селягинъ сы̀нъ:
«Я недавно былъ братцы во Курчевцѝ,
«Привезъ два мѣха соли пребо́льшіихъ,
«Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пу̀дъ».
Зоветъ его Вольга́ Всеславьевичъ
Съ собою ѣхать въ Курчевецъ,
Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
Выпрягалъ кобылку онъ со́лову̀,
Клалъ сошку на ноженку̀,
Липнулъ[1]) сошку далёко въ край.
Садился на кобылку на со́лову̀,
Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
Пошла Викулина кобылка тутъ со́лова̀,
Пошла во цѣлый шахъ, —
Молодой Вольга́ Всеславьевѝчъ
Со своей дружиной хороброю
Одва гонятся во всю же рысь.
Испрого́воритъ Вольга Всеславьевичъ
— Ай Викула Селягинъ сынъ!
— Эта бы кобыла конемъ была̀,
— Стои́ла бы кобыла пятьсотъ рублёвъ. —

1) Т. е. кинулъ.

Digitized by Google

Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Не возьму за кобылу цѣлой тысящи».
Поѣхали въ путь дороженку,
Не доѣхали до города Орѣхова,
Попадае имъ камень огромный,
На камешки подпись великая:
Скакать черезъ этотъ же камешокъ
Тому же богатырю
Тому Вольги Всеславьеву,
Дружинушки его въ поперёгъ камня,
Ему Вольги вдоль камешка, —
Не скочитъ Вольга Всеславьевичъ,
Тутъ будетъ Вольги скора смерть.
Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперёгъ сёго каменя;
Направляется Вольга Всеславьевичъ
Скочить сёго вдоль каменя.
Скочилъ Вольга Всеславьевичъ
Черезъ всю длину сёго каменя,
Задѣвае конь подковамы
За длинныи за камешокъ.
Застрадалъ Вольга Всеславьевичъ,
Не доѣхалъ Вольга до Орѣховца,
Скончался на той пути дороженкѣ
И тотъ же Вольга Всеславьевичъ.
Доставала дружина хоробрая
Доставала Вольгу Всеславьева
Въ свое же мѣсто великое[1]).
Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

Digitized by Google

3.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
Изъ того ли нунь села да Карачаева,
А Илья да сынъ Ивановичъ
Проситъ у родителя прощеньица,
Онъ прощенья проситъ съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову,
Отъ Чернигова-то ѣхать нунь ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Далъ отецъ прощенье съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову.
Онъ садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ же въ руки онъ да ту́гой лукъ,
А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
А отъ города отъ Муромля
А до города Чернигова.
Перевелъ станы́ больши́ разбойнички,
Онъ очистилъ тутъ дороженки.
Подъѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
Гди стоитъ тутъ войско бусурманьское
А й подъ городомъ Черниговымъ, —
Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
Что ли князю да черниговску.
Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
Онъ прибилъ же тое войско всё буса́рское *(такъ)*,
Всихъ татаръ да всихъ поганыихъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
Збавилъ князя да черниговска
Отъ татаръ было поганыихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
Князь черниговскій зраду́ется:

Digitized by Google

«Ты откуда, добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нарекаютъ по отечеству?»
— Я есть города отъ Муромля
— Да села есть Карачаевска,
— Да Илья же сынъ Ивановичъ. —
Принялъ его князь черниговскій
Во великое себѣ-ка-ва гостéбищо,
Онъ дарилъ ему да чéстныи подарочки,
Подарилъ тутъ е орудію да богатырскую,
Подарилъ копьё да ему вострое,
Да пожертвовалъ ёнъ саблю ему вострую.
Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
А прямой дорожкой не окольною,
А гди Сóловей да сынъ Рахматовичъ
А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Бьетъ онъ свистомъ соловьиныимъ,
Покрыкомъ своимъ звѣриныимъ.
Тутъ есть стáны да разбойнички
Да артели тутъ великіи
На прямой дорожки не окольныи.
Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова до Кіева,
Перевелъ же стáны вси разбойнички,
Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
Подъѣзжае подъ гнѣздо да Соловьиное
Того Сóловья Рахматова.
Засвисталъ же Сóловей Рахматовичъ,
Засвисталъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному;
У Ильи сынà Иванова
Добрый конь его да подтыкается,

Digitized by Google

Спáдатъ со рѣзвы́ихъ ногъ,
Падатъ онъ же на колѣ́ночка.
Говоритъ Илья Ивановичъ:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣ́жья выть!
— Что же ты да ноньче подтыкаешься!
— Что ль ты не бывалъ да во темно́мъ лѣ́су,
— Не слыхалъ ты соловьинаго да по́свисту,
— Не слыхалъ ли ты звѣ́ринаго да по́крыку?
— Ты ставай-ко на рѣ́звы ноги,
— Ты вези-ко подъ гнѣ́здо да Соловьиное
— Подъ того же было Со́ловья Рахматова! —
Подъѣ́зжае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ того же Со́ловья Рахматова
Подъ гнѣ́здо да соловьиноё.
Какъ подъѣ́халъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ гнѣ́здо да Соловьиное,
Онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ тутъ стрѣ́лочку кале́ную,
Стрѣ́лилъ стрѣ́лочку во Со́ловья
Во того да во Рахматова
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрѣ́лочка
А во Со́ловья Рахматова
И свалила тая стрѣ́лочка
Оттуль Со́ловья Рахматова
А Рахматова разбойничка, —
Повалился будто сѣ́нная-та ку́чищо.
А до смерти не убило ли,
Только Со́ловья разило ли.
А Илья да сынъ Ивановичъ
Бралъ же Со́ловья Рахматова,
Бралъ Илья да за желты́ кудри,
Вязалъ Со́ловья Рахматова

Digitized by Google

Онъ ко лѣвою ко стремены.
Тутъ садился на добра коня,
По́везъ Со́ловья Рахматова
А й ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиныи,
Гдѣ живетъ же тамъ жена е Соловьиная
Со своима тамъ же дѣткамы.
А глядятъ же его дѣтушки
Того Со́ловья Рахматова
Во косевчато окошечко,
Говорятъ же тыи дѣтушки:
«Ахъ ты матушка, ты матушка!
«Батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ».
Была дочь да одноглазая,
А глядитъ она въ окошечко,
А сама она да испрого́воритъ:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумны наши дѣтушки!
— А не батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ-тотъ ѣде, везе батюшка. —
Говоритъ же Соловьина молода жена:
«Вы бѣжите-тко на ши́рокъ дворъ,
Тамъ здымайте подворотенку
Подворотенку да вы серебряну,
А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
Во своихъ было воротахъ ли.
Увидалъ же тутъ да Со́ловей Рахматовичъ
Подворотенку здымаючи:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумныи вы дѣтушки!
— Вы зачимъ же нунь здымаете
— Подворотенку серебряну?
— Что ли у́бьете вы подворотенкой,

Digitized by Google

— Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
— Вы зовите-тко въ гостёбищо,
— Вы дарите-тко подарочки,
— Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка. —
Звали во великое гостёбищо
Да Илью сына̀ Иванова,
Выносили ёму честныи подарочки.
Не бралъ честныихъ подарочковъ,
Не оставилъ имъ же Со́ловья Рахматова,
Везъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Тутъ же онъ пріѣхалъ да на ши́рокъ дворъ
Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго
У того кольца да золоченаго,
Зашолъ же во полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой въ особину:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною!»
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты откудова, удалый доброй молодецъ,
— А коёй земли коёй орды,
— Какъ тя именёмъ зовутъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города отъ Муромля
«А села да Карачаева,
«А Илья да сынъ Ивановичъ».
— А отъ города отъ Муромля

Digitized by Google

— Отъ села да Карачаева
— Вы куда-ка нуньчу ѣхали? —
Отвѣчае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А прямой дорожкой неокольною».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ:
— Тутъ великіи артели да разбойниковъ
— На прямой дорожки неокольною. —
«Вси разбойнички убитыи,
«Вси дороженьки очищены».
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Подъ Черниговомъ да сто́итъ войско бусурманское,
— Всё поганыи татарова,
— А стои́тъ татаръ да много тысящей,
— Заперъ да Черниговъ градъ,
— Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
Говоритъ же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«А убито тое войско бусурманское,
«Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,
«Что ль избавленъ еще князь черниговской
«А отъ тыхъ поганыихъ татаровей».
— Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
«Ѣхали да отъ Чернигова
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А й прямой дорожкой неокольною,
«Гди живетъ тутъ Со́ловей Рахматовичъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?
— Тутъ великіи артели е разбойниковъ. —
«А разбойнички убитыи,
«Что ли ста́ночки посо́жганы».
— Тутъ же Со́ловей Рахматовичъ

Digitized by Google

— Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
— Не стрѣльбой пальбой онъ бьетъ да человѣческой,
— Бьетъ же по́свистомъ да соловьиныимъ,
— Бьетъ же по́крыкомъ звѣриныимъ. —
«Со́ловей Рахматовичъ
«На твоемъ да широко́мъ двори
«У моей было у лѣвои у стремены,
«Онъ приве́зенъ нунь во Кіевъ градъ».
Князь да со княгиною
А скорешенько бѣжали да на ши́рокъ дворъ
Посмотрѣть да было Со́ловья Рахматова.
Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
Къ тому Со́ловью Рахматову
А й къ Рахматову разбойнику:
— Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
— Засвищи по соловьиному,
— Закрычи-тко по звѣриному! —
Отвѣчае имъ же Со́ловей:
«Не у васъ я хлѣба кушаю,
«А не васъ я хо́чу слушати».
А й выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
— За́ставь Со́ловья да за́свистать,
— Засвистать по соловьиному,
— Закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья Ивановичъ:
«Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
«Засвищи-ко ты полу́-свистомъ,
«Закрычи-ко нунь полу́-крыкомъ!»
Со́ловей Рахматовичъ
А Рахматовичъ разбойничекъ,
Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
Закрычалъ-то онъ во весь тутъ крыкъ.

Digitized by Google

Князь да со княгиною
Пали оны, о́мерли.
Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
Какъ подскочитъ онъ ко Со́ловью,
Къ Со́ловью Рахматову
А къ Рахматову разбойнику,
Какъ отде́рнетъ да отъ стремены,
Какъ ударитъ о кирпиченъ мостъ, —
Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицамы,
На четыре части голова тутъ лопнула;
А рострясъ князя̀ съ княгиною
Что ли солнышка Владиміра
А и князя стольнё-кіевска.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ;
— Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
— Нареку тебѣ я имя да по новому:
— Быдь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— А живи-тко ты у насъ во Кіеви,
— А отнынѣ ты живи вѣкъ по́ вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганыи,
Чтоль Идолищо вели́кое,
Набралъ силы онъ татарскіи,
Набралъ силы много тысящей,
Онъ поѣхалъ нунь татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,

Digitized by Google

А великое да страшное,
А й ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставитъ силушку вкругъ Кіева,
Ставитъ силушку на много вёрстъ,
Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарина да онъ было поганаго,
Что ль Идолища да онъ было великаго.
Не случилоси да у Владиміра
Дома русьскіихъ могучіихъ богáтырей:
Уѣхали богатыри въ чистó поле,
Во чистó поле уѣхали поляковать:
А й ни стараго казáка Ильи Муромца,
А й ни мóлода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было Пóтыка Иванова.
Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
Хоть бы смѣлыи Алешка — не удалыи.
А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
А протúвъ было поганаго татарина
А протúвъ того Идолища великаго.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарину да кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было палаты бѣлокаменны.
Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаетъ.
Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле

Digitized by Google

А подъ тую было силу подъ татарскую.
Попадаетъ ему старецъ перегримищо,
Перегримищо да тутъ могучіи Иванищо;
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ты Иванищо да е могучіи!
«Не очистишь что же нуньчу града Кіева,
«Ты не у́бьешь нунь поганыихъ татаровей?»
Говорилъ ему Иванищо могучее:
— Тамъ та́таринъ е вели́кіи,
— А великіи Идолищо да страшныи,
— Онъ по́ кулю да хлѣба къ выти ѣстъ,
— По ведру вина да онъ на разъ-то пьетъ,
— Такъ не смію я итти туды къ татарину. —
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Иванищо могучее!
«Дай-ко мнѣ-ка платьицевъ нунь старческихъ
«Да лаптёвъ же мнѣ-ка нуньчу старческихъ,
«Своей шляпы нунь же мнѣ-ка-ва да старческой,
«Да й клюки же мнѣ-ка сорока пудовъ,—
«Не узналъ бы нунь татаринъ да поганыи,
«Что меня же нунь каза́ка Ильи Муромца,
«А Ильи сына́ Иванова».
— А не далъ бы я ти платьицевъ да старческихъ,
— А не смію не́ дать платьицевъ тутъ старческихъ:
— Съ чести ти не дать, такъ во́зьмешь не́ съ чести,
— Не съ чести возьме́шь, ужь мнѣ-ка бокъ набьешь!
Отдавае ему платьица-ты старчески,
Лапти тутъ давае онъ же старчески,
Шляпу онъ давае тутъ же старческу,
А клюху-ту онъ давае сорока пудовъ.
Принимаетъ тутъ же платья богатырскіи
А садился на коня да богатырскаго,

Digitized by Google

Онъ поѣхалъ Ильей Муромцомъ.
А идетъ тутъ Илья Муромецъ,
Что идетъ же къ солнышку Владиміру,
Что идетъ Иванищо могучее
Въ платьяхъ тутъ же старческихъ,
Онъ идетъ мимо̀ палаты бѣлокаменны
Мимо ты косевчаты окошечка,
Гди сидитъ было Идолищо поганое,
Гди татаринъ да невѣрныи.
А взглянулъ было татаринъ во окошечко,
Самъ татаринъ испрого́воритъ,
Говоритъ же тутъ татаринъ да поганыи:
— А по платьицамъ да иде старчищо,
— По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —
Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А въ тыи въ полаты бѣлокаменны
И во тыхъ было во платьяхъ да во старческихъ
Того старца перегримища,
Перегримища да тутъ Иванища.
Говоритъ же тутъ Идолищо поганое:
— Ай же старчищо да перегримищо!
— А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ? —
Отвѣчае ему старецъ перегримищо:
«Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть».
— А по многу ли вашъ ѣсть да Илья Муромецъ?
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Не по многу ѣстъ казакъ да Илья Муромецъ:
«По три калачика крупивчатыхъ».
— Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьетъ? —
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Онъ одинъ же пьетъ да нунь стаканецъ ли».
Отвѣчаетъ тутъ Идолищо поганое:
— Это что же есть да нуньчу за бога́тырь ли!

Digitized by Google

— Какъ нашіи татарскіи бога́тыри
— По кулю да хлѣба къ выти кушаютъ,
— На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли. —
Отвѣчаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Какъ у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго
«Какъ бывала тутъ коровища обжорища,
«По ку́бочѣ[1]) соломы да на ра́зъ ѣла,
«По лохани да питья е да на ра́зъ пила,
«Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»
Тутъ Идолищу поганому не кажется, —
Какъ ухватитъ онъ ножищо да кинжалище
Да какъ ма́хне онъ въ каза́ка Илью Муромца
Во того было Илью Иванова.
А казакъ тотъ былъ на ножки еще по́вертокъ,
А на печку Илья Муромецъ выскакивалъ,
На́ лету онъ ножичокъ подхватывалъ,
А назадъ да къ нему носомъ поворачивалъ,
Какъ подскочитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Со своей было клюхою сорочинскою,
Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову, —
Отлетѣла голова да будто пугвица.
А какъ выскочитъ онъ да на ши́рокъ дворъ,
Взялъ же онъ клюхой было помахивать
А поганыихъ татаровей охаживать,
А прибилъ же всихъ поганыихъ татаровей,
А очистилъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
Збавилъ онъ же солнышка Владиміра
Изъ того же было полону великаго.
Тутъ же Ильѣ Муромцу да-е славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Кубоча — тукачъ или снопъ соломы.

Digitized by Google

5.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ [1]).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
Никитичу-то родненька наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты походишь нынь гулять да е во Кіевъ градъ,
«Подь ты нынь гуляй да по всимъ уличкамъ,
«И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
«Только нé ходи ко сукиной Маринушки,
«Къ той Маринушки Кайдаловной,
«А Кайдальевной да королевичной,
«Въ тую ли во частую во уличку,
«Да во тотъ ли нынь во мелкій переулочекъ.
«Сука блядь Маринка та Кайдальевна
«А Кайдальевна да королевична,
«Королевична да и волшебница,
«Она много нынь казнила да князей князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди.
«Зáйдешь ты, Добрынюшка Никитиничъ,
«Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
«Тамъ тебѣ Добрынѣ живу нé бывать!»
Отправляется Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ ходить гулять по городу по Кіеву,
Да по тымъ же нынь по частыимъ по уличкамъ,
Тутъ по мелкіимъ Добрыня переулочкамъ,
Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
А не шолъ же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.

---

1) Калининъ пѣлъ подъ-рядъ всю былину о Добрынѣ Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говорилъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдѣльную былину.

Digitized by Google

Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
А сидитъ же голубъ со голубушкой
А во той же нынь Маришки во Кайдальевны
Въ ей же онъ сидитъ голу́бъ во улички,
Сидятъ что ли голубъ со голубкою
Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки кале́ныи,
Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голуба́ съ голубушкой.
Не попала тая стрѣлочка каленая
А й во го́луба да со голубкою,
А летѣла тая стрѣлочка прямо во высо́къ теремъ,
Во то было окошечко косевчато
Къ сукѣ ко Маринушки Кайдальевной,
А й Кайдальевной да королевичной.
Тутъ скорешенько Добрыня шолъ да широки́мъ дворомъ,
Поскорѣе тутъ Добрыня по крылечику,
Вѣжливѣе же Добрыня по новы́мъ сѣнямъ,
А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
Говоритъ ему Маришка да Кайдальевна
А й Кайдальевна да каролевична:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь».
Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна!
— Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
Обернулся тутъ Добрыня съ новой горници,
И выходитъ тутъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ.
Тутъ скочила же Маринушка Кайдаловна,
Брала тутъ ножищо да кинжалищо,

Digitized by Google

А стругаетъ тутъ слѣдочки да Добрынины,
Рыла[1]) тутъ во печку во муравлену
И сама же тутъ къ слѣдочкамъ приговариватъ:
«Горите вы слѣдочки да Добрынины
«Въ тóй было во печки во муравленой,
«Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдальевной,
А й къ Кайдальевной да королевичной:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
— Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Микитичемъ. —
«Ахъ ты мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Что же надо мной да надсмѣхаешься?
«Дáвень тебя звала въ полюбовнички, —
«Ты въ меня топерь[2]) Добрыня не влюблялся ли;
«Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
Воротила тутъ она было богáтыря
Тымъ было турòмъ да златорогіимъ,
А спустила тутъ богáтыря въ чистó поле:
А пошолъ же тутъ богáтырь по чисту́ полю,
А пошолъ же онъ турóмъ да златорогіимъ.
Увидае онъ тутъ стадо да гусиноё
Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
А желанной онъ своей да было тётушки,
Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
Не оставилъ онъ гусеныша на сѝмена.
Тутъ приходя пастухи было гусиныи
А приходя пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты мóлода Авдотья да Ивановна!

1) Т. е. бросала.
2) Т. е. въ то время.

Digitized by Google

«А приходитъ къ намъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
«Не оставилъ намъ гусеныша на сѝмена».
Приходилъ же къ стаду къ лебединому,
Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
Не оставилъ онъ лебёдушки на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
А приходятъ пастухи да лебединыи,
Тыи жъ пастухи да жалобу́ творятъ:
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
«Не оставилъ онъ лебёдушки на сѝмена».
Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьеё,
Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единою,
Не оставилъ онъ овечки имъ на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи было овечьіи:
«Молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единоё,
«Не оставилъ онъ овечки намъ на сѝмена».
Шолъ же туръ да златорогіи
А во то было во стадо во скотинное,
Ко тому было ко ско́ту ко рогатому,
Притопталъ же всихъ коровъ да до единою,
Не оставилъ имъ коровушки на сѝмена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи же къ ей коровьіи,
Тыи пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ ко стаду ко скотинному
«Приходилъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,

Digitized by Google

«Не оставилъ намъ коровушки на си́мена».
Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
— А не быть же нунь турў да златорогому,
— Быть же нунь любимому племяннику,
— Мо́лоду Добрынюшки Никитичу.
— Онъ обвернутъ у Маришки у Кайдальевной
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— А повернутъ онъ туромъ да златорогіимъ. —
Находилъ же стадо онъ кониное
Тотъ же туръ да златорогіи,
Разгонялъ же всихъ коней да по чисту́ полю,
Не оставилъ имъ лошадушки на си́мена.
А й приходятъ пастухи да къ ей кониныи,
Сами пастухи да жалобу́ творятъ:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
«Приходилъ же къ намъ туръ туръ да златорогіи,
«Разгонялъ же всихъ коней да по чисту полю,
«Не оставилъ намъ лошадушки на си́мена».
Молода Авдотья да Ивановна
Повернулась тутъ она было сорокою,
А летѣла къ сукѣ ко Маринушкѣ Кайдальевной,
А садилась на окошечко косевчато.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Стала тутъ сорока выговаривать:
— Ахъ ты сука нунь Маринушка Кайдальевна,
— Ай Кайдальевна да королевична!
— А зачѣмъ же по́вернула ты Добрынюшку,
— А Добрынюшку да ты Никитича,
— Тымъ же нунь турѝмъ да златорогіимъ,
— А спустила тутъ Добрыню во чисто́ поле?
— Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
— Отъ того же нунь тура̀ да златорогаго:
— Не отворотишь ты Добрынюшки Никитича
— Отъ того же отъ тура да златорогаго, —

Digitized by Google

— Оверну тебя, Маринушка, сорокою,
— Я спущу тебя, Маришка, во чисто полё:
— Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою! —
Обвернулась тутъ Маришка да сорокою,
А летѣла тутъ сорока во чистó поле,
А садиласи къ туру да на златы рога.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Взя́ла тутъ сорока выговаривать:
«Ай же туръ да златорогіи,
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
«А принять со мной съ Маришкой по злату вѣнцу:
«Отврачу я отъ турá тя златорогаго».
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Отврати-тко отъ турà да златорогаго,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу—
Отвернула отъ турà да златорогаго
Мóлода Добрынюшку Никитича.
Приходили тутъ ко городу ко Кіеву
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
А проводитъ онъ свою да было свадебку,
Отправляется во ложни да во теплыи
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Самъ же онъ служаночкамъ наказыватъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Попрошу у васъ же чару зелена́ вина,
— Вы попрежде мни подайте саблю вострую. —
Шолъ же онъ во ложни да во теплыи;
Обвернула тутъ его да горносталушкомъ,
Взя́ла горносталина попуживать,

Digitized by Google

Взя́ла горносталина покышкивать,
Приломалъ же горносталь да свои нёкти прочь.
Обвернула тутъ она его соколикомъ,
Взя́ла тутъ соколика попуживать,
Взя́ла тутъ соколика покышкивать,
Примахалъ соко́лъ да свои крыльица.
Тутъ смолился онъ Маринушки Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной:
— Не могу летать я нунечку соколикомъ,
— Примахалъ свои я нуньчу крыльица,
— Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
Молода Маришка да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична,
Отвернула тутъ Добрыню добрымъ мо́лодцемъ;
А скрычалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи,
— Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
Поскорешенько тутъ подавали саблю вострую.
Нѣ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
Сма́хне онъ Добрыня саблей вострою
И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
А за ей было поступки неумильніи.
По утру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
Идутъ же было князи тутъ да бояра:
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Со своей да съ любимо́й семьей
«Съ той было Маринушкой Кайдальевной,
«А й Кайдальевной да королевичной!»
— А й же нунь вы князи еще бо́яра,
— Вси же вы Владиміровы дво́ряна!
— Я вечоръ же братци былъ жена́тъ нѣ хо́лостъ,
— А нынечу я сталъ братци холо́стъ нѣ жёнатъ!
— Я отсѣкъ же нунь Маринѣ буйну голову

Digitized by Google

— За ейны́ было поступки неумильніи.—
«Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что отсѣкъ же ты Маринки буйну голову
«За ейны́ поступки неумильніи!
«Много тутъ казнила да народу она русьскаго,
«Много тутъ князей она князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди!»

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
«Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
«Не выручай же по́лону тамъ русьскаго,
«Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
«Тая рѣка свирипая,
«Свирипая рѣка сама сердитая:
«Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
«Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
«Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
«Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
То́пталъ онъ тутъ малыихъ змѣенышковъ,
Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
— Матушка Добрынюшки говаривала,
— Родная Никитичу нака́зывала:

Digitized by Google

— «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
— «Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
— «Не куплись Добрыня во Пучай-рѣки,
— «Тая рѣка свирипая,
— «Свирипая рѣка да е сердитая:
— «Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
— «Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
— «Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
— «Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
— Эта матушка Пучай-рѣка
— Какъ ложинушка дождёвая. —
Не поспѣлъ тутъ же́ Добрыня словця мо́лвити, —
Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
Изъ-за другою же струйки искра сыплется,
Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Захочу я нынь Добрынюшку цѣло́ сожру,
«Захочу Добрыню въ хобота возьму,
«Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты змѣя было проклятая!
— Ты поспѣла бы Добрынюшку да за́хватить,
— Въ ты пору Добрынюшкой похвастати,
— А нуньчу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
Ны́рнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
Вынырнулъ Добрынюшка на дру́гоёмъ,
Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
Самъ же тутъ Добрыня пріужа́хнется,
Самъ Добрыня испрого́воритъ:

Digitized by Google

— Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножищо да кинжалищо,
Хоче онъ змѣю было порóспластать.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Быдь-ка ты Добрынюшка да большій братъ,
«Я теби да сёстра меньшая.
«Сдѣлаемъ мы же заповѣдъ великую:
«Тебѣ-ка-ва не ѣздить нынь на гору сорочинскую,
«Не топтать же здѣ-ка маленькихъ зміёнышковъ,
«Не выру́чать по́лону да русьскаго;
«А я теби сестра да буду меньшая, —
«Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
«А не брать же больше по́лону да русьскаго,
«Не носить же мнѣ народу христіаньскаго».
Отслабилъ онъ колѣнъ да богатырскіихъ.
Змѣя была да тутъ лукавая,
Сподъ колѣнъ да тутъ змѣя свернуласи,
Улетѣла тутъ змѣя да во кувыль-траву.
И мо́лодый Добрыня сынъ Никитиничъ
Пошолъ же онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
Къ честной вдовы Офимьѣ Олександровной.
И самъ Добрыня порасхвастался:
— Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
— Какъ нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не на комъ поѣхать нынь Добрынѣ во чисто поле! —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:

Digitized by Google

«Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
«Почестный пиръ идетъ у насъ на весели,
«А мнѣ-ка-ва Владиміру не весело.
«Одна у меня любимая племянничка,
«И молода Забава дочь Потятична;
«Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
«Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
«Ходила нынь Забава дочь Потятична
«Она съ мамкамы да съ нянькамы
«Въ зеленомъ саду гулятиться.
«Подпадала тутъ змѣя было проклятая
«Ко той матушки да ко сырой земли,
«Ухватила тутъ Забаву дочь Потятичну
«Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
«Во свои было во хобота змѣиныи,
«Унесла она въ пещерушку змѣиную».
Сидятъ же тутъ два русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
Во другіихъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Вы русьскіи могучіи богатыри,
«Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
«Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятичну
«Изъ той было пещеры изъ змѣиною?»
Испроговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ было на семъ свѣти,
— Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:
— Добрынюшка змѣи было крестовый братъ.
— Отдастъ же тутъ змѣя проклятая
— Молоду Добрынюшки Никитичу
— Безъ бою безъ драки кроволитія
— Тую же нынь Забаву дочь Потятичну. —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:

Digitized by Google

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
«Да изъ той было пещерушки змѣиною.
«Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
«Прикажу теби Добрыня голову́ рубить».
Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ же очи ясныи
А во тотъ ли во кирпиченъ мостъ;
Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ.
Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Отдаетъ ему великое почтеніё
Ему нунь за весело пированіё.
И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
И къ честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
Сама же тутъ Добрынѣ испроговоритъ:
«Что же ты рожоноё не весело,
«Буйну голову рожоноё повѣсило?
«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Али ѣствы-ты были не по́ уму?
«Али питьица-ты были не по разуму?
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
«Али пьяница ли тамъ тебя пріо́бозвалъ?
«Али чарою тебя да тамъ пріо́бнесли?»
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
А честной вдовы Офимьи Олександровной:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Ѣствы-ты же были мнѣ-ка по́ уму
— А и питьица-ты были мнѣ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріо́бнесли
— А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же
— А и пьяница меня да не пріо́бозвалъ;
— А накинулъ на насъ службу да великую

Digitized by Google

— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
— А достать было Забаву дочь Потятичну
— А изъ той было пещеры изъ змѣиною;
— А нунь нѣту у Добрыни ко́ня добраго
— А нунь нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не съ чѣмъ мни поѣхати на гору сорочинскую
— Къ той было змѣи нынь ко проклятою. —
Говорила тутъ родитель е́му матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«А рожоное моё ты нынь же дитятко,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Богу ты молись да спать ложись,
«Буде утро мудро мудренѣе буде вечера,
«День у насъ же буде тамъ прибыточёнъ.
«Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
«Ты бери коня съ конюшенки стоялыя,
«Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
«А стоитъ бурко́ пятнадцать лѣтъ,
«По колѣнъ въ наземъ же ноги призарбщены,
«Дверь по поясу въ наземъ зарбщена».
Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А ко той ли ко конюшенькѣ стоялыя,
Повыдернулъ же дверь онъ вонъ и́зъ назму,
Конь же ноги и́зъ назму да вонъ выде́ргиватъ,
А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Беретъ Добрынюшка добра́ коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводитъ изъ конюшенки стоялыи,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма.
Ложился тутъ Добрыня на вели́къ одёръ.
Ставае онъ по утрушку ранехонько,
Умывается онъ да и бѣлехонько,
Снаряжается да хорошохонько,

Digitized by Google

А сѣдлае своего да онъ добра́ коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
И садился тутъ Добрыня на добра коня.
Провожаетъ тутъ родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна;
На поѣздѣ ему плёточку нунь подала,
Подала тутъ плётку шамахинскую
А семи шелковъ да было разныихъ,
А Добрынюшкѣ она было наказыватъ:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Вотъ теби да плетка шамахинская:
«Съѣдешь ты на гору сорочинскую,
«Станешь то́птать маленькихъ зміенышовъ,
«Выручать тутъ полону да русьскаго,
«Да не станетъ твой же бурушко поскакивать
«А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать, —
«Ты хлыщи бурка да нунь проме́жъ уши,
«Ты проме́жъ ушѝ хлыщи да ты проме́жъ ноги,
«Ты проме́жъ ногѝ да про́межъ задніи,
«Самъ бурку да приговаривай:
«Бурушка ты нунь поскакивай,
«А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»
Тутъ простиласи да воротиласи.
Видли тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ не воротами,
Черезъ ту стѣнѹ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Онъ на тую гору сорочинскую;
Сталъ топтать да маленькихъ зміенышовъ,
Выручать да полону нунь русьскаго.
Подточили тутъ зміёныши бурку да щоточки,

Digitized by Google

А не сталъ же его бурушко поскакивать.
На кони же тутъ Добрыня пріужáхнется:
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнилъ онъ наказъ да было матушкинъ,
Сунулъ онъ же руку во глубокъ карманъ,
Выдернулъ же плётку шамахинскую
А семи шелковъ да шамахинскіихъ,
Сталъ хлыстать бурка да онъ промéжъ уши,
Промéжъ ушй да онъ промéжъ ноги,
А промéжъ ногй да прóмежъ задніи,
Самъ бурку да приговариватъ:
— Ахъ ты бурушко, да нунь поскакивай,
— А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай! —
Сталъ же ёго бурушко поскакивать
А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,
Притопталъ же всихъ онъ маленькихъ зміенышковъ,
Выручалъ онъ полону да русьскаго.
И выходитъ тутъ змѣя было проклятая
Да изъ той было пещеры изъ змѣиною
И сама же тутъ Добрыни испрогóворитъ:
«Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты порушилъ свою заповѣдь великую,
«Ты пріѣхалъ нунь на гору сорочинскую
«А топтать же мóихъ маленькихъ зміенышовъ».
Говоритъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты змія проклятая!
— Я ли нунь порушилъ свою заповѣдь,
— Али ты змѣя проклятая порушила?
— Ты зачимъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
— Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
— Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
— Безъ бою безъ драки кроволитія. —
Не отдавала óна безъ бою безъ драки кроволитія,
Заводила óна бой дракý великую

Digitized by Google

Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіё.
Бился тутъ Добрыня со змѣёй трои́ сутки
А не може онъ побить змѣи проклятою.
Наконецъ хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати, —
Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бился со змѣёй ты да трои́ сутки,
«А побейся-ко съ змѣёй да еще три́ часу».
Тутъ побился онъ Добрыня еще три́ часу,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.
Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
А не при́жре матушка да тутъ сыра земля
Этой крови да змѣиною.
А стоитъ же тутъ Добрыня во крови́ трои́ сутки,
На кони сидитъ Добрыня — пріужа́хнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати.
Зъ-за небесей Добрынѣ снова гласъ гласитъ:
«Ай ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкіимъ
«Да во ту же матушку сыру землю,
«Самъ къ земли да приговаривай».
Сталъ же бить да во сыру землю,
Самъ къ земли да приговаривать:
— Розступись-ко ты же, матушка сыра земля,
— На четыре на вси стороны,
— Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
Розступилась было матушка сыра земля
На всихъ на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
Опускается Добрынюшка съ добра коня
И пошолъ же по пещерамъ по змѣинымъ,
Изъ тыи же изъ пещеры изъ змѣиною
Сталъ же выводить да полону онъ русьскаго,

Digitized by Google

Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
Много королей да королевичевъ,
Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
Много нунь дѣвицъ да и князевичныхъ
А изъ той было пещеры изъ змѣиною,
А не може онъ найти Забавы дочь Потятичной.
Много онъ прошолъ пещеръ змѣиныихъ
И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
Въ той послѣднею пещеры во змѣиною.
А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
А изъ той было пещерушки змѣиною,
Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
И дѣви́цамъ королевичнымъ
И дѣви́цамъ онъ да нунь князевичнымъ:
— Кто откуль вы да унéсены,
— Всякъ ступайте въ свою сторону
— А сбирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
— И не троне васъ змѣя болѣ́ проклятая.
— А убита е змѣя да та проклятая
— А пропущена да кровь она змѣиная
— Отъ востока кровь да внизъ до запада,
— Не унесетъ нунь бо́лѣ полону да русьскаго
— И народу христіаньскаго.
— А убита е змѣя да у Добрынюшки
— И приконьчена да жизнь нуньчу змѣиная. —
А садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
А садилъ же онъ Забаву на право́ стегно
А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту́ полю.
Испрого́воритъ Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за вы́слугу

Digitized by Google

«Назвала тебя бы я нунь батюшкомъ,
«И назвать тебя Добрыня нуньчу нѐ можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нунь братцемъ да родимыимъ,
«А назвать тебя Добрыня нуньчу нѐ можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нынь другомъ да любимыимъ,
«Въ насъ же вы Добрынюшка не влю́битесь!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Молодой Забавы дочь Потятичной:
— Ахъ ты мо́лода Забава дочь Потятична!
— Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
— Я есть роду христіаньскаго:
— Насъ нельзя назвать же другомъ да любимыимъ —
А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да и́скопыть,
Ископыть да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитиничъ
Той же ископытью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
— Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
— Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
— Везъ же я Забаву да во честности,
— Да отъ насъ прими Олешенька во честности,
— Не стыди-тко ей да личка бѣлаго,
— Ты присты́дишь ей да личко бѣлое,
— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
— Я те завтра тутъ Олешка голову́ срублю!
— А свези-ко ты къ Владиміру во честности,
— Къ солнышку ко князю стольнё-кіевску. —
Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
Самъ поѣхалъ ископытью лошадиною.

Digitized by Google

Наѣзжае онъ богáтыря въ чистóмъ поли,
А сидитъ богатырь на добрóмъ кони,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Е же не богáтырь на добрóмъ кони,
— Есть же поляница знать удалая
— А какá ни тутъ дѣвица либо женщина! —
И поѣхалъ тутъ Добрыня на богáтыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница, не сворóхнется,
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, пріужáхнется,
Отъѣзжае прочь Добрыня отъ богáтыря
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
— Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
— Видно сила у Добрыни не по прежному! —
А стоитъ же во чистомъ поли да сы́рой дубъ
Да въ обнёмъ же онъ стоитъ да человѣческій.
Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сы́рой дубъ
А попробывать да силы богатырскіи.
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сы́рой дубъ,
Онъ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужáхнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
На своёмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
А на ту же поляницу на удалую,
Чéсне поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, не сворóхнется
И назадъ же поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, самъ ужáхнется:
— Смѣлость у Добрынюшки по прежному,
— Видно сила у Добрыни не по старому!

Digitized by Google

— Со змѣёю же Добрыня нынь повыбился! —
Отъѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалыи,
А стоитъ тутъ во чистомъ поли да сы́рой дубъ,
Онъ стоитъ да въ два обнёма человѣческихъ.
Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Розгорѣлся тутъ Добрыня на добри́ кони,
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Да ударитъ поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе,
И назадъ же поляница оглянуласе,
Говоритъ же поляница да удалая:
«Думала же, русскіи комарики покусываютъ,
«Ажно русскіи бога́тыри пощалкиваютъ!»
Ухватила тутъ Добрыню за желты́ кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ да по чисту полю;
Испровѣщится же ейный добрый конь:
— Ай же поляница ты уда́лая,
— Молода́ Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти да двухъ бога́тырей:
— Силою бога́тырь супротивъ тебя,
— Смѣлостью бога́тырь да вдвоёмъ тебя. —
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тутъ бога́тыря съ мѣшка да вонъ же съ кожаньца,
Сама къ бога́тырю да испрого́воритъ:

Digitized by Google

«Старыи богáтырь да матёрыи —
«Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
«Ежели богáтырь да молóдыи,
«Ежели богáтырь намъ прилюбится,
«Назову я сéбѣ другомъ да любимыимъ;
«Ежели богатырь не прилюбится,
«На долонь кладу, другой прижму
«И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
«Здравствуй душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!»
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты поляница да удалая!
— Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?
— Я тобя да нунь не знаю ли. —
«А бывала я во городи во Кіеви,
«Я видала тя Добрынюшку Никитича,
«А тебѣ же меня нуньчу негдѣ знать.
«Я того же короля дочь ляховицкаго,
«Молода Настасья дочь Никулична,
«А поѣхала въ чистó поле поляковать
«А искать же я собѣ-ка супротивничка.
«Вóзьмешь ли Добрыня во замужество,
«Я спущу тебя Добрынюшка во живности,
«Сдѣлай со мной заповѣдь великую.
«А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
«На долонь кладу, другой сверхý прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу —
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь поѣхали ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владиміру.

Digitized by Google

Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честнóй вдовы Офимьи Олександровной,
А стрѣтаетъ тутъ родитель éго матушка
А честнà вдова Офимья Олександровна,
И сама же у Добрынюшки да спрáшиватъ:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Олександровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крестъ-то клалъ да по писáному,
Бьетъ челомъ Добрыня покланяется
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинушкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я привезъ же нынь себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Сдѣлали объ ихъ же публикацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ корóтати.

Digitized by Google

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ ро́дненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго спороди́ла!
— Спороди́ла бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,
— А спустила бы во черное-то море во турецкое:
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
— Я отнынѣ бы Добрыня вѣкъ да по́ вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нынь Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей матерей,
— Не пускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ! —
Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя споро́дити
«А талономъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нынь бога́тыря,
«Красотою было въ Осипа прекраснаго,
«Славою было въ Вольгу́ Всеславьева,
«А й богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А й богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою щапливою
«Во того было Чурилушку Пленко́вича,
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Тыи ста́тьи есть да дру́гихъ Богъ не далъ,
«Дру́гихъ Богъ теби не далъ да не пожаловалъ».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ,
А сѣдлаетъ тутъ Добрынюшка добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
Да на потнички онъ кла́де войлочки

Digitized by Google

А на войлочки черкальское сѣделышко,
А подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
А у той ли у правыи у стремены
Провожала его тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стремены
Провожала-то его да любима семья,
Молода Настасья да Микулична.
А тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стремены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждать тя нуньчу со чиста поля
«А когда тя сожидаться въ свою сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
— Стала у Никитича вывѣдывать,
— Я ти стану нунь высказывать:
— Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,
— Я по три годы не буду, жди по друго три;
— А какъ пройде тому времени да шесть годовъ,
— Я не буду тутъ Добрыня изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
— Поди за князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
— Только не ходи за брата за названаго,

Digitized by Google

— За того было Олешеньку Поповича. —
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годóмъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по дрýго три.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годóмъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чистá поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чистóмъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
А честнà вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ гóлоскомъ поваживать:
«А лежитъ въ чистомъ поли Добрынюшка убитыи!»
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди зá князя хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго богáтыря».
А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она не зá князя не за боярина,
Не за русьскаго могучаго богáтыря,
Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
«Справила я заповѣдь-то мужнюю,

Digitized by Google

«Справлю свою заповѣдь-то женьскую».
Стала ждать Добрынюшку по дру́го шесть.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Олешка да во дру́гой разъ,
А привозитъ было вѣсточку въ дру́гой разъ,
Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она не за́ князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла заму́жъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Что ли свадебка у нихъ была по третій день
А севодня-то итти да ко Божьёй церквы.
Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
А къ сырой земли да приклоняется:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
— Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
— Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
— Надъ собой ли вѣдаешь, аль на́до мной,
— Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ? —

Digitized by Google

Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А твоя-та любима́ семья за му́жъ пошла
«А за смѣлаго Олешку за Поповича,
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Какъ приправилъ ко́ня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущалъ,
А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
А пріѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Черезъ ту стѣну́ наѣхалъ городовую,
Черезъ тую башню наугольную,
А къ тому было подворьицу вдовиному,
А къ честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
А не спрашивалъ у две́рей онъ придверничковъ,
У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
Всихъ же прочь взаше́й да и отталкиватъ,
А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
Вси придвернички да приворотнички
Вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«А честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
«Ко подворьицу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
«Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Всихъ же насъ тутъ взаше́й прочь отталкивалъ!»
А честна вдова Офимья Александровна

Digitized by Google

Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ женскіимъ тутъ го́лоскомъ поваживать:
«А прошло-то времени двѣнадцать лѣтъ,
«Закатилось у меня да красно солнышко,
«Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А уѣхалъ тутъ Добрыня да́лече далéче во чисто́ поле,
«А лежитъ же тутъ Добрыня во чисто́мъ поли,
«А плеча его да испрострѣляны,
«Голова его да испроломана,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ!
«А какъ нунечку было теперечку
«Закатается да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ,
— А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я-то нунь поѣхалъ да ко Кіеву,
— А не слу́читъ ли ти Богъ же быть во Кіеви,
— А велѣлъ спросить про мо́лоду Настасью про Микуличну,
— Про Добрынину да любому́ семью. —
Испрого́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А какъ нунечу Добрынина да любима́ семья
«А какъ нунечу Настасья да заму́жъ пошла
«За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
— Слу́читъ Богъ же быть теби во Кіеви
— У того было подворьица вдовинаго,
— А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскіи
— Въ новой горенки да тутъ на стопочки,

Digitized by Google

— А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
— Взять дубинку сорока пудовъ,
— А на свадебки меня бы не обидѣли,
— Да велѣлъ же взять гусёлышка яровчаты,
— Да во томъ же во глубокоемъ во погреби. —
А честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ скорёшенько бѣжала въ нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскіи,
Отмыкала она погреба глубокіи,
Подавала тутъ гусёлышка яровчаты,
Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
А пошолъ же скоморошиной на свадебку.
А приходитъ скоморошиной на свадебку
А й къ тому двору да княженецкому,
А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ да приворотничковъ,
Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобý творятъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чистà поля онъ давень ѣхалъ да скорымъ гоньцёмъ
«Ко тому было подворью ко вдовиному,
«Тамъ не спрашивалъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ;
«Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
«Нунь идетъ да скоморошиной,
«А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ насъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь насъ всихъ отталкиватъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удáла скоморошина!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьицу,

Digitized by Google

«А къ тому подворьицу вдовиному,
«Тамъ не спрашивашь ты у дверей придверничковъ
«У воротъ не спрашивашь да приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивалъ?
«Нунь идешь на княженецкій дворъ
«И не спрашивашь ты у дверей придверничковъ,
«У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивашь?»
Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
Говоритъ же тутъ удáла скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
Отвѣчае князь Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ваше мѣсто скоморовское
«Что ль на печки да на зáпечки».
Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрёзговалъ,
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ гуселышка яровчаты
А на той было на печки на муравленой,
А играетъ-то Добрынюшка во Кіеви
А на вы́игрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всихъ до малаго
А повыигралъ пóименно.
Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры да призаслухались,
Вси же за столомъ да испрогóворятъ:
«А не быть же нунь удалой скоморошины,
«Быть же нунь дородню добру молодцу,
«Свято-русьскому могучему богáтырю!»
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина,
«А дородній добрый молодецъ!
«Опускайся-ко изъ печки да изъ зáпечка,

Digitized by Google

«Дамъ теби три мѣста три любимыихъ:
«Одно мѣсто нунь возли́ меня,
«Друго мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто куда самъ захошь».
Говоритъ же тутъ удала скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай-ко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
— Супротивъ было княгинушки моло́дыи,
— Молодо́й Настасьи да Никуличной. —
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
«Дано ти три мѣста три любимыихъ, —
«Куды знаешь ты туды садись,
«Что ты здумаешь такъ то́ дѣлай,
«Что захочешь такъ ты то́ твори!»
— А позволь-ко мнѣ, Владиміръ стольнё-кіевской,
— Налить чару зелена́ вина. —
Наливае было чару зелена вина,
А опуститъ въ чару свой злаче́нъ перстень,
А подноситъ онъ Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки моло́дыи:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!
— Ужъ ты хошь добра, такъ нуньчу пьешь до дна,
— А не хошь добра, такъ ты не пьешь до дна.
Мо́лода Настасья дочь Никулична
Взя́ла она чару едино́й рукой,
Выпила ту чару едины́мъ духомъ,
Тутъ увидла въ чары свой злаченъ перстень,
Да которыимъ съ Добрыней обручаласи,
Сама же о́на князю поклониласи:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А не тотъ мой мужъ, который нунь возли́ меня,
«Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
«Тутъ пріѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,

Digitized by Google

«Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца матушку,
«Отыскалъ Добрыня молоду жену».
Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за дубовыхъ,
Пала тутъ Добрыни во рѣзвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А во той вины прости меня во глупости,
«Что не по твоему наказу я нынь сдѣлала,
«А пошла за мужъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
«А во той вины прости меня во глупости!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я тутъ разуму да женскому:
— У ней волосъ дологъ умъ коротокъ,
— А я дивую нынь же солнышку Владиміру
— Со своей было княгиною:
— Онъ же солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Онъ же былъ да сватомъ ли,
— А княгинушка да свахою,
— Отъ живаго мужа жонушку за мужъ берутъ, просватаютъ! —
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
Со своей было княгиною.
Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
Зъ-за тыихъ столовъ да бѣлодубовыхъ,
Палъ же тутъ Добрынѣ во рѣзвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что я посидѣлъ возли твоей княгинушки молодыи,
«Молодой Настасьи дочь Никуличной!»
— Ай же братецъ ты названыи,
— Ай Олешенька Левонтьевичъ!
— А во той-то вины братецъ тебя Богъ проститъ,
— А во другой вины братецъ тебя не прощу:
— А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чиста поля,

Digitized by Google

— Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
— Что лежитъ побитъ Добрыня во чистомъ поли,
— А плеча его да испрострѣляны,
— Голова его да испроломана,
— Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ?
— Ты слезилъ же нынь родитель мою матушку
— А честну́ вдову Офимью Олександровну.
— Тяжелешенько тутъ она по мнѣ плакала
— А слезила тутъ она да очи ясныи,
— А скорбила тутъ она да личко бѣлоё,
— Тяжелешенько она́ да по мнѣ плакала! —
Какъ ухватитъ онъ Алёшку за желты кудри,
Взялъ же онъ Алешеньку охаживать,
А не слышно было въ бухканьи да охканья!
Хоть и всякой-то на свѣти женится,
Да не всякому женитьба удается,
А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
Только тутъ Алешка да съ женой сыпалъ.
Синему морю да на ти́шину,
Всѣмъ добрыимъ же людямъ на послу́шаньё.

Записано тамъ же, 22 и 23 іюля.

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV № 12).

А й у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было́ по третій день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почестный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честно́мъ да наѣдалиси,

Digitized by Google

Вси же на пиру и поросхвастались.
Испрогóворитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
«Нечѣмъ солнышку Владиміру похвастати.
«Не повыправлёны дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Сидятъ же тутъ три русьскіихъ могучіихъ богáтыря:
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же вы три русьскіихъ могучіихъ богáтыря!
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитé-тко въ Каменну́ Орду,
«Въ Каменну́ю-то Орду въ большу землю,
«Повыправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитé-тко вы да нé въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повыправьтé-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Третьіи могучіи богáтырь да Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣздй-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повыправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богáтыри они да призадумались.
И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во кирпичень мостъ.

Digitized by Google

Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы богáтыри задумались?
— А держúте-тко богáтыри отвѣтъ же нынь. —
Испрогóворитъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду,
«Тамъ повыправлю да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повыправлю да дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владимíру да испроговоритъ:
— Ахъ ты солнышко Владимíръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
— Я повыправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Первый русьскíи могучíй бóгатырь,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да и бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладывáе онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ клáде войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

Digitized by Google

Тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли доброй конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистѣ́мъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богáтырь опочивъ держалъ.
Другій русьскіи могучій бóгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добрá коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистѣ́мъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
А третіи же русьскіи могучій бóгатырь,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,

Digitized by Google

Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистѣмъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту́ стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Тутъ крестами да бога́тыри побратались,
Назвались да братьями крестовыми.
Испрого́воритъ казакъ да Илья Муромецъ:
— Кто попрежде насъ тутъ е повыправитъ,
— Къ дру́гому на стрѣту братцы по́спѣвать. —
Тутъ простилиси да оны братьица.
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю,
Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду
Онъ повыправлять да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися [1]),

1) Т. е. взбунтовались.

Digitized by Google

А не стали о́тдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
По своему онъ съ мужичками распоряжается,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися[1]),
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Съѣхалъ онъ же не въ большу землю,
Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
По своему онъ съ мужичками распоря́дился,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Съѣхалъ въ землю во Подольскую,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

---

1) Попрятались.

Digitized by Google

Мужички же вси да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Распорядился тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Распорядился онъ по богатырскому.
Мужички же перепалися,
Отъ его да растулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Онъ повыправилъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ было ходить гулять по заводямъ,
Стрѣлять же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ.
Ходилъ гулялъ по заводямъ,
Стрѣлялъ же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ,
Находилъ же онъ да бѣлую лебёдушку:
Плаваетъ лебёдушка на заводи.
Онъ натягивалъ же было ту́гой лукъ,
Накладыватъ онъ стрѣлочку каленую,
Хочетъ стре́лить бѣлую лебёдушку,
Лебёдушка ему да испрого́воритъ:
«Ай Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не стрѣляй-ко ты же бѣлою лебёдушки.
«Я есть же нонь не бѣлая лебёдушка,
«Есть же я да красна дѣвушка,
«Марья лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична да я подо́лянка.
«Не убей-ко ты меня же нунь подолянки,
«Ты возьми меня нунь во замужество,
«Ты свези-тко нунь меня во Кіевъ градъ,

Digitized by Google

«Проведи-тко мѐня въ вѣрушку крещоную,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцю,
«Станемъ мы же вѣкъ съ тобой корóтати».
Задавался тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,
Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
Получаетъ тутъ же дани — выходы
Со того же короля да со Подольскаго,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
Ко тому было ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
А ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Привозитъ онъ да дани — выходы
Изъ той было изъ зéмли изъ Подольскіи,
Отъ того же кóроля да отъ Подольскаго.
Отдавае онъ Владиміру да князю стольнё-кіевску,
Князь же тутъ да зрадовáлся ли.
Получае онъ съ Михайлы Пóтыка Иванова,
Получае онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольнё-кіевской,
Что повыправилъ ты дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
Изъ той ли зéмли изъ Подольскія.
Марью лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,

Digitized by Google

Онъ привёлъ же было въ вѣрушку крещоную,
Сдѣлалъ съ ею заповѣдь великую:
Кто изъ насъ да нынь попе́реди,
Кто пойдетъ да во сыру́ землю,
Дру́гому итти да на три мѣсяца,
Итти же во сыру землю.
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Что ты дѣлаешь да заповѣдь великую,
— Заповѣдь да неподольную,
— Да на долго тутъ итти да во сыру землю? —
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ Михайло испрого́воритъ:
«Видно надо сдѣлать мнѣ-ка заповѣдь великую
«Съ Марьей лебедь бѣлою,
«Что она-то мнѣ-ка прилюбиласи».
А при́нялъ-то же съ ей да по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ею вѣкъ коро́тати.
Въ тую пору да во то́ время
Наѣзжае было царь Бухарь заморскіи,
Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
Правитъ онъ да дани — выходы
Что ли съ солнышка Владиміра,
Что ль со князя стольнё-кіевска:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты пожалуй-ко нынь дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Призывае онъ Михайлу По́тыка Иванова:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пріѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскіи,
«Правитъ онъ же съ насъ да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

Digitized by Google

«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрогóворитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Ты садись-ко нунь Владиміръ на ременьчатъ стулъ,
— Пиши-тко было ерлычкѝ да скоропи́счаты:
— Отправлены да дани — выходы
— За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
— Я поѣду нынечу безъ даней — выходовъ. —
Онъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ къ царю Бухàрю да заморскому,
Повозитъ ёрлычки да скоропи́счаты
Къ тому же онъ къ царю ко Бухарю́ да ко заморскому,
Что отправлены да дани — выходы
За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Пріѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,
Подаваетъ ёрлычки да скоропи́счаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскіи
Тыи ёрлычки да скоропи́счаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатыватъ,
Поскорѣе того да онъ прочитыватъ,
Самъ же царь Бухарь да тутъ зрадуётся:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у̀ васъ выходы остáлиси?»
— У насъ оси да въ телѣжкахъ приломилиси,
— Да телѣжки у насъ поломалиси.
— Тамъ починщички да въ поли пріосталиси,
— А телѣжекъ во чистóмъ поли починивать».
Испрогóворитъ царь Бухарь заморскіи:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

Digitized by Google

«Чимъ же нынь у васъ да на Россіи забавляются?»
— У насъ же на Россіи забавляются, —
— Нынь играютъ да во шашечки дубовыи,
— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —
Доставали тутъ дощечку да кленовую,
Что же ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую тутъ на дощечку на кленовую;
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставилъ тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Ставилъ же онъ своего добра коня,
Ставилъ же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ же дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ онъ своего добра́ коня,
Проигралъ же онъ свою да буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю онъ царю заморскому.
Тутъ царь Бухарь было заморскіи,
Тутъ же царь да онъ зрадуется.
Ставили дощечку да во дру́гой разъ,
Ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставилъ тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,

Digitized by Google

Королевичну подолянку;
Въ дру́гихъ ставилъ онъ родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ тутъ Михайлина добра́ коня,
Ставилъ тутъ его да буйну голову,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли да дощечку да во дру́гой разъ.
Сыграли было дощечку въ дру́гой разъ,
Повыигралъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Своего повыигралъ добра́ коня,
Повыигралъ свою да буйну голову
И повыигралъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Ставили дощечку они въ третій разъ.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставилъ своего добра коня,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго.
Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,
Играли тутъ дощечку да во третій разъ.
Тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,
Повыигралъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго

Digitized by Google

Со царя Бухáря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскіи,
Ставили дощечку во четвертый разъ.
Ставилъ онъ все царство все Бухарское заморское,
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Бухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ Бухарско да заморское.
Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскіи,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ Бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тутъ играть да óны въ шашечки.....
На пяту́-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пихается,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Мóлодой ты Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собой же ты незгодушки не вѣдаёшь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же нынѣчу было пóмерла».
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,

Digitized by Google

Ухватитъ онъ дощечку да кленовую
Съ тыма шашкамы съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободвереньемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со лѝпиной.
Перепался было царь Бухарь заморскій,
Смолился онъ Михайлы Пóтыку Иванову:
— Михайла Потыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нунь во живности,
— Получай же нунь ты царство все Бухарское заморское! —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъ испрогóворитъ:
«Ай вы братьица мои было крестовыи!
«Получайте-тко нунь съ царя со Бухáря со заморскаго
«Вы царство нунь Бухарско все заморское,
«Оставьте-тко царя да посидѣльщичкомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нунь угладиться *(такъ)*.
«Я поѣду нунь ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владиміру».
Тутъ уѣхалъ да Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
А русьскіи могучіи богáтыри
Получали тутъ съ царя да дани — выходы,
Получали тутъ же царство да Бухарско все заморское,
Оставили царя да посидѣльщичкомъ.
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владиміру.
Князь же тутъ его да было спрашиватъ:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты оттуль да нонь повыѣхалъ? —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
«Повыиграны у насъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,

Digitized by Google

«Съ того царя Бухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграно царство все Бухарско все заморское
«И съ того царя съ Бухаря да съ заморскаго,
«Все царьство все иияньство все Бухарьское.
«Остались получать же тамъ богáтыри,
«Мои братьица крестовыи,
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ
«И мóлодый Добрыня сынъ Никитиничъ».
— Да чимъ же нонь тебя мнѣ наскори пожертвовать?
— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ нонь не надо съ пригородками,
«Что ли селъ не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыихъ на кáбакахъ,
«Дай-ко мни поволечку великую
«Пить же мнѣ вино да нонь безденежно,
«Гдѣ кружкою да полукружкою,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ».
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ ему поволечку великую
На тыхъ же на царéвыихъ на кáбакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нуньчу заповѣдь великую. —
Испрогóворитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

Digitized by Google

«И тоё-то да нуньчу сдѣлано,
«Надо нунь итти да во сыру́ землю,
«Во сыру землю итти да на три мѣсяца».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
Чтобы мошно мнѣ-ка сто́я стоять,
Стоя стоять да си́дя сидѣть,
При времечки да чтобы ле́жа лечь.
Бралъ же онъ запасъ туды великіи:
Бралъ свѣчи́ туды и ладоны,
Беретъ хлѣба на три мѣсяца,
Воды бе́ретъ на три мѣсяца.
Ходилъ же онъ было ко кузницамъ,
Велѣлъ ковать же клещи да желѣзныи,
Бралъ же прутья онъ да троіи,
Первы пру́тья оловяныи,
Вторы́и было прутья онъ желѣзныи,
Третьи прутья онъ беретъ да туды мѣдныи.
Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
Отправляется онъ да на три мѣсяца.
Прожилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Прожилъ въ матушкѣ сырой земли первы́ сутки,
Начинаетъ жить же онъ тутъ сутки дру́гіи,
Приплыватъ къ ему змѣище да проклятое,
О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
Пролизала ему гробъ было желѣзныи.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
Тыма́ было клещамы да желѣзныма.
Сѣкъ же онъ ю прутьями да оловяными,
Другими́ сѣкъ же прутьями желѣзными,
Третьима́ онъ сѣкъ ю прутьями да мѣдными.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
— Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

Digitized by Google

— Не убей меня змѣи было проклятою,
— Дамъ тебѣ я заповидь великую
— Оживить-то нунь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну было подолянку,
— Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ой же ты змѣя было проклятая,
«Ты змѣя было лукавая,
«Дай-ко ты змѣёныша въ великъ залогъ!»
Дала тутъ змѣя лукавая,
Дала тутъ змѣёныша въ великъ залогъ.
Рубилъ же онъ змѣёныша на мелкіи на часточки.
Отправляется змѣя было проклятая,
Доставаетъ тутъ она было живу воду.
Складывалъ же онъ змѣёныша во мѣсто ли,
Мочилъ же тóго малаго змѣёныша:
Засвивался было маленькій змѣёнышокъ.
Брызгáлъ же Марью лебедь бѣлую,
Брызгáлъ онъ ю во трú же разъ:
Первый разъ она продрогнула,
Дрýгой разъ она зашевелиласи,
Трéтій разъ она да проглаголила:
— Фу фу фу, я долго нунь попрóспала! —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабъ не я, такъ ты отнынь до вѣкъ бы прóспала».
Скричалъ же тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Теремки да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же вó гради да пріужáхнулись,
Вси сами же тутъ въ городѣ спрогóворятъ:
— И нашему уродищу въ сырой земли не пóжилось.
— Отправлялся онъ въ сыру землю да на три мѣсяца,

Digitized by Google

— Наступаютъ нунь на насъ трои сутки,
— Изъ сырой земли уродищо давается. —
И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ гулять да по царевыимъ по кáбакамъ,
Пить вино да онъ безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Марья лебедь бѣлая,
Королевична было подолянка,
Посылала она вѣдомъ королю да Политовскому,
Что наѣхалъ бы король да Политовскіи,
Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
А й подолянку да королевичну,
Въ тую землю во Литовскую.
Пріѣзжаетъ тутъ король да Политовскіи,
Пріѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаётъ,
Что увезъ же да король да Политовскіи
Его же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Прискакала было вѣсточка нерадостна
Михайлы Пóтыку Иванову:
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаёшь,

Digitized by Google

«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Уѣхала съ королемъ да Политовскіимъ
«Во матушку да въ земляну Литву».
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Одѣвае онъ же платьица-ты женскіи,
Накручается же онъ да было женщиной
И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погоною
За тымъ же королемъ да Политовскіимъ.
Не узналъ бы да король да Политовскіи,
Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонушки.
Подъѣзжаетъ тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Вслѣдъ же онъ было погоною
За тымъ же королемъ да Политовскіимъ.
Увидала Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка,
Сама ему да испрогóворитъ:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Ѣде нунь за нами вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ за нами женщина, —
— Хоть и женщиной да тýда-ка сокрýченось,
— Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
— Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
— И давай же мнѣ напитковъ еще сонныихъ.
— Онъ же до вина да есте спадсливый.
— Поднесу ему я чару зелена вина, —
— Гди выпье, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ. —
Подъѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
Тяжелешенько да она плаче ли:
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Увезъ меня король да Политовскіи,

Digitized by Google

«Что ли силою увезъ меня изъ Кіева».
Подноситъ ёму чару зелена вина:
«Выпей още чару зелена вина».
Гди выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Подскочила тутъ къ коню да къ богатырскому,
Принимаетъ на плечо да на волшебное,
Спустила тутъ его было черезъ плечо,
Сама же тутъ Михайлы приговариватъ:
«Гди былъ мо̀лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Стань-ко нынь горючій бѣлой камешокъ.
«Будь-ко ты Михайло нынь во камени».
Отправляется съ королемъ да Политовскіимъ
Въ ту было да въ земляну Литву,
И уѣхала да въ земляну Литву
Къ тому же королю да Политовскому.
Жила съ ко́ролемъ да Политовскіимъ,
Жи́ла о̀на много тамъ же времени.
Стосковалось было братьямъ же крестовыимъ:
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу,
Мо́лодому Добрынюшку Никитичу.
Крутилиси было они каликамы,
Обували они лапти было липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи,
Пѳшли оны да ту́да-ка каликамы
Отъ солнышка Владиміра отъ князя стольнё-кіевска
Къ тому же королю да къ Политовскому
Искать же тутъ Михайла По́тыка Иванова,
Своего же было братца да крестоваго.
Въ день они идутъ было по солнышку,
А въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ тутъ изъ другою изъ ро́зстани,
Выходитъ тутъ калика было старая,
И старая калика да сѣдатая,

Digitized by Google

Хотя сѣдатая калика да й плѣшатая.
— Здравствуйте, калики перехожіе! —
«Ты здравствуешь калика было старая,
«Старая калика ты матёрая,
«Ты матёрая калика да сѣдатая,
«Ты сѣдатая калика да плѣшатая».
— Куда же вы калики нунь направились? —
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай же ты калика было старая!
«Хотъ нынь у насъ накрученось каликамы,
«Е мы не калики перехожіи,
«Е мы русьскіи могучіи богáтыри:
«Старыи казакъ да Ильё Муромецъ,
«Мóлодый Добрынюшка Никитиничъ.
«Пошли искать Михайлы Пóтыка Иванова,
«Своего же братца мы крестоваго,
«Святорусьскаго богáтыря».
Испрогóворятъ же русскіи могучіи богáтыри:
«Ты откудова калика есть же старая?»
— Я дальняя калика есть же старая,
— И дальняя калика я не здѣшняя,
— Пошолъ искать Михайлы Пóтыка Иванова.—
Приходили тутъ калики перехожіи
А къ тому же королю да Политовскому,
Ставились калики срéди города,
Супротивъ того двора да королевскаго.
Тутъ скрыцали да калики перехожіи, —
Теремки у нихъ да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же вó гради да пріужáхнулись:
Что же нунь да чюдо е случилоси,
Какѝ же намъ калики появилиси?
Испрогóворитъ король да Политовскіи:
«Это е три чюда объявилоси».

Digitized by Google

Говорила Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка:
— Тутъ не чюдо къ намъ же нуньчу объявилоси,
— Два богáтыря да къ намъ же нунь явилоси:
— Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мóлодой Добрынюшка Никитиничъ.
— А третьяя калика незнакомая,
— Незнакомая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая,
— Тая е калика да незнаема.
— Зови-тко ты король да во гостёбищо
— Этыихъ каликъ да перехожіихъ.
— Не пойдутъ оны къ намъ да въ гостёбищо,
— Розорятъ оны же нашу земляну Литву
— Два русьскіи могучіи богáтыря. —
Выходилъ же тутъ король да Политовскіи,
Скорешенько же выходилъ на шúрокъ дворъ
Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
Лебедь бѣлою да онъ подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она къ братьецамъ крестовыимъ
Своего же она мужа да названаго,
Звала тутъ себѣ-ка-ва въ гостёбищо,
Тяжелешенько по нёмъ да она плакала.
Спрашивали русьскіи могучіи богáтыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Что ли мòлодой Добрынюшка Никитиничъ:
«Не видала ли Михайла Потыкà да ты Иванова?»
— Не видала я Михайла Пóтыка Иванова.
— Тяжелешенько по нёмъ да я же плачу есть,
— Вспомню я его да въ кажный день. —
И зовётъ она себѣ-ка-ва въ гостёбищо
Къ тому же королю да Политовскому.

Digitized by Google

Тутъ приходитъ же король да Политовскіи
И зовётъ же онъ богáтырей къ собѝ въ гости.
Приходятъ тутъ калики перехожіи
Къ тому же кòролю да къ Политовскому,
Гостили у того же короля да Политовскаго.
Дарили имъ же честныи тутъ дáрева,
Дарили имъ же злато что ли серебро,
И мелкіи имъ тутъ же жемчуги,
И кáменья дарили драгоцѣнныи.
Откланялись тутъ же калики перехожіи,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тутъ калики не провѣдали
Про русьскаго могучаго богáтыря,
Про Михайлу Пóтыка Иванова.
Отправились же въ путь они дороженьку,
Въ день они идутъ было по солнышку,
Въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому горючему ко каменю.
Испрогóворитъ калика было старая,
Еще старая калика да матéрая:
«Вамъ же нунь, калики перехожіи,
«Вамъ же нунь пойти же надо въ сторону,
«Мнѣ-ка-ва пойти надò же въ дрýгую.
«Будемъ на прощенье животовъ дѣлить».
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
— Ай же ты калика нуньчу старая,
— Ты старая калика да матерая,
— Матерая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая!
— Ты дѣли-тко нуньчу дáрева. —
Дѣлила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И дѣлила тутъ великіи подарочки,
И дѣлитъ она да на четыре да на часточки.

Digitized by Google

Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Что же ты, калика было старая,
«Старая калика ты матерая,
«Что дѣлúшь ты нынь подарочки,
«На четыре ты дѣлишь на часточки?
«Трое насъ же нунечу находится,
«А кому же эта часть нунь остается?»
Говоритъ же имъ калика было старая:
— Ай же вы калики перехожіи!
— Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
— Кто изъ насъ же здыне этотъ камешокъ черéзъ плечо,
— А тому же часть четвертая достанется. —
Думаютъ же русьскіи могучіи богáтыри
Своимъ же тутъ умомъ да богатырскіимъ:
Неужтò не здынемъ мы да каменя?
Часть этà да намъ же нынь достанется.
Испроговоритъ калика имъ же старая,
Старая калика да матерая:
— Ай вы русьскіи могучіи богáтыри!
— А здымайте-тко горючій бѣлый камешокъ. —
Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
Здымать же нынь горючій бѣлый камешокъ,
Здымать же этотъ камень да черéзъ плечо.
Выздынулъ Добрынюшка до пояса, —
По колѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
Не могъ же онъ здынýть да было камешка,
Черезъ тóе нунь плечо да богатырское.
Принимался тутъ же старыи казакъ да Ильё Муромецъ.
Онъ здымае этотъ бѣлыи горючій камешокъ,
Онъ здымае себѣ камешокъ на груди ли,
А по стегнамъ Илья Муромецъ да въ землю сѣлъ.
Приходитъ тутъ калика эта старая,
Эта старая калика да сѣдатая,
Сѣдатая калика да плѣшатая,

Digitized by Google

Налагаетъ еще руки на бѣлыи горючій камешокъ
И здымае камешокъ черезъ плечо,
Спуститъ этотъ камешокъ черезъ плечо,
Спуститъ камень о сыру землю,
Сама же къ каменю да приговариватъ:
— Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,
— Иди-ко ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
— Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —
Кололся этотъ камешокъ нунь на двое,
Выходитъ тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Увидае онъ же братьецовъ крестовыихъ.
«Здравствуйте вы братьеца крестовыи!»
— Здравствуй ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Отъ чего попалъ въ горючій бѣлый камешокъ? —
«Отъ своей же я нунь Марьи лебедь бѣлыи,
«Лебедь бѣлыи да я подолянки,
«А й подолянки да королевичной.
«Подносила она зелья мнѣ-ка соннаго,
«Подносила она зеленымъ виномъ, —
«А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,
«И самъ себе я нонечу не вѣдаю».
Говоритъ же тутъ калика ему старая,
Старая калика да матерая:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Будешь ты у города у Кіева
— А у ласковаго князя у Владиміра,
— Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныихъ,
— Одну церковь нуньче дѣлай ты Спасителю,
— Другу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,
— Въ той же нунь Миколы да святителю.
— Упросила матушка да пресвятая Богородица
— А сходить меня для васъ да на сыру землю,
— Избавить нунь отъ смерти отъ напрасною,
— Отъ напрасною отъ смерти отъ волшебною. —

Digitized by Google

Простиласи калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика въ свою сторону.
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,
«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
«Ко ласковому князю ко Владиміру».
Говорилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— Мнѣ-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
— А къ тому же королю ко Политовскому.
— Угналъ онъ да моего добрá коня,
— И увезъ же Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну онъ да подолянку. —
Испрогóворятъ тутъ братьица крестовыи:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ да Ивановичъ!
«Не жена теби она, да есть волшебница,
«Сконаетъ твою голову да богатырскую,
«Ты получишь отъ ей смерть напрасную».
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ братьицовъ крестовыихъ не слушаётъ,
Приказалъ же брать имъ этыи подарочки
И отправляться имъ ко городу ко Кіеву.
Самъ пошолъ же къ королю да Политовскому,
Политовскому да земли-Польскому *(такъ)*,
Въ тую онъ пошолъ во земляну Литву.
Приходитъ онъ каликой перехожеей,
Ставился же онъ тутъ среди города,
Противу тутъ двора да королевскаго,
Крычалъ же онъ да во всю голову.

Digitized by Google

Теремы́ же тутъ да пошатилиси,
Что околенки у нихъ вси повалилиси,
Вси уродища оны да пріужáхнулись,
Сами же оны тутъ испрогóворятъ:
— Недавно чюда здѣ-ка были объявилиси,
— А нынь опять да чюдо появилоси. —
Испрогóворитъ тутъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
«А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ».
Скорешенько наливае чару зелья соннаго,
Выбѣгаетъ тутъ скоренько да на ши́рокъ дворъ,
Стрѣтаетъ тутъ Михайла Пóтыка
Съ чарой зелена вина.
Выпилъ онъ же чару зелена вина, —
Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,
Гди выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.
Тащи́ла тутъ во сѣни во челя́динны.
Увидала тутъ Настасья королевична,
Что тащатъ си *(такъ)* бога́тыря во сѣни во челядинны,
По немъ она да сжалова́лася.
Приходила тутъ во сѣни во челядинны
Эта Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Прибивала тутъ бога́тыря да на́ стѣну,
Била ему въ руки въ ноги еще гво́здища.
Не хватило тутъ гвозда да у́ ней пятаго,
Пятаго гвозда ему середняго,
Середняго гвозда ему сердечнаго.
Побѣгала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
Побѣгала за гвоздомъ она да пятымъ.
Молода Настасья королевична
Вытаскивала гво́здья вонъ да со́ стѣны,

Digitized by Google

Прибила тутъ на мѣсто да татарина,
Прибила тутъ татарина да мертваго,
Мертваго татарина да мерзлаго.
Уводила тутъ Настасья королевична
Того было богáтыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
Прибѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична она подолянка,
Не смотрѣла тутъ она да нá стѣну,
Забила тутъ татарина мѣсто богáтыря.
Отправляется къ кóролю да Политовскому,
Сама же тутъ ему да еще хвастаетъ:
— Перевела я нынѣчу своего да ненавистничка,
— Михайла Пóтыка сынá Иванова. —
Прожилъ у Настасьи онъ потай да трои суточки,
Проситъ онъ коня да богатырскаго,
Да у той было Настасьи королевичной:
«Ахъ ты мóлода Настасья королевична!
«Проси-тко у родителя у батюшка,
«Нѣтъ ли нунь коня да богатырскаго
«Съѣздить въ чисто поле да поляковать».
Молода Настасья королевична
Тутъ приходитъ къ королю да Политовскому,
Къ своему она къ родителю да батюшку:
— Ахъ ты старыи король да Политовскiи,
— Ай же ты родитель мой да батюшко!
— Дай-ко мни коня да богатырскаго
— Съѣздить въ чисто поле да поляковать,
— Простудить лицо свое да женское. —
Испрогóворитъ король же Политовскiи:
«Поди-ко на конюшни на стоялыи,
«Выбирай-ко ты коня да нынь по разуму».
Приходила на конюшни на стоялыи,
Выбирала тутъ коня да богатырскаго

Digitized by Google

Михайлы По́тыка Иванова.
Пригоняетъ тутъ коня да богатырскаго
А Михайлы По́тыка Иванова
Къ своему крыльцю да королевскому.
Одѣвается бога́тырь да по женскому,
Уѣзжае онъ бога́тырь было женщиной,
Уѣзжаетъ тутъ бога́тырь во чисто́ поле,
Изъ чиста поля наѣхалъ онъ бога́тыремъ,
Ставился же онъ тутъ середи двора,
У того же короля да Политовскаго,
Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка.
Скоре́шенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
Наливаетъ она чару зелены́мъ виномъ
И подноситъ ему зелье было сонное.
Мо́лода Настасья королевична
По поясу броси́лася въ окошечко:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
— Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
— Будетъ ти отсѣчь она твоя да буйна го́лова,
— А твоей же тутъ да саблей вострою. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Не пи́лъ же чары зелена вина;
Сма́хне онъ да саблей вострою, —
Отнесъ же ейну буйну голову
За ейны́ поступки неумильнiи.
Розсердѣлся тутъ бога́тырь святоруськiи:
«Отнесу же королю я буйну голову,
«Розорю же я тутъ землю всю Литовскую!»
Упросила тутъ Настасья королевична:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

Digitized by Google

— Не руби-тко ты родителю да буйной головы
— За его было поступки неумильніи,
— Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
Укротилъ же свое сердце богатырское;
Бралъ одну Настасью королевичну
Отъ того же короля да Политовскаго,
Бралъ мóлоду Настасью онъ во честности.
Увезъ къ городу было ко Кіеву,
А къ ласковому князю ко Владиміру,
И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крещоную.
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ней да вѣкъ корóтати.
Сталъ же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныихъ,
Перву церковь онъ соборную
Строилъ онъ Спасителю,
Дрýгу церковь онъ же строилъ да соборную
Матушки да пресвятою Богородици
И Миколы онъ было святителю.
Тутъ Михайлы Пóтыку сынý Иванову славý поютъ,
Синему морю на тúшину,
Всимъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 іюля.

7.

СТАВЕРЪ.

А у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было на третій день.
А вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честноемъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да порасхвастались.
Úный хвалитъ города да съ пригородками,

Digitized by Google

Ѝный хвалитъ тутъ же села со приселками,
Ѝный хвастаетъ тутъ золотой казной,
Золотой казной да тутъ безсмѣтною,
Ѝный хвалится да добрымѝ тутъ ко́моньмы,
Разумный хвастаетъ да родной матушкой,
Безумный хвалится да молодой женой.
Сидитъ мо́лодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ,
Да ничѣмъ Ставёръ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Самъ солнышко да испрого́воритъ:
«Ахъ ты мо́лодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не кушаешь,
«Моей бѣлоей лебёдушки не рушаешь,
«Самъ же нунь Ставёръ да е не хвастаешь.
«У васъ нѣту городовъ да съ пригородками,
«Видно нѣтъ у васъ да селъ и со приселками,
«Нѣту золотой казны по надобью,
«Нѣту добрыхъ ко́моней по надобью,
«А не хо́роша Ставрова ро́дна матушка,
«Да не по́хвальна Ставрова молода жена?»
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— У насъ есть тутъ города да съ пригородками,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Есть у насъ и сёла со приселками,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Золота казна у молодца не держится [1]),
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Добры комони у молодца не ѣздятся,
— То мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть и хороша моя да ро́дна матушка,

1) Т. е. не издерживается, не переводится.

Digitized by Google

— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть бы пóхвальна моя да молода жена,
— То мнѣ молодцу не пóхвальба:
— Она всѣхъ князей бояръ повыманитъ[1]),
— Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ. —
А вси князи тутъ бояра призадумались.
«А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
«Ай похвасталъ онъ своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ да нунь она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ!
«Засади́мте-тко Ставра да въ пóгреба,
«А во тыи было пóгреба глубокіи.
«Пусть-ко нынь Ставрова молода жена
«Всихъ князей бояръ да насъ повыманитъ,
«Солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Былъ же у Ставрà да было свóй чѐлŏвѣкъ,
А садился на Ставрова на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю Ляховитскую,
Къ той же Василисты ко Никуличной[2]),
Да къ Ставровой молодой жены.
Пріѣзжае къ Василисты ко Никуличной,
Къ той же ко Ставровой молодой жены.
Говоритъ же Василисты да Никуличной:
— Ай же Василиста дочь Никулична,
— Ай же ты Ставрова молода жена!
— А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— А тобой да молодой женой,
— Василистой да Никуличной,
— Что же всихъ князей бояръ да ты повыманишь,
— Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —

---

1) Т. е. обманетъ.

2) По объясненію Калинина, эта Василиса была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрыниной.

Digitized by Google

Говоритъ тутъ Василиста дочь Никулична:
«Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
«Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
«Могу ли нѣтъ догадкамы да женскима».
А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ *(такъ)*,
Подрубила волосà да по мужичьему,
Набрала дружинушки хороброю,
Сорóкъ молодцёвъ, молодыхъ борцёвъ,
Сорóкъ молодцёвъ, молодыхъ стрѣльцёвъ,
А сама она поѣхала посланникомъ,
А ко солнышку Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Оставляетъ тутъ дружину во чистóмъ поли,
А сама тутъ пріѣзжаетъ да посланникомъ.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Ты откудовá, удалый добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нунь зовутъ по имечки,
«Нарекаютъ по изотчины?»
— Я изъ зéмли Ляховинскіи,
— Того кóроля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ нунь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ свáтовстви
— На твоей было любимыи на дочери. —
«Я пойду къ дочéри нунь подумаю».
Приходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
А своей дочéри еще спрашиватъ:
— Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
— Пріѣзжае короля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— На теби любимыи на дочери да свататься. —
Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

Digitized by Google

«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки[1]) мяко́ньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты[2]) были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добра́ бёрёжетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ послу да ляховитскому,
Къ мо́лоду Василью да Никуличу.
— Молодой Василій да Никуличь ли!
— Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку? —
«Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
«А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
Приказалъ Владиміръ стопить баенку,
А приходитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Къ мо́лоду Василью да Никуличу:
— А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
А дока́ Владиміръ въ домѣ гладился[3]),
Той порой посолъ въ байны́ отпарился,
Стрѣту-ту идетъ, да ему че́сть воздаетъ:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«Да на тепло-парною вашей на баенки».
Владиміръ тутъ ему да отвѣчаетъ ли:
— Что же скоро въ баенкѣ отпарились? —
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Ваше дѣло е хозяйское,
«Наше дѣло е посольное,
«Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,

---

1) Груди.
2) Мѣста подъ кольцами.
3) Т. е. ладился, собирался.

Digitized by Google

«Въ теплопарною тамъ париться.
«Я пріѣхалъ вамъ о добромъ дѣлѣ да объ сва́тоствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду еще къ дочѐри тамъ подумаю. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ приходитъ тутъ, дочѐри самъ же спрашиватъ:
— Ай ты дочь моя возлюбленна!
— Того ко́роля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— Онъ пріѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
— На тебѣ было любимыи на дочери. —
Отвѣчае дочь ему любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мяко́ньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Тутъ приходитъ да къ Василію ко Никуличу;
— Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
— Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
— Тамъ ты хлѣба соли да откушаешь,
— А отдо́хнешь послѣ теплопарной баенки. —
А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Тамъ же онъ да хлѣба кушаётъ.
А выходитъ онъ изъ-за́ столовъ
И Владиміру да че́сть воздаетъ.
А отводитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
А во тыи нунь да ложни да во тёплыи.
Молодой Василій да Никуличъ ли,

Digitized by Google

Гдѣ головой-то быть, да тутъ же жопой легъ.
Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва-
товствѣ
«На твоей любимыя на дочери».
Отвѣчаетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду еще къ дочéри, тамъ подумаю. —
Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,
А широкѝ плеча да богатырскіи.
И приходитъ онъ къ дочéри, самъ же спрашиваетъ:
«Ай ты дочь моя возлюбленна!
«Того кóроля сынъ Ляховитскаго,
«Мóлодой Василій да Никуличъ ли,
«А пріѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о свáтовствѣ
«На тебѣ было любимыи на дочери».
Отвѣчае дочь ему любимая:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
— Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
— Выдаваешь ты дѣвчѝну самъ за женщину:
— Пельки мякóньки все по женьскому,
— Ричь поговоры все по женьскому,
— Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
— Она стёгна жметъ, добрá бережетъ. —
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ Василью ко Никуличу:
«Ахъ ты мóлодой Василій да Никуличъ ли!
«Не угодно ли съ дворянами потѣшиться,
«Пострѣлять въ колечко золоченое?»
Отвѣчаетъ тутъ Василій да Никуличъ ли:

Digitized by Google

— Оставлены стрѣльци да во чистомъ поли.
— Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
— А стрѣлять въ колечко золочёное. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ поставилъ молода́ стрѣльця.
Первой разъ стрѣли́лъ, да онъ не до́стрѣлилъ,
А другой же разъ стрѣли́лъ, пере́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣли́лъ, да туды не́ попалъ.
Молодой Василій да Никуличъ ли
А натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ онъ стрѣлочку кале́ную,
А стрѣляетъ тутъ въ колечко золочёное,
Попадаетъ тутъ въ колечко золочёное,
Коле стрѣлочку да на́ двое,
Мѣрою однаки да вѣсо́мъ равны.
Самъ Василій испрого́воритъ:
«Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва́товствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду къ дочёри, тамъ подумаю. —
Приходитъ онъ къ дочёри, самъ же спрашиватъ.
Говоритъ ему да дочь любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мяконьки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
А приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу,

Digitized by Google

Къ мо́лодому Василію да Никуличу:
«Молодой Василій да Никуличъ ли!
«Неугодно ль съ моима̀ дворянами потѣшиться,
«А й потѣшиться да поборотиться?»
— Да оставлены борьци да во чисто́мъ поли,
— Самому же нуньчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
Онъ выходитъ да на ши́рокъ дворъ,
Сталъ съ дворянами онъ тѣшиться,
Сталъ онъ тѣшиться да онъ боротиться.
Одного захватитъ въ руку, дру́гаго да въ дру́гую,
Третьяго онъ сма́хнетъ во серёдочку.
По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
А которыихъ положитъ, больше ты не выстанутъ.
А выходитъ тутъ Владиміръ да на ши́рокъ дворъ:
«Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
«Укроти-тко свое сердце богатырское».
Испрого́воритъ мо́лодый Василій да Никуличъ ли:
— Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сватовствѣ
— На твоей любимыи на дочери,
— А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ во́зьму не́ съ чести,
— Не́ съ чести возьму́, да те́би бокъ набью. —
Не пошолъ же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
Сталъ свою тутъ дочь просватывать,
За того было Василья за Никулича,
За тую было Ставрову молоду́ жену.
А свадебка у нихъ была по третій день,
А Василій да Никуличъ закручинился,
Онъ повѣсилъ сво́ю да буйну голову,
Утопилъ же очи ясны о кирпиченъ мостъ.
Испрого́воритъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
«Что же ты Василій закручинился?»
— Что же мнѣ-ка стало нунь не весело:

Digitized by Google

— Батюшка ли дома у насъ по́меръ ли,
— Али матушка у насъ да дома по́мерла,
— Аль надъ дружиной во чистòмъ поли не ладно есть.
— Нѣтъ ли у́ васъ мла́дыхъ гусельщичковъ,
— Поиграть да во гуселышка яровчаты,
— Звеселить мое сердечико? —
Доставали что ли младыхъ загусельщичковъ.
Все играютъ да не весело,
Не могли же звеселить Василья да Никулича.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Нѣтъ ли у тя мла́дыхъ затюремщичковъ,
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Стали тутъ играть въ гуселышка яровчаты,
Все играютъ да не весело.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
— Нѣтъ ли здѣсь Ставра̀ Годинова,
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Тутъ выводятъ Ста́вра съ по́гребовъ глубокіихъ,
Заигралъ въ гуселышка яровчаты,
Звеселился тутъ Василій да Никуличъ ли.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты меня Ставёръ да нунь же знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Я тебя топеричку не знаю ли».
— А помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
— А моя была чернильница серебряна,
— А твое было перо да подзолочено,
— Ты тутъ помакивалъ всегды, всегды,
— А я помакивалъ тогды сегды? —
«Я съ тобою въ грамотѣ не у́чивался».

Digitized by Google

— А не помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— А мы съ тобою сваечкой поигрывали,
— А мое было колечко золоченое,
— Твоя-то была сваечка серебряна,
— Ты тутъ попадывалъ всегды, всегды,
— А я попадывалъ тогды сегды? —
«Я-то съ тобой сваечкой не игрывалъ».
Говоритъ же тутъ Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты спусти-ко со мной Ставра съѣздить во чисто поле,
— Посмотрѣть дружинушки хороброю. —
Говорятъ тутъ князи бояра:
«Какъ спустить Ставра, такъ не видать Ставра,
«Не спустить Ставра, такъ розгнѣвить посла».
А не смѣли тутъ посла порозгнѣвить,
Отпустили Ставра съѣздить во чисто поле.
Пріѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
Ко своей было дружинушки хороброей.
Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотняны,
Одѣвае платья было женьскіи,
Сокручается Василій было женщиной.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
«Нунечу Ставрова молода жена!»
Спрашиватъ да Василиста дочь Никулична
У того Ставра Годинова:
— Молодой же ты Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты за что же засаженъ да былъ во погреба? —
«Я похвасталъ нунь тобой да молодой женой,
«Что ты всихъ князей бояръ теперь повыманишь,
«Что ли солнышка Владиміра съ ума сведешь.
«А поѣдемъ, Василиста дочь Никулична,

Digitized by Google

«Мы поѣдемъ въ свою сторону».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Намъ не честь хвала да молодецкая,
— Что ли во́ровски уѣхать намъ со Кіева.
— А поѣдемъ-ко мы свадебки доигрывать.
— Вси князи да боя́ра нунь повы́манены,
— Солнышко Владиміръ да съ ума сведенъ. —
Накрутилась тутъ она да е посланникомъ,
Пріѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владиміра тутъ спрашиватъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А за что же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
— А во по́греба глубокіи? —
«А за то же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
«А во по́греба глубокіи:
«Онъ похвасталъ нунь своёй да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньче на́ умѣ,
— Что у тя Владиміръ е на разумѣ,
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину,
— А за тую за Ставрову молоду́ жену,
— А за тую Василисту за Никуличну?—
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ же очи ясны во кирпиченъ мостъ.
Вси же князи тутъ бояра призадумались,
Вси же князи тутъ бояра испрого́ворятъ:
«Она всихъ князей бояръ да насъ повы́манила,
«Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
«Благодарствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!

Digitized by Google

«Зналъ похвастать молодой женой!
«Ты торгуй-ко нунь Ставёръ да здѣ во Кіевѣ,
«Ты отнынѣ же торгуй, да вѣкъ же по́ вѣку,
«Здѣ во Кіевѣ безпошлинно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

8.

СМЕРТЪ ЧУРИЛЫ [1]).

А справляется Чурилка, убирается,
Обувае сапожки зеленъ сафьянъ,
Кругъ носочка яичко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летѣлъ,
Туды воробей летѣлъ, самъ крыломъ не задѣлъ.
Одѣвае онъ платьица цвѣтныи,
Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
А й ушисту, пушисту, завѣсисту,
И спереди не видно личка бѣлаго,
И сзади не видно кудеръ жолтыихъ.
Справляется Чурилка, убирается,
Убирае Чурилка добра кона,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
На потнички кладе войлочки,
А на войлочки кладётъ да онъ сѣделышко.
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла же добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поѣдучи.

---

1) Размѣръ дактилическій.

Digitized by Google

Уѣхалъ Чурила во чисто полё,
Пріѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
Подъ ей же окошко косевчато,
Къ той ли Катерины Микуличной.
Увидала Катеринушка Микулична,
По поясу броси́лась въ окошечко,
Говорила Чурилушки Плёнкову:
«Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ!
«Поѣзжай-ко Чурила въ гостёбищо.
«Нѣту Безмѣра Васильевича,
«Ушолъ у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
«Ушолъ же Безмѣръ ко заутренки
«И буде стоять тамъ обѣденку».
Подъѣзжае Чурила сынъ Плёнковичъ
Къ той же Катеринѣ Микуличной,
Заѣзжае Чурила на ши́рокъ дворъ.
Выбѣгала Катерина Микулична,
Стрѣтала Чурилушку Плёнкова,
Брала за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни́ за злаченыи,
Цѣловала въ уста его въ сахарніи.
Брала Чурилина добра́ коня,
Вела на конюшни стоялыи
И сыпала пшену бѣлоярову.
Отошла отъ коня, поклониласи:
«Ѣшь-ко конь лошадь добрая!
«Не для тебя я, конь, кланяюсь,
«Для твоя *(такъ)* любимаго хозяина,
«Для того Чурилушки Плёнковича».
Взяла тутъ Чурилушку Плёнковича,
Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Садила его было на стульчики,
Подносила дощечку дубовую.
Стали играть оны въ шашечки;

Digitized by Google

Сама же Чурилы испрогóворитъ:
«Чорта-то да не зá игра
«А во тыи во шашки во шахманки!
«Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
«На тую кроватку тисовую,
«На тую перинку пуховую,
«Тамъ же Чурила позабавимся».
Увидала дѣвчоночка чорная,
Хоть бы чорна дѣвчонка челя́динка,
Тую же Катерину Микуличну
Съ тымъ же Чурилушкой Плéнковичемъ
На той же кроватки тисовыи,
На той же перинки пуховыи.
Выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ
Изъ тои кроватки съ тисовою,
Съ тои же периночки пуховыи,
Говорилъ же дѣвчóночку чорному:
— Ужъ ты чорна дѣвчонка чиганочка!
— Вотъ ти полтина на бѣлилишка,
— И дру́га полтина на румянишка,
— А третью полтину куды хóшь клади.
— Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублёвъ,
— Ушиста, пушиста, завѣсиста,
— И спереди не видно личка чорнаго,
— И сзади не видно пучка вшиваго. —
Говорила Катерина Микулична.
«Ай же Чурилушка Плёнковичъ!
«Эты полтинушки мни отдай,
«Этую шапоньку самъ держи».
Обвернула дѣвчоночка чёрная
Изъ той же полаты бѣлокаменной,
Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
— Ахъ ты мóлодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ

Digitized by Google

— Ты стоишь же зди́, Богу молишься,
— У тебя же е тамъ нунь гость въ гостяхъ,
— У твоей же Катерины Микуличной
— Е же Чурилушка Пленковичъ:
— Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
— Что ли мужъ съ женой забавляются. —
Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Скорешенько пошолъ со Божья́ храму
Къ той же полаты бѣлокаменной.
Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
Выбѣгала Катеринушка Микулична,
Рострепала волоса свои женьскіи,
Стрѣтала Безмѣра Васильевича:
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Одва безъ тебя я не у́мерла,
«Заболѣло сердечко ретливое».
Говорилъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Той же дѣвчонки челядинной:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— А нунечу, дѣвчонка, показывай. —
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Поди-ко на конюшню стоялую,
«Во твоей же конюшни стоялыи
«Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
«И зобле пшену бѣлоярову».
Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Онъ на тую конюшню стоялую,
Увидѣлъ Чурилина добра́ коня,
Отсѣкъ же Чурилину добру́ коню,
Отсѣкъ же ему буйну голову.
Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ же дѣвчонку испрого́ворилъ:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— Нунечу, дѣвчонка, показывай. —

Digitized by Google

Говорила дѣвчоночка чёрная,
Черна дѣвчонка челя́динка:
«Бери-тко ларци́ окова́нныи,
«А здымай ларци выше головы».
Тяпнулъ ларци окова́нныи,
Ломалъ же ларци окованныи,
Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
Отсѣкъ же Чурилы буйну голову
За его же поступки неумильніи.
Говорила Катерина Микулична:
— Гди пала́ головка кониная,
— Тутъ пала́ головка Чурилина,
— Тутъ пади головка Катеринина! —
Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
Отсѣкъ же Катерины буйну голову
А за ей да поступки неумильніи.
Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
«Гди пала́ головка кониная,
«Тутъ пала́ головка Чурилина,
«Тутъ пала́ головка Катеринина,
«Тутъ пади головка дѣвки чёрною!
«Черна дѣвчонка челя́динка,
«Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
«Не доказывала бы она мужнихъ женъ».
Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.
Самъ же Безмѣръ пріужахнется:
Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано тамъ же, 22 іюля.

Digitized by Google

9.

ДЮКЪ.

А во той Индѣюшки богатыи,
Да во той было Корелы во проклятыи,
А былъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А севодня день да былъ суботніи.
Онъ ходилъ гулялъ да по всимъ зàводямъ,
Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей;
Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
А севодня день братцы суботніи,
Завтра намъ итти да ко Божьёй церквы.
Онъ ставае тутъ по утрышку ранешенько,
Отправляется онъ до къ Божьёй церквы.
Онъ стоялъ же тамъ великодённую заутреню,
Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
А къ честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной,
Онъ отъ той великодённыи заутрени:
«Ты родитель моя матушка,
«Ты честнáя вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощенье съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру
«Посмотрить же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
«Скажутъ: Кіевъ градъ въ честѝ въ добри».
Матушка ему да испрогóворитъ,
А честнáя вдова Мамельфа Тимофеевна:
— Ай рожоно мóе дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й окольною дорожкой туды дальнею
— А гоньци гоняютъ по три мѣсяца,
— Съ коня нà конь, съ лошади тутъ нà лошадь.
— Пройде времени въ дороги да три мѣсяца.

Digitized by Google

— А прямой дорожкой не окольною
— Е три заставы великіихъ:
— Перва застава великая
— Что ли горушки толкучіи.
— Какъ ростóлнутся да горы вмѣсто стóлнутся,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Дрýга застава великая
— Что ли птичушки клевучіи.
— А росправя птици крыльица,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Третья застава великая:
— А лежитъ змѣя проклятая,
— О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
— А росправитъ змѣя хоботы,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать. —
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
А родители тутъ матушки,
А честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной:
«Ты родитель моя матушка,
«Честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощеньицо съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А й ко ласковому князю ко Владиміру:
«Дашь прощеньицо съ благословленьицомъ — поѣду ли,
«Хоть не дашь прощеньица съ благословленьицемъ,
«Все равно поѣду я».
Дала тутъ прощенье съ бласловеньицомъ
Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма,

Digitized by Google

Онъ сѣдлаетъ тутъ добра́ коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички да кла́де войлочки
А на войлочки черкальское сѣдёлышко.
Онъ подтягиватъ двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ
А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мо́лодца въ чистѣмъ полѝ не выронилъ.
Провожаетъ-то его да ро́дна матушка,
Та было Мамельфа Тимофеевна,
А сама ему наказыватъ:
— А рожоно мо́е дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
— Не быдь-ко ты рожоное захвастливо,
— Такъ не будешь ты рожоное захвачено. —
Распростиласи да воротиласи.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
Широки раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой за́ставы прискакивалъ,
А ростолнутся-то горы, вмѣсто столнутся.
Тыи горушки ростолнулись,
Не поспѣли вмѣсто столнуться,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Къ другой за́ставы прискакивалъ.
Не поспѣли птици крыльицовъ росправити,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.

Digitized by Google

Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки взялъ озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежь ногъ пущать,
Онъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Пріѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Привязалъ же онъ добра́ коня
У того столба да у точёнаго,
У того кольца да золочёнаго,
А й заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре стороны,
Князю со княгиною въ особину.
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною Апраксіей!»
Говорилъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И какъ тебя зовутъ нуньчу по́ имени,
— Нарекаютъ по отечеству? —
«Я изъ той же нунь Индѣи да богатою,
«А изъ той было Корелы я проклятою,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ».
— А давно ли ты бояринъ да повыѣхалъ? —
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Дома я стоялъ же тамъ заутренку,

Digitized by Google

«А сюды поспѣлъ же я нунь ко обѣденкѣ
«А вотъ было во Кіевъ градъ».
А справляется тутъ солнышко къ обѣденкѣ
Съ тымъ же молодымъ бояриномъ,
Съ Дюкомъ нунь Степановымъ.
А пошли оны по уличкамъ,
Пали дождички великіи,
Сдѣлали тутъ улички да грязныи.
Шолъ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Измаралъ же онъ сапожки да зелёнъ сафьянъ.
Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
На сапожки тутъ бояринъ да поглядыватъ:
— А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— Ай же въ Кіеви да не по нашему,
— Посланы мосты да все кирпичныи,
— Сыпаны пески да рудожолтыи,
— Пали дождики великіи,
— Измочили тутъ пески да рудожолтыи,
— Измаралъ-то я сапожки да зелёнъ сафьянъ.
— А у насъ было въ Индѣи во богатыи,
— А у насъ было въ Корелы во проклятыи,
— Все же стланы мостики дубовыи,
— Поверху было да сукна одинцовыи. —
А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ,
Говорилъ же тутъ Чурила сынъ же Плёнковичъ:
«Ай же ты мужикъ да деревенщина,
«А пустымъ ты мужикъ да нуньчу хвастаешь!
«Ты убилъ купця либо боярина,
«Снялъ же тутъ сапожки да зелёнъ сафьянъ,
«Самъ же ты сапожковъ знать не держивалъ,
«Все же на сапожки ты поглядывашь.
«А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
«Ѣздить-то же намъ да е по три́ годы,
«А по три́ годы-то намъ же ѣздить по́ три дни,

Digitized by Google

«Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи,
«Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Билъ же тутъ съ Чурилой о великъ залогъ,
Ѣздить имъ же нунь по три́ годы,
А по три́ годы то намъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ насъ лучше повыступитъ,
Дру́гому изъ насъ да голова рубить.
А по Чурилушки по Плёнкови
А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
А по томъ было по Дюкѣ по Степановѣ
Да ручался одинъ отче да черниговской,
А крестовой его батюшко:
Ѣздить-то имъ да по три́ годы,
А по три́ годы-то имъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ нихъ лучше повыступитъ,
Дру́гому изъ нихъ да голова рубить.
Тутъ выходятъ отъ великодённыи обѣденки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Про́шолъ къ солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску,
Тутъ пришолъ да хлѣба кушати
А во тыи гридни во столовыи.
Тутъ садилиси за столики дубовыи,
Приносили тутъ колачики крупивчаты
Что ли Дюку да Степанову.
Сталъ же онъ колачиковъ тутъ кушати,
Мякишокъ-тотъ ѣстъ да корочку подъ столъ мечетъ:
— А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— А все въ Кіеви да не по нашему.
— Этыи колачики крупивчаты
— Пахнутъ-то на глинушку дожжовую,
— А на то же на помялушко сосновое.
— У моей было родители у матушки

Digitized by Google

— Есть же печки тамъ муравлены,
— Тамъ помялушка шелковыи,
— А не пахнутъ тамъ колачики на глину на дожжовую,
— А колачикъ съѣшь, другова хочется,
— Дру́гой съѣшь, третьей съ ума не йдетъ. —
Вонъ исходитъ зъ-за столовъ да за дубовыихъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному:
— Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
— За твои было колачики крупивчаты. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ справляться во Индѣюшку,
А во ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Не спустили тутъ боярина
Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Тутъ садился да бояринъ на ременчатъ стулъ,
Пише ёрлуки да скорописчаты,
Кладыва́е онъ же въ сумки перемётныи,
Отпускае онъ добра̀ коня
Съ тыма сумкамы да перемётныма
Ко своей было къ родители ко матушки,
Ко честно̀й было Мамельфы Тимофеевной.
— Ай родитель моя матушка,
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Посылай ко ты мнѣ-ка-ва нынь платьицовъ
— А на три́ годы пошли да ты же на три дни,
— Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи;
— Ты пошли-ко злата се́ребра,
— Ты пошли-ко мнѣ на три́ годы,
— Ты на три́ годы пошли да на три дни,
— А не спустя меня съѣздить во Индѣюшку,
— А во ту было въ Индѣю во богатую,

Digitized by Google

— А во ту было въ Корелу во проклятую.
— Я ударилъ нуньчу здѣ-ка о великъ залогъ,
— Я похвасталъ знать Индѣей да богатою,
— Да похвасталъ я Корелой да проклятою:
— У насъ было во Индѣи во богатыи, —
— А стоятъ у насъ полаты бѣлокаменны,
— Что ли столбики у насъ да тамъ точеныи,
— Крышки тамъ у насъ да золоченыи,
— А за то же я захваченъ Дюкъ Степановичъ. —
Отправляетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Отправляетъ тутъ добра́ коня
Ко родители ко матушки
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной.
Сталъ же его бурушко поскакивать,
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ,
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Ко Индѣюшки прискакивалъ,
Середи двора да ставился,
За́ржалъ лошадиныимъ тутъ я́сакомъ.
Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
Увидала тутъ боярина добра коня:
«Видно тутъ рожоное убитое!»
Выбѣгала тутъ на ши́рокъ дворъ,

Digitized by Google

Увидала о́на сумки перемётныя,
Брала о́на сумки перемётныя,
Выносила сумки перемётныя,
Роспечатывать тутъ ёрлуки да скорописчаты,
Сама же тутъ да испрого́воритъ:
«Видно тутъ рожоное захвастливо,
«Тамъ мое рожоное захвачено».
Собирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныихъ,
Отправляе ёму платьицовъ на три́ годы,
А на три́ годы да на три дни,
Въ каждый день да трижды днёмъ
Ему платьица-ты смѣнныи.
Отпускае еще злата ёму се́ребра,
А на три́ годы да на три дни,
Чтобъ хватило да боярину
Дюку да Степанову.
Пише ёрлычки да скорописчаты
Мо́лоду боярину а Дюку да Степанову:
Да не хватитъ буде злата се́ребра,
А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
Рыла она сумки перемётныи,
Отправляла тутъ его добра́ коня
Къ мо́лоду боярину а къ Дюку да Степанову
Тутъ было во Кіевъ градъ.
А й пошолъ же его бурушко поскакивать
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой заставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ,

Digitized by Google

Къ третьей заставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую заставу проскакивалъ,
Тутъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Онъ приноситъ было сумки перемётныи,
Молоду боярину а Дюку да Степанову,
А привозитъ ёму цвѣтныи да платьица,
Онъ на три́ годы привозитъ на три дни.
Вси Кіевомъ платьицовъ ужахнулись,
Стали выбирать оны общѣнщичковъ
А во ту было Индѣю во богатую:
Мо́лода Добрынюшку Никитича,
Въ дру́гихъ тутъ Михайлу По́тыка Иванова,
А въ третьіихъ Олешеньку Поповича.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
— А во ту было Индѣю во богатую
— Нашихъ животовъ общѣнивать.
— Наши жи́воты сиротскіи,
— Его глазушка поповскіи,
— Его глазушка оза́рятся,
— А не вытти ввѣкъ съ Индѣюшки.
— Вы пошлите-тко каза́ка Илью Муромца,
— Мо́лода Добрынюшку Никитича,
— Въ третьіихъ Михайлу По́тыка Иванова,
— А трехъ русскіихъ могучіихъ богатырей,
— А не вѣкъ же имъ тамъ животы общѣнивать:
— Не какіе наши жи́воты, сиротскіи. —
А отправились бога́тыри,
А отправились въ Индѣю во богатую
А во ту было въ Корелу во проклятую,
Дюковы́ихъ жи́вотовъ общѣнивать.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,

Digitized by Google

Сталъ же со Чурилушкой поѣзживать.
Въ кажный день Чурилушки да конюшки-ты смѣнныи
Наставляютъ ёму Кіевомъ.
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На росы буркà да перекáтыватъ,
Шерсть же на бурки да перемѣнится,
Въ кажный день-то шерсть да на емъ смѣнная.
Одѣвае въ кажный день-то платьица онъ смѣнныи,
Да не то бояринъ и по трижды въ день.
Стали ѣздить со Чурилой было Плёнковымъ
А гулять да во чистóмъ поли.
А пошли туды да русьскіи могучіи богáтыри
А во ту было Индѣю во богатую
Его жúвотовъ общѣнивать,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Коротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелушку проклятую.
Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.
Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
Думали Индѣя перепаласи,
Ажно ихъ Индѣя не спугаласи,
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти,
А й полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,
Столбики у нихъ были точеныи,
Крышки-ты у нихъ да золоченыи.
Выходятъ тутъ оны да срéди города
А къ той было Мамельфы Тимофеевной

Digitized by Google

Къ ей же нунь полатамъ бѣлокаменнымъ.
Тутъ идутъ же отъ обѣдни жены старо-ма́теры.
«Ужъ вы здравствуйте артель да жоны старо-ма́теры!»
Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-ма́теры:
— Вы откуда добры молодцы? —
Отвѣчаютъ имъ удалы добры молодцы,
Святорусьскіи бога́тыри:
«Есть мы города нунь Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«А й общѣнщички же Дюковыимъ жи́вотамъ.
«Мы пришли общѣнивать да Дюковыихъ жи́вотовъ.
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
— Нѣту этта Дюковыи матушки,
— Этта Дюковы коровници. —
А приходитъ тутъ артель да ихъ же дру́гая:
«Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-ма́теры:
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы да портомойници».
А идётъ же тутъ артель да было третьяя:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы постельници».
А идётъ же тутъ артель четвертая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы колачници».
А идётъ же тутъ артель да пятая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,

Digitized by Google

«Этта Дюковы да горничны».
А идётъ же тутъ артель да шóстая,
Тутъ идетъ женá да старо-мáтера,
Вся она идетъ да было въ золоти:
— Здравствуйте вы жоны старо-мáтеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
Говорятъ тутъ, жоны старо-мáтеры:
«Есть же этта Дюковая матушка».
Тутъ выходитъ Дюковая матушка,
А честнá вдова Мамельфа Тимофеевна:
— А вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Вы коéй земли, коéй орды,
— Какъ васъ именёмъ зовутъ,
— Какъ васъ нарекаютъ по отечеству? —
«Есть же мы тутъ города-е Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«Посланы у Дюка у Степанова
«Своихъ жúвотовъ общёнивать.
«Я есть старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Другой мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Въ третьихъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«А й удалы добры молодцы,
«Святорусьскіи богáтыри».
— Ужъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Ужъ ты молодый Добрынюшка Никитиничъ,
— А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— А подите къ намъ да хлѣба соли нуньчу кушати,
— Бѣлою лебёдушки порушати.
— Не какіе наши жúвоты, сиротскіи,
— Наши жúвоты бобыльскіи,
— А не долго прóйде животы общёнивать. —
Отправлялиси богáтыри
А й во ты было полаты бѣлокаменны,
Къ той было Мамельфы Тимофеевной,

Digitized by Google

Тутъ же хлѣба кушати.
Тутъ приходятъ да во гридни во столовыи,
Крестъ кладутъ да по писа́ному
И поклонъ ведутъ да по учёному,
Бьютъ челомъ да покланяются
На всѣ на четыре стороны,
Ей Мамельфы да въ особину.
Тутъ садились они хлѣба было кушати,
Ей же бѣлою лебёдушки порушати.
А колачикъ съѣли, дру́гаго тутъ хочется,
А по третьеёмъ душа горитъ.
Наѣдалиси они да было до́ сыти,
Напивалиси оны да было до́ пьяна.
Стали тутъ бога́тыри отдохъ держать,
Спали тутъ бога́тыри трои́ сутки.
А по той же по Индѣи по богатоей,
А по той же по Корелы по проклятоей
Потекла рѣка да было съ зо́лотомъ.
Прохватились тутъ же русьскіи могучіи бога́тыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
Узнавать было Индѣюшки богатыи,
Узнавать было Корелушки проклятыи,
Что общѣнивать Индѣя-та богатая,
А какіе есть тутъ Дюковыи жи́воты.
А во той было Индѣи во богатыи,
А во той было Корелушки проклятыи
Стланы тамъ же мостики дубовыи,
На верёхъ-то у нихъ сукна одинцовыи.
Проходили тутъ бога́тыри
А по той было Индѣи по богатыи,
А узнали тутъ же Дюковыи жи́воты,

Digitized by Google

Увидали тутъ рѣку да золоченую,
И самы себи оны да испрогóворятъ:
«Какъ намъ этта Дюковыи жúвоты общѣнивать,
«Тутъ же вѣкъ свой намъ скорóтати».
Стали тутъ же общѣнивать да жúвотовъ,
Да общѣнивали сбрую лошадиную.
Прошло времечки безъ мала да три гóды есть,
И самы себи богáтыри спрогóворятъ:
«Ай же мы да братьица крестовыи!
«А не нужно намъ всихъ животовъ общѣнивать,
«А какъ вси намъ жúвоты общѣнивать
«Такъ намъ вѣкъ же тýда-ка скорóтати».
Отправляются три русьскiихъ могучiихъ богатыря
А изъ той же изъ Индѣи изъ богатыи,
Да изъ той же изъ Корелы вонъ съ проклятыи
А ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
А приходя къ городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Говорили что ли солнышку Владиміру,
Что ли князю стольнё-кіевску:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ пріóбщѣнить.
«Общѣнять же тамъ намъ Дюковыи жúвоты,
«Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скорóтати».
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ѣздилъ со Чурилушкой по трú годы,
А по три годы, да по три дни.
А приходитъ имъ было послѣдній день,
Кто у нихъ получше да повыступитъ,
Дрýгому изъ ихъ да голова рубить.
Сегодня день братцы у насъ суботніи,
Завтра у насъ день да воскресеньицо,

Digitized by Google

А итти-то имъ да ко Божьёй церквы.
Да который-то изъ нихъ лучшѐ повыступитъ,
Дру́гому изъ ихъ да голова рубить.
Тутъ приходятъ да оны да ко заутренки,
А Чурилушко тотъ Пленковичъ
Ставится на крылосо на правое,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ставится на крылосо на лѣвое.
Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
Сталъ же свою славушку показывать,
Сталъ же онъ тутъ плеточкой поваживать,
Онъ отъ пуговки да сталъ было до пуговки,
А й отъ петелки до петелки;
Тутъ отъ пуговки до пуговки
А й пошли враны́, стали прогуркивать,
А й отъ петелки до петелки
Поплыла змѣя, стала просвистывать.
Кіевомъ было Черниговомъ
Вси оны да пріужахнулись,
Вси оны да тутъ же призадумались
А самы ему да испрого́ворятъ:
— Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Некуда́ боярину да Дюку да Степанову,
— Некуда́ да лучше нынь повыступить. —
Мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ онъ очи ясны во кирпиченъ мостъ,
Самъ бояринъ призадумался.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ онъ плеточкой поваживать,
А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
А й отъ пуговки было до пуговки
Пошли птицушки пѣвучіи,

Digitized by Google

А й отъ петелки до потелки
Пошли звѣрюшки крыкучіи,
Вдругъ запѣли тыи птицушки пѣвучіи,
Закрычали вдругъ же звѣри вси крыкучіи.
Вси во церквы пали, обмерли.
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ай уйми-тко ты же птиценекъ пѣвучіихъ,
«Да уйми-тко всихъ же звѣрюшковъ крыкучіихъ,
«Ты оставь-ко намъ людей да хоть на сѝмена».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Не у васъ я хлѣба соли нуньчу кушаю,
— Я не васъ то хочу нуньчу слушати. —
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же отче ты черниговской!
«Ты молись-ко да крестовому нунь дитятки,
«Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
«Унялъ чтобы птиценекъ пѣвучіихъ,
«Чтобы унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ».
Говорилъ же ёму отче да черниговской,
А крестовый его батюшка:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты уйми-тко нуньчу птиценекъ пѣвучіихъ,
— А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крыкучіихъ. —
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я у васъ же хлѣба соли нуньчу кушаю,
«Да я васъ же хочу слушати».
Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучіихъ,
Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Кто у насъ получше да повыступилъ?»
Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
Утопилъ да очи ясны во кирпиченъ мостъ,

Digitized by Google

Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Это молодцамъ да намъ съ тобой не пóхвальба,
— А поѣдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣки,
— Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
— Кто изъ насъ тутъ лучше да повыступитъ? —
Не хотѣлось бы Чурилушки ѣхать къ матушки Пучай-рѣки,
Его пóхвальба да напередъ зашла.
Поѣзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
Что ли съ молодымъ бояриномъ
Да со Дюкомъ со Степановымъ
Къ тою матушки Пучай-рѣки.
Пріѣзжаютъ тутъ же къ матушки Пучай-рѣки
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
Говоритъ ему бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты мóлодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
«Твоя пóхвальба-та напередъ зашла,
«Скочи-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
«На своемъ-то на добрóмъ конѣ».
Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
Розсердилъ же тутъ онъ своего добрá коня,
Скочитъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
Осередъ рѣки Чурилушка въ водý пошолъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ приправитъ своего тутъ бурушка
Черезъ матушку Пучай-рѣку.
Съ бережка бояринъ да выскакиватъ,
Къ другóму бояринъ да прискакиватъ,
Поскорешенько назадъ коня да поворачиватъ,
Осередъ рѣки бояринъ да припадыватъ,
Зá волосы онъ Чурилушку захватыватъ,
Да съ воды съ конёмъ выздымливатъ,

Digitized by Google

Къ солнышку къ Владиміру притаскиватъ.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кто у насъ получше да повыступилъ? —
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не сруби-тко ты Чурилки буйной головы
«За его теперь поступки неумильніи,
«За его было да ложное-то хвáстанье».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кабы лучше насъ Чурилушка повыступилъ,
— Мнѣ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
— А пустъ-ко ти, Чурилушка ты Пленковичъ,
— А не срублена твоя да буйна гóлова
— За твои поступки неумильніи,
— За твое за ложное за хвáстанье.
— Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
— Кіевскима да черниговскима,
— А й черниговскима бабамы умоленный.
— Ты не ѣзди-тко нунь съ намы со бурлаками,
— А ты ѣзди-тко нунь въ Кіеви,
— Въ Кіеви въ Чернигови межъ бабамы,
— А вѣкъ же тамъ ты ѣзди пó вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКІЙ.

Былъ же славный князь да Карамы́шевскòй,
Жилъ онъ покрай матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Ѣздилъ онъ по матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Прибиралъ же себи мѣсто да любимоё,

Digitized by Google

А прибралъ себи мѣсто да любимоё
Покрай матушки было Вятлы рѣки;
Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
Признали тутъ же князи было бóяра
Его мѣсто да любимоё,
Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
И тотъ же князь да Карамышевской
Заводилъ же онъ тутъ да почестный пиръ,
На князей пиръ да онъ на бóяръ пиръ
И на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же тéмныи,
Илья да кумъ же темныи розбойничѐкъ,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И съ Гришкой нынь съ Олешкой со Баскаковымъ,
На то же на велико пированіё
А на тотъ же на почестный пиръ.
Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
Вси же ѣли, вси же пили тутъ да кушали,
Его бѣлую лебёдушку тутъ рушали.
А сидитъ Илья да кумъ же тéмныи,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ.
Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
И самъ же князь да испрогóворитъ:
«Ай же ты Илья да кумъ же тéмныи,
«А кумъ же темныи розбойничекъ!
«Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушаешь?
«Ѣствы-ты мои теби не пó уму,
«Али питьица мои ти не по разуму?
«Али чарою тебя да нунь пріóбнесли,
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,

Digitized by Google

«Али пьяница тебя да нунь пріобозвалъ?»
— Ѣствы-ты твои да были по́ уму,
— Питьица твои былѝ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріобнесли,
— Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
— И пьяница меня да не пріобозвалъ. —
Ходитъ было князь да Карамышевской
И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
Говорилъ же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не у́бьешь ли,
«На тотъ же день не мошь ты живъ же быть».
Тутъ мутно е́го око помутилоси,
Розбойническое сердце розгорѣлоси
И съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Повыглянулъ на князя онъ же съ по́длобья.
Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
— Ай же князь да Карамышевской!
— Ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойничка.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
— А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
— А съ по́длобья на васъ да онъ повы́глянулъ. —
Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
«Зналъ же я розбойничка роздра́жити,
«Знаю я розбойничка утѣшити»
Шолъ же во глубокіи во по́греба,
На мису́ онъ клалъ да красна золота,
А на дру́гу кладыва́е чистаго тутъ се́ребра,
А на третьюю каменьевъ драгоцѣнныихъ.
Тутъ подноситъ онъ Илью да ку́му те́мному,
Ку́му те́мному, розбойнику,
Эти честныи да да́рева.

Digitized by Google

Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Эти честныи подарочки,
Самъ ему да кланялся:
— Благодарствуешь да князь же Карамышевской
— За твои великіи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь те́мныи,
— Темныи ты ноченьки осенніи. —
Князь же Карамышенской зраду́ется:
«Я зналъ же нунь розбойника роздра́жити,
Я умѣлъ же нунь розбойника утѣшити»
Съ той же со великою со радости,
Что утѣшилъ онъ да нунечку розбойника,
А того же нунь Илью да кума те́мнаго,
Тутъ до́пьяна же князь да напивается,
И до́сыти же князь да наѣдается,
И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
Своимъ тутъ мѣстомъ да любимыимъ:
«Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлы́ рѣки,
«Прибиралъ же себи мѣсто я любимоё,
«Далъ же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублёвъ,
«Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
«Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго».
Вси тутъ на пиру да наѣдалиси,
Вси же на честномъ да напивалиси,
Вси со пи́ру по домамъ да розбиралиси.
Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да те́мныи,
А Илья же кумъ да темныи розбойничекъ,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дожидается онъ ноченьки тутъ темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи,

Digitized by Google

И дождался тутъ онъ ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи.
Говорилъ же онъ дружинушки хороброю:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«А поѣдемте-тко къ князю Карамышинску,
«Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое».
Собиралиси тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Съ тымъ же нунь Ильёй да кумомъ тёмнымъ,
Кумомъ темнымъ розбойникомъ.
Садились они въ лодочку коломенку,
Поѣзжали тутъ по матушки Вятлы рѣки,
Подъѣзжали тутъ подъ мѣсто подъ любимоё.
Прогрянула было лодочка коломенка
Да проскрыпали веселышка яровчаты
А подъ то было село да подъ любимое,
Подъ того ли было князя Карамышенска.
Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
— Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
— А подъ нашеё село любимое
— Прогрянула было лодочка коломенка
— А проскрыпнули веселышка яровчаты,
— Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да темныи,
— Кумъ же темныи, розбойничёкъ. —
Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
«Не боялся бы Ильи да кума тёмнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвыхъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да кума тёмнаго,
«Кума темнаго розбойника!»
Подъ окномъ же тутъ Илья все да повыслухалъ,
Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскаковымъ:
— Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!

Digitized by Google

— Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
— И выставьте-тко двери вонъ со липиньёмъ.—
Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
Ударили тутъ въ двери да со липиньёмъ
И выставили двери съ ободвереньей.
Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы берите-тко копье да бурзамецкое,
«Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
«А во той было во ложни да во тёплыи».
Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что сколоть же нунь намъ князя Карамышенска
— А во той было во теплыи во ложеньки.
— Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
— Его бѣлую лебедушку тутъ рушали,
— Мы приняли да честныи подарочки,
— Не можемъ мы сколоть нунь князя Карамышенска.—
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
Какъ тяпне онъ копье да бурзамецкое,
И скололъ же тутъ онъ князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тёплыи.
Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы сколите-тко княгину нунь за люлечкой».
Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:

Digitized by Google

— Ай не носятъ-насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи
— Да сколоть же намъ княгину да за люлечкой!
— Она му́жа тутъ да не учи́ла ли[1])
— Что роздра́жить Илью ку́ма те́мнаго. —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
И скололъ же онъ княгину да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
«Рвите-тко младенчика да на двое».
Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
Отвѣчали тутъ Ильи да ку́му те́мному:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что его нунь душенка безвинная,
— Не училъ же онъ да отца матери! —
Мутное тутъ око помутилоси,
Хоть розбойницко же сердце розгорѣлоси,
Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
На ногу ступилъ, за дру́гую да дернулъ ли,
На двое младенчика порозорвалъ.
Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
Со́жгалъ тутъ же мѣсто да любимоё,
И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно е́го око тутъ же мутится,
Розбойническое сердце роздѣляется:
Ѣхать мнѣ ко городу ко Кіеву

---

1) Ли не имѣетъ здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

Digitized by Google

А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
А й ко солнышку къ Владиміру,
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставляе во чистóмъ поли,
А съ другою пріѣзжае въ Кіевъ градъ.
Проситъ у Владиміра да войска безпощаднаго,
Онъ большаго проситъ кроволитія [1]).
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
Во великое себѣ-ка во гостёбищо.
Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Что ли къ солнышку къ Владиміру,
Что ль ко князю стольнё-кіевску,
А во ты ли въ гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Ставилъ онъ же столики дубовыи
И угащивалъ великіимъ гостебищемъ,
А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
А садилъ во мѣсто да во бóльшее.
Да разнощикъ былъ Василій да Ивановичъ,
Что ль любимыи его племя́нничокъ,
Племянничокъ да й крестничокъ,

---

1) По объясненію пѣвца, это значитъ, что онъ объявляетъ Владиміру войну.

Digitized by Google

Того князя Карамышевска его-то ро́дной сынъ.
Розносилъ онъ чару зелена вина
На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
Перву чару нёсъ онъ, не́ донесъ,
А другую нёсъ же, пе́ренесъ,
А третьей чары Ильи не́ подалъ,
А и не́ подалъ розбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А розбойничко тутъ сердце загорѣлоси,
Съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Съ по́длобья да онъ повы́глянулъ
На того было Василья на Иванова.
Самъ же тутъ Илья да испрого́воритъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«И какой у тя поставленъ да рознощичокъ,
«Перву чару нёсъ да къ намъ же не́ донесъ,
«А другу чару нёсъ да насъ онъ пе́ренесъ,
«И третьею-то чары намъ же не́ подалъ?
«А заводитъ онъ же бой драку́ великую,
«А большое онъ же съ вами кроволитіе».
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты любимыи племянничокъ,
— Ай Василей да Ивановичъ,
— Ты крестовое мое да было дитятко!
— А зачѣмъ же ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Кума темнаго розбойника?
— За твои поступки неумильніи
— Прикажу ти голову́ рубить! —
Тяжеле́шенько тутъ онъ да поросплакался:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
«Ты родитель мой же дѣдушка,
«Да крестовый мой же батюшко!
«Ты не носятъ да меня же ножки рѣзвыи,
«Да не здынутся мои же ручки бѣлыи

Digitized by Google

«Подать чары зелена вина.
«А й убилъ же онъ родителя нунь батюшка,
«Что ли князя Карамышенска,
«Твоего ли зятя да любимаго,
«А во той было во ложни да во тёплыи,
«А мою было родитель тутъ же матушку
«А твою было сестрицу да родимую,
«А скололъ же онъ за люлечкой,
«Моего же было братца да родимаго
«А и вьюноша тутъ малаго,
«А онъ выдернулъ изъ люлечки,
«На ногу ступилъ, за дру́гую тутъ дернулъ ли,
«И на двоё его порозорвалъ!
«И видѣлъ бы Илью да я на ножики,
«А не то же по́днести да ёму чару зелена вина,
«А тому Ильѣ да куму тёмному,
«Куму темному, розбойнику!»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты крестово мое дитятко,
— Ай Василей да Ивановичъ!
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
— Ты убей-ко нунь Илью да кума тёмнаго,
— Кума темнаго, розбойника. —
Мутно ёго око помутилоси,
Богатырско сердце загорѣлоси,
Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовыимъ,
Какъ ухватитъ онъ Илью да за желты кудри,
Здынетъ тутъ Илью да выше го́ловы,
Топнулъ онъ Илью да о кирпиченъ мостъ,
Повернулись тутъ глаза да вонъ косицами.
Какъ ухватитъ онъ его да тутъ же за ноги,
Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
Выскочилъ Василей да на ши́рокъ дворъ,

Digitized by Google

Добирается до оси до телѣжныи,
До телѣжныи до оси до желѣзныи,
А таи́-то ёму мѣра по плечу пришла.
Взялъ же по той силушки помахивать,
Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
Малыи да розбѣжалиси,
Старыи тутъ ростулялиси,
Вся та силушка назадъ ушла,
Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владиміру.
— Благодарствуй ты любимыи племянничокъ,
— Ты племянничокъ да крестничокъ,
— Да Василей ты Ивановичъ!
— Отлилъ ты ему да кровь родительску
— Да тому было розбойничку,
— Да тому Ильи да ку́му тёмному. —

Записано тамъ же, 22 іюля.

11.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ [1]).

Проѣзжалъ борецъ было невѣрныи,
Много городовъ прошолъ,

---

1) Рагнозеромъ называются небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ этой деревнѣ нѣкогда жилъ знаменитый борецъ. Когда Калининъ пропѣлъ эту былину, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ), отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василіемъ, но какъ по отечеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно, что Рахтѣ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

Digitized by Google

Много онъ борьцóвъ пóбѣлилъ,
Иныихъ онъ до смéрти убилъ.
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
Самъ же князю похваляется:
«Ай же князь ты московскіи!
«Дай мнѣ нуньчу поединщичка.
«Ты не дáдешь намъ да поединщичка,
«Я вашею Москву да всю огнёмъ прижгу».
Много находилоси младыхъ борьцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
А й борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки
А стоятъ же мужики да балахонники,
А й самы́ оны да испрогóворятъ:
— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи,
— Этого борьца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиватъ:
«Вы откуда мужички да балахонники,
«А какой же у́ васъ Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчали мужики да балахонники:
— Нашъ бы Рахта рагнозерскіи
— Этого борьца да онъ бы въ кучку склалъ. —
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
А держали ихъ-то въ крѣпости,
Отправляли тутъ скорá гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой рагнозерскіимъ.
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскіи
Въ ту деревню Рагнозерскую.
Не случилось было Рахты дома ли,
При тоѣмъ гонци да при московскоемъ,
Находился Рахта въ лисяхъ е.
Спрашиватъ гонецъ было московскіи:

Digitized by Google

«Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскіи.
— Ты откудова удалый добрый молодецъ?
«Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
«Тотъ гонецъ да было скорыи
«А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ.
«Требуе тутъ было князь московскіи
«Съ тымъ борьцемъ да поборотися,
«А съ невѣрныимъ поратиться».
Отвѣчаетъ ёму женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскіи!
— Какъ изъ лѣсу прiде Рахта рагнозерскіи,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго ёго да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно[1]) ты его да нуньчу спрашивай. —
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскіи.
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати,
А поѣлъ же тутъ нунь Рахта рагнозерскіи.
Ты ставае да гонецъ было московскіи
А й ему же тутъ нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскіи?
«Требуетъ тя князь нуньчу московскіи
«Съ тымъ борьцёмъ да поборотиться,
«Что ль съ невѣрныимъ да попытатися».
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскіи,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.

1) Тогда.

Digitized by Google

— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да мовсковскаго? —
«Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли».
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же тутъ онъ князя, да московскаго,
А кормили тутъ его да было досыти,
А поили тутъ его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае тутъ да князь было московскіи:
— Здѣсь-ко Рахта что ль въ Москвы да объявляется,
— Именѣмъ своимъ да Рахта называется. —
Говоритъ гонецъ было московскіи
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніё
«А къ невѣрному на показаніё».
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніё.
Говоритъ тутъ Рахта рагнозерскіи:
— Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борьцомъ да не умѣю ли,
— Да привычка нунь у насъ да была женская. —
Какъ ухватитъ онъ борьца за плечи ли
Да топнетъ тутъ борьца да о кирпиченъ мостъ,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскіи!
«Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.

Digitized by Google

— Дай-ко мнѣ-ка бласловеньицо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволеньица. —
Далъ ему да князь было московскіи,
Далъ ему да князь тутъ дозволеньицо,
Чтобъ не ловили безъ его благословленьица.

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

12.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да Политовскаго
Пированьицо было на третій день.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на честнóемъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаютъ.
Ходитъ старыи да ихъ же дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскіи,
Политовскіи король да земли Польскіи.
«Что же вы два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не кушали,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не пó уму,
«Али питьица-ты вамъ да не по разуму,

Digitized by Google

«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали тутъ любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тутъ дядюшки,
Старому же королю да Политовскому:
— Политовскіи король да земли Польскіи!
— Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
— Крѣпкую мы думу заединую,
— Ѣхать намъ во матушку во каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду. —
Говоритъ же имъ тутъ старыи нунь дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскіи,
Политовскіи король да земли Польскіи:
«Ай вы два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка!
«Вы не ѣдьте-тко да въ каменну́ Москву,
«Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
«Я колько́ ни нунь туды-ка-ва да ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ.
«Силушку свою да поростратарю *(такъ)*,
«Самъ же я король да на уходъ уйду.
«Ай совѣтуетъ вамъ старыи нунь дядюшка,
«Политовскіи король да земли Польскіи:
«Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
«А во ту Корелушку проклятую,
«Розорите тамъ Индѣюшку богатую,
«Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки матераго,
А того же короля да Политовскаго.

Digitized by Google

А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую.
Подъѣзжали тутъ оны да подъ Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Розорили тутъ Индѣю всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головнёй прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тутъ татара опочивъ держать,
И самы себѣ да испрогóворятъ:
— Ай же этымъ намъ разомъ да поладилось,
— А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду! —
Пріѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву,
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Каменну́ Москву да Золоту орду,
Первое они тутъ сёло Ярославское,
Дру́гое тутъ сёло Переславское,
Третьее-то сёло Косы-Улицы [1]).
Стали тутъ татара опочивъ держать,
Стали тутъ татара хлѣба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романовичъ
А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку [2]):
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Первое-то сёло Ярославское,
Дру́гое-то сёло Переславское,

1) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.
2) Т. е. бѣду.

Digitized by Google

Третье розорили сёло Косы-Улицы.
Сталъ онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
Самъ себи Микита испрогóворитъ:
«Ахъ ты молодость ты молодецкая!
«Улетѣла моя молодость въ чистó поле,
«Во чистó поле да яснымъ соколомъ,
«Прилетѣла ко мнѣ старость со чистá поля,
«Со чистá поля да чернымъ ворономъ,
«А садилась за плеча да богатырскіи!»
Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
Своей силушки[1]) Микитушка наказывать:
«Ай ты, силушка моя было безсмѣтная,
«А безсмѣтная ты силушка, безсмертная!
«Улечу же нуньчу я въ чистó поле,
«Во чистó поле да чернымъ ворономъ».
Обвернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ Микита во чистó поле.
Вся же сила у татаръ да спать порóзлегла.
Обвернулся тутъ Микитушка сѣры́мъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обвернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
Вси замочики въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачики у нихъ да вси повыломалъ.
Обвернулся онъ да горносталышкомъ
А приходитъ во полаты бѣлокаменны
Ко своей было любимоей племянничкѣ,
Къ той было Авдотьѣ ко Ивановной.
А сидитъ его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна.
— Бай люли́ дѣтищо да великоё!
— Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,

1) *Сила* здѣсь въ смыслѣ войска.

Digitized by Google

— Старыи Микитушка Романовичъ,
— Моего бы нуньчу мужа не потре́били
— А меня бы нунь младой не обезчестили! —
Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
Самъ младенчикъ испрого́воритъ:
«А родитель моя матушка,
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Нашъ-то старыи тутъ дядюшка,
«Что Микитушка Романовичъ,
«А въ избушкѣ онъ у насъ нунь горносталушкомъ».
Тымъ же двумъ нунь малыимъ двумъ Витвичкамъ,
Тымъ же двумъ поганыимъ татаровамъ
Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
А скочили тутъ татара на рѣзвы́ ноги,
Тяпнули тутъ шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же былъ тотъ по́вертокъ,
Да въ рукавъ-то горносталь да вонъ выскакивалъ,
Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же онъ да во чисто́ поле
А заграялъ онъ же чернымъ вороном,
Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлать.
Дру́гой разъ заграялъ чернымъ вороном,
Силушка тутъ да поѣхала.
Третій разъ заграялъ чернымъ вороном,
Вся Микитина тутъ силушка при ѣмъ стала.
Тыхъ два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
Тутъ броси́лиси они да за оружьица,
Тутъ въ оружьицахъ замочики повы́щерблены.
А броси́лиси они было за сабелки,
Сабелки у нихъ да вси повы́туплены.
А броси́лиси они да за тесачики,

Digitized by Google

Вси тесачики у нихъ да нунь повы́ломаны.
А броси́лиси они да за добры́хъ коней,
Конюшки у нихъ да вси задавлены.
Некуда уйти было поганыимъ татаровамъ.
Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
А того было Микѝтушки Романова.
Старыи Микитушка Романовичь
Онъ забралъ же ихъ поганыихъ татаровей,
А забралъ же онъ великій плѣнъ,
Поплѣнилъ же силу всю татарскую,
Захватилъ же двухъ поганыихъ татариновъ.
Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
Дру́гому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
А садилъ же брату кошелемъ[1]) его:
Одинъ поди тащи его за плѐчамы,
Другой поди дорогу да показывай.
«Вы подьте-тко нунь къ старому да дядюшкѣ,
«Къ тому же королю да Политовскому,
«А подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте:
«Розорили мы нуньчу каменну́ Москву,
«Каменну́ю-ту Москву да Золоту орду,
«Первое-то село Ярославское,
«Другое-то сёло Переславское,
«Третье сёло Косы-Улицы, —
«Подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте!».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 23 іюля.

---

1) Т. е. на спину, какъ носятъ кошель.

Digitized by Google

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде *(такъ)* возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,
А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ
А на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскій костыль да себи въ руки взялъ.
«Я повывелъ нынь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го́су́дарь,

Digitized by Google

Самъ же испрогóворитъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменнóй Москвы.
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-ты носитъ одноцвѣтныи
— А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —
Мутно éго око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царéвичъ гóсýдáрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да нá очи,
«Я теперичку измѣнщику да головý срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царéвичъ гóсýдáрь,
Самъ Иванушко да испрогóворитъ:
— Я же глупыимъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу нé бывать,
— А й на братца скáзать — братца жаль,
— А и жаль братцà не тáкъ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да ѝныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнíихъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да ѝныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнíихъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Θёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да ѝныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнíихъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да пóрозсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно éго око помутилоси,

Digitized by Google

Его царско сердце розгорѣлоси.
«Ай же палачи вы немилóсливы!
«Вы возьмите-тко нунь Θёдора Иванова
«За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
«За тыѝ перстнѝ да за злачеными,
«Вы сведите Θёдора да во чистó поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,
«А срубите Θёдору да буйну голову
«За его поступки неумильнiи».
Сидятъ тутъ палачи да немилóсливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А и отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Θёдору я нé спущу. —
Бралъ тутъ Θёдора Иванова
За тыѝ за рученьки за бѣлыи,
За тыѝ перстнѝ да за злачеными,
Велъ же Θёдора въ чистó поле
На тоѐ болотцо да на житное,
На тую на плаху да на липову.
А и Марѳа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бéзъ костыца[1])
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
А и бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,

1) Костычъ — родъ сарафана.

Digitized by Google

Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Не спрашиватъ тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкиватъ.
А й придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѳа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да взáшей прочь отталкиватъ».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
— Нашихъ взáшей прочь отталкивашь? —
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась.
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюси,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великіи не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ нáдо мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели его да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,

Digitized by Google

«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильніи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,
Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
Городомъ-то ѣде голосо́мъ крычитъ,
Голосо́мъ крычитъ да самъ шляпо́й машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной го́ловы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову,
— Не тотъ же ку́сокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же сто́канъ выпьешь самъ заклёкнешься! —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова.
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты го́ловы,
— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной го́ловы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немило́сливу,
Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.
Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову,
Какъ сма́хне онъ да саблей острою,

Digitized by Google

Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
За него поступки неумильніи,
Что зачимъ везе на казень царскій родъ
А срубить-то ему буйну голову.
Онъ бралъ Ѳёдора было Иванова
За тыи за рученьки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста его сахáрніи,
Посадилъ его да на добрá коня,
На свое садилъ было да на правó стегно,
Пóвезъ Ѳёдора Иванова
А на ту было на горочку на Вшивую
А къ тому было къ подворьицу Микитину.
Севодни братцы день суботніи,
Завтра день да воскресеньицо,
Имъ итти-то ко Божьёй церкви.
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья опалёныи,
Кóней подпрягаютъ воронёныихъ.
А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ поѣхалъ ко заутрени.
А ставае тутъ Микитушка Романовичъ
А й по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья красныи,
Кóней подпрягаютъ все же рыжіихъ,
Кареты подпрягаютъ золоченыи.
Пріѣзжае онъ да тутъ же ко заутренки.
Испрогóворитъ Микитушка Романовичъ:
— Здравствуй ты, прегрозныи сударь царь Иванъ Васильевичъ,

Digitized by Google

— Со своей да любимóй семьей
— А со Марѳóй-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ! —
Говоритъ же тутъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,
«Ай ты шуринъ да любимыи!
«Ты незгодушки не вѣдаешь,
«Надо мной великою незгодушки:
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Что ли Ѳёдора Иванова,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Старыи Микитушка Романовичъ
Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимóй семьей
— А со Марѳóй-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!
«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,
«Самъ ты къ рѣчамъ да не примешься?
«Твоего то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимóй семьей

Digitized by Google

— А со Марѳой то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Мутно е́го око помутилоси,
Царско е́го сердце розгорѣлоси.
Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый песъ Мики́тушка Романовичъ!
«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?
«Выдемъ отъ великодённыи заутрени,
«Прикажу теби Микита голову́ срубить».
Тяжелешенько тутъ царь да поросплакался:
«По ворахъ да по разбойничкахъ
«Е заступчички да заборонщички.
«По моемъ рожоноёмъ по дитятки
«Не было нунь да заступушки,
«Ни заступушки ни заборонушки!»
Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ было Микитушка во дру́гой разъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— А прости-тко того грѣшнаго. —
«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,
«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не отрублена да Ѳёдору да буйна го́лова,
— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову
— За него поступки неумильніи,
— Да зачимъ же и́де ка̀знить царскій родъ:

Digitized by Google

— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Микитушка Романовичъ,
«Ай да шуринъ да любимыи!
«Что теби Микитушка пожаловать?
«Города ли теби дать да съ пригородками,
«Али села дать да со приселками,
«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али добрыхъ ко́моней тобѣ-ка-ва по надобью?»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,
— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,
— Мнѣ-ка силушки по надобью,
— Золотой казны по надобью,
— Добрыхъ ко́моней по надобью:
— Золота казна у мо́лодца не держится[1]),
— Добра ко́мони у мо́лодца не ѣздятся.
— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.
— Хоть коня угони, хоть жену ўвёдй,
— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
— Да въ Микитину да отчину́ уйди,
— Того добраго же мо́лодца да Богъ простилъ. —
А й прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Далъ Микитину да отчину.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Т. е. не издерживается.

Digitized by Google

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ [1]).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,
Захотѣлъ воръ собака женитися,
Не у князей бóяръ въ каменнóй Москвы,
У того кóроля въ земляной Литвы.
Взялъ Гришка Маришку королевичну,
Заводилъ законъ по своему:
Князи бóяра къ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкою въ байну шолъ.
Князи бóяра отъ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкой изъ бáйни идётъ.
У Іоанна Великаго,
У Софíи премудрыи
Приказалъ звонить въ нáбольшій колоколъ,
Въ самый огромныи:
«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость,
«Дальній гость ѣде любúмый тесть,
«Еще тотъ же король Политовскíи,
«Политовскíи король земли Пóльскíи,
«Ко мнѣ-ка во гостёбищо».
Михайла князь Скопинъ москóвскíи
Видитъ измѣнщика,
Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
Писалъ ёрлуки скорописчаты [2])
Ко тому королю Политовскому,
Политовскому королю ли Польскому:
— Политовскíи король земли Польскíи,

---

1) Размѣръ дактилическій.

2) Калининъ объяснилъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ поляковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

Digitized by Google

— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очиститъ своя каменна́ Москва. —
Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю Политовскому.
Политовскіи король земли Польскіи
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальняго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нунь три́ годы,
«Простою я тридцать лѣтъ».
Заглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила круго́мъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
«Подѣлаю крыльица дьявольски,
«Улечу нунь я дьяволомъ».
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

II.

АКСИНЬЯ ѲОМИНА.

Аксинья Кузминишна Ѳомина, близкая сосѣдка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду,

Digitized by Google

большая мастерица пѣть былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она нерѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частицамъ, вмѣсто того превращаетъ букву з въ гласный звукъ и произноситъ его какъ ы. Былины свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинъ, она пѣла еще про отъѣздъ Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно съ Калининымъ, отъ котораго заимствовала эту былину, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Тогда зарождался Вольга́ богатырь.
Отъ его отъ славы богатырскою
Орги-ты [1]) вси да пріумолкнули,
Птица улетѣла вся подъ о́болоку́,
Рыба ушла да въ глубоки́ стана́,
Звѣри ушли да во темны́ лѣса́,
Царь Санталъ да въ Вольгу́ [2]) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевной.
Сталъ Вольга́ да лѣтъ десятки-то,
А й задался онъ Вольга да во мудрости,
А й во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подъ о́болоку́,
Рыбою ходить да въ глубо́ки стана́,
Звѣрями ходить да во темны́ лѣса́.
Овернулся Вольга́ да малой птичиной,

---

1) Что̀ значитъ «орги», пѣвица не умѣла объяснить, увѣряя только, что такъ поется.

2) Ѳомина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что̀ это значитъ: «въ Вольгу сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

Digitized by Google

Улетѣлъ-то Вольга̀ да онъ подъ о́болоку́,
А й птицу всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ставьте-тко па́сточки [1]) дубовыи,
«Силышка вы ладьте-тко шелковыи,
«Птица не улетѣла бъ подъ о́болоку́.»
Овернулся Вольга̀ да свѣжей рыбиной,
А й пошолъ-то Вольга̀ да въ глубоки́ стана̀
Рыбу-то всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко не́вода шелко́выи,
«Проволо́ки вы кладите да золочоныи,
«Рыба не ушла бъ въ глубоки́ стѣна̀.»
Овернулся Вольга да лютыи́мъ звѣрёмъ,
А й ушолъ-то Вольга̀ да во темны́ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки винтовыи,
«Закатите-тко пулечки калёныи,
«Звѣри не ушли бъ да во темны́ лѣса.»
Поѣзжае Вольга̀ въ Вольгу́-горо̀дъ.
Видла царица нехоро́шій со̀нъ:
Бьется соко́лъ да съ черны́мъ воронòмъ,
Пе́ребилъ соко́лъ да черна́ ворона̀:
Ясный тотъ соколъ — Вольга́ богатырь,
Черный тотъ воронъ — то самъ Санталъ.

Записано въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 24 іюля.

---

1) Западни для ловли птицъ.

Digitized by Google

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ [1]).

У стольняго у князя у Владиміра
Заводился у него да почестный пиръ.
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались.
Единый тотъ хвастатъ золотой казной,
Единый тотъ хвастатъ цвѣтнымъ платьицомъ,
Единый тотъ хвастатъ добры́мъ конемъ;
Умный тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
А й безумный тотъ хвастатъ молодой женой.
А й сидитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А й сидитъ да ничимъ онъ не хвастаётъ.
Стольнёй князь да Владиміры *(такъ)*
Згóворитъ да таково слово:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Что же ты сидишь ничимъ не хвастаёшь?»
— Платья у меня да есть на вóзлюдьё *(такъ)*
— Золотой казны у мни да есть по надобью,
— Добрыхъ кóней да на выѣздъ есть,
— Отца матушки да живого нѣтъ.
— Есть у мня да молода жена,
— Офимья у меня да Олександровна:
— Оманула у меня да девять царей,
— Десять русьскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
— А й оманетъ тебя стольнё-князя Владиміра.—
А й посадилъ ёго въ крѣпь во тёмную,
Самъ посылалъ скоры́хъ гонцёвъ
А й къ его-то молодой жены,
А й ко той Офимьѣ Олександровной:

---

1) Здѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годиновичу.

Digitized by Google

— Ай же молода жена Офимья Олександровна!
— Наказывалъ да теби Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— Обмануть тебѣ стольнё-князя Владиміра. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Какъ мой мужъ да напивается,
«Такъ онъ пущай да прохмѣляется».
Сама повыпустила скорыхъ пословъ,
Садилась-то на стулья на дубовыи,
Подрубила-то волосы по мужскому,
Сокрутиласи да въ платьица во мужскіи,
Обсѣдлала она да вѣдь добра коня,
Брала она стрѣлочку каленую,
Палицу да во сорокъ пудъ,
Пріѣзжала ко стольнёму ко князю ко Владиміру,
Сваталаси на его на родной дочери,
На Катерины она да Микуловной *(такъ)*.
«Ай ты чьей земли да чьей орды?
«Ты чьего отца да чьей матушки?»
— Я есть посолъ скорый земли Руськіи. —
Зговоритъ Катерина Владимірна:
«Ай же ты да родный татенька!
«Глупымъ разумомъ вольничаёшь,
«Выдаваешь ты дѣвчину а за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пеленьки[1]) мяконьки какъ по женскому,
«Гдѣ жуковины лежали тутъ и мѣста знать».
— Молчи-тко ты дочи, мы попытаемъ-тко,
— Можетъ ли натянуть да тугой лукъ,
— А й выстрѣлять да съ каленой стрѣлы.
— Пошлемъ съ Чурилушкой Щипленковымъ
— А й на далечо чисто поле. —

1) Т. е. груди.

Digitized by Google

А й Чурилушка да Щипленковичъ
А й не могъ да натянуть онъ ту́гой лукъ,
А й выстрѣлить да съ каленóй стрѣлы.
По́слы [1]) скорыи да зе́мли Русьскiи
А натянула она да вѣдь тугой лукъ.
И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
Говоритъ Катерина Владимiрна:
«Ай же ты родной мой татенька!
«Глупыимъ ты разумомъ вольни́чаешь,
«Выдаваешь ты дѣвчину за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пе́лечки мяконьки какъ по женскому,
«Гди жуковины лежали, тутъ и мѣста знать».
— Молчи ты дочи́, да попытаемъ-ко,
— Положимъ во спальню во теплую,
— На перина́ положимъ на пу́ховую.
— Если она да буде женщина,
— Буде яма на постели-то.
— Если она мужчина-то,
— Буде яма на зголовьици. —
Проспала да темну ноченьку
Ногами да на зголовьицо
А й плечами она да на постелю-то.
А й тутъ повѣрилъ стольнiи князь Владимiръ,
А й просватывалъ свою ро́дну дочь.
Водили ихъ во церкву во Божiю,
Витыма перстнями обручили-то,
Зла́тыма вѣнцами обложили-то.
Заводили они да почостный пиръ.
А й сидитъ-то послы скорыи,
Послы скорыи земли Русьскiи,
Повѣшена сидитъ да буйна го́лова.

1) Т. е. посолъ.

Digitized by Google

А й зго́воритъ стольный князь да Владиміръ:
«Ай же послы скорыи земли Русьскіи,
«Зять моло́дыи да послы скорыи!
«Ай зачѣмъ же ты вѣсишь буйну голову?»
Зго́ворилъ да таково слово:
— Сто́льный князь да Владиміръ!
— Есть у тебя да во темно́й крѣпи
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
— Нельзя ли его да повыпустить,
— Со мною-то на почестный пиръ?
— Мы въ одномъ поли съ нимъ поѣзживали,
— Съ одной стрѣлочки мы выстрѣливали,
— Въ одно колечечко попадывали. —
Стольній князь да Владиміръ
Онъ повыпустилъ да Илью Муромца,
А й на зятнинъ его да на почестный пиръ.
Зго́воритъ послы скорыи земли Русьскіи
Послы скорыи да зять моло́дыи:
«Ужь ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
«Ужь я чья жена?»
Зго́воритъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Эй же ты стольный князь да Владиміръ!
— Оманула тя да моя жена,
— Выдалъ ты дѣвчину а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 іюля.

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три́ году Добрынюшка стольничалъ,
Три году Добрынюшка чашничалъ,
Три году Добрыня у воротъ простоялъ,

Digitized by Google

На десятый годъ еще гулять ушолъ.
Наказывала Добрыни ро́дна матушка:
«Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,
«Ты по городу гуляй по Кіеву,
«Только не ходи во улички Маринкины,
«Въ переулки не ходи да во Игнатьевски.
«Тамъ е дѣвушка да зельчица,
«Зельчица дѣвушка кореньщица.
«Извела-то она девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Тебя же изведетъ да во десятыихъ».
Забылъ-то наказанье родной матушки,
Зашолъ-то онъ во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидятъ голубы да со голубушкамы,
Носочки съ носочками цѣлуются,
Они правыма крылами обнимаются.
Тутъ Добрыни въ запрету́ пришло,
Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
Направливалъ Добрыня калену́ стрѣлу,
Убилъ у Маринушку мила́ дружка,
А Ивана убилъ царевича,
По прозваньицу у́билъ Туга-змѣ́евича.
Бросилась Маринушка по плечь во окно:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Холостъ ты ходишь не жена́тъ ноньку,
— Я красна дѣви́ца на выда́ваньѣ:
— Возь-ко меня да за себя́ замужъ. —
Не съ ума Добрыня слово спро́говорилъ:
«Ай же ты дѣвушка зельщица,
«Зельщица ты кореньщица!
«Извела ты девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Меня же изведешь да во десятыихъ».

Digitized by Google

Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
Она брала-то ножички булатніи,
Она-то рѣзала Добрынины слѣдочики,
Приговоры приговаривала крѣпкіи:
— Такъ бы рѣзало у Добрыни ретливо сердцо́ по мни. —
Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
Повернула Добрыню сѣры́мъ волкомъ,
Отпустила Добрыню ко синю́ морю.
Добрынина матушка
Ена день ждала, да другой ждала,
Недѣлю ждала, да другу́ ждала,
Ена годъ еще ждала, другой ждала,
Не слыхать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила къ Маринкѣ подъ окошечко:
«Эй же ты дѣвушка зельчица!
«Отверни у мни Добрынюшку по старому,
«По старому Добрынюшку по прежному.
«Не отвёрнешь ты Добрынюшки по старому, —
«Я тя поверну собакою,
«Собакой поверну тя подоконною.
«Еще тебя потѣшу я сорокою.
«Сорокою тебя да я коловою»[1]).
Отвернула Добрынюшку по старому.
Онъ бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
Розвязалъ ю на скамеечку дубовую,
Розстрѣлялъ ёнъ Марину по чисту́ полю.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Сорока называется коловою, потому что сидитъ по кольямъ на заборахъ (объясненіе пѣвицы).

Digitized by Google

18.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлоей березки кудревастоёй
Выходила турица златорогая
Со своима турамы со дѣтушкамы.
Розошлась турица, роспростиласи:
«Вы прости-тко туры да малы дѣтушки».
Случилось турамъ мимо Кіевъ градъ итти,
Мимо тую стѣну да городовую.
А й сподъ той стѣны сподъ городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
Въ рукахъ носитъ святу книгу евангельё,
А не только[1]) читае, вдвоемъ она плачётъ
Не дѣвица ходитъ душа красная,
Плаче стѣна да городовая,
Ёна свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.

Сподъ восточною да сподъ сторонушки
А й наѣде Батыга Батыговичъ
Со своимъ со сыномъ со Батыгушкою,
А й со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
А й со тымъ со дьячкомъ со выдумщичкомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А й у сына-то силы сорокъ тысячей,
У дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
А й у зятя-то силы сорокъ тысячей.
Обступае Батыга околъ Кіева кругомъ,
А й Кіевъ градъ да не малъ не великъ,
Соколу же летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченкѣ не пролетѣть.
А й во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

---

1) Т. е. столько.

Digitized by Google

«А й не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А й некому съ Батыгой супротивиться.
«Косогоры *(такъ)* богатырь во Святы́хъ во гора̀хъ,
«А й Самсонъ да Илья у синя́ у моря̀,
«А й мо́лодой Добрыня во чисто́мъ во полѝ,
«А й мо́лодой Олеша въ богомо́льной стороны́».
По голямъ-то гуляль двѣнадцать лѣтъ
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
А й приходитъ Василій ко Батыги на лицо̀,
Убилъ лучшіихъ головушекъ хоро́шенькіихъ:
Убилъ сына Батыгу Баты́говича̀,
Убилъ зятя Тороканчика Кора́бликова̀,
А й убилъ дьячка онъ выдумщичка.
А й посылае Батыга скоры́хъ гонцёвъ,
А й скорыхъ гонцёвъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А й во Кіевъ славенъ градъ да винова́таго иска̀ть.
А й во Кіеви Владиміръ пороздумался:
«А й не знаю я да винова́таго найтѝ».
Приходили солдаты корабу́льныи:
— Бласлови-тко Владиміръ слово спро́говорѝть.
— А й знаѣмъ мы да винова́таго найтѝ:
— По голямъ-то гуляль двѣнадцать лѣтъ
— По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ. —
Находили Василія въ кабаки́ на печѝ,
Приводили Василія ко царю́ на лицѣ̀.
«Опохмѣль меня Владиміръ чарой хмѣльною».
Наливае онъ чару зелена́ вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А и третью рюму̀ да сла́дкаго меду̀.
А й сливали питьѣ̀ во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей на единый духъ.

Digitized by Google

Розгорѣлось у Василья ретливо́ сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая:
«А и нунѣ пойду́ да ко Батыги на лицо̀.
«Опохмѣль меня Батыга чарой хмѣльною,
«А й пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ взять».
А й на ты рѣчи Батыга пріокинулся.
Наливае опъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюмѝ да сла́дкаго медѝ.
А й сливали питьё во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей во единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая.
А и сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
А и сталъ-то онъ силушки поруби́ватѝ.
А и были у Батыги кони добрыи,
Кони добрыи да изнаря́женыѝ.
Поѣзжае Батыга, заклинается:
«Не дай Господи ни мни да ни дѣтямъ ни моимъ,
«А й ни дѣтямъ ни моимъ ни внучатамъ,
«А не внучатамъ ни пра́внучатàмъ!
«Видно есте во Кіеви бога́тыри».

Церковно́ пѣтьё въ каменно́й Москвы,
Колокольный звонъ во Нови́-городѝ,
Щелье каменье въ сѣверно́й стороны,
Мхи да болота въ помо́рской стороны.

Записано тамъ же, 23 іюля.

Digitized by Google

19.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владиміра
Заводился у него да почестный пиръ.
Было на пиру да двѣ вдовы:
Одна Маринка Часова́ вдова,
Друга Авдотья Блудова́ вдова.
Наливае Авдотья Блудова вдова,
Наливала она чару зелена вина,
Не только вина что сладкаго́ меду,
Подносила Маринки Часовой вдовы,
За чарою она вѣдь да посваталась
На Чайноей дѣвицы на Часовичной.
Ена вылила чару во ясны́ очи,
Измочила шубу черныхъ соболей.
Ушла-то Авдотья Блудова́ вдова,
Идетъ она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она да запечаливши.
Стрѣчаетъ ю молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Что же ты идешь да закручинивши?
«Мѣстомъ ли тебя да пріобнизили,
«Пьяница ли городова тебя вы́ругала,
«Аль чарою ли тебя да пріо́бнесли?»
— Чарою меня да не пріобнесли,
— Пьяница городовая не выругала,
— Мѣстомъ меня да не обнизили.
— Наливала я вѣдь чару зелена вина,
— А й не только вина что сладкаго́ меду,
— Подносила Марины Часовой вдовы,
— А й за чарою я да посваталась
— А й на Чайноёй дѣвицѣ на Часовичной.
— Ена вылила чару во ясны́ очи,

Digitized by Google

— Измочила у мня шубу черныхъ соболей. —
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
«Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
«Я не захочу, — за служку за панютушку».
Справлялся онъ да скорешенько,
Убирался онъ да хорошошенько.
Видли добра молодца сядучи,
А й не видли добра молодца поѣдучи.
А й повыѣхалъ да на чисто́ полё,
Ѣхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
Вси-ты терема да пошатались,
Вереи же всѣ да розвалялися,
Терема унесъ да во чисто полё.
Чайная дѣвица Часовична
А й бросаласи да что ль поплечь въ окно.
— Ай же молодой Котёнко ты Блудовъ сынъ!
— Отца-то у тя звали видь Блудищомъ,
— А й тебя же будутъ звать да уродищомъ!
— Что же ѣздишь по городу, уродуёшь? —
Еиъ згóворитъ да таково слово:
«Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
«У тебя-то есть да девя́ть братцёвъ,
«У твоей-то матушки девя́ть сынковъ:
«Пусть-ко выѣдутъ на чисто́ поле
«Съ молодымъ Котёнкомъ перевидѣться».
Насыпае Марина Часова вдова,
Насыпала она мису злата серебра,
Дру́гу насыпае скачна жемчугу,
Жертвуе стольнёму князю Владиміру,
Своему братцю родимому:
— Стольній князь да Владіміръ!
— Упроси-тко молода Котёнка Блудовъ сынъ *(такъ)*,

Digitized by Google

— Чтобы взялъ бы Чайную дѣвицу Часовичну за себя замужъ,
— Не за служку бы онъ за панютушку. —
Згóворитъ стольній князь да Владимíры:
«Ай же сестрица родимая!
«Какъ же ты да напиваласи,
«Такъ же нунь да прохмѣляйся-тко».
Згóворитъ молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Кто же отъ бѣды да откупается,
«Стольній князь да накупается?»
Прирубилъ онъ, пригубилъ да до еди́ной головы́
У Маринушки да Часовой вдовы,
А й сплѣнилъ-то онъ девя́ть сыновъ,
Покорилъ-то стольняго князя Владимíра,
Взялъ Чайну дѣвицу Часовичну
Замужъ за служку за панютушку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

20.

ДЮКЪ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжае онъ на далече чисто́ полё,
Хоче по́стрѣлить да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не збей моей туши о сыру́ землю,
«А й не рушай моихъ перьевъ по чисту́ полю,
«Не пролей-ко крови по сыру́ дубу!
«Слава тая по Ру́си носится:
«Старца убить не спасе́ньё добыть,
«Во́рона убить не корысть получить.

Digitized by Google

«А й поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
«Есте во Кіеви богáтыри,
«Е кому да тамъ поправиться,
«Е кому съ тобой да супротивиться».
Богатырское сердецко розгорѣлоси,
Ворона убить не захотѣлоси.
А й пріѣзжае онъ да домой-то видь
Со далеча со чиста поля:
— Ай же родна моя да вѣдь матушка,
— Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
— Дай прощеньице мнѣ съ бласловленьицомъ,
— Я поѣду-то да во Кіевъ градъ. —
«Ай же чадо ты да мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Уродилось мое дитятко захвастливо,
«Росхватаешься животишками сиротскима».
— А й какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
— А й не дашь-то, я все поѣду ли. —
«Поѣзжаешь ты чадо мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й надéжь на себя платья не цвѣтныи,
«А й сапожки на ноги да не зелéнъ сафьянъ,
«А й возьми коника да мала шахманка».
Платьица надѣлъ на сéбе цвѣтныи,
А сапожки обулъ да зеленъ сафьянъ,
Бралъ коника да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поѣдучи.
А й бѣжалъ конёкъ да малый шахманокъ,
Горы онъ долы промежъ ногъ пущалъ,
Маленьки озерка перепрыгивалъ,
А и быстрыи рѣчки хвостóмъ застилалъ.
Во ихной во Индѣи въ богатоёй,
Во ихной во Корелы во проклятоёй,

Digitized by Google

Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили отъ заутрены отъ раннёю,
А й пріѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
Зазвонили ко обѣдни ко столовою,
А и приходитъ во черковь присвященную,
Богу онъ да низко молится,
На вси стороны да онъ вѣдь клонится,
Крёстъ онъ кладётъ да по писа́ному,
А й поклонъ онъ ведётъ да по учёному,
Съ ножки на ножку поступливатъ,
Съ плеча онъ на плече поглядыватъ,
Онъ цвѣтны́имъ платьицемъ подрачиватъ,
Стольняго онъ князя подра́живатъ.
Зго́воритъ стольній князь да Владиміръ-тотъ:
— Какая-то наѣхала холопина боярская,
— Убилъ князя либо боярина,
— Нѣтъ дакъ сильняго могучаго бога́тыря,
— А й съ того онъ содралъ платья цвѣтныи,
— А й сапожковъ зеленъ сафьянъ не держивалъ,
— Цвѣтныихъ-то платьицовъ не нашивалъ. —
Отхо́дя-то отъ обѣдни отъ столовою,
Зго́воритъ стольній князь да Владимі́ры:
— Люди есть да вы вѣдь зашлыи,
— Хлѣба кушать я ми́лости прошу́. —
Зго́воритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«А й въ чужомъ-то мѣсти да къ обѣду радъ».
А й самъ зго́воритъ да таково слово:
«Ай сказали что во Кіеви хорошо́ да хорошо̀!
«Здѣ-ка мостики да все вѣдь каменны
«А дороженьки да здѣсь вѣдь гли́нянны,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки мараются.
«Какъ у насъ-то во Индѣи во богатоей,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Во дере́венькѣ у насъ да въ Галичи,

Digitized by Google

«Мостики у насъ-то все калиновы,
«Сукна-то у насъ да одинцовыи,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки идя чистятся,
«Во чернýю грязь да не мараются».
Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменны,
А й сидитъ ёнъ за столомъ да за дубовымъ,
Мякишокъ онъ ѣстъ, корочки подъ столъ роётъ,
Самъ въ окошечко сидитъ да поглядываетъ:
«Ай сказали что въ Кіеви хорошó да хорошò!
«Здѣ-ка печки все да вѣдь глиняны,
«А й помялушка-то все да вѣдь сосновыи,
«А й пахнутъ пирожки да на помялышка.
«Какъ у моей-то у родной у матушки
«У Нанерпы да Тимофеевны
«А й печки у нёй да всѣ хрустальныи,
«Помялушка у ней да семи шелковъ, —
«Пирожокъ-тотъ ѣшь — другой въ рýки берёшь,
«По третьеёмъ да душа горитъ.
«Здѣ-ка домики да все каменныи,
«Крышечки да все желѣзныи.
«У насъ какъ во Индѣи во богатоёй,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Въ нашей во дерéвеньки во Галичи,
«Домики у насъ да стóя мѣдныи,
«Крыши у насъ да все серебряны,
«Шóломы, потоки[1]) золочоные,
«Шарики самоцвѣтныи камешки,
«Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ».
— Ай же мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й можешь ли да намъ сказать:
— Колько писаревъ могутъ имѣнье óписать? —
«Ай же стольнёй князь да Владимíры!

1) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

Digitized by Google

«Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
«Шести писарямъ да во двѣнадцать годъ».
Отправляе стольнёй князь да Владиміры
Трехъ писарей да трехъ моло́дыихъ,
Ужъ какъ ма́стеровъ да онъ ученыихъ,
А й посадилъ его въ крѣпь да во те́мную.
А й приходятъ писари-то моло́дыи,
Ма́стеры приходятъ что ль ученыи
А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
Во дере́веньку его да вѣдь во Га́личу,
Къ родной его да вѣдь къ матушки
А й къ Нанерпы оны къ Тимофеевной:
— Здравствуёшь Нанерпа Тимофеевна,
— Молода боярина Дюка Степанова матушка!
— Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ Владиміра
— Описывать ваше что ль имѣньицо. —
Она зго́воритъ да таково слово:
«Уродилось моё дитятко захвастливо,
«Росхвастался животишками сиротскима».
Отворила она погребъ глубокіи,
Показала она сбрую лошадиную.
А й сидѣли три писаря моло́дыихъ,
А й писали-то ма́стера ученыи,
Шесть годовъ описали шостую частиночку
Этой сбруи лошадиноёй.
Самы зго́ворятъ да таково слово:
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
— Ай же родна его матушка,
— Нанерпа ты да Тимофеевна!
— Мы не будемъ описывать имѣньица,
— Только отвори-тко погребы глубокіи. —
Отворила она погребы глубокіи.
А й висятъ-то во погребѣ три бочечки,

Digitized by Google

А й бочечки висятъ да серебряны
На цѣпочечкахъ да золочоныихъ
А й въ одно мѣсто да пощáлкиваютъ,
Будто бѣлыи лебёдушки разговáриваютъ.
Они згóворятъ да таково слово:
— Ты прощай-ко Нанерпа Тимофеевна!
— Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
— Къ стольнёму князю ко Владиміру. —
Идутъ-то мастеры молóдыи,
Писари идутъ да вѣдь ученыи.
Згóворитъ стольней князь Владиміры:
— Срубимъ мы вѣдь буйну голову
— Молоду боярину Дюку Степановичу.
— Описали три писаря молóдыихъ
— А имѣнье его во шесть годовъ. —
А й приходя ко стольнему ко князю ко Владиміру.
— Стольней князь да Владиміръ-то,
— А й тебѣ рубить да буйна голова,
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
А й повыпустили молода боярина Дюка Степановича
А й съ темнóй крѣпи.
Онъ повыѣхалъ на чистó поле
А й побилъ молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любóвичёвъ,
А й покорилъ онъ стольняго князя Владиміра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ

Digitized by Google

и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено няньчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, потому что она, шамкая, выговариваетъ слишкомъ невнятно. Она часто путаетъ и сбивается на прозаическій ладъ сказки. Здѣсь помѣщается одна ея «старинка», какъ образчикъ былины, получившей названіе колыбельной пѣсни. Въ такомъ же родѣ она пѣла отрывки былинъ про Илью Муромца и Дюка Степановича.

21.

СТАВЕРЪ.

Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Задернулъ онъ почéстный пиръ
На всихъ князей, на бóяра,
На всихъ могучіихъ богáтырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Соѣзжалися на почестный пиръ
Вси князи и вси бóяра,
Вси могучіи богáтыри,
Вси поляницы удалыи.
Отъ города Черни́-города
Пріѣзжае молодый Ставёръ сынъ Гординовичъ.
По ступенькамъ ставится тихошенько,
По сѣнечкамъ и́де легошенько,
Крестъ кладе по писáному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь,
«Со своей любимой племянничкой,
«Со Анной со Владиміровной!»
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:

Digitized by Google

— Поди-тко дородній добрый молодецъ!
— Ты коéй земли, коéй орды,
— Коего отца, коéй матери,
— Какъ тебя именéмъ зовутъ,
— Какъ величаютъ по отечеству? —
«Я изъ города Черни́-города
«Мóлодой Ставёръ сынъ Гординовичъ».
Садился за дубовый столъ.
Они пили, веселилиси,
Вси стали пьяны-веселы,
Вси на пиру поросхвастались.
Сильный хвастаетъ своей силою,
Богатый хвастаетъ богачествомъ,
Иный хвастатъ добрыймъ конемъ,
А разумный хвастатъ отцомъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой.
Молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ
Сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, дородній добрый молодецъ,
— Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
— Ничимъ же ты молодецъ не хвастаешь? —
Говоритъ молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
«Силою я вышелъ не сильныи,
«А богачествомъ не богатыи,
«А добра́ коня не случилоси.
«Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой женой,
«Молодой женой Настасьей Микуличной:
«Есть у меня молода жена,
«Вашъ Кіевъ градъ купи́тъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ».

Digitized by Google

Тыи рѣчи ему не слюбилиси,
Онъ зго́воритъ своимъ слугамъ вѣрныимъ:
— Вы возьмите Ставра̀, сведи́те Ставра̀,
— Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
— За его за рѣчи неумильніи,
— За́прите рѣшеточки желѣзни,
— Клади́те на́кладки булатніи. —
Взяли слуги вѣрныи,
Повели Ставра во глубокъ погребъ.
Былъ у него грозёнъ посѣлъ,
Служка Микулка Селя́гиновичъ.
Садился онъ на добра́ коня,
Былъ во городи во Кіеви,
Объявился въ городи въ Черни́-городи,
Приходитъ къ молодой женѣ,
Къ молодой Настасьѣ Микуличной:
«Здравствуй молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
«Засаженъ Ставёръ во глубокъ погребъ
«За свои за рѣчи неумильніи:
«Ухвасталъ тобой молодой женой,
«Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
«Самого царя съ ума выведешь».
А скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
Садилась на ременьчатъ стулъ,
Подбривала волоса свои женскіи по мужичьему,
Надѣвала она платьица мужичьіи,
Сѣдлала она добра́ коня.
Какъ видли Настасьюшку сядучи,
А не видли Настасьюшки поѣдучи.
Была въ городи Черни́-городи,

Digitized by Google

Объявиласи во городи во Кіеви.
По ступенцамъ идетъ тихошенько,
По сѝнечкамъ и́де полегошенько,
Крестъ кладе по писа́ному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на три на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуешь Владиміръ стольнё-кіевской,
— Со сво́ей Анной со Владиміровной! —
«Поди-тко ты пожалуй добрый молодецъ!
«Ты ко́ей земли, ко́ей орды,
«Коего отца, ко́ей матери,
«Какъ тебя именё́мъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
— Я отъ города отъ Черни́-города,
— А зовутъ Василій Микулиничъ.
— У тебя есть племянница любимая
— А по имени Анна Владиміровна,
— Хочу взять за себя, ты хоти-тко да́ть за меня,
— Честнымъ пиркомъ да за свадебку. —
Говоритъ Анна Владиміровна:
«Не отдавай ты дѣ́вчину за женщину,
«Обумъ[1]) буде съ тоски пропасть».
— А я могу посла отвѣдати:
— Истоплю я парну баенку,
— Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
Истопили парну баенку,
Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
А молодой посолъ иде изъ баенки.
Говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же грозёнъ посёлъ скоро̀ попарился?»
— Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

1) Т. е. обоимъ.

Digitized by Google

— Ваше дѣло е хозяйское,
— Наше дѣло е дорожное. —
Говоритъ Анна Володиміровна:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть».
— А я могу посла отвѣдати:
— Постелимъ ему постельку пуховую. —
Онъ полъ-ночи спалъ головой на зголовьицѣ,
А полъ-ночи спалъ ногами на зголовьицѣ.
Не могъ посла отвѣдати,
Хочетъ выдать Анну Володиміровну.
Анна Володиміровна тутъ змолиласи:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть.
«На лавочки сидитъ, ногами вмѣстѣ жметъ,
«Съ проволо́кою глаза поваживаетъ».
— А я могу посла отвѣдати:
— Дамъ ему стрѣлочку каленую,
— Пускай росколетъ во чисто́мъ поли,
— Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровны,
— А тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку. —

Раскололъ Василій Микулиничъ; потомъ онъ потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спрашиваетъ: кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ: Есть у тебя въ погребу Ставeръ Гординовичъ; дай мнѣ его въ поединщики». Тутъ они въ чистомъ полѣ съѣхались и разъѣхались; разъ съѣхались, — никой никого́ не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадывалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; съѣхались въ другой разъ, опять никой никого не ранили. Она говоритъ:

Digitized by Google

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой въ колечко попадывалъ?

Въ третій разъ съѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста сахарніи,
Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнё-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Ѳедоръ Александровичъ Корсаковъ, крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости (сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей къ Пудожскому уѣзду), парень 26 лѣтъ, выучившись портняжному мастерству, ходилъ работать по деревнямъ и въ это время научился пѣть былины. Потомъ, бросилъ это занятіе, ходилъ бурлачить на каналъ, работалъ въ каменьщикахъ въ Гатчинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петербургѣ, поступилъ въ услуженье къ одному купцу; наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и похабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ служитъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ; онъ забылъ бо́льшую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

Digitized by Google

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Тѣни изъ-подъ тѣни изъ-подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявыя
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А й ко ласковому князю ко Владиміру
И со своёй ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева,
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ турà со турятами,
А й со глупыма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудны́мъ-чудно̀,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивны́мъ-дивно̀.
Выходилъ-то нунь нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золочеными.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговица,
Проситъ Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идётъ-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посылалъ онъ повѣсточку
Къ старому казáкѣ къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чистó полѣ,
Поспѣвалъ бы онъ да на боищо.

Digitized by Google

Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталъ-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатырскімъ,
Сталъ-то успѣвать со чистá поля да во Кіевъ градъ
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунь одежу соби стариковскую,
Кладывáетъ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретъ въ руки клюху нунь горбатую,
А идетъ онъ нунь въ полату бѣлокаменну,
Къ тому ли-то къ Одолищу поганому.
А сидитъ-то Одолищо поганое
За почестныимъ столомъ да у князя у Владиміра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолищо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«Видалъ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика перехожая:
— А й такой же нашъ богáтырь Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолищо поганоё:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ выти хлѣба кушаётъ?»
— Малую часть нашій кушаетъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А й по маленькой-то чашечкѣ воды-то пьетъ. —
Отвѣчаетъ Одолищо поганоё:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю».
Говоритъ тутъ калика перехожая
А й тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна пуни батюшка,
— Была же лошадь халстная *(такъ)*,

Digitized by Google

— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да ножомъ собѣ длиннымъ,
Этотъ-то ножъ да стоёмъ же сталъ.
Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому,
Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
Старыи казакъ Илья Муромецъ
Выходилъ-то онъ во дворовую,
Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
Въ другу-ту руку копье длинное.
Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую.
Сталъ-то по силушки поскакивать,
Онъ прибилъ нынь всю силу-то великую.
Пріѣзжаетъ-то ко князю ко Владиміру.
Сдѣлали весельицо почестный пиръ,
Стали тутъ жить оны по прежному.
Ничего-то князь нынь не опасается,
Никого ли-то нынь не сумляется.
Отправлялся нашъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли-то ко ко́ролю Литомскому
Посмотрить его дочери любимоей,
Той ли-то Марьи Митріе́вичной.
А женить ему нужно братца нынь крестоваго,
А й братца того ли названаго,
А того ли то Иванушка могучаго.
Пріѣзжали тутъ ко ко́ролю Литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
Взяли то ю и въ замужество

Digitized by Google

За того ли-то Иванушка могучаго,
Сдѣлали оны да почестный пиръ,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говоритъ-то нашъ князь стольнё-кіевской:
«Вы вѣрныи мои да служители!
«Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
«А живите-тко вы да по старому,
«Живите-тко по старому по прежному».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 23 іюля.

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владиміра,
Былъ у нихъ да есть почестный пиръ.
На пиру да былъ слуга вѣрныи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Во другихъ-то мо́лодый Дюкъ Степановичъ,
А Чурилушка же Плёнковичъ,
А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ Владиміра,
И приходилъ-то къ государыни къ своей да родной маменьки
И воспроговорилъ же ей да таково слово:
«Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
«А Ефимья ты же Олександровна!
«И ты когда меня спорóдила,
«Завернула бы въ камочки во крушатыя,

Digitized by Google

«Ты кидала бы меня да во сине море!
«Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу́ свѣту,
«Не рутѝлъ бы я Добрынюшка тугъ горькихъ слезъ».
— Ай же ты мое да чадо милоё,
— А дитя мое любимоё,
— Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ужъ я рада бы тебя спо́родить,
— А я силою въ бога́тыря да въ Илью Муромца,
— Я богачествомъ во Дюка во Степанова,
— А я удалью въ Чурилушку е Плёнкова,
— А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича. —
Какъ во пору же е во то́ время
Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Микитиничъ,
Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
А онъ добра̀ коня да богатырскаго,
А сѣдлалъ ему сѣделушко черкальское,
А стремена кладетъ да золоченыя,
Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
Одѣвае собѣ латы богатырскія,
Онъ беретъ соби копье-то въ руки длинное,
Онъ-ка палицу да стопудовую.
Онъ садился на своего добра́ коня
И хочетъ выѣхать онъ съ широка́ двора,
А съ широка двора да онъ въ чисто́ полё.
И наказывае на поѣздѣ таково слово
Государыни своей да родной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной,
И во дру́гихъ онъ наказывалъ своей да молодой женѣ,
Молодой-то е Настасіи Микуличной:
«Я ѣду въ чисто́ поле,
«Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,
«Проживи же ты нуньчу шесть годовъ,
«А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста́ поля,

Digitized by Google

«А поди хоть за богáтыря, хоть за крестьянина,
«Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,
«За Алешеньку ты Поповича,
«А й за бабьяго ты надсмѣшника».
Ужъ какъ видѣли богатыря-то сядучи,
Не видѣли богатыря поѣдучи.
Онъ какъ выѣхалъ Добрúня съ широкá двора,
Онъ какъ ѣхалъ не воротами широкима,
Онъ скочилъ да черезъ стѣну городовую,
Сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
Широки раздолья между ногъ пустилъ,
Онъ какъ рѣки нунь озера перескакивалъ.
Отъ него поѣздки богатырскія,
Отъ него поступки лошадиныя
Времечко идетъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки е шесть годовъ,
Не видать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
Сталъ Олешенька же королевскій сынъ похаживать,
Въ дрýгихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской.
Они стали-то да е подсватывать
А й Добрынину его да молоду жену,
А й Настасьюшку да е Микуличну,
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Алешеньку Поповича.
И положила она заповѣдь на дрýго шесть годовъ:
Если не буде нунь Добрыня сынъ Микитиничъ,
Какъ не буде онъ да со чистá поля,
А й потомъ я за тебя замýжъ пойду.
Отъ него ли-то поѣздки богатырскія,
Отъ него ли-то поступки лошадиныя
Времень *(такъ)* идетъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки двѣнадцать годъ,

Digitized by Google

Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
И приходилъ Олеша королевскій сынъ,
Въ другихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской,
Приходили нá ей теперь свататься.
Тутъ Добрынина да молода жена,
И молода-то е Настасья да Микулична,
Еще тýда-ка она да е замужъ пошла
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Олешеньку она да за Поповича.
Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да свадебка,
Повелась-то свадебка двѣнадцать дёнъ,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наѣдалися.
Очень строго е приказано
Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на свадебки
А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву.
Они крѣпости всѣ да повы́ладили,
А столбы-то вси оны е повы́ставили,
А для всякою опасности,
Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы въ ту пору да въ то время
Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
И послѣдній день да е двѣнадцатой.
Какъ во ту пору во то время
Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
Онъ пріѣхалъ осерёдъ двора широкаго,
Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходилъ онъ къ государыни къ своей родной маменькѣ.

Digitized by Google

Ужъ онъ крёстъ-отъ да кладетъ тамъ по писáному,
Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведетъ да по учёному,
А й на вси да на четыре на сторонушки,
Онъ какъ матушки своёй да е въ особину..
Воспрогóворитъ же самъ да таково слово
А своей да рóдной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной:
«Ужъ ты здравствуй государыни Добрынюшкина матушка!
«Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
«Мы съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
«А съ дѣтёмъ твоимъ да е любимымъ,
«А й съ Добрынюшкой Микитицомъ
«Вмѣстѣ были во чистóмъ поли.
«Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольнею,
«Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣзжею.
«Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А ко своему-то братцу ко названому,
«А къ тому ли-то Олешенькѣ Поповичу».
— Ай же ты молодая скоморошина,
— Ты кабацкая кака ни е подпóбрина!
— Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
— Закатилоси мое да красно солнышко двѣнадцать годъ,
— Закатается теперь да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— А й Добрынина да молода жена,
— Молода-то е Настасья да Микулична,
— А й тутъ она замужъ ушла
— А й за братца за названаго крестоваго,
— За Олешеньку да е Поповича.
— А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да свадебка,
— А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
«Привезти-то онъ гусёлышка яровчаты,

Digitized by Google

«А которыи находятся въ него во ложняхъ тамъ во теплыихъ
«На кроваточки кисовыя
«А на стопочки да на точёныя,
«И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на свадебку,
«Звеселить свое сердечко богатырскоё».
Только стала нонь смекатися,
По рѣчамъ его да догадатися,
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е примѣточку:
— Не моё ли ты да чадо милоё,
— Не моё ли ты дитя было любимоё,
— А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
— Извини-ко ты да нынь пожалуста,
— Что обругала я тебя да обезчестила,
— А удаленькаго храбраго же воина. —
Цѣловала тутъ его въ бѣлы́ уста,
Нарекала своимъ сыномъ милыимъ
А дѣтёмъ она его любимыимъ.
Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ свои-то тамъ гуселышки яровчаты,
Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
А ко ласковому князю ко Владиміру
Да къ названому ко братцу ко крестовому,
А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
Пріѣзжалъ-то онъ ко каменно́й стѣны,
Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
Какъ у ласковаго князя у Владиміра
А приставлены-то всѣ да заключевники
А всѣ главныи свои да дворнички
А ко той ли къ высокой да каменно́й стѣны
А къ воротамъ да ко широкіимъ.
Очень строго имъ наказано:
А й у князя у Владиміра

Digitized by Google

Не пущать-то на почестный пиръ на свадебку
Никакого-то безъ званія,
Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Владиміра.
Высыпаетъ имъ онъ злата ноньку сéребра,
А всимъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
Очень крѣпко имъ да здоложается,
На почестный пиръ дается:
«Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
Не пущаютъ нунь Добрынюшки Микитича,
Не берутъ съ него ни злата нунь ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущаютъ на почестный пиръ на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
И молодой жены къ Настасьи да къ Микуличной:
«Вы подите-ко пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
«Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ».
Отошли отъ воротъ вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорѣлоси его сердечико ретливое,
Онъ столбы-то всѣ повышаталъ
И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
Онъ зашолъ-то на почестный пиръ на свадебку
И выставъ тамъ на печеньку муравую,
И сталъ онъ струночки потягивать,
Сталъ гуселышка подлаживать.
Заигралъ какъ онъ въ гуселышка яровчаты,
На почестноемъ пиру да на свадебкѣ,
На пиру-то вси да призамолкнули.

Digitized by Google

Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Владиміра,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?
— Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
— Опущайся-ко со печки со муравыя,
— Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на золотъ стулъ
— А въ особину, гдѣ мѣсто е понравится. —
Наливаетъ ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносилъ-то тутъ Добрыни е Микитицу:
— Ай же ты да молодой игрокъ!
— Ужъ ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
А й другую чару-то подноситъ братецъ да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молода Настасéя-та Микулична:
«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
«Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
«А Добрыня сынъ Микитиничъ».
И взялъ пóложилъ Добрынюшка Микитиничъ
А свой перстень-то злаченыя,
А которымъ съ ней да поручалися,
Онъ во чару зелена вина,
Подносилъ возвратно молодой жены:
— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару зелена вина.
— Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
— А не пьешь до дна, не видашь добра. —
Выпивала Настасéя тутъ Микулична,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала тамъ свой перстень-то злачоныя,
А которымъ же съ Добрыней поручаласи.
Воспрогóворитъ она за почестнымъ пиромъ за свадебкой,
Воспрогóворитъ она да таково слово:

Digitized by Google

«По Русíи пословица та водится:
«А мужъ въ лѣсъ по дрова, жена замýжъ пошла.
«Ай ты Добрынюшка Микитиничъ,
«Ты возьми-ко нуньку плёточку шелковую,
«Ужъ ты бей меня-то жонушку по нáгузку!»
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово
За почестныимъ пиромъ онъ да за свадебкой:
— Не дивую я теби да молода жена,
— А Настасья ты Микулична!
— Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
— А тому ли Олешеньки Поповичу:
— Отъ жива мужа жену беретъ;
— А въ другихъ-то я дивую ласковому князю е Владиміру:
— Отъ жива мужа да жону сватаётъ. —
Розгорѣлося его да сердце богатырскоё,
Возсерчалъ-то онъ на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватилъ его за желты́ кудри,
Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,
Выводилъ его на гридню на столовую,
Ужъ какъ сталъ-то онъ по гридни да поваживать,
А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
А въ другой рукѣ держи́тъ гуселышка яровчаты,
И сталъ за желты кудри поваживать,
А гуселышками тутъ Олешеньку охаживать.
Воспрогóворитъ Олеша таково слово:
«По Русíи-то пословица та водится:
«Ужъ какъ всякій, братцы, женится,
«А не всякому женидьба задается.
«Не дай Господи на сёмъ свѣти
«Какъ Олешеньки Поповичу!»
А какъ взялъ то онъ свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,

Digitized by Google

Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.
Еще ту́да-ка Олешеньки славы́ поютъ,
А тому ли-то пиру да вѣкъ по́ вѣку,
А вѣкъ по вѣку отнынѣ до́ вѣку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была поляница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ пріумиласи,
Съ молодымъ сговориласи
Ѣхать въ царство русійское,
Государство московское.
До Москвы-то не доѣдучи
И до горы до Ясавулова,
Вси шатры-то тутъ роздернули,
Ербучки-то вси повыстлали *(такъ)*,
Посылали скоропосле́шнаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевицу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы полаты онъ розглаживалъ
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ёнъ питья-ты да приставливалъ.
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Поляница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у тя Богъ на стѣны,
«Есть ли у тя хлѣбъ на столи,

Digitized by Google

«Есть ли борци на дворци,
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ-то поборотися,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогóворитъ нунь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Еще есть-то у мня Богъ на стѣны,
— Еще есть у мня же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у мня борци на дворци,
— Ай удалы добры молодци,
— Съ Кострюкомъ-то попытатися,
— Съ молодымъ поотвѣдати
— А й плеча да богатырскаго,
— А личя его да молодецкаго.
— А й два братца есть крестовеньки,
— Они родиной же съ Вологды:
— Одного-то зовутъ Ѳедькою,
— А другаго есть Михалкою,
— И не бьются есть не борются,
— Одной кашки есть напорются,
— Какъ живутъ у мня въ прислужникахъ. —
Нунь въ ту пору да во то время
Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
Онъ своимъ да богатырскіимъ,
Онъ по всей землѣ, по всей орды,
Онъ по всей да подселенною:
«Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
«Если ты не дашь да супротивника,
«Я все царство нунь пройду да головнéю прокачу!»
А несетъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Digitized by Google

Онъ несетъ же ему нунь подарочокъ,
Ему злата было сéребра.
Онъ же проситъ нунь въ свои полаты бѣлокаменны
Хлѣбца соли есть покушати
И колачиковъ порушати.
Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
А й одно кричитъ: «давай же супротивника».
Какъ во ту пору, во то время
Какъ скамья случилоси двуногая
Близко сильнаго богáтыря.
Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
Онъ скамью да есть двуногую.
Онъ-ка билъ да всѣхъ богáтырей
Безъ разбору государскіихъ.
Какъ убилъ же тридцать есть богáтырей,
Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ плѣненныихъ.
Еще вси они лежатъ какъ мы́ши пища,
Еще моля Кострюку да Темнюку,
Сильнему богáтырю:
— Еще дай бы теби Господи
— А й на дворъ итти да скокою,
— А й со двора да окоракою! —
Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
По мосткамъ-то бѣжалъ да деревянныимъ,
А мости́нья-то вси да зыблются,
А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ
Онъ ко братцамъ ко крестовыимъ,
Онъ съ нима́ да поборотися,
Съ молодыма попытатися.
Ужъ какъ Θетеньку-то ра́зъ топну́лъ,
А й онъ Θетеньку друго́й топну́лъ,
И стоитъ нашъ-то Θетенька не ша́тнется,

Digitized by Google

На головушкѣ волосушка не стря́хнутся.
Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
Самъ съ собою похваляется:
«Что жъ ты братъ да поддаваешься?»
Тутъ припадывали они пони́же собя,
А подхватывали Кострюка да крѣпко на́ руки,
Его на руки свои да богатырскія,
И выкидывали повыше креста да Леванидова.
До зени́-то не допа́дучи,
А летма́ въ верёхъ да скоро ле́тячи,
На немъ кожа вся же перелопала,
А отъ рукъ ихъ богатырскіихъ,
А отъ двухъ же братцевъ есть крестовыихъ.
А рука нога ломиласи,
Глаза вонъ да воротилися.
Еще смотритъ поляница та же крымская,
Богатырша нунь сама есте удалая,
На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
А на двухъ на братцевъ на крестовыихъ,
Ушибили Кострюка да сильна бога́тыря.
Ухватила копье свое длинное,
Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
Она ѣде заклинается:
— А не дай мнѣ-ка́-ва болѣ Господи,
— Болѣ ввѣкъ въ Москвы да не́ бывать,
— И московскіихъ борцевъ да въ гла́за не́ видать!—
А Кострюку да Темнюку да сильнему да воину
Еще ту́да-ка ему да все славы́ поютъ,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку.
А живётъ-то нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живётъ-то онъ да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,

Digitized by Google

А живётъ-то онъ безъ всякои опасности,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 іюля.

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Масельгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старообрядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на масельгскомъ перевалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но разсказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, только одну, про грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ разсказывалъ, что въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянинъ Адріанъ Кипринъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перенялъ.

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурнатовичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ, —
Сказывалъ онъ улицы казненыи,

Digitized by Google

А вси ты улицы не казненыи,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался тутъ почестенъ пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвастались.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изо Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ за того стола бѣлодубова,
Изъ-за тыя скамейки кленовыя
Испрогóворитъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣстъ да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ нá очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему нà друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на братца родимаго,
Нá того на Ѳёдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ,
— Сказывалъ онъ улицы казненыи,
— Вси ты улицы не казненыи,
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Тутъ его царско сердце возгорѣлося:

Digitized by Google

«Ай же вы палачи немило́сливы!
«Возьмите-тко вы Ѳёдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрого́воритъ Малюта Скурнатовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Ѳёдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи.
Справилась тутъ Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу,
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочиковъ.
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилоси,
«Незваная та гостья пѣша́ пришла?»
— Ѳёдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Тутъ Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машетъ и голосо́мъ крычитъ:
«Ай же палачи немило́сливы!
«Съѣдите́ вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кабакъ,
«Прибирайте мо́лодца лицё въ лицё,
«Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
«Отсѣките ему буйную голову».
Тутъ палачи немило́сливы
Прибрали молодца лицё въ лицё,

Digitized by Google

Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
Отсѣкли ему буйную голову.
Тутъ Микита Романовичъ
Надѣваетъ платье что ни лучшее.
Пріѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
Испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
«Али ты надо мною насмѣхаешься,
«Аль не знаешь моей незгодушки великоей?
«Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какà твоя незгодушка великая? —
«Θёдора царевича жива нѣту,
«Твоего любимаго племянничка».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Θёдоръ царевичъ въ зеленóмъ саду гуляетъ
— И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
— А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —
Тутъ испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Никита Романовичъ:
«Города ль возьмешь съ пригородками,
«Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
— И не падъ мнѣ-ка золотой казны.
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

Digitized by Google

VI.

КОТОВА.

Марѳа Трофимовна Котóва, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Маселыгѣ. Научилась кое-какимъ былинамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же складомъ и побасенку про пѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ во городѣ во Кіеви,
У честноей вдовы Офимьи Олександровны,
А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
А спрогóворитъ своей матушкѣ,
Молодой честнóй вдовы Офимьи Олександровны
А й да таковы слова:
«Ужъ ты матушка моя, честнáя вдова Офимья Олександровна!
«Ты на что меня безсчастнаго спорóдила,
«Ты на что меня да безталаннаго отрóдила?
«Ты бы силушкой спородила
«Что во стараго казáка Илью Муромца;
«Ты бы могутушкой спородила
«Во Самсона во богáтыря;
«Ты бы смѣлостью спородила
«Во Олешенку Поповича,
«Красотой меня спородила
«Да во Осипа во прекраснаго».
Какъ спрогóворитъ да его матушка,
Молода честна вдова Офимья Олександровна
Таковы слова:
— Ужъ ты дитятко мое Добрынюшка Микитичъ!

Digitized by Google

— Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
— Я спородила́ бы тебя
— Силушкой да во стараго каза́ка Илью Муромца,
— Я могутушкой бы споро́дила
— Во Самсона во бога́тыря,
— И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
— Красотою бы спородила
— Во Осипа бы во прекраснаго. —
Какъ спрого́воритъ Добрынюшка Микитинъ своей матушкѣ:
«Ужъ ты матушка моя,
«Молода честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеньицё,
«Прощеньицё да благословленьицё
«Есть повыѣхать мнѣ-ка да́леко,
«Да́лече, дале́че во чисто́ поле,
«Мнѣ попробовать есть свой силушки,
«Силушки есть теперенку богатырскоей.
«И дашь ты прощеньице поѣду,
«Не дашь благословеньица поѣду».
Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.
— Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
— Ты куды поѣзжа́ешь,
— На кого меня молодую, несчастную,
— Ныньче оставляешь? —
Какъ спрого́воритъ Добрынюшка Микитичъ таковы слова:
«Ай же ты Настасья Викулична!
«Жди-тко ты меня три́ году.
«Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
«Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
«Какъ минуется девять лѣтъ,
«Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
«Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«За купца поди, за боярина поди,

Digitized by Google

«За хрестьянина поди, за мѣща́нина поди,
«За Олешенку Поповича только не́ поди.
«Вѣдь Олѣшенька Поповичъ мнѣ крестовой братъ».
Видли Добрынюшку сядучи,
А не видли Добрынюшки поѣдучи.
Первый скокъ нашли за стѣной городовою,
Другой скокъ нашли черезъ три вёрсты,
Третьёго скоку что найти не́ могли.
Ждала Настасья Викулична,
Дожидала Добрынюшку ровно три́ году.
Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Ждала она ровно девять лѣтъ.
Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Стали-то кіевски бабы подговаривать,
Подговаривать стали, ума́нывать
Молоду Настасью Викуличну
А за этого да Олешенку Поповича,
За Олешенку да за Поповича.
Въ тую порушку да въ тое времячко
А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
И ставалъ-то Добрынюшка Микитичъ есть,
А онъ есть поутру ранёшенько,
Умывается Добрынюшка бѣлёшенько,
Утирался въ тонко бѣло по́лотно.
Выходитъ-то Добрынюшка Микитичъ е
На ши́року на уличку,
Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
А одна сторона помили́е всихъ.
Садился Добрынюшка Микитичъ на добра́ коня,
А й отправился Добрынюшка да въ тую сторону.
Попадаё Добрынюшкѣ Микитичу
Есть калика перехожая.

Digitized by Google

Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Я иду-то со города со Кіева. —
Что ль еще того помилíе Добрынюшкѣ Микитичу? —
Сталъ онъ спрашивать калику перехожую:
«Ай же ты калика перехожая!
«Что добро дѣется во городѣ во Кіевѣ?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Все добро дѣется во городѣ во Кіевѣ.
— Есть-то мóлодая Настасья Викулична а за мýжъ пошла,
— А за мýжъ пошла а за Олешенку,
— За Олешенку пошла за Поповича. —
Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ужъ ты дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
«Платьицо черноё да дай каличьеё,
«А й каличьеё да клю́ху желѣзную».
— Я не далъ бы тебѣ платьевъ каличьихъ,
— Платьевъ каличьихъ, клюхи́ желѣзноей,
— Ты возьмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
Солѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добра́ коня,
Надѣваетъ на себя платья каличьи,
Беретъ въ руки клюху желѣзную.
И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы на гору,
Онъ клюшенкой да подпирается,
Съ гóры на гору да перескакиваётъ.
Приходитъ ко городу ко Кіеву,
А стучаетъ подъ окошечко
У староей вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
«А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко кланялся,
«А велѣлъ подать гуселышка,

Digitized by Google

«Есть во темноемъ чуланчикѣ на полочкѣ».
Есть стряхнулась Офимья Олександровна да своей старостью,
Подавала гуселышка муравчаты *(такъ)*.
Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на чéстной пиръ,
Онъ на честный пиръ идё на свадебку
Ко Олешенки да ко Поповичу.
Онъ не спрашиваётъ ни у дверей ни придверничковъ,
Онъ не спрашиваётъ ни у воротъ ни приворотничковъ,
Онъ становился есть о липинку,
Онъ играетъ во муравчаты гуселышка.
Еще спрашиваётъ е Олешенка Поповичъ:
— Ты скажи есть чей да откулешной,
— Ты коёй орды, ты коёй земли,
— Ты чьего есть отца, чьей матери? —
Что ль отвѣтъ-отъ держалъ есть Добрынюшка Микитичъ:
«Есть-то я теперь заводска скоморошина».
Тутъ спрогóворитъ молода Настасья Викулична да таковы слова:
— И есть-то теперь не заводска скоморошина,
— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ. —
Наливаётъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Ужъ подноситъ ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.
Онъ беретъ ту чару едины́мъ перстомъ,
Единымъ перстомъ беретъ мизёнышкомъ.
Выпилъ онъ чару на единый здухъ.
Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена вина,
Подноситъ молодой Настасьи Викуличной:
«Выпьешь до дна, увидишь добра».
Выпивала ту чару зелена вина.
Какъ поглядитъ — въ чарѣ золотой перстень,
Что ль которымъ перстнемъ обручалиси е съ Добрынюшкой Микитичемъ.

Digitized by Google

Какъ подходитъ Добрынюшка Микитичъ есть
Ко смирно́му ко Олешенкѣ Поповичу,
Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Поповича за желты́ кудри,
Бросилъ Олещенку да о кирпичный полъ.
Тольки Олешенка живъ бывалъ,
Съ молодой Настасьей Викуличной живалъ.
Бралъ-то онъ мо́лоду Настасью Викуличну е за праву за рученку,
Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,
Ко своей-то родной матушкѣ,
Ко староей вдовѣ Офимьѣ Олександровны.
Тутъ-то ёго матушка приросплакалась,
Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

27.

ЧУРИЛО.

Во славноемъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,
А не Пленковичъ Чурило, добрый молодецъ.
Справляется Чурило, снаряжается Чурило,
Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурило личко бѣленькое,
Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,
Надѣваетъ сапожки на ножки зеленаго сафьяна,
Сапожки сафьяну были турецкаго,
Шитья нѣмецкаго.
Подъ пяты, подъ пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочка яичко прокатило.
На себя кафтанъ васинко́ваго сукна̀,
На головушку шапочку ушисту пушисту завѣсисту,

Digitized by Google

Пятьсотъ-то рублей серебромъ,
А сѣдлать убиратъ коня шахманка.
Были подложки шелковыи,
Пряжки застежки золоченыи,
Пряжки застежки что шелкъ-то тлѣетъ,
Золото не трется, серебро не ржавѣетъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли Чурилушки поѣдучи.
Пріѣзжаетъ Чурила ко городу ко Кіеву
Да ко славному царю ко Владиміру.
Увидѣла Катерина Викулична
Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.
Она по поясъ кидалась въ косивчато окно,
Поскорѣе того на широкій дворъ,
Отворяла широки ворота,
Еще звала Чурилушку Пленковича
Ко себѣ на широкій дворъ,
Убирала коня его шахманка,
Проводила коня во конюшеньку,
А во тую во конюшню во конину́ю,
А во эту во стойлу лошадину́ю.
Наливала коню ключево́й воды въ тазъ,
Насыпала коню бѣлояровой пшены,
Пойдучи отъ коня да поклониласи:
«Ужъ пей мой конь да нечистой духъ!
«Я не ради тебя кланяюси,
«Ради Чурилушки Пленковича.
«А не Пленковичъ Чурила, добрый молодецъ».—
«Станемъ-ко Чурила въ шашечки играть».
Разъ-то играли проигрывались,
Другой разъ играли проигрывались.
«Бросимъ-ка Чурилушка шашочну́ игру,
«Сядемъ-ко Чурилушка на тисову́ кровать».
Пришла черная дѣвчонка челяночка.

Digitized by Google

— Это кто у тя Катерина Викулична,
— Это кто въ гостяхъ, али бра́тъ родной,
— Али братъ родной, али му́жъ грозно́й? —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Что не братъ родной и не мужъ грозной».
Говоритъ Чурила-тотъ Пленковичъ:
— Замолчи-тко, дѣвчоночка челяночка!
— Во-вотъ я тебѣ теперь шапочку дарю,
— Моя шапочка пятьсотъ рублей серебромъ,
— А ушиста пушиста завѣсиста,
— Спереди не видно личка бѣленькаго,
— Сзади не видно желты́хъ кудрей. —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Не давай-ко ей шапочки дѣвчонкѣ челяночкѣ,
«Лучше самъ ты носи да Чурилушка Пленковичъ,
«Лучше ей-то ты дай полтинку серебромъ».
Видитъ Чурила дѣлати теперь нечего.
Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву,
Ко тому-то царю ко Владиміру,
Крестъ-то ведетъ по писа́ному,
А поклонъ-то ведетъ по учёному,
Бьетъ-то челомъ царю Владиміру:
— Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
— Грозно-кіевскій великій! —
Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
«Скажи, чей ты да откулешной,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Ты чьего отца, чьей-то матери?»
— Отца матери не помню теперь,
— Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ. —

(Конца пѣвица не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

Digitized by Google

28.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Жила была вдовица пашница,
Какъ у той вдовы было семь сыновъ,
Было семь сыновъ да единáя дочь.
Единýю дочь сталъ сватать за синё море,
За сине морё да за глубокое,
За того купцá да за богатаго.
Еще здумала да е повыдала.
Ужъ я годъ да въ умѣ не было,
Другой жила да въ разумъ не пришло,
Въ третей годъ стосковалоси.
Я у свекрушка да подаваласи,
А у свекровушки да доложиласи.
Ужъ свекрушко да отпущаетъ,
Свекровушка да снаряжаетъ.
Есть-то сѣли съ мужомъ да поѣхали.
Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да за высокіихъ
Наставала туча темная,
Туча темная да весьма грозная.
Какъ наѣхало да семь розбойничковъ,
Какъ убили моего мужа,
Какъ бросили въ синё море да моего сына,
Е повывезли меня младу на гору.
Это вси-то есть да семь разбойничковъ,
Они сѣли хлѣба соли кушати,
Бѣла лебедя розрушати.
Что ль одинъ единъ розбойничекъ
Не кушаетъ, на молóдую поглядываетъ,
Что молóдая проплакиваетъ.
Что ль спрашиватъ молóдую:
«Ты скажи скажи, молóдая,

Digitized by Google

«Ты коёй орды, коёй земли,
«Ты чьего отца да чьёй-то матери?»
Какъ спрогóворитъ молóдая:
— Я вдовици есть-то пашници.
— Какъ у той вдовы пашници
— Было семь сыновъ да единáя дочь,
— Эти семь сыновъ да во розбой пошли,
— А меня младу да за мýжъ выдали. —
Тутъ спрогóворитъ одинъ единъ розбойничекъ:
«Ай же братцы вы мои розбойнички!
«Мы убили своегó зятя,
«Обезчестили да своюю сестру
«Своюю сестру да свою рóдную».
Какъ скочили ль тутъ розбойнички:
«Что ль сошьемте мы шелкóвъ невёдъ,
«Мы повыловимъ да своего зятя,
«Мы достанемъ своего племника со синя́ моря»...

(Конца не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушéйла духовное дитя во березонькѣ,
Какъ пришла тутъ лисиця ко березонькѣ,
Стала она пѣтуха есть оманывати,
Ай оманывати да подговаривати:
«А й же пѣтушейло е духовное дитя!
«Опустись теперь на землю».
Сталъ пѣтушокъ опущатися,
Съ ивинки на ивинку да перепурхивать,
А съ пруточка на пруточикъ перескакивати.

Digitized by Google

Поймала лисиця пѣтуха въ когти,
Стала держать ёго плотно.
Какъ спрогóворитъ пѣтушейло духовное дитяти *(такъ)*:
— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просвировъ печи. —
Тутъ у лисици отслабли нёгти,
Отпустила она пѣтуха.
Тутъ-то пошла лисиця ко боярину на дворъ,
Думала себи она куру изловить.
Тутъ-то пѣтухъ запѣлъ, зарычалъ,
Тутъ-то лисиця перепала есть,
Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокотáмы,
Бабы съ помяламы,
Тутъ-то едва меня лисици не убили.
Тутъ-то думаетъ лисиця: уловлю я пѣтуха.
Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣдало.
Надо той лисици пѣтуха изловить,
Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.
Какъ пришла тутъ лисиця опять,
Опять стала пѣтуха оманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты пѣтушейла духовноё дитя!
«Опустись теперь на землю».
Смотритъ пѣтушейла на лисины слова,
Отвѣчатъ онъ лисици:
— Ты оманешь теперь, задавишь пѣтуха. —
«Ты не бойся теперь, духовной сынъ,
«Не омáну теперь, не зáдавлю».
Тутъ-то лисица обáяла да обсовѣтовала.
Опустился пѣтухъ на сыру́ землю.
Згребла пѣтуха она въ когти,
Стала держать его плотно:
— Ай же ты есть духовная мати лисиця,

Digitized by Google

— Спусти ты пѣтуха. —
«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:
«Ты жилъ былъ у господина на двори,
«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,
«Ты затрёснулъ, запѣлъ, зарычалъ.
«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокотáмы,
«Бабы съ помяламы,
«Такъ едва меня лисици не убили въ ты поры.
«Вы блудники, беззаконники,
«По девяти, по десяти женъ держите,
«А на улицю сходите да деретéсь,
«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную кровь проливаете».
Крылушка обламала,
Перышка общипала,
Стала съ бочка теребить, —
Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 іюля.

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аѳанасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слыхала былины отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василія Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтихіевымъ старину про девять братьевъ розбойниковъ и сестру, ими полоненную.

Digitized by Google

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ каменно́й Москвой состарѣлся[1]),
Съ Новымъ-городомъ спору не было.
Одно у Буслава было отплодьице
Мо́лодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Съ робятмы шутки пошучивать:
Кого за ногу — нога-та прочь,
Кого за руку — рука-та прочь.
Стали прѝходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ честно́й вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ай же ты матушка честна́ вдова Омельфа Тимофеевна!
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Молода Василія Буслаевича,
«Не оставитъ-то людей на сѝмена!»
А во ту-то пору во то́ время
Выбиралъ себѣ княгину[2]) хоробрую,
Поставилъ эту чару полтора ведра:
Кто подыне эту чару едино́й рукой
Кто выпьетъ эту чару едины́мъ духомъ —
Биться, драться, ратиться;
Кто кого по́бьетъ, съ того брать пошлина:

---

1) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,
Съ каменной Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменной Москвой состарѣлся».

2) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недоразумѣнію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла, что «такъ поется».

Digitized by Google

Со дѣвокъ брать повѣнчальное,
Со стари́цъ брать постригальное,
Съ го́стей торговыхъ посуконное.
Взяла Василія Буслаевича,
Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,
Взяла его за бѣлы́ руки,
Приводила его на широ́кой дворъ,
Бросила Василья во глубо́къ погребъ,
Пеньемъ ко́лодьемъ заворо́чала,
Бѣлоду́бовыма дверми перезáперла,
Булатнима замочками перезáмнула:
— Ай ты спи Василій, высыпайся тамъ! —
А выходитъ пова́рная дѣвушка
А чернавушка съ вёдромъ по́ воду,
Коромыселкомъ убила тридцать душъ,
А приходитъ да ко погребу,
Ко широкому да ко глубокому
И спрого́воритъ она да таково слово:
«А ты спишь, Василей, высыпаешься,
«Надъ собою незгоды не вѣдаешь,
«А твоя княгина въ крови́ бьется,
«Булавамы у ей голова поломана,
«Кушакамы у ей голова ове́рчена».
А выскакиватъ Василей со погреба,
А со погреба со широкаго,
Со широкаго со глубокаго, —
Не подержали Василья Буславьевича
Ни пе́нья, ни ко́лодья, ни двери бѣлоду́бовы,
Ни замочки булатніи,
Подержала Василія Буслаевича слягà сарайная,
Слягà сарайная восьми́ саженъ.
А онъ сталъ слягòй помахивать,
Куды ма́хнетъ, туды улица,
Переулками на́родъ валится.

Digitized by Google

Стали приходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Млада мóлода Василія Буславьевича,
«Не оставитъ и людей на сѣмена!»
— Ай же вы, мужики да новгородскіи,
— Вы какую же надо мною бѣду знаете,
— А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?
— Ради васъ я Василія потрéбила,
— Во глубокъ погребъ я Василья брóсила,
— Пéньемъ кóлодьемъ заворóчала,
— Бѣлодýбовыма дверма перезáперла,
— Булатнима замочками перезáмнула. —
А выходитъ его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому:
Нѣтъ Василія во пóгребу,
Пенья кóлодья всѣ розворóчены,
А булатніи замочки порозломаны,
Бѣлодубовы двери поростворены.
Запрягала она въ однуколочку,
Выѣзжала она по Новý-городу,
Его матушка ѣдё а рукой машётъ,
А рукой машетъ да головóй качатъ:
— Ай же Василій Буслаевичъ,
— Ты уйми-тко свое сердце богатырское,
— Не оставишь и людей на сѣмена! —
Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь пошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 іюля.

Digitized by Google

31.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Жи́ло-то было девять дочерей,
Всѣ онѣ ходили во Божью́ церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣ́стовочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Го́споди свѣ́тъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься сюды».
Взялъ онъ Салфею за бѣлы́ руки,
Повелъ Салфею во Божью́ церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты́ вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зелена́ вина́ несетъ,
А во лѣвой зелено́ яровò.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай».
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Оны къ утру ко свѣту престáвилиси.
Васильюшка крутили въ голеву́ю[1]) во парчу́,
Салфеюшку крутили во толсту́ю простину́.
Васильюшка несли на бѣлы́хъ на рукàхъ,
Салфеюшку несли на буйны́хъ на головàхъ.
Васильюшка ложили по праву сторону́,
Салфееюшку ложили на лѣву сторону́.
На Васильюшкѣ повыросъ частъ ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипари́сно древò.

---

1) Т. е. чистаго золота.

Digitized by Google

Уже во-мѣсто древа̀ совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками сплеталися.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 23 іюля.

Digitized by Google

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Загубья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, по старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былины, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и онъ отъ нихъ перенялъ.

32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молода Волью Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.

Digitized by Google

Забиралъ тутъ мóлодой Волья́ Всеславьевичъ
Дружину онъ хорóбрую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человѣкъ,
Еще самъ Волья́ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ молóдыихъ,
Молодыихъ жеребчиковъ бухарскіихъ,
Бухарскіихъ жеребчиковъ темнокарiихъ,
Темнокарiихъ жеребчиковъ нелéгченыхъ.
Садились они на добры́хъ коней,
Поѣхали по да́лечу-далéчу по чисту́ полю.
Услыхали они въ чистóмъ поли па́харя,
Пахаря-пахарюшка.
Они по дéнь ѣхали въ чистóмъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по дру́гой день ѣхали съ утра до вéчера,
Пахаря не наѣхали,
И по трéтiй день ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипливаетъ.
А у ратая омешики прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его вóлжаная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбiй зубъ;
Омешики на сошки были булатнiи,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка сóловая;
У этой у кобылы-то у сóловой
Хвостъ-отъ до земли розстилается,
А грива́-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возгóворитъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья́ помочь, пахарь е пахарюшко?»

Digitized by Google

Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья́ помочь, мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ.—
Тутъ возго́воритъ мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Знать-то молодца е по выѣзду,
— Сильнаго могучаго бога́тыря по храбрости.—
Тутъ возгово́ритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Ай же ты мо́лодый Волья́ Всеславьевичъ!
— Я какъ драни-то надеру и жита-то насѣю,
— Жито выростетъ, я и домой выволочу,
— Домой выволочу, я дома выколочу.
— Я какъ пива наварю да гостей какъ заберу,
— Гости станутъ они пить да станутъ кушати,
— И станутъ они да меня здравствовати:
— Ахъ ты здравствуешь, Викула е Селя́ниновичъ! —
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́ниновичъ!
«Какъ жаловалъ крестовый меня батюшко
«А какъ двумы городами меня онъ лучшима,
«Еще Курцовцомъ да онъ Орѣховцомъ».
Тутъ возго́воритъ Викула-то Селя́ниновичъ:
— Ай же ты мо́лодой ты Волья е Всеславьевичъ!
— Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,

Digitized by Google

— Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
— Закупилъ я соли ровно три мѣха,
— Въ которомъ же мѣху было пó сту пудъ,
— Положилъ я на кобылу е на сóловую
— Да самъ-то молодецъ я садился ровно сóрокъ пудъ,
— Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу;
— Тутъ стали мужики меня захватывать,
— Еще Курцовцы да Орѣховцы,
— И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
— Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
— Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи. —
Тутъ возгóворитъ мóлодой Вольѝ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́ниновичъ!
«Поидемъ отводить да мнѣ-ка вотчины».
Тутъ обру́жился-то Викула Селя́ниновичъ
На эту кобылу онъ на сóловую,
И поѣхали по да́лечу-дале́чу́ по чисту́ полю.
Викулы-то Селя́ниновича кобыла какъ ступкомъ идетъ,
А Вольи́нъ-то конь во всю мѣть бѣжать.
Тутъ возгóворитъ Викула-то Селя́ниновичъ:
— Ай же молодой Вольѝ-то е Всеславьевичъ!
— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:
— Не ради вора, не ради разбойника,
— А ради пропою я кабацкаго».
Тутъ мóлодой Вольѝ-то е Всеславьевичъ
Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,
Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человѣкъ.
Ѣздили къ этой сошки они къ вóлжаныя
И не могли сошки съ земли они пóдняти;
Пріѣзжали оттуль удалы добры молодцы,
Сами говорятъ да таково слово:
«Мы не могли-то сошки съ земли пóдняти».
Тутъ воротился самъ Викула-то Селя́ниновичъ,
Подъѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко вóлжаныя,

Digitized by Google

Подхватилъ онъ сошку е на плётовищо
Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ [1]).

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ахъ ты свѣтъ моя ро́дна матушка,
«Ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«На что же ты матушка споро́дила,
«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ попу́стила?
«Ты бы лучше матушка меня споро́дила
«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,
«Брала бы ты валучій камешокъ
«Во свои во бѣлыи рученки,
«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ по́ вѣку въ синёмъ мори».
Тутъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
— Ай ты мой есть чадо милое,
— Ты Добрынюшка Микитинецъ!
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Во каза́ку Илью Муромца,
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Силою во Собо́ра во бога́тыря,
— Смѣлостью споро́дить въ смѣлаго Олешу во Поповича,
— Еще Богъ-то дитятко мнѣ на́далъ тебя споро́дити.—
Тутъ пошолъ онъ по конюшнямъ по стоялыимъ,

---

1) Слушая эту былину, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснилъ, что онъ слышалъ, что Никула Селяниновичъ былъ отецъ той Настасьи Микуличны, поляницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тогда, что его сосѣдъ Іуда Егоровъ, старообрядческій наставникъ на Космозерѣ, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Микулу.

Digitized by Google

Выбралъ себѣ коня добраго
На своихъ-то на конюшняхъ на стоялыихъ,
Сталъ-то онъ тутъ латиться да сталъ кольчужиться;
На этого-то онъ коня на добраго
Потницки-то онъ кладетъ на потнички
И на потнички покладываетъ все войлочки,
На войлочки накладываетъ онъ сѣделышко,
А сѣделышко накладываетъ онъ е черкальское,
Онъ подтягиваетъ, подлаживаетъ тугихъ двѣнадцать подпруговъ.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На это сѣделышко черкальское.
Выходитъ его да родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,
Выходитъ она да на широкій бѣлый дворъ,
Приходитъ къ ему стремену она булатному,
Еще ко его ножкѣ богатырскоей.
Сама она горюшиця поросплакалась,
Сама говоритъ она таково слово:
— Ай же ты мой есть любимой сынъ,
— Еще молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Куда же ты Добрынюшка сряжаешься,
— Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возговоритъ ей Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же ты моя есть родна матушка,
«Честна вдова Офимья Олександровна!
«Посылаетъ меня князь Владиміръ стольнё-кіевской
«Съѣздить-то за море мнѣ есть за Кіево
«Ко тому-то королю да ко Бухардову,
«Свезти туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ».
Выходитъ тутъ его есть молода семья,
Еще молода Настасьюшка Микулична,
Приходитъ ко его ко стремену булатному,

Digitized by Google

Еще ко́ его къ ножкѣ богатырскія,
Сама она горюшиця поросплакалась,
Сама-то говоритъ таково слово:
— Ай ты мой вѣдь есть законный мо́лодой,
— Еще молодой Добрынюшка е Микитинецъ!
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возго́воритъ Добрынюшка ей Микитинецъ:
«Ай же ты есть моя любима́ семья,
«Еще молода Настасьюшка Микулична!
«Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворотится,
«Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не памятуй,
«То что поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго поди ты, за татарина,
«Сто́льки не́ ходи за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«Какъ за мо́его за братца за крестоваго,
«Еще за́ того за женскаго насмѣшника».
Они видли тутъ молодца-то сядучись,
А не видли его молодца поѣдучись.
Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
Лише столько во чисто́мъ поли пыль пошла.
Зъ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
Съ холмы на́ холму онъ ли перепрядывалъ,
Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
Куды падали копыта лошадиныя,
Туды ставились колодецы глубокія,
А глубокіи колодецы е кипячія.
Какъ де́ничокъ за де́ничкомъ какъ дождь идетъ,
А недѣлька за недѣлькою бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соко́лъ летитъ.
Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, нѣтъ ни по́вѣсти.
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской

Digitized by Google

Ко́ той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
И сталъ-то Настасьюшку подговаривать
За того за смѣлаго Олешенку Поповица,
Еще за́ его за братца за крестоваго,
За того за женскаго насмѣшника.
Тутъ возго́воритъ Настасьюшка Микулична:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я мужнюю-то заповѣдь повыполнила,
«Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Положу я теперько свою заповѣдь,
«Прожду я мужа дру́го шесть лѣтъ;
«Ежели Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не отворотится,
«То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
«Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
«А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
«Еще за́ его за братца за крестоваго».
Какъ де́ничокъ за де́ничкомъ какъ дождь идетъ,
Недѣлька за недѣлькой бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соко́лъ летитъ.
Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни по́вѣсти.
Сталъ-то тутъ князь Владиміръ стольнё-кіевской,
Сталъ-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталъ-то Настасьюшку онъ подговаривать
За́ того за смѣлаго Олешу за Поповича,
За́ его за братца за крестоваго.
Пошла тутъ она сама да во Божью́ церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они пошли да по злату вѣнцу.
Посли этой поры да этой времечки
Честна́ вдова Офимья Олександровна
Садиласи въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилась она подъ окошечко косевчатоё
И сама она горюша поросплакалась,

Digitized by Google

И сама-то она говоритъ таково слово:
— Ахъ двѣнадцать-то годышковъ назадъ закатилось у меня-то красно солнышко,
— Теперь повыкатился у меня да е свѣтѣлъ мѣсяцъ! —
Изъ да́леча-дале́ча изъ чиста́ поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошѣ по бѣлу́ снѣжку
Не бѣлъ заюшко ли онъ проскакивалъ,
Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалый добрый молодецъ,
Прямо онъ ѣдетъ на Добрынинъ дворъ,
Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Къ тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому,
Привязалъ-то онъ коня своего тутъ добраго
И самъ идё въ полаты бѣлокамены,
Крестъ-то онъ кладётъ по пи́са́ному,
Поклоны все ведетъ онъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной онъ е въ особину:
— Приказалъ-то тебѣ, Офимья Олександровна,
— Добрынюшка приказалъ тебѣ низко кланяться.
— Оставлялся твой Добрынюшка во чисто́мъ поли
— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять гуселышка его ярбвчатые,
— Да еще-то мнѣ Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять его кунью его шубоньку,
— Кунью шубоньку велѣлъ онъ взять соболиную. —
Тутъ брала-то честна́ вдова Офимья Олександровна,
Брала-то она тутъ золоты ключи
И сходила-то она во глубокъ погрёбъ,
Приносила ему кунью шубоньку,
Кунью шубоньку его соболиную,

Digitized by Google

Приносила ему гуселышка она ярóвчатые.
Снарядился тутъ удалый добрый молодецъ
И во эту кунью онъ шубоньку,
И бралъ-то онъ эти гуселышка ярóвчатыѣ,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Гдѣ жъ его есть любимá семья,
— Еще мóлода Настасьюшка Микулична? —
Тутъ возгóворитъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А ушла-то Настасьюшка Микулична,
«Ушла-то она да во Божью́ церковь,
«Принимать оны со Олешей со Поповичемъ,
«Принимать ушли по злату вѣнцу».
Пошолъ тутъ удалой доброй молодецъ
Къ Олешѣ ко Поповичу на пированьицо.
Крестъ онъ кладетъ по писáному,
Поклоны все ведетъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Князю-то Владиміру онъ въ особину.
Самъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай ко упáлому [1]) добру молодцу заѣзжему
— Мѣстечко мнѣ-ка скрóмноё. —
Отводили они мѣстечко ему скрóмноё
На этой на печкѣ на муравленой.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На эту на печку на муравленую,
Игралъ онъ во гуселышка тутъ яровчатые,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
Тутъ стоитъ княгиня за дубовыимъ столомъ,
А стоитъ она, сама подýмливаётъ:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!

1) *Упалый* то же, что у другихъ сказителей *упавый*—хорошій, красивый.

Digitized by Google

«Прикличь-ко ты удала добра молодца ко дубову́ столу,
«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина».
Прикликали его удала добра молодца къ дубову столу:
— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —
Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,
И бралъ-то онъ какъ чару одной рукой,
Выпивалъ ту чару едины́мъ духомъ,
Положилъ въ ту чару свой злаченъ перстень,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
«Наливай-ко эту чару зелена вина,
«Выпивай-ко эту чару едины́мъ духомъ:
«То что ты увидишь въ этой чары себи́ добра».
Налила эту чару полтора ведра,
Подымала какъ эту чару одной рукой,
Выпивала эту чару единымъ духомъ
И увидла въ этой чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ имъ да обручавши была.
Тутъ возго́воритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не то мнѣ-ка мужъ, который подли́ меня,
— А то мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня».
Тутъ возговоритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ. —
Тутъ возго́воритъ Добрынюшка Микитинецъ:
«Я не дивую женскому глупому разуму, —
«Точно у жонки волосъ дологъ да умъ коротокъ, —
«Я дивую вашему царскому разуму,
«Что отъ живаго мужа вы берете за дру́гаго.
«А ты, смѣлый Олешенка Поповичъ-е,
«А ты братецъ мой крестовыи,
«Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
«Теперько дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!»

Digitized by Google

Хватилъ тутъ Олешенку онъ за бѣлы́ груди,
Да вытащилъ Олешенку онъ черезъ ду́бовъ столъ,
Да какъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
Шалыгой подорожною зачалъ пощалкивати.
И тутъ вси князи, вси бо́яра
Съ этого пиру да забросалися,
И всѣ-то по домамъ они разъѣзжалися.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

34.

ДУНАЙ.

Забѣралъ себи дружины онъ хоробрыя
Князь Владиміръ стольнѣ-кіевской,
И вси на пиру-то наѣдалися,
И вси на пиру-то напивалися,
И всѣ-то на пиру оны поросхвастались.
Тотъ хвастатъ тымъ, да ино́й-то иным,
Иной-отъ похвасталъ золотой казной,
Иной-отъ похвасталъ своей силою,
Иной-отъ похвасталъ своей смѣлостью,
Разумный-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
Самъ государь онъ свѣщёнъ ра́дощёнъ,
И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаётъ,
И башмачи́камы-то онъ самъ вѣдь поскрипливаетъ:
«Ай же вы князи, вси мои бо́яра,
«Ай же вы поляници вси мои удалыя!
«И вси-то у меня во Кіевѣ вы пожене́ны,
«И всѣ-то дѣву́шки бояру́шки заму́жъ даны́,
«А одинъ у васъ во Кіеви я холо́стъ не женатъ
«Еще князь Владиміръ стольнѣ-кіевской.

Digitized by Google

«Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
Супротивъ-то государя становился онъ:
— Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
— Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
— И есть какъ во той земли во лячкія,
— У того-то есть короля у Ляховинскаго,
— Есте у него тамъ дви дочери:
— Первая дочь е Марья королевична, —
— Тою тебѣ государь не владати;
— И другая е дочь Опраксья королевична,
— Было бы кому намъ поклонятися
— Всимъ городомъ намъ да всимъ Кіевомъ. —
Тутъ возговоритъ государь ему батюшко:
«Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны е безчестныя,
«Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
«Поѣзжай-то ты во землю во лячкую,
«Ко тому ли королю да Ляховинскому,
«О доброемъ дѣлѣ есть о сватовствѣ
«На молодой Опраксіи королевичной».
Тутъ возговоритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты государь и нашъ батюшко!
— Не надоть мнѣ казны твоей е безсчетныя,
— Не надоть мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
— Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Поповица:
— Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на ножку храмъ да на походку скоръ;
— Да въ другихъ дай Добрынюшку Микитича. —
Видѣли они молодцевъ тутъ сядучись
И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
Не воротами они поѣхали, черезъ стѣну,
А черезъ стѣну они махнули городовую,
А столькы во чистомъ полѣ пыль пошла.

Digitized by Google

Пріѣзжаютъ они въ землю есть во лячкую,
Къ тому-то королю они къ Ляховинскому
О доброемъ дѣлѣ они о сва́товствѣ.
Заѣхали они безъ слова на широкій дворъ,
Привязали тутъ оны коней ко столбику,
Ко этому ко столбику оны точеному,
Ко этому колечку оны золоченому.
Тутъ возго́воритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще смѣлыя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-кось ты, Олешенька, самъ подогадывайся».
Самъ иде въ полаты въ бѣлокаменны,
Выставъ на крылечко на перёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще мо́лодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкіихъ сѣняхъ,
«Еще стой-кось ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся».
И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладетъ онъ по писа́ному,
Поклоны всѣ ведетъ онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е Ляховинскія!
«Мы пріѣхали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ
«На мо́лодой Опраксіи королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра».
Тутъ возго́воритъ ему король тотъ Ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такѝ ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такѝ ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана
— Во ту есть она во Золоту орду,

Digitized by Google

— За того-то короля да и за Каина. —
Тутъ возгóворитъ Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е Ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксіи въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксіи въ нашомъ Кіеви,
«За ласковымъ за княземъ за Владиміромъ».
Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ тутъ Дуная по бѣлу́ лицу.
Обвернулся тутъ Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по черну́ лицу;
Упалъ тутъ король е о кирпиченъ полъ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвы́ ноги,
Зачалъ королемъ-то онъ помахивати,
Пандвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Добрынюшка къ ободверенкѣ,
Вырвалъ тутъ Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ тутъ Добрынюшка похаживати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Пандвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣлыя Олешенька е Поповицъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Олеша ко телѣги ко ордынскія,
Вырвалъ онъ осище телѣжное,
Телѣжное осище окова́ное,
Окованое осище ровно сорокъ пудъ;
Началъ тутъ Олешенка похаживати,
Пандвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названыя,
Выбрались оны да на широкій бѣлый дворъ;
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!

Digitized by Google

«Попало мнѣ Дунаю есть побивало доброе, —
«А плотенъ король на жилья есть, самъ не по́рвется».
Выходитъ-то Опраксія королевична
Она на широкій бѣлый дворъ,
Захватила Дуная за могучіи плеча,
Еще говоритъ она таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-кось ты татаръ хоть и на сѣмена!
— Ѣду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садились оны тутъ на добры́хъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по да́лечу дале́чу по чисту́ полю.
Ѣхали по да́лечу дале́чу по чисту́ полю,
Во чисто́мъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и съ добра́ коня,
Скакала-то ему она да на бѣлы́ груди,
Выдернула она ножищо е кинжалище,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Таки́ ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибокъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукой да по ле́лькамъ[1]) билъ,
«А лѣвою ногою бы подъ гузно пихнулъ».
Онъ правою рукою ю по лелькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подъ гузно пихнулъ,
И слетѣла эта Марья за три по́прища.
Тутъ скакалъ-то ёй Дунай на бѣлы́ груди,
Хотѣлъ онъ ёй пороть-то бѣлу грудь;
Тутъ смолиласи Марья королевична:

1) Т. е. по грудямъ.

Digitized by Google

«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣло́й груди!
«Ѣду я ко городу ко Кіеву,
«Отдавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владиміра»...

(Дальше не помнитъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздилъ-то Чурилушка онъ Плёнковичъ,
Ѣздилъ онъ по да́лечу дале́чу по чисту́ полю,
На своемъ-то ѣздилъ на добро́мъ конѣ,
Во своемъ онъ ѣздилъ кована́мъ сѣдлѣ.
Сѣделышко было его черкальское,
Подсте́нуто было двѣнадцать тугихъ по́дпруговъ.
Подпруги были да все шелко́выя,
Пряжечки были да золоченыя,
А шпенёчики были булатнія.
Еще шелкъ не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣетъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрянулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Кіеву,
Забирать себѣ дружину на почестенъ пиръ,
И заѣхалъ онъ къ Пермяту ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчато.
Бьется-то онъ тутъ, колотится
Сквозь тую́ блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,

Digitized by Google

Выскакаетъ оттуль дѣвушка поваренная
И сама-то говоритъ да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ доми-то хозяина,
«Онъ уѣхалъ во Божью́ церковь,
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образамъ онъ да поклоняется».
Услышала Катерина тутъ Микулична,
Она бьетъ-то дѣвку по лѣву́ лицу,
Сама-то говоритъ ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти́ кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей отка́зывать. —
Тутъ выходитъ она на си́нечки на бѣлыя
И на ты переходечки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она на широкій дворъ
И встрѣчаетъ удала добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстни́ да за злаченыя,
И цѣловала въ уста его сахарнія,
Провела его коня добраго
На свою конюшню на стоялую,
И провела его въ свою бѣлую во ковнату.
Садились оны играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ игралъ да ю по́игралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю по́игралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возго́воритъ Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодецъ,
— Еще мо́лодый Чурилушка ты Плёнковичъ!
— А знать-то мнѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то мнѣ да на тебя смотрѣть,

Digitized by Google

— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходуно́мъ ходитъ,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка льнетъ!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть повелёное,
— Скидывалъ бы ты шапочку, клалъ на стопочку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зелѐнъ сафьянъ сапожки снялъ бы, клалъ подъ лавочку
— Да ложился спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисо́вую,
— На эту на перину на пуховую
— Да на тое на кру́то складно на зголовьицо
— Да подъ тое теплое ты одѣялышко подъ соболиное. —
Скидыва́лся тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зелѐнъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложился спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовьицо
Да подъ тое одѣялышко онъ соболиноё.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидыва́лася она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложилася тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
На тое на круто складно зголовьицо
И подъ тое тепло одѣялышко соболиноё.
Услыхала тамъ дѣвушка поваренна,
Поваренная дѣвка все челя́динна,
Выходитъ-то дѣвка на бѣлы́ сѣни,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«Я пойду-то, дѣвка, на Божью́ церковь,
«Скажу-то Пермяту сыну Васильевичу».
Услышалъ тутъ Чурилушка Плёнковичъ:
— Ай же ты дѣвка е страдница!

Digitized by Google

— Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью́ церковь,
— Не сказывай Пермяту сыну Васильевичу,
— А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
— А когда ты, дѣвушка, замужъ пойдешь,
— Подарю я те косякъ камки,
— Еще до́рогой камочки заморскія. —
Ничего того дѣвушка не послушалась,
Пошла-то она да во Божью́ церковь.
Пришла-то она да во Божью́ церковь,
Крестъ-то кладетъ по писа́ному,
А поклоны-то ведетъ по учёному,
На всѣ ли четыре на стороны,
Пермяту сыну Васильевичу въ особину:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты стоишь-то здѣсь да Богу молишься,
«Чуднымъ о́бразамъ ты да поклоняешься,
«Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаёшь!
«Еще есть у тя въ домѣ нелюбимый гость,
«Еще молодый Чурилушка е Плёнковичъ,
«И гуляетъ онъ со Катериною Микуличной».
Это слово-то ему не въ любовь пришло,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты, дѣвка, если бы́ль говоришь,
— Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
— А если ты мнѣ, дѣвка, ло́жь говоришь,
— Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
— Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
И садился-то онъ на добра́ коня.
Пріѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Катерина е Микулична!
— Что же ты не зашла е во Божью́ церковь,

Digitized by Google

— Богу-то тамъ е молитися,
— Чуднымъ о́бразамъ ты да поклоняться тамъ? —
Тутъ возго́воритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскіихъ?
«Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью́ церковь».
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
— Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
— Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ! —
Жалобне́шенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Сходи-ко на́ свою конюшню на стоялую:
«А какъ на́ твоей конюшнѣ на стоялоей
«Стоитъ-то тамъ Чурилинъ добрый конь».
Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
Увидѣлъ тамъ коня добраго Чури́линаго
И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
Тутъ во́зговоритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимыя
«И по да́лечу ѣздилъ онъ по чисту́ полю,
«Со Чурилушкой оны да соѣзжалися
«Да конямы-то оны тамъ вѣдь е помѣнялися,
«Да пріѣхалъ-то братецъ ко мнѣ родимыя
«Да на Чурилиномъ пріѣхалъ на добро́мъ конѣ».
Тутъ возго́воритъ Пермятъ сынъ Васильевичъ:
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
— Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
Жалобне́шенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!

Digitized by Google

«Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
«А спитъ-то тамъ Чурилушка, онъ не прохватится».
Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложню-ту,
Онъ увидѣлъ Чурила-то Пленковича,
Заздынулъ онъ мечъ-то выше го́ловы,
Срубилъ онъ Чурилѣ буйну го́лову.
Тутъ-то е Чурилушкѣ славу́ поютъ.
Тутъ-то е Катерина Микулична
Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
На тыя переходечки на частыя:
«Ахъ ты старый песъ, ты сѣда́я борода́,
«А сгубилъ ты удала добра молодца,
«Еще мо́лода Чурилушку е Пленковича!».

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Изъ-подъ дуба, дуба было сы́раго
Изъ-по́дъ вяза, вяза сподъ черле́наго,
Изъ-подъ кустышка да сподъ ракитова,
Сподъ ты березы сподъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала, выпадала мать Нѣпра́ рѣка,
Выпадала она въ море, море Че́рное;
Съ-по́ морю, по мо́рю, морю Че́рному
Выходила она да во Турецкоё
По Турецкому морю, морю Че́рному
Выплавало оттуда тридцать ка́раблей.
Единый-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
Онъ на́передъ бѣжитъ да бывъ соко́лъ летитъ.
Еще носъ-корма въ ёмъ по звѣриному,

Digitized by Google

А какъ хоботы-ты мечетъ по змѣиному,
Бокова̀ выведены въ ёмъ да по туриному, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто хвоста было повѣшено
По тому волку да по заморскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По ты куницы по сибирскія,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто бровъ было продернуто
Какъ по черному по соболю заморскому, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Шеймы[1]) канаты были шёлковыи,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Якори на ка́рабли булатнія,
Еще лапочки были всѣ золоче́ныя, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
И парусы на ка́рабли рущато́й камки,
Еще до́рога камо́чка е заморская.
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Еще рубка на карабли была ры́бьящета.
Въ этой бесёдкѣ ры́бьящетой
Сидѣлъ мо́лодой Со́ловей Буди́міровичъ
Еще со своей родителью матушкой,
На́ имя со Ульяной со Васильевной.
Игралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Спо́тѣшалъ свою родитель матушку,
Еще на́ имя Ульяну Васильевну.
Пріѣзжали оны ко городу ко Кіеву,
Еще ко́ тому оны ко бережку ко кру́тому,
Ко́ тому песочику оны розсы́пчатому.
Выходитъ самъ Со́ловей Буди́міровичъ
И самъ говоритъ да таково слово:

1) Шеймы, по объясненію пѣвца, значитъ «обснастка».

Digitized by Google

«Ай же вы моя дружинушка хоробрая,
«А васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Скидывáйте-ко вы кожáники лосиныя,
«Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурлáнъ-сукна,
«Одѣвайте-ко вы шляпоньки пуховыя,
«Берите кушаки-то все шелкóвыя
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню, мѣдью лýженую,
«Да насыпьте эту сходню чиста сéребра;
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую *(такъ)*,
«Да насыпьте эту сходню чиста золота;
«И третью сходенку выметывайте,
«Выметывайте вы сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую,
«Себрёлуженую сходню позолóченую».
Выходитъ самъ Сóловей Будúміровичъ
Еще сó своей съ родителью со матушкой,
Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ай же вы дружинушка хоробрая,
«Васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Подите-тко на горку вы на конную,
«На этоей на горкѣ и на конныя,
«Гдѣ пироги и гдѣ блины продаютъ
«И малыи ребята тамъ барышничаютъ.
«Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то три́ терема,
«Еще три терема да златоверхіихъ,
«Что верхи бы со верхамы совивалися,
«Молода Забава и Путятична
«На этыи верхи бы оглядѣлася...».

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

Digitized by Google

37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдь государь нашъ по́ день,
Выкликаетъ надёжда онъ по дру́гой,
Выкликаетъ насъ надёжда царь по третей:
«Еще всѣ же вы князи, вси боя́ри
«А всѣ думскіе царевы генерала!
«Пособите государю думы думать,
«Государю чтобы дума не проду́мать,
«Какъ бы взять бы мнѣ Азо́въ горо́дъ безъ бо́ю,
«Безъ бою, безъ драки кроволитья».
Еще большій тулится за середняго,
А середній тулится за меньшаго,
А отъ меньшаго государю ни отвѣта нѣтъ.
Выходитъ тутъ казакъ е донскіи,
Еще онъ же молодецъ е удалы́и,
Супротивъ онъ государя становился,
Понизешенько надёждѣ поклонился:
— Охъ ты батюшко надёжда государь царь,
— Олексій сударь Михайловичъ московскій!
— Бласловите, государь, мнѣ словца молвить.
— Еще во́зьмемъ мы Азовъ горо́дъ безъ бою,
— Еще безъ бою возьмемъ безъ драки,
— Еще безъ больша̀ велика кроволитья. —
По головушкѣ каза́ченка погладилъ:
«Благодарствуёмъ казакъ тебѣ донскіи,
«Еще ты же молодецъ е удалы́и,
«Еще ты же молодецъ-то есть смѣлы́е!
«Еще смѣлъ-то съ государемъ говорити:
«А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
«Я пожалую по до́рогу кафтану
«А какъ со тыма съ клинамы золотыма
«И со обве́щамы со тыма дорогима».

Digitized by Google

Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
По пяти туды казáковъ положили,
Они черными юхтáмы накрывали,
Какъ булатними гвоздцамы обивали.
Еще они другіе пятьсотъ тутъ снарядили,
Мякотнымъ-то товаромъ нагрузили
А туды же къ Азову пропустили.
Они стали тутъ къ Азову подъѣзжати.
Еще тутъ-то казаку ему не спится,
Еще бралъ-то онъ подарки дорогіи,
Къ самому-то онъ Санталу относился:
— Ахъ ты здравствуешь Санталъ ты е турецкій,
— Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
— Еще вó теби подарки дорогіи
— Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
— Да просилъ-то вѣдь нашъ царь тебя бѣлый,
— Да просилъ-то онъ въ Азовѣ торговати,
— Какъ русійскихъ товаровъ продавати
— А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати —
А какъ эти ему подарки прилюбились,
Приказалъ-то онъ въ Азóвъ горòдъ въѣзжати,
Велѣлъ кажныи телѣжки осмотрити.
Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
Еще дрýгіихъ телѣжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они возовъ-то запустили.
Они зачали въ Азовѣ торговати
А своихъ они товаровъ продавати
А заморскіихъ они стали закупати,
А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
Еще черныихъ юхтòвъ тыхъ открывати
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
Они начали въ Азови шурмовати,
Да начали турчановъ убивати,

Digitized by Google

Много множество турчановъ тутъ прибили.
А одва-то тутъ Санталъ и самъ уѣхалъ
Еще во свою столицу въ городо́ву.
Еще тутъ казачкамъ имъ не спится,
Оны валъ-то земляной тутъ завалили
Какъ повыше стѣны они городо́вой.
Тутъ Санталъ-то онъ турецкой
Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,
Подъѣзжаетъ онъ къ Азову тутъ ко городу,
Еще началъ онъ въ Азо́въ горо̀дъ ломиться.
Еще валъ-то земляной оны розсыпа́ли,
Стѣну каменну оны да проломили,
Еще тутъ они въ Азо́въ горо̀дъ забились,
Еще начали въ Азовѣ шурмовати,
Оны стали казачковъ тутъ убивати.
Тутъ немножко казачковъ тутъ оставлялось.
Собирались казачки тутъ въ Бо́жью церковь.
Отслужили тутъ молебенъ со обѣдней:
— Еще ай же ты Микола Чудотворецъ,
— Не придай-ко намъ напрасно умерети!
— Постримемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
— Всѣ въ монахи постримемся, въ потріархи,
— Всѣ въ монахи постримемся, въ потріархи.—
Напустилъ тутъ Микола Чудотворецъ,
Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

Digitized by Google

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. Загорья у Толвуи. Выучился пѣть былины у мѣстныхъ старожиловъ; земледѣлецъ.

38.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ай же ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ты бъ меня Добрыни не споро́дила,
«Споро́дила бы Добрыню, да на бѣлый свѣтъ не попу́стила,
«Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полотнище,
«Выносила бы Добрыню на гору да на Сіонскую,
«Кидала бы Добрыню во сине́ море,
«Катался бы, валялся Добрыня я по́ вѣку,
«По вѣку и по скончанію».
Испрого́воритъ его да родна матушка:
— Рада бы я, дитятко, спородити
— Во того во смѣрнаго каза́ка Илью Муромца,
— Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
Сокрутился тутъ Добрыня въ платье цвѣтное,
Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлоду́бову,
Бралъ да своего-то сиза бурушка,
Сиза бурушка косматаго,
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана.
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато *(такъ)*,

Digitized by Google

Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Выходитъ его да любимá семья,
Мóлода Настасьюшка Микулична:
— Ты куда поѣзжашь, да куды путь держишь,
— На кого ты покидаешь молоду жену? —
Испрогóворитъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же ты моя да любима семья!
«Когда стала ты у меня спрашивать,
«Тогда я буду теби сказывать.
«Поѣду я, добрый молодецъ,
«Во чистó поле поляковать, казáковать;
«Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
«Порублю я вѣдь поганыихъ татаровей.
«Сожидай-ко ты Добрыню со чистá поля ровно трú годы,
«Три годы пройдетъ, да до шести годовъ,
«Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
«Хошь вдовой живи да хошь замýжъ поди,
«Зá князя поди, хошь за боярина,
«За могучаго поди богáтыря,
«Только нé ходи за того за смѣлаго,
«Только нé ходи за Олешенку Поповича.
«Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ».
День тутъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно трú годы.
Приходитъ солнце Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
— Ты поди-ко вѣдь теперь да во замужество. —
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Сожидала я Добрыню ровно трú годы,

Digitized by Google

«Сожидать буду Добрыню до шести годовъ».
День тотъ за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ;
Проходило тому времечки шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ стольнё-кіевской
Свататься да низко кланяться
За того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Испрогово́ритъ Настасья таково слово:
«Справляла я вѣдь мужей завѣтъ,
«Справлять буду вѣдь вдовей завѣтъ,
«Не пойду я до двѣнадцати годовъ».
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за́ годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
За́ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Сило́й берётъ, къ ней въ думу́ не йдетъ.
Заводили оны тутъ да почестенъ пиръ.
У того-то вѣдь у Добрынюшки
Была малая служаночка;
Обвернулась она да малой ко́лпицей [1]),
Слетала она да во чисто́ поле,
Отыскала она Добрынюшку Микитича.
Онъ спитъ да проклаждается
Во своёмъ да во бѣломъ шатри:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты спишь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.

---

1) Пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица. На лужицко-сербскомъ нарѣчіи *kołp* значитъ лебедь.

Digitized by Google

— Нѣтъ у тебя въ домѝ вѣдь любимóй семьи,
— Мóлодой Настасьюшки Микуличны. —
Пробуждался тутъ Добрыня сó сну богатырскаго,
Бралъ своего да сиза бурушка
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана,
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы, нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Садился тутъ Добрыня на добрá коня.
Видли добра молодца ли сядучи,
Нé видли его поѣдучи.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во свой-то онъ да во Кіевъ градъ,
Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
Крестъ кладетъ онъ по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учéному,
Кланяется онъ да на четыре вѣдь сторонушки,
Своей матушкѣ онъ въ собину:
«Здравствуй ты честнá вдова Офимья Олександровна!
«Ѣду я добрый молодецъ со чистá поля,
«Кланяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низкóй поклонъ».
Испрогóворитъ его да родна матушка:
— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворамъ надрыгатися,
— Не отняли бы у меня да любимóй семьи,
— Молодой Настасьюшки Микуличной! —
Испрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ѣду я добрый молодецъ со чистá поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гуселышка яровчаты,

Digitized by Google

«Сапоженки на ноженки зелёнъ сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубоньку да соболиную,
«Шапочку на головочку ушистую, пушистую,
«Ушистую, пушистую, завѣсисту».
Видитъ тутъ честна вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.
Походилъ тутъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Вси на пиру мѣста были призаняты,
Садился Добрыня по край печенки;
Вынималъ Добрынюшка гусе́лышка яровчаты,
Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать
Во свои гусе́лышка въ яровчаты,
Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельицо.
Испрого́ворятъ тутъ да таково слово:
— Какъ бы этой малой скоморошины
— Чарочка да зелена́ вина,
— Зелена вина да полтора ведра. —
Приносили ему чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Бралъ тутъ Добрыня едино́й рукой,
Выпивалъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Дали мнѣ чарочку зандравную,
«Дайте-тко теперь да и забавную».
Пошолъ онъ тутъ отъ печки отъ муравлянки
Ко тому-то ко сто́лу молодецкому;
Онъ спускалъ тутъ свой злаченъ перстень
Въ тую чару зелена вина.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты мо́лода Настасья ты Микулична!
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Выпьешь до дна,—такъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра».
Брала тутъ Настасья едино́й рукой,

Digitized by Google

Выпивала вѣдь Настасья едины́мъ духомъ,
Увидла тамъ-то на́ днѣ вѣдь злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ Добрыней обручалася.
Испрого́воритъ Настасья таково слово:
— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микитиничъ!
— Бери-тко ты меня за волосы за женскіи,
— Кеди-тко *(такъ)* ты меня о бѣлоду́бовъ мостъ,
— Привяжи-тко меня къ жеребцямъ ко неученымъ,
— Ростощили бы меня да по чисту́ полю! —
Испрого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Не дивую я полу женскому,
«Дивую своему брату́ крестовому!
«У жива́ мужа хочетъ жену отнять».
Хваталъ онъ тутъ Олешу за желты́ кудри,
Кидалъ тутъ Олешу о бѣлоду́бовъ мостъ,
Зачалъ тутъ Добрыня пощалкивать
Той-то путь-шалыгой подорожноей.
Сталъ Олеша тутъ поахкивать,
Въ охканьи не слыхать его ло́чканья[1]).
И спустилъ его Добрыня со бѣлы́хъ рукъ.
Садился тутъ Олеша покрай ла́вочки,
Испрого́воритъ Олеша таково слово:
— Всякій-то чертъ на вѣку-то женится,
— Не всякому женидьба удается. —
Только и Оле́шенька женатъ бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 іюля.

---

1) Т. е. звука отъ ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

Digitized by Google

39.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Не заюшко въ чистóмъ полѣ выскакивалъ,
Не горносталюшка выплясывалъ,
Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Направлялъ онъ да коня своего богатырскаго,
Увидалъ онъ во чистóмъ поли
Лань да златорогую,
Спускалъ своего да добрá коня
Во всю прыть да лошадиную;
Догоняетъ онъ да эту лань да златорогую,
Хочетъ колоть ю во бѣлу́ю грудь.
Испрогóворитъ эта лань да златорогая
Человѣческимъ она голосомъ:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не коли-тко ты да моей бѣлóй груди!
«Я есть вѣдь не лань-то златорогая,
«Я есть Марья лебедь бѣла, королевична.
«У меня на семъ свѣтѣ положенъ вѣдь такой завѣтъ:
«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
«За того я пойду въ замужество».
Повернулась эта лань да златорогая
Въ человѣческій она образъ;
Онъ бралъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы́ руки да за златы́ перстни,
Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарніи,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
Принимали тутъ оны законъ да вѣдь супружеской.
Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
Напиваться зелена́ вина онъ допьяна.
Приходитъ онъ во́ свою полату бѣлокаменну,
Стрѣтаетъ его своя да любима́ семья,

Digitized by Google

Испрогóворитъ Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любимá семья!
«Я теби скажу да таково слово:
«Кто у насъ да наперёдъ помрётъ,
«Тому-то сѣсть да во сыру́ землю.
«Ежли я да наперёдъ помру,
«Тебѣ со мной сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой землѣ;
«Ежли ты помрешь, я съ тобой буду сидѣть да во сырой землѣ».
Написали они между собой вѣдь записи.
И онъ ходитъ да на царéвъ кобакъ,
Напивается онъ да зелена вина вѣдь допьяна.
Пріѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣстъ да сорóкъ царей,
Сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сóрокъ королей да сóрокъ королевичевъ.
Оны пишутъ ко Владиміру,
Владими́ру да стольнё-кіевскому:
— Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —
Собираетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Своихъ господъ, своихъ бояръ;
Сталъ онъ тутъ Владиміръ совѣтъ совѣтовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежели намъ не отдать этой Марьи лебедь бѣлой, королевичной,
«Приведутъ нашъ стольной Кіевъ градъ во розореніе».
На ту пору, на то времечко
Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ эту полату бѣлокаменну,
Кланяется онъ Владиміру тутъ въ особину:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не отдамъ я своей душеньки
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —

Digitized by Google

Бе́ретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ крестовыихъ,
Бе́ретъ стараго каза́ка Илью Муромца,
Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они въ платье женское,
Причесали они свои кудри русыя по женскому,
Садились они въ телѣжку во ордынскую,
Пріѣзжали они да во чисто́ поле,
Роздернули они тутъ вѣдь бѣло́й шатеръ.
Приходило тутъ со́рокъ царей, со́рокъ царевичевъ:
«Вѣрно что Владиміръ стольнё-кіевской
«Не посмѣлъ съ нами воевати де,
«Повывелъ онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Повывелъ Марью во чисто́ поле».
Испрого́ворятъ тутъ оны да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣла, королевична!
«За кого же ты за насъ заму́жъ идешь?»
Испрого́воритъ Михайла самымъ тонкимъ женскимъ голосомъ:
— Кто кого изъ васъ на бою побьётъ,
— За того я вѣдь заму́жъ иду. —
Выходили оны татарева во чисто́ поле,
Тотъ того побьётъ, другой друго́го побьётъ,
Не выходили-то у нихъ поединщика единаго.
Приходятъ оны опять да ко бѣлу́ шатру:
«Нѣтъ у насъ такого поединщика.
«За кого же нынь ты заму́жъ идешь?»
Молодецко сердечко мало сте́рпливалъ,
Розгорѣлось его да сердце богатырское,
Выскакивалъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со своего онъ да бѣла́ шатра:
Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
Не увидѣлъ онъ меча кла́денца,
Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
Выхватывалъ онъ оси́ще желѣзное,

Digitized by Google

Зачалъ онъ осищёмъ тутъ помахивать,
Прибилъ онъ со́рокъ царей, со́рокъ царевичевъ,
Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
Со своима онъ съ братьямы крестовыми.
Подъѣзжаетъ онъ да ко́ своей полатѣ бѣлокаменной,
Испрого́ворятъ ему да таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Нѣтъ у тебя въ доми да любимо́й семьи,
— Нѣтъ у тебя да въ живности
— Мо́лодой-то Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Испрого́воритъ Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
«Дѣлайте гробницу не малую,
«Чтобы можно въ нёй двоимъ лежать,
«Двоимъ лежать и сто́я стоять.
«Кладите-тко вы припасу съѣстнаго
«На три мѣсяца.
«Опущусь-то я съ ней да во сыру землю.
«У меня съ ней сдѣланы были записи:
«Который у насъ да напередъ умретъ,
«Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой земли».
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да вѣдь желты́мъ пескомъ.
Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,
Прилы́ло тутъ къ ней змѣ́ищё веретѐнище *(такъ)*,
Стало у ней сосать да вѣдь бѣлу́ю грудь.
Хватилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свою саблю вострую,
Хочетъ отсѣчь у ней буйну голову.

Digitized by Google

Испрогóворитъ змѣ́ищё веретéнищё:
— Не руби-тко ты да моей буйной головы!
— Много я для тéби добра сдѣлаю,
— Оживлю я тéби Марью лебедь бѣлу, королевичну. —
И даётъ ему да свой великъ залогъ,
Своего она вѣдь дѣтища.
Отплываетъ отъ этой гробницы бѣлоду́бовой,
Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,
Подаваетъ она змѣя ему живу воду.
Разъ тутъ сбрызну́лъ — она и здрогнула,
Дру́гой разъ сбрызну́лъ — она сидя́ сѣла,
Тре́тій разъ сбрызну́лъ — она да заговóрила:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гди мы теперь съ тобой находимся?»
— Находимся да во сырóй земли! —
Закрычалъ онъ своимъ гóлосомъ,
Своимъ голосомъ да богатырскíимъ.
Услыхали его да братьицо *(такъ)* крестовыи:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырóй земли,
«Живому тѣлу съ мертвыимъ».
Приходили тутъ оны ко этой могилы ко кладбищу:
Желтой песокъ оны тутъ розсыпали,
Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь верхніи.
Выходитъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со сырой земли,
За собой ведетъ свою да любиму́ семью,
Мóлоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,
Сталъ онъ жить-то вѣдь по прежному,
Напиваться зелена́ вина онъ дóпьяна.
Удаляется тутъ Михайло во чистó поле,
Поляковать онъ да и казáковать;
Порублялъ онъ да вѣдь поганыихъ татáревей
За свою вѣру́ да христіанскую.

Digitized by Google

Пріѣзжаетъ-то съ другой земли,
Пріѣзжаетъ-то король да вѣдь Ляхетскій,
Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку
Ко Владиміру да стольнё-кіевскому:
— Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Во чисто́ поле,
— Бе́зъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ,
«Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Во этое да во чисто́ поле».
Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Во чисто́ поле.
Принималъ-то тутъ король да вѣдь Ляхетскій
Ю за рученки за бѣлыи,
Увозилъ онъ во свою землю.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ:
Проходило тому ровно три годы.
Пріѣзжаетъ тутъ со чиста́ поля
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со своима онъ со братцамы крестовыми.
— Гдѣ же моя да любима́ семья? —
Испрого́ворятъ ему да таково слово:
«Увезъ твою да любиму́ семью
«Красивыи король да вѣдь Ляхетскій».
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Поѣду я добрый молодецъ
— Во тую́ землю́ да во Ляхетскую,
— Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, королевичной.—
Садился тутъ Михайла на добра́ коня.
Видѣли оны Михайла тутъ сядучи,
Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.

Digitized by Google

Пріѣзжаетъ тутъ Михайло во тую́ землю,
Во тую землю да во Ляхетскую,
Пріѣзжаетъ-то Михайла къ тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Усмотрѣла его да любима́ семья
Во тое́ окно да во косевчато,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Пріѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость».
Наливала о́на чару зелена́ вина,
Зелена́ вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Твоё есть дѣло вѣдь дорожноё,
«Мое дѣло есть да понево́льнеё;
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла едино́й рукой,
Выпивалъ Михайла едины́мъ духомъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свалился онъ со́ своего да со добра́ коня.
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,
«Куды надоть отвози его во чисто́ поле».
Испрого́воритъ король да вѣдь Ляхетскіи:
— Мужъ-то твой, воля́-твоя. —
Приказала она запрячь-то пару ко́ней богатырскіихъ,
Отвозила его да во чисто́ поле,
Хватала тутъ она да бѣлъ горю́чъ камень,
Колотила его да по право́й щоки:
«Окаменѣй-ко ты, Михайла, ровно на три годышка,
«Какъ три годы пройдетъ, пройди да сквозь сыру́ землю!»

Digitized by Google

Повернула его бо́льшимъ каменемъ.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Проходило тутъ время ровно годышекъ.
Стоснулось имъ, братьямъ крестовыимъ,
Старому каза́ку Илью Муромцу,
Во вторыихъ-то Добрынюшкѣ Микитичу,
Сокрутились они въ платье вѣдь нище́цкое,
Надѣвали себи трои они по́дсумки,
Шли они путемъ дорогою.
Выходитъ со́ сторонъ калика незнакомая:
— Ай же вы калики есть незнаемы!
— Возьмите меня да вѣдь во третьиихъ,
— Поверстайте меня да во ата́маны. —
Брали тутъ калику во товарища,
Поверстали калику во ата́маны.
Приходили они въ тую землю во Ляхетскую,
Становились они да противъ черто́гъ они вѣдь царскиихъ,
Закрычали они своима голосамы зычныма:
«Ай же ты король да вѣдь ляхетскіи!
«Насыпь-ко намъ трои по́дсумки:
«Одни по́дсумки-то чиста се́ребра,
«Дру́ги по́дсумки-то красна золота,
«Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу,
«Полно намъ каликамъ волочитися,
«Было бы намъ каликамъ по́ смерть ѣсть и пить».
Услышалъ тутъ король да вѣдь Ляхетскіи
Голоса да очень громкіи,
Король тутъ-то пріужа́хнулся.
И зглянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыихъ бога́тырей:
— Это вѣдь не калики есть, да есть бога́тыри,
— Моего мужа́ вѣдь прежнаго

Digitized by Google

— Есть оны да братья вѣдь крестовыи.
— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,
— Насыпай имъ трои по́дсумки:
— Первы по́дсумки да чиста се́ребра,
— Вто́ры по́дсумки да красна золота,
— Третьи по́дсумки да скачна жемчугу. —
Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,
Насыпали имъ да трои по́дсумки:
Одны по́дсумки да чиста серебра,
Дру́ги по́дсумки да красна золота,
Третьи по́дсумки да скачна жемчугу.
Походятъ оны да во чисто́ полё,
Приходятъ къ этому бѣлу каменю.
Испрого́воритъ калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
«Взяли вы меня да во товарища,
«Поверстали вы меня да во ата́маны,
«Надоть намъ теперь да вѣдь живо́тъ дѣлить».
Снимали они тутъ трои по́дсумки
Со своихъ они тутъ плечъ да со могучіихъ,
Кла́дывали оны да во́-мѣсто.
И сталъ-то тутъ калика да незнаема
Кла́дывать онъ да на четы́ре стопы.
Испрого́ворятъ тутъ его братья крестовыи:
— Ай же ты калика есть незнаема!
— Взяли тебя мы во товарища,
— Поверстали тебя мы во ата́маны,
— Неправильнё ты вѣдь животъ дѣлишь. —
Испрого́воритъ калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
«Поверстали меня да во ата́маны,
«Я справедливо теперь животъ дѣлю:
«Который изъ насъ можетъ бѣлъ горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,

Digitized by Google

«Тому четвертая́ стопа достанется».
Бралъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Этотъ да бѣлъ горючъ камень,
Во свое колѣно здымалъ да богатырское,
Самъ-то по щёточку въ землю́ зашелъ.
Подхватывалъ тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Здымалъ-то онъ во́ свою во грудь во бѣлую,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сыру́ землю.
Бралъ-то тутъ калика да незнаема
Этотъ-то да бѣлъ горючъ камень,
Кидалъ онъ черезъ свою да буйну голову.
Испрого́ворилъ калика таково слово:
«Впереди стань доброй молодецъ,
«Лучше стань ты, лучше прежнаго!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовыи,
— Какъ я долго спалъ! —
Испрого́ворятъ его братья крестовыи:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не былъ бы теперь ты въ живности».
Побѣжалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во Ляхетскую,
Становился Михайла противо полатъ да бѣлокаменныхъ,
Закрычалъ онъ богатырскіимъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивыи король да ты Ляхетскіи!
— Насыпь-ко ты мнѣ тоже трое по́дсумки:
— Первы по́дсумки-то чиста се́ребра
— Вто́ры по́дсумки-то красна золота,
— Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!

Digitized by Google

«Приходитъ сюда мой пре́жной мужъ».
Наливала Марья чару зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перёное крылечико.
Испрого́воритъ-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зелена́ вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпивалъ онъ чару едины́мъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землю́ да ме́ртвыимъ.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Ежели ты хочешь вѣдь то мной владать,
«Куда хочешь, туды его и по́дѣвай».
Испрого́воритъ красивыи король да вѣдь Ляхетскіи:
— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказыватъ его да ко стѣны́ прибить,
Колотила ёму гвоздья желѣзныи
Во бѣлы́ руки и въ рѣзвы́ ноги.
И пошла она тутъ во кузницу,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлу́ю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помяту́шился. —
Была у этого у короля да у Ляхетскаго
Едина́я дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому бога́тырю,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

Digitized by Google

«Хочешь ли ты да на сёмъ свѣти еще живъ бывать?»
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живу́ бывать. —
Испрогóворитъ она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сёмъ свѣти живъ бывать».
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятіе.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрнымъ,
Приказала она да со стѣны-то снять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Излѣчить ему эти раны великія.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великія.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра́ коня,
— Обсѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во сняхъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра́ коня
«Обсѣдлана вѣдь и обуздана».
Не смѣняетъ *(такъ)* онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго
Къ ей крыльцу да ко перéному.
Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной, —
Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
Не видли добра молодца поѣдучи.
Уѣзжаетъ Михайла во чисто́ поле,
Накопляетъ силу онъ по прежному,

Digitized by Google

Пріѣзжаетъ онъ во ту землю Ляхетскую,
Ко тыимъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютаго,
Выходила она да на кры́лечко на пере́ное.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
— Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
— Выпей-ко чару зелена́ вина!
— Твое дѣло есть дорожное,
— Мое дѣло есть да подневольнее —
Беретъ онъ Михайла эту чару зелена вина,
Зелена вина да во праву́ руку.
Глядитъ въ это косевчато окошечко
Молода На́стасья королевична:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Погляди-тко ты на ру́ченьку на правую,
«Зглянь-ко ты на ручень ку на лѣвую!»
Зглянулъ тутъ Михайла на ручень ку на правую,
Зглянулъ тутъ Михайла на ручень ку на лѣвую,
Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
Что были́ у него раны превеликіи,
Спомнилъ тутъ онъ прежній завѣтъ-то свой,
Кидалъ онъ эту чару зелена́ вина,
Зелена вина да на сыру́ землю,
Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Кидалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 іюля.

Digitized by Google

X.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшаго участка земли, ему предоставленнаго міромъ, частью мірскимъ подаяньемъ. Разсказывалъ, что пѣть былины научился отъ захожихъ каргополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Были званы браны гости приходящіи
На почестный пиръ.
Красно солнышко на вечери,
Почестный пиръ на весели.
Всѣ на пиру да наѣдалися,
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на пиру-то поросхвасталисъ.
Иный хвалится добрымá конмы,
Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
Иный хвалится золотой казной,
Глупый хвалится молодой женой.
А поросхвастался Владиміръ стольнё-кіевской:
«А у меня-то у́ князя да у Владиміра
«Есть на пиру русьскіихъ могучіихъ три богáтыря:
«Есть старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«Есть Добрынюшка Микитиничъ,

Digitized by Google

«Есть Михайла По́тыхъ сынъ Ивановичъ.
«Ай же вы русьскіи могучіи бога́тыри!
«Послужите-тко мнѣ князю-то Владиміру,
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную
«Да поди-тко на конюшню на стоялую,
«Во́зьми тамъ сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Добрынюшка Микитинычъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную,
«Поди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты уздицю тесмяную
«Да и по́ди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для ради крѣпости.
«Всѣ подпруги-то шелковыи,
«Шпеньки желѣза-то булатняго
«А стремена краснаго золота;
«Красно золото не ржавѣетъ,
«На конѣ добрый молодецъ не ста́рѣетъ.
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю́ да въ Золоту орду,
«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи,

Digitized by Google

«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю во Большу орду,
«Нагрузи-тко оттудова
«Тележки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
«Возьми тамъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку королевичну».
Взялъ тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
Уздицю тесмяную
Да и пошелъ на конюшню на стоялую;
Онъ взялъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ тутъ уздицю тесмяную,
Пошелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ тутъ уздицю тесмяную,
Пошелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Всѣ подпруги-то шелковыи,
Шпеньки желѣза-то булатняго,

Digitized by Google

Стремена краснаго золота;
Красно золото не ржавѣетъ,
На конѣ доброй молодецъ не ста́рѣетъ.
Садился тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
На добра́ коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Добрынюшка Микитиничъ
Садился на добра́ коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Садился на добра коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Пріѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
Тутъ они крестамы-то побра́тались,
Назвалися братьями-то назва́ными:
Который скорѣе съѣзди́тъ, такъ за того Бо́га молить,
Который скорѣе помрётъ, такъ того по́минать.
Поѣхалъ тутъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Во большу землю́ да въ Золоту орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы
Тележки-ты ордынскіи,

Digitized by Google

Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во большу землю да во Большу орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Тележки-ты ордынскіи
Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
Къ королю тому къ Подольскому,
За щитомъ онъ взялъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подолянку да королевичну,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскіи
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ онъ по змѣиному:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдайте намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку да королевичну;
«Не такъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Станемъ держать добрыхъ комоней
«Отпусти-тко ты дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи
«Въ землю ту Бухарьскую,
«Къ королю тому Бухарьскому».
Сговоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Напиши-тко ты ёрлуки,
— Что посланы дани выходы
— Во землю ту заморскую,

Digitized by Google

— Къ королю да ко Бухарьскому
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ. —
Отправляется Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Сго́воритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣдешь какъ во землю ты заморскую,
«Къ королю да ко Бухарьскому,
«Который скорѣе помрётъ, такъ прожить въ земли мертвымъ три мѣсяца».
Поѣзжаетъ-то Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Онъ выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
— Изволь-ко ты просматривать. —
И онъ скоро роспечатывалъ, скорѣй того просматривалъ,
Ужъ онъ самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у тебя дани выходы?»
Говоритъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
— Остались дани выходы въ чисто́мъ поли,
— Въ тележкахъ оси приломалися,
— Остались починивать. —
Они сдѣлали дощечку на золоти.
Михайла По́тыкъ ступе́нь ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третей ступилъ да и треть земли выигралъ.
Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
Михайла Потыкъ ступень ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Третей ступилъ да и полъ-зе́мли выигралъ.

Digitized by Google

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
Налетѣлъ сизъ голубчикъ дóрогой,
Сѣлъ онъ на окошечко
И началъ выговаривать:
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Померла твоя русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая,
«Подóлянка да королевична».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ брóсилъ дощечку изъ дверей въ двери,
Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
Сгóворитъ царь заморскiи да и Бухарскiи:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей-ко всѣхъ и до единаго,
— Оставь хоть и на сѣмина,
— Возьми всю землю заморскую
— Отъ царя да отъ Бухарьскаго. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ всю землю заморскую
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ко городу ко Кіеву,
Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно лéжа лежать,
Лежа лежать и сúдя сидѣть,
И стóя стоять.
Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныи.

Digitized by Google

Они сдѣлали домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стоя стоять.
Клали провизьи на три мѣсяца
И сковали клещи-ты желѣзныи.
Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
Съ русскоей красавицей,
Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
Съ подóлянкой да королевичной,
Во сырý землю.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожúлъ да и другúи прожилъ,
А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
Подплыла змѣя да подземельная,
Разъ лизнýла гробъ, надлúзнула,
Другой лизнýла, пролúзнула
Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ онъ клещамы-то желѣзныма
Змѣю да подземельную,
И говоритъ змѣя да подземельная:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Спусти меня змѣю да подземельную,
«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
«Схожу я къ синю́ морю,
«Принесу живой воды да мертвóй воды,
«И оживлю твою русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну».
Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
Сходила тутъ змѣя да подземельная
Къ синему́ морю,

Digitized by Google

Принесла живой воды и мертвóй воды.
Приноситъ-то Михайлы Пóтыку сыну Иванову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ змѣёныша, рóзорвалъ,
Разъ брызнýлъ — и сросся весь,
Дрýгой брызнулъ — зашевелился,
Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
Разъ брызнýлъ — кровь заи́грала,
Другой брызнулъ — зашевелиласи,
Третій брызнулъ — сидя́ сѣла,
И говоритъ таково слово:
— Ахъ какъ я дóлго спала! —
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала».
И прожили они въ земли три мѣсяца.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ;
Земля да сколыбаласи,
Вси теремы̀ да пошатилиси,
Съ церквей маковки да повалилиси;
Вси въ городи да ужахнýлися:
«Еще что это да за уродище!»
Сгóворитъ Владимíръ стольнё-кіевской:
— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
Выкопали Михайлу Пóтыка сына Иванова
Со сырóй земли.
Говоритъ Владимíръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
«Дать ли тебѣ города съ пригородкамы,
«Али дать села со приселкамы,
«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

Digitized by Google

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селовъ да со приселкамы,
— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
— А дай ты мнѣ повольку-ту великую
— Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
— Пить зелено́ вино безденежно,
— Гдѣ кружку, гдѣ по́лкружки,
— Гдѣ полведра, гдѣ цѣло́ ведро. —
Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ-то повольку-ту великую
Михайлу По́тыку сыну Иванову,
Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Пріѣхало тутъ сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ
Ко городу ко Кіеву.
У кажнаго у царя да у царевича,
У кажнаго короля да королевича
Силы по три тьмы, по три тысящи.
И говоритъ-то вѣдь сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ:
«Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,

Digitized by Google

«Будемъ держать да добрыхъ ко́моней».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхало вѣдь ко городу ко Кіеву
— Сорóкъ царей, сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей, сорокъ королевичей.
— У кажнаго царя да у царевича,
— У кажнаго короля да королевича
— Силы по три тьмы, по три тысячи. —
Накрутился Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей,
Марьей лебедь бѣлоей,
Подóлянкой да королевичной.
Приходитъ-то къ сорока царямъ, къ сорока царевичамъ
И къ сорока королямъ, къ сорока королевичамъ
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
«Ай же сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ!
«А стрѣляйте-тко вы изъ тугúхъ луковъ:
«Кто ближе стрѣлúтъ, тотъ скорѣе придетъ,
«Кто далѣ стрѣлитъ, тотъ пóслѣ придетъ,
«За того я и замýжъ пойду».
Тотъ стрѣлитъ да иной перéстрѣлитъ,
А никто не можетъ перéстрѣлить,
«Ай же вы, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
«Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ!
«Бросайте-тко дрýгъ друга:
«Кто можетъ бросить всѣхъ до единаго,
«За того я и замýжъ пойду».
Тотъ броси́тъ того да и́ной и́ного,
Никто не можетъ бросить до единаго.

Digitized by Google

Ухватилъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куды ма́хнетъ — улица,
Отма́хнетъ — переулкамы,
Прибилъ всѣхъ до единаго,
Не оставилъ и на сѣмена.
Сталъ ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено́ вино безденежно.
Пріѣхалъ тутъ король да Политовскіи
Ко городу ко Кіеву,
Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай ты намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьи́хъ церквей,
«Будемъ держать да добрыхъ ко́моней».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхалъ вѣдь король да Политовскіи
— Ко городу ко Кіеву,
— Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ. —
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приходитъ къ королю да къ Политовскому;
Онъ ухватилъ долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куда ма́хнетъ — туды улица,
Отма́хнетъ — переулкамы.

Digitized by Google

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...
— Уѣхала твоя русская красавица,
— Марья лебедь бѣлая,
— Подóлянка да королевична,
— Съ королемъ да съ Политовскiимъ. —
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ своего бурушка кавурушка,
Поѣхалъ онъ въ землю Политовскую.
Король да Политовскiи
Съ Марьей лебедь бѣлою
Пріѣзжали ко кресту ко Леванидову,
Раздернули они шúрокъ бѣлъ шатеръ,
Стали опочивъ держать.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжаетъ ко бѣлу шатру,
И говоритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
«Ай же ты король да Политовскiи!
«Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивáновичъ».
Налила ему чару зелена́ вина
Зелена вина да забýдущаго,
Выходитъ изъ бѣла́ шатра,
Говоритъ-то таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими чару единóй рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ;
— Некому съ намы теперь супротивиться,
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
До вина-то онъ испачливъ былъ;

Digitized by Google

Онъ принялъ чару единой рукой
Да выпилъ чару единымъ духомъ,
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична,
Ухватила какъ Михайла Пóтыка сына Иванова,
Она бросила черéзъ плечо,
Згóворила таково слово:
«Стань-ко бѣлой камешокъ,
«И стой-ко камень по трѝ годы,
«А нѣтъ, такъ нынѣ и дó вѣка».
И сталъ бѣлой камешокъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична,
Поѣхали съ королемъ да Политовскімъ
Въ землю въ Политовскую.
А братьица названыи,
Старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Добрынюшка Микитиничъ,
Сплели они лапóтики,
Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
Днемъ идутъ по солнышку,
Ночью идутъ по камешку,
Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ-то съ другой стóроны
Старая калика сѣдатая:
«Ай же вы старыи калики сѣдатыи,
«Сѣдатыи да перехожіи!
«Рады ль вы товарища?»
Сгóворятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая перехожая!

Digitized by Google

— Неужто мы нé ради товарища? —
Пошли оны въ землю Политовскую,
Къ королю да къ Политовскому подъ окошечко,
Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ по каличьему.
Вся земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскій!
— Есть-то это деверья названыи,
— А третья калика незнаема.
— Надо взять во покои во особыи,
— Кормитъ досыти, и поить допьяна,
— И дарить дóлюби. —
И взяли ихъ во покои во особыи,
Кормили досыти, поили допьяна,
И дарили дóлюби.
Пошли они во Кіевъ градъ,
И говоритъ-то старóй казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая, подóлянка да королевична!
«Ты не знаешь ли Михайлы Пóтыка сына Иванова?»
Отвѣтъ держитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же вы девéрьиця названыи!
— Не знаю Михайлы Пóтыка сына Иванова
— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
Приходятъ-то калики перехожіи
Ко этому ко бѣлому ко каменю.
Сгóворитъ старая калика сѣдатая,

Digitized by Google

Сѣдатая да перехожая:
«Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Добрынюшка Микитинничъ!
«Стáнёмте-тко дѣлить мы жúвотовъ».
И сгóворятъ калики перехожíи:
— Ай же ты старая калика сѣдатая!
— А дѣли-тко наши жúвоты. —
Онъ сталъ дѣлить ихъ жúвотовъ
На четыре на четверти.
Сгóворитъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А что же ты, старая калика сѣдатая,
«А дѣлишь жúвоты на четыре на четверти?»
Сгóворитъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Съ того я дѣлю на четыре на четверти, —
— Кто можетъ здынýть этотъ камень черéзъ плечо
— И броси́ть о сыру́ землю,
— Чтобы роскололся камень нá двоё,
— Тому четвертая четверть-то. —
Прискочилъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень въ колѣно, да въ колѣно въ землю́ загрязъ.
Прискочилъ Добрынюшка Микитинничъ
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень въ поя́съ, да въ поя́съ и въ землю́ загрязъ.
Старая калика сѣдатая
Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здынýлъ камень черéзъ плечо, броси́лъ камень о сыру́ землю
И самъ сгóворилъ таково слово:
— Росколись-ко камень нá двоё. —

Digitized by Google

И росколо́лся камень на́ двоё,
Выскочилъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со этого со бѣ́лаго со каменя.
И сго́воритъ тутъ старая калика сѣ́датая:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Придешь какъ ко городу ко Кіеву,
— Сострой-ко церковь-ту Миколину
— Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
Потерялась тутъ старая калика сѣ́датая,
Сѣ́датая да перехожая незна́емо.
Братьеца названыи пошли они къ городу ко Кіеву,
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ онъ въ землю Политовскую,
Къ королю да къ Политовскому.
Приходитъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилиси,
Всѣ въ городѣ ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сго́воритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣ́лая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Есть это Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
Налила ему чару зелена́ вина,
Зелена вина да забуду́щаго.
Выходитъ на крылечко на дубовоё
И говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими чару едино́й рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться.
— У бабы волосъ дологъ, у́мъ коротòкъ:

Digitized by Google

— Куда ведутъ, туды идетъ,
— Куды везутъ, туды ѣдетъ. —
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ принялъ чару единóй рукой
Да й выпилъ чару едины́мъ духомъ, —
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Ухватила тутъ русская красавица
Михайла Пóтыка сына Иванова,
Снесла она его въ сѣни́ челя́дни-ты,
Рóспяла его на стѣну,
Въ руки забила пó гвозду,
Въ ноги забила пó гвозду,
Еще нѣтъ гвозда сердечнаго!
Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскіи!
«Ты спусти скорѣй меня въ сѣни челядни-ты
«Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря».
Говоритъ король да Политовскіи:
— А сходи, Настасья королевична,
— Въ сѣни челядни-ты,
— А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
Приходитъ-то Настасья королевична
Въ сѣни челядни-ты.
Нектями гвозды́ со стѣны вырвала,
Рóспяла долгаго татарина,
Михайла Пóтыка сына Иванова
Завернула въ шубку соболиную,
Повела его во покои во особыи.
Говоритъ король да Политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Кого ты ведешь въ шубки соболиныи? —

Digitized by Google

Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскій!
«Была взята маленькая дѣвушка,
«Перепала[1]) она русскаго могучаго богáтыря, —
«Съ того я веду въ шубки соболиныя».
Настасья королевична
Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
Во покои во особыи.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожи́лъ, другíе прожилъ,
Другіе прожи́лъ, третьи́ прожилъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
— Были́ бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было́ бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были́ бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Сгóворитъ Настасья королевична:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Проживи тко ты три мѣсяца,
«Заживи-тко ты ранки кровавыи».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прожилъ онъ три мѣсяца,
Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи,
И сгóворитъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,

1) Т. е. испугалась.

Digitized by Google

— Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко
И крычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскіи!
«Не могу больше жить во покояхъ во особыихъ!
«Былъ бы мнѣ конь да богатырскія,
«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
«Была бы мнѣ да сабля вострая,
«Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
«Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
«Поѣхала бы я да обкольчужилась
«Во чистó поле прогуливаться».
Говоритъ король да Политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Возьми-тко ты уздицю тесмяную
— Да пóди на конюшню на стоялую,
— Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
— Ты уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
— Подтягивай двѣнадцать тýгихъ подпруговъ,
— Тринадцатый ради крѣпости;
— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,
— Возьми тамъ саблю вострую,
— Возьми тамъ ты копье да долгомѣрное,
— Возьми тамъ ты штыки да молодецкіи. —
Взяла тутъ Настасья королевична
Уздицю тесмяную,

Digitized by Google

Приходитъ на конюшню на стоялую,
Взяла тамъ сѣделышко черкаское,
Уздала сѣдлала бурушка кавурушка,
Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый ради крѣпости.
Приводитъ ко крылечку ко дубовому,
Приходитъ во покои во особые,
Говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А убей-то русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну,
«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,
«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...
«Ты примешь чару единóй рукой,
«Ты выпьешь чару единымъ духомъ,
«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —
«Выхватитъ она у тебя саблю вострую,
«Отсѣкетъ тебѣ буйну голову».
Садился тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ на добрá коня,
Поѣхалъ онъ да обкольчужился;
Пріѣзжаетъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Всѣ теремы да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскій!
— Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ. —

Digitized by Google

Налила ему чару зелена вина,
Зелена вина забуду́щаго,
Выходитъ на крылечико
И говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими́ чару едино́й рукой
— Да выпей едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться;
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
И Настасья королевична
Отпираетъ свое окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не прими ты чару едино́й рукой
«Да не выпей чару едины́мъ духомъ,
«А убей ты русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву
«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Занесъ саблю вострую
Да убилъ тутъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подо́лянку да королевичну.
И пошолъ онъ во покои во особые
Къ королю да къ Политовскому;
Онъ хотѣлъ убить короля да Политовскаго;
А выходитъ-то Настасья королевична,
Захватила Михайлу По́тыка сына Иваново́а
И начала она его да уговаривать:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А не убей-ко ты моего батюшка,
«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,

Digitized by Google

«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу».
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Они приняли по злату вѣнцу,
Съ Настасьей королевичной
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Состроилъ онъ церковь-ту Миколину
Своему ангелу, Михаилу архангелу.
Старину спою синему морю на тѝшину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Тамбицѣ, 10 іюля.

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподъ той ли сподъ березы кудреватыя,
Сподъ того ли сподъ креста Леванидова
Выходило четыре турà да златорогіихъ,
Шли эты туры́ да мимо Кіёвъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чуднò,
Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивнò:
А по той ли стѣны по городовыи
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаётъ святу книгу евангельё,
А не столько читаё, вдвоемъ онá плачётъ.
Стрѣтилась турица ихна матушка:
— Здравствуйте туры́ да малы дѣтушки! —
«Здравствуёшь турица наша матушка!
«Шли ми туры́ да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чуднò,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивнò:
«А по той ли стѣны по городовыи
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,

Digitized by Google

«А читаё святу книгу евангельё,
«А не столько читаё, вдвоемъ онá плачётъ».
Говоритъ турица ихна матушка:
— Глупыи туры̀ да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городóвая.
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ несчастьицо,
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподъ той ли сторонушки съ восточныи
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со тымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы̀ шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А й у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А й у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дьячка да у выдумщичка
Силы сорокъ тысячей.
А не случилоси во Кіеви богáтырей:
А старóй казакъ да Илья Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны.
А случилоси во Кіеви голь кабацкая,
А Василей сынъ Игнатьевичъ.
Направляётъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдь сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдь зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдь того ли дьячка да выдумщичка.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай Батыга опохмѣли мою буйную головушку!

Digitized by Google

«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныи».
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда..
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ едино́ю рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей».
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатьевичъ на чисто́ на полѐ,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Началъ онъ той силушки порубливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы́.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, опохмѣль-ко мою буйную головушку».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей едино́й рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ.
Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныи.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто́ на полѐ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,

Digitized by Google

Сталъ онъ вѣдь силушку поруб́ливати,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы́.
Приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Опохмѣль-ко, Батыга, буйну голову».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
Принимаетъ-то Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ,
Говоритъ-то Василей таково слово:
«Еще знаю я во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложены́.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
И далъ ёму силы сорокъ тысячей.
А поѣхалъ Василей на чисто́ на полѣ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживати,
Сталъ онъ той силушки порубливати,
Онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
А богатырскоё сердце розгорѣлоси,
Богатырская рука да размахаласи,
Пріѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдь,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживати,
Началъ онъ той силушкѣ порубливати,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы́.
А поѣхалъ-то Василей въ славный Кіевъ въ славный градъ.
А старину споемъ синему морю на ти́шину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

Digitized by Google

42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника да королевскіихъ
Пріѣзжали къ дядюшкѣ,
Чолпанъ король Литовскому:
— Дядюшко Чолпанъ король Литовскіи!
— Мы хочемъ ѣхать на святую Русь
— Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ. —
И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король Литовскіи:
«Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
«Два племянника королевскіихъ!
«Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
«А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.
«Поѣзжайте-тко во чисто́ поле:
«Во чисто́мъ поли есть вѣдь по́гребы тамъ глубокіи
«А насыпаны они золотомъ:
«Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдь».
Оны съѣздили да во чисто́ полѣ,
Оны взяли это золото,
Пріѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому
И говорятъ да таково слово:
— Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король Литовскіи!
— А мы хочемъ ѣхать на святую Русь,
— А на святую Русь да въ каменну́ Москву. —
Оны здумали да й поѣхали.
Наѣзжали въ Росіи они перво́ село,
Велико́ село да ровно три церквы;
Они ѣли пили да й пограбили,
Велико́ село да о́гню при́дали.
Наѣзжали въ Росіи они друго́ село,
Велико село да вѣдь шесть церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,

Digitized by Google

Велико́ село да о́гню при́дали.
Наѣзжали въ Росѝ они третьё село,
Велико́ село да девя́ть церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,
Велико́ село да о́гню при́дали.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Грозному царю Иванъ Васильевичу:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Наѣзжало вѣдь два Ливика литовскіихъ,
«Два племянника да королевскіихъ,
«Наѣзжали въ Росѝ перво́ село,
«Велико́ село да ровно три церквы;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село да о́гню при́дали.
«Наѣзжали въ Росѝ они друго́ село,
«Велико село да вѣдь шесть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село о́гню при́дали.
«Наѣзжали въ Росѝ они третьё село,
«Велико село да девя́ть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село о́гню при́дали.
«Увезли они Настасью Ми́тріевну
«А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ бралъ себи силушки по надобью,
Онъ бралъ силушки три дружинушки;
Пошли оны къ рѣки да къ Смородины;
Онъ сдѣлалъ тутъ да три же́ребья.
Первый жеребей бросилъ на́ воду,
А тотъ жеребей да вѣдь ко́ дну шолъ:
«А этоёй дружинушкѣ убитой быть».

Digitized by Google

Онъ сдѣлалъ дру́гой же́ребей,
Онъ вѣдь бросилъ е́го на́ воду,
А пошолъ тотъ жеребей въ пово́дь воды:
«А эта дружинушка въ полонъ будетъ взята».
Сдѣлалъ тре́тей же́ребей,
Онъ бросилъ его вѣдь на́ воду,
Пошолъ жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
«Этая дружинушка со мной будетъ».
И пошли они да во чисто́ поле.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«Я какъ первой разъ закрычу чорнымъ ворономъ,
«Вы ѣшьте, пейте да вѣдь кушайте;
«Вто́рой разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы быдьте при всёй при орудіи;
«А третій разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы, дружинушка хоробрая,
«Вы при мни быдьте».
И по́шолъ тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ зашолъ въ ложню въ оружейную,
А замочики отъ оружьицевъ онъ поро́звертѣлъ,
По чисту́ полю да вѣдь поро́збросалъ,
Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ пото́щипалъ,
По чисту́ полю всѣ поро́збросалъ;
Зашолъ онъ въ стойло лошадиное,
А головушки у лошадушокъ онъ пото́трубилъ,
По чисту́ полю-то всѣ поро́збросалъ.
Обернулся онъ да горносталечкомъ
И началъ по бѣлу́ шатру онъ побѣгивать,
А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продрагивать.
А говорилъ-то тутъ младенчикъ таково слово:
«А не нашъ ли то дядюшка побѣгиваетъ,
«Что бѣлъ шатеръ да продрагиваетъ?»
Этые да два Ливика да литовскіихъ,

Digitized by Google

Два племянника королевскіихъ
Пріокрыли шубой соболиною.
Выскочилъ горносталечекъ во шубно́й рукавъ,
Обвернулся онъ да чорнымъ ворономъ.
Онъ вѣдь сѣлъ да на сы́рой дубъ,
Закрычалъ онъ чорнымъ ворономъ;
А хоробрая да дружинушка
Оны ѣли пили да вѣдь кушали.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«Не крычи-тко черной воронъ на сыро́мъ дубу!
«Мы скоро тебя да позáстрѣлимъ».
А бѣжали въ ложню въ оружейную,
А замочики да порозверчены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
А второ́й разъ закрычалъ чорный воронъ на сыро́мъ дубу;
Вся хоробрая дружинушка обкольчужилась.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«А не крычи-тко чорный воронъ на сыро́мъ дубу!
«А мы скоро́ тебя да й позáстрѣлимъ».
А хватились они да за туги́ луки,
А тетивочки пріотщипаны,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Закрычалъ-то третей разъ черно́й воронъ;
А бѣжали они въ сто́йлу лошадиную, —
А у лошадушекъ головушки поотрублены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Поскакала тутъ дружинушка хоробрая,
Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
Они взяли, руки ноги имъ повыломали,
Посадили ихъ да на лошадушки
А отправили ихъ въ землю-ту Литовскую,

Digitized by Google

Къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому.
И такую оны дали заповѣдь:
«Не дай Богъ да не дай Господи
«А бывать больше на святой Руси,
«Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 іюля.

XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ, изъ Типеницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица пѣть былины и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она пѣвала.

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говаривалъ Добрынюшка матушки,
Говаривалъ да самъ наказывалъ:
«Свѣтъ ли государь да моя матушка,
«И честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго ро́дила?
«И ужъ какъ ты бы ме́ня нынькy ро́дила
«И во синё бы море бѣлымъ камешкомъ бросила,
«И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
«И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
«И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодцевъ
«И не слезилъ бы Добрыня отцевъ ма́терей.
«И ужъ какъ нонечку, матушка, таперечку,

Digitized by Google

«Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
«И прощенье дай да и благословленьице
«Мнѣ-ка ѣхать въ да́лече дале́че во чисто́ поле.
«И ужъ ты дашь прощенье, и поѣду я,
«А й не дашь прощенье, да й поѣду я».
И заходилъ-то ёнъ въ конюшню бѣлоду́бову
И бралъ себи коня не сѣдлана,
А й не сѣдлана бралъ да не ѣзжана,
И ужъ ёнъ уздицю-ту надѣвалъ тесмяную,
И сѣделышко по́лагалъ черкальское,
Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
И не ради красы да молодецкоей,
Ради крѣпости да богатырскоёй.
И ужъ какъ шелкъ-тотъ не́ рвется, булатъ не́ гнется,
Красно золото не ржавѣетъ.
И выходитъ мо́лоды *(такъ)* Настасья да Микулична,
Она спрашиваетъ у Добрыни у Микитича:
— Ай же ты Добрынюшка Никитинъ сынъ!
— И ужъ ты какъ же нынька мнѣ волю дашь:
— А й вдовой ли жить, аль заму́жъ пойти? —
«Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична,
«Ужъ какъ мужъ-то въ лѣсъ, а жена замужъ!
«Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ, —
«Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
«И пожди-тко Добрыню вто́ро шесть годовъ;
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ иди.
«Хоть ты поди нонь за князя, за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
«И только не́ ходи нонь за Олешу за Поповича
«И за бабьяго да пересмѣшника».
И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
Ужъ не видли Добрынюшки поѣдуци.

Digitized by Google

Только въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
Поднималася погода непомѣрная
А й отъ ископоти да лошадиноей.
И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылаетъ ныньку свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
— И ужъ я ждала Добрынюшкю перво шесть годовъ. —
— Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
— Ужъ я прожду Добрыню вто́ро шесть годовъ. —
И ужъ какъ ждала Настасья вто́ро шесть годовъ,
Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
И ужъ какъ тую пору да въ тое времечко
Честна́ вдова Офимья Олександровна
Она пошла ко честно́й обѣдни ко заутреной.
Въ тую пору да въ то времечко,
Идетъ съ да́леча дале́ча со чиста́ поля
Три калики перехожіихъ.
И ужъ какъ гунья-ты на нихъ да сорочинскіи,
По́дсумки да рыта бархату
И лапо́тики на ножкахъ и семи шелковъ
И въ носу вплетено по камешку по яфанту.
Они въ день идутъ по красному по солнышку,
Они въ ночь идутъ по камешку по яфанту.
Перва калика перехожая
Она спрашивала пути ши́рокой дороженки
И въ да́лече въ дале́че во чисто́ поле.
И ужъ какъ дру́га-та калика перехожая
Ена проситъ милостинки да подъ окошечкомъ.
Третья-та калика перехожая
Ена безъ-проси́ *(такъ)* зашла да на вдовиный дворъ,
И ужъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ да по ученому

Digitized by Google

И что на вси на четыре нонь на стороны,
И ужъ какъ молодо́й Настасьѣ нонь въ особину.
И ужъ молода Настасья да Микулична
Она съ лавочки не стала и поклону-то не во́здала.
И спрого́воритъ калика перехожая:
— А й упито было-то, уѣдено,
— И въ красни́-то было похожено,
— На добрыхъ коняхъ было поѣзжено!
— И ужъ какъ нонечку было топереч́ку
— Съ лавочки не ста́нутъ, намъ поклону-то не во́здаютъ.—
И поворотъ держитъ калика перехожая
И во да́лече въ дале́че во чисто поле.
И приходитъ богода́ная ёйна матушка
И честна́ вдова Офимья Олександровна
И отъ честно́й отъ обѣдни отъ заутреной.
Какъ расказыватъ мо́лоды Настасья да Микулична:
«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты была у честной обѣдни у заутреной,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,
«Приходило три калѣки перехожіихъ,
«И ужъ какъ гунья-то на нихъ да сорочинскія,
«По́дсумки да рыта бархо́ту
«И лапотики на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу вплетено по камешку по яфанту.
«Ены въ день идутъ по красному по солнышку,
«Ены въ ночь идутъ по камешку по яфанту».
И спрого́воритъ честна вдова да Олександровна:
— Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична!
— Не калики-то были перехожіи,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три бога́тыря:
— Первый бога́тырь Илья Муромецъ,
— И другой бога́тырь По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,

Digitized by Google

— И ужъ какъ третій-то бога́тырь Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
И ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
И ужъ ёнъ свата посылалъ нынькy свататься,
И княгиню Опраксію свахою.
А й отказыватъ Настасья всихъ сватовей:
«Ужъ я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужъ я ждала Добрыню вто́ро шесть годовъ,
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«То что мнѣ-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть заму́жъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
Тутъ-то вѣдь Настасья Микулична
Она спрашиватъ у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
— Какъ же мнѣ-ка нынькy волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль заму́жъ пойти? —
Какъ говоритъ она да таковы слова:
«Ай же ты мо́лодо Настасья да Микулична!
«И теперь теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть заму́жъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасьюшка заму́жъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересмѣшника.
И ужъ какъ тутъ у Солнышка нынь пиръ пошолъ,
Прибѣгала съ да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,

Digitized by Google

Прибѣгала скора скоморошина
Ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
Говоритъ она да таковы слова:
— И ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Ужъ ты дай-то мнѣ Добрынинъ гусёлышокъ,
— И поиграть у Солнышка у князя на пиру́ вѣдь все. —
Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— Дай же нынъку мнѣ-ка мѣстьце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гуселышка. —
Говоритъ солнышко князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты скора скоморошина!
«Ужъ какъ мѣстьця-ты вси да призаняты,
«Столько мѣстьця что на печки на муравленой».
И ужъ какъ скочитъ скора скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Сталъ играть въ Добрынины гусёлышка;
Ужъ ёнъ также играетъ что Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Онъ съ Кѣева игралъ все до Нова́града,
А й съ Нова́града игралъ да все до Кіева.
И ужъ какъ Солнышку игра та прилюбиласи,
Налилъ ёму чару пива пьянаго,
Другу-ту налилъ зелена́ вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошинѣ:
«И ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей-ко чару едины́мъ духомъ».
Ужъ какъ бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпилъ чару едины́мъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошинѣ:
«Ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей чару едины́мъ духомъ».

Digitized by Google

И говоритъ-то скора скоморошина:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— И кому знаю, эту чару по́днесу. —
И подноситъ чару нонь мо́лоды Настасьи да Микуличной:
— Мо́лоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару едино́й рукой,
— Выпей чару едины́мъ духомъ.
— Ужъ ты пьешь до дна — увѝдишь добра,
— А й не пьешь до дна — да не видать добра.—
Брала она чару едино́й рукой,
Пила чару едины́мъ духомъ;
Тамъ на дни лежитъ да перстень обрученыи,
Съ которыимъ съ Добрыней обручаласи.
И ужъ какъ тутъ-то Настасья пріужа́хнулась,
Говоритъ она да таковы слова:
«Какъ не тотъ мой мужъ, кой возли́ меня,
«А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня».
И ужъ какъ брала его за́ руки за бѣлыи
Да за́ него за перстни за злаченыи,
И цѣловала въ уста-то во сахарніи.
И ужъ какъ тутъ-то нынь Добрынюшка Микитинъ сынъ
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
— Не дивую я да глупой женщины,
— Дивую я Солнышку князю стольнё-кіевску,
— Отъ жива мужа жону о́тводитъ. —
И ужъ какъ бралъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ Олешу на кирпиченъ мостъ,
Только-то Олешенька и женатъ бывалъ.

Записано въ Типеницѣ, 10 іюля.

Digitized by Google

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да цѣлу тысящу,
И за тымъ Буславъ да переставился.
Оставлялоси да чадо милое,
А й милоё дитя да что любимоё,
Еще мóлодой Василій да Буславьевичъ.
И онъ сталъ на улицу похаживать,
Съ малыма ребятками побалывать,
Не хорóши у него да пóшли шуточки:
И кого ёнъ возьмётъ за руку,
У того руки да быдто не было,
И кого ёнъ возьмётъ за ногу,
У того ноги да быдто не было.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честнòй вдовы Намельфы Тимофеевны,
И творятъ на нéго жалобу великую:
«Честнà вдова Намельфа Тимофеевна!
«Уйми-тко свое да чадо милое,
«А и милоё дитя да что любимоё,
«Мóлода Василья да Буславьева.
«Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
— Я теперь тебя матушка послушаю. —
Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлыватъ,
Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
Кому хочется да сыто есть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.
И пóшли мужики да новгородчана,
Пóшли старыи да идутъ малыи,
А еще къ ему да идутъ древніе.
Спрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:

Digitized by Google

«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И по́шли мужики да новгородчана,
Идутъ старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И по́шли мужики да новгородчана,
И по́шли старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Не наполнить буде пива пьянаго,
«Не насытить буде меду сладкаго».
Испрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
«Кто истерпитъ мой черленый вязъ,
«Тотъ выпьетъ чару зелена́ вина,
«Поклонъ поставитъ да й во дворъ пойдетъ».
Еще какъ большій ту́лится на середняго,
Середній-то тулится да на меньшаго,
Отъ меньшаго брата́ отвѣта нѣтъ.
Пошли мужики да новгородчана,
И говорятъ оны да таковы слова:
— И не упито-то было да не уѣдено,
— И въ красни́-то хорошо не бы́ло хожено,
— На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
— Безвѣчья на вѣкъ призали́зано [1]). —
И ужъ тутъ какъ нынь Василій да Буславьевичъ
Допьяна да ёнъ вѣдь напивается,
Испохмѣльица да зашолъ въ маленьку,

1) Т. е. найдено, получено, отъ глагола *лизть, залазать*.

Digitized by Google

Въ маленьку зашолъ да во челя́динку,
И съ похмѣльица да плотно спать заснулъ.
И провѣдала его да родна матушка,
И заворочала дубьемъ да колодьямъ нонь,
Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка,
На Дунай рѣку идетъ по́ воду,
И сама Василью нынько го́воритъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Долго спишь ты, вѣдь не пробудишься,
«И твоё братьё, дружина все хоробрая,
«Въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
«А и бьются нонь они да ратятся,
«Главы кушакамы перевязаны,
«И ужо оны да во руды́ ходятъ».
Спрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
— Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
— И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
— И сроботай-ко роботу не тяжелую,
— И отворочай-ко все дубьё да колодья нонь
— И повыпусти Василья на святую Русь. —
Послушала его вѣдь дѣвушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодья нонь
И повыпуститъ Василія на святую Русь.
И ужъ какъ на́скори попала тутъ телѣжна ось,
Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана
Пошли къ старци́ищу, пошли къ Ондро́нищу
И къ его оци́щу[1]) таки крёстному:

1) Отъ слова *отецъ*.

Digitized by Google

«Ай же ты ста́рчище, ай же Ондронище!
«И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
«Еще мо́лода Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена».
И пошолъ старци́ще, пошолъ Ондро́нище,
И на главы-то несе колоколъ,
Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старци́ще, ай же ты Ондронище,
— Да мое оцищё таки крестное!
— Не дано яицко ти христовское,
— Вотъ теби яичко нонь петровское.
— И ужь ты взглянь-ко на́ небо,
— Что на́ неби-то дѣется. —
И взглянулъ старчи́ще, взглянулъ Ондронище,
И у́перъ старчища да подъ ясны́ очи,
И у́палъ старчище да о сыру землю.
Только старцищё да вѣдь ёнъ живъ бывалъ.
Ужъ какъ тутъ-то нонь Василій да Буславьевичъ,
Ужъ какъ сталъ онъ осью-то помахивать,
Сталъ мужиковъ доколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честно̀й вдовы да къ Тимофеевной,
И говорятъ оны да таковы слова:
«И честна̀ вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
«И уйми-тко свое чадо милое,
«А и милоё дитё любимое,
«И что мо́лода ль Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена».
И ужъ какъ тутъ честна̀ вдова да Тимофеевна
И садилась ёна да на добра́ коня
И поѣхала во да́лече въ дале́че во чисто́ поле,
А еще къ нему сзади́ да призаѣхала

Digitized by Google

И захватила ёго за руки за бѣлыи
И за него перстни что за злаченые,
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты да мое дитятко,
— И ужъ ты мóлодой Василій да Буславьевичъ!
— Теби полно во поли нонь поляковать,
— И оставь-ко мужиковъ хоть и на сéмена. —
И говоритъ-то нонь Василій да Буславьевичъ:
«Ай же ты да моя матушка!
«Кабы ты ко мнѣ да спереди́ зашла,
«Я теперь бы тебѣ живой да нé спустилъ, —
«И росходилось мое сердце богáтырское.
«Я теперь тебе матушка послушаю.
«Ай же вы дружьё братьё хороброе,
«Садитесь-ко на нáсады черленые,
«Поѣдемте по славному веряжскому!»
И поѣхали по славному по веряжскому,
Заѣхали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Столько лежитъ-то на горы да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣчецка.
И ужъ какъ сталъ Василей кости-то попинывать
И суху главу да поталыхивáть *(такъ)*:
— Ты провѣщись-ко да кость суха глава,
— Кость суха глава да человѣчецкіимъ голосомъ,
— Али ты кость да е мошенницка,
— Али ты кость да подорожницка,
— Али ты кость да е татарская,
— Али ты кость да е крестьянская? —
И провѣщилась да кость суха глава
И человѣчецкіимъ голосомъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ты меня кости не попинывай,
«И сухой главы не поталыхивай.

Digitized by Google

«Я вѣдь кость-то не мошенницка,
«Я вѣдь кость не подорожницка,
«Я вѣдь кость-то не татарская,
«Я вѣдь кость была крестьянская.
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ужъ какъ тутъ же будешь ты кататися,
«Тутъ же будешь ты валятися».
Ужъ какъ тутъ Василью стосковалоси:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И нойдемте по горы по сорочинскія. —
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да нѐ нашли;
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешокъ,
И на камешкѣ подпись-то подписана:
И кто заѣде на гору на сорочинскую,
И скочитъ-то вдоль да бѣла камешка.
И въ долину-то камень сорока саженъ,
А въ ширину-то камень тридцати саженъ.
И ужъ тутъ-то какъ Василью призахва́стнулось:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
— И ужъ какъ я удалый добрый молодецъ
— Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
И самъ завѐлъ скочить, но не до́скочилъ,
И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смерть случилося.
И метали они сходни-ты дубовыи,
И ужъ какъ ставили кресты животворящіи.
Спасетъ-то Богъ теби на ти́шины,
И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

Digitized by Google

II.

ПУДОГА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПУДОГА.

XII.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ маленькой бородкой; живетъ земледѣльческимъ трудомъ. Перенялъ всѣ былины, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ разсказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сиживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былины. Тутъ-то мальчикъ-пастухъ, прислушиваясь къ пѣнію старика, перенялъ отъ него многія изъ былинъ, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставалъ къ этому старику, чтобы ему спѣлъ что нибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинъ; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что нестрогое соблюденіе ихъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, не смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по напѣву между былинами, сложенными хореическимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе цѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальныя мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинъ, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыбн., т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

45.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Народился Микулушка Селя́гиновичъ,
А тотъ этотъ Вольга̀ да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да въ глубоки́ станы,
А птицы улетѣли во темны́и лѣса̀,
А звѣри-то ушли за круты́и горы́.
Да тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ,
А тутъ Вольга̀ да Всеславьевичъ,
Повязали оны неводы шелко́выи,
А ту эту рыбушку повы́ловили.
А поладили петелки шелковыи,
А ту эту птичушку повы́давили.
А поладили оружьица цильніи,
А этыихъ звѣрьёвъ да повы́стрѣляли.
Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что́ было,
Въ поли ратай оре́тъ, сошка наскрыпливаетъ,

Digitized by Google

Какъ тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ
Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
А нашолъ онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
«А Богъ-ти помочь ратай здѣ».
— А ты этые Вольга́ Всеславьевичъ,
— А пожалуй-ко Микулушка Селя́гиновичъ! —
Ино тутъ дубья да колодья въ борозду валитъ.
— Ай же ты Вольга́ да е Всеславьевичъ [1]). —
А тутъ-то оны да согласилиси,
А тутъ-то оны да думу думали
А ѣхать тутъ оны во Куржовецъ,
А ѣхать молодцамъ да во Орѣховецъ
А со своей со силушкой великою.
А набъ-то [2]) Вольги́ да сошка о́брядить.
А подхватилъ-то своимъ чоботомъ сафьянымъ
А тую-то сошку да ратную,
А улетѣла тая сошка по подоблачью,
А пала тая сошка на сыру́ землю,
А ушла тая сошка до рогача́ она
А во тую матушку во сыру землю.
Ино поѣхали они добры молодцы
А ко тому ко городу ко Куржову,
А ко Куржову городу къ Орѣхову.
Какъ тыи мужики были куржевски
А тыи мужики было орѣховски
А узнали ихъ-то ѣдучи,
Что ѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовецъ,
А ѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховецъ;
Подѣлали мосточики поддильніи,

1) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладица, Прохоровъ не могъ лучше припомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

2) *Набъ* — надобно.

Digitized by Google

Поддильніи мосточки все калѝновые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточики фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той.
Какъ тутъ-то Микулушка Селя́гиновичъ,
А какъ тотъ это Вольга̀ Всеславьевичъ
А тутъ-то оны да розсердилися,
А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
Да заѣхали молодцы да во Куржевецъ,
А заѣхали оны да во Орѣховецъ,
Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
А нахлыстали-то ихъ всихъ до́ люби:
Каково вамъ мужики да за дурачество!
Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
Да поѣхали тутъ по чисту́ полю.
Да одва гонится Микулушка Селя́гиновичъ
А за этимъ Вольго̀й да Всеславьевичемъ.
Какъ говоритъ Микулушка Селя́гиновичъ:
«Обожди-тко меня да братъ названыи,
«А ты эты да Вольга̀ Всеславьевичъ».
Обождалъ тутъ его Вольга̀ да Всеславьевичъ,
А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
А цѣны цѣнить кобылушки той:
«Да эта кобыла у тебя была со́ловая,
«Дать за эту кобылу нунь пятьсотъ рублей.
«А кабы этая кобылушка конёмъ была,
«Дать за этого коня цѣла тысяча».
— Да ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А не знаешь моей кобылушки цѣны ты цѣнить.
— Кабы этая кобылушка конёмъ-то была,

Digitized by Google

— Дакъ за этого коня цѣны нѐ было бы.
— А нынь эта кобылушка кобы́лой стала̀,
— Дать за этую кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

46.

ИЛЬЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на село на прекрасное,
На стольнёй-отъ городъ на Кіевъ градъ
Наѣзжай молодой младо̀й Соло́вниковъ,
А зъ-за того за славна за синя́ моря,
Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика:
«Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
«А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
«Какъ ежели какъ не даёшь какъ мнѣ,
«А я-то вѣдь вашъ стольній Кіевъ градъ
«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнёй покачу».
Какъ тутъ ужъ князь стольнё-кіевской
А шолъ-то онъ на выходы высокіи
А закрычалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучіи бога́тыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнёму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крыкъ
А старыи казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новы́мъ сѣнямъ,

Digitized by Google

Какъ по тыи по гридни по столовыи,
Идетъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостинки подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да на́ пяту
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнё-кіевской
«А со своей княгинёй со Апраксіёй!
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ли,
«А насъ русійскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣтъ держитъ:
— Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не крычать, не треложить мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ зъ-за славна за синя́ мора
— Молодой младой сюды Соло́вниковъ,
— Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика,
— Какъ говоритъ-то ми онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не да́ешь нунь,
— «А я вашъ стольнёй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ коньца его зажгу,
— «Головнёй его покачу».—
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повыслушалъ,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А розлетѣлся столъ на вси стороны:
«Да ай же ты князь стольнё-кіевской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнёй-отъ городъ я за Кіевъ градъ».

Digitized by Google

Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ держалъ,
Приходилъ Ильюшенка назадъ домой,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра́ коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кла́дывае подпруги на подпруги,
А кла́дывае потнички на потнички,
А кла́дываетъ войлочки на войлочки,
Сѣдёлка кладыва́етъ на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
А ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладыва́е, самъ выговариваетъ:
«А не для-то вѣдь, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь мнѣ было угожества,
«А для укрѣпы мнѣ богатырскіи».
Какъ видли-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видли какъ уда́лаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чисто́ полё,
Какъ пріѣзжатъ Ильюша на Соло́вника
Изъ далеча́ изъ чиста́ поля.
Какъ ударилъ онъ Соло́вника въ голову
А палицой своёй богатырскою,
Какъ сидитъ что ль Соло́вниковъ, не стря́хнется,
Какъ жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Отъѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумался:
«А колько ни татаръ я на вѣку́ бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разу́ я все по́шибалъ,
«А этого вѣдь татарина не мо́гъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стря́хнется,
«А жолтыи кудёрка не сворохнутся».
Какъ приправливалъ Ильюшенка опять онъ добра́ коня
А на того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника опять ёго въ голову
А палицой своёй богатырскою,

Digitized by Google

А сидитъ что Соловниковъ, не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Какъ отъѣзжалъ Ильюша на чистó полё,
На чисто поле далечошенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумался:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчистъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрныи!
— А ѣдьте вы за славно за синё море
— А ко моей ко рóдныи ко матушки,
— А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ.
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ изъ далеча ко мнѣ изъ чистá поля
— А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
— А нуньчу у меня топерь у мóлодца
— Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается,
— Мозги въ головы потрясаются,
— А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
Какъ тутъ ёго слуги-ты вѣряыи
Поѣхали туды оны съ извѣстьицомъ,
Какъ со тыимъ извѣстьицомъ нерадостнымъ.
Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
Опять-то онъ приправливалъ добрá коня
На того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
Палицой своёй богатырскою,
А сидитъ-то что Соловниковъ, не стря́хнется,
Опять жолтыи кудерка не сворохнутся.

Digitized by Google

Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
Какъ говоритъ тутъ Илья таково слово:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Да полно е намъ да биться ратиться,
«А лучше мы еще, доброй молодецъ,
«Опустимся мы нунь со добры́хъ коней,
«Станемъ нунь биться рукопашкою».
Какъ тутъ-то вѣдь спускалися оны съ добры́хъ коней
А на тую-то матушку сыру́ю землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Какъ тутъ-то розошлись, розбѣжалися,
Ильюшенка да былъ онъ свыченъ-то,
А свыченъ-то Ильюшенка, догадливъ онъ,
Какъ скоро обскочилъ на око́лъ ёго,
Ударилъ-то вѣдь въ суты́чъ да во шею-то,
Мо́лода ударилъ онъ Соло́вника.
Какъ сбилъ тутъ ёго да на сыру землю,
Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
А сѣлъ-то къ ёму на бѣлу́ю грудь,
А выдернулъ ножи́що самъ кинжа́лищо,
Занёсъ тутъ Ильюшенка праву́ руку
А на того на мла́да на Соло́вника,
Тутъ рука въ плечи застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Ты скажи, скажи, не утай себя,
«Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
«Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
«А ты скажи, скажи да коёй орды,
«Ты еще скажи мнѣ да былъ коёй земли?»
Какъ го́воритъ Соло́вникъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.

Digitized by Google

— Какъ былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Да не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ бы у тя ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я ти бѣлу́ю грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ да праву́ руку,
Да рука въ плечи тутъ застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
«Ай же ты удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коéй-то ты орды есть, коёй земли,
«А кóёго отца да кóей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Говоритъ онъ тутъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Нонь ты надо мной надсмѣхаешься,
— Сидишь ты на моёй на бѣлóй груди.
— Былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ, свою праву́ руку,
Да рука тутъ въ плечи да застояласи.
А началъ тутъ Ильюша онъ доспрашивать:
«Ай же удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коéй-то орды есть, коéй земли,
«А кóёго отца да кóей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Какъ началъ онъ затымъ ему высказывать:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!

Digitized by Google

— Какъ былъ бы я у тя на бѣлóй груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь!
— Когда началъ ты вѣдь нунь выспрашивать,
— Когда началъ нунь ты вѣдь довѣдывать,
— Какъ я тебѣ скажу нунь порóзскажу:
— Есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря,
— А есть-то молодой младóй Солóвниковъ,
— А есть то я отъ матушки Натальюшки,
— А вѣдь батюшка не знаю я какой-то былъ.—
Скочилъ тутъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Здымаетъ онъ за рученки за бѣлыи:
«Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
«Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
«Какъ полно е намъ биться ратиться,
«Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ».
Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
Бѣлыи лебёдушки порушали.
Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этотъ молодой младой Соловниковъ
Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,
Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А кладывае стрѣлочку каленую,
Какъ скоро онъ стрѣлилъ еще Илью въ бѣлу́ю грудь.
Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,
Какъ былъ тутъ у Ильи да зóлотъ крестъ,
А золотъ крестъ онъ былъ три пуда есть.
Какъ ото сна бога́тырь пробуждается,
Самъ на уличку онъ тутъ пометается,
Какъ выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ

Digitized by Google

А въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желты́ кудри,
Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,
Какъ выдернулъ ножищо онъ кинжалищо,
Какъ тутъ рука въ плечи не застояласи,
Скоро онъ пласталъ ёму бѣлу́ю грудь,
Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,
Ро́зсѣкъ его на четыре на ча́сточки
А роскидалъ ёго по чисту́ полю.
Только-то й Соло́внику славы́ поютъ,
А Ильина́-та слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ по́ вѣку поютъ его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 іюля.

47.

ИЛЬЯ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнё-кіевской
А й сдѣлалъ какъ задёрнулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для бога́тырей,
А для тыхъ бога́тырей да русскіихъ,
Чтобы всяко званіё да шло́ туды
А на тотъ, на тотъ да на почестный пиръ
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А стараго каза́ка Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Ильюшѣ не къ лицу пришло,
А не къ лицу пришло, стало похабно есть,
И тутъ-то Илья да роззодорился,
А тутъ-то Илья да розретивился.

Digitized by Google

Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
А тутъ-то самъ Ильюшенка роздумался:
«А что мнѣ молодцу буде́ подѣлати?
«А я нынь молодецъ е розгнѣванной,
«А я нынь молодецъ есть роздра́женной».
Какъ онъ-то за тымъ тутъ повы́думалъ,
А стрѣли́лъ-то онъ тутъ по Божьи́мъ церквамъ,
А по тымъ стрѣли́лъ по чудны́мъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченыимъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были го́ли мои,
«А голи мои вы кабацкіи,
«А доброхоты-то вы еще царскіи!
«А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси,
«А обирайте маковки вси золоче́ныи.
«А подёмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царе́въ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зелена́ вина,
«Да станемъ-то пить да заодно́ со мной».
Да какъ тутъ-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкіи,
А доброхоты всё были царскіи,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны къ ёму да прибѣгаютъ всѣ:
— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —
А пили тутъ оны да зелено́ вино,
Какъ пили тутъ оны да заоднёшенько.
Да какъ видитъ-то князь что бѣда пришла,
А бѣда-та пришла да неминучая,
Да какъ тутъ-то онъ да е скоры́мъ-скоро,
А скоры́мъ скоро̀, скоро̀ скоре́шенько,

Digitized by Google

А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почостный пиръ
А для стараго казáка Ильи Муромца.
Да тутъ-то вѣдь князь да стольнё-кіевской,
Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
Со князьями со бояры со русійскима
А со тыма со могучима богáтырмы:
«А думайтé-тко братцы вы нунь думушку,
«А думайтé-тко братцы думу крѣпкую,
«А думайте думу не продумайте:
«А намъ кого будéтъ послать да Илью́ позвать,
«А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,
«А стараго казáка Илью Муромца?»
А какъ тутъ-то они да думу думали:
— А намъ-то есть кого послать Илью позвать?
— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
— Онъ ёму да вѣдь братъ крестовыи,
— А крестовыи-то братецъ да названыи,
— Дакъ онъ-то, бывать, его послушаетъ. —
Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
«А здравствуй-ко братецъ мой крестовыи,
«А крестовыи братецъ мой названыи!»
Да какъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
— Ай здравствуй-ко братъ мой крестовыи,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты зачѣмъ же пришолъ да загулялъ сюда? —
«А пришолъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
«А о дѣлѣ-то пришолъ да не о малоемъ.
«Да у насъ-то съ тобой было рáньше того,
«А раньше того дѣло подѣлано
«А пописи были попи́саныи,
«А заповѣди да пополо́жоныи,

Digitized by Google

«А слушать-то брату да мéньшому,
«А мéньшому слушать брата бóльшого.
«Да еще-то какъ у насъ да éсте съ тобóй
«А слушать-то брату вѣдь бóльшому,
«А й бóльшому слушать брáта мéньшого».
Да тутъ гóворитъ Илья таково слово:
— Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовыи!
— Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобой
— А всѣ-то пóписи да были вѣдь попúсаны,
— А заповѣди были пополóжены,
— А слушать-то брату вѣдь мéньшому,
— А меньшому слушать да бóльшого,
— А бóльшому слушать брата меньшого.
— Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
— А нéкого бы я не послушалъ здѣ!
— Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
— А крестоваго братца я названаго.
— А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
— А зналъ-то послать меня кого позвать!
— Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
— Меня позвалъ туды да на почестной пиръ,
— Да я тебя братецъ же послушаю. —
Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
Да тотъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитичемъ,
А со братомъ со своимъ да со крестовымъ.
А даваютъ ему тутъ мѣсто не мéньшое,
А не мéньшое мѣсто было бóльшое,
А садятъ-то ихъ во большóй уголъ,
А во большой уголъ да за большóй-отъ столъ.
Да какъ налили тутъ чáру зелена́ вина,
А несли эту чару́ рядóмъ къ ему
А къ стáрому казáку къ Ильи къ Муромцу.
Да какъ принялъ онъ чару единóй рукой

Digitized by Google

А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
А другу́ наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́мъ къ ему,
А принялъ тутъ Ильюша едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Какъ третью наливали мёду сладкаго,
Да принялъ молодецъ тутъ едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Тутъ наѣлиси, напились вси, накушались,
Да стали тутъ оны да вси пьянёшеньки
А стали тутъ оны вси веселёшеньки.
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
— Ай же ты князь стольнё-кіевской!
— А зналъ-то послать кого меня позвать,
— А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
— А того-то мни Добрынюшка Никитича.
— Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
— А не́кого-то я бы не послу́халъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
— Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы тя князя со княгиною.
— За это я тебѣ-то нунь прощу
— А этую вину да ту великую. —

Записано тамъ же, 26 іюля.

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 17).

Какъ сильноё могучо-то Иванищо,
Какъ онъ Иванищо справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается

Digitized by Google

Итти къ городу еще Еросо́лиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ёрдань тамъ рѣченки купатися,
Въ кипарисномъ деревци сушитися,
Госпо́днёму да гробу приложитися.
А сильноё-то могучо Иванищо,
У ёго ла́потци на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша́-то у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино тутъ промежъ-то лапотци попле́тены
Каменья-то были самоцвѣтныи.
Какъ межённый день да шолъ онъ по красному солнышку,
Въ осенну ночь онъ шолъ по доро́гому каменю самоцвѣтному.
Ино тутъ это сильноё могучеё Иванищо
Сходилъ къ городу еще Еросо́лиму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ёрдань-то рѣченки купался онъ,
Въ кипарисномъ деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шолъ мимо Ца́рь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Цари́-гради
Наѣхало погано тутъ Идо́лищо,
Одолѣли какъ поганы вси татарева,
Какъ скоро тутъ святыи образа были поко́лоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней кормить.
Какъ это сильно могуче тутъ Иванищо
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чисто́ поле
А началъ у поганаго доспрашиватъ:
«Ай же ты татаринъ да невѣрный былъ!
«А ты скажи, татаринъ, не утай себя:
«Какой у васъ погано есть Идолищо,
«Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»

Digitized by Google

Говоритъ татаринъ таково слово:
— Какъ есть у насъ погано есть Идолище
— Въ долину двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А головúще что вѣдь люто лохáлище,
— А глазúща что пивныи чáшища,
— А носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ. —
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ ёго въ чистó полё,
А розлетѣлись у татарина тутъ косточки.
Пошолъ-то тутъ Иванищо впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкою,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старыи казакъ Илья Муромецъ:
«Здравствуй-ко ты старыи казакъ Илья Муромецъ!»
Какъ онъ ёго вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
— Здравствуй сильноё могучо ты Иванищо!
— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пýть держишь? —
«А я бреду, Илья еще Муромецъ,
«Отъ того я города Еросóлима.
«Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
«Во Ердань-то рѣченки купался тамъ,
«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
«Шолъ-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ».
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царú-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Царú-гради по прежному? —
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Цари-гради-то нуньчу не по старому,
«Въ Цари-гради-то нуньчу не по прежному.

Digitized by Google

«Одолѣли есть поганыи татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищо,
«Святыи образа былѝ поко́лоты,
«Въ черныи грязи былѝ потоптаны,
«Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ».
— Дуракъ ты сильноё могучо есть Иванищо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эты бы тебя й на́казалъ
— По тому-то тѣлу по на́гому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костянтина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачики сафьяныи.
— Сокручуся я каликой перехожею. —
Сокрутился е каликой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добра́ коня:
— На-ко сильноё могучо ты Иванищо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра́ коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водко́мъ води,
— А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
— Живи-то ты на уло́вномъ [1]) этомъ мѣстечки,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клюшу́-то мнѣ-ка сорокъ пудъ. —
Не до́йдетъ тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подаватъ ему клюшу свою сорокъ пудъ,
Взиматъ-то онъ отъ ёго тутъ добра́ коня.
Пошолъ тутъ Ильюшенка скоры́мъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.

1) *Уловное* мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-нибудь.

Digitized by Google

Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чисто́ полё,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
— Какой у васъ невѣжа есть поганый былъ,
— Поганый былъ поганое Идолище? —
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
«Есть у насъ поганоё Идолищо
«А росту двѣ сажéни печатныихъ,
«Въ ширину сажéнь была печатная,
«А головúще что вѣдь лютое лохалищо,
«Глазища что вѣдь пивныя чáшища,
«А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ».
Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ ёго во чисто́ поле,
Розлетѣлись у ёго тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закрычалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты царь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
— А дай-ка мнѣ калики перехожіи
— Злато мнѣ, милóстину спасéную. —
Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовáется.
Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крыку еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошатáлися,
Хрустальніи окоппички посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужáхнулось.
Какъ говоритъ поганой таково слово:
«А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ былъ!
«Какой это калика перехожая?»
Говоритъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Это есте русская калика здѣ. —

Digitized by Google

«Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
«Корми-ко ты каликушку да пой его,
«Надай-ко ему ты злата сéребра,
«Надай-ко ему злата ты дóлюби».
Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
Въ особой-то покой да въ потайныи,
Кормилъ поилъ калику, зрадовáется,
И самъ-то онъ ему воспрогóворитъ:
«Да не красное ль то солнышко порóспекло,
«Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ порóзсвѣтилъ?
«Какъ нунечку топереччу здѣ еще
«Какъ намъ еще сюда показался бы
«Какъ старыи казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
«Какъ нунь-то есть было топереччу
«Отъ тыи бѣды онъ насъ повыручитъ,
«Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи!»
Какъ тутъ это поганое Идолищо
Взимаетъ онъ калику на доспросъ къ себи:
— Да ай же ты калика было русская!
— Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
— Какой-то на Руси у васъ богáтырь есть,
— А старыи казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣстъ,
— По многу ль еще пьетъ зелена́ вина? —
Какъ тутъ эта калика было русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
«Да ай же ты поганоё Идолищо!
«У насъ-то есть во Кіеви
«Илья-то вѣдь да Муромецъ
«А вóлосомъ да возрастомъ ровны́мъ съ меня,
«А мы съ имъ были братьица крестовыи,
«А хлѣба ѣстъ какъ по три-то колачика крупивчатыхъ,
«А пьетъ-то зелена вина на три пятачика на мѣдныихъ».

Digitized by Google

— Да чортъ-то вѣдь во Кіеви-то есть, не богáтырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да богáтырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
— Другой рукой опять бы сверхý прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чистó поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолищо
— А росту двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Головúщо у меня да что люто лохалищо,
— Глазища у меня да что пивныи чáшища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печоныихъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныихъ,
— Какъ штей-то я хлебаю, по я́ловицы есте русскіи [1]). —

Говоритъ Илья тутъ таково слово:
«У насъ какъ у попа было ростовскаго
«Какъ была что корова обжориста,
«А много она ѣла, пúла, тутъ и трёснула,
«Тебѣ-то бы поганому да также быть».
Какъ этыи тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножúщо тутъ кинжáлищо
Со того стола со дýбова,
Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойдётъ сидѣть,
Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.

1) Т. е. въ этихъ щахъ есть цѣлая тёлка.

Digitized by Google

Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,
Какъ выскочила дверь тутъ съ ободвериной,
Улетѣла тая дверь да во сини-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровей
На мертво́ убило, дру́го ранило.
Какъ остальни́ татара проклинаютъ тутъ:
— Буди трою проклятъ, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой ёго въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
Хватилъ затымъ поганаго онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахиватъ Ильюша, выговариватъ:
«Вотъ мнѣ-ка братцы нуньчу оружьё по плечу пришло».
А бьётъ-то, самъ Ильюша выговариватъ:
«Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
«А тянется поганый, самъ не́ рвется».
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этымъ поганымъ Идолищомъ.
Прибилъ-то онъ поганыхъ всихъ въ три́ часу
А не оставилъ тутъ поганаго на си́мена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Нонь ты насъ еще да повыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да повыключилъ
— Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи.
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муро́мецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительствѣ,
— Пожалую тебя я воеводою. —
Какъ говоритъ Илья ёму Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовицъ!

Digitized by Google

«А послужилъ у тя столькѝ[1]) я три́ часу,
«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
«Да я у тя еще слово гладкое,
«Да еще увѣтливо да привѣтливо.
«Служилъ-то я у князя Володимера,
«Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
«Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
«А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
«Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
«Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовицъ!
«Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
«Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
«Оставленъ есть оставешъ *(такъ)* на дороженки».
Какъ царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста се́ребра.
Какъ принималъ Ильюшенка, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато се́ребро,
Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
«Это вѣдь мое-то заработчее».
Какъ тутъ-то съ ца́рёмъ Костянтиномъ роспростилиси,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это ми́стечко,
Ажно тутъ Иванищо притаскано,
Да ажно тутъ Иванищо придерзано[2]).
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ се́бя платья-ты каличьіи,
Розувалъ лапо́тцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,

1) Т. е. только.
2) Т. е. у него платье истаскано и порвано.

Digitized by Google

Надѣвалъ на ся платьица цвѣтныи,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра́ коня,
Садился тутъ Илья на добра́ коня,
Тутъ-то онъ съ Иванищомъ еще роспрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильноё могучо Иванищо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А выручай-ко ты Русію отъ поганыихъ».
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиницъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Добрынюшка къ сыру дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сыромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ цёрный вранъ.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Натягивалъ скоро свой онъ ту́гой лукъ
А кла́дывае стрѣлочку каленую,
А хочетъ онъ стрѣлѝть тутъ чёрна ворона.
Воронъ тутъ ему спроязычился
А тымъ этымъ язы́комъ чоловѣческимъ:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А не стрѣли меня черна ворона,
«Я тебѣ скажу всё поро́зскажу.
«Какъ въ Кіеви ребята есть го́ворятъ:
«Старца-то убить есть не спа́сеньё,
«Какъ ворона-то стрѣлить не корысть буде получить,
«Сизымъ перьемъ вороныимъ не натѣшиться,
«Мясомъ те моимъ не наѣстися».
Какъ у того было да у ворона

Digitized by Google

Полъ конецъ-то крылья были бѣлыи.
Какъ говоритъ-то воронъ таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А я тебѣ скажу все порóзскажу.
«Ѣдь же ты на гору на высокую
«А на тое на шóломце искатнеё,
«А тамъ-то есть три чудушка три чудныихъ,
«Тамъ-то есть три дивушка три дивныихъ:
«Какъ первое тамъ чудо бѣлы́мъ-бѣло,
«А дру́гое-то чудо красны́мъ-красно,
«А третьеё-то чудо черны́мъ-черно».
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ скоро молодецъ самъ пороздумался,
Говоритъ тутъ ворону: «Это правда есть,
«А старца вѣдь убить буде не спáсенье,
«Ворона стрѣлить не корысть буде получить,
«А сизымъ воронинымъ перьемъ мнѣ-ка не натѣшиться,
«Мясомъ мнѣ ёго не наѣстися».
Какъ отпускалъ Добрынюшка свой ту́гой лукъ
А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
— А лучше я поѣду что на гору на высокую,
— На тое-то я шоломцé искатнее,
— Глядить-то тамъ три чуда я три чудныихъ,
— Глядить-то я три дивушка три дивныихъ. —
Какъ скоро онъ приправливалъ добрá коня,
Тутъ скоры́мъ-скоро, скоро да скорёшенько
Ѣхалъ онъ на гору на высокую
А на тое-то на шоломцé искатнее.
Какъ смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
Какъ ино тутъ стоитъ шатёръ бѣлополóтняной,
Какъ у шатра замокъ былъ булатніи,
На замку тутъ подпись подписана:
«Кто во шатёръ еще сюды зáходитъ,

Digitized by Google

«Тотъ изъ шатра живъ да не вы́ходитъ».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Ударилъ кулакомъ по замку-то онъ,
Отпалъ замокъ вѣдь тутъ на сыру землю.
Смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Не столько молодецъ да вѣдь ѣлъ-то пилъ,
А сколько молодецъ онъ тутъ на́-земь срылъ
А спролилъ молодецъ, во ногахъ стопталъ.
А самъ молодецъ онъ да спать-то лёгъ.
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Изъ далеча тутъ вѣдь изъ чиста́ поля
А пріѣзжатъ Олеша сынъ Поповичъ былъ,
А смотритъ тутъ Олешенька на чудо-то:
Не столько вѣдь да спито, съѣдено,
Сколько спролито да срыто, въ ногахъ притоптано.
А тутъ-то вѣдь Олеша розретивился
А розгорѣлось ёго сердце богатырское.
Занесъ-то онъ востро̀ копьё востры́мъ коньцёмъ,
Хочетъ онъ ударить Добрынюшку въ бѣлу́ю грудь.
За тымъ-то онъ Олёшенька роздумался:
«Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго.
«А лучше сяду на добра̀ коня Добрынина,
«А буду биться, стану я драться ратиться
«Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ,
«А на томъ на добро̀мъ кони Добрыниномъ».
Садился тутъ Олеша на добра́ коня,
А на того добра коня Добрынина,
Какъ ударилъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцёмъ,
Тупымъ коньцёмъ ударилъ да востры́мъ копьёмъ,

Digitized by Google

Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу тутъ скоро пометается.
Выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ
А въ тонкіи бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
Да тутъ Добрынюшка Микитинищъ
А ухватилъ онъ свою палицу еще богатырскую,
Какъ начали тутъ драться оны ратиться.
Добрынюшка поскакиватъ пѣхотою,
Олешенька тотъ ѣздитъ на добро́мъ конѣ,
А на томъ на добромъ конѣ Добрыниномъ.
Какъ день бьются оны тутъ не ѣдаючи,
Ночь бьются оны да не пиваючи.
Какъ дру́гой день бьются оны и дру́гу ночь,
Отдо́ху-то вѣдь тутъ имъ не дается.
А третій день бьются и третью ночь,
Отъ ихъ пошолъ-то тутъ еще стукъ да гремъ,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Какъ тутъ сидитъ Ильюшенка, самъ думаетъ:
— А й это есте русьскіи бога́тыри.
— Гдѣ ни-то дерутся оны, ратятся? —
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра́ коня,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги,
А кла́дываетъ потнички на потнички,
Кла́дываетъ войлочки на войлочки
А кла́дыватъ сѣдёлка на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладываетъ, самъ выговариватъ:
— А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
— А не для-то вѣдь было для угожества,
— Для укрѣпы мнѣ богатырскіи. —

Digitized by Google

Какъ видли что вѣдь молодца да сядучи,
Не видли тутъ удáлаго поѣдучи,
Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ ѣхалъ тутъ Ильюша на круту гору,
На тое-то шóломцё искатнее,
Да ажно тутъ дерутся есть два русскіихъ богáтыря,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ
А смѣлыи Олешенька Поповичъ-онъ.
Какъ захватилъ Ильюшенка Добрыню во праву́ руку,
Олёшу захватилъ самъ во лѣвую,
А закрычалъ Ильюша во всю голову:
— Ай же вы русійскіе могучіе богáтыри!
— А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
Какъ говоритъ Олеша таково слово:
«Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
«Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ розставлены,
«У меня-то ѣствы вси розложены,
«Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
«Не столько онъ Добрынюшка да съѣлъ да спилъ,
«А сколько онъ тутъ спролилъ да на́-земь срылъ,
«На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стопталъ,
«А мнѣ-ка молодцу того-то жаль».
Говоритъ Ильюша таково слóво:
— Спасибо ти, Олеша, за своё стоишь. —
Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
— Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
— Крёстóвый братъ ты мой да названыи!
— А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
«Ахъ ты братъ мой крестовыи названыи,
«А старыи казакъ ты Илья Муромецъ!
«Какъ-то мнѣ не драться да не ратиться?
«Какъ у ёго у пса у розбойника
«Фальшивая да напись написана:

Digitized by Google

«Какъ кто въ шатёръ сюды еще заходитъ,
«Тотъ съ шатра да живъ тутъ не выходитъ;
«А я хочу-то живъ да повытти есть».
— Спасибо ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло поступашь. —
А ино вѣдь-то тутъ еще Ильюша воспроговоритъ:
— А укротите вы да сердцё богатырскоё,
— А назовитесь вы да братьями крестовыма,
— А лучше вы крестамы побратайтесь. —
А ёнъ ихъ улестилъ тутъ уговорилъ,
Да тутъ оны не начали больше биться ратиться,
Укротили сердцё богатырское.
Какъ тутъ оны крестамы побратались,
Назвалися братьямы крестовыма:
Добрынюшка назвался да большой братъ,
Алёшенька назвался меньшой ёму.
Какъ тутъ розошлись порозъѣхались.
Какъ тутъ-то на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ
Наѣзжала тутъ погана Литва,
Одолѣли что ль поганыи татарева.
На ту пору былъ на то времячко
Богатырей тамъ дома не случилосе,
Случилось только два русскихъ два богатыря,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ
Смѣлой-то Олешенька Поповицъ былъ.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ахъ же ты Олеша сынъ Поповичъ былъ!
«Сѣдлай-ко ты своего добра коня,
«Поѣдемъ мы съ тобой во чисто полё
«А станемъ бить поганыихъ татаревей,
«Одолимъ ли тамъ мы погану Литву».
Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдлалъ добрыхъ коней,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги

Digitized by Google

А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Сѣделышка еще на сѣделышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелко́выи,
А кла́дываетъ, самъ онъ выговариватъ:
«Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь было для угожества,
«Для у́крѣпы мнѣ богатырскіи».
Поѣзжатъ Добрыня, самъ наказыватъ:
«Ахъ же ты моя молода жена,
«Да нунь ты Василиста Микулична!
«Уѣду я вѣдь нунь во чисто́ полё
«А бить тамъ я поганыихъ татаревей,
«Тую эту тамъ погану́ Литву.
«Какъ пройдетъ поры времечки три́ году,
«А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
«Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
«А хоть ли ты тутъ да замужъ поди,
«Стольки ты не ходи-тко за Олёшенку Поповица».
Какъ видли молодца ёго сядучи,
Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
А съ тымъ съ этымъ Олёшенькой Поповицемъ
Ѣхали они тутъ во чисто́ полё.
Приправливалъ Добрынюшка добра́ коня,
Заѣхалъ въ эту силушку въ серёдочку,
Какъ началъ бить ту силу татарскую;
Олёшенька стоитъ тамъ на чисто́мъ поли,
Какъ смотритъ-то онъ на братца онъ крестоваго,
Какъ бьётся тамъ Добрынюшка Микитиницъ,
Прибилъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ этую онъ силу всю въ три́ часу.
Какъ смотритъ онъ на брата на крестоваго,

Digitized by Google

А на того Олёшеньку Поповица,
А смотритъ онъ, глядитъ, думу думаетъ:
«А видно нѣтъ жива̀ да брата-то крестоваго,
«А смѣлаго Олёшеньки Поповича».
Какъ ино вѣдь тутъ самъ Добрынюшка роздумался:
«А видно есте путь моя хорошая».
Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ что за славно за синё морё,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки свято-русскіи.
Прошло тутъ поры времечки три́ году.
Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ сынъ
Приходитъ къ Василисты къ Микуличной:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— Да я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
— Лежитъ-то онъ головушкой въ ракитовъ кустъ
— А рѣзвыми ногмы́ да во кувыль-траву.
— Поди ты Василиста за меня замужъ. —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А тая Василиста Микулична:
«Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Прошло нынь поры времечки три́ году;
«Исполню я-то заповѣдь свою еще.
«А пусть-ко станетъ поры времечки шесть годовъ,
«Тожно тутъ я вѣдь замужъ пойду».
Опять прошло тутъ времечки три́ году.
Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
А со тыимъ со княземъ со Владиміромъ:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— А я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ у Добрынюшки что косточки ростасканы. —
Какъ ино тутъ тая Василиста Микулична
Тутъ она еще пороздумалась:

Digitized by Google

«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Исполнила я заповѣдь свою-то я,
«А нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитица,
«А не видать сюда ёго появитися».
Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
Какъ тамъ это Добрынюшка Микитинищъ
За тынмъ за славнымъ за синѝмъ моремъ,
А тамъ онъ-то Добрыня на чистóмъ поли,
На чистóмъ поли Добрынюшка, въ бѣлóмъ шатри
А самъ онъ молодецъ забавляется,
Играетъ онъ въ доски-ты шахматны
А въ дóроги тавлеи золочёныи,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
А тая Василиста Микулична,
Какъ тутъ она скорó да замýжъ пошла,
А за того Алёшеньку Поповица.
Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
А къ тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
Садились на шатёръ на окошечко,
Началъ голубъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ тутъ голубъ погуркивать,
Началъ онъ затымъ выговаривать,
А звѣщевалъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Играешь ты въ доски во шахматы,
— Въ дóроги тавлеи золочёныи,
— Играшь, самъ молодéцъ ты проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— А я тебѣ звѣщýю провѣщýю есть.
— Какъ есть-то вѣдь твоя молодá жена,
— Молодá жена любимá семья,
— Какъ есть-то вѣдь ужъ нучечу замýжъ пошла
— За того Олешку за Поповича. —

Digitized by Google

Ско́чилъ тутъ Добрыня на рѣзвы́и ноги,
Со той со досады со великіи
Какъ бросилъ эту доску онъ ша́хматню
О тую о матушку о сыру́ землю,
Мать-то что земелюшка продрогнула.
А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла́ шатра
А самъ скоро̀ сѣдлалъ онъ добра́ коня,
Сѣдлатъ-то онъ коня и выговаривать:
«Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
«Какъ нёсъ меня сюды да ты три́ году,
«Неси́-тко нунь домой меня по три́-то дня
«Во сто́льнёй-отъ какъ городъ во Кіевъ градъ».
Садился самъ скоро на добра́ коня,
Скоры́мъ скоро̀, скоро́ скорешенько,
Поѣхалъ тутъ Добрыня зъ-за синя́ моря.
Пошо́лъ тутъ, поскакалъ его доброй конь,
Рѣки-ты ль озёра перескакивалъ,
А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
А синёё онъ морё на око́лъ бѣжалъ.
Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-то дни
Во стольнёй-отъ во городъ во Кіевъ градъ.
Выскака̀лъ тутъ Добрыня со добра́ коня,
Насыпа̀лъ коню тутъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ онъ шолъ по новы́мъ сѣнямъ,
Заходилъ въ свою въ горенку во новую,
А крёстъ онъ кла́дывае по писа́ному,
Поклонъ-то ужъ вѣлъ по учёному,
На вси тутъ на четыре сторонушки,
А ро́дной своёй матушки въ особину:
«Ай здравствуй-ко моя ты ро́дна матушка!»
Матушка она тутъ прослези́ласи,
А матушка она тутъ поросплакалась:
— Ахъ же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —

Digitized by Google

Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Видно, матушка, ты меня не узна́ла есть».
Она опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
—Какъ у моёго милаго у дитятка,
— А у того Добрынюшки Микитица,
— На ёмъ были платьица все цвѣтныи,
— А нынь-ка на тебѣ всё платьица лосиныи,
— А лосиныи платья всё звѣриныи. —
«Да ай же ты моя родна матушка!
«Какъ видно ты меня не узнала есть».
Говоритъ старушка таково слово:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
— Подойди къ старушки поблизёшенько, —
— А у моёго у милаго у дитятка
— Была-то вѣдь зна́дёбка родимная,
— А былъ-то на головки рубечёкъ-то есть. —
Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
А ко тыи старушки да ко древныи,
Какъ тутъ эта старушка да пощупала,
Ажно было тутъ да до правды-то,
А есть тамъ была зна́дёбка родимная.
Какъ тутъ она старушка взрадова́ласи,
Сама она съ сынкомъ тутъ поздоровкалась.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Да ай же ты моя родна матушка!
«А гдѣ-то есть моя молода́ жона,
«Тая Василиста Микулична?»
Какъ говоритъ старушка таково слово:
— Да ай же ты дитя моё милоё!
— Твоя-то нунычу есть молода жона,
— Молода жона да замужъ пошла
— За того Алёшу за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:

Digitized by Google

«Да ахъ же ты моя ль родна матушка!
«Поди-ко есть во пóгребы глубокіи,
«Неси ты мнѣ гусёлышка яровчаты.
«Я пойду къ Олёшѣ на почестный пиръ,
«На тую на свадебку великую».
Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скорымъ скоро
Бѣжала какъ во погребы глубокіи,
Взимаетъ тамъ гусёлышка яровчаты,
А ты этыи гусёлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
Идéтъ она старушка попирается,
Подаватъ Добрынюшки гусёлышка.
Взимаетъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ
А ты этѣ гусёлка всё яровчаты,
Самъ скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молодéцъ наряжается
Скорой малой смѣлой скоморошиной.
Приходилъ Добрыня на почестный пиръ
А на-то столованьё на великоё.
Становился тутъ Добрыня ко пóрогу,
Повёлъ онъ по гусёлышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по унылънёму,
По унылънёму по умилънёму.
Какъ вси-то вѣдь ужъ князи и боя́ра-ты
А ты этѣ русійскіи богáтыри
Какъ вси оны тутъ пріослушались.
За́ тымъ за́игралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при вéчери,
А сталъ-то тутъ почестный пиръ при вéсели.
Какъ вси-то оны тутъ да наѣдалисе,
А вси-то оны тутъ да напивалисе,
Стали тутъ оны да пьянёшеньки.
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому;
Какъ вси оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ вси оны затымъ вѣдь росплясалисе,

Digitized by Google

А скачутъ пляшутъ вси промежу́ собой,
А ничего оны тутъ не вѣдаютъ.
Какъ говоритъ тутъ князь стольнё-кіевской:
— Да ай же ты удáлой добрый мóлодецъ!
— Незнаёмъ мы теби да ни имени,
— Не знаемъ мы теби ни изотчины,
— Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
— Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
— Али съ тихáя Дону́ ты донской казакъ,
— Аль грозной есть посолъ ляховитскіи? —
«Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«Не есть съ тиха Дону́ не донской казакъ,
«Не грозной я посолъ ляховитскіи,
«Какъ есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря
«А скора мала смѣла скоморошина».
Какъ князь-то тутъ ему воспрогóворитъ:
— Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
— А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
— А за эту игру за умильнюю?
— Города ль теби набъ съ пригородками,
— Али села да ти набъ со приселками,
— Аль много набъ безсчотной золотой казны?—
Какъ онъ-то вѣдь на то имъ отвѣтъ держитъ:
«Да ахъ же ты да князь стольнё-кіевской!
«Не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
«Не набъ-то мнѣ-ка селъ-то съ приселками,
«Не набъ-то мнѣ безсчотной золотой казны, —
«А у меня своёй есте дóлюби.
«А столько-то вы мнѣ позвольте-ко:
«Налейте мнѣ-ка чару зелена́ вина».
Какъ тутъ-то ему князь воспрогóворитъ:
— Скора мала смѣла скоморошина!
— Что угодно надо, то мы сдѣлаёмъ. —

Digitized by Google

Какъ налили тутъ чару зелена вина,
Подносятъ тутъ Добрынюшки Микитицу.
Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
Спустилъ-то онъ туды свой злачонъ перстень,
А въ этую-то чашу княженецкую,
Коимъ перстнёмъ оны обручалиси
Со той съ Василистой съ Микуличной.
Подноситъ эту чашу княженецкую
А той да Василисты Микуличной,
Подноситъ, самъ Добрынюшка спрогóворитъ:
«Ай ты Василиста Микулична!
«А пей-ко ты чару зелена́ вина
«Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
«А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
«А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра».
Она тутъ Василиста Микулична
Маленько же она тутъ догадаласе.
А сколько ни-то пи́ла, остатки на́-зень ли́ла-то,—
Какъ взглянетъ въ эту чашу княженецкую,
Ажно тамъ лежитъ да злачонъ перстень.
Какъ смотритъ-то она на перстень тутъ,
А на перстню́ тутъ подпись подписана,
Коимъ перстнёмъ оны обручалисе
Со тыимъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
Какъ тутъ-то да Василиста-та Микулична
А й выскака́ла зъ-за стола княженецкаго,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
— Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
— А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня.—
Клонится Добрыни поклоняется,
Сама она ёму извиняется:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Исполнила я заповѣдь твою-то я,
— А другую исполнила свою-то я,

Digitized by Google

— А тожно вѣдь я тутъ замужъ пошла
— А за того Олешку за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрынька таково слово:
«Да ай же Василиста ты Микулична!
«Когда-то ты исполнила да заповѣдь свою, —
«За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
«Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
«Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
«Пошла ты за Олешку за Поповича, —
«Дакъ я тебѣ еще за то прощу».
Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитиничъ
Хватилъ-то онъ Олёшу за желты́ кудри,
А выдернулъ съ кармана плеть шелко́вую,
Какъ началъ онъ Олёшку ёго чёстовать
А началъ онъ хлыстать его Олёшеньку,
А бьетъ-то онъ тутъ, хлыщетъ, выговариватъ:
«А каково Олёшка ти жениться здѣсь,
«Отъ живого мужа же́на о́тлучать!»
Какъ кле́нется Олёшка проклинается:
— А будетъ трою проклятъ на вѣку тотъ былъ,
— Кто станетъ будетъ эдакъ-то женитися,
— Отъ живого мужа же́на о́тлучать. —
Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ до́любя,
А до́любя Добрыня ёго до́сыти,
Какъ со стыду со страму со вели́кого
А тутъ этотъ Олёшенька Поповичъ-онъ
Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

Digitized by Google

50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почёстный пиръ.
Какъ вси-то къ ему на пиръ собиралиси,
Вси тамъ на пиру наѣдалися,
Какъ вси тамъ на пиру напивалися,
Стали тамъ оны вси ньянёшеньки
А стали вси оны веселешеньки,
Князи вси бояра-то русійскіи
А тыи-ты могучи вси бога́тыри,
Какъ вси-то они вѣдь тамъ росхвастались.
Какъ тутъ была еще межу́ има
А тая эта Нѣ́пра королевична.
Какъ-то тая Нѣпра королевична
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мо́лодцовъ
«Проти́во меня Нѣ́пры королевичной!
«Силою да нѣту ухваткою
«Противъ стараго каза́ка Ильи Муромца,
«А красотою еще было угожествомъ
«Противо вѣдь Михайлы По́тыка Иванова,
«А тишиною говоромъ смиреньицомъ
«Противо-то Добрынюшки Микитица,
«А нѣту-то видь еще богачествомъ
«Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
«А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
«Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
«Поступкою походкою пощапкою
«Противо-то Чурилки щапа[1]) Плёнкова».

---

1) *Щапъ* — щеголь, *пощапка* — щегольство.

Digitized by Google

Сама она еще не спохва́лила
А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
А своёго-то мужа любимаго.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Ай же ты да Нѣ́пра королевична!
— Когда же ты охвоча-то была уда́лая
— Стрѣлять-то было стрѣлочокъ каленыихъ,
— Подёмъ-ко мы съ тобой на чисто́ поле,
— Ста́немъ стрѣлять стрѣлочокъ каленыихъ,
— Который вѣдь стрѣлитъ видняе-то? —
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичокъ булатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно,
Относитъ что за версту за мѣрную,
Натянула тутъ она свой да ту́гой лукъ
А клала ёна стрѣлочку каленую,
Стрѣлила тутъ за версту за мѣрную,
Попадала въ колечко-то серебряно,
И росколола ёна стрѣлочку равны́мъ равно,
Да равнымъ то равно стрѣлку на́ двое.
А клали половинки на вѣсы они,
Нико́я никоёй не перетягиватъ.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Какъ скоро натянулъ свой онъ ту́гой лукъ,
Кладыва́етъ стрѣлочку каленую.
Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Началъ-то онъ стрѣлочкой помахивать
А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
— Ай же ты моя любима́ калена́ стрѣла!
— Пади же ты не на́ воду, не на́ землю,
— А ты пади ко Нѣ́пры королевичной,
— А ты пади же ёй во бѣлу́ю грудь. —

Digitized by Google

Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезиласи
А тутъ-то вѣдь она поросплакалась:
«Ахъ тихіи ты Донъ сынъ Ивановичъ!
«А не стрѣлѝ-тко мéня Нѣпры королевичной.
«Да несу я ти сына любимаго,
«А по колѣнъ-то ноженки во сéребри,
«А по локóть-то рýченьки во золоти,
«А по косицамъ пекутъ будто звѣздышки,
«На зади-то возсіятъ будто свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Впереди-то какъ будто солнышко».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
Какъ скоро онъ стрѣлúлъ ю во бѣлýю грудь,
Какъ пала тутъ она на сырý землю,
Облилась óна кровью тутъ горючею.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Взимаетъ онъ ножищо тутъ кинжалищо,
Ино ль то вѣдь еще правда ль есть?
Пласталъ-то онъ вѣдь ёй да бѣлýю грудь.
Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
Засíянъ-то вѣдь во чреви тотъ сынъ-то былъ,
По колѣнъ-то ноженки во сéребри,
А по локóть-то рýченьки во золоти,
Назади просвичатъ будто свитёлъ мѣсяцъ,
Впереди еще какъ тамъ солнышко.
Какъ взялъ это ножищо онъ кинжалищо,
Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
— Да куды пала головка бѣлой лебеди,
— А тутъ пади головушка сѣрá гуся. —
Палъ онъ на ножищо тутъ кинжалищо,
Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горькáя смерть.
Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крестьянскіи,

Digitized by Google

Отъ крестьянскіи крови безнапрасныи,
Какъ протекала тутъ да Нѣпра́ рѣка.
Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
А въ ширину рѣка сороки́ саженъ *(такъ)*.
Только-то вѣдь Донушку славу поютъ,
А той ли этой Нѣпры королевичной.
Тутъ-то ихъ да жительство рѣшилоси.

Записано тамъ же, 26 іюля.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 33).

А й Иванушко, Иванушко Годиновичъ,
А поѣзжае что Иванушко женитися,
А къ гостю къ купцю еще Ми́тріищу,
А за то за славное за синё море:
«Да ахъ же ты мой родной дядюшка,
«А стольнёй ты князь да Владимеръ нашъ!
«А пожалуйте позвольте-то мнѣ-ка-ва,
«Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
«А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте;
«А любезный ты мой еще дядюшка,
«А дру́го казны ты сорокъ тысячей».
Какъ тутъ-то вѣдь князь стольнё-кіевской
А даватъ ему силы сорокъ тысячей,
А дру́го какъ денегъ сорокъ тысячей.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ,

1) Прослушавъ эту былину, Иванъ Фепоновъ (см. ниже, XIII) замѣтилъ, что и самъ ее пѣвалъ въ прежнее время, съ тою только разницею, что Иванъ Годеновичъ (такъ онъ произносилъ это имя) не взялъ предложенной ему Владиміромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка».

Digitized by Google

А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́тріищу,
А пріѣзжаетъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́тріищу,
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А гость ты купецъ да еще Ми́тріищо!
«А есте какъ у тя да есть любе́зная дочь,
«А тая эта Марья Митріёвична,
«А отдай-ко ты повыдай за меня́ замужъ,
«А за Ивана, за Ивана за Годиновича».
А говоритъ ёму Митрій таково слово:
— А Иванушко, Иванушко Годиновичъ!
— А выдалъ бы Марью Митріёвичну,
— А выдалъ бы повыдалъ за тебя замужъ;
— А у меня Марьюшка просватаная
— За царя за Кощега за Трипе́товича,
— Не повыдамъ я, Иванъ, за тебя замужъ. —
Ско́чилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ-то онъ ножи́що тутъ кинжа́лищо.
Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
А ушолъ тутъ ножикъ да до череня.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
«Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добро́мъ возьму,
«А съ добра не отдашь, дакъ я сило́мъ возьму».
Какъ скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги
А взиматъ-то онъ Марью Митріёвичну,
А взиматъ ю за руценки за бѣлыи
А за́ тыи за перстни за злаченыи.
Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновичъ
А поѣхалъ назадъ да въ свою сторону,
А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту́ полю,
А ѣхалъ онъ отъѣхалъ далецёшенько.
Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«А рать же вы силушка великая,

Digitized by Google

«А ѣдьте-то вы топери съ извѣстьицемъ
«А ко́ моему ко ро́дному ко дядюшкѣ,
«А къ стольнёму князю ко́ Владиміру:
«А взята у насъ Марья Митріёвична,
«А взята-то, взята, мы сило́мъ да везёмъ».
Какъ ратная силушка великая
Да какъ тутъ-то она отправлялась,
А скорымъ-то скоро́, скоро́ скорёшенько,
А ко тому ко городу ко Кіеву
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновичъ
Ино хочетъ онъ съ Марьей позабавиться,
А началъ забавляться на чисто́мъ полѣ,
А на чисто́мъ-то поли да во бѣло́мъ шатри.
А живетъ тутъ молоде́цъ, забавляется,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
А на ту́-то пору́ да на то времячко
Пріѣзжаетъ Кощей да сынъ Трипе́товичъ
А къ гостю къ купцю еще къ Ми́тріищу
А за Марьей-то, за Марьей Митріёвичной.
Какъ говоритъ спромолвитъ таково слово:
— Ахъ ты гость, ты купецъ да еще Ми́тріищо!
— А ты скажи, скажи да не утай себя:
— А гдѣ у тя Марья Митріёвична? —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А гость-отъ купецъ да еще Ми́тріищо:
«А царь ты Кощегъ сынъ Трипе́товичъ!
«А тая эта Марья Митріёвична
«Увезена у Иванушка Годиновица,
«А взята-то, взята за себя замужъ».
Какъ царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
А скоро-то онъ вѣдь снаряжается,
А скоро за Иваномъ отправляется,
А скоро за Иваномъ вслѣдъ съ угоною.

Digitized by Google

Какъ засталъ-то ёнъ Ивана на чисто́мъ поли,
А на чи́стоемъ полюшки въ бѣло́мъ шатри,
А съ той съ этой Марьей Митріёвичной.
Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя того Кощега да Трипе́товича, —
Не до́йде тутъ Иванушку вѣдь бо́льше сидѣть.
Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А начали тутъ биться о́ны ратиться
А со царёмъ со Кощегомъ со Трипе́товичемъ;
Да побилъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя да Кощега что Трипетовича,
А побилъ его, сбилъ на сыру землю,
А сѣлъ-то тутъ Иванъ да на бѣлу́ю грудь
А къ царю къ Кощегу къ Трипе́товичу.
А на ту-то пору да на то времечко
А ножища при себи да не случилосе.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А дай-ко ты ножищо мнѣ кинжалищо
— А пластать мнѣ Кощегу бѣла́я грудь,
— А вынять что сердечушко су печенью *(такъ)*,
— А розрыть, роскидать по чисту́ полю. —
А говоритъ Кощегъ тутъ таково слово:
«Ай ты Марья же, Марья Митріёвична!
«А не давай-ко ты Иванушку ножи́ща того,
«А ножища-то ножища ты кинжалища.
«Дай я теби скажу да все поро́зскажу,
«А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
«Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
«А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича.
«Да если ты да вѣдь пойде́шь за его,
«Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойницахъ
«А у стольняго князя у Владиміра».
Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:

Digitized by Google

— А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
— А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
Говоритъ опять Кощегъ таково слово:
«Да ай же ты Марья Митріёвична!
«А тащи-ко ты Ивана за желты́ кудри,
«А со тыхъ со моихъ со бѣлы́ихъ грудей».
Какъ тая тутъ Марья Митріевична
Какъ хватила тутъ Ивана за желты́ кудри,
А тащила тутъ его да со бѣлы́хъ грудей
Со царя со Кощега со Трипе́товича.
Какъ и́но тутъ оны да его Иванушка Годиновича
Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
А связали-то Ивану рѣзвы ноженьки,
Какъ бросили Ивана тутъ подъ сы́рой дубъ.
Да тутъ царь-то Кощегъ да сынъ Трипе́товичъ
А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
Да на ту-то пору да на то времячко
А налеталъ налеталъ да тутъ-то че́рной вранъ,
Садился тутъ воронъ на сы́рой дубъ
А за́крычалъ воронъ громкимъ голосомъ,
А спроязы́чился язы́комъ человѣческимъ,
А крычитъ говоритъ онъ таково слово:
— А не владѣть этой Марьей Митріёвичной
— А царю да Кощегу да Трипе́товичу,
— А владѣть этой Марьею Митріевичной
— А тому да Иванушку Годиновичу! —
А царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
Услыхалъ ворони́но звѣщова́ніё,
Да хватилъ-то онъ скоро свой ту́гой лукъ
А кладываетъ стрѣлочку каленую,
А стрѣли́лъ-то онъ въ це́рнаго во ворона,
А стрѣли́лъ-то, стрѣли́лъ да не попалъ въ ёго.
А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечи́мъ далеко,

Digitized by Google

А улетѣла тая стрѣлка по подóблачью.
А зашолъ тутъ Кощегъ да во бѣлóй шатеръ,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этая стрѣла да тутъ калéная
А обвернулася стрѣла назадъ обратно есть,
А пала тутъ стрѣла да на бѣлóй шатёръ,
А пала попала въ буйну голову
А царю да Кощегу Трипéтовичу.
Да тутъ-то вѣдь царь Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
А палъ-то онъ на матушку сыру землю,
А облился онъ кровью горючею, —
А только тутъ Кощегушку славы́ поютъ.
Какъ тая эта Марья Митріéвична
А взимала въ руки сабелку вострую,
А начала сабелкой помахивати,
А начала тутъ Марья выговаривати:
«Какъ у женщинъ-то вѣдь да какъ ну́нечку
«А волосъ-то дологъ да вѣдь у́мъ коротокъ.
«А й отъ бéрежка я топерь отка́чнуласе,
«А къ дру́гому какъ я не прика́чнуласе.
«А отсѣчь мнѣ Ивану буйна гóлова».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріéвична!
— А не сѣки́-тко ты мни да головушки,
— А топеречка нунь я въ безвремяньицѣ,
— А лучше ты поди да за меня замужъ.
— А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
— Да за эту вину да за великую,
— А дамъ я ти три грóзы небóльшенькіи. —
Да какъ тутъ она Марьюшка роздумаласе:
«А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даётъ,
«А перву даетъ, дакъ я вѣдь годъ прóживу,
«А дру́гую даетъ, дакъ я дру́гой прóживу,
«А трéтьюю даетъ, дакъ я вѣкъ прóживу.

Digitized by Google

«А отвяжу я-то Ивана отъ сырá дуба,
«Отвяжу-то ему да бѣлы рученьки,
«А отвяжу ему рѣзвы ноженьки».
Отвязала тутъ Ивана отъ сырóго дубá,
А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
Розвязала тутъ ему рѣзвы ноженьки.
Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А взимаетъ въ руки сабелку вострую,
Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженьки,
А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
— А этыхъ мнѣ-ка ноженёкъ не надобно,
— Охапляли какъ поганаго татарина.
— А этыхъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
— Обнимали какъ поганаго татарина. —
Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
— А этыхъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
— А цѣловали что поганаго татарина. —
А только Марьи и Кощéгу славы́ поютъ.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ
Пошолъ-то одинъ да добрый мóлодецъ,
А одинъ-то одинъ да единéшенёкъ.
А пришолъ тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
А ко своему ко рóдному ко дядюшки,
А ко тому ко князю ко Владиміру,
А пришолъ-то онъ пришолъ да не привёлъ никого,
А розсказалъ незгодушку великую
А стольнёму-то князю да Владиміру:
— Да ай же ты родной мой дядюшка,
— А стольнёй ты князь да есть Владиміръ нашъ!
— А надо мной была незгода тамъ великая:
— Я покончилъ да царя да Кощега тамъ,
— А царя да Кощега Трипéтовича;
— А Марья была провинилася,
— А сдѣлала вину она великую,

Digitized by Google

— Да тамъ я Марьюшку покончилъ ю,
— А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженьки,
— А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
— А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
Ино тутъ имъ и славы поютъ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старыи казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
«Да ай же мои братьица крёстовыи,
«Крёстовыи-то братьица названыи,
«А молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А ѣдь-ко ты Добрыня за синё море,
«Кори-тко ты языки тамъ невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А ты-то ѣдь еще Михайлушка
«Ко тыи ко корбы[1]) ко темныи,
«Ко тыи ко грязи ко черныи,
«Кори ты тамъ языки все невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А я-то видь старикъ да постарше васъ,
«Поѣду я во далечо еще во чисто поле,
«Корить-то я языки тамъ невѣрныи,
«Стану прибавлять земельки Святорусскіи».
Какъ тутъ-то молодцы да порозъѣхались.

---

1) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить лѣсъ.

Digitized by Google

Добрынюшка уѣхалъ за синё морё,
Михайла ёнъ уѣхалъ ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,
Къ ца́рю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
Ильюшенька уѣхалъ во чисто́ поле,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки Святорусскіи.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тоё на да́лечо на чисто́ полё,
Роздёрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатёръ,
А бѣлъ шатёръ еще бѣлополо́тняной.
Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
— А томному молодцу мнѣ голодному;
— А лучше молодецъ я поѣмъ, попью. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лёгъ.
Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходитъ что на выходы высокіи
А смотритъ какъ во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё;
Углядѣла усмотрѣла во чисто́мъ поли,
Стоитъ-то тамъ шатёръ бѣлополо́тняный,
Стоитъ тамъ шатёръ еще сма́хнется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розма́хнется,
Стоитъ шатёръ еще вѣдь ужъ со́йдется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розо́йдется.
Какъ смотритъ эта Марья лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:

Digitized by Google

«А это есте здѣ да русьскій богáтырь же».
Какъ бросила тутъ трубоньку подзорнюю,
Приходитъ тутъ ко рóдному ко батюшку:
«Да ай же ты да мой рóдной батюшко,
«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
«А далъ ты мнѣ прощенья благословленьица
«Летать-то мнѣ по тихíимъ зáводямъ,
«А пó тымъ по зеленыимъ по зáтресьямъ,
«А бѣлой лебедью три́ году.
«А тамъ я налеталась нагулялася,
«Еще вѣдь я наволевалась[1])
«По тыимъ по тихíимъ по зáводямъ,
«А пó тымъ по зелёныимъ по зáтресьямъ.
«А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
«А дру́го ты еще мнѣ-ка три́ году
«Ходить гулять-то во дáлечемъ мни во чистóмъ поли,
«А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой».
Какъ онъ опять на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Ай же ты да дочка-та царская мудрёная!
— Когда плавала по тихíимъ по зáводямъ,
— По тымъ по зеленыимъ по зáтресьямъ,
— А бѣлой ты лебёдушкой три́ году,
— Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
— А друго-то еще три да три́ году,
— А тожно[2]) тутъ я тебя замýжъ отдамъ. —
Какъ тутъ она еще поворотúласе,
Батюшку она да поклонúласе.
Какъ батюшко да даваетъ ей нянёкъ мамокъ-тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этыхъ вѣрныихъ служаночекъ.
Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка

---

1) Т. е. пользовалась волею.
2) *Тожно* — тогда.

Digitized by Google

Во далечо она во чистó полё,
Скорымъ скорò, скорó да скорёшенько,
Не могутъ зá ней тамъ гнаться няньки-ты,
Не могутъ зá ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эты всѣ да оставаются,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
«Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
«А вы назадъ теперь воротитесь-ко,
«Не нагоняться вамъ со мной красной дѣвушкой».
Какъ нянюшки вѣдь ёй поклонилися,
Назадъ оны обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
Выходитъ тутъ она ко бѣлу́ шатру,
Какъ у того шатра бѣлополо́тняна
Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьёмъ-то мять [1])
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкíихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкíи бѣлыи рубашки безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
— Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
— А что же ржешь ты да копьёмъ-то мнешь
— А во тую во матушку сыру землю,
— Треложишь ты русíйского бога́тыря? —

---

1) *Копьёмъ*, по объясненію пѣвца, тутъ значитъ — копытомъ; «такъ поется», утверждалъ Прохоровъ.

Digitized by Google

Какъ взглянетъ на дру́гую шатра еще другу сто́рону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
А хочетъ цѣловать милова́ть-то ю,
Какъ тутъ ёна ёму воспрого́воритъ:
«Ай же ты уда́лой доброй мо́лодецъ!
«Не знаю я теби да ни имени,
«Не знаю я тебя ни изотчины.
«А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
«Король ли ты да королевичъ есть?
«Столько знаю да ты русской-то бога́тырь здѣсь.
«А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
«А у меня уста были поганыи,
«А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашіи,
«Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
«А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
«Ты возьми, сади на добра́ коня,
«А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
«А проведи во вѣру во крещеную,
«А тожно ты возьми-тко меня за себя́ замужъ».
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
Садилъ онъ-то къ себѣ на добра́ коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли оны́ тутъ златы вѣнцы,
Какъ клали о́ны заповѣдь великую:
Который-то у ихъ да наперёдъ умретъ,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ году
Со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей на́живать.
Да тутъ затымъ князь тотъ стольнё-кіевской

Digitized by Google

Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всихъ могучихъ богáтырёвъ;
Какъ вси-то óны нá пиръ собираются,
А вси тутъ на пиру наѣдаются,
А вси тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ оны тамъ пьянёшеньки,
А стали всѣ оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пиръ, братцы, при весели.
Какъ тутъ-то вѣдь не ясныи соколы
Во чистóмъ поли еще розлеталися,
Такъ русійскіе могучіе богáтыри
Въ одно мѣсто съѣзжалися.
А на тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чистá поля,
Хвастаетъ Ильюшенка спрогóворитъ:
— А былъ-то я еще во чистóмъ поли,
— Корилъ-то я язы́ки все невѣрныи,
— А прибавлялъ земельки Святорусскіи.—
Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
«А былъ-то я за славнымъ за синúмъ моремъ,
«Корилъ тамъ я язы́ки все невѣрныи,
«А прибавлялъ земельки Святорусскіи».
Какъ ино что Михайлушки да чимъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
— Какъ я, у меня нуньчу у молодца
— Получена столькú есть молода жена.
— Безумной-отъ какъ хвастатъ молодой женой,
— А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой. —
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныи
— А у тыи у грязи я у черныи,
— А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,

Digitized by Google

— Корилъ-то я язы́кушки невѣрныи,
— Прибавлялъ земельки Святорусскіи.
— Еще-то я съ царёмъ тамъ во дру́гіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ до́роги тавлеи золоченыи;
— Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
— Безсчётной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
— Повёзъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто́ полё,
— Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилисе,
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіи,
— Спустилъ казну во по́гребы глубокіи. —
На ту пору еще на то времечко
Изъ Кіева тутъ дань поспросилась
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшніи.
Какъ князи тутъ-то кіевски, вси бо́яра
А тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевски,
«Русійски всё могучіи бога́тыри!
«Когда нунь у Михайлушка казна еще
«Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
«Дакъ нунечку еще да топереčку
«Изъ Кіева нунь дань поспросилась
«Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
«Пошлемъ-то мы ёго да туды-ка-ва
«Отдать назадъ безсчётна золота казна,
«А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшніи».
Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу на По́тыка
Вси князи тутъ бояра кіевски,
Вси русійскіи могучіи бога́тыри.

Digitized by Google

Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы ко темныи
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ на ёго да на ши́рокъ дворъ,
А становилъ онъ добра́ коня вѣдь середь широка́ двора,
Ко тому столбу ко тоценому,
А привязалъ къ кольцу къ золоценому.
Насыпа̀лъ коню онъ пшены бѣлояровой,
Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новы́мъ сѣнямъ,
А заходилъ въ полату во царскую
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ! —
«Ахъ здравствуй-ко уда́лый доброй молодецъ!
«Не знаю я тебѣ да не имени,
«Не знаю я тебѣ не изотчины.
«А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
«Ли король, ли ты королевичъ есть,
«Али съ тиха̀ Дону́ ты донской казакъ,
«Аль грозной есть посо̀лъ Ляховитскіи,
«Аль старыи казакъ ты Илья Муромецъ?»
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не король-то я, не королевичъ есть,
— Не изъ тиха̀ Дону́ не донской казакъ,
— Не грозной я посолъ Ляховитскій былъ,

Digitized by Google

— Не старый я казакъ Илья Муромецъ.
— А есть-то я изъ города изъ Кіева
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
«Зачимъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
— Зашолъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
— А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
— А я слыхалъ — скажутъ ты охвочъ играть
— Да въ доски-ты шахматны,
— А въ до́роги тавлеи золоченыи,
— А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
— Поиграемъ-ко во доски мы шахматны,
— Въ до́роги тавлеи золоченыи.
— Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Насыпь-ко ты да безсчётной золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
Какъ ино тутъ Михайлушко спрого́воритъ:
— Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— А бью я о головки молодецкіи,
— Какъ я теби буду служить да слугою вѣрною
— А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
— За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ
Охвочъ играть во доски-ты шахматны
А въ до́роги тавлеи золоченыи,
Всякого-то вѣдь онъ да по́игралъ.
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ мнѣ молодца да повыиграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали оны по дощечки ходить гулять.
А тутъ Михайлушка ступе́нь ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой какъ ступилъ, самъ призаступилъ,
А тре́тій что ступилъ, его по́игралъ,
А выигралъ безчётну золоту казну
А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.

Digitized by Google

Говоритъ промолвитъ таково слово:
— Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Топеречку еще было нунечку
— Дань изъ города изъ Кіева спросиласи.
— Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ
— Какъ эта безсчётна золота казна,
— А за двѣнадцать годъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
— Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотилась. —
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣеву
А стало зарко есть, роззадорило,
Стало жаль безсчётной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
«А молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
«Насыплю я безсчётной золотой казны
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
«А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
«А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ».
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкіи,
Наставили тутъ доску-ту шахматню,
Какъ начали оны тутъ ходить гулять
По тыи дощёчки по шахматнёй,
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не дóступилъ,
А дрýгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
А трéтій-то ступилъ, ёго й пóигралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговоритъ опять ёнъ таково слово:
«Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
«Во тыи во дощечки во шахматни.
«Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ

Digitized by Google

«А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
«А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
«А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
«А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
«А ты бей-ко о головки молодецкіи,
«Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
«А будь ты мнѣ служить да до смерти-то».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головки молодецкіи,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощёчку тутъ шахматню.
А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій какъ ступилъ, ёго и по́игралъ,
Выигралъ безсчётну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времечко
А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затымъ выговаривать
А тымъ а тымъ язы́комъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играшь молодецъ да проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ э́ту доску о кирпичной мостъ
А во полаты тутъ да во царскіи,
А терема вси тутъ пошаталисе,

Digitized by Google

Хрустальнія оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра вси мертвы́ лежатъ,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ роскоракою.
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Ахъ молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Оставь ты мнѣ бояръ хоть на си́мена,
«Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ».
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчётну золоту казну
— Во стольнёй-отъ городъ да во Кіевъ градъ. —
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра́ коня,
Сѣдлатъ, самъ выговаривать:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А нёсъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунь домой меня во три́ часу. —
Приправливалъ Михайлушка добра́ коня,
Пошолъ ёнъ поскакалъ ёго добрый конь
Рѣки-ты озёра перескакивать,
А тёмной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три́ часу.
Розсѣдлывалъ коня тутъ розуздывалъ,
А насыпа́лъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,
Закрычалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же мои братьица крёсто́выи,
— Крёстовыи вы братьица названыи,
— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую. —

Digitized by Google

Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то оны удáлы снаряжалися,
Приходятъ оны къ брату крёстовому,
Къ мóлоду Михайлы да къ Пóтыку:
«Ай же братъ крёстовыи нашъ названыи?
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ты,
«Русíйскіихъ могучихъ насъ богáтырёвъ?»
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же мои братьица крёстовыи,
— Крёстовыи вы братьица названыи!
— Стройте вы колоду бѣлоду́бову,
— Итти-то мнѣ во матушку во сыру́ землю
— А со тыимъ со тѣломъ со мёртвыимъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три́ году,
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было тамъ мни на три́ году запасу-то. —
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи
Скоры́мъ скорò, скорò да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлоду́бову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Ковалъ тамъ онъ тро́и-ты кле́ща-ты,
А трои прутья еще да желѣзныи,
А трои еще прутья оловяныи,
А третьи напослѣдъ еще мѣдныи.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлоду́бову
А со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ,
Какъ братьица крестовы тутъ названыи
Да нáбили оны обручи желѣзныи
На тую колоду бѣлоду́бову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую въ суботу въ христовскую;
Какъ тутъ эты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,

Digitized by Google

А братья что крёстóвыи названыи,
Копали погребъ тутъ оны глубокiи,
Спустили ихъ во матушку во сырý землю,
Зарыли-то ихъ въ желты́ пески.
Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзéмелью,
Приходитъ къ той колоды бѣлодýбовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дёрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Дрýгой-отъ разъ еще она й дернула,
А рядъ-то ёна тёсу тутъ сдёрнула
А со тыи колоды бѣлодýбовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ нá ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ клéщи желѣзныи.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Трéтiй еще разъ она дёрнула,
Остатнiй-то рядъ она сдёрнула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказалися,
Да тутъ тая змѣя зрадовáлася:
«А буду-то я нуньчу сытая,
«Сытая змѣя не голодная.
«Одно есте тѣло да мёртвое,
«Дрýга жива головка человѣческа».
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во клéщи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
А почалъ бить поганую ю въ одноконечную[1]).
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живý воду́ да въ трú году».

1) Т. е. безъ перерыва, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

Digitized by Google

Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А я принесу я-то живу́ воду̀ да въ два́ году».
— Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу-то я тебѣ живу́ воду̀ въ одинъ-то годъ».
А росхлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу тебѣ живу́ воду̀ я въ полъ-году».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живу́ воду̀ въ три мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живу́ воду̀ въ два мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
А росхлысталъ онъ прутья оловянныи,

Digitized by Google

Хватилъ-то онъ прутья да мѣдныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живýю водý а въ мѣсяцъ-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живýю водý въ недѣлю-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А принесу я ти живýю водý въ три-то дни».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Принесу я ти живýю водý въ два-то дня».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
«А принесу живýю водý въ одинъ-то день».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живýю водý въ трú часу».
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ

Digitized by Google

Какъ этую змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себи змѣёнышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣёй со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзе́мелью,
Принесла она живу́ воду́ въ три́ часу.
Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
А какъ роздернулъ-то змѣёныша на двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ одно́ мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
Какъ сросся-то змѣёнышъ, сталъ по старому;
А въ дру́гіихъ помазалъ — шевелился онъ,
А въ тре́тьіихъ-то збрызнулъ — побѣжалъ-то какъ.
Какъ го́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же ты змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ти не́ ходить по подзе́мелью,
— А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мёртвыихъ. —
Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подзе́мелью
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мёртвыихъ,
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызну́лъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздро́гнула.
Какъ дру́гой разъ збрызну́лъ — она сидя сѣла-то,
А въ тре́тьіихъ-то онъ збрызну́лъ — она повыстала,
А далъ воды́-то въ ротъ — она заговорила-то:
— Ахъ мо́лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечку спа́ла-то. —
«Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
«А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая».

Digitized by Google

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумался,
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, удумалъ онъ,
А закрычалъ Михайла во всю голову.
Какъ этоё дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки христосскіи
На тую на буевку да на ту сыру́ землю.
Какъ ино вѣдь народъ еще пріуслу́хались,
А что это за чудо за диво есть,
Мертвыи въ земли закрычали вси.
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто оны сходилися,
Сами тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
— А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
— А со тынмъ со тѣломъ со мёртвынмъ,
— А ёнъ крычитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ. —
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
Розрыли какъ оны тутъ жолты́ пески,
Ажно тамъ оны да обы́ живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрёна она дочка безсмёртная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ

Digitized by Google

А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилоси,
Стольки тутъ дома да слу́чился
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далечо еще во чисто́ поле,
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три́ часу.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ,
Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«А ты поди-ко Марья за меня замужъ,
«А за царя ты за Ивана за Окульева».
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
«А ты поди поди за меня замужъ,
«А будешь слыть за мной ты царицею,
«А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
«А будешь станешь слыть портомойница
«У стольняго у князя у Владиміра».
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
— А лучше буде слыть мнѣ царицею

Digitized by Google

— А за тымъ за Иваномъ за Окульевымъ. —
Какъ ино тутъ она еще на то укидаласи,
Позвалась, пошла за ёго́ замужъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло проклаждается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь было любима́ семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая,
Замужъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то ёго братьица пріѣхали,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
«Да ай же мои братьица крестовыи,
«Крёстовыи вы братьица названыи!
«А гдѣ-то есть моя молода жона,
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
Какъ тутъ ёму оны воспрого́ворятъ:
— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
— Твоя-то тамъ есте молода жена
— Она была вѣдь нунечку замужъ пошла
— А за царя-то за Ивана за Окульева. —
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
«Ай же мои братьица крестовыи!
«Пойдемте[1]) мы, братьица, за имъ слѣдъ[2]) съ угоною».
Говорятъ ему таково слово:
— Да ай же ты нашъ братецъ крестовый былъ!

---

1) Т. е. поѣдемте.
2) Т. е. вслѣдъ.

Digitized by Google

— Не честь-то намъ хвала мо́лодцамъ
— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тобя,
— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
— А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодецъ,
— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,
— А застанешь ты вѣдь ихъ на чисто́мъ поли,
— А отсѣки ты тамъ царю да головушку. —
Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чисто́мъ поли.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ тутъ скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныихъ.
Подходитъ тутъ къ Михайлы да къ По́тыку:
«Ахъ мо́лодъ-то ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Меня сило́мъ везе́тъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
«Какъ выпей-ко ты чару зелена́ вина
«Со тоски досады со великіи».
Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена́ вина,
А по другой да тутъ душа горитъ,
Дру́гую-то онъ выпилъ да вѣдь тре́тью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ допьяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А отсѣки Михайлы ты головушку».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить что мни мёртваго.
— А лучше онъ проспится протверезится,

Digitized by Google

— Дакъ буду я бить-то ёго силою,
— Силою я войскомъ великімъ,
— А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —
Какъ тутъ она еще да скорымъ скоро
Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ёй тутъ да вѣрныи
Копали оны яму глубокую.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру землю,
А приказала-то зарыть его въ песочики жолтыи.
Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чистомъ поли.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Самы какъ говорятъ промежу собой:
«А нѣтъ жива-то братца же крестоваго,
«Крестоваго-то братца названаго,
«Молода Михайлушки Потыка».
Садились тутъ оны на добрыхъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ оны по чисту поли,
Михайлинъ еще конь наперёдъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьёмъ-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эты братьица крестовыи:
«А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
«А молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ».

Digitized by Google

Какъ тутъ-то вѣдь оны да скорымъ скорò
Копали эту яму глубокую,
А ёнъ-то тамъ проспался, прохмѣлился, протверезился.
Скочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвы ноги,
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
Говорятъ тутъ братья таково слово:
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
«Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
«А за прекраснаго царя да за Окульева».
— Поѣдемте мы братьица съ угоною. —
Какъ говорятъ оны тутъ таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
«А стыдно намъ буде да похабно е.
«А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
«Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистомъ поли,
«А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется,
Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
Засталъ-то ихъ опять на чистомъ поли,
А у тыхъ розстанокъ у крестовскіихъ,
А у того креста Леванидова.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая
Молодà Михайлу тутъ Пòтыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной гòловы,
— А отсѣкетъ Михайла ти головушку. —
Какъ тутъ она опять скорымъ скорò
А палила питей еще сонныихъ,

Digitized by Google

Подноситъ-то Михайлушки По́тыку,
Подноситъ-то, сама уговариватъ:
— А какъ межéнный день не можетъ живъ-то быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я не ѣсть не пить,
— Не ѣсть не пить, не могу больше жи́ва быть
— А безъ тобя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
— А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зелена́ вина. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ, по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ, самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ та́я эта Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову,
— Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
«А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
«А пусть-ко онъ проспится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
«А рать-то я вѣдь силушкой великою».
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-ту великую. —
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ бросила Михайлу чере́зъ плечо,

Digitized by Google

А бросила, сама выговаривать:
— А гдѣ-то былъ удалой добрый молодецъ,
— А стань-то бѣлъ горючій камешокъ,
— А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли три́ году,
— А черезъ три́ году проди-ко онъ скрозь матушку скрозь сыру землю. —
Поѣхали оны тутъ впередъ опять,
А пріѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитинычъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мо́лода Михайлы По́тыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежу́ собой:
«А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
«А молода Михайлу По́тыка Иванова».
Какъ справились ёны тутъ каликамы,
Идутъ оны путёмъ да дорожкою,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
— А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитинычъ! —
А онъ-то ихъ знаетъ да оны не знаютъ кто:
«А здравствуй-ко ты еще дѣдушко».
— А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
Какъ тутъ-то оны вѣдь думу думаютъ,
Самы-то говорятъ промежу́ собой:
«Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
«А гди ёму да гнаться за намы-то!»....
«А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарища».
Пошолъ рядо́мъ съ има́ тутъ дѣдушко,
Пошолъ рядо́мъ, еще напередъ-то ихъ.

Digitized by Google

А стали какъ ёны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду ёго держатъ-то.
Какъ тутъ пришли въ землю́ въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамѣёвной.
Какъ стали тутъ оны́ да рядо́мъ еще,
Закрычали тутъ оны́ во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще мило́стину спасёную. —
Какъ тутъ-то въ земли Сарацынскіи
Терему́ во царстви пошаталися,
Хрустальніи оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по по́ясу бросаласе,
А этая-то Марья лебедь бѣлая,
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотритъ, что сама воспрого́воритъ:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А это не калики, есте русскіи бога́тыри:
«Старыи казакъ Илья Муромецъ
«А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
«А тре́тей я не знаю какой-то е.
«Возьми каликъ къ себи, ты корми́ пои».
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны
А во тую полату во царскую,
Кормили-то поили каликъ оны досыти,
А досыти кормили ихъ да до́пьяна,
А на́дали имъ злата тутъ се́ребра,
Насы́пали-то имъ да по по́дсумку.
Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольнёму ко городу ко Кіеву,
А о́тошли отъ царства ровно три́ версты,
Забыли оны братца что крестоваго,

Digitized by Google

А молода Михайлу Пóтыка Иванова.
Какъ отошли оны, затымъ вспомнили:
— Зачимъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
— Молода Михайлу Пóтыка Иванова. —
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Самы̀ тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушку Пóтыка? —
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчатъ-то имъ таково слово:
«А вашъ-то есте братецъ крестовыи —
«Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскіихъ,
«А у того креста Леванидова,
«А бѣлыимъ горючіимъ камешкомъ».
Какъ тутъ оны поклонились воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да братья все крестовыи!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго,
— А мóлода Михайлу Пóтыка Иванова. —
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводитъ этыхъ братьицовъ крестовыихъ
Ко тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
«А скидывáйте-ко вы братцы съ плечъ пóдсумки,
«А кладьте вы еще па сыру землю,
«А высыпайте вы да злато сéребро,
«А сыпьте-тко все вы въ одно мѣсто».
Какъ высыпáли злато они серебро

Digitized by Google

А со тыихъ со тыхъ да со по́дсумковъ,
А сы́пали оны́ тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить,
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
— Ай же ты да дѣдушко древный былъ!
— А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровно́-то бы? —
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
«А кто-то этотъ здыне́тъ да камешокъ,
«А кинетъ этотъ камень чере́зъ плечо,
«Тому двѣ кучи да злата се́ребра».
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А призды́нуть тотъ камешокъ горючіи.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здыну́лъ его,
Здыну́лъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не мо́гъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здыну́лъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то ёнъ камешокъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
«А гдѣ-то былъ горючій бѣлой камешокъ,
«А стань-ко тутъ уда́лый доброй молодецъ,
«А молодо́й Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Подлекчись-ко Михайлушка лекки́мъ-лекко!»
Взималъ-то ёнъ да кинулъ чере́зъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрого́воритъ:
«Ай же вы бога́тыри русьскіи!

Digitized by Google

«А я-то есть Микола можайскіи,
«А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
«А я-то вамъ есть русскіимъ богáтырямъ».
Да столько оны видли старичка тутъ бы.
Какъ строили оны тутъ часовенку
Тому оны Миколы можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:
— Ахъ же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Твоя-та еще есть молода жена
«Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева».
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
— Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною. —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«Итти намъ за чужой-то женой вѣдь за бабьею.
«Какъ мы-то за тобой, доброй молодецъ,
«Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
«Поди-тко ты одинъ, доброй молодецъ,
«А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ скоро шолъ Михайла-онъ Пóтыкъ-тотъ,
А приходилъ въ землю Сарацынскую;
Идéтъ-то онъ къ полаты ко царскіи.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ налила питей она сонныихъ
А тую эту чару зелена́ вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной гóловы,

Digitized by Google

— А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ. —
Какъ тутъ она подходитъ близёшонько,
А клонится Михайлы понизёшонько:
— Ахъ ты молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Силóмъ увёзъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
— Какъ нунечку еще было топеречку
— Межéнный день не можетъ живъ-то быть
— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я да вёдь жúва быть,
— А жúва быть, не могу-то ёсть ни пить.
— Теперь твои уста были печальніи,
— А ты-то вёдь въ великой во кручинушки,
— А выпей-ко съ тоски ты со досадушки
— А нунечку какъ чару зелена́ вина. —
Какъ выпилъ-то онъ чару по другой душа горитъ,
А дру́гу выпилъ, еще третью слёдъ.
Напился тутъ Михайлушка допьяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сыру́ землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бёлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсёки Михайлы буйну голову. —
А говоритъ-то царь таково слово:
«Да ай же ты да Марья лебедь бёлая!
«Не честь-то мнё хвала молодецкая
«А бить-то мнё-ка соннаго что мертваго,
«А лучше пусть проспится, прохмёлится, протверезится,
«А буду бить ёго я вёдь войскомъ-тымъ
«А силушкой своёй я великою.
«Какъ я ёго побью, а мнё-ка будетъ тутъ честь хвала
«По всёй орды еще да селенныи».
Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бёлая

Digitized by Google

Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ ёна да вѣдь пять гвоздовъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пáзухи,
Стащила что къ стѣны-то городóвыи,
Роспялила Михайлу она на стѣну,
Забила ёму въ ногу да гвоздь она,
А въ дрýгую забила другóй она,
А въ руку-то забила ёнà, въ дрýгу такъ,
А пятой-отъ гвоздъ ена обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣлó лицо,
Облúлся-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А бы́ло-то сестрица да рóдная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣны къ городовыи,
А смотритъ: тутъ задёрнута чернáя зáвѣса,
Завѣшанъ тутъ Михайлушко Пóтыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь зáвѣсы отдёрнула,
А смотритъ на Михайлушку Пóтыка.
Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодецъ,
Какъ тутъ ему она воспрогóворитъ:
— Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя́ замужъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тыи отъ смерти безнапрасныи. —
«Да ай же ты Настасья Окульевна!
«А я тебя возьму за себя замужъ».
А клалъ-то ёнъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скорúмъ скорò бѣжала въ кузницу,
Взимала óна клéщи тамъ желѣзныи,

Digitized by Google

Отдирала отъ стѣны городо́выи
А молода́ Михайлушку По́тыка.
Взимала тамъ она съ тю́рьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка По́тыкъ-тотъ,
А утащила тутъ Михайлушку По́тыка
Въ особой-то покой да въ потайныи.
Какъ взяла о́на на́добей здравыихъ,
Скоры́мъ скоро̀ излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
— А набъ-то те́би латы и кольчуги нунь,
— А набъ-то те́бѣ сабля-та вострая,
— А палица еще богатырская,
— А набъ-то тебѣ да добра́ коня? —
«Ай же ты Настасья Окульевна!
«А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь».
Какъ тутъ она да скоры́мъ скоро̀ скорешенько
Приходитъ да ко ро́дному братцу-то:
— Ай же ты мой братецъ родимыи,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А я-то красна дѣвушка нездрава е.
— Ночесь мнѣ во́ снѣ-ви́дѣньи каза́лось ли,
— Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра́ коня,
— А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
— А палицу еще богатырскую,
— Саблю да во третьіихъ вострую,
— Да здра́ва-то бы стала красна дѣвушка. —
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Даваетъ въ третьіихъ саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра́ коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась обладилась,

Digitized by Google

Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отъѣзжала тутъ она на чистó поле,
Говорила-то Михайлушки Пóтыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай еще:
— Приди-ко ты Михайла на чистó поле,
— А дамъ я теби тутъ добрá коня,
— А дамъ теби латы кольчуги вси,
— А палицу еще богатырскую,
— А саблю еще дамъ я ти вострую. —
А отходилъ Михайла на чистó поле,
А пріѣзжатъ Настасья-та Окульевна
На тоё на то на чистó поле
А ко тому Михайлушки къ Пóтыку,
А подоватъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскіи,
А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился тутъ Михайлушка богáтыремъ.
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скоры́мъ скорò,
Приходитъ-то ко рóдному братцу-то:
— Благодаримте тéбя братецъ мой родимыи!
— А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добрá коня,
— А палицу ты мни богатырскую,
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А съѣздила я вѣдь прогуляласе,
— Стала здрáва я вѣдь нуньчу красна дѣвушка. —
Сама она подвы́стала на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоѣмъ на томъ добрóмъ кони.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжатъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тыи полаты ко царскіи;
Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:

Digitized by Google

— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Згубила насъ сестра твоя ро́дная,
— А та эта Настасья Окульевна. —
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущаласе.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушки По́тыку:
— Ахъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
— Не можетъ-то межéнный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, а мо́лодой Михайла сынъ Ивановичъ,
— Не могу-то я вѣдь жи́ва быть,
— Не ѣсть, не пить, не жи́ва быть.
— Какъ топерь твои уста нунь печальніи,
— Печальніи уста да кручинніи,
— А выпей-ко ты чару зелена́ вина
— Со тыи тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великіи. —
А проситъ-то она во слёза́хъ ёго,
А во тыхъ во слёзахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка По́тыкъ-онъ
Занёсъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толну́ла ёна́ ёго по́дъ руку, —
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Наперед отсѣкъ-то Марьи буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву, —
А только-то вѣдь имъ тутъ славы́ поютъ, —
А придалъ-то онъ имъ да горьку́ю смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,

Digitized by Google

А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;
Пошли оны во церковь во Божію,
Какъ приняли оны тутъ златы вѣнци,
Придался тутъ Михайлушка на царство-то.
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежного.

Записано тамъ же, 27 іюля.

53.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54).

А мхи были болота въ помо́рской стороны́,
А гольняя щелья[1]) въ Бѣли́-озери́,
А тая эта зябель въ подси́верной страны́,
А сраны сарафаны по Мо́ши по рѣки́,
Да роструби́сты становицы въ Ка́ргополи́,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигари́нскіе.

А изъ-подъ дуба дуба дуба сы́раго,
А изъ-подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
Да какъ устьёмъ бѣжитъ да во сине́ море,
А во то во сине́ море во Турецкое;
А по той ли по матушки по Во́лги рѣки́
А бѣжало бѣжитъ а тридцать три́ корабля,
А еще тамъ бѣжало бѣжитъ да безъ о́дного,
А одинъ тотъ корабль есть лучше краше всѣхъ.
Да какъ тутъ въ ка́раблю было напи́саноё,

1) *Щелья* — скала; что значитъ *гольняя*, пѣвецъ не умѣлъ объяснить въ точности.

Digitized by Google

Да какъ тутъ въ ка́раблю напеча́таноё,
А написанъ-то носъ-отъ по змѣ́иному,
А корма-то была по звѣ́риному.
Тутъ када́лы[1]) канаты были шёлковыи,
А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
А ты эты коржи́нья[2]) подзоло́ченыи.
Да какъ тутъ было въ томъ ка́раблю
Да младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
А со своима со дружинама съ хоро́брыма,
А хоробрыма дружинама Соловьёвыма,
Ино со своею со ро́дною со ма́тушкою.
Говоритъ тутъ Со́ловей таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинья Соловьёвыи!
«Да слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы́,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте-ко шестики мѣ́рныи вы́,
«А миряйте-ко лу́дья[3]) морски́-то эты́,
«А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны́.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А взимайте въ руки трубоньки подзорніи,
«А глядите вы смотрите славный Кіевъ градъ,
«А тую эту присталь карабельную,
«Чтобы намъ молодцамъ еще попа́сти туда».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны́,
Да попали въ эту присталь карабельную,
А подъ сто́льной-отъ подъ городъ какъ подъ Кіевъ градъ.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ

---

1) Т. е. снасти,— такъ объяснилъ пѣвецъ.

2) *Коржинья*, по словамъ Прохорова, значитъ «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

3) *Луда* — мѣсто, усѣянное подводными камнями.

Digitized by Google

Еще гóворитъ промолвитъ таково слово:
«Ахъ вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинки Соловьёвыи!
«А слушайте-тко бóльшаго й атáмана-то вы,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте перву сходенку вóлжануюо,
«А дрýгую сходенку серéбряную,
«А трéтью еще сходенку краснá золотà,
«А бросайте-ко сходенки на крýтъ бережòкъ».
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьёвыи,
А взимали перву сходенку тутъ вóлжаную,
А другýю сходенку серебряную,
Ино третьюю сходенку краснá золота,
А бросили сходенки на крýтъ бережòкъ.
«А по вóлжаной сходенки вáмъ братцы иттѝ,
«Все моимъ дружинушкамъ хоробрыимъ,
«А хоробрыимъ дружинушкамъ Соловьёвыимъ;
«А по серебрянымъ сходенкамъ мáтушки моёй,
«А по зóлотой сходенкѣ мнѣ-ка иттѝ,
«А млáдому Сóловью сыну Гудíмірову».
Да какъ тутъ Сóловей да сынъ Гудíміровѝчъ
А взимаетъ онъ подарочки великіи,
Да сóрокъ сорокóвъ тутъ чернúхъ соболёвъ,
А мéлкого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
А взимаетъ тутъ флакѝ да замóрскіи камкѝ,
А заморскіи камочки золочéныи,
Да приходитъ онъ къ князю къ Володíмеру,
А вó тую во гридню во столовую.
А крёстъ онъ кладывáе по писáному,
А поклонъ онъ вѣдь вёлъ да по учёному,
А клонится онъ на четúре на всѣ,
А на вси четыре на сторонушки,
А стольнёму князю-то въ осóбину.

Digitized by Google

А здравствуетъ князя тутъ съ княгиною:
«А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
«А со́ своей княгиной со Апраксіёй,
«А со́ своей любимой со племянницей!»
Да какъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
— А здравствуй ты удалый добрый молодецъ!
— Не знаю я тебя ни по имени,
— А знаю что тебя да по изотчинѣ,
— А царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
— Ли король ли ты есть, королевичъ ли,
— Али съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
— Али грозныи посолъ ты ляховитскій бы? —
«Да не царь-то я, да не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«А не изъ тиха́ Дону я донско́й казакъ,
«А не грозныи посолъ я ляховитскій былъ;
«А есть какъ я зъ-за славнаго синя́ моря,
«А я есть младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ.
«А я пришолъ-то къ теби да здѣ докла́дъ держу́,
«А на-ко ти подарочки вели́кіи мои́,
«А на́ ти сорокъ сороковъ моихъ че́рныхъ соболе́въ,
«А ино мелкого звѣрю еще смѣту нѣтъ.
«А на-тко ты княгиня да Опраксія,
«А на-тко ты подарочекъ великіи,
«А возьми-тко ты флаки́ да замо́рскіи камки́,
«А заморскіи камочки золоче́ныи».
А приниматъ-то княгиня да восхва́ливатъ:
— А ты младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ!
— А спасибо за подарочки великіи.
— А не бывать-то зди камки такой во Кіеви
— И не бывать, не бывать да не быва́ть таково́й. —
Да тутъ князь-то еще да стольнё-кіевской
Онъ тутъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
«Ай младъ Солове́й да сынъ Гуди́міровичъ!

Digitized by Google

«А чимъ-то мнѣ-ка тебя жа́ловати
«А за эти подарочки великіи?
«Города ли тебѣ надо съ пригородками,
«Аль села ли тебѣ надо е съ присёлками,
«Али много набъ безсчетной золотой казны?»
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Да ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— А не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
— Да не набъ мнѣ-ка селъ да съ присёлками,
— А не набъ-то мни безсчетной золотой казны,
— А у меня да своей есте долюби.
— А столько ты мнѣ позво́ль-ко ещѐ
— А поставить построить мнѣ-ка три́ терема́,
— А три терема мнѣ златове́рхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— А гди маленьки ребятка да са́йки продаю́тъ,
— А гди сайки продаютъ да гди барышничаю́тъ.—
А говоритъ промолвитъ таково слово
Ино тотъ ли князь да стольнё-кіевской:
«Ахъ ты младъ Со́ловей да сынъ Гуди́мировичъ!
«Куды знаешь туды ста́вь-ко ещѐ,
«А за эти подарки за великіи».
Да скоро Со́ловей тутъ поворо́тъ держалъ.
Приходитъ ко дружипушкамъ хоробрынмъ,
А хоробрымъ дружинамъ Соловьёвынмъ,
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
— А хоробрыи дружинья Соловьевыи!
— А вы слушайте-ко бо́льшаго ата́мана-то вы,
— А скидыва́йте съ себи пла́тьица цвѣтныи,
— А надѣвайте на ся платьица лосиныи,
— А лосиныи платьица звѣриныи,
— Да взимайте-тко топорички булатніи,
— А стройте-то ставьте братцы три́ терема́,

Digitized by Google

— А три терема-то златоверхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— Что верхи бы съ верхамы завивалиси,
— А что къ утру къ свѣту чтобы готóвы былѝ,
— А готовы былѝ мнѣ-ка жи́ть перейти́. —
Какъ эты тутъ дружинушки хоробрыи
Оны слушали-то бóльшаго й атáмана оны̀,
Скидывáли съ сéбе платьица цвѣ́тныи оны̀,
Надѣвали на ся платьица лоси́ныи оны̀,
Да взимали тутъ топорики булатніи,
А ставили строили тутъ три́ теремà,
А три терема да златоверхіихъ,
Что верхи-ты съ верхами завиваются,
А къ утру къ свѣту готóвы оны̀,
А готовы оны да мошно жи́ть перейтѝ.
Да какъ тутъ Соловéй сынъ Гуди́міровичъ
А въ тыи тéремы да сбирáется ѐнъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
А съ хоробрыма съ дружинамы Соловьёвыма,
А со своёй со рóдною со мáтушкою̀.
Да тутъ-то вѣдь у князя Володи́мера
Ино тая-то любимая племянница,
Мóлода Любавушка Забавишна,
Да взимаетъ въ руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокіи,
А смотритъ въ эту трубоньку подзорнюю
А по городу по городу по Кіеву;
А углядѣла усмотрѣла тамъ и три теремà,
А три терема да златоверхіи,
А верхи что съ верхамы завиваются,
Середь города да середь Кіева.
Какъ бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходитъ ко рóдному къ дядюшкѣ,
Еще стольнему князю къ Володимеру.

Digitized by Google

«Да ай же ты мой ро́дной дядюшка!
«Да позволь-ко ты мни да красной дѣвушкѣ
«Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
«Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу».
Да онъ-то вѣдь на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ай же ты да моя любимая,
— Ай любимая любима племянничка!
— А сходи-тко ты прогуля́йся тудà. —
Ино тутъ эта любима племянница,
Да скоры́мъ-то скорò, скорò скорёшенько,
Да вѣдь тутъ-то она да сокруча́лася,
А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
Да къ первому къ те́рему подхо́дитъ онà,
Ино въ томъ терему́ да шопотко́мъ говорятъ,
А тутъ-то Соловьёва родна матушка
Да какъ молится-то Господу Бо́гу онà.
Да къ дру́гому къ те́рему подхо́дитъ онà,
А тая-то любимая племянница,
Ино въ томъ терему́ да тамъ-то стукъ да гремъ.
А тутъ-то Соловьёвыи дружинушки
Тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гуди́мірова.
Да какъ къ тре́тьему къ те́рему подхо́дитъ онà,
Ино въ томъ терему́ да младъ сидитъ да Со́ловей,
А младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьёвыма,
А на тоёмъ стулѣ золочёноёмъ,
А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поютъ,
Во музы́ки да во скрыпочки найгрываютъ.
Да какъ тутъ эта любимая племянница
Да подходитъ она къ ему ближе́шенько

Digitized by Google

А клонится она понизёшенько:
«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гудіміровичъ
«Со своима со дружинамы съ хоробрыма!»
Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
— А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
Да тутъ-то она къ ему спрогóворитъ:
«Ай ты младъ Соловей да сынъ Гудіміровичъ!
«А возьми-тко меня ты за себя́ замужъ».
— Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвушка въ любовь пришла,
— А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
— А сама ты сéбя дѣвка просвáтываешь.
— А твое бы-то дѣло да не этта[1]) быть,
— А не этта быть, да дома жить,
— А дома-то жить да ти коровъ кормить,
— А коровъ-тыхъ кормить да ти телятъ поить. —
А тутъ стало дѣвки не любёшенько,
Не любёшенько не хорошохонько,
А стало тутъ дѣвушки похабно ёй.
А тутъ скоры́мъ скорò, скорò скорò скорешенько,
А дѣвушка она да поворотъ держитъ.
А на то младъ Соловей да сынъ Гудіміровичъ
Ино на то да не сердился есть,
Да скоры́мъ-то скорò, скорò скорешенько,
А тутъ слѣдъ-то онъ шолъ больши́мъ сватомъ,
Да приходитъ онъ къ князю Володимеру,
Ино вó тую въ гридню во столовую,
Да онъ-то вѣдь ёмý тутъ докладъ держитъ:
— А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
— А сó своей съ княгиной со Опраксіей,
— А сó своей съ любимой со племянницей,
— А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
Какъ онъ-то ёго вѣдь здравствуе:

1) *Этта* — здѣсь.

Digitized by Google

«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гудíміровичъ!
«А ты зачѣмъ зашолъ да здѣ доклáдъ держишь?»
— Да я зашолъ-тò да здѣ доклáдъ держу
— А о добромъ дѣлí здѣ о свáтовствѣ.
— Да есть у тя любимая племянница,
— А нельзя ли-то отдать да за меня́ замýжъ? —
Да какъ сдѣлали оны тутъ рукоби́тьицо,
Да просваталъ тутъ-то князь да стольнё-кіевской
А ту эту любимую племянницу
А за млада Со́ловья сына Гудíмірова.
А какъ шли оны во церковь тутъ во Божію,
Да тутъ приняли они да что ль златы вѣнцы,
А младъ Со́ловей да сынъ Гудíміровичъ
А съ мо́лодой Любавушкой Забавичной.
А какъ тутъ-то скоры́мъ да скорёшенько
Да завіяла пошла да тутъ-то по́витерь [1])
По тому-то да синю́ морю,
Да тутъ младъ Со́ловей да сынъ Гудíміровичъ,
А скорбы́мъ-то скорò да онъ скорёшенько,
А тутъ-то со княземъ роспрощается,
А самъ на ка́рабли да онъ сбирается
А съ той молодой Любушкой Забавишной,
Да со сво́има со дружинамы съ хоробрыма,
А со сво́ей со ро́дною со ма́тушкою.
Какъ тутъ на карабли да собираются,
Обираютъ тутъ оны да три те́реми *(такъ)*,
Ино три терема́ да златоверхіихъ,
А на тыи на эты да на ка́рабли.
А поѣхалъ онъ тутъ да вѣдь домо́й еще,
А домой-то домой да въ свою сторону,
А за славное за славно за синё море.
А началъ тутъ онъ да жить-то быть,

1) Т. е. попутный вѣтеръ.

Digitized by Google

А жить-то быть да семью́ сводить,
А семью сводить да дѣтей наживать.
А сталъ-то онъ тутъ по здоровому,
А сталъ-то онъ да по хорошему.

Записано тамъ же, 26 іюля.

54.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 57).

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ,
А чтобы тутъ еще да всяко званье-то
А шло бы да къ Василью на почестный пиръ.
Какъ тутъ-то мужики-ты новгородскіи
Приходятъ къ Васильюшку Буславьеву
А на тотъ-то на почестный пиръ.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
А началъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
А тыихъ мужиковъ да новгородскіихъ, —
Какъ взялъ-то онъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ подскочилъ Васильюшко къ малому къ упавому[1]) Потанюшкѣ,
Какъ ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
Ударилъ онъ его тутъ черны́мъ вязомъ, —
Стоитъ-то тотъ Потанюшко не стря́хнется,
А жолтыи кудёрка не сворохнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ ёго Потанюшку въ большой уголъ,
А во большой уголъ еще за большой-отъ столъ,
Кормилъ поилъ Потанюшку да досыти,

1) *Упавый* — красивый.

Digitized by Google

А досыти Потанюшку да до́пьяна.
Опять-то взялъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ тутъ скоро́ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то Васильюшко да Ѳомушку,
Толстого Ѳо́му благоуродлива;
Стоитъ тутъ Ѳо́ма да вѣдь не стря́хнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ онъ и Ѳо́му за большой-отъ столъ,
За большой его столъ во больше́й уголъ,
Кормилъ поилъ еще онъ Ѳомушку
А досыти его и допьяна.
Роздра́жилъ онъ мужиковъ новгородскихъ-тыхъ;
Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
А тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
«А сдѣламте робята свой почестной пиръ,
«Не позовемъ-то мы Василья да Буславьева».
Какъ тутъ оны Васильюшка не по́звали.
Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
А скоро молодецъ онъ отправляется,
Скоро ёнъ удалый снаряжается,
А со тыма́ дружинамы съ хоробрыма,
Съ малыимъ съ упавыимъ съ Потанюшкой,
Съ толсты́мъ еще съ Ѳомо́й благоуродливымъ.
Какъ приходитъ Василей на почестной пиръ
А къ тыимъ мужикамъ да къ новгородскіимъ,
Воспромо́лвятъ мужики тутъ таково слово:
«А не́ званому вѣдь гостю здѣ мѣста нѣтъ».
Говоритъ Василей таково слово:
— А званому-то гостю много чести набъ [1]),
— Незваному-то гостю какъ и Бо́гъ пришле. —
Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,

1) *Набъ* — надобно.

Digitized by Google

За большой вѣдь столъ да во большóй уголъ,
А оны ѣли пили тутъ и кушали.
Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то[1]),
Да набъ-то мужикамъ ёгò концать[2]) еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорятъ промолвятъ таково слово:
«Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
«Попишемъ-ко съ тобой мы да пóписи,
«Поположимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
«А съ утра намъ да ранúмъ ранёшенько.
«На тотъ на мосточикъ на Волховой,
«А бýдёмъ стáнёмъ драться мы ратиться
«А мы съ тобой съ удáлыимъ со молодцомъ,
«Съ толстúмъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ,
«Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
«Чтобы ты съ утра да былъ ранёшенько,
«Шолъ бы на мосточикъ на Волховой
«А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма».
Какъ тутъ оны наѣлиси, напилиси,
Какъ вси оны тутъ накушались,
Стали тутъ они да пьянёшеньки,
А сдѣлали большо тутъ рукобитьицо;
Тутъ-то розошлись до ýтра бы.
Прознала это дѣло тутъ Васúльёва матушка,
Пало тутъ еще къ ей извѣстьицо,
Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы съ хоробрыма
А на тоѣмъ мосточику на Волховомъ.
Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
Ко своей ко рóдной ко матушкѣ,
Ко честнóй вдовы къ Офимьѣ къ Олександровной.

---

1) Т. е. задорно.
2) Т. е. съ нимъ покончить.

Digitized by Google

Какъ тутъ эта Васи́льёва матушка
Положила спать во погребы глубокіи,
Замнула молодца его во по́гребы.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ,
Прошла-то тая ночка тутъ темная,
Приходитъ-то день тутъ да свѣтлыи.
Какъ ты эты дружинушки хоробрыи
Ставаютъ-то по утру ранешенько,
Умываются да бѣлёшенько,
А трутся-то миткалиновымъ полотенушкомъ,
А знаютъ-то что у ихъ е подѣлано.
Какъ скоро шли на мосточикъ на Волховой,
Какъ начали оны тутъ биться ратиться
Съ тыма́-то мужикамы съ новгородскима.
Какъ день бьются они не ѣдаючи,
А другой-то ёны не пиваючи,
Отдо́ху молодцамъ не даваючи,
И третій день нача́ли-то биться тутъ,
Какъ третій день оны тутъ, третью ночь;
Какъ тутъ-то у дружинушки хоробрыи
Стали у ихъ головушки были переломаны,
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тутъ головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
Спитъ онъ молодецъ тутъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то дѣвка-та была придворная,
Выходитъ-то на рѣченку Волхово,
Выходитъ за водой съ водоносомъ-то
А смотритъ на дружинъ-тыхъ хоробрыихъ,
На малаго упаваго Потанюшку

Digitized by Google

А на толстá еще Ѳому благоуродлива, —
А у ихъ все головки нереломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тутъ перевязаны.
Какъ скоро тутъ она да скорымъ скоро
Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
А по тому замку по булатнему;
Отпалъ тутъ замокъ на сыру землю,
Ростворила да она дверь тутъ дубовую.
Прошли-то вѣдь тутъ трои суточки.
Ото сну богáтырь пробуждается,
Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
Крычитъ-то тутъ вѣдь дѣвка громкимъ голосомъ:
— Да ахъ ты сынъ Василій е Буслаевъ былъ!
— Спишь ты молодецъ, самъ проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробрыихъ,
— У ихъ какъ головушки были переломаны,
— Розбитыи, платкамы перевязаны. —
Какъ тутъ ото сну богáтырь пробуждается,
На улицу самъ онъ помётáется,
Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкíи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
А ухвáтилъ-то ось телѣжную желѣзную,
Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
Какъ ино тутъ-то онъ воспрогóворитъ:
«Ай мóи дружинушки хоробрыи!
«Ай укротите вы да сердце богатырское,
«Я теперь за васъ нынь пороботаю,
«А подьте-тко вы братцы на отдóхъ-то нынь».
Какъ тутъ пошли дружинушки хоробрыи,
Тутъ они пошли да на отдóхъ-то е.

Digitized by Google

Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
Той-то осью да телѣжной желѣзною,
Куды ма́хнетъ — тутъ станутъ да улицы,
А перема́хнетъ — туды да переулочки.
Какъ началъ тутъ Васильюшко робо́тати,
Какъ видятъ тутъ мужики что бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
Какъ тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
Какъ бы намъ еще да супротивиться?
Какъ тутъ-то вѣдь оны да еще пошли, —
А былъ тамъ жилъ еще въ мона́стыри
Старчи́ще тамъ жилъ перегри́мище, —
Какъ приходятъ мужики-ты новгородскіи,
Клонятся самы́ ёму молятся:
— Ай ты старичищо есть перегримище!
— Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
— Дадимъ те мы чашу красна золота,
— А дру́гую дадимъ да скачна жемчугу,
— Третьюю еще да чиста се́ребра. —
На то-то вѣдь ужъ онъ да укидается,
Позвался-то онъ вѣдь да за ихъ пошолъ
А ѣхать-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
Навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ,
Навалилъ онъ къ себѣ да на го́лову,
А садился тутъ онъ на добра́ коня,
Какъ ѣхалъ онъ ко риценки Волхову,
Ко тому мосточику ко волховску,
А заѣзжаетъ на мосточикъ онъ на Волховой,
Самъ крычитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да ахъ же ты Васильюшко Буславьевичъ!
«Малолѣтно ты дитя не запурхивай[1]),

1) Т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

Digitized by Google

«Прямоѣзжеей дорожки не заваливай».
Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да мой крёстный батюшко,
— А старчи́що ты былъ есть перегри́мище!
— Не далъ ти яичко о Христови дни,
— Дакъ дамъ я ти яичко о Петрови дни. —
Какъ скоро тутъ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то онъ осью въ колоко́лъ-то былъ,
А розвалился тутъ колоколъ на дви стороны;
А въ дру́гихъ переправилъ ёго й въ голову,
Спихнулъ ёго во риченку во Волхово,
Съ тыимъ спихнулъ да со добры́мъ конёмъ.
Какъ видятъ мужики что тутъ бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла да неминучая,
Какъ тутъ оны опять да скоро думали,
Бѣжали тутъ къ Васильёвой да матушки,
Говорятъ промолвятъ таково слово:
«Да ахъ же ты Васильева да ро́дна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Повыручи отъ смерти безнапрасныи».
Какъ тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна
Скоры́мъ скоро̀, скоро̀ да скорешенько,
Бѣжала на мосточикъ-то на Волховой
Въ тонки́и бѣлыи рубашечки безъ пояса,
Въ тонки́ихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
Заходила на мосточикъ на Волховъ-тотъ,
Скочила сзади-то къ Василью на могучи́ плеча,
Закрычала тутъ она во всю голову:
— Да ахъ же ты дитя моё милоё,
— Ай же ты да чадо любимоё,
— А молодой Васильюшко Буславьевичъ!
— Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
— А укроти ты сердцо богатырское,
— Полно бить те мужиковъ новгородскіихъ,

Digitized by Google

— Оставъ ты мужиковъ хоть на сѝмена. —
«Ай же ты моя родна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты была вѣдь матушка догадлива,
«А ладно ты вѣдь матушка удумала,
«Скочила ты на плечи да сза̀ди мня.
«А бы въ торопяхъ есть въ озарности
«Убилъ бы тя старушку не за что-то я.
«Да нунь же, моя матушка, послушаю,
«Когда просишь ты меня добра мо́лодца,
«Я вѣдь нуньчу матушку послушаю».
Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Съ толстѝмъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ
А съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь на чисто́мъ поли
Пустая голова человическая.
Какъ тутъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ
Скоро къ головы онъ подскакивалъ,
А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
Пинӯлъ онъ эту голову Васильюшко, —
Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачью,
Пала голова тутъ на сыру землю,
Сама она ёму тутъ воспровѣщила:
«Да ахъ же ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Почему жъ меня заразилъ топерь?
«Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
«Да никто-то меня вѣдь не пинывалъ,

Digitized by Google

«Да никто же какъ меня тутъ не ранивалъ,
«Какъ ты-то вѣдь ужъ нунь пинулъ, заразилъ меня.
«Какъ будешь ты гулять во чистóмъ поли,
«А не забудь-ко ты этого помистьица[1]),
«Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
«Посмотри ты на меня на безсчастну головушку».
Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чистóмъ полѣ
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
Пошолъ назадъ туды да обратно бы
Этымъ путемъ да дорогою.
Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстьицу,
Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
Какъ смотритъ-то еще—вѣдь стала тутъ гора каменная.
Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
Какъ на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
А кто-то тутъ черезъ гору перéскочитъ,
Перескочитъ черезъ гору три́ разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перéскочитъ,
Тотъ будетъ трою́ проклятъ на вѣку-то былъ.
Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ, —
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Скочилъ-то онъ черезъ гору каменну.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи,
А маленькой упавенькой Потанюшка
И толстый Ѳома благоуродливый,
Скакали-то оны да е со ра́товьёмъ[2]).
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
Да скочилъ назадъ еще черéзъ гору,

1) Т. е. этого мѣста.
2) Т. е. съ жердью, которая имъ служила опорою.

Digitized by Google

Да скочилъ онъ Васильюшко назадъ-пятъ [1]) былъ,
Какъ тутъ-то вѣдь Василей сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
За тую гору да за каменну,
Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
Вничъ [2]) его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горькáя смерть.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи
Скакали они три разý о рáтовья.
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи
Копали тутъ-то яму на чистóмъ поли
А роспростилисе съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
Спустили какъ тутъ ёго во матушку сыру землю.
Только тутъ Васильюшку славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

XIII.

ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, крестьянинъ дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокій, старообразный, слѣпой съ 5-лѣтняго возраста. Ему теперь 50 лѣтъ отъ роду; живетъ онъ частью тѣмъ, что плететъ сѣти, лапти, кошели, частью подаяньемъ, которое собираетъ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, распѣвая духовные стихи. Кромѣ стиховъ онъ знаетъ и нѣсколько былинъ, пѣніе которыхъ впрочемъ не составляетъ для него источника дохода, какъ пѣніе духовныхъ стиховъ. Былинамъ этимъ онъ научился въ молодости отъ слѣпаго калики Петра Степановича

1) *Назадъ-пятъ* — назадъ пятами, т. е. обернувшись не лицомъ, а спиною (такъ объяснилъ Прохоровъ).

2) Т. е. навзничь.

Digitized by Google

Мѣщанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольскаго уѣзда, на Онегѣ-рѣкѣ). По словамъ Фепонова, этотъ калика Мѣщаниновъ зналъ *семдесятъ* былинъ. Фепоновъ былъ лично извѣстенъ г. Рыбникову, который его встрѣчалъ на Шунгской ярмаркѣ и записывалъ духовные стихи, которые онъ тамъ пѣлъ. Съ его же словъ записана г. Рыбниковымъ одна былина. Въ сборникѣ г. Рыбникова онъ значится подъ именемъ «слѣпаго Ивана».

55.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й народился младъ Вольга̀ Всеславьевичъ;
А й рыбы-ты сбѣжали въ глубоки́ станы,
А й птици-ты слетѣли во темны́ лѣса,
А й звѣри-ты сбѣжали за Тугѝ горы.
А й возросъ тутъ молодой Вольга̀ да сынъ Всеславьевичъ,
Подбираетъ вѣдь дружину сорокъ тысящей.
Когда тыи ли купци да вси вѣдь бо́яра
Изъ того ли изъ Турѝнца славна города
А й платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й не стали-то вносить да дани пошлины.
А й тутъ ли-то Вольга̀ Всеславьевичъ
А й справляется тутъ Во́льга снаряжается
Со своей дружинушкой хороброю,
Во Турѝнецъ городъ во Орѣховецъ.
А ѣдетъ-то Во́льга день до вечера,
Слышитъ ратоя да въ поли пашучись,
А и сошечка у ратоя поскрыпыватъ,
А и ратой во чисто́мъ поли посвистыватъ,
А й на со́лову кобылу онъ погукиватъ.

Digitized by Google

А й онъ дру́гой день ѣдётъ до вечера,
А у ратоя-то сошика поскрыпыватъ,
Ратой во чистомъ поли посвистыватъ,
А й на со́лову кобылу онъ погукиватъ.
Это третей день и́дётъ до вечера
Тотъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
Со своей ли онъ дружиной со хороброю,
Наѣзжаетъ-то онъ въ поли стара ратоя,
Того ли Микулу да Селя́гиновича:
«А Богъ теби помочь да ста́рыя старикъ,
«Ай Микула Селя́гиновичъ!»
И тотъ ли-то Микула да Селя́гиновичъ
И пашетъ на кобылы онъ на со́ловой,
Дубья колодья всѣ въ бо́розду валѝтъ.
Воспрого́воритъ тутъ Во́льга таково слово:
«Ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
«А й твоя кабы кобыла да конемъ была,
«А далъ бы за коня теби пятьсотъ рублей».
Говоритъ ему Микула Селя́гиновичъ:
— Мо́лодой ты Во́льга княженецкой сынъ!
— А й кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу цѣлой тысящи.—
Говоритъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Ай куда же те́перь Во́льга путь дёржишь
«Со своею со дружинушкой хороброю?»
Ай зго́воритъ тутъ Во́льга таково слово:
— Ай же ты вѣдь ста́рыя старикъ,
— Ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А й поѣхалъ со дружиной со хороброю
— Брать-то я Турѝница вѣдь города Орѣховца.—
Говоритъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Молодой ты Во́льга Всеславьевичъ!
«Не взять тебѣ Турѝница да города Орѣховца.
«Былъ я третіёго дни въ Туринициі въ городѣ Орѣховци,—

Digitized by Google

«Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
«Зафальшивили мою да золоту казну,
«Почитали за гроши они за мѣдныи,
«А й за мѣдныи гроши да за фальшивыи».
Воспрогóворитъ тутъ Вóльга таково слово:
— Старый ты мой дядюшка да вѣдь Микулушка!
— Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помочь,
— Брать Туринца города Орѣховца. —
Это тутъ-то вѣдь Микулушка Селя́новичъ
А поѣхалъ-то Микула а за Вóльгой вслѣдъ.
А й Микулина кобыла да ступкомъ идётъ,
А й Вольги́ны кони во весь духъ бѣжатъ.
Пріѣзжали близъ Тури́ница да города Орѣховца.
А тыи мужики да вѣдь орѣховци
А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыихъ
А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
Потопили много силы да Вóльгиной.
А й тутъ ли-то Вóльга Всеславьевичъ
Заѣзжае во Туринецъ съ своимъ дядюшкой.
Оны много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,
Покорили розорили Туринец-отъ городъ Орѣховецъ.
Это скоро Вóльга поворотъ держитъ,
А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.
Заѣзжаетъ Вóльга на широкой дворъ,
А й сходитъ онъ да со добрá коня,
А й заходитъ Вóльга во высокъ теремъ,
А это тутъ Вóльга опочивъ держитъ.
Эта тая-та поѣздка тымъ рѣшиласи.

Записано въ Шалѣ, 28 іюля.

Digitized by Google

56.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РОЗБОЙНИКЪ.

А й первая поѣздка Ильи Муромца
А отъ того ли-то отъ города отъ Муромля,
Изъ того ли-то села изъ Карачакова.
А й справляется удáлый снаряжается,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
А й во стольнёй во славный во Кіевъ градъ,
А й ко ласкову князю на почестной пиръ.
А й приходитъ-то Ильюня во Божью́ церковь,
А й ко тыи заутрени ко раннею,
А й налагаетъ вѣдь Илья на сéбе заповѣдь,
А й заповѣдь Илья себи великую:
Чтобы ѣхать вѣдь Ильюшѣ да во Кіевъ градъ,
А й не красть бы-то Ильюшѣ да не вóровать,
Не укинуться на прелесть бы на женскую,
А й не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,
А й не кровавить бы да стрѣлочекъ каленыихъ,
А ѣхать бы дорожкой прямоѣзжею
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
И онъ справляется Ильюша, снаряжается,
А й обуваетъ-то Илья да черны чоботы,
А одѣваетъ-то онъ платьица дорожныи,
Надѣваетъ на головку пухово́й кивёръ,
А обкольчужился Ильюша, онъ облатился.
А й уздае сѣдлае коня добраго,
Налагае вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагае вѣдь онъ войлоки на войлоки,
Полагаетъ онъ сѣделышко черкальское.
Это туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А й самъ-то онъ Илья да выговаривалъ:
«А не для-ради красы басы, братцы, молодецкія,
«А для укрѣпушки-то было богатырскіи».

Digitized by Google

А й беретъ-то вѣдь Илья свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то Илья саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ палицу военную,
А й выходитъ-то Илья да на широкой дворъ,
А й садился Илья на добра́ коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ къ городу Бекешовцю;
А окóлъ ли того да города Бекешовца
Стоитъ много множество поганыихъ татаровей.
А заѣзжаетъ-то Илья да во Бекешевъ градъ,
И это началъ онъ по улочкамъ побѣгивать,
А это началъ про дороженку розспрашивать,
А заходитъ-то Илья да во Божью́ церковь.
А собиралисе вси му́жики бекешовци
А во тую-то во церковь во соборную,
А всѣ каются оны́ да причащаются,
А й къ смерти оны всѣ да зготовляются.
А тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ
А онъ глаза-ты вѣдь креститъ да по писа́ному,
А й поклонъ-то онъ ведетъ да по учёному,
А й на вси стороны Ильюша поклоняется,
А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
«Ай здравствуйте вси мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А й черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи,
«А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
«А черезъ тое вѣдь поселье Соловьи́ноё».
Говорятъ-то вѣдь мужики бекешовци:
— А не можемъ показать да мы дорожки прямоѣзжія.
— А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
— Наступило много вѣдь поганыихъ татаревей. —

Digitized by Google

Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
А й выходитъ-то Ильюша со Божьёй церквы,
А й садился-то Ильюша на добра́ коня,
Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
Вырываетъ онъ дубинку въ три обо́ймени.
Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
А й прибилъ пригубилъ до еди́ной головы́,
А дубинку на лози́нки всю поро́сщолкалъ.
Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
«Ай же вы мужики бекешовцы!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ!»
А воспрого́ворятъ тутъ мужики бекешовцы:
— Ай же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А й живи-ко ты у насъ да воеводою,
— А береги́-тко городъ нашъ Бекешовецъ! —
А воспрого́воритъ Илья да таково слово:
«А й не буду вѣдь я жить да воеводою,
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую».
А это тутъ-то мужики бекешовци
А насыпа́ли онѣ чашу красна золота,
А другую насыпали чиста се́ребра,
А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тутъ Ильи да во подарочкахъ.
А й не беретъ Илья да злата серебра,
А й не мелкаго скатнаго жемчуга.
А й говорятъ да мужики да тутъ бекешовци:
— Ай же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,
— А заросласи тутъ дорожка да темны́мъ лѣсомъ.
— А на той-то на пути да на дороженки,

Digitized by Google

— А у той-то вѣдь у грязи да у Черные,
— А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
— А сидитъ Со́ловей розбойникъ онъ Рахме́нтовичъ,
— А сидитъ Со́ловей-то онъ да на семи дубахъ,
— Это въ во́сьмыи бере́зищи покляпыи.
— А засвищетъ онъ да по змѣиному,
— Закрычитъ ли-то онъ по звѣриному,
— А жолты́ пески со кряжиковъ посыплютсе,
— А темны́ лѣсы къ сырой земли приклонятсе,
— А побьетъ-то онъ тебя своимъ голосомъ. —
А й воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
«Ай же вы мужики бекешовци!
«А й покажите вы до́рожку прямоѣзжую».
А й показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
А й садился тутъ Илья да на добра́ коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучись.
А не буйныи-ты вѣтры тутъ завѣяли,
А поѣхалъ тутъ уда́лой доброй молодецъ
Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
А й прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темны́мъ лѣсамъ,
А й ко тые грязи да ко Черные,
А розвалилисе тутъ мостики дубовые,
А больше тутъ Илью не ѣхать не́куды.
А спущался тутъ удалый со добра коня,
А ведетъ коня-то онъ на поводи,
А й правою рукой дубья колодья рветъ,
А про себя Ильюшенка онъ мостъ моститъ,
И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать верстъ.
А й садился-то Илья да на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черниговской,
А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьиное.
А сорываетъ онъ Илья да маковъ листъ,

Digitized by Google

А затыкаетъ онъ Илья да уши въ го́ловы.
А увидѣлъ его Со́ловей розбойникъ да Рахме́нтовичъ,
А й закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣриному,
А свистнулъ-то онъ по змѣиному,
А ино мать сыра земля продрогнула,
А со кряжиковъ песочики посыпались,
А во рѣченки вода вся помутиласи,
А темныи да лѣсы приклонилисе,
А богатырской конь да на колѣнка палъ,
А й молодой Илья одва съ коня не палъ.
А бьетъ-то онъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
«Ай волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«А по́ лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
«А й воронинаго ты крику ты не слыхивалъ?»
А подъѣзжаетъ онъ вѣдь къ кустику ракитову,
Вынималъ Илью́нюша ножи́що да кинжалищо,
А вырубилъ онъ стрѣлочку ракитову,
А й натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракитову,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариватъ:
«А ты лети, моя стрѣла, не въ тёмной лѣсъ,
«А ты лети, моя стрѣла, да не въ чисто́ полё,
«А й лети ты Со́ловью ему въ право́й-отъ глазъ,
«А вылетай-ко ты стрѣла да во лѣво́ ухо!»
А стрѣли́лъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракитову,
А й пала стрѣлочка розбойнику во правой глазъ,
А вылёта́ла-то она да во лѣво́ ухо.
Покатился онъ оттуда что овсяный снопъ;
А беретъ его Илья да за бѣлы́ руки,
А вязалъ-то къ стремени да ко булатніи,
А повёзъ-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
Пріѣзжае ко поселью къ Соловьиному,
Увидали-то Илью да его дѣтушки:
— Татенька-тотъ ѣдетъ, мужика везетъ. —

Digitized by Google

А взглянула-то его да молода жона:
— Мужик-отъ ѣдетъ, Соловья везе. —
А тутъ-то дочка его бо́льшая
А выбѣгала-то она да на широкій дворъ,
А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
А хочетъ-то ударить Илью въ голову;
А поворотушки-ты были молодецкіи,
А знаетъ онъ пошибки вси дѣво́чьіи,
А пинаетъ-то дѣвку Илья по́дъ гузно,
А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлы́мъ грудямъ,
А улетѣла тутъ дѣвка за широкій дворъ.
А й говорилъ тутъ онъ розбойникъ таково слово:
«Ай же ты моя да молода жона,
«Ай же вы мои да малы дѣточки!
«А й насыпайте три телѣги злата се́ребра
«А й старому каза́ку Илью Муромцу,
«А й просите-тко меня да на свою́ волю».
А не беретъ Илья да не злата ни се́ребра:
— А й твой животъ да есть неправедёнъ. —
А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
И ко тому ко князю ко Владиміру.
А пріѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
И поспѣлъ вѣдь тутъ Илья ко тые ко обѣдени ко поздные.
А й становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
А вязалъ коня къ столбу точеному
А й ко тому кольцу ко золоченому.
А й приходитъ-то Илья да во Божью́ церковь,
А й ко тыя обѣдени ко поздные,
А онъ крестъ-то сложилъ да по писа́ному,
А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
И отстояли оны поздную обѣденку.
А на вси стороны Илья да поклоняется,
А князю со княгиною въ особину.
А й солнышко Владиміръ стольнё-кіевской

Digitized by Google

А зоветъ-то князей да на почестной пиръ
А сильніихъ могучіихъ богáтырей.
И заходили тутъ во гридню княженецкую,
А й въ княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовыи
А за тые ли за скатерти за браные
А за тые ли за ѣствы за сахарніи,
И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
А й бѣлаго лебедя порушати.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А самъ онъ на Ильюнюшку посматриватъ,
А й таково слово князь да выговариватъ:
«Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
«А й коёй ты орды да коёй земли,
«А й какъ-то тебя зовутъ по имени,
«А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
А воспрогóворитъ Илья да таково слово:
— Ай же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А я естé изъ города изъ Муромля,
— А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
— Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Иваповичъ. —
А й воспроговоритъ Владиміръ таково слово:
«А й когда же ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
— А сёгоднёшняго дня простоялъ я ранныи заутрены,
— А поспѣлъ я сюда ко тыи ли ко обѣдени ко поздныи.—
А говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ай же ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
Згóворитъ-то вѣдь да таково слово:
— А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
— А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
«А видалъ ли ты у рѣчки у Черниговской,

Digitized by Google

«А видалъ ли ты розбойника Рахментьева?»
А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
— А привёзъ я розбойника его сюды,
— А теперь розбойникъ-то у стремены́ виситъ. —
А приказалъ-то вѣдь Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской,
А й приводилъ его Ильюня на почестный пиръ.
Зго́воритъ тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай ты Со́ловей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бо́льшею прогла́сицой,
«А закрычи-тко ты да по звѣриному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣиному».
Воспрого́воритъ розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не твоё ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й прикажи-ко закрычать да ты розбойнику».
Воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
— Ай ты Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижніимъ. —
Это Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижніимъ,
А й маковки со теремовъ посыпались,
А хрустальніе околенки розлопали,
А всѣ ли заходили окаракою,
А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу́ онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:
«Положу я тя во Кіевъ градъ да воеводою».
А й говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— Ай положишь ты меня да воеводою,

Digitized by Google

— А всѣ будутъ во Кіеви отъ меня вóяти [1]),
— А сердцо мое да есть розбойницко. —
А й говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнё-кіевской:
«А положу я тебе въ манастырь Благовѣщенской строителёмъ».
А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строитель я буду, манасты́рю розоритель вѣдь. —
А й беретъ его Илья за тыи ли за рученки за бѣлыя,
А выводитъ-то Илья да во чистó полё,
А й привязалъ-то вѣдь Илья его на сы́рой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
Накладáетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлилъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А й полно тутъ розбойнику розбойничать!
Это первая поѣздка Ильи Муромца,
А по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

57.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почестной пиръ,
А на многія на князи да на бóяра.
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почестной пиръ
А сильніихъ могучіихъ богáтырей.
А приходитъ-то Ильюша да не званый онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнё-кіевской

1) Т. е. выть.

Digitized by Google

Засадить его туда да во глубокъ погрёбъ
А поморить его смертью голодною.
А сильніи кіевски богáтыри
А розсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь садились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чистó полё,
А й во тое роздолье во широкоё:
«А й не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіеви,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру».
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька.
А малешенька-та дочка молодéшенька,
Во-потай берé ключи у своей матери
А отъ тыхъ ли-то отъ пóгребовъ глубокіихъ;
Составляетъ[1]) она хлѣбъ да Ильи Муромцу.
А й проходило вѣдь тутъ времени ровно трй году;
А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Кáлинъ царь,
А собираетъ онъ дружинушку хоробрую,
А собираетъ онъ себѣ да вѣдь многó царей,
А мнóго-то царей да много кóролей,
А собрали силы оны смѣту нѣтъ,
А поѣхали ко стольнёму ко городу ко Кіеву,
А на тую ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
А хочутъ взять оны княгину да Опраксію,
А покорить себѣ-ка оны Кіевъ градъ.
Становилась эта сила близко Кіева,
Близко Кіева стоитъ да во чистóмъ поли.
Кáлинъ царь а посылаетъ онъ поганаго татарина
А й со тымъ пйсьмомъ со посольніимъ,
А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты поганыи татарищо!
— Знаешь говорить да ты по русскому,

1) Т. е. доставляетъ,— такъ объяснилъ пѣвецъ.

Digitized by Google

— А мычать про себя да по татарскому?
— А й снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владиміру.—
А тутъ татаринъ да поганыи
А садился скоро на добра́ коня,
А получаетъ онъ письмо да къ себѣ на́ руки,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову князю ко Владиміру.
Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
А черезъ тую ли-то стѣну городо́вую,
А заѣзжаетъ онъ къ князю́ да на широкій дворъ.
А й вязалъ коня къ столбу точоному
А й ко́ тому кольцу да къ золочоному,
А й приходитъ онъ въ покои княженецкіе,
А онъ глазъ-то не крести́тъ, Богу не молится,
А не даетъ-то онъ чести Владиміру,
А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
«А й прочитай-ко ты письмо, Владиміръ князь!»
А онъ смотритъ, во письмѣ да есть написано,
А проситъ-то у князя да Ка́линъ царь
А й славнаго города да Кіева,
Да обручныя княгины да Апраксіи,
А безъ бою-то безъ драки безъ великіи
А безъ большого-то такого кроволитія.
А закручинился тотъ князь да запечалился
Это той тоской печалью онъ великою:
— А розсердѣлъ-то я теперь бога́тырей
— А стараго каза́ка Илью Муромца
— А засадилъ-то его во глубокъ погрёбъ,
— А й поморилъ его сме́ретью голодною, —
— А некому стоять буде за Кіевъ градъ. —
А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
А й говорила-то она да таково слово:
«Ай же ты родитель ты мой папенька!

Digitized by Google

«А слышала во церкви во писаніи,
«А старому казáку на бою смерть не уписана,
«И голодная смерть не уписана.
«А бери-тко князь ты золоты ключи».
А беретъ-то князь да золоты ключи,
А отмыкаетъ-то вѣдь князь да глубокóй погрёбъ,
А во погреби Ильюнюшка живой сидитъ,
А й горитъ у Ильюни воскова свѣча,
А читаетъ онъ вѣдь книгу да Евангельё.
А извиняется тутъ князь да стольнё-кіевской
А старому казáку Илью Муромцу:
— А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
— А посадилъ я тя во погребы глубокія,
— А хóтѣлъ пóморить смертью голодною,
— А еще вѣдь ты Ильюнюшка да живъ вѣдь есть.
— А не знаешь ты незгодушки великія:
— А ко славному ко городу ко Кіеву
— Наѣзжалъ-то тутъ поганыи воръ Кáлинъ царь,
— А собрана дружинушка многó царей,
— А мнóго царей-то собралъ, много кóролей,
— А пóдобрано силы у ихъ смѣту нѣтъ,
— А все сильніи могучіи татарева.
— А не мошь ли постоять да ты за Кіевъ градъ,
— А за матушку стоять да свято-Рýсь землю,
— А постоять ли-то за церквы за соборныя,
— А тыи за кресты животворящіе,
— А спасти насъ тéперь всѣхъ князей бояръ?
— А некому поѣхать супротиво царя Кáлина,
— А розсердѣлъ-то я теперь богáтырей,
— А уѣхали оны да во чистó полё,
— А й не бывали óны здѣсь да трú году. —
А й говоритъ-то ёму старыи казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай Владиміръ князь ты стольнё-кіевской!
«А гдѣ же есте мóи да конь добрыи?»

Digitized by Google

— А твой конь во стойлы лошадиныи. —
А й тутъ-то старыи казакъ да Илья Муромецъ
Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченыи,
А онъ уздаетъ сѣдлаетъ коня добраго,
А й полагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
А й полагаетъ вѣдь онъ войлочки на войлочки.
А на верёхъ-то онъ сѣдёлышко черкальское,
А й беретъ-то вѣдь Ильюня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то тутъ Илья да калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ да палицу военную,
А й беретъ-то онъ трубку-ту подзорную,
А й садился Илья да на добра́ коня,
А не смѣетъ напустить на тую силу не на смѣтную *(такъ)*,
А на сильніихъ могучіихъ татаревей.
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А поднимается на гору на высокую,
А й поглядѣлъ вѣдь онъ во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре онъ на стороны;
А со первой горы Илья да онъ спущается,
А на другую-то онъ гору поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А й на вси онъ на четыре да на стороны;
А со другой горы да онъ Илья спущается,
А на третьюю высоку поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А на вси онъ на четыре да на стороны;
А въ той ли стороны́ да подвосточныя
А увидае въ поли тамъ бѣло́й шатёръ.
А пріѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу́ шатру,
А у того ли въ поли у бѣла́ шатра
А стоитъ двѣнадцать ко́ней богатырскіихъ,
А видитъ-то Илья да таково дѣло:

Digitized by Google

А стоятъ ты кони, кони тутъ русíйскіи,
А ёго-то вѣдь братьицевъ крестовыихъ,
А крестовыихъ-то братцевъ вѣдь названыихъ.
А онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
А й припущалъ-то ко пшены да бѣлояровой,
А заходилъ-то тутъ Илья да во бѣлóй шатёръ,
А глаза-ты онъ крести́тъ да по писáному,
А й поклон-отъ онъ ведетъ да по учёному,
А на вси стороны Ильюня поклоняется,
А й крёстному онъ батюшку въ особину:
«Л здравствуёшь ты крёстный ты мой батюшко,
«А й Самсонъ сынъ Самойловичъ!
«А вы здравствуйте крестова моя братія,
«А крестовая вы братія названая!»
А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро вѣдь скочили на рѣзвы́ ноги,
А съ Ильюшенкой тутъ братія здоровкались:
— А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А й говорили, ты посаженъ во глубокъ погрёбъ
— У того ли-то у князя у Владиміра,
— А поморёнъ ты смеретью голодною,
— А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашь.—
А й говоритъ-то вѣдь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,
«А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
«А вси братія крестовая названая!
«А поѣдемте на пóмочь на великую,
«А й насу́противъ поѣдемъ царя Ка́лина».
А говоритъ-то вѣдь крёстной ёму батюшко:
— А я самъ-то вѣдь не ѣду, да теби не бла́словлю,
— А не буду я стоять больше́ за Кіевъ градъ,
— А й не могу болѣ́ смотрѣть на князя Владиміра
— А на Апраксíю да королевичну,
— А й положено заклятіё великоё.—

Digitized by Google

А говоритъ-то вѣдь Ильюня таково слово:
«Ай же ты вѣдь крёстной мой батюшко!
«А поѣдемъ-ко ты на пóмочь великую,
«Супротивъ поѣдемъ царя Кáлина,
«А не ради вѣдь мы князя да Владимíра,
«А не ради мы княгины да Апраксíи,
«А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
«А радú той ли-то вѣры православныя,
«А для ради церквей да мы соборныихъ,
«А для матушки да Богородицы».
И это тутъ-то крёстный его батюшко
А вся крестовая названа его братíя
А поѣхали да нá помочь великую,
А супротúвъ царя да ѳны Калина.
А выѣзжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тутъ подзорную
А й поглядѣли тутъ на силу на поганую;
А стоитъ-то сила тая во чистóмъ поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тутъ-то оны шатеръ розставили,
А й вязали копей къ столбу точéному,
Это тутъ-то оны да опочивъ держатъ.
А Ильюнюшки не спится, мало сóбится;
И зауснула вѣдь тутъ братíя крестовая.
А встаётъ-то вѣдь Илья да на рѣзвы́ ноги
А выходитъ-то вѣдь Илья да изъ бѣлá шатра
А садился-то Илья да на добрá коня,
А спучается[1]) со гóры со высокíя,
А напучаетъ[2]) онъ на рать-силу поганую
А на сильныхъ на могучихъ на татаревей.

---

1) Т. е. спущается.
2) Т. е. напущаетъ.

Digitized by Google

А силу-ту онъ бьетъ да трои сутки не ѣдаючи,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добра́ коня Илья да не слѣзаючи,
А добру́ коню отдо́ху не даваючи;
А бьётъ-то силу до шести онъ дёнъ,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добра́ коня Илья да не слѣзаючи,
А добру́ коню отдо́ху не даваючи.
А его доброй-отъ конь да проязы́чился
А тѣмъ ли язы́комъ человѣческимъ:
— Ай ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А укроти-тко ты вѣдь сердцо богатырское.
— А у поганыхъ у татаревей
— А е сдѣлано три по́дкопа глубокіихъ:
— А й во перво́й подко̀пъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во другой подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во третей подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
А розгорѣлось его сердцо богатырское,
А розмахалась его рученка-та правая,
А направилъ онъ коня да во глубокъ подкопъ.
Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
А Ильюнюшку съ подкопа онъ повытащилъ;
А со дру́гаго подкопа конь повыскочилъ,
А онъ Ильюнюшку оттуда онъ повытащилъ;
А со третьяго подкопа конь повыскочилъ,
А Ильюшенки съ подкопа онъ не вытащилъ.
А сбѣжалъ его конь да во чисто́ полё,
Это началъ онъ вѣдь по́ полю побѣгивать.
Это сильніи могучіи татарева
А здымали-то Илью да вѣдь со погреба,
А связали-то Ильи да ручки бѣлыя

Digitized by Google

А во тыи ли во пу́тыни шелко́выя,
А повели его на казень-ту на смертную,
А й отрубить-то вѣдь Ильи да буйна го́лова.
А ведутъ Илью да мимо церковь соборную,
А возмолился тутъ Илья да всѣмъ святителямъ.
А й какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Набѣжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
А й хватилъ-то онъ зубамы да за тыя пу́тыни шелко́выя,
Оборвалъ-то путыни шелко́выя,
Л слободилъ его онъ ручики да бѣлыя.
А скочилъ Илья да на добра́ коня,
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полѣ,
А й натягиватъ Илья свой ту́гой лукъ,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариваетъ:
«А пади моя стрѣла ни на́ воду, ни на́ землю,
«А не въ темный лѣсъ, да не въ чисто́ полѣ,
«А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,
«А проломи-тко крышу-ту шатровую,
«А пади-тко крёстному ты батюшку,
«А крёстному ты батушку во бѣлу грудь,
«А роздроби ему ты груди бѣлыя,
«А за тую за измѣну за великую».
А тутъ стрѣлилъ да Илья Муромецъ;
А летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,
А й проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на бѣлу грудь,
А на бѣлую-ту грудь да во злаче́ный крестъ.
А ото сну тутъ крестный пробуждается,
Говоритъ-то имъ да таково слово:
— Ай вы сильніи могучіи бога́тыри,
— А пробуждайтесь ото сну да вы отъ крѣпкаго!
— А гдѣ-то у насъ старыи казакъ да Илья Муромецъ?
— А мы ѣдимъ да пьёмъ да проклаждаемся,

Digitized by Google

— А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой. —
А ставали вѣдь тутъ сильніи могучіи богáтыри,
А скоро-то ставали на рѣзвы́ ноги,
А й выходили-то онѣ да изъ шатра долой,
А садилися онѣ да на добры́хъ коней,
А спущалися онѣ да съ высокóй горы,
Нападали на поганыихъ татаревей,
А прибили прирубили да всю силу ту несмѣтную,
А несмѣтную ту силу да несчётную.
Это скоро тутъ онѣ да поворотъ держатъ
А й ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,
А вязали-то коней къ столбу точёному,
Ко тому кольцу ко золочёному,
А приходятъ-то во гридню во столовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А завелъ-то онъ тутъ свой почестный пиръ,
А на многія на князи да на бóяра
А на сильнихъ на могучихъ на богáтырей.
А всѣ ли на пиру да напивалисе,
А всѣ ли на пиру да наѣдалисе,
А всѣ ли на пиру да пьяны веселы.
А красное солнышко при вечери,
А почестной-отъ пиръ да весь при весели.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А жалуётъ онъ сильніихъ могучіихъ богáтырей,
А даваетъ города да съ пригородками,
А даваетъ золоту казну безсчётную.
А князь-то онъ богáтырей да содержать[1]) ихъ сталъ.

Записано тамъ же, 29 іюля.

---

1) Т. е. держать при себѣ въ чести, такъ поясниль пѣвецъ.

Digitized by Google

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту́ полю,
И отъ младости да старъ до старости,
И отъ старости да до гробно́й доски
Эдакаго чуда не наѣзживалъ:
Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,
А й три пути широкіихъ розстаночки;
А на этыхъ путяхъ на дороженкахъ
А й стоитъ стоитъ дубово́й столобъ,
А й на столби-то подпись подписана:
А й во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
А во другую ѣхать — женату быть,
А во третью ѣхать — богату быть.
Это тутъ старъ пороздумался:
«На что мнѣ-ка-ва стару женату быть?
«Молодая-то жена да то чужа корысть.
«На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?
«Это надо мнѣ-ка ста́рому убиту быть».
А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.
Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.
Заѣзжаетъ онъ за горы за высокіи,
Наѣзжаетъ терема да превысокіи,
Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,
А не много ихъ не мало сорокъ тысячей.
А увидали тутъ вѣдь стараго розбойники,
А розбойники ты всѣ да наскакалисе,
А й за стараго оны всѣ захваталисе.
Говоритъ же вѣдь имъ старый таково слово:
«Ай же вы тати да розбойники,
«Ай плуты же вы да подорожники!
«Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?

Digitized by Google

«У меня нѣту́ ни злата, да ни се́ребра,
«А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
«А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
«А сѣделышко черкальско во пятьсотъ рублей,
«А коню-то моему да вѣдь цѣны́ нѣту».
И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
Закрычалъ-то атаманъ да громкимъ голосомъ:
— Ай же вы тати да розбойники,
— А плуты этакіе подорожники!
— Да чего же вамъ со старымъ розговаривать?
— А й срубите-тко ему да буйну голову! —
Это тутъ вѣдь старенькой роспа́хнется,
Это началъ своей палицей помахивать;
Куда ма́хнетъ — туда улица,
Въ задъ отма́хнетъ — переулкамы.
Онъ прибилъ-то приломилъ да всихъ розбойниковъ,
И онъ съ перваго да до оста́тнёго.
Это скоро тутъ да старый поворотъ держалъ,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ,
А новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ тутъ старый, да убитъ не былъ».
А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
Ѣдетъ, времечки онъ столько три́ часу,
Проѣзжаетъ онъ вѣдь мѣста ровно триста вёрстъ.
Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый красиво́ село,
А селомъ-то назвать да велико́ стоитъ,
Городомъ-то назвать да мало́ стоитъ;
И построснъ во сели да королевскій дворъ,
Жи́веть душечка Маринка королевична,
Прилещаетъ-то она да добрыхъ мо́лодцовъ.
А заѣзжае тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
А й сходилъ тутъ старъ да со добра́ коня,
А й вязалъ-то коня къ столбу точе́ному
И къ тому ли-то колецку золоче́ному.

Digitized by Google

И выходила тутъ Маришка на широкой дворъ,
А й берéтъ его за ручки-ты за бѣлыи,
А цѣлуетъ во уста да во сахáрніи,
А проводитъ вѣдь въ полату бѣлокаменну.
А садила вѣдь его да за дубовый столъ,
А за тыя ли за скатерти шелкóвыи,
А за тыя ли за ѣствы за сахáрніи,
И за сладкіе за пи́тья за медвяныи.
А сама отходя́ да поклоняется,
Згóворитъ она ему да таково слово:
«Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,
«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
«Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться».
Ѣстъ-то вѣдь старый наѣдается,
Пьетъ-то вѣдь старъ да напивается,
Себи никакой незгодушки не вѣдаётъ.
А вѣдь брала тутъ Маришка за бѣлы́ руки,
Повела-то вѣдь его да во теплу́ спальню
И ко тыи́ кроватки ко подложистой,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«А ложись-ко старенькой о стѣ́ночку,
«Лягу молода да я на кра́ичокъ».
А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
— Ахъ ты душечка Маринка королевична!
— А ложись-ко ты Маришка да о стѣ́ночку,
— Лягу вѣдь я старый вѣдь на кра́ичокъ.
— У меня-то вѣдь у стараго теперь да не по старому,
— Не по старому у мня, да мочь не держится,
— Почасту́ я буду старый ночью вонъ ходить,
— А вонъ я ходить да вѣдь коня смотрѣть. —
Взималъ-то ю за ручeнки за бѣлыи,
А кидалъ ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубокъ погрёбъ.
А й беретъ-то вѣдь старый золоты ключи,

Digitized by Google

Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпущае онъ много́ царей,
А много́ царей да царевичёвъ,
А много́ ли королей да королевичевъ,
Много сильнихъ могучихъ бога́тырей.
Говорятъ ему старому таково слово:
«А спасибо теби, старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Что ты выпустилъ съ неволи со великіи».
А й беретъ вѣдь старый-то Маришку за бѣлы́ руки,
Выводилъ-то Маришку во чисто́ полё,
А й вязалъ-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивалъ-то старый да свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣляетъ онъ Маришку да во бѣлу грудь,
Роздробилъ-то у Маришки ретиво́ сердцо.
Это тутъ ли-то старый поворотъ держалъ,
И пріѣзжаетъ-то старый къ дубову́ столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ
И новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женатъ не былъ».
А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ вѣдь онъ мѣста ровно триста верстъ.
Наѣзжаетъ вѣдь онъ въ поли да глубокъ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата се́ребра,
А насыпанъ онъ туда да скатна жемчугу,
А наваленъ-то вѣдь на погребъ превели́къ камень,
А этотъ камень былъ тридевяносто пудъ.
А сходилъ-то старый со добра́ коня,
Подпа́лъ ли старый могучи́мъ плечомъ,
А онъ выкинулъ со погреба вели́къ камень,
А побралъ ли-то много злата много се́ребра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга;
А й построилъ онъ церквы соборные,

Digitized by Google

Устанавливалъ звоны колокольніе.
А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
Пріѣзжаетъ старый къ дубовóй столбу,
Старый эты подписи не зафальшивливалъ,
Новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ».
Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невидúма сила ангельска,
А взимали-то ёгò да со добрá коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
А й потамѣстъ мы старому славы́ поёмъ,
Старому казáку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 іюля.

59.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
Жилъ былъ тамъ удалый добрый мóлодецъ,
Мóлодой Добрынюшка Микитиничъ,
Пожелалъ-то итти онъ за охвотою.
Обуваетъ онъ сапожки на ножки зелéнъ сафьянъ,
Одѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ онъ вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тýгой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка розрывчатой,
А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыи,
А й приходитъ-то Добрыня ко синю́ морю,
А й приходитъ-то Добрыня къ первой зáводи;
Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,

Digitized by Google

А й не сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ то Добрыня къ дру́гой заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
Розгорѣлось у Добрыни ретивó сердцо,
Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
А й садился онъ на лавочку брусóвую,
Утопилъ онъ очи во дубовый мостъ.
А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай ты молодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Что же Добрыня не весёлъ пришолъ?»
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты Добрыни бласловленьицо,
— Ѣхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
Говоритъ-то вѣдь Добрыни родна матушка:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А не дамъ я ти прощенья бласловленьица
«Ѣхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
«Кто на Пучай рѣки на семъ свѣти́ да ѣзживалъ,
«А счастливъ-то оттуль да не пріѣзживалъ».
Говоритъ Добрыня своей матушки:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— А даешь мнѣ-ка́ прощеніе, поѣду я,
— Не даешь мнѣ-ка́ прошенія, поѣду я. —
А и да́ла мать прощеніе Добрынюшки
Ѣхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.

Digitized by Google

Скидывáетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьицо дорожное,
Налагалъ-то на головку шляпу земли гречецкой,
Онъ уздалъ сѣдлалъ да вѣдь добрá коня,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потники на потники,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
— Не для ради красы басы, братцы, молодецкіе,
— Для укрѣпушки-то было богатырскіи. —
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
А й беретъ-то Добрыня слу́гу мла́даго.
А поѣдучи Добрыни родна матушка наказывать:
«Ай же ты молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Съѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
«Одолятъ тебя жары да непомѣрныи,
«Не куплись-ко ты Добрыня во Пучай рѣки».
Видли-то да добра молодца вѣдь сядучись,
Не видали тутъ уда́лаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучай рѣки,
Одолили ты жары да непомѣрныи,
Не попомнилъ онъ нака́занья родительска.
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
Роздѣваетъ вѣдь онъ платьица дорожныи,
Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чéботы,
Скидывáетъ онъ порточики семи шелковъ,
Роздѣваетъ онъ рубашку миткалиную,
Началъ тутъ Добрыня во Пучай рѣки купатися.

Digitized by Google

Черезъ перву-то струю да ны́ркомъ про́нырнулъ,
Черезъ дру́гую струю да онъ повынырнулъ,
А не темныя ли те́мени зате́мнѣли,
А не черныя тутъ облаци попа́дали,
А летитъ ко Добрынюшки люта́ змѣя,
А люта́я-та змѣ́я да печерская.
Увидалъ Добрыня погану́ змѣю,
Черезъ перву-то струю да ны́ркомъ про́нырнулъ,
Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ.
Младъ-то слуга да былъ онъ то́ропокъ,
А угналъ-то у Добрынюшки добра́ коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ ту́гой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копьё да долгомѣ́рное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Стольки онъ оставилъ одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли гречецкой.
Хватилъ-то Добрыня свою шляпоньку,
А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
А три хобота отбилъ да что ни лучшіихъ.
А змѣя тогда Добрынюшки смолиласи:
— Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
— Не придай ты мнѣ сме́рѣти напрасныи,
— Не пролей ты моей крови безповинныи.
— А не буду я летать да по святой Руси,
— А не буду я плѣнить большѣ бога́тырей,
— А не буду я давить да молодыихъ жонъ,
— А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
— А ты будь-ко мнѣ Добрыня да ты бо́льшой братъ,
— Я буду́ змѣя да сестрой ме́ньшою. —
А на ты лясы́ Добрыня пріукинулся,
А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,

Digitized by Google

А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистóмъ поли,
Во чистомъ поли Добрынюшку да темна ночь.
А тутъ столбики Добрынюшка розставливалъ,
Бѣлополóтняный шатеръ да онъ роздéргивалъ,
А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.
А встаетъ-то Добрыня по утрý рано,
Умывался ключевой водой бѣлешенько,
Утирался въ полотно-то миткалиное,
Господу Богу да онъ молится,
Чтобы спасъ меня Господь, помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня со бѣлá шатра,
А не темныя ли тéмени затéмнѣли,
А не черныя тутъ облаци попáдали,
Летитъ по воздуху лютá змѣя,
А й несетъ змѣя да дочку царскую,
Царскую-ту дочку княженецкую,
Мóлоду Марфиду Всеславьевну.
А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
Приходилъ Добрыня къ своей матушки,
Во свою-ту онъ гридню во столовую,
А садился онъ на лавочку брусовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
Начинаетъ-то Владиміръ да почестной пиръ
А на многія на князи да на бóяры
А на сильнíихъ могучíихъ богáтырей,
На тыхъ пáляницъ да на удалыихъ,
На всѣхъ зашлыихъ да добрыхъ мóлодцовъ.
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ Добрыни бласловленьицо,
«А поѣду я Добрыня на почестной пиръ
«Ко ласкову князю ко Владиміру».

Digitized by Google

А й говорила-то Добрыни ро́дна матушка:
— А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
— А не дамъ я ти Добрыни бласловленьица,
— Ѣхать ти Добрыни на почестной пиръ
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— А й живи-тко ты Добрыня во своёмъ дому,
— Во своёмъ дому Добрыня своей матушки,
— Ѣшь ты хлѣба соли досыти,
— Пей зелена́ вина ты до́пьяна,
— Носи-тко золотой кавны ты долюби. —
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня родной матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«А даешь мнѣ-ка́ прощеніе, поѣду я,
«Не даешь мнѣ-ка́ прощенія, поѣду я».
Дала мать Добрынюшки прощеньицо,
Дала мать Добрыни бласловеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожики на ноженки зелёнъ сафьянъ,
Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Онъ уздае сѣдлае коня добраго,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и крѣпко вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А и подпруги шолку́ заморскаго,
А й заморскаго шолку́ шолпанскаго,
Пряжки славныя мѣди бы съ казанскія *(такъ)*,
Шпенечки-то булатъ-желѣза да сибирскаго,
Не для красы басы, братцы, молодецкія,
А для укрѣпушки-то было богатырскія.
Садился вѣдь Добрыня на добра́ коня,

Digitized by Google

Пріѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Становилъ коня-то посреди двора,
Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
Ко тому ли-то колецку золочёному.
А й приходитъ онъ во гридню во столовую,
А глаза-ты онъ крестѝтъ да по писáному,
А й поклонъ-тотъ ведетъ да по учёному,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиною въ особину.
А и проводили-то Добрыню во большó мѣсто,
А за ты за эты столы за дубовыи,
А за тыи ли за ѣства за сахáрніи,
А за тыи ли за питья за медвяныи,
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
Слили эты чары въ единó мѣсто;
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А и принималъ Добрыня единóй рукой,
Выпиваетъ-то Добрыня на еди́ный духъ.
А й Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А по гридни по столовой онъ похаживатъ,
Самъ онъ на́ бога́тырей посматриватъ,
Говоритъ да таково слово:
— Ай же сильніи могучіи бога́тыри!
— А накину на́ васъ службу я великую:
— Съѣздить надо во Туги́-горы,
— А й во Тугíи-горы съѣздить ко лютóй змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою за дочкой княженецкою. —
Большой-отъ туляется за средняго,
Средній-отъ скрывается за меньшаго,
А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту нѣтъ;

Digitized by Google

Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
А выходитъ-то Семенъ-тотъ баринъ Карамышецкой,
Самъ онъ зговори́тъ да таково слово:
«Ахъ ты батюшко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А былъ-то я вчерась да во чисто́мъ поли,
«Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки,
«Со змѣёю-то Добрыня дра́лся ратился,
«А змѣя-то вѣдь Добрыни извиняласи,
«Называла-то Добрыню братомъ большімъ,
«А нарекала-то себя да сестрой ме́ньшою.
«Посылай-ко ты Добрыню во Туги́-горы
«А за вашею за дочкою за царскою,
«А за царскою-то дочкой княженецкою».
Воспрого́воритъ-то князь Владимір-отъ да стольнё-кіевской:
— Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Отправляйся ты Добрыня во Туги́-горы,
— А й во Туги-горы Добрыня ко люто́й змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою-то дочкой княженецкою. —
Закручинился Добрыня запечалился,
А й скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
А и стулья-ты дубовы зашаталисе,
А со стульевъ всѣ бояра повалялисе.
Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
Отвязалъ ли-то коня да о́тъ столба,
Отъ того ли-то столба да отъ точе́наго,
Отъ того ли-то колечка золоче́наго;
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
Спущается Добрыня со добра́ коня,
А й вязалъ коня-то ко столбу точе́ному,
Ко тому ли-то колечку къ золоче́ному,

Digitized by Google

Насыпалъ-то онъ пшены да бѣлояровой.
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
А й садился-то Добрыня онъ на лавочку,
Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
Утопилъ-то очи во дубовый мостъ.
А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты Добрыня не весе́лъ пришолъ?
«Мѣсто ли въ пиру да не по разуму,
«Али чарой ли тебя въ пиру да о́бнесли,
«Али пьяница дуракъ да въ глаза на́плевалъ,
«Али красныи дѣвицы обсмѣялисе?»
Воспроговори́тъ Добрыня своей матушкѣ:
— А мѣсто во пиру мнѣ было бо́льшое,
— А большое-то мѣсто не ме́ньшое,
— А й чарой во пиру меня не о́бнесли,
— А пьяница дуракъ да въ глаза не́ плевалъ,
— Красныя дѣвицы не обсмѣялисе;
— А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
— А накинулъ-то онъ службу вѣдь великую:
— А надо мнѣ-ка ѣхать во Туги́-горы,
— А й во Туги́-горы ѣхать ко люто́й змѣи,
— А за ихною за дочкой княженецкою. —
А й справляется Добрыня снаряжается
А во дальнюю да въ путь дороженку.
Обувалъ Добрыня че́рны чоботы,
Одѣвалъ онъ платьица дорожныи,
Налагалъ онъ шляпу земли гречецкой,
А онъ у́здалъ сѣ́длалъ коня добраго,
Налагалъ онъ у́здицу тесмяную,
Налагалъ онъ потнички на потнички,
Налагалъ онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское,

Digitized by Google

А й да туго подпруги подтягивалъ,
А й да самъ Добрыня выговаривалъ:
«А не для красы басы, братцы, молодецкія,
«Для укрѣпушки-то былъ богатырскія».
А й приходитъ ко Добрыни родна матушка,
Подаетъ Добрыни свой шелкóвый платъ,
Говоритъ она да таково слово:
«Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А й съѣдёшь Добрыня во Тугѝ горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«А й ты будешь со змѣей Добрыня драться ратиться,
«А й тогда змія да побивáть будётъ,
«Вынимай-ко ты съ карманца свой шелкóвый платъ,
«Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
«Утирай-ко ты Добрыня лицко бѣлоё,
«А ужъ ты́ бей кóня по тучнымъ ребрамъ».
Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрынюшка свой тýгой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то вѣдь онъ палицу военную,
А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
А й да молится Миколы да святителю,
А й чтобъ спасъ Господь меня помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня на широкій дворъ,
Провожаётъ-то Добрыню родна матушка,
Подаетъ-то вѣдь Добрыни шелковýю плеть,
Сама-то згóворитъ да таково слово:
«А и съѣдешь ты Добрыня во Тугѝ-горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«Станешь со змѣей да драться ратиться,
«А й ты бей змѣю да плёткой шóлковой,

Digitized by Google

«Покоришь змѣю да какъ скотинину,
«Какъ скотинину да вѣдь крестьяньскую».
А й садился-то Добрыня на добра́ коня.
Этта видли добра молодца вѣдь сядучись,
А й не видли вѣдь удалаго поѣдучись.
Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту вѣдь дальнюю,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка скоры́мъ скоро,
Становилъ коня да во чисто́мъ поли
И онъ вязалъ коня да ко сыру́ дубу,
Самъ онъ выходилъ на тое ли на мѣсто на уловноё
А ко той пещеры ко змѣиныи.
Постоялъ тутъ вѣдь Добрыня мало времечки,
А не темныя ли те́мени зате́мнѣли,
Да не черные-то облаци попадали,
А й лети́тъ-то ле́титъ погана́ змія,
А й несе́тъ змія да тѣло мёртвоё,
Тѣло мёртвоё да богатырскоё.
А и увидала-то Добрынюшку Микитича,
А й спущала тѣло на сыру землю,
Этта на́чала съ Добрыней драться ратиться.
А й дрался́ Добрыня со змѣёю день до вечера,
А й змія-то вѣдь Добрыню побивать стала;
А й напомнилъ онъ нака́занье родительско,
А и вынималъ платокъ да изъ карманчика,
А и пріобтёръ Добрыня очи ясныи,
Попріобтёръ-то Добрыня лицко бѣлоё,
И ужъ бьетъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
— А ты волчья выть да травяной мѣшокъ!
— Что ль ты по темну́ лѣсу́ да вѣдь не хаживалъ,
— Аль змѣинаго ты свисту да не слыхивалъ? —
А и ёго добрый конь да сталъ поскакивать,
Сталъ поскакивать да сталъ помахивать
Лучше стараго да лучше прежнаго.
Этта дрался тутъ Добрыня да другой-отъ день,

Digitized by Google

А й другой-отъ день да онъ до вечера,
А й проклятая змѣя да побивать стала.
А й напомнилъ онъ наказаньё родительско,
Вынималъ-то плетку изъ карманчика,
Бьетъ змѣю да своей плёточкой,
Укротилъ змѣю акѝ скотинину,
А й аки скотинину да крестіянскую.
Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
Розрубилъ змѣю да на мелкѝ части,
Роспиналъ змѣю да по чистý полю.
А й заходитъ онъ въ печеры во змѣиныи,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ
А роскована[1]) тамъ дочка княженецкая,
Въ ручки въ ножки биты гвоздія желѣзныи.
А тамъ во печерахъ во змѣиныихъ
А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ зміёнышовъ;
А й прибилъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ зміёнышовъ,
А й снималъ онъ со стѣны да красну дѣвушку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Къ своему Добрыня кóню доброму.
А й садился вѣдь Добрыня на добрá коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову ко князю ко Владиміру,
А й привозитъ князю дочику любимую.
А й за тую-то за выслугу великую
Князь его нечимъ не жаловалъ.
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ[2]) коня во стойлу лошадиную,
Насыпалъ коню пшены да бѣлояровой.

---

1) Т. е. прикована къ стѣнѣ руками врозь,—такъ объяснилъ Фепоновъ.
2) Т. е. поставилъ.

Digitized by Google

А й заходитъ-то Добрыня въ нову горницу,
Этта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.
Этта тымъ поѣздка та рѣшиласи.

Записано тамъ же, 28 іюля.

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ да́леча было изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А й выходила-то тури́ца златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А й расходилиси туры́ да во чисто́мъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А й лучи́лосе турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,
А й видли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно,
Видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно.
По той по стѣны по городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвои́ плаче.
А тому чуду туры удивилиси,
Въ чистое поле возвратилиси,
Сошлиси, со турицей поздоро́вкалисе:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!
— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —
«Ай же ты турица наша матушка!
«А й были мы туры да во чисто́мъ поли,
«А лучилосе намъ турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,

Digitized by Google

«А й видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно,
«А й видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно:
«А по той стѣны по городовыи
«Ходитъ-то дѣвица душа красная,
«А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
«А не стольки читаетъ, да вдвои́ плаче».
Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:
— Ай же вы туры да малы дѣтушки!
— А й не дѣвица плачетъ, да стѣна́ плаче,
— А й стѣна-та плаче городовая,
— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Кіевомъ,
— А й она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныя
А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергіевичъ,
А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,
А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
А онъ со чернымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ.
А й у Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка выдумщичка,
А той ли той да силы счёту нѣтъ,
А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на межéнный долгій день,
А малою-то птичики не óблетѣть.
Становилась тая сила во чистóмъ поли.
А по грѣху ли-то тогда да учинилосе,
А й богáтырей во Кіеви не лучилосе:
Святополкъ богáтырь на святы́ихъ на горàхъ,
А й молодой Добрыня во чистóмъ поли,
А Алеша Поповичъ въ богомóльной стороны́,
А Самсонъ да Илья у синя́ моря.
А лучилосе во Кіеви голь кабацкая,

Digitized by Google

А по имени Василей сынъ Игнатьёвичъ.
А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А й пропилъ Василей коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
Съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
А триста онъ стрѣлочекъ въ залóгъ отдалъ.
А со похмѣлья у Василья голóвка болúтъ,
Съ перепою у Василья ретиво сердцó щемитъ,
И нечимъ у Василья опохмéлиться.
А й беретъ-то Василей да свой тýгой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Васильюшко розрывчатой,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
А й выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіёва,
А стрѣлúлъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
А й по тѣмъ шатрамъ Василей по полóтнянымъ,
А й убилъ-то Василей три головушки,
Три головушки Василей три хорошенькихъ:
А убилъ сына Батыгу Батыговича,
А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
А й во стольнёй во славной во Кіевъ градъ.
А это тутъ Батыга сынъ Сергíевичъ
А посылаетъ-то Батыга да скорúхъ пословъ,
Скорúхъ пословъ Батыга виновáтаго искáть.
А й приходили-то солдаты каравульніи,
Находили-то Василья въ кабакú на печú,
Приводили-то Василья ко Батúги на лицó.
А й Василей отъ Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:
«Ай прости меня Батыга во такой большой вины!
«А убилъ я три головки хорошенькихъ,
«Хорошенькихъ головки что ни лучшенькихъ:

Digitized by Google

«Убилъ сына Батыгу Батыговича,
«Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
«Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
«А со похмѣлья у меня теперь голóвка болúтъ,
«А съ перепою у меня да ретиво сердцó щемитъ.
«А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
«А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
«Съ той ли-то у́здицей тесмянною,
«А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскiимъ,
«А триста еще стрѣлочекъ каленыихъ.
«Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Пособлю взять-плѣнить да теперь Кіевъ градъ.
«А знаю я воротца незаперты,
«А незаперты воротца незаложеныи,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ».
А на ты лясы́ Батыга пріукинулся,
А выкупилъ ему да коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскiимъ,
А триста-то стрѣлочекъ каленыихъ.
А наливаетъ ему чару зелена́ вина,
А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
А наливаетъ-то онъ третью мёду сладкаго,
А слилъ-то эти чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей на единый духъ.
А крутешенько Василей повора́чивалсе,
Веселешенько Василей погова́риваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чистóмъ полѣ́ гулять,
«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махàть».
И далъ ему силы сорокъ тысящей.

Digitized by Google

А выѣзжалъ Василей во чистó полѐ
А за ты эты́ за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты́ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки порýбливатѝ,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
Скоро тутъ Василей поворóтъ держалъ.
А пріѣзжаетъ тутъ Василей ко Баты́ги на лицò,
А й съ добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
«Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вины!
«Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысящей.
«А со похмѣлья у меня теперь голóвка болѝтъ,
«Съ перепою у меня да ретиво сердцó щемитъ,
«Помутились у меня да очи ясныя,
«А подрожало у меня да ретивó сердцо.
«А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
«А дай-ко ты силы сорокъ тысящей,
«Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ».
А на ты лясы́ Батыга пріукинулся,
Наливаетъ вѣдь онъ чару зелена́ вина,
Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
Наливаетъ вѣдь онъ третью мёду сладкаго,
Слилъ эты чары въ единó мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей единóю рукой,
А выпивалъ Василей на единый духъ,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговаривае:
«Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чистóмъ полѣ́ гулять,

Digitized by Google

«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махàть».
А далъ ему силы сорокъ тысящей.
А садился Василей на добра́ коня,
А выѣзжалъ Василей во чисто полѐ
А за ты эты́ за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты́ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватѝ,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
А розгорѣлось у Василья ретиво́ сердцо,
А й размахалась у Василья ручка правая.
А й пріѣзжаетъ-то Василей ко Баты́ги на лицо́,
И это началъ онъ по силушки поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватѝ,
А онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы́.
А й тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
А й бѣжитъ-то Батыга запинается,
Запинается Батыга заклинается:
— Не дай Боже, не дай Богъ да не дай ди́тямъ моймъ,
— Не дай дитямъ моимъ да моимъ внучатамъ
— А во Кіеви бывать да вѣдь Кіева видать! —

Ай чистыи поля́ были ко О́пскову,
А широкѝ роздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскіи,
А церковно-то строенье въ каменно́й Москвы,
Колокольнёй-отъ звонъ да въ Новѣ-го́родѣ,
А й тёртыя колачики Валдайскія,
А й щапливы щеголивы въ Ярослáви городѝ,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозёрской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю́ морю,
А щельё каменьё ко си́верику́,

Digitized by Google

А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онéги по рѣки,
Толстобрюхіе бабенки Лёшмозёрочки.
А й пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай[1]).

Записано тамъ же, 28 іюля.

61.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Ай на панови да на улáнови *(такъ)*
Тамъ жило было два Лúвика,
Королевскіихъ да два племянника.
Оны думали да думу крѣпкую,
Оны хочутъ ѣхать во святую Русь,
А й во матушку да каменну́ Москву,
Къ молодому князю Роману Мúтріевичу,
А й къ ему да на почестный пиръ.
А й приходятъ-то оны къ свóему дадюшки,
Чéмбалъ кóролю земли литовскіе:
«Ахъ ты дядюшка да нашъ Чембалъ король,
«А й Чембáлъ король земли литовскіе!
«Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
«Ахъ ты дай-ко намъ да бласловленьицо, —
«Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
«А й во матушку да каменну́ Москву,
«А й ко тому ко князю Роману Митріевичу,
«А й къ ему-то ѣхать на почестный пиръ».
Говоритъ имъ дядюшка Чембалъ король,

---

1) Послѣдніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «небылица», которую старый калика Мѣщаниновъ—учитель Фепонова—пѣвалъ послѣ этой былины.

Digitized by Google

А й Чемба́лъ король земли литовскіе:
— Ай да ро́дныи мои племяннички!
— А й не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
— А й не дамъ я вамъ да бласловленьица,
— Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
— Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
— А й счастли́въ съ Руси да не выѣзживалъ. —
Не послушали оны своёго дядюшки,
А й уздали вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
А й садилисе оны да на добры́хъ коней,
Пріѣзжали-то оны да во святую Русь.
Наѣзжали-то въ Руси оно перво́ село,
А перво́ село да Ярославское,
А й перво́ село да прекраси́вое;
А й во томъ сели да было три́ церквы,
А й было три церквы три соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да о́гню придали.
А й наѣзжали́ въ Русѝ да второ́ село,
А й второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивоё;
А во томъ сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да всё огнёмъ пожгли.
Наѣзжали во Русіи да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А это́-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое;
А й во томъ сели было девя́ть церквей,
А й девя́ть церквей было соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
А это́-то село да всё огнёмъ пожгли,

Digitized by Google

Полонили мла́ду полоненочку,
А мо́лоду Настасью да вѣдь Ми́трьевну,
Со тыи́мъ младенцемъ двоюмѣ́сячнымъ;
Увезли далече во чисто́ поле
За быстру́ рѣку да за Смородину.
Во чисто́мъ поли столбы розставили,
На столбы шатры оны роздернули,
Это тутъ-то мо́лодцы да опочивъ держатъ,
А й не много ли не мало столько шесть-то дней.
Какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Налетала мала птица, пѣвчій заворо́ночокъ *(такъ)*,
А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
А въ саду поётъ онъ выговариватъ:
«Ай ты молодой князь Романъ Ми́тріевичъ!
«Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой ты вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
«Во твою-то во святую Русь
«А й пріѣхало-то два поганыихъ два Ливика,
«Королевскіи да два племянника;
«Наѣзжали-то въ Русѝ они перво́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Руси они второ́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Русѝ они третьё село,
«Оны жили были да пограбили,
«Это-то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«А полонили мла́ду полоненочку,
«А й твою-то родиму́ сестру
«Со тыимъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ,
«Увезли-то вѣдь далече во чисто поле,
«За быстру́ рѣку да за Смородину».
А й закручинился тутъ князь да запечалился

Digitized by Google

Еще той тоской печалью онъ великою.
А хватилъ-то онъ ножи́що да кинжа́лищо,
Кинулъ онъ ножищо во дубовой столъ,
Пролетѣло тутъ ножищо скрозь дубовой столъ,
Скрозь дубовый столъ, стало́ въ кирпичный мостъ:
— Не дойдетъ-то имъ щенкамъ да надсмѣхатисе. —
А й собираетъ-то онъ силы ра́вно три́ полку,
Ра́вно три полку да вѣдь тритысячныхъ.
Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Ми́тріевичъ
А й со своей со дружиной со хороброю
А й во да́лечо дале́чо во чисто́ полё.
Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ нападкою [1]),
Вторая-то шо́ломомъ роскатныимъ [2]),
Третья дружина ѣли столомъ скатертью.
Пріѣзжае князь да ко быстро́й рѣки,
Ко быстрой рѣки да ко Смородины;
А й вырѣзывалъ-то онъ да три же́ребья,
А три жеребья вырѣзывалъ три ли́повыхъ;
А й спущалъ-то онъ да первы жеребьи
На быстру́ рѣку да на Смородину:
А которыи-то ѣли пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменёмъ ко дну,
А й той-то дружины да убитой быть.
А й спущаетъ онъ-то вто́ры жеребьи
На быстру́ю рѣку онъ да на Смородину:
А которыи-то ѣли шо́ломомъ роскатныимъ,
Тыи жеребьи да о̀ны вни́зъ быстринъ,
Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
А спущалъ-то онъ вѣдь третьи жеребьи:
А которыи-то ѣли столомъ скатертью,

---

1) *Нападкою* — накидываясь на пищу и питье, какъ животныя, безъ помощи рукъ.

2) *Шоломомъ роскатнымъ* — розвалившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

Digitized by Google

Тыи-ты вѣдь жеребьи встрѣчу́ быстринъ,
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А двѣ эты́ дружины оставляетъ тутъ,
Третью-ту дружину за собой беретъ.
Выѣзжали они скоро во чисто́ полѣ;
Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Ми́тріевичъ:
— Ай же вы дружинушка хоробрая!
— А вы слушайте-тко бо́льшаго вота́мана,
— А и дѣлайте вы дѣло повелёное:
— А и закрычитъ какъ черный воронъ на сыромъ дубу.
— На сыромъ дубу да во перво́й наконъ,
— А й вы ѣшьте тогда вы кушайте;
— А закрычитъ черно́й-то воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во второ́й наконъ,
— Вы уздайте сѣдлайте да добры́хъ коней;
— А закрычитъ-то че́рный воронъ на сыромъ дубу́,
— На сыромъ дубу да во третье́й наконъ,
— А вы ѣдьте ко шатрамъ бѣлополо́тняными,
— А й возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
— Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
А самъ онъ обвернулся да сѣры́мъ волкомъ,
Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
Это началъ онъ по чистому порыскивать,
Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бѣлу́ шатру,
Заходилъ скоро́ во стойлы лошадиныи,
У добры́хъ коней головочки по́торвалъ,
По чисту́ полю головочки поро́скидалъ.
Обвернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
А у оружьицовъ замочики повывертѣлъ,
По чисту́ полю замочики поро́скидалъ.
Обвернулся бѣлымъ малымъ горно́сталёмъ,
У туги́хъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,

Digitized by Google

Этотъ весь шатёръ да сталъ продрагивать;
Двоюмѣсячный младенчикъ проязычился:
«Маменька, маменька, не мой ли-то дяденка,
«Твой братецъ по бѣлу шатру побѣгиватъ,
«Ино бѣлъ-то шатеръ да весь продрагиватъ?»
Услыхали эти рѣчи да вѣдь Ливики,
Начали горно́сталя поганивать,
Соболиной е́го шубонькой закидывать,
А пріокинули вѣдь шубой соболиною,
А повыскочилъ сподъ шубы соболиныи,
А скочилъ-то онъ тогда да на окошечко,
Со окошечка скочилъ да за окошечко.
Обвернулся онъ тогда да чернымъ во́рономъ,
А й садился-то онъ да на сы́рой дубъ;
Закрычалъ-то воронъ во перво́й наконъ,
А во пе́рвый-то наконъ да на сыромъ дубу.
Говорятъ-то поганыи-ты Ливики:
— Ай не крычи-тко ты черно́й ворѡнъ да на сыромъ дубу!
— А поберемъ-то вѣдь мы нонь туги́ луки,
— А й постре́лимъ мы тебя да черна во́рона,
— А мы кровь твою-ту про́льемъ по сыру́ дубу,
— А мы пе́рьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А й закрычалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
А й на сыромъ дубу да во второй наконъ.
Говорятъ-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
— Ай не крычи-тко ты черно́й ворѡнъ да на сыромъ дубу!
— А й поберемъ-то мы теперь свои оружьица,
— А й постре́лимъ мы тебя да черна ворона,
— А мы кровь твою-ту про́льемъ по сыру́ дубу,
— А мы перьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А и закрычалъ тутъ вранъ да во третёй наконъ,
Наѣзжае тутъ дружинушка хоробрая.
Это тутъ-то Ливики вѣдь испугалися
А за тугіе-ты луки́ да захваталисе,

Digitized by Google

А у тугихъ луковъ тетивочки пощолканы,
По чисту́ полю тетивочки роскиданы;
А бѣжали о̀ны скоро въ оружейную,
А у оружьицовъ замочики отверчены,
По чисту полю замо́чики роскиданы;
А бѣжали тутъ во стойлу лошадиную,
А тутъ у ихъ кони безъ головъ стоятъ.
А спущался онъ да изъ сыра дуба,
Обернулся онъ да добрымъ мо́лодцомъ.
А взимали о̀ны тутъ поганыхъ Ливиковъ,
А у бо́льшого-то руки сломали, глаза вы́копали,
А у ме́ньшого сломали рѣзвы́ ноги до́ гузна,
А й посадили тутъ-то ме́ньшого на бо́льшого,
А отпустили-то да ихъ во свою сторону.

Записано тамъ же, 28 іюля.

62.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ [1]).

А й отчего-те зима да зачаласе,
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;

---

1) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы ъ и ь, произнося вмѣсто ъ-ра почти ы, вмѣсто ь-ря почти и. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами ъ и ь поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполнѣ точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фепонова еще три раза повторить ее.

Digitized by Google

Садилась въ зелену́ садочку,
А на тое на дерево калино *(такъ)*,
А и начала пѣти, жупѣти,
Всякими она-те ясака́ми,
А й услыхали русскія птичи,
Сбиралися стады́ оны стадами,
Прилетали къ зелену́ садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ о́дну сторону да головами;
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утайсе:
«Кто у васъ за моремъ большіи,
«Кто за Дунаечкимъ меньшіи?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
— Глупыя вы русскія птичи!
— А зачѣмъ же сюда да прилетали,
— За́чимъ про синё морё спрашали?
— Всѣ у́ насъ за́ моремъ большіи,
— Всѣ за Дунаечкимъ меньшіи.
— А й крестьяна у́ насъ по деревнямъ,
— А десятски у́ насъ по селеньямъ,
— А й старосты у́ насъ по воло́стямъ,
— Попы дьяки у́ насъ по погостамъ,
— Старцы игумны въ манасты́ряхъ,
— Подъячіе люди по присуствамъ,
— А гости торговы по посадамъ.
— Воеводы живутъ у на́съ по мызамъ,
— Солдаты идутъ по походамъ,
— Цари да царьствуютъ по царьствамъ,
— А всѣ ль-то у насъ оны по службамъ,
— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
— А еще бы за Дунаечкімъ морёмъ

Digitized by Google

— Бѣлой-отъ колпикъ [1]) былъ царикъ,
— Бѣлая колпи́ца царица.
— А гуси-ты на́ мори́ бояра,
— Лебеди боярицкія жены,
— Соловей при нихъ весели́и
— Во всякія игры игра́ётъ,
— Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаётъ.
— Во́робьи боярскіи холопы,
— Колья жердьё да роботали,
— Крестьянски коно́пля розбивали,
— О́ттого сыты пребывали.
— А голубчик-отъ на́ мори попикъ,
— Голубу́шка-та была попадью́шка,
— А й косачки́ дьячки́ церковны,
— Тетёрки-ты дьяческія же́нки,
— Куликъ понамарь церковной.
— А травни́к-отъ былъ протаможникъ [2]),
— А те́рпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ.
— А канюк-отъ былъ чѣловальникъ,
— Рябчик-отъ на́ мори стряпчей.
— А ластушки красны́ дѣвицы,
— Утки да были молодицы,
— Селезень гостъ торговой;
— А й по си́нему морю вѣдь онъ пла́ваётъ,
— Всякими товарами торгуётъ.
— Чайки-ты были водоплавки,
— Гагары-ты были рыболовки,
— А съ озера въ о́зёро ныряли,
— Всяку о́ны рыбу добывали;

---

1) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошенько, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Пріонежье. У сербовъ-лужичанъ *kołm* значитъ лебедь.

2) Т. е. таможенный чиновникъ.

Digitized by Google

— На го́ры [1]) ихъ рыба не бывала,
— А въ торгу́ ихъ рыбы не видали,
— Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
— А журавль-отъ былъ перевощикъ;
— По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
— Русьскія птицы перевозитъ,
— Цвѣтнаго платія не мочитъ.
— Га́лици были́ черници,
— Че́рныя вранъ да игу́мёнъ,
— А ястрёбъ былъ и атаманомъ,
— А филин-отъ татъ да розбойникъ.
— Соко́л-отъ скорыи посланникъ,
— Орёл-отъ на́ мори наде́тникъ;
— Единожды въ годъ прелета́ё,
— А велику се́би дань собира́ё,
— По три головы́ да по четыре,
— Иногда по цѣлому десятку.
— А мошни́к-отъ [2]) на́ мори крестьянинъ,
— Ко́ппала [3]) крестьянь́ская же́нка.
— А синька блядь полежлива;
— Часто лежитъ она хвора́ётъ,
— Долго она не пропадаётъ,
— Робо́ты робота́ть она можетъ,
— Казака нанять она не смыслитъ.
— Дрозд-отъ у нёй казаче́нко,
— День-то онъ ночи робота́ё,
— Гроша онъ найму́ да не вида́ё.
— Коку́ша [4]) побѣдъна горюша;
— Много она я́ицъ выклада́ётъ,
— А счоту во я́ицахъ не знаётъ,

1) Т. е. на сушѣ.
2) Т. е. глухой тетеревъ.
3) Самка глухаго тетерева.
4) Т. е. кукушка.

Digitized by Google

— Дѣтей выводити не умѣётъ.
— Куропать бобы̀лъ̀ безпомѣстной;
— Штаники онъ носитъ съ напускáми,
— Изъ куста во кустъ̀ перебродитъ,
— Помѣстья себѣ да не имѣётъ.
— Дятель-отъ нá мори плóтникъ,
— Желнá-та церковной строитель;
— Пó темнóму лѣсу летáётъ,
— Всяко она дерево пытаётъ,
— Церквы соборы роботаётъ.
— Сорока кабáцѣкая жéнка;
— Черныя чéботы держала,
— Съ ножки на нóжѣку скакала,
— Нá груди подолы подымала,
— Молодыхъ ребятъ̀ приманяла;
— Безъ колача да ѣсть не ся́дётъ,
— Безъ молодцá да спать не ля́жётъ;
— Пѣшь же онá курвá не ходитъ,
— Всё ль-то ѣдё на подводахъ,
— А пара у́ ней кóней вороныхъ,
— Извощички ребята молодыи.
— Воронá-та на мори бабка;
— Когти толсты̀и грязны̀и,
— Поря́дню-ту водитъ худую.
— Пѣ́тухи кáзаки донскіи,
— То-то молодцы̀ да удалыи;
— Пó многу жёнъ оны̀ содёржатъ,
— Пó три жёны̀ да по четыре,
— И́ноии до цѣлаго десятка,
— А всѣхъ нарядити онъ умѣётъ,
— Всѣма розрядити разумѣётъ,
— Не такъ какъ̀ нá Руси у́ мужа
— Одна ёгó бажоная жёну́шка,
— И той нарядить онъ не умѣётъ,

Digitized by Google

— На роботу розрядить не разумѣётъ.
— А курица послѣдняя птица;
— Кто ни ею да поймáётъ
— Всякой въ дырѣ да ковыря́ётъ,
— Все изъ яицá бѣдну́ пытáётъ,
— Любимымъ зятевья́мъ и припасаётъ.

— Левъ-тотъ нá мори мясникъ былъ,
— Медвѣдь-отъ былъ кожедéрникъ;
— Много онъ кожъ придираётъ,
— Сопоговъ на ногахъ не видáётъ.
— Волкъ-тотъ нá мори овчинникъ;
— Много онъ овчинъ придираётъ,
— А й шубы онъ на плечахъ не видаётъ,
— Велику себи стужу принимаётъ.
— Олень-отъ скорыи посланникъ,
— Зайко-то на мори калачникъ,
— А ножки тонéньки бѣлéньки,
— Калачики пекётъ онъ и мяконьки.
— А лисица молóда молодица;
— Дологъ хвостъ — и не наступитъ,
— Сдѣлаётъ вину — она не скажё.
— А собака-та зла лиха свекрова;
— День она ночи варайдáётъ,
— Дѣла никáкова не скажётъ.
— А й кошки эты́ были вдовицы,
— То-то сироты да бобылицы;
— Днёмъ кошки́ лежá по печкамъ,
— Ночью пóйдутъ по добычкамъ,
— А криночки горшочки открываютъ,
— Безъ ложки сметанъку снимаютъ,
— За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —
А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,

Digitized by Google

Всѣмъ удáлыъ былъ и розъѣздъ:
Краснымъ дѣвúцамъ по терéмамъ,
А й молóдымъ молодцáмъ былъ по лавкамъ,
А молóдыимъ молóдкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатямъ,
Старыúмъ старушѣкамъ по печкамъ.
То-то старуха на печки,
То-то старухи надоѣства,
Кринка овсянаго тѣста.
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

Записано тамъ же, 29 іюля.

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подъ 70 отъ роду, занимающійся земледѣліемъ и рыболовствомъ. Былинамъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, перенялъ ихъ отъ слѣпаго калики Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ»[1]). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженьемъ своею мудростью; самъ Антоновъ помнитъ его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника кото-

1) Если Мина Ефимовъ зналъ былины, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Пріонежья, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

Digitized by Google

раго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинъ. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ названъ Потапомъ Потахинымъ.

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдь тутъ, вси вѣдь бóяра,
А вси сильни могучи вси богáтыри;
А сидитъ во самомъ-то во большóмъ углу
А Сухмáнъ да сидитъ сынъ Долмáнтьёвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бóяра,
Сильніи могучіи богáтыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлую лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, самъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,
Нечимъ мóлодецъ самъ не хвастаетъ.
Згóворитъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Что же ты, Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ,
«Ты не ѣшь, ты не пьéшь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
«Ничимъ молодецъ самъ не хвастаешь?»
Воспрогóворитъ Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
— День съ утра и какъ до вечера,

Digitized by Google

— Мнѣ поѣздить Сухману нынь по заводямъ.
— Привезу ти лебедушку живьемъ въ руки,
— А на твои на пиръ княженецкіи,
— На твои на столъ на дубовыи. —
Далъ ему времечки день съ утра,
День съ утра и какъ до вечера.
Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьёвичъ;
Онъ ѣздилъ день съ утра до вечера
А по тихимъ глубокимъ по заводямъ,
Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
Ни на сѣраго на малаго утёныша.
Проѣздилъ Сухманъ трои суточки,
Пріѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьёвичъ
Ко матушкѣ ко Нѣпры рѣки;
А у той ли у матушки Нѣпры рѣки
А стоитъ тутъ сила вѣдь-то малая, —
Вода съ пескомъ возмутиласи;
Стоитъ за Нѣпрой, за Нѣпрою рѣкой
А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
Мостятъ мосты все калиновыи,
Ладятъ тутъ перейти черезъ ту Нѣпру,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ладятъ Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
А Владиміра-того во полонъ-тотъ взятъ.
Тутъ Сухманъ здогодается,
А потолъ Сухманъ за тую Нѣпру,
Находилъ ёнъ дубиночку вязиночку,
Въ долину какъ дубина десяти сажонъ,
Въ толщину какъ дубина три обоймени.
Тутъ Сухманъ снаряжается,
За вершинку бралъ — съ комля сокъ бѣжалъ.
Сталъ по поганыимъ похаживать,
По тою по силѣ по невѣрныи,

Digitized by Google

Сталъ ёнъ дубиною помахивать,
Убилъ ёнъ татаръ сорокъ тысячей;
Со всихъ сторонъ дубину пріущолкалъ ёнъ,
Въ кровь ёнъ дубину пріомáралъ тутъ.
А изъ поганыи изъ сúлы тутъ
Оставалося только два татарина,
А ёны отъ его обряжáлися,
За тыя за кустья завалялися.
Пошолъ тутъ Сухманъ ёнъ во Кіевъ градъ
Ко тому ли князю ко Владиміру.
Гóворитъ Владиміръ таково слово:
«Что же долго ты ѣздилъ, Сухманъ, теперь?
«Ѣздилъ ты да трои суточки,
«Привезъ ты ко мнѣ нынь лебéдушку,
«Обѣщался кою да живьёмъ въ руки,
«А ни сѣраго ни малаго утёныша?»
Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
Отвѣтъ держалъ сынъ Долмáнтьёвичъ:
— Не до тóго мнѣ-ка нынь дѣялось.
— Былъ я вѣдь нынь за Нѣпрóй рѣкой,
— Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
— Той ли силы поганыи,
— Той ли силы всё невѣрныи.
— Оны ладили тутъ какъ вѣдь Кіевъ градъ,
— Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
— А Владиміра тебя въ полонъ какъ взять. —
А говорятъ князи́ вѣдь и бóяра
А и сильни могучи богáтыри:
«Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
«Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
«Надъ тобой ли нынь какъ Владиміръ князь».
За тыи за рѣчи за похвальныи
Посадилъ его Владиміръ стольно-кіевской

Digitized by Google

Во тыѝ погреба во глубокіи,
Во тыѝ темницы тёмныи.
Желѣзными плитами задви́гали,
А земле́й его призасы́пали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лѣтъ-то на́ тридцать.
Послали туда вѣдь-то осле́довать,
Къ той ли ко матушки Нѣпры́ рѣки,
Старо́го каза́ка Илью Муромца.
А пошолъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ къ матушки Нѣпры́ рѣки,
А сталъ Илья какъ по силѣ похаживать,
По той ли силы онъ поганыи,
По той ли по силы все невѣрныи,
Онъ нашолъ тамъ дубиночку вязиночку,
А лежитъ она межъ силы межъ поганою,
А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
Въ толщину тая дубина три обо́ймени,
Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
Въ кровь дубина пріомарана.
Пошолъ да старо́й ёнъ ко горо́ду,
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Увидалъ два татарина поганыихъ.
Говорятъ тутъ татарины поганыи:
— Ты куда калика нерехаживашь,
— Ты откуль идёшь, откуль путь держишь? —
Воспрого́воритъ старо́й Илья Муромецъ:
«Я иду вѣдь отъ города отъ Кіева,
«Отъ ласкова князя Владиміра».
Говорятъ татарины поганыи:
— У васъ какъ вѣдь есть нынь во Кіеви
— А бога́тырь старо́й Илья Муромецъ;
— По многу заѣдатъ-то хлѣба къ выти онъ,
— По многу ль выпиватъ питья медвянаго? —

Digitized by Google

Говоритъ Ильюша таково слово:
«У насъ какъ было нынь во Кіеви,
«У ласкова князя Владиміра,
«Ѣстъ хлѣба по колачику крупивчату,
«Запивае стаканчикомъ медвянымъ».
— То тутъ у Ильюши вѣдь не сила есть.
— Какъ мы есть поганы татарова
— Ѣдимъ хлѣба къ выти по печи печенаго,
— По ушату пьемъ водоносныихъ. —
Воспрогóворитъ Илья тутъ вѣдь Муромецъ:
«У насъ было во городѣ во Кіёви,
«При ласковомъ князи Владиміри,
«Коро́вищо была обжорищо, —
«Она много ѣла, вино пи́ла тутъ,
«Нынь вся она теперь перелопала».
Тутъ татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
Выскака́ли со шатра полотнянаго,
Кинули въ Ильюшу ножищо о́ны тутъ.
Попало тутъ во дверь во дубовую,
Выскочила тутъ и со липи́ньямы.
Взялъ Ильюша старо́й тутъ вѣдь Муромецъ
Клюху свою онъ дорожную,
А ударилъ ёнъ по татаровамъ,
Тутъ у татариновъ души нѣту.
Приходитъ старо́й Илья Муромецъ
Ко городу ко тому ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Отвѣтъ держалъ, выговаривалъ:
«Правда Сухмана Долма́нтьёвица,
«Чѣмъ Сухманъ только хвастаетъ.
«Былъ-то я у Нѣпры́ рѣки,
«Видѣлъ силы поганой убитою,
«Числомъ ле́житъ сорокъ тысячей.
«Межъ тыма межъ поганыма татарамы

Digitized by Google

«Увидѣлъ дубину девяти сажонъ,
«Въ то́лщину дубина три обо́ймени,
«Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
«Въ кровь-ту дубина пріомарана».
Зго́воритъ Владиміръ таково слово:
— Ахъ же вы князи вы бо́яра,
— А вы сильни могучи вси бога́тыри!
— Выводите Сухмана со погребовъ,
— Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
— А со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ. —
Тутъ приходили князи бо́яра,
Сильни могучи бога́тыри;
Траву-ту всю оны тутъ вырвали,
Землю изъ плиты вѣдь повырыли,
Желѣзную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долма́нтьёвича
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ.
Воспрого́ворятъ ему вси князи бо́яра:
«Ахъ ты Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ!
«За твои услуги великіи
«Тебя пожалуетъ Владиміръ столенъ-кіевской
«Золотою казной тебя долюби,
«Городами-то да съ пригородкамы,
«Приселами-то да со приселкамы».
Выходитъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ,
Говоритъ Сухманъ таково слово:
— А не честь хвала молодецкая
— Брать города съ пригородкамы,
— Брать присела да со приселкамы,
— Брать мнѣ безсчетна золота казна,
— А моя есть смерть напрасная,

Digitized by Google

— Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
Выдергалъ онъ листочки макóвыи:
— Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
— Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

64.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
Ко той ли ко рѣчки ко Пучайныи.
Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
Только проситъ Добрыня благословеньица
У родители своеи какъ у матушки,
У честнóй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ужъ какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ-ка благословленьицо,
«Мнѣ съѣздить ко рѣчки ко Пучайныи;
«Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покупатися,
«Простудить мнѣ-ка нынь да тѣло нѣжное».
Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшки
А его же вѣдь тутъ рóдна матушка:
— Ахъ же ты чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
— А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
— Тобе съѣстъ Добрыня, поглотáетъ она. —
Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
«Не боюсь я змѣи топерь поганыи.
«Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я;
«А не дашь прощеньица — поѣду я».
Только дала Добрынюшки прощеньицо,
Только дала Добрыни благословленьицо.

Digitized by Google

А выходитъ Добрыня на ши́рокъ дворъ,
А беретъ въ рукѝ уздицу тесмяную,
На того добра́ коня ёнъ накладываетъ,
Войлочки да онъ накидываетъ,
Сѣдёлышко да онъ накладываетъ,
Тое сѣдёлышко окова́ное,
А двѣнадцати подпругами подтягивалъ,
Самъ ёнъ подпругамъ приговаривалъ.
Не просты были подпруги, семи шелковъ,
Не простого-то шолку, шахтанскаго,
Пряжечки изъ мѣди изъ казанскіи,
Шпенечки изъ булата были желѣза сибирскаго.
Съ собою беретъ онъ товарища
По́тыку Михайла Ивановича.
Во тугіи руки ту́гой быстрой лукъ,
Палицу беретъ онъ военную,
А копье-то беретъ да долгомѣрноё,
Саблю взимаетъ-то вострую.
Сѣлъ-то Добрыня на коня добраго,
Поѣхали ко рѣки ко Пучайныи.
День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
А другой ѣдутъ не видаючись,
А на третій-то день доѣзжаючись.
А пріѣхалъ Добрыня ко Пуча́й ко рѣки,
Останавливалъ коня на чисто́емъ на поли,
Привязывалъ коня да къ дубу сы́рому,
Оставлялъ-то тутъ брата крестоваго,
По́тыку Михайла Ивановица.
Пошолъ-то Добрыня къ рѣчки быстрыи,
Ко той ли-то ко рѣчки ко свирипыи,
Скидыва́етъ съ се́бя платьё-то дорожноё,
Розуваетъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли греческой,

Digitized by Google

Скидывáетъ рубашку миткалиную,
Штаники розулъ ёнъ со нáпускамы.
Опустился Добрыня въ ричку быструю,
Сквозь тую онъ струйку вѣдь прóнырнулъ,
Сквозь другу онъ тутъ повы́нырнулъ,
Сквозь третью онъ повыскочилъ.
И это тутъ вода въ рѣки смутиласи,
Лютая змѣя показаласи.
Тутъ перепался братъ крестовыи,
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Угналъ Добрыни коня добраго,
Увёзъ у Добрыни тýгой быстрой лукъ,
Палицу увéзъ ёнъ военную,
Копье-то увéзъ кáкъ долгомѣрное,
Саблю увёзъ ёнъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа,
Тая ли шляпа богатырская.
Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
Надѣвалъ ёнъ платье свое скоро тутъ,
Обувалъ ёнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Бралъ ёнъ шляпу земли греческой,
А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
А й на ту змѣю на поганую,
Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
Пропустилъ-то змѣи кровь горючую,
А сшибилъ-то змѣю да на сыру землю,
Наступилъ-то змѣи да ножкой правою,
А на ты наступилъ да ей на хоботы,
Ладилъ отсѣчь буйну голову.
Тутъ-то змѣя ему смолиласе,
Нечестлива она покориласе:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Не убей-ко змѣи меня до смерти нынь.
— Я буду змѣя теби покорная,

Digitized by Google

— А я буду змѣя тебѣ повинная
— Спусти-ко ты змѣю да на свою́ волю,
— А я буду сестра тебѣ меньшая,
— А ты будешь братъ да мнѣ-ка бо́льшій. —
А на ты лясы̀ Добрыня пріукинулся,
Спустилъ-то змѣю да на свою́ волю.
Тутъ-то змѣя подымалася
Выше лѣсу того она стоящего,
Ниже облака того вѣдь летащаго,
Полетѣла змѣя какъ ко Кіёву,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Тутъ пошолъ какъ Добрынюшка во свой-тотъ домъ;
Сустигала Добрыню ночка темная
На тоёмъ поли́ его на чи́стоёмъ.
Столбички розставилъ тоце́ные,
Шате́ръ-тотъ роздвинулъ полотняны̀,
Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
На матушку ложился на сыру́ землю,
На тую ложился мураву́ траву.
Спалъ тутъ Добрыня отъ ве́чера,
Спалъ тутъ Добрыня до полу́ночи,
Отъ полу́ночи спалъ ёнъ вѣдь до́ утра
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
По утру ставалъ ёнъ ране́шенько,
Умывался водою самъ бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
Въ сырую во землю покло́нился.
Беретъ въ руки́-то трубочку подзорную,
Оглядѣлъ ёнъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Летитъ-то тутъ змѣя поганая,
А несе́тъ во когтяхъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.

Digitized by Google

Тутъ-то Добрыня закручинился,
Тутъ какъ Добрыня запечалился.
Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
Онъ садился на брусóву нову лавочку,
Онъ повѣсилъ голову до самóй зени.
Подходитъ къ ему рóдна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати,
Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
«О чемъ ты Добрынюшка кручинишься,
«О чемъ ты Добрынюшка печалишься?»
А отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушки:
— Не объ чёмъ я Добрыня не кручинюся,
— Не объ чёмъ я Добрыня не печáлуюсь,
— Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньицо,
— Только дай-ко мнѣ благословленьицо,
— Мнѣ съѣздить ко городу ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— У того князя какъ у Владиміра
— А й зачался пиръ да на двѣнадцать дѣнъ,
— Для князей ли пиръ какъ для бóяровъ
— А для сильнихъ могучихъ для богáтырёвъ. —
Сѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
Скоро будучись Добрыня на чистóмъ на поли,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіёву,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
Ко тыи стѣны городóвыи,
Ко тыи ко башни углóвыи.
Прямо ѣхалъ Добрыня черезъ стѣну тутъ,
Черезъ тую стѣну городóвую,
Черезъ тую башню углóвую.
Заѣзжаетъ Добрыня ко Владиміру на дворъ,
Сбываетъ слѣзаетъ съ коня добраго,
Привязыватъ коня ёнъ ко столбичку,
Ко тому ли столбу ко точёному,

Digitized by Google

Ко тому ль кольцу золочёному,
Насыпаетъ пшены бѣлояровы.
Пошолъ-то вѣдь Добрыня во высо́кой домъ,
Проходитъ ёнъ во гри́деню столовую,
Гдѣ стоятъ столы тамъ дубовыи,
Кладены скатерти шелко́выи,
А укладены ѣствы саха́рніи,
А й розставлены питья медвяныи.
Онъ крестъ тутъ клалъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведетъ по учёному,
На всѣ на четыре на стороны,
Тому же Владиміру въ особину.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бо́яра.
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Ставайте зъ-за сто́ловъ вы дубовыихъ,
«Зъ-за тыихъ за ѣстовъ вы саха́рніихъ,
«Зъ-за тыихъ за питьевъ вы медвяныихъ,
«Вы берите-ко гостя нынь подъ руки,
«Садите вы гостя за столъ какъ нынь,
«За тыи столы его дубовыи,
«За тыи за ѣства за саха́рніи,
«А и за тыи за питья за медвяныи,
«Проводите вы во мѣсто во бо́льшое,
«Гдѣ ему мѣсто вѣдь по́любы».
А ставали князи́ тутъ вѣдь бо́яра,
Сильни могучи вси бога́тыри,
А взимали тутъ гостя вѣдь за руки,
Проводили за столы тыи дубовыи,
За тыи за ѣствы за саха́рніи,
За тыи за питья за медвяныи,
Наливали чару зелёнаго вина,
Другу наливали пива пьянаго,

Digitized by Google

Третью наливали меду сладкаго.
Принимаетъ Добрыня единóй рукой,
Выпиваетъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
А приходитъ Владиміръ супротивъ стола,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
«Ахъ же вы кня́зи вы бóяра,
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Кто у васъ ѣдетъ во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то вѣдь дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой государскою?»
И какъ за тыма столами за дубовыма,
За тыми за ѣствами саха́рними,
За тыма за питьямы медвяныма,
Да никто ничего тутъ не спрогóворитъ;
Ни отъ бóльшего, какъ ни отъ мéньшого,
Зъ-за того стола зъ-за середнего
Меньшій бояринъ Иванъ какъ тутъ,
А по изотчины какъ Карамышовичъ,
Зъ-за стола выходитъ зъ-за середнего,
Поклонился къ Владиміру низешенько,
А ёнъ самъ згóворилъ таково слово:
— Послухай-ко Владиміръ столенъ-кіевской!
— Изъ насъ нéкому ѣхать въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За твоёй-то за дочкой за царскою,
— За твоей-то дочкой княженецкою.
— А я былъ теперь какъ у риценки,
— А у той я рѣки да у Пучайныи,
— А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
— Онъ какъ со змѣёю тамъ поляковалъ,
— А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
— А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,

Digitized by Google

— Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горючую,
— А сшибъ-то змѣю да на сыру землю,
— Наступилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
— Ладилъ отсѣчь буйну голову:
— Это тутъ же змѣя возмолиласи,
— Нечестлива ему покориласи,
— Называла его братомъ бо́льшіимъ,
— А ёна называлась сестрой ме́ньшею.
— Дакъ ему буде ѣхать во Туги́-горы,
— Во тыи пещеры во змѣиныи,
— За твоёй топри[1]) дочкой за царскою,
— За твоей топри дочкой княженецкою. —
И подходитъ Владиміръ стольно-кіевской
Ко тому Добрыни близёшенько,
Говоритъ сло́вце ему поскорёшенько:
«Ты послухай Добрыня сынъ Микитинецъ!
«Я накину на тя службу великую,
«А я службу накину не малую:
«А ты съѣзди отъ города отъ Кіёва,
«Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
«А во тыи во славны Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой княженецкою».
Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А выходитъ зъ-за сто́ловъ дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Зъ-за тыихъ за питьевъ за медвяныихъ,
Господу Богу помоли́лся самъ,
Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
Становился Добрыня на своё мѣсто
Осередь той полаты грановитыя,

1) *Топри* — теперь.

Digitized by Google

Топнулъ Добрыня ножкой правою,
Тымъ ли онъ чоботомъ булатнiимъ,
Весь шатёръ тутъ шатается,
Тыи столы опрокида́ются,
Питья въ стоканахъ проливаются,
А бояра со стульевъ повалилисе,
По тому мосту да покатилисе.
А выходитъ Добрыня на улицку,
Къ своему коню приходитъ ко доброму:
— Ахъ ты мой конь есте добрыи,
— А не знаешь топерь ты незгодушки!
— А Владимiръ князь столенъ-кiевской
— Онъ накинулъ службу тяжёлую. —
Садился Добрыня на коня добраго
А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ.
Становилъ коня да своя *(такъ)* добраго
А во тую во стойлу лошадиную,
Насыпалъ пшены́ бѣлояровыи.
А приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
А садился онъ какъ вѣдь на лавочку,
Онъ повѣсилъ головку до само́й зени,
Самъ ёнъ кручинится, печалится.
Подходитъ къ ему какъ родна матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна,
Начала Добрыню выспрашивати,
Ена начала Добрыню вывѣдывати:
«Ты объ чёмъ нынѣ Добрынюшка кручинишься,
«Да объ чёмъ ты Добрынюшка печалишься?
«А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кiёви,
«А у ласкова князя у Владимiра,
«А на томъ ты на пиру на поче́стноёмъ,
«Али мѣсто тебѣ было не по́люби,
«Али чара ли тебѣ не рядо́мъ пришла,
«Не рядо́мъ пришла какъ непоче́тная,

Digitized by Google

«Али пьяница дуракъ въ глаза на́плевалъ,
«Али дѣвки-курвы насмѣялисе?»
Зго́воритъ Добрыня таково слово:
— Ай же ты родитель моя матушка,
— А ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
— А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь по́любви,
— А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядо́мъ-то шла,
— А й чара тая вѣдь-то почётная,
— Пьяница дуракъ въ глаза не́ плёвалъ,
— Дѣвки-курвы не смѣялисе;
— А накинулъ Владиміръ столенъ-кіевской
— На меня службу теперь тяжёлую.
— Надо съѣздить мнѣ-ка во Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За его-то за дочкой за царскою,
— За его за дочкой княженецкою;
— Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
— А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсь. —
Говоритъ родитель ему матушка,
Честна́ вдова Офимья Олександровна:
«Не кручинься Добрыня, не печалуйся.
«А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко
«Во тыи во славны во Туги́-горы,
«Во тыи пещеры змѣиныи,
«Побивалъ ёнъ ту змѣю поганую.
«Ты послухай-ко да меня матушки,
«Честно́й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты поѣдешь теперь да во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры во змѣиныи,
«Не бери-тко съ собой туга бы́стра лука́,
«Не бери-ко ты палицы военныи,
«Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
«Не бери-ко ты сабли съ собой вострою.
«Дамъ теби плеточку семи шелковъ,

Digitized by Google

«Этой плеточкой будешь помахивать;
«А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
«А рука твоя права́ призамашется,
«Свѣтъ со глазъ какъ потеряется,
«Тебя станетъ змѣя она потаскивать,
«Станетъ люта́ тебя побрасывать,
«Ты возьми-тко нынь свой тальянской платъ,
«Поводи по тому лицу по бѣлому,
«А утри-тко свои ты очи ясныи,
«Будешь лучше стараго да лучше прежнаго.
«Поводи ко́ня да по толсты́мъ рёбрамъ
«Тымъ платкомъ ты тальянскіимъ,
«Тогда здымай ты ручку свою правую,
«А махни плетью да ты шелко́вою, —
«Ты склонишь змѣю-ту на сыру землю,
«Оторвешь у змѣи вѣдь шесть хоботовъ,
«Придае́шь змѣи смерть ты вѣдь скорую».
Это сѣлъ Добрыня коня добраго *(такъ)*,
Онъ поѣхалъ Добрыня во тыи́ оны
А во ты славны да во Туги́-горы,
Во тыи пещеры да во змѣиныи;
Ѣхалъ Добрынюшка двѣнадцать дёнъ,
Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
Только колачикомъ Добрыня закусывалъ.
На тринадцатый день доѣзжаетъ онъ
А во тыи во славны во Туги́-горы,
Въ тыи пещеры змѣиныи,
А ко тымъ вѣдь ёнъ ко Тугимъ-горамъ.
А и то змѣи какъ не случилосе
А во тыихъ во славныхъ во Тугихъ-горахъ,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ;
Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
Царская дочка княженецкая.
Глядитъ Добрыня во́ чисто́ полё,

Digitized by Google

А лéтитъ змѣя тутъ поганая,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мéртвое.
А увидла змѣя какъ Добрынюшку,
Какъ сидитъ Добрыня кони доброёмъ *(такъ)*,
А спустила змѣя тѣло мертвое,
А й на матушку спустила на сыру землю,
А на тую спустила мураву траву,
Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Ты зачѣмъ нынь пріѣхалъ въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи? —
Тутъ-то змѣя она сряжается
Со Добрынюшкой да биться ратиться.
Оны бились со змѣёй трои суточки,
Не ѣдаючись какъ не пиваючись.
Стала змѣя тутъ поганая,
Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать.
А вспомнилъ онъ Добрынюшка
А родительско онъ наказаньицо,
А берéтъ-то Добрыня въ руки бѣлыи,
А берéтъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ ёнъ самъ какъ по бѣлу́ лицу,
У́теръ глаза да свои ясныи,
Сталъ Добрыня лучше стараго,
Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
Поводилъ коня онъ по тучны́мъ ребрамъ,
Пошолъ его конь по чисту́ полю,
По чисту́ полю пошóлъ со храбростью.
Поймалъ Добрыня змѣю лютую,
Поймалъ Добрыня во бѣлы́ руки,
Приклонилъ Добрыня ко сырой земли,
А махнулъ-то Добрыня ручкой правою
Тою ли плеткою шелковою,

Digitized by Google

Оторвалъ ёнъ змѣи да буйну голову.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
А ко той ли ко пещеры ко змѣиныи,
А взималъ-то вѣдь тутъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
Тую ли дочку княженецкую.
Выходитъ Владиміръ на крутó крыльцо,
А стрѣтаетъ Владиміръ со чéстью тутъ,
Со великою со той благодарностью:
«А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
«Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
«А привезъ мою да ты дочку царскую,
«Царскую дочку княженецкую».
А дарилъ его Добрыню золотой казной,
А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтныимъ,
Благодарность сказалъ да до самой земли:
«А спасибо благодарно Добрынюшка!
«Послужилъ мнѣ-ка князю Владиміру.
«Никого не могъ найти я во Кіёви,
«Изъ тыхъ только изъ богáтырёвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка».
Тутъ Владиміръ остаётся,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 іюля.

Digitized by Google

65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кіёви,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честны́и тутъ бо́яра
И вси сильни могучи бога́тыри.
Воспрого́воритъ Добрыня таковое слово:
«Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Хочу я Добрыня поженитися
«На молодой Настасьи Микуличной».
Это тутъ вѣдь заве́лся у Добрынюшки,
Этотъ тутъ вѣдь завёлся почестной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честны́и пиръ производится.
Пошолъ тутъ Добрыня во Божью́ церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалися,
Златыми перстнями обручалися.
А й живетъ-то Добрынюшка при Кіёви,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честно́е слово воспрого́ворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
«Дай-ко Добрыни бласловленьицо,
«А съѣздить Добрыни на чисто́ на полё,
«А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
«Могучи́ плечи́ Добрынюшки росталкивать».
Отвѣтъ держитъ ему матушка,

Digitized by Google

Честна́ вдова Офимья Олександровна:
— Поѣзжа́ешь Добрыня на чисто́е на полё,
— На кого оставляшь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну?
— Куда оставляешь золоту казну,
— Куда кладешь-то цвѣтно платьицо,
— На кого еще оставишь добры́хъ коней? —
Отвѣтъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честно́й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«А добры́хъ коней я во по́лё спущу,
«Золоту казну я въ погреба́ замну,
«Цвѣтно платьицо я на вы́шки кладу.
«А тебе какъ родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна,
«Оставлю тебѣ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ безсчетныи.
«Молодой жены я завѣтъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чиста́ поля,
«Я не буду Добрыня ровно три́ году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго бога́тыря;
«Не ходи́ только за братца за крестоваго,
«А за младаго́ Олёшу за Поповица».
Это тутъ Добрыня снаряжается,
А й на добры́хъ коней-то онъ сбирается,
А бере́тъ съ собой нынече товарища,
Брата бере́тъ-то онъ крестоваго,
А и По́тыку Михайлу Ивановица,
И поѣхали оны́ на чисто́е на полё.

Digitized by Google

День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чисты́ихъ на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольицахъ широкіихъ.
Оны ѣхали, дорожку продолжали тутъ,
А пріѣхали оны на чисто́ на полѐ
А на тыи на роздольица широкіи,
Подѣлали тутъ стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпа́ли пшены бѣлояровыи
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадиныихъ.
Оны-то вѣдь стали пировати тутъ,
Хлѣба соли тутъ покушати,
По чары выпить зелена́го вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли попили покушали,
Сдѣлали нынь опочивъ себѣ,
А й ложилиси спать во бѣлыхъ шатрахъ,
А й ложилися спать по вечеру
И спали тутъ ёны до́ утра,
До того же спали до бѣла́ свѣту.
Тутъ Добрыня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:
«Стань-ко братъ мой крестовыи,
«Подь ты Михайла сынъ Ивановичъ,
«Ото крѣпка сна да пробудись-ко ты».
Ставалъ его братъ тутъ крестовыи,
Вымылъ очи свѣжо́й водой,
У́терся полотенышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
На вси стороны вѣдь ёнъ покло́нился,
И пошолъ во конюшни лошадиныи,
Засмотрить пошолъ ёнъ да добры́хъ коней,
Всѣ ль кони стоятъ тамъ по старому,

Digitized by Google

Всѣ ль кони стоятъ тутъ по прежному.
Осмотрѣлъ, оглядѣлъ онъ коней добрыихъ,
Всѣ кони стоятъ тамъ по прежному,
Зоблютъ пшену бѣлоя́ровую.
Пошолъ ёнъ какъ отъ добры́хъ коней,
И взялъ ёнъ тутъ вѣдь во бѣлы́ руки,
Трубочку взялъ ёнъ подзорную,
Поглядѣлъ ёнъ тутъ во чисто́ полё,
Оглядѣлъ ёнъ во чисто полё какъ тутъ,
Во тое во поле во чистоё,
А ко той ли горы онъ ко высокіи,
Ко тымъ лѣсамъ ко дремуціимъ.
Подъ той ли подъ горою подъ высокою
А стоитъ вѣдь конь тамъ богатырскіи,
А сидитъ на кони воинъ главныи:
Голова на немъ какъ бу́ракъ си́льняя,
И глаза у него какъ чаши пи́вныи,
Носъ палица какъ богатырская;
На лѣво́й ноги какъ борзо́й кобель,
На право́й ноги какъ ясе́нъ соколъ.
Это тотъ ли кобель воспрово́ркиваетъ,
А ясе́нъ соколъ какъ воспросвистываетъ,
И также бога́тырь воспрого́ворилъ ёнъ:
— Я матушку русьску́ землю,
— А русьску́ землю я наскрозь пройду,
— Что ни лучшіихъ бога́тыревъ въ полонъ возьму. —
Это тутъ его братъ крестовыи,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
А идетъ-то, самъ ёнъ печалится;
А стрѣтаетъ его братъ тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ:
«Объ чемъ ты мой братъ пынь кручинишься,

Digitized by Google

«Объ чемъ ты скоро нынь запечалился?»
Отвѣтъ дёржитъ брату́ крестовому
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Видѣлъ богáтыря престрашнаго,
— А сидитъ богáтырь на добрóмъ кони,
— А сидитъ-то богáтырь, самъ шатается,
— Ладитъ-то ёнъ русьску землю наскрозь пройти,
— Насъ богáтыревъ нынь какъ во полонъ взиматъ. —
Возгóворитъ Добрыня таково слово:
«Поѣзжай-ко богáтырь поскорёшенько,
«Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!
«Прогони-тко богáтыря съ чистá поля,
«Со тою со силою великою,
«Со тою со силою невѣрною».
Поклонился братъ ему крестовыи,
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Я не смѣю поѣхать на чистó полё
— На этого богáтыря престрашнаго,
— Я этого богáтыря весьмá боюсь. —
Это-то Добрынюшка выходитъ самъ
Со того ль шатра полотнянаго:
«Оставляйся братъ ты мой крестовыи,
«Стереги береги ты бѣлóй шатёръ;
«Я поѣду Добрыня на чистó полё
«Предъ того ль богáтыря престрашнаго».
Выскакивалъ Добрыня скорымъ нá скоро
На тое сѣделышко оковáное,
Взимаетъ палицу военную,
А копьё-то беретъ долгомѣрноё,
Поводами коня онъ призадергиваетъ,
Шпорамы коня подшевеливаётъ.
Никуда какъ Добрыня не оглянется,
Только смотритъ Добрыня во чистó полё,
На того ли престрашнаго богáтыря.

Digitized by Google

Онъ наѣхалъ Добрыня предъ богáтыря,
Закрычалъ-то Добрыня во всю голову,
Колько у Добрыни было гóлоса:
«Что же ты богáтырь сидишь нá кони,
«А не стрѣтаешь меня таперь Добрынюшку?
«Надо намъ съ тобою познакомиться».
Призадынýлъ ёнъ головки богáтырь тутъ,
Самъ згóворитъ таково слово:
— Молодой Добрыня не поѣзживай,
— А русьской богáтырь не попурхивай,
— А будешь въ мои́ руки пóйманой,
— А вдругъ ты будешь пріобщи́паной! —
А на то Добрыня не согласёнъ былъ.
Розгорѣлось ёго сердцо богатырскоё,
Розогналъ ёнъ коня какъ по чисту́ полю,
Билъ коня ёнъ по туцны́мъ рёбрамъ,
А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,
Сталъ бить рубить онъ силу тутъ поганую,
Которá стояла при богáтыри.
Докá ладился онъ богáтырь, ладился,
А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,
А убилъ ёнъ силы поганыи,
А убилъ ёнъ силы сорокъ тысяцей.
Самъ онъ говорилъ таково слово
Молодой Добрыня Микитиницъ:
«Выѣзжай-ко богáтырь на чистó на полё!
«У меня палица какъ розмахаласе,
«Сила какъ росходиласе».
Поѣхалъ богáтырь на чистó на полё,
Розъѣздъ-то дѣлали великіи.
Съѣхались на копья на вострыи,
Копья по яблокамъ срывалисе,
А другъ друга оны не ранили.
А съѣхались они на палицы,

Digitized by Google

А й на палицы тыи военныи,
Другъ друга тутъ пріударили,
Ни который котораго не ранили.
Третій разъ оны съѣхались
А на тыи на сабли на вострыи,
Отфатилъ Добрыня богáтырю,
Отфатилъ ёнъ Добрыня буйну голову.
Палъ тутъ богáтырь со добрá коня,
Тотъ богáтырь кончается.
Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
Къ своему шатру онъ ко бѣлому,
А ко брату тому онъ ко крестовому.
Сходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-ты,
А во стойлы во тыи лошадиныи.
День-тотъ за день какъ водá текетъ,
А недѣля за недѣлю какъ трава ростетъ;
Прошло того времечку вѣдь трú году,
А не видать Добрыни со чистá поля.
Сталъ Владиміръ тутъ подхаживать,
Молодую Настасью подговаривать
За его ли за брата за крестоваго,
А за младáго Алёшу Поповица.
Отвѣтъ держитъ Настасья Микулична:
— Я исполнила заповѣдь женскую,
— Я исполню вѣдь заповѣдь мýжскую.
— А не будетъ Добрыня со чистá поля,
— А пройдетъ того времечки-то вѣдь шесть годовъ,
— Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
— Хоть вдовой живу я, хоть замýжъ пойду,
— Я за князя ль пойду, за боярина,
— А за сильнаго могучаго богáтыря,
— Не пойду ль только за брата крестоваго,
— А за младáго Олёшу Поповица. —

Digitized by Google

Это день отъ дни какъ продолжается,
А ѣздитъ Добрыня на чистыхъ на поляхъ,
А проходитъ-то времечки вѣдь шесть годовъ,
А не видать-то Добрыни со чиста поля.
Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
«Ты поди поди Настасья Микулична,
«А поди топере во замужество,
«А за братца поди-ка за крестоваго,
«За младаго Алёшу за Поповица;
«А я былъ Владиміръ на чистомъ поли,
«Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
«А лежитъ убитъ Добрыня на чистомъ поли,
«А ёнъ ножкамы лежитъ вдоль дороженки,
«Буйной головой лежитъ во ракитовъ кустъ,
«А ёнъ ручкамы лежитъ о сыру́ землю,
«Сквозь его ребра травка выросла,
«Росцвѣли цвѣточки лазуревы».
Это тутъ Настасья пріодумалась:
— Я не знаю сама своей головушки,
— А сама своей головушки подѣвати,
— А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотою,
— А и силою меня берутъ неволею.—
А про то вѣдь Добрынюшка не вѣдаетъ,
Какъ тутъ вѣдь Настасья просваталась
За того ли за брата за крестоваго,
И за мла́даго Олёшу за Поповица.
А на тую на пору въ тое времячко
А пріѣхалъ къ Добрынюшки бога́тырь нынь,
А на томъ ли бога́тырь на добро́мъ кони,
А й на томъ ли бога́тырь кована́мъ сѣдли.
Это тотъ ли бога́тырь съ Золотой Орды,
Да король земли какъ онъ Бухарскій.
Онъ проситъ король земли Бухарскій

Digitized by Google

Выѣхать Добрыню на чистóе на полѐ.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Молодой богáтырь Золотой Орды,
«Еще король земли Бухарскíи!
«А ѣздишь ты, да не попурхивай,
«А будешь ты курёнокъ поймáной,
«А мла́дой богáтырь ты общипаной».
Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
На своёмъ Добрыня кони доброёмъ
А на томъ ли Добрыня кованóмъ сѣдли;
Они съѣхались на копья на вострыи,
Копья пополамъ приломилиси,
Другъ друга они не ранили;
А й на тыи на палицы военныи,
Палици у нихъ сломилиси,
Другъ друга они не ранили.
Третíй разъ оны какъ тутъ посъѣхались.
Оба выпали они со добры́хъ коней,
Стали оны собой таскатися,
Подъ нимà земля какъ подгибатися.
Розгорѣлся Добрыня Микитиницъ
Своимъ сердцомъ онъ тутъ богатырскíимъ,
А фатилъ короля за желты́ кудри,
Кинулъ короля ёнъ на сыру́ землю,
Сѣлъ королю на бѣлы́ груди,
Заздынýлъ ёнъ Добрыня саблю вострую,
Во плечи рука тутъ застоялася.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивать,
Сталъ ёнъ богáтыря вывѣдывать:
«Ты скажись, скажись, богáтырь, со коёй земли,
«Какъ тебя богáтырь именéмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говоритъ король ни съ упадкою:
— Ахъ сѣдатый пёсъ ты сѣдá брада!

Digitized by Google

— Кабы я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— А не имени тебѣ бы ни отечества;
— Пластали те груди вѣдь я бѣлыи,
— Вынималъ бы сердце со-о печенью. —
Заздынулъ Добрыня ручку правую,
Подынулъ Добрыня саблю вострую
А хотѣлъ ёнъ отсѣчь буйну голову,
Во плечи рука тутъ застояласе.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивати,
Сталъ ёнъ Добрынюшка вывѣдывати:
«А скажись, молодецъ ты богатырь нынь:
«Со коёй земли ты, со коёй орды,
«Какъ молодца именемъ зовутъ?»
Говоритъ король таково слово:
— Я есть вѣдь богатырь Золотой Орды,
— Я король земли я есть Бухарскіи. —
А взималъ Добрыня за бѣлы руки,
Отдымалъ *(такъ)* Добрыня отъ сырой земли,
Поставилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Говоритъ Добрыня таково слово:
«А садись-ко богатырь на добра коня,
«Поѣзжай-ко богатырь во свою землю,
«Во свою землю да Золоту Орду.
«Подарю тебѣ колечко подзолоченое,
«А свези-тко теперь да своей матушки,
«Дорогой свези теперичу подарочокъ,
«А еще свези ты челомъ-битьице».
Это сѣлъ тутъ король земли Бухарскіи,
А поѣхалъ король-тотъ во свою землю.
А поѣхалъ Добрыня во бѣлы шатры,
А лёгъ-то спать какъ Добрынюшка
А при тыихъ при латахъ богатырскіихъ,
А поѣхалъ король, тутъ пріодумался:

Digitized by Google

— А честь хвала мнѣ молодецкая
— А съѣхать мнѣ-ка во свою землю,
— Во славную мою Золоту Орду,
— Свезти матушкѣ своёй мнѣ низкóй поклонъ,
— Дорогіе свезти мнѣ-ка подарочки;
— Станутъ люди всѣ мнѣ смѣятися,
— Будутъ звать меня какъ заугольнiимъ,
— Будутъ звать меня какъ беззаконныимъ. —
Поворотъ держалъ богáтырь со дороженки,
Пріѣзжаетъ богáтырь ко бѣлу́ шатру,
Заздынýлъ богáтырь саблю вострую,
Онъ ударилъ Добрыню по бѣлóй шеи.
Вострая сабля не забрала,
Прокатилась она со бѣлóй шеи,
Докатилася она до рѣзвы́ихъ ногъ.
Тутъ Добрыня испужался есть,
Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
Возсталъ ёнъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Взималъ короля ёнъ за желты́ кудри,
А здымалъ короля да отъ земли́ сырой,
Кинулъ короля о сыру́ землю,
Придалъ королю смерть-ту скорую,
«Отъ кого ты чадо ты зачатó было,
«Отъ кого ты чадо вѣдь посѣяно,
«Отъ того ты чадо нынь кончайся-тко!»
Это тутъ у князя у Владиміра
А пошолъ онъ начался почестной пиръ:
Это идéтъ Настасья во замужество
А й за мла́даго Олёшу Поповица,
За его за брата за крестоваго.
А на тую пору въ тое времячко
Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
А садился голубъ на бѣлóй шатёръ,
Полетаетъ голу́бъ въ каменну́ Москву,

Digitized by Google

Оставляетъ голубку на бѣло́мъ шатру.
Зго́воритъ голубка голубочику:
— Не остануси голубка на бѣло́мъ шатру,
— Полечу съ тобой голубка въ каменну́ Москву.
— Какъ нынечу таперичу
— А уѣхалъ Добрыня на чисты́ поля,
— А оставилъ Настасью во Кіёви,
— А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
— А нынь Настасья-то замужъ пошла,
— Не за князя пошла за боярина,
— Не за сильнаго могучаго бога́тыря,
— Пошла столько Настасья Микулична
— А за братца его за крестоваго,
— А й за мла́да Алёшу за Поповица. —
Это тутъ Добрыня догодается,
На своихъ коней скоро сбираются,
Они сѣли, съ товарищомъ поѣхали
Ко тому ли князю ко Владиміру,
Ко братцу тому ли ко крестовому,
Ко мла́дому Алеши ко Поповицу,
Ко ему теперь на почестной пиръ.
Подъѣхали оны тутъ ко Кіёву,
Розлагали розсѣдлали коней добрыихъ
А спустили коней да во чисты́ поля.
А приходитъ Добрыня во свой тотъ домъ,
Ко родители ко той ли ко матушки,
Ко честно́й вдовы Офимьи Александровной,
Самъ ёнъ во платьи во дорожноёмъ.
Это тутъ вдова какъ перепаласе,
Крѣпко вдова испугаласе.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты послухай, честна́ вдова Офимья Александровна!
«Накорми меня теперь со дороженки,
«Поднеси мнѣ-ка чару зелёнаго вина,

Digitized by Google

«Это дру́гу поднеси мнѣ пива пьянаго,
«Третью поднеси мнѣ меду сладкаго».
Это тутъ его узнала родна матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна.
А зго́воритъ Добрыня таково слово:
«А́ гдѣ моя нынь молода жена,
«Гдѣ моя топерь любима́ семья,
«Молода Настасья Микулична?»
— А твоя топерь молода жена,
— А твоя топерь да любима́ семья,
— Она топерь да заму́жъ пошла;
— А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
— Не за сильняго могучаго бога́тыря,
— Берутъ ю за брата за крестоваго,
— А за мла́да Олешеньку Поповица.
— А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
— А й силою берутъ ю неволюшкой. —
Сокрутился Добрынюшка Микитиницъ
А во тыи во платья каличьи,
Взялъ въ руки гуселка яро́вчатыи,
И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пиръ
Ко тому ёнъ князю ко Владиміру,
Ко младому́ Олеши ко Поповицу.
Приходитъ ёнъ тутъ во высокой домъ,
Онъ проходитъ во гридню столовую,
Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бо́яра̀
А и сильни могучи тутъ бога́тыря,
Гдѣ сидитъ князь тутъ моло́дыи,
А Алешенька тутъ Поповиницъ,
Подли его сидитъ тутъ Настасья Микулична.
Говоритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко калики топерь ми́стечко
— А на тую на печку мура́вленую. —

Digitized by Google

А тутъ ёму дали вѣдь ми́стечко
А на той ли на печки мура́вленыи.
Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— Позволь-ко калики заиграть топерь,
— А позволь-ко Владиміръ заиграть-то мнѣ,
— Какъ мнѣ-ка калики во гуселышка,
— А во тыи ли во гусли яро́вчатыи. —
Заиграла калика въ гуселышка,
Во тыи во гусли яровчатыи,
Тонцы повелъ отъ Нова-го́рода,
Другіе повелъ отъ Царя́-града.
Это тутъ Владиміръ здогодается:
«Выходи-ко калика со за́печья,
«А садись-ко калика за дубовый столъ,
«Супротивъ князя топерь моло́дого,
«Супротиво княгины Опраксіи,
«Молодой Настасьи Микуличной».
Го́воритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— А налей-ко калики ты вѣдь чару нынь,
— Чару наливай умѣре́нную. —
Это тутъ Владиміръ догодается,
Наливалъ ему чару зелёнаго вина,
Дру́гу наливалъ тутъ пива пьянаго,
Третью наливалъ ёнъ меду сладкаго.
Это тутъ у калики розгорѣлосе
Сердце его какъ богатырское:
— А позволь-ко, Владиміръ столенъ-кіёвской,
— А налить мнѣ нынь чару зелёна́ вина,
— Поднести вѣдь нынь молодой Настасьи Микуличной. —
«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынь».
Наливалъ калика, приговаривалъ,
Спускалъ туда перстень именитыя,

Digitized by Google

Коимъ пе́рстнёмъ обручалися,
Подносилъ молодой княгини Микуличной,
Самъ подноситъ, выговариватъ:
— Прими-тко нынь ты Настасья Микулична,
— Прими-тко нынь отъ калики зелена́ вина,
— Принимай Настасья едино́й рукой,
— Выпивай Настасья едины́мъ духомъ.
— Пьешь Настасья вѣдь нынь до дна,
— Увидашь Настасья себѣ добра. —
Принимала Настасья едино́й рукой,
Выпивала Настасья едины́мъ духомъ;
Она пила чару, оглядѣла тутъ
Спущоный перстенъ именитыя,
Коимъ перстнёмъ обручалися.
Скочила зъ-за столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ за саха́рніихъ:
«Ахъ же вы князи, вы бо́яра,
«Сильни могучи вси бога́тыри!
«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
«А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
«Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ,
«Мужъ ты мой Богомъ суждёныи,
«А женихъ ты мой какъ обручёныи,
«Не дивуй-ко ты разуму женскому,
«Подивуй-ко ты разуму му́жскому!
«А не честью-то берутъ меня охвотою,
«Силою берутъ меня неволею».
Это тутъ Добрыня росходился самъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Не дивую я разуму-то женскому,
— Подивую я разуму му́жскому,
— А честны́ завѣты исполнила.
— Не пріѣхалъ Добрыня со чиста́ поля,
— Не пріѣхалъ я Добрыня ровно три́ году,

Digitized by Google

— Не пріѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
— Пала вѣсточка ко мнѣ нерадостна.
— Я теперь пріѣхалъ ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Что ты Владиміръ теперь дѣлаешь,
— Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
Подходитъ нынь Добрыня Микитинецъ
А ко брату тому ко крестовому,
А къ Олёши тому ко Поповицу:
— А на что ты, братъ мой крестовыи,
— А берешь мою нынь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну? —
А взималъ ёнъ Олешу за желты́ кудри,
А кидалъ ёнъ Олёшу о кирпичной мостъ,
Попридалъ Олёшѣ смерть-ту скорую.
Сталъ Добрынюшка похаживать,
Съ ноги на́ ногу Добрынюшка поступывать,
Зычнымъ голосомъ по терему поваживать:
— Ахъ же князи́ видно бо́яра,
— А вы сильни могучи бога́тыри,
— Ай ты нашъ Владиміръ на что нынь укинулись,
— Дѣлаете дѣло нехорошее! —
Это тутъ бояра перепалися,
Со того пиру какъ розбѣга́лися.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Ахъ же Владиміръ столенъ-кіевской!
— Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
— А ты вѣдь сдѣлалъ дѣло доброё:
— Молоду Настасью Микуличну
— А силою берешь ты великою.
— Ты прощай меня нынь-ка, Владиміръ князь! —
Взялъ Настасью за бѣлы́ руки,
Повёлъ Настасью во свой онъ домъ.

Digitized by Google

Это тутъ Добрыня наживается,
А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

66.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Динь-динь-динь изъ подъ того креста Леванидова
Выходило выбѣгало два тура три́ турà.
Случилосе турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
Оны видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
Они видли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно:
Выходила дѣвица, слезно плакала,
Она книгу читала Евангелью,
А и не только читала, вдвоёмъ плакала.
Соходились туры со ро́дной матушкой:
«Здравствуй турица родна матушка,
«Ты здравствуй турица златорогая!
«А мы шли туры да мимо Кіёвъ градъ,
«А й мы видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
«А и видѣли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно:
«Выходила дѣвица, слезно плакала,
«На рукахъ держитъ книгу святу Евангелью,
«А и не только читаетъ, вдвоёмъ плачетъ».
— А й вы глупы туры-ты малы дѣтушки!
— Не дѣвица выходила, слезно плакала,
— А й не книгу читала не Евангелью,
— Тутъ плакала стѣна городо́вая;
— Она свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку:
— Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,

Digitized by Google

— Со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
— Со тымъ дьячкомъ со выдумщичкомъ.
— У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
— А у сынушка силы сорокъ тысячей,
— А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
— У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
Проситъ Батыга отъ Кіёва,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
«Дай-ко мнѣ поединщика,
«Чтобы со мной съ Батыгой поправиться».
Да несчастно во Кіеви случилоси,
Что ни лучшихъ богáтырей не згодилоси.
Святогоръ богаты́рь на святы́хъ на горàхъ,
А Илья да Самсонъ у си́няго у моря́,
Добрынюшка Микитичъ во чисты́хъ во поля́хъ,
А Алеша богомолъ въ богомо́льнёй стороны́.
Жилъ-то былъ голь кабацкая,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
Крёстъ кладетъ-то по писáному,
А поклоны ведетъ по учёному
На всѣ три на четыре на стороны,
Князю Владиміру въ особину:
— Здравствуй Владиміръ стольне-кіевской!
— Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною.
— У Васи съ похмѣлья буйна голова́ болитъ,
— У Василья ретиво́ сердцо щемитъ. —
Приказалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
Наливать ему чару зелёнаго винà,
Дру́гу наливать пива пьянаго,
Третью наливать меду сладкаго.

Digitized by Google

Становилось питья полъ-пята́ пуда,
Становилось питья полтора ведра.
Принималъ тутъ Василій единóю рукой,
Выпилъ Василій едины́мъ духомъ,
Самъ ёнъ Василій слово вымолвилъ:
— Я теперь могу на своёмъ кони сидѣть,
— Я теперь могу своей саблéй владѣть,
— Которая сабля во сорокъ пудъ. —
Взималъ выбиралъ да кóня добраго,
Шелковую уздицу налагáлъ на егò,
На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
Сѣделышко черкаско накладывалъ,
А двѣнадцать подпругъ онъ подтягивалъ,
Не для ради красы басы угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскіи;
Булатъ не гнется не ломится,
Шелковы́ подпруги не обóрвутся.
Тугіе луки́ по бокамъ металъ,
Калену́ стрѣлу онъ въ подзолотку *(такъ)* клалъ,
Шолковъ онъ поводъ въ бѣлы́ руки брàлъ,
Шпорами коня онъ потыкивалъ.
Конь его добрый поскакивалъ
За ту за стѣну городовую
И за ту за башню заугловую.
Поѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
Видитъ Батыгу на чисто́мъ на полѝ.
Натягалъ Василей калёный лукъ,
Стрѣлку вынималъ съ подзолоточки,
Стрѣлѝлъ по головамъ что ни лу́чшенкіймъ,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
Убилъ чёрна дьячка ёнъ выдумщика.
У Батыги вѣдь кони хорошіи,
У Батыги вѣдь кони снарядныи,

Digitized by Google

Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцовъ,
Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіёвъ градъ.
Кіевъ градъ онъ немалой есть,
Соколу летѣть на угряґу ему,
Маленькой птицѣ натѣшиться,
Виноватаго во Кіеви не взыскати.
Ѣдетъ Василей ко Батыги на лицо
На своёмъ кони онъ на доброёмъ
И на томъ сѣдли на окóваноёмъ.
Рѣки озёра межу ноги пускалъ,
Сини моря ёнъ околó скакалъ,
На горы высоки выскакиваетъ,
Хвостъ по земли розстилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Огненный пламень вымахиваетъ,
Тымъ лукомъ калёнымъ выстрѣливаетъ,
Вострымъ копьёмъ онъ помахиваетъ.
Отъ того копья какъ отъ востраго,
Отъ той отъ палицы военныи
На Батыгу страхъ да уклоняется,
Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
Колько ни было какъ выѣзживанò,
На такомъ было страхý не стáиванò,
Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того отъ князя отъ Владиміра,
Ѣдетъ богатырь удáлый молодѣцъ,
Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
Только страшно стоять-то на чистóмъ на полѝ.
Пріѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
— Здравствуй Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
Отвѣтъ держитъ тотъ Батыга нынь:
«Нѣту сына Батыги Батыговича,

Digitized by Google

«Нѣту зятя Торокана Корабликова,
«Нѣту черна дьячка какъ выдумщичка!»
Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынь:
— Прости-ко меня во первóй нынь винѣ,
— Во первóй вины прости во великіи!
— Я убилъ у тебя сына Батыгу нынь,
— Убилъ зятя Торокана Корабликова,
— Убилъ черна дьячка я выдумщичка.
— За свою за вину за великую
— Я могу послужить какъ Батыги тебѣ.
— Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
— Я поѣду ко городу ко Кіёву
— А ко ласкову князю ко Владиміру,
— А мы Кіевъ градъ да мы огнёмъ пожгёмъ,
— А Владиміра мы во полонъ возьмёмъ. —
А на ты лясѣ Батыга пріукинулся,
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣхалъ Василей на чистó на полё,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Присѣкъ прирубилъ до одной головы.
Скоро ѣде Василей ко Батыги на лицо:
— Прости-ко Батыга во другой вины,
— Во другой вины ты меня великіи!
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей.
— Нынь я въ городи повысмотрѣлъ,
— Нынь я во Кіеви повыглядѣлъ,
— Гдѣ стоятъ воротца отлóженныи.
— Прямо нынь мы поѣдемъ и ко Кіёву,
— Только дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей. —
Онъ поѣхалъ со тою-то со силою,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Палицей бьётъ онъ военною,
Копьёмъ ёнъ бьётъ да долгомѣрныимъ,
Не оставилъ Василей ни единой головы.

Digitized by Google

Пріѣхалъ Василей ко Батыги на лицо,
Челомъ ему билъ и поклоняется:
— Я еще вѣдь во городѣ все высмотрѣлъ,
— Я нынь же Батыга постою за тебя. —
Далъ ему силы сорокъ тысячей,
Сорокъ сороковъ все черныхъ соболёвъ,
Злата сребра ему смѣту нѣтъ.
Повыѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
Ѣдетъ ко Кіеву со радостью,
Всю онъ силу вѣдь са́блей рубитъ.
Натягалъ Батыга вѣдь трубочку,
Трубочку натягивалъ подзорную,
Глядитъ онъ во славно во чисто́ полё,
Ко тому ль ко городу ко Кіёву,
Ко тому ль ко князю Владиміру,
На тыи поля-то онъ на чистыи,
На ты луга на зелёныи,
На ты на травы на шелко́выи,
Видитъ дѣло не хорошеё.
Сбирается Батыга на до́брыхъ конѣй,
Поѣзжае Батыга во свою́ скоро землю,
Во тую во землю во невѣрную.
Кле́нется Батыга проклинается:
«Не дай мнѣ нынь подъ Кіевымъ бывать,
«Не могу я теперь про Кіевъ про́сказать,
«Золоту казну я истра́тилъ всю!
«Кіевъ градъ онъ не малый есть,
«Во Кіеви бога́тыревъ смѣту нѣтъ».
Что ни лучшіе бога́тыри во Кіёви,
Золота казна-то во Чернигови,
Цвѣтно платье въ Новѣ́-городи,
Хлѣбны запасы Смоле́нца городу́.
Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
День онъ ночь удаляется

Digitized by Google

От того ли отъ города отъ Кіева,
Отъ того ли князя отъ Владиміра.
Увидѣлъ Василей Игнатьёвъ сынъ,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Роскипѣлась его мысель молодецкая,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Не поѣду ко городу ко Кіеву,
— Ко тому князю къ Владиміру,
— Поѣду въ сугонъ да въ слѣды Батыгины,
— Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
— Со мной съ богатыремъ нынь повидается.
— Я поѣду вѣдь нынь да спрошу его:
— Что же те Батыги не слюбилоси,
— Ты поѣхалъ вѣдь нынь-ка отъ Кіёва,
— Да поѣхалъ ты, не простился нынь
— Съ тымъ ли съ городомъ со Кіёвымъ? —
Это тутъ Батыги не слюбилоси,
Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
На того ли на Василья на Игнатьевича,
На храбраго воина военнаго.
Взималъ ёнъ тутъ какъ Василей нунь
А й наѣхалъ Василей съ саблей вострою,
Отсѣкъ-то Василей буйну голову
А невѣрному Батыги по кореню.
А упалъ-то Батыга съ коня добраго
На тую на матушку сыру землю
А на ту ёнъ на мураву траву.
Отъѣзжаетъ Василей отъ Батыги нынь,
Прирубилъ прикосилъ послѣдню силу тутъ.
Поѣхалъ Василей ёнъ ко Кіёву,
Ко тому ко князю Владиміру,
Кричалъ онъ Василей на поли на томъ,
На поли на томъ какъ на чистоёмъ:
— Прикажи-тко, Владиміръ стольнё-кіевской,

Digitized by Google

— Отпереть мнѣ ворота широкіи,
— Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброёмъ
— За тую стѣну городо́вую,
— За тую за башню углóвую! —
Отворили ворота широко́ ему,
Заѣзжае Василей на ко́ни до́броёмъ,
Сходитъ слѣзаетъ съ ко́ня добраго,
Самъ онъ привязыватъ коня́ какъ тутъ
Ко тому столбу ёнъ точеному,
Насыпатъ пшены бѣлоя́ровыи;
Заходитъ ёнъ въ полату бѣлока́менную,
Крёстъ кладыва́етъ по писа́ному,
Поклоны веде́тъ-то по учёному.
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же слуги мои вѣрныи,
«Слуги вы мои княженецкіи!
«Допросите Василья вы какъ нынечу,
«Каково ёнъ ѣздилъ во чисто́мъ поли».
Какъ спросили слуги его вѣрныи,
Тыи слуги княженецкіи:
— Каково ты ѣздилъ во чисто́мъ поли? —
Зго́воритъ Василей таково слово:
«Вся сила вѣдь воспорублена,
«Славны бога́тыри привыбиты».
Какъ завелъ тутъ князь какъ Владиміръ нынь,
Для того воина для главнаго,
Завелъ ёнъ балъ какъ на двѣнадцать дёнъ;
А на томъ на пиру княженецкоёмъ
А сидятъ тамъ вси князи бо́яра,
А вси говорятъ таково слово:
— Ахъ же Василей Игнатьёвъ сынъ!
— Вѣдь всѣ ли бога́тыри розъѣхались,
— А хоть ты нынь съѣздилъ на чисто́ полё,
— Постоялъ ты Василей за Кіевъ градъ,

Digitized by Google

— За того князя за Владиміра! —
И на томъ ли пиру вси росходятся,
И пиръ тотъ весь да нынь кончается.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгу́ливаетъ,
На своемъ Чурила на до́бромъ конѝ,
Пріѣхалъ Чурила къ Вельмино́му домў,
Скрычалъ-то Чурила во всю́ голову́:
«Въ домѣ́ ль Вельма́ сынъ Васи́льевичъ?»
Выходитъ выбѣгатъ Катеринушка,
Выходитъ она дочь Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
— Да нѣту Ве́льма сына Васи́льевица̀,
— Ушолъ Вельма́ во Божью́ церкву.
— Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
А отвѣтъ держалъ какъ Чурилушка:
«Не въ убори я былъ, Катеринушка;
«Нынь я Чурила обладился,
«Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
«По́дпяты пя́ты ши́ломъ востры́,
«Около носовъ яицо́мъ прокатить,
«По́дъ пяты пя́ты воробе́й пролетитъ;
«Шапочка ушиста пуши́ста было̀,
«Хорошо была надвѣ́систаѝ,
«Сопереди не видно лица бѣлаго,
«Иззади не видно шеи бѣлыи, —
«Дакъ нынь я Чурилушка обладился

Digitized by Google

«И такъ я Чурилушка пріѣхалъ къ тебѣ».
Воспрося его Катеринушка
Брала за ручки за бѣлыи
И провела его въ полату браную,
Садилась за столы дубовыи,
За тыи за ѣствы сахарніи,
Наливала ёму питья медяныи,
Отходя же сама низко кланяласи:
— Ѣшь-ко пей ты Чурилушка,
— Покушай-ко ты нынь Поплёнковичъ! —
Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилушка,
Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
Зъ-за тыи за ѣствы сахарніи,
Зъ-за того питья за медянаго,
Господу Богу поклонится,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Катерину да ёнъ въ особину:
«Благодарно тебѣ Катеринушка,
«Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
Отвѣтъ держала Катеринушка:
— На до́бро тебѣ-ка здоровьице,
— Да на до́бро тебѣ-ка Чурилушка,
— Чурилушка да ты Попле́нковицъ! —
Взяла за ручки за бѣлыи,
За его перстнѝ за злаченыи,
Повела его въ спаленку теплую,
Къ той ли ко кроватки ко кисовыи,
Къ той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко кру́тому высокому зголовьицу,
Ко тому ль одѣялу соболиному.
Сама говорила таково́е слово:
«Изволь-ко ложиться Чурилушка,
«Изволь-ко ложиться сынъ Попле́нковичъ!»
Лёгъ тутъ спать какъ Чурилушка,

Digitized by Google

Лёгъ тутъ спать да сынъ Попле́нковичъ,
Подли е́го-то Катеринушка,
Да подли́ бочка дочь Микули́чна.
Оны стали-то жити-то бы́ти оны,
Межу со́бою времечки коро́тати.
Какъ на тую пору въ тое времячко
Прови́дала дѣвка дворовая,
Дворовая дѣвка челягична,
Башма́ченка обувала на босу́ю ногу́,
Шубу надѣвала на одно́е плечо,
Бѣжала дѣвче́нка ко Божье́и церквы́,
Крычала дѣвчонка во всю голову:
— Что же ты, Вельма̀ сынъ Васильёвичъ,
— Стоишь ты Вельма̀ во Божье́й церквы,
— Господу Богу Вельма̀ молишься,
— До мосту́ ты Ве́льма поклоняешься,
— Надъ собой ты незгодушки не вѣдаешь!
— Есть у тебя во твоёмъ дому,
— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость,
— Онъ ѣстъ-то пьетъ проклаждается,
— Со твоею женой забавляется. —
Онъ кинулъ головушку межу́ плечью,
Утупилъ ясны очи въ калиновъ мостъ,
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,
«Дворовая ты дѣвка челягична!
«А никто тебя дѣвку не спрашиваетъ,
«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ *(такъ)*!
«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,
«А своё бы ты дѣвка дворовоё,
«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,
«Знала бы ты дѣвка теляшо́въ поить!
«Правду говоришь — во замужъ возьму,
«А неправду говоришь — голову́ срублю».

Digitized by Google

Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,
На своё на мѣсто на прежноё.
А приходитъ Вельмà отъ Божьёй церквы,
Приходитъ-то Вельмà ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадиныи,
Гдѣ стоялъ-то конь его добрыи,
А не видитъ коня своя *(такъ)* добраго,
Только видитъ коня ёнъ Чурúлушкинà;
Онъ зоблетъ пшену бѣлояровую,
А его видно конь какъ прióтогнанъ,
А Вельмúнъ же конь тутъ прióтведенъ.
Такъ отходитъ отъ конюшни стоялыи
А отъ той ли отъ стойлы лошадиныи,
Приходитъ къ воротцамъ рѣшóтчатыймъ,
Да ко тыимъ ко пя́тничкамъ *(такъ)* булатніимъ,
Ко тымъ ли петли́чкамъ шелкóвенькіймъ;
У тыхъ воротецъ колотится,
У тыхъ воротецъ давается.
Это тутъ Катеринушка,
Это тутъ дочь она Микулична,
Крику ёна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бѣжитъ она какъ въ одныхъ чулкахъ,
Да безъ чёрныихъ бѣжитъ безъ чéботовъ,
Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки;
У ней женскіи волосы́ рострéпаныи,
У ей нѣжна грудь бѣлà покáзаная.
Отпирала воротца рѣшóтчатыи.
Говоритъ Вéльма тутъ сынъ Васильёвичъ:
«Что же ты Катеринушка
«Видно крѣпко меня испугаласи?
«Въ одныхъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,
«Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки».
Отвѣтъ держала Катеринушка,

Digitized by Google

Отвѣтъ держитъ дочи Микулична:
— Ахъ же ты Вельмà сынъ Васильёвичъ!
— Мнѣ ль Катеринушки не можется,
— Мнѣ ль Микуличной хворается,
— Да крѣпко мнѣ не домогается. —
Пошолъ-то Вельмà тутъ по полатушки,
Да увидѣлъ лапóтцы Чурилушкины:
«Эты лапóтцы у Чурúлушки видалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Ахъ же Вельмà сынъ Васильевичъ!
— А эты лапóтцы братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ-то Вельмà да по полатушки,
А увидѣлъ шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чурúлы видалъ,
«Этую шапку у Чурúлы слыхалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ дёржитъ дочь Микулична:
— Это шапка братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ Вельмà ёнъ во спаленку,
Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку
Нá той кровати кисовыи,
Нá той перины пуховыи,
Подъ тымъ одѣяломъ соболиныимъ,
Да на томъ ли еще на зголовьицѣ,
Обвернулся на стѣнку лицовую,
Кó той ко стопочкѣ точеныи.
Взялъ-то Вельмà да саблю вострую,
Отсѣкъ-то Чурилы буйну голову.
Поворотъ держалъ на ручку на правую:
«Гдѣ пала головка Чурилушкина,
«Тутъ пади головка Катеринушкина!»

Digitized by Google

Такъ дѣвку дворовую,
Этую дѣвку челягичну,
Ёнъ отмы́лъ чередѝлъ,
Въ цвѣтно пла́тьё снарядѝлъ,
По утру по свѣту къ вѣнцу пошолъ,
Во ту́ю оны́ во Божью́ церкву,
Принимали оны да по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходитъ Вельмà тутъ во полатушку,
Приводилъ ёнъ ту за бѣлу́ руку.
Такъ оны нынѣ теперичу
Стали жити-то бы́ти оны́,
Межу со́бой вре́мечки корбтати.
Тутъ Чурилушки славу́ поютъ,
Тутъ Катерины неминýему.

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

68.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадольскаго,
Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
Выходило выбѣгало тридцать ка́раблей.
Ино на тыихъ было тутъ на ка́рабляхъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Соловéй во тридцатыихъ,
Тридцать одна его ма́тушка роднà.
Хорошо кара́бли изукрашены,
Хорошо кара́бли изнаряжены:
И носъ корма да по туриному,

Digitized by Google

Широки́ бока по лосиному,
Парусы кру́пчато́й камки,
Якори на ка́рабляхъ булатніи,
У якорёвъ колечика сере́бряный,
Кадолы-ты [1]) изъ семи шелковъ;
И мѣсто было руля повѣшено
По заморскому соболю по до́рогому́,
Да руль-то былъ занала́женной.
И на томъ было какъ на ка́рабли
Младъ Соловейко Гуди́мірович.
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
«Дѣлайте дѣло повелѣное,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана.
«Вы берите-тко трубочки подзорныи,
«Глядите во славно во сине́ морё,
«Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Наглядите въ при́сталь карабельнюю».
И ставали во машты высокіи,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали бо́льшаго атамана,
Глядѣли во славно сине́е морё,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Углядѣли при́сталь карабельнюю.
Скоро будучи съ ка́раблемъ подъ Кіевомъ,
Забѣгали во присталь карабельнюю,
Па́русы спускали крупчато́й камки,
Якори бросали булатніи.
Зго́воритъ мла́дъ Соловѣй сынъ Гуди́мировѣцъ:
«Сходенку выкидывай сере́бряную,

1) Т. е. снасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

Digitized by Google

«Другу выкидай подзолóченую,
«Третью выкидай исповóлжануюѝ.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёныѝ во бѣлыѝи рукѝ,
Матушка камочку узóрчатуюѝ,
И самъ беретъ гуселка ярóвчатыѝ,
И самъ идетъ по сходенки золóченыѝ,
Матушка идéтъ по серéбряныѝ,
Вся его дружина по исповóлжаныѝ;
Приходятъ оны ко Владúміру на двóръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крёстъ кладéтъ по писáному,
А поклоны-ты ведéтъ по учёному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стороны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узóрчатую
Молодой княгины Опраксіи.
Взимаетъ княгина на бѣлыѝи рукѝ,
А взимаетъ княгина, дивуетси:
Да не дóрога камочка заморская,
А й дóроги узоры заморскіи!
Сталъ его Владиміръ выспрáшиватѝ,
Сталъ его Владиміръ вывéдыватѝ:
— Ты скажись, молодецъ, со коéй земли,
— Какъ молодца именéмъ зовутъ? —
Подходитъ къ ему поблизéшенько,
Поклонилси князю самъ низéшенько:
«Зъ-за того я моря зъ-за Дунайскаго,
«Зъ-за того я острова Кадольскаго
«Душечка удáлый добрый мóлодецъ,
«Младъ Соловéйко да сынъ Гудúміровѝичъ».
— Ты зачёмъ же сюда побывáлъ ко мни?

Digitized by Google

— Торго́мъ торговать ли на съѣздъ ко мни,
— Ли на съѣздъ ко мни, ли на житьё пожить? —
Отвѣтъ держалъ Соловéюшко,
Младъ Соловéй да сынъ Гудíміровичъ:
«Не торго́мъ торговать да не на съѣздъ къ тобѣ,
«Я пріѣхалъ къ тобѣ какъ на житьё пожить.
«Дай-ко мнѣ да теперь ми́стечка
«Подли сéбя да ты подли́ бочка.
«Есть у тя молода племянница,
«Молода Забавушка Путятична,
«У нёй какъ есть во зелены́хъ садохъ *(такъ)*
«Дубьица вязьё повы́рощеноё:
«Позволь-ко мнѣ-ка нунь су *(такъ)* повы́рубити,
«Изъ саду вонъ мнѣ повы́метати,
«Построить мнѣ да тамъ три́ терема́,
«Со тро́ими со си́нями съ нарядними».
Зго́воритъ Владиміръ таково́е слово́:
— За тыи за рѣчи умильніи,
— За твои слова постановныи,
— Ступай нынь теперь въ зелены́и сады́,
— Дѣлай ты дѣло повелѣ́леное. —
Также приходитъ Соло́вьюшко,
Младъ Со́ловей да сынъ Гудíміровичъ,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцовъ безъ единого:
«Дѣлайте вы дѣло повелѣноё,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана,
«Берите вы нынь да во бѣлы́ руки
«А и ты ль топорики булатніи,
«Подѣлайте кирочки лопаточки,
«Поди вы таперь да въ зелены́и сады́,
«Ду́бья вы вязья́ всё повы́рубитѐ,
«Да изъ саду вонъ да вы повы́мечитѐ,
«А тыи коренья вы повы́копайтѐ;

Digitized by Google

«Постройте вы тамъ да ровно три́ терема̀,
«Со тро́има со си́нями съ нарядними, —
«По утру мнѣ-ка стать нынь-ка жи́ть пойти».
Дѣлали дѣло повелѣноё,
Слушали бо́льшаго а́тамана,
А има́ли топорики булатніи,
Подѣлали кирочки лопаточки,
Дубья-то вязья̀ повы́рубилѝ,
Изъ саду вонъ какъ тутъ повы́металѝ,
Построили оны̀ вѣдь тутъ три́ терема̀,
Со тро́има со си́нями съ нарядними;
Къ утру свѣту они жить пошли.
По утру было какъ тутъ ранёшенько
А ставала какъ есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тутъ бѣле́шенько,
Утиралась полотёнушкомъ суше́хонько,
Она Господу Богу помоли́ласе,
Глядѣла она̀ тутъ во окошечко,
Сама-то о́на тутъ счудоваласе,
Сама-то о́на тутъ здивоваласе:
— Что это нынь чудо счу́дилосѐ,
— Вино пиво да воспроку́рилосѐ?
— А во моихъ топерь зелены́хъ садахъ
— А дубьицо вязья все повы́рублено̀
— А изъ саду вонъ оны повы́метаны̀. —
Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
Башмачки надѣвала на босу́ ногу,
Пошла ёна Забава въ зелены́ сады,
Приходитъ она ко пе́рву терему́,
Въ первомъ терему шопотко́мъ говоря̀тъ:
Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливатъ за сына за любимаго,
За мла́даго сына Гуди́мірова̀.

Digitized by Google

Приходитъ она ко дру́гу терему̀,
Въ другомъ терему̀ стучитъ гремитъ,
Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
Считаетъ Соловей да золоту казну,
Золоту казну ёнъ тутъ безсчётную.
Приходила она ко тре́тью терему̀,
Тамъ играютъ во гусе́лка ярбвчатыѝ,
Тонцы ведутъ отъ Нова́-города̀,
Дру́ги ведутъ-то отъ Ерёсолима̀,
Припѣвы припѣваютъ хоро́шіѝ.
Заходила Забава Утятична
Во тотъ ли она во бѣло́й шатёръ,
Крёстъ она клала́ по писа́ному,
Поклоны-ты вела какъ по учёному,
На вси три вѣдь на четыре какъ на сто́роны,
Той ли дружины въ особину;
Садилась на брусо́ву нову лавочку,
Сидѣла она видно де́нь съ утра,
День съ утра она до вечера,
А отъ вечера какъ до полуночи,
Отъ полуночи какъ до бѣла́ свѣту.
По утру было тутъ поранёшенько
Приходитъ душечка уда́лый мо́лодецъ,
Младъ Соловейка сынъ Гуди́міровичъ,
Самъ онъ говоритъ таково́е слово̀:
«Чья у васъ дѣви́ца присва́танаѧ,
«Чья у васъ дѣви́ца незна́емаѧ?»
Ставала Забава на рѣзвы́ ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
— Здравствуй уда́лый добрый молодецъ,
— Младъ Соловёйко Гуди́міровичъ!
— Есть ты мо́лодецъ вѣдь нежёнёный,
— Я ли дѣви́ца на выда́ваньи. —
Зго́воритъ душка уда́лый добрый мо́лодецъ,

Digitized by Google

Младъ Соловéй да сынъ Гудúмировúчъ:
«За всё тебя дѣвица, за всё люблю́,
«За одно тебя дѣвица я никáкъ не люблю́,
«Ты сама себе дѣвица просвáтала....
«Ступай-ко дѣвúца ты во свóй нынь дóмъ,
«Бей-ко челомъ поклоняйси-тко
«Князю ль тому же ты Владимiру,
«Чтобы онъ завёлъ какъ нынь почестный пиръ».
Такъ пошла нынь дѣвúца какъ во свóй тутъ домъ,
Била дѣвица и челóмъ онá
Кó тому ко князю Владиміру:
— Ты послушай-ко нынь мой ты дядюшка,
— Ты Владиміръ князь-ко стольне-кіевской!
— Во своей полаты грановитыи
— Для меня любимой племянницы
— Заведи-ко ты ныни какъ почестный пиръ,
— Чтобы было мнѣ чимъ нынь похвастати. —
А какъ завелъ вѣдь ей тутъ дядюшка,
Онъ завелъ нынь тутъ какъ почестный пиръ.
На томъ на пиру да было весело,
Пили ѣли проклаждалися.
Тогда приходитъ удáлый мóлодецъ,
Младъ Соловéйко сынъ Гудúмировичъ,
Беретъ еé дѣвицу за бѣлы́ руки,
Пошли оны съ дѣвицей во Божью́ церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми вѣнцами да повѣнчалиси.
Приходитъ Соловéй ко Владиміру,
Приноситъ благодарность великую,
Дѣлатъ почéтъ ему честныи,
Честныи почéтъ и благодарныи.
Пошолъ Соловéй да во свой тутъ домъ,
Сталъ Соловéй-то жить и быть,
Мéжу сóбой времечки корóтати.

Digitized by Google

Здунинай Дунай сынъ Ивановичъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Помо́рской стороны́,
Щелья каменья Подсѣверной страны́,
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки,
Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшой бородкой; живетъ земледѣліемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былинъ; онъ выучился имъ мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аѳанасья изъ Кулгалы у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былину про Соловья Будимі́ровича. Сорокинъ поетъ весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробовалъ когда-то распѣвать въ видѣ былинъ и сказки, которыя разсказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записалъ его былины,

Digitized by Google

частью поручилъ это писарю. При сличеніи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былинъ Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частицъ *(а й, какъ)*, которыя Сорокинъ ставитъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣніи былины «голосомъ» и опускаетъ при пословесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенные въ нихъ варіанты, цѣликомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

69.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й не волна ли какъ на мори расходиласи,
А й не сине море всколыбалоси,
А й взволновался да вѣдь Ка́линъ царь,
А й на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ онъ,
А й на солнышка князя Владиміра,
А й какъ онъ на святую Русь.
А й какъ бралъ ёнъ съ сорока земель
А й какъ сорокъ ёнъ королей да королевичевъ;
А й за кажнымъ королёмъ королевичемъ
А й какъ силы было какъ по сóроку ужъ тысячей.
А й какъ бралъ ёнъ пятьсотъ князей да бояръ онъ невѣрныихъ,
А й за кажнымъ силы по сороку было тысячей.
А й какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ стольніи
А й подъ городъ по Кіевъ-онъ,
А й становился ёнъ ко матушки да Елисей-рѣки,

Digitized by Google

А й во ты во поля во Елѝсина.
А й какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
Призывалъ онъ посланника да любезнаго,
А й какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій!
«А й неси какъ мою чернилицу да вальячную,
«А й неси моё перо какъ лебединое,
«А й неси листъ бумагу гербовую».
А й какъ тутъ безбожный Калинъ царь
А й садился онъ да на ременчатъ стулъ,
А къ тому онъ столику ко дубовому;
А й какъ началъ онъ ёрлуковъ да написывать,
А й какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
А й писалъ ужъ какъ силушки много да тысячей,
А й какъ ёнъ ерлуки запечатывалъ,
Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
А й какъ говорилъ ёнъ ему таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій безызмѣнныій!
«А й бери ерлуки во бѣлы́ руки,
«А ступай-ко садись на добра́ коня,
«А й поѣзжай-ко ты во славный во Кіевъ во городъ-онъ,
«А й ко солнышку ко князю ѣдь прямо на ши́рокъ дворъ,
«А станови-тко добра́ коня осере́дь двора ши́рока,
«Осередь двора ши́рока княженецкаго,
«А самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдь княженецкіи,
«А какъ проходи въ полаты-ты княженецкіи,
«А й какъ русьскому Богу не кланяйся,
«А й какъ солнышку князю челомъ не бей,
«Не клони ёму буйны головушки,
«Кла́дывай ерлуки ему на дубовый столъ,
«А й да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й бери ерлуки во бѣлы́ рѣки,
««А й ерлуки роспечатывай,

Digitized by Google

«А й какъ ты роспечатывай да розвертывай,
«А й до кажнаго словечка да высматривай»».
«А й скажи ему да еще таковы слова,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й со Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
««Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиныи,
««А й стоять нашіимъ да добры́мъ конямъ.
««А й еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й умой-ко полаты вѣдь бѣлокаменны,
««А стоять нашей рать силы великіи.
««А еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й широкіи улушки да повы́паши»».
«А й потомъ повернись да поди съ полатъ вонъ съ бѣлокаменныхъ,
«А й потомъ садись на своего на добра́ коня,
«А й поѣзжай въ свою рать силу великую».
А й какъ тутъ посланникъ любезныіи безызмѣнныіи
А й какъ шолъ садился ёнъ на своего добра́ коня,
А й какъ ѣхалъ во славныіи да во стольныіи
А й во городъ во Кіев-отъ;
А й пріѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ Владиміру,
А й пріѣзжалъ къ нему онъ на ши́рокъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра́ коня
Осере́дь двора широка княженецкаго,
А й какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты княженецкіе,
А й какъ русьскому Богу не кланялся,
А й какъ солнышку князю челомъ не билъ,
Не клонилъ ему буйны головушки.
А й какъ самъ кла́дывалъ ерлуки на дубовый столъ
Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
А й какъ говорилъ: ужъ ты солнышко Владиміръ князь,
— А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской!

Digitized by Google

— А й ты бери ерлуки во бѣлы́ руки,
— А ерлуки роспечатывай,
— А ты еще ихъ да розвертывай,
— А й до кажнаго словечка да высматривай.
— А ты еще да послухай-ко
— А что теби я́ скажу:
— А й какъ ты по всёму какъ по городу по Кіеву
— А й широкіи улушки повыпаши,
— А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
— Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиные,
— А й стояти нашимъ добры́мъ конямъ;
— А еще какъ по городу да по Кіеву
— А умой-ко полаты вѣдь ты бѣлокаменны,
— А й стоять нашей рать силы великіей. —
А потомъ повернулся ёнъ
А пошолъ онъ съ полатъ-то княженецкіихъ,
Выходилъ-то онъ на ши́рокъ дворъ,
А й какъ онъ садился на своего да на добра́ коня,
А й какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
А й какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
А ставалъ ёнъ какъ со мѣста да со бо́льшого,
А й взималъ свой золотой тотъ стулъ,
А й садился ко тому столу дубовому,
А й какъ бралъ е́рлуки да во бѣлы́ руки,
Ерлуки онъ тутъ роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ розвертывалъ,
А й до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
А й какъ тутъ увидѣлъ ёнъ какъ у матушки,
А у матушки да Елисей-рѣки,
А й во тыхъ во поляхъ во Ели́синахъ,
А стоитъ какъ безбожный Ка́линъ царь
Со своёй силой съ невѣрною,
А й какъ силушки на чисто́мъ поли

Digitized by Google

А й какъ мелкаго лѣсу да шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега;
А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
А й какъ будто сухого лѣсу жарóваго.
А й какъ тутъ устрашился солнышко Владиміръ князь,
А й повѣсилъ свою буйную ёнъ головушку
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ,
А й самъ говорилъ да еще таковы слова:
«Ай же ты жонá моя да любезная,
«А й княгина Апраксія!
«А й пришло видно времечко да великоё,
«А й пришло видно въ полонъ отдать
«Славный городъ намъ Кіев-отъ
«А й безбожному царю ужъ какъ Калину!
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего,
«А й какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
«Всѣмъ сенатóрамъ-то думнымъ,
«А какъ всѣмъ вельможамъ, купцамъ да всѣмъ богатымъ,
«А й какъ всѣмъ поляницамъ удáлымъ,
«А й русейскимъ сильнымъ могучимъ богáтырямъ,
«А й пришлось имъ да порозъѣхаться,
«А й повыѣхать какъ со города да со Кіева,
«А й какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего
«Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
А какъ давалъ какъ ёй ерлуки скорописчаты,
А й какъ брала ёнá ерлуки во бѣлы́ руки,
А й какъ начала да читать она розсматривать,
А й сама говорила вѣдь таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я́ скажу.
— А й возьми-тко ты публикуй-ко вѣдь
— А указы ты строгіе,

Digitized by Google

— А й по городу по Кіеву,
— А й по городу по Чернигову,
— А й по прочіимъ городамъ по губерскіимъ, по уѣзднымъ,
— А й выпущай затюремщиковъ грѣшниковъ,
— А й прощай-ко во всѣхъ винахъ великіихъ,
— А й какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пиръ.
— А й какъ призывай-ко сильніихъ могучіихъ богáтырей,
— Призывай-ко стáраго казакá да Илью Муромца.
— А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
— А може пріѣде къ тебѣ да на почестенъ пиръ.
— А пусть-ко оны со честнóго пиру да порозъѣдутся да порозóйдутся,
— А мы тожно[1]) съ тобой на убѣгъ пойдемъ. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской
А й писалъ онъ письма скорыи,
Письма строгіи,
Призывалъ куліерковъ онъ вѣдь скорыихъ,
А й розсылалъ письма ёнъ по городу по Кіеву,
А й какъ ёнъ да по городу Чернигову,
А й по прочимъ городамъ по губерскіимъ по уѣзднымъ,
По своимъ городамъ да по русейскіимъ;
А й выпущалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
А й прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ великіихъ,
А й просилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ онъ князей бояръ топерь,
А й какъ всѣхъ сенатóровъ какъ думныихъ,
А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей теперь богатыихъ,
А й какъ поляницъ да всѣхъ удалыихъ,
А й русейскихъ сильныхъ могучихъ богáтырей,
А й просилъ онъ стараго казака Илью Муромца.
А й топерь послѣ этого

1) Т. е. тогда.

Digitized by Google

А й какъ много сбиралосе, какъ много съѣзжалосе,
А й князей бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей.
А й наѣхали ко солнышку князю Владиміру,
А й наѣхали на ши́рокъ дворъ,
А й какъ на́гнали да добры́хъ коней
Полонъ ши́рокъ дворъ да княженецкіи.
Набрались полны какъ полаты княженецкіи
А все князей да бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей;
А й садилиси какъ за ты столы за дубовые,
А за ты скамейки за окольніе,
А за тыи за ѣствы за саха́рніе,
За напитки за тыи за медвяные.
А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
Надъ собою незгоды не начаючи,
А й какъ всѣ на пиру пьяны веселы,
А й какъ столько не веселъ былъ одинъ солнышко Владиміръ князь.
А й какъ ходитъ по полатамъ княженецкіимъ,
А й повѣшена буйная головушка
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясны во кирпичной полъ.
А й какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
«Ай же вы князи боя́ра вѣдь,
«А й какъ сенато́ры да думные,
«А й вельможи, купци вы богатые,
«Поляници удалые,

Digitized by Google

«А й русейскіе сильни могучіи бога́тыри!
«А й какъ вы у мня на честно́мъ пиру
«А вы у мня да пьяны веселы,
«А вы всѣ напивалисе,
«Похвальбамы вы всѣ пофалялисе.
«А й какъ столько вы не знаете,
«А й надъ намы есть незгода великая:
«А у матушки да Елисей-рѣки,
«А й во тыхъ во поляхъ во Ели́синахъ
«А й стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
«Со своёй какъ со ратью силой великою;
«А й стоитъ ужъ какъ силушки на чисто́мъ поли
«А й какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
«А й какъ знаме́ньёвъ на чисто́мъ поли
«А й какъ будто сухого лѣсу жаро́ваго.
«А намъ да приказано
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А й широкіи улушки повыпахать,
«А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимать,
«Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные,
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А умыть полаты бѣлокаменны,
«А стоять ихней рать силы великіи».
А й тутъ бралъ ерлуки скорописчаты,
Подавалъ старому казаку́ да Ильи Муромцу.
Тотъ какъ бралъ ерлуки на бѣлы́ руки,
А ерлыки началъ розвертывать,
А началъ ерлуки да онъ розсматривать, —
Такъ и тотъ повѣсилъ буйну голову
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичный полъ.
А й какъ понесли эти ерлуки съ рукъ какъ на́ руки,
А й какъ начали всѣ розсматривать,

Digitized by Google

Такъ и всѣ какъ повѣсили буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Потому что оны да устрашилисе.
А й какъ говорилъ ужъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же гости бажёные любезные,
«Ай русейскіе сильніи могучіи богáтыри!
«А что же заведемъ да топерь дѣлати?»
А й какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста со бóльшаго на рѣзвы́ ноги,
А ставалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ самъ говорилъ топерь да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я скажу.
— А й возьми-ко насыпь ты топеричко
— А й какъ перву телѣгу ордынскую,
— А й насыпь-ко краснаго золота,
— А й насыпь-ко дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
— А й насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да крупнаго скатняго жемчугу,
— А й кати-тко въ подарочкахъ
— Ко безбо́жному царю да ко Калину,
— А проси-тко ты стро́ку на три мѣсяца.
— А ежели бъ далъ онъ намъ строку на три мѣсяца,
— А й какъ я да въ три мѣсяца
— А какъ съѣзжу я къ чисту́ полю,
— А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
— А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ единаго,
— А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Калину,
— Въ рать его силу да великую.
— А й тогда да я попробую,
— А я да отвѣдаю,
— А врядъ больше пріѣде онъ
— А й ко славному ко городу ко Кіеву. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской

Digitized by Google

Приказалъ онъ какъ насыпать перву телѣгу да ордынскую
А й какъ красно́го золота,
А й какъ дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
А й какъ третьюю телѣгу мелкаго крупнаго скатняго да жемчугу;
А й покатили русейскіи посланники
А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра
Ко безбожному царю теперь да ко Калину,
А й просили строку теперь да на три мѣсяца.
Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:
«Ай же вы русейскіе вы посланники
«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!
«А хошь возьму я ваши подарочки до́роги,
«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,
«А чтобы да въ три мѣсяца,
«Чтобы было все исполнено
«По моему да приказаньицу:
«А всѣ улушки роспаханы,
«А со всѣхъ церквей чудны́ кресты снятые,
«Въ церквахъ сдѣланы стойлы лошадиные.
«А умыты полаты бѣлокаменны».
А воротились въ задъ какъ русейскіи посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И розсказали какъ да приказано.
А й какъ тутъ-то старой казакъ Илья Муромецъ
А й какъ всё ёнъ то же повыслухалъ,
А какъ скоро шолъ ёнъ, садился на добра́ коня,
А какъ скоро поѣхалъ ёнъ да въ чисто́ полё,
А какъ сбиратъ-то онъ своей дружины да хоробрыей;
А какъ вѣдь топеречку послѣ этого
А й промедлилось времечки три мѣсяца,
Не видать какъ ста́рого каза́ка Ильи Муромца да изъ чиста́ поля.
А й какъ солнышко князь опять да не веселъ сталъ,

Digitized by Google

А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ видно какъ пришло тое времечко да великое,
— А й какъ теперь пришло да отдать въ полонъ
— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;
— А какъ всѣмъ князьямъ да боярамъ вѣдь
— А й какъ быть да порозъѣхаться,
— А й какъ всѣмъ поляницамъ удалыимъ,
— А й русейскимъ сильніимъ могучимъ богáтырямъ
— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣжать.
— А какъ видно на кого была надѣя великая,
— А й на стараго казака да Илью Муромца,
— А й у того теперь да уѣхано
— А въ дáлечо далéчо да въ чистó полё,
— А й не будетъ ёнъ изъ чистá поля. —
А й какъ тутъ ёнà говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Забери остáтнее столованье да почестенъ пиръ,
«А й забери-тко ты теперь всѣхъ князей бояръ,
«Всѣхъ сенатóровъ да думныихъ,
«А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей богатыихъ,
«Всѣхъ поляницъ да ты удалыихъ,
«А русейскихъ сильнихъ могучихъ богáтырей.
«А какъ пусть-ко вѣдь со честнà пира порозóйдутся,
«Со честнаго пиру порозъѣдутся».
А й какъ забиралъ онъ остáтнее столованье да почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ пріѣзжали князи бояра вѣдь,
Сенатóры да думные,
А й вельможи, купци всѣ богатые,
Поляници удалые,
А русейски сильни могучи богáтыри
А й ко солнышку князю Владиміру на почестенъ пиръ;
А й какъ вѣдь набрались полны полаты бѣлокаменны

Digitized by Google

Все удалыхъ добрыхъ мо́лодцовъ.
А й какъ вѣдь да садилисе
А й за ты столы за дубовыи княженецкіе,
А за ты за ѣствы сахáрніе,
А за ты за напитки за медвяныи.
А какъ болѣ сидятъ оны,
Никто не пьетъ да не кушаетъ,
А у всѣхъ повѣшены да буйны головы
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очушки ясныи,
Очушки ясныи во кирпичной полъ.
А тутъ еще какъ съ мѣста середняго
А еще ставалъ удáлый добрый мóлодецъ,
А ставалъ какъ вѣдь молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзвы́ ноги,
А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А спусти-тко меня да ты въ чисто́ полё.
— А й какъ съѣзжу я да сыщу теперь
— А какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной со хороброю. —
А й какъ ёнъ говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молоде́цъ молодёшенокъ,
«А й какъ ты молоде́цъ да лѣтъ двѣнадцати,
«Не бывать тебѣ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знатъ куда у его теперь уѣхано,
«А какъ може уѣхано
«Край свѣтушка край бѣлаго».
А какъ наливалъ ему чару онъ да зелена́ вина,
Зелена вина чара мѣрой полтора ведра,

Digitized by Google

Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
А й подавалъ ему единóй рукой,
Принималъ какъ онъ да единóй рукой,
Выпивалъ онъ какъ да едины́мъ здухомъ.
Онъ опять онъ давается ѣхати въ чистó поле:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольне-кіевской!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всей съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ ёнъ да говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молоде́цъ молодёшенокъ,
«Молоде́цъ ты лѣтъ да двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣсяца,
«А й какъ може въ три мѣсяца
«А уѣхано край свѣтушка край бѣлаго».
Наливалъ ему какъ вторую-ту чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единóй рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да едины́мъ здухомъ.
А й опять онъ давается ѣхать во чистó полё:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я стараго казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!

Digitized by Google

«А й какъ ты молоде́цъ да молодёшенокъ,
«Ты какъ молоде́цъ да лѣтъ двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
«Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его уѣхано,
«А й какъ може уѣхано край свѣтушку край бѣлаго».
А й наливалъ ему третью да чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да едино́й рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да едино́й рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да едины́мъ здухомъ.
А й потомъ какъ онъ ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ тутъ скакалъ черезъ ты столы ёнъ дубовые,
Черезъ ты ѣствы́ саха́рніе,
А черезъ ты напитки да медвяные,
А й какъ столько едва да ро́зобралъ
А на стопочки приправу свою да богатырскую,
А й какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.
А й бѣжалъ потомъ онъ на ши́рокъ дворъ,
А й садился ёнъ на своего на добра́ коня,
А й поѣхалъ онъ съ того ли двора да княженецкаго.
А тутъ какъ топеречко солнышко Владиміръ князь
А й не знатъ какъ куда уѣхалъ молодой Ермакъ:
А искать ли онъ да стараго казака Ильи Муро́мца,
Али онъ уѣхалъ въ поля да во Ели́сина?
А онъ прямо ѣхалъ въ ты поля во Ели́сина,
А й поѣхалъ ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
А й какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Елисинахъ,
А стоитъ-то ужъ силушки какъ на чисто́мъ поли,
А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега,
А й какъ знаме́ньёвъ на чисто́мъ поли

Digitized by Google

Какъ сухого лѣсу жарóваго,
А й какъ тутъ ли самъ породумáлся:
А хошь много силы на чистóмъ поли,
А й какъ столько могу я розбить на своёмъ да на добрóмъ конѣ,
А не захватить меня во рать во силы великіей
А поганымъ воинамъ,
А й потому что у мня подо мной да конь крылатый.
А й столько хоче спуститься на рать на силу великую,
А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чистá поля,
А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чисто́ полё,
А какъ ажно ѣде старóй казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й со всёй онъ съ дружиной съ хороброю.
А й какъ тутъ ужъ какъ съѣхалось
А й какъ тридцать молодцовъ да со единымъ,
А й какъ тридцать сильнихъ русейскихъ богáтырей;
А й какъ тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ
А й говоритъ своей дружины да хоробрыей:
— Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыихъ!
— А й поѣзжайте-тко о матушку Елисей-рѣку,
— А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей рѣку,
— А й какъ другіе поѣзжайте-тко на чисто́ полё,
— Становитесь-ко рáтёй силой великою,
— А не упущайте-ко силушки да на чисто́ полё,
— Съ краю рубите до единаго. —
А й какъ тутъ правóй рукой да поѣхалъ старóй казакъ,
А й старóй-то казакъ да Илья Муромецъ;
А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ;
А й какъ начали рубить да силушку на чистóмъ поли,
А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторонушокъ,
А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
А той порой до тымъ времечкомъ

Digitized by Google

А й какъ силу присѣкли до единаго.
А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розъѣхался
Ко безбожному царю ёнъ ко Калину,
Изымалъ царя Калина за желты́ кудри,
А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
«А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
«Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны́ кресты сняты вѣдь,
«А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
«А й съ угрозамы со великима!»
А й здынýлъ его выше буйныя головушки,
А спустилъ какъ о матушку да о сыру́ землю,
А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
А й на ёмъ да кожа лопнула,
А й какъ тутъ царь Калину славы́ поютъ.
А й какъ тутъ удалыи добры мóлодцы
А й садилисе на добры́хъ коней
А й отправились во славныи какъ во стольніи
А й во городъ во Кіёв-отъ
А й ко солнышку князю Владиміру,
А й пріѣхали, какъ сказали вѣдь,
Что́ убитъ безбожный Калинъ царь,
А со всёю со рать силой великою,
А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
А й на радости на великіей
А й какъ тутъ для удáлыхъ для мóлодцовъ
Забиралъ столованье почестенъ пиръ;
А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ проклаждаются,
А й какъ надъ собой незгоды болѣ не начáются.
А й какъ публиковалъ указъ онъ строгіи
А й по городу по Кіеву,

Digitized by Google

Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино;
Кто не пье зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяныя;
А кто не пьетъ пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ меды́ стоялые, —
Чтобы всѣ да веселилисе.
А теперь да посли этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай.

Записано на Сумозерѣ, 2 августа.

70.

САДКО.

А какъ вѣдь во славноёмъ въ Новѣ-гради,
А й какъ былъ Садке́ да гусельщик-отъ,
А й какъ не было много несчотной золотой казны,
А й какъ только ёнъ ходилъ по честны́мъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купце́й, бояръ,
Веселилъ какъ онъ ихъ на́ честны́хъ пирахъ.
А й какъ тутъ на́дъ Садкомъ теперь да случилосе,
Не зовутъ Садка́ ужъ цѣлый день да на почестенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ пиръ.
А й какъ Садку́ теперь да соскучилось,
А й пошолъ Садке́ да ко Ильме́нь онъ ко озеру,
А й садился онъ на синь на горючъ камень,
А й какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
А игралъ съ утра какъ день теперь до вечера.
А й по вечеру́ какъ по позднему

Digitized by Google

А й волна ужъ въ озерѣ́ какъ сходилась,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилась.
А й устрашился Садке́ топеречку да сидѣти онъ,
Одолѣлъ какъ Садка страхъ топерь великій,
А й пошолъ вонъ Садке́ да отъ озера,
А й пошолъ Садке́ какъ во Но́въ-городъ.
А опять какъ прошла топерь тёмна ночь,
А й опять какъ на дру́гой день
Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А другой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
А й какъ третій-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.
А й какъ опять Садку топерь да соскучилось,
А пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да онъ ко озеру,
А й садился онъ опять на синь да на горючъ камень
У Ильме́нь да онъ у озера.
А й какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,
А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
А й какъ по вечеру опять какъ по позднему
А й волна ужъ какъ въ озери сходилась,
А й какъ вода съ пескомъ топерь смутилась,
А й устрашился опять Садкѐ да новгородскій,
Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ топерь великій.
А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильме́нь да отъ озера,
А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Но́въ-городъ.
А й какъ тутъ опять надъ нимъ да случилосе,
Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ опять другой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й опять Садку топерь да соскучилось.
А й пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да ко озеру,
А й какъ онъ садился на синь горючъ камень да объ озеро,
А й какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
А й какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,

Digitized by Google

А волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А вода ли съ пескомъ да смутиласе;
А тутъ осмѣлился какъ Садкé да новгородскіи
А сидѣть играть какъ онъ объ озеро.
А й какъ тутъ вышелъ Царь Водянóй теперь со озера,
А й какъ самъ говоритъ Царь Водянóй да таковы слова:
«Благодаримъ-ка Садкé да новгородскіи!
«А спотѣшилъ насъ теперь да ты во озери,
«А у мня было да какъ во озери,
«А й какъ у мня столованье да почестенъ пиръ,
«А й какъ всѣхъ розвеселилъ у мня да на честнóмъ пиру
«А й любезныихъ да гостей моихъ.
«А й какъ я не знаю теперь Садка тебя да чѣмъ пожаловать:
«А ступай, Садкѐ, теперя да во свой во Новъ-городъ,
«А й какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,
«А й какъ будетъ у купца столованьѐ почестенъ пиръ,
«А й какъ много будетъ купцей на пиру много новгородскіихъ,
«А й какъ будутъ всѐ на пиру да напиватисе,
«Будутъ всѐ на пиру да наѣдатисе,
«А й какъ будутъ всѐ пофальбами теперь да пофалятисе,
«А й кто чимъ будетъ теперь да фастати,
«А й кто чимъ будетъ теперь да похвалятисе;
«А и́ной какъ будетъ фастати да несчётной золотой казной,
«А какъ и́ной будетъ фастать добры́мъ конемъ,
«Иной буде фастать силой удачей молодецкою,
«А и́ной буде фастать моло́дый молодечествомъ,
«А какъ умной разумной да буде фастати
«Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
«А й безумный дуракъ да буде фастати
«А й своей онъ какъ молодой женой;
«А ты, Садке, да пофастай-ко:
««А я знаю, что во Ильмéнь до во озери

Digitized by Google

«А что есте рыба-то перья золотыи вѣдь»».
«А какъ будутъ купцы да богатыи
«А съ тобой да будутъ спóровать,
«А что нѣту рыбы такою вѣдь,
«А что топерь да золотыи вѣдь,
«А ты съ нима бей о залогъ топерь великіи,
«Залагай свою буйную да голову,
«А какъ съ нихъ выряжай топерь
«А какъ лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима да товарамы;
«А потомъ свяжите неводъ да шéлковой,
«Пріѣзжайте вы ловить да во Ильмéнь во озеро,
«А закиньте три тонѝ во Ильмéнь да во озери,
«А я въ кажну тоню дамъ топерь по рыбины,
«Ужъ какъ перья золотыи вѣдь.
«А й получишь лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима вѣдь товарамы;
«А й потомъ будешь ты купецъ Садкé какъ новгородскіи,
«А купецъ будешь богатыи».
А й пошолъ Садкѐ во свой да какъ во Новъ-городъ.
А й какъ вѣдь да на дрýгой день
А какъ пóзвали Садка да на почестенъ пиръ
А й къ купцю да богатому.
А й какъ тутъ да много сбиралосе
А й къ купцю да на почестенъ пиръ
А купцей какъ богатыихъ новгородскіихъ;
А й какъ всѣ топерь на пиру напивалиси,
А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбами всѣ пофалялисе.
А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да фастаетъ,
А кто чѣмъ на пиру да похваляется;
А и́ной фастае какъ несчотной золотой казной,
А и́ной фастае да добры́мъ конёмъ,
А и́ной фастае силой удачей молодецкою;

Digitized by Google

А й какъ умной топерь ужъ какъ фастаетъ
А й старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
А й безумной дуракъ ужъ какъ фастаетъ,
А й какъ фастае да какъ своей молодой женой;
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ да онъ не фастаетъ,
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ онъ не похваляется.
А й какъ тутъ сидятъ купци богатыи новгородскіи,
А й какъ говорятъ Садкȕ таковы слова:
— А что же, Садкѐ, сидишь, ничимъ же ты не фастаешь,
— Что ничимъ, Садкѐ, да ты не похваляешься? —
А й говоритъ Садкѐ таковы слова:
«Ай же вы купци богатые новгородскіе!
«А й какъ чимъ мнѣ Садку топерь фастати,
«А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
«А нѣту у мня много несчотной золотой казны,
«А нѣту у мня какъ прекрасной молодой жены,
«А какъ мнѣ Садку только есть однымъ да мнѣ пофастати:
«Во Ильмень да какъ во озери
«А есте рыба какъ перья золотыи вѣдь».
А й какъ тутъ купци богатыи новгородскіи
А й начали съ нимъ да оны спóровать,
Во Ильмень да что во озери
А нѣту рыбы такою что,
Чтобы были перья золотыи вѣдь.
А й какъ говорилъ Садкѐ новгородскіи:
«Дакъ заложу я свою буйную головушку,
«Болѣ заложить да у́ мня нечего».
А оны говоря: мы заложимъ въ ряду да во гостиноёмъ
Шесть купцей, шесть богатыихъ;
А залагали вѣдь какъ по лавочки,
Съ дорогима да съ товарамы.
А й тутъ посли этого
А связали неводъ шёлковой,
А й поѣхали ловить какъ въ Ильмéнь да какъ во озеро,

Digitized by Google

А й закидывали тоню во Ильмéнь да вѣдь во озери,
А рыбу ужъ какъ добыли перья золотыи вѣдь;
А й закинули дрýгу тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли другую рыбину перья золотыи вѣдь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли ужъ какъ рыбинку перья золотыи вѣдь.
А теперь какъ купци да новгородскіи богатыи
А й какъ видятъ — дѣлать да нечего,
А й какъ вышло прáвильнё, какъ говорилъ Садкé да новгородскіи,
А й какъ отперлись ёны да отъ лавочокъ,
А въ ряду да во гостиноёмъ,
А й съ дорогима вѣдь съ товарамы.
А й какъ тутъ получилъ Садкѐ да новгородскіи
А й въ ряду во гостиноёмъ,
А шесть ужъ какъ лавочокъ съ дорогима онъ товарамы,
А й записался Садкé въ купци да въ новгородскіи,
А й какъ сталъ теперь Садкé купецъ богатыи.
А какъ сталъ торговать Садкé да теперечку
Въ своёмъ да онъ во городи,
А й какъ сталъ ѣздить Садкé тортовать да по всѣмъ мѣстамъ,
А й по прочимъ городамъ да онъ по дальніимъ,
А й какъ сталъ получать барыши да онъ великіе.
А й какъ тутъ да послѣ этого
А женился какъ Садкé купецъ новгородскіи богатыи.
А еще какъ Садкé послѣ этого
А й какъ выстроилъ онъ палаты бѣлокаменны,
А й какъ сдѣлалъ Садкѐ да въ своихъ онъ полатушкахъ,
А й какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
А й какъ нá неби пекéтъ да красное ужъ солнышко,
Въ теремахъ у его пекéтъ да красно солнышко;
А й какъ нá неби свѣтитъ младъ да свѣтёлъ мѣсицъ,
У ёгò въ теремахъ да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;

Digitized by Google

А й какъ на́ небн пекутъ да звѣзды частыи,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частыи;
А й какъ всѣмъ изукрасилъ Садко́ свои полаты бѣлокаменны.
А й теперь какъ вѣдь послѣ этого
А й сбиралъ Садко́ столованьё да почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ своихъ купцей богатыихъ новгородскіихъ,
А й какъ всѣхъ-то господъ онъ своихъ новгородскіихъ,
А й какъ онъ еще настоятелей своихъ да новгородскіихъ;
А й какъ были настоятели новгородскіе
А й Лука Зиновьевъ вѣдь да Ѳома да Назарьевъ вѣдь;
А еще какъ сбиралъ-то онъ всихъ мужиковъ новгородскіихъ,
А й какъ повелъ Садко́ столованьё почестенъ пиръ богатыи.
А теперь какъ всѣ у Садка на честно́мъ пиру,
А й какъ всѣ у Садка да напивалисе,
А й какъ всѣ у Садка теперь да наѣдалисе,
А й похвальбами-то всѣ да пофалялисе.
А й кто чимъ на пиру ужъ какъ фастаетъ,
А й кто чѣмъ на пиру похваляется;
А и́ной какъ фастае несчотной золотой казной,
А и́ной фастае какъ добры́мъ конёмъ,
А и́ной фаста силой могучою богатырскою,
А и́ной фастае славнымъ отечествомъ,
А и́ной фастатъ молодымъ да молодечествомъ;
А какъ умной разумной какъ фастаетъ
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
А й безумный дуракъ ужъ какъ фостаетъ
А й своей да молодой женой.
А й какъ вѣдь Садко́ по полатушкамъ онъ похаживатъ,
А й Садко́ ли-то самъ да выговариватъ:
«Ай же вы купци новгородскіе вы богатые,
«Ай же всѣ господа новгородскіе,
«Ай же всѣ настоятели новгородскіе,

Digitized by Google

«Мужики какъ вы да новгородскіе!
«А у меня какъ вси вы на честно́мъ пиру
«А вси вы у мня какъ пьяны веселы,
«А какъ вси на пиру напивалисе,
«А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
«А й похвальбами всѣ вы похвалялисе.
«А й кто чимъ у васъ топерь хвастае:
«А и́ной хвастае какъ былицею,
«А и́ной фастае у васъ да небылицею.
«А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку́ топерь пофастати?
«А й у мня у Садка́ новгородскаго
«А золота казна у мня топерь не то́щится,
«А цвѣтное платьице у мня топерь не дёржится,
«А й дружинушка хоробрая не измѣняется;
«А сколько мнѣ Садку буде́ пофастати
«А й своёй мнѣ несчётной золотой казной:
«А й на свою я несчётну золоту казну
«А й повыкуплю я какъ всѣ товары новгородскіе,
«А какъ всѣ худы́ товары я добрые,
«А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во городи».
А й какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,
А й Ѳома да Назарьевъ вѣдь,
А Лука да Зиновьевъ вѣдь,
А й какъ тутъ ставали да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ говорили самы́ вѣдь да таковы слова:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскій!
— А о чомъ ли о многомъ бьешь съ намы о великъ закладъ,
— Ежели выкупишь товары новгородскіе,
— А й худы товары всѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во городи? —
А й говорилъ Садке имъ намѣсто таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородскіе!
«А сколько угодно у мня фатитъ заложить безсчётной золотой казны».

Digitized by Google

А й говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— Ай же ты Садке да новгородскій!
— А хошь ударь съ намы ты о тридцати о тысячахъ. —
А ударилъ Садкé о тридцати да вѣдь о тысячахъ.
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розъѣзжалисе,
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розбиралисе
А й какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ на другой день вставалъ по утру да по раному,
А й какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружинушку хоробрую,
А й давалъ какъ онъ да дружинушки
А й какъ до́любви онъ безсчётныи золоты́ казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговыимъ,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиной рядъ,
А й какъ тутъ повыкупилъ онъ товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й ставалъ какъ на дру́гой день
Садкѣ купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ будилъ дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́любви безсчётныи золоты́ казны,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ много товаровъ принавéзено,
А й какъ много товаровъ принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую;
Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й на третій день ставалъ Садкѣ купецъ богатый новгородскіій,
А й будилъ какъ онъ да дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́любви дружинушки
А й какъ много песчётной золотой казны,
А й какъ роспущалъ онъ дружинушку по улицамъ торговыимъ,

Digitized by Google

А й какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ на славу великую новгородскую
А й подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе,
А й какъ тутъ принаполнился какъ гостиной рядъ
А й дорогима товарамы вѣдь московскима.
А й какъ тутъ Садке теперь да пораздумался:
«А й какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе, —
«А й на тую на славу великую новгородскую
«А й подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе,
«А й какъ вѣдь теперь ужъ какъ мнѣ Садку
«А й не выкупить какъ товаровъ вѣдь
«Со всёго да со бѣла́ свѣту.
«А й какъ лучше пусть не я да богатѣе,
«А Садкѐ купецъ да новгородскіій,
«А й какъ пусть побога́тѣе меня славный Новъгородъ,
«Что не могъ не я да повыкупить
«А й товаровъ новгородскіихъ,
«Чтобы не было продажи да во городи;
«А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,
«Залогъ свой великіій!»
А отдавалъ ужъ какъ денежокъ тридцать тысячей,
Отпирался о̀тъ залогу да великаго.
А потомъ какъ построилъ тридцать ка́раблей,
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныихъ,
А й какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе
А й на черныи на корабли,
А й поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскіій
А й какъ на своихъ на черныхъ на ка́рабляхъ.
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А й со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,
А й какъ со Невы́ рѣки какъ выѣхалъ на синѐ морѐ.
А й какъ ѣхалъ онъ по синю́ морю,
А й какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.

Digitized by Google

А й какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдь новгородскіе,
А й получалъ онъ барыши теперь великіе,
А й какъ насы́палъ онъ бочки вѣдь сороко́вки-ты
А й какъ краснаго золота;
А й насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго се́ребра,
А еще насыпа́лъ онъ много бочекъ мелкаго онъ крупнаго скатняго жемчугу.
А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотой Орды,
А й какъ выѣхалъ топереčку опять да на синё морё,
А й какъ на синемъ морѣ устоялисе да черны ка́рабли,
А й какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
А й какъ ломатъ черны ка́рабли,
А все съ мѣста не йдутъ черны ка́рабли.
А й воспрого́ворилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й ко своей онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
«А мы Морскому Царю дани да не плачивали.
«А топерь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ синё морё».
А й тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ бочку сороковку краснаго золота».
А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
А мёта́ли бочку въ синё морё.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны ка́рабли да на синёмъ мори,
Всё не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синёмъ мори.
А й опять воспрого́ворилъ Садке купецъ богатый новгородскіій
А й своей какъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
«А видно мало этой дани Царю Морскому въ синё морё.

Digitized by Google

«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ другую вѣдь бочку чистаго сéребра».
А й какъ тутъ дружинушка хоробрая
А кидали какъ дрýгую бочку въ синё морё
А какъ чистаго да сéребра.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны кáрабли да на синёмъ мори,
А все не йдутъ съ мѣста кáрабли да на синёмъ мори.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й какъ своёй онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А видно этой мало какъ дани въ синё морё.
«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
«А кидайте-тко бочку въ синё морё».
А какъ тутъ дружина хоробрая
А й какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
А кидали бочку въ синё морё.
А й какъ все на синёмъ мори стоятъ да черны кáрабли,
А й волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й какъ все ломатъ черны кáрабли,
А й все съ мѣста пе йдутъ да черны кáрабли.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А своёй какъ дружинушки онъ хоробрыи:
«Ай же ты любезная какъ дружинушка да хоробрая!
«А видно Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синё морё.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте
«А й да жéребья да себѣ вóлжаны,
«А й какъ всякъ свои имена вы пишите на жéребьи,
«А спущайте жеребья на синё морё;

Digitized by Google

«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то на золото[1]).
«А й какъ спустимъ жеребья теперь мы на синё морё,
«А й какъ чей у насъ жеребей теперь да ко дну пойдетъ,
«А тому итти какъ у насъ да въ синё морё».
А у всёй какъ у дружины хоробрыи
А й жеребья́ теперь гоголёмъ пловутъ,
А й у Садка купца гостя богатаго да ключомъ на дно.
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й какъ эты же́ребьи есть неправильни;
«А й вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да золото,
«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.
«А й какъ вы пишите всякъ свои и́мена да на же́ребьи,
«А й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
«А й какъ чей у насъ же́ребей да ко дну пойдетъ,
«А тому какъ у насъ итти да въ синё морё».
А й какъ вся тутъ дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья́ на синё морё,
А й у всёй какъ у дружинушки хоробрыи
А й какъ всѣ жеребья́ какъ теперь да гоголёмъ пловутъ,
А Садковъ какъ же́ребей да теперь ключомъ на дно.
А й опять говорилъ Садке да таковы слова:
«А какъ эты жеребьи есть неправильни.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,
«А й какъ сдѣлаю я жеребей липовой,
«А какъ будемъ писать мы и́мена всѣ на жеребьи,
«А спущать ужъ какъ будемъ жеребья́ мы на синё морё,
«А теперь какъ въ остатніихъ[2])
«Какъ чей теперь жеребей ко дну пойдетъ,
«А й тому какъ итти у насъ да въ синё морё».
А й какъ тутъ вся дружина хоробрая

---

1) Т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотою надписью.
2) Т. е. въ послѣдній разъ.

Digitized by Google

А й какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовые,
А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.
А й какъ всякъ свои и́мена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья́ на синё морё.
А у всёй дружинушки вѣдь хоробрыей
А й жеребья́ теперь гоголе́мъ плывутъ да на синём мори,
А й у Садка купца богатаго новгородскаго ключомъ на дно.
А какъ тутъ говорилъ Садкѣ таковы слова:
«А й какъ видно Садку да дѣлать теперь нечего,
«А й самого Садка требуетъ Царь Морской да въ синё морё.
«Ай же ты дружинушка моя да хоробрая любезная!
«А й возьмите-тко вы несите-тко
«А й мою какъ чернильницу вы вальячную,
«А й неси-тко какъ перо лебединоё,
«А й несите-тко вы бумаги теперь вы мнѣ гербовыи».
А й какъ тутъ какъ дружинушка вѣдь хоробрая
А несли ему какъ чернильницу да вальячную,
А й несли какъ перо лебединоё,
А й несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.
А й какъ тутъ Садкѣ купецъ богатый новгородскіій
А садился ёнъ на ременчатъ стулъ
А къ тому онъ къ столику ко дубовому,
А й какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьи́мъ церквамъ,
А й какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братіи,
А какъ и́но имѣньицо онъ отписывалъ да молодой жены,
А й доста́льнёё имѣнье отписывалъ дружины онъ хоробрыей.
А й какъ самъ потомъ заплакалъ ёнъ,
Говорилъ ёнъ какъ дружинушкѣ хоробрыей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
«А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
«А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка на́ доску,
«А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во синём мори».

Digitized by Google

А й какъ тутъ онъ еще взималъ съ собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакалъ горько, прощался ёнъ съ дружинушкой хороброю,
А й прощался ёнъ топеречку со всимъ да со бѣлы́мъ свѣтомъ,
А й какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдь
А со своимъ онъ со Новы́мъ со го́родомъ;
А потомъ свалился на́ доску онъ на дубовую,
А й понесло какъ Садка на́ доски да по синю́ морю.
А й какъ тутъ побѣжали черны-ты ка́рабли,
А й какъ будто полетѣли черны вороны;
А й какъ тутъ остался топерь Садкѐ да на синём мори.
А й какъ вѣдь со страху великаго
А заснулъ Садке на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдь проснулся Садке купецъ богатыи новгородскіій
А й въ Окіянъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозь воду пекетъ красно солнушко,
А какъ вѣдь очудилась *(такъ)* возлѣ полата бѣлокаменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣлокаменну,
А й сидитъ топерь какъ во полатушкахъ
А й какъ Царь-то Морской топерь на стули вѣдь,
А й говорилъ Царь-то Морской таковы слова:
— А й какъ здравствуйте купецъ богатыи,
— Садке да новгородскіій!
— А й какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты,
— А й какъ Морскому Царю дани не плачивалъ въ синё морё,
— А й топерь ужъ самъ весь пришолъ ко мнѣ да во подарочкахъ.
— Ахъ скажутъ, ты мастёръ играть во гусли во яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты. —
А какъ тутъ Садкѐ видитъ, въ синемъ морѣ дѣлать нечего,
Принужонъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А й какъ началъ играть Садкѐ какъ во гусли во яровчаты,

Digitized by Google

А какъ началъ плясать Царь Морской теперь въ синёмъ мори,
А отъ него сколебалосе все синё морё
А сходиласе волна да на синёмъ мори,
А й какъ сталъ онъ розбивать много черныхъ кáраблей да на синёмъ мори,
А й какъ много стало вѣдь тонуть пароду да въ синё морё,
А й какъ много стало гинуть имѣньица да въ синё морё.
А какъ теперь на синёмъ мори многи люди добрыи,
А й какъ многи вѣдь да люди православные,
Отъ желаньица какъ мóлятся Миколы да Можайскому,
А й чтобы повынесъ Микулай ихъ угодникъ изъ синя́ моря.
А какъ тутъ Садкà новгородскаго какъ чёснýло въ плечо да во правое,
А й какъ обвернулся назадъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А стоитъ какъ теперь старичокъ да назади ужъ какъ бѣлыи сѣдатыи,
А й какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
«А й какъ полно те играть, Садкѐ, во гусли во яровчаты въ синёмъ мори!»
А й говоритъ Садке какъ намѣсто таковы слова:
— А й теперь у мня не своя воля да въ синёмъ мори,
— Заставлятъ какъ играть мéня Царь Морской. —
А й говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы слова:
«А й какъ ты, Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
«А й какъ ты струночки повырви-ко,
«Какъ шпинёчики повы́ломай,
«А й какъ ты скажи теперь Царю Морскому вѣдь:
«А й у мня струнъ не случилосе,
«Шпинёчиковъ у мня не пригодилосе,
«А й какъ болѣ играть у мня не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А й не угодно ли тебѣ Садкѐ женитися въ синёмъ мори

Digitized by Google

«А й на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А й какъ ты скажи ему теперь да въ синéмъ мори,
«А й скажи: Царь Морской, какъ воля твоя теперь въ синéмъ мори,
«А й какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко.
«А й какъ онъ скажетъ тебѣ да теперечку:
«А й зáутра ты приготовляйся-тко,
«А й Садке купецъ богатый новгородскіій,
«А й выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвúцу себѣ пó уму по разуму,
«Такъ ты смотри, перво тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А ты другое тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А какъ третье тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А въ томъ стади на конци на остатніемъ
«А й идетъ какъ дѣвица красавица,
«А по фамиліи какъ Чернава-то:
«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;
«А й тогда ты Садке да счастливъ будешь.
«А й какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,
«А смотри, не твори блудá никакого-то
«Съ той дѣвицей со Чернавою.
«Какъ проснешься тутъ ты въ синéмъ мори,
«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,
«А о ту о риченку о Чернаву-ту.
«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ синéмъ мори,
«Такъ ты останешься на вѣки да въ синéмъ мори.
«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,
«Да во своёмъ да ты да во городи,
«А й тогда построй ты церковь соборную
«Да Николы да Можайскому,
«А й какъ есть я Микола Можайскіій».
А какъ тутъ потерялся теперь старичокъ да сѣдатыій.
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій въ синёмъ мори

Digitized by Google

А й какъ струночки онъ повы́рывалъ,
Шпинёчики у гусёлышекъ повыломалъ,
А не сталъ вѣдь онъ болѣ играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся какъ Царь Морской,
Не сталъ плясать онъ топерь въ синёмъ мори.
А й какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садке купецъ богатый новгородскіій,
— А й во гусли вѣдь да во яровчаты? —
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й топерь струночки какъ я повы́рывалъ,
«Шпинёчики я повыломалъ,
«А у меня болѣ съ собой ничего да не случилосе».
А й какъ говорилъ Царь Морской:
— Не угодно ли тебѣ женитися, Садке, въ синёмъ мори,
— А й какъ вѣдь на душечкѣ на красной да на дѣвушкѣ? —
А й какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:
«А й топерь какъ волюшка твоя надо мной въ синёмъ мори».
А й какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскіій!
— А й за́утра выбирай себѣ дѣви́цу да красавицу
— По уму себѣ да по разуму. —
А й какъ дошло дѣло до утра вѣдь до раннаго,
А й какъ сталъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвици красавици,
А й посмотритъ, стоитъ ужъ какъ Царь Морской.
А й какъ триста́ дѣвицъ повели мимо ихъ-то вѣдь,
А онъ-то перво триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А друго онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А й третье онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ.
А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,
А й по фамиліи что какъ зовутъ Чернавою.
А онъ ту Чернаву любовалъ, бралъ за себя во замужество.
А й какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы слова:

Digitized by Google

— А й какъ ты умѣлъ да женитися, Садке, въ синёмъ мори.—
А теперь какъ пошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ въ синёмъ мори,
А й какъ тутъ прошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ,
А какъ тутъ ложился спать Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А въ синёмъ мори онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во тёплоей;
А й не творилъ съ нёй блудá никакова, да заснулъ въ сонъ во крѣпкіи.
А й какъ онъ проснулся Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
Ажно очудился Садкѐ во своёмъ да во городи,
О рѣку о Чернаву на крутóмъ кряжу.
А й какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжатъ по Волхову
А свои да черныи да кáрабли,
А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрая
А поминаютъ вѣдь Садка въ синёмъ мори,
А й Садка купца богатаго да жена его
А поминатъ Садка со всей дружиною хороброю.
А какъ тутъ увидла дружинушка,
Что стоитъ Садкѐ на крутомъ кряжу да о Волхово,
А й какъ тутъ дружинушка вся она росчудоваласе,
А й какъ тому чуду вѣдь сдивоваласе,
Что оставили мы Садка да на синёмъ морѝ,
А Садкѐ впереди насъ да во своемъ во городи.
А й какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѐ дружинушку хоробрую,
Вси черные тутъ кáрабли,
А какъ теперь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка купца богатаго.
А какъ онъ топереčку здоровкался со своею съ молодой женой.
А й теперь какъ онѣ послѣ этого

Digitized by Google

А й повыгрузилъ онъ со ка́раблей
А какъ всё своё да онъ имѣньицо,
А й повыкатилъ какъ ёнъ всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь какъ на свою онъ несчетну золоту казну
А й какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й какъ дру́гую церковь сдѣлалъ Пресвятыи Богородицы.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
А й о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синё морё,
А й какъ сталъ проживать во своёмъ да онъ во городи.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 1 августа.

71.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А й какъ у Чемба́ла короля у Литовскаго
А й какъ былъ столованье почестенъ пиръ,
А для своихъ какъ для па́новьёвъ для ула́новьёвъ,
А для бурзо́въ поганыихъ татаровьевъ.
А й какъ вси на пиру напивалисе,
А й какъ вси на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбамы всѣ пофалялисе.
А й какъ вѣдь король по полатушкамъ какъ похаживатъ,
А й король какъ увидѣлъ за тыма́ столамы дубовыма,
А й увидѣлъ ёнъ, сидятъ два любезныихъ племянника,
А й не пьютъ да не кушаютъ,
Бѣлой лебеди да не рушаютъ,

Digitized by Google

А сидятъ, повѣшены буйныя головушки
А й пониже своихъ плечъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясныи въ кирпичной полъ,
Призадумались удáлы добры мóлодцы.
А говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ дядюшка,
А й Чембалъ король да Литовскіій:
«Ай же вы два витничка два совѣтничка,
«А й два любезныихъ королевскіихъ да племянника!
«А й сидите за столамы дубовыма,
«А й какъ не пьетé вы не кýшаёте,
«Бѣлой лебеди вы не рýшаёте,
«А й повѣсили буйны головы ниже плечъ своихъ могучіихъ,
«А й притупили какъ очушки ясныи во кирпичной полъ.
«А развѣ вамъ какъ напиточки мои не по нраву-то,
«А ѣствы мои не по обычаю,
«Али мужикъ деревенщина
«А обнесъ васъ словамы да нехорошима,
«Али вы каку ни незгодушку свѣдали
«А й надъ своёй да надъ буйной головушкой,
«Али вы какъ да въ чистóмъ поли
«Аль заслышали рать-силу каку нибудь великую?»
А й оны говорятъ ему таковы слова:
— Ай же ты родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да ты Литовскіій!
— Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина
— Не обнесъ насъ словамы нехорошима,
— Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,
— А никакой рать-силы великіи да не наслышали
— А й какъ мы да въ чистóмъ поли;
— А й какъ ѣствы намъ всѣ по нраву-то,
— А й напиточки да по обычаю,
— А й какъ только не можемъ боль терпѣть славы да великіи
— А й про князя Романа Митріéвича:
— А й про его славá идé да великая

Digitized by Google

— А й по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,
— А й по всимъ чужимъ дальнiимъ сторонушкамъ.
— А й родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да Литовскiи!
— А й давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,
— А й поѣдемъ мы на святую Русь,
— А ко князю Роману Митрiе́вичу,
— А подъ матушку славну каменну́ Москву. —
А й говорилъ имъ ужъ какъ дядюшка:
«Ай же вы два любезныи племянника!
«А у мня была пора-сила великая,
«Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
«А ко князю Роману Митрiе́вичу,
«А й потому что я да слыхалъ топерь,
«А й какъ князь Романъ Ми́трьевичъ,
«А во матушки славной каменно́й Москвы,
«А какъ ёнъ да хитёръ мудёръ,
«А какъ знать язы́ки какъ ужъ птичьiи,
«Знать ёнъ язы́ки какъ врани́ныи,
«А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
«А й по полямъ скакать да онъ сѣры́мъ волкомъ,
«А по темныимъ лѣсамъ летать да чернымъ во́рономъ,
«А по крутымъ горамъ скакать черны́мъ да горносталюшкомъ,
«А й какъ по синiимъ морямъ плавать сѣрой утушкой:
«Такъ вѣдь я терпѣлъ славу ужъ какъ вѣкъ по́ вѣку,
«А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
«А й какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
«А какъ силушки важива́ли,
«А взадъ ужъ какъ силушки ввѣкъ не выважива́ли.
«А й какъ я дамъ вамъ силы вѣдь сорокъ тысячей,
«А какъ силу-войско все вѣдь латничковъ я кольчужниковъ,
«А силу-войско на добры́хъ коняхъ,
«А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую,

Digitized by Google

«А й какъ та земля есть пребогатѣюща,
«А й какъ въ той земли много есть краснаго золота,
«А й какъ въ той земли много есть да чиста се́ребра,
«А й какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
«А силы-рати въ ней мало можется:
«А й какъ можете тую землю въ полонъ-то взять».
А й любезныи племянники да согласилисе.
А й какъ давалъ вѣдь имъ дядюшка
А Чембалъ король Литовскіій
А й какъ силушки сорокъ тысячей,
А й какъ силушку войско вѣдь на добры́хъ коняхъ,
А й все латничковъ все кольчужничковъ,
А й отпущалъ ихъ во землю вѣдь да во Лимоньскую.
А й какъ отправились оны да поѣхали
А со всей со ратью со силой великою;
А й какъ съѣхали во землю вѣдь во Лимоньскую,
А тую землю всю въ полонъ взяли,
А й самого короля предали смерти да злою вѣдь.
А й какъ съ той земли со Лимоньскіей
А какъ по́гнали добры́хъ коней
А стады́-ты стадамы вѣдь,
А й повели какъ добрыхъ мо́лодцевъ
А ряды́-ты рядамы вѣдь;
А й какъ вели моло́дыихъ моло́душокъ,
А какъ красныихъ дѣвушокъ,
А и повели оны толпи́цами.
А й какъ краснаго золота,
А й какъ чистаго да се́ребра,
А й какъ мелкаго скатняго да же́мчугу
А покатили многи телѣги да ордынскіи.
А какъ выѣхали на славное чисто́ полё,
А й какъ на чисто́мъ полѣ пораздумались:
А однакоже вышла намъ путь счастливая!
А й два братца вѣдь два родимыихъ,

Digitized by Google

А й два любезныхъ королевскіихъ племянника,
А й говоря какъ самы проме́жъ собой:
— А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
— А й поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
— А й подъ матушку славную каменну́ Москву,
— А ко князю Роману Митріёвичу.—
А й какъ взяли оны да отправились,
А й пріѣхали какъ подъ матушку славну каменну́ Москву.
А подъ той какъ подъ матушкой славной каменно́й Москвой
А розбили четыре села да что ни лучшіихъ,
А какъ перво село Лягово,
А какъ дру́го село Коротяево,
А какъ третьее село Карачаево,
А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
А у князя Романа Митріёвича
А й убили зятя любезнаго,
А й увезли Настасью вѣдь да Митріевичну
А й со любезной какъ со пле́мничкой съ трехъ да ми́сячной.
А й увезли оны какъ ко рубежу ко московскому,
А й какъ тутъ роздёрнули шатры оны да шолковы,
А й какъ начали стоять добры молодцы,
А дожидаютъ какъ осени богатыей хлѣбородныей:
А й будетъ бора́нъ тучёнъ, да овёсъ ядрёнъ,
А й когда повыростутъ пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
А й тогда оны грозятся какъ заѣхати
А й во матушку славну каменну́ Москву,
А ко князю Роману вѣдь да Митріёвичу.
А й говорятъ какъ самы проме́жъ собой:
— А й московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ
— А й не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлы́ очи!—
А й во матушки славной каменно́й Москвы
А у князя Романа Митріёвича
А какъ былъ забранъ столованье почестенъ пиръ,
А й какъ для ради своего силы-войска великаго,

Digitized by Google

А й какъ для ради своихъ сильныхъ могучихъ богáтырей;
А какъ пьетъ-то онъ, кушатъ, проклаждается,
А й незгодушки великіи да не начается.
А какъ летитъ вóронъ черныи мимо подóконьё,
А й садился какъ супротúвъ князя Романа Митріёвича
А й какъ воронъ во садъ да во зеленыій,
А й какъ ёнъ на яблонь на кудрявую;
А й грае воронъ вѣдь да по врапиному:
«Ай же ты московскій князь Рóманъ Митрьевичъ!
«Пьешь ты, кушашь вѣдь да проклаждаешься,
«А й надъ собой незгодушки да не начаешься!
«А й отъ Чембала короля отъ Литовскаго
«А й наѣхало два любезныихъ два племянника
«А й подъ матушку славную каменну́ Москву,
«А й розбили твои четыре села да что ни лучшіихъ:
«А перво село ужъ какъ Лягово,
«А дру́го какъ село да Коротяево,
«А й какъ третьеё село да Карачаево,
«А четвертоё село да Косы-улицы,
«А й убили твоего зятя любезнаго,
«А увезли твою сестрицу родимую,
«А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Матріéвичну,
«А со своимъ да со младенчикомъ,
«А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
«А й ко рубежу ко московскому.
«А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
«А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
«А во вашіи во травки во шолковы,
«А во вашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи.
«А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;
«А й когда вѣдь будетъ бора́нъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
«А й повыростутъ пшеници бѣлоярыи,
«А тогда еще грозятся заѣхати
«А й во матушку славну каменну́ Москву;

Digitized by Google

«А еще говорятъ ёны самы промежъ собой:
«А что московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
«А не смѣлъ намъ показаться на свѣтлы́ очи».
А какъ тутъ московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
А й ставалъ какъ онъ да на рѣзвы́ ноги,
А й говорилъ онъ таковы слова:
— А й же сила вы, сила какъ любезная, войско сорокъ тысячей,
— А всѣ князи бояра вѣдь,
— А сенато́ры мои да думныи!
— А пьете́, кушаете, проклаждаетесь,
— А й надъ собой незгодушки какъ не начаетесь.
— А получилъ я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку нерадостну,
— А какъ вѣсть-то я нехорошую:
— А вѣдь отъ Чембала короля отъ Литовскаго
— А й наѣхало два любезныихъ два племянника,
— А й подъ нашу матушку славную каменну Москву,
— А й розбили наши четыре села да что ни лучшіихъ:
— А перво село ужъ какъ Лягово,
— А дру́го какъ село да Коротяево,
— А й какъ третьеё село да Карачаево,
— А четвертоё село да Косы-улицы,
— А й убили моего зятя любезнаго,
— А увезли мою сестрицу родимую,
— А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Митріевичну,
— А со своимъ да со младенчикомъ,
— А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
— А й ко рубежу ко московскому.
— А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
— А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
— А во нашіи во травки во шолковы,
— А во нашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
— А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;

Digitized by Google

— А й когда вѣдь будетъ боранъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
— А й повыростутъ пшеницы бѣлоярыи,
— А тогда еще грозятся заѣхати
— А й во матушку славну каменну́ Москву.
— Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
— А какъ сила войско латнички все кольчужнички,
— А сила войско все на добры́хъ коняхъ!
— А вы сѣдлайте-тко да уздайте добры́хъ коней
— А й крѣпко-на-крѣпко туго-на́-туго,
— А поѣдемъ мы за има́ вслѣдъ теперь съ угоною,
— А й чтобы королевская какъ ще́нядь да бѣлогубая,
— А чтобы ёна могла да намы фастати,
— А й какъ фастати нашей матушкой славной каменно́й Москвой!
— А теперь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ угоною. —
А сила войско все сорокъ тысячей
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,
А й туго-на-туго крѣпко-на-крѣпко,
А какъ всѣ садилисе на добры́хъ коней,
А й поѣхали вслѣдъ съ угоною;
А й какъ всѣ оны да отправились,
А отправился московскій съ нима́ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ.
А пріѣзжали какъ оны ко рѣки да ко Березины,
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А припущалъ да свою силушку
А какъ пить да ко рѣки ко Березины,
А начала сила пить во рѣки во Березины,
А й какъ сила пи́ла во рѣки во Березины,
А какъ смотритъ на силушку
А й московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ:
А какъ и́на сила пьетъ да нападкою,
А и́на сила пьетъ шоломамы да черпушкамы.
А й московскіій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й говорилъ ёнъ да таковы слова

Digitized by Google

А силы любезною:
— Ай же сила моя вы любезная,
— А сила войско сорокъ тысячей!
— А й котора сила пи́ла нападкою,
— А поѣзжайте-тко а й взадъ да во матушку славную каменну́ Москву,
— А й той силушки на бою да мертво́й-то быть. —
А й котора сила пила шоломамы черпушкамы,
А й какъ тую силу за собой-то бралъ,
А й какъ выѣхалъ онъ на да́лечо на дале́чо на чисто́ полё,
Становилъ свою силу на чисто́мъ поли,
А й какъ самъ своей силы ёнъ наказывалъ:
— Ай же сила любезная моя, войско сорокъ тысячей!
— А й вы какъ кормите-тко вы добры́хъ коней,
— А не травкамы вы не шо́лковма *(такъ)*,
— А й кормите-тко пшеницамы да бѣлоярыма,
— А самы слухайте:
— А й загра́ю я перво́й наконъ да по враниному,
— А й какъ да сѣдлайте-тко уздайте-тко добры́хъ коней;
— А заграю я какъ второй наконъ по враниному,
— А какъ вы приго́товля́йтесь-ко;
— А й заграю тре́тей наконъ какъ я по враниному,
— А какъ ѣдьте-ко скорым скоро̀, скоро-на́-скоро,
— А й заставайте-ко меня во живностяхъ. —
А й какъ самъ обвернулся онъ чернымъ ворономъ,
Полетѣлъ какъ онъ да по чисту́ полю,
А прилеталъ какъ онъ ко рубежу ко московскому;
А й какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да пороздёрнуты,
А тамъ у ихъ добры́ кони пороспущены,
Пороспущены да по чисту́ полю;
А й у ихъ вѣдь сабелки какъ порозмётаны,
А какъ оружія порозмётаны;
А какъ копьица вострыи порозмётаны,
А й туги луки порозмётаны,

Digitized by Google

А й какъ сила крѣпко спитъ да не пробудится.
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й какъ о́бвернулся ёнъ да сѣры́мъ волкомъ,
А й какъ началъ ёнъ гонять ихныихъ добры́хъ коней,
А й какъ началъ гонять да по чисту́ полю,
А у и́ныхъ горлышка ёнъ повырвалъ вѣдь,
А и́ныхъ загналъ во рѣку да во Березину.
А й потомъ какъ обвернулся онъ тонкимъ бѣлыимъ да горносталюшкомъ,
А й заскакивалъ къ нимъ онъ въ шатрики,
А й какъ тамъ теперь онъ у тугихъ луковъ
А й тетивочки какъ онъ да повыѣлъ вѣдь,
А у копьицовъ ко́нечки да всѣ повыломалъ,
У оружіевъ кремешки да всѣ повывертѣлъ,
А у сабелокъ всѣ остре́ица повыщипалъ.
А й какъ племничка трехъ да мѣсячна
А провѣщилась язы́комъ она да по хорошему:
«Ай же ты родитель моя да матушка,
«А й Настасья Митріёвична!
«А твой братецъ любезныій,
«А какъ мой родитель да какъ дядюшка,
«А московскій князь Романъ Митрьевичъ
«А поскакива онъ по шатрику
«Тонкимъ бѣлыимъ да горносталюшкомъ,
«А выручае насъ со полону ёнъ великаго».
А й какъ тутъ услышали два любезныихъ королевскіихъ
А два любезныхъ два племянника,
А какъ говорятъ самы вѣдь таковы слова:
— А ставай-ка наша сила войско великоё,
— А скоры́мъ скоро да скоро-на-скоро,
— А и́майте горносталюшка да во шатрикахъ!—
А начали имать горносталюшка да во шатрикахъ,
А й начали да закидывать
А й какъ шубкамы его да соболиныма,

Digitized by Google

А й какъ онъ по шубонькѣ, по рукавчику,
А й выскакивалъ да онъ на улушку.
А й какъ тамъ обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
А й какъ бы летѣлъ онъ на сы́рой дубъ,
А й какъ заграялъ онъ да во всю голову,
А й заграялъ онъ да по враниному.
А й какъ сила его теперь да услышала,
А сѣдлаютъ уздаютъ добры́хъ коней.
А й говорятъ два любезныихъ племянника,
А й два любезныихъ королевскіихъ,
А й Чембала короля да Литовскаго,
А й говорятъ оны таковы слова:
— А й не грай, не грай, московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ,
— А й какъ ты на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да чернымъ вороно́мъ!
— А й мы натянемъ какъ свои да туги́ луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,
— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— Предаемъ ти смерть ужъ какъ въ чисто́мъ поли. —
А й какъ онъ заграялъ вѣдь второй наконъ по враниному,
А й какъ сила его теперь услышала,
А й какъ начали вѣдь садиться да на добры́хъ коней,
А й какъ начали приготовлятися.
А й какъ говорятъ-то вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
— А не грай, не грай, какъ московскіій
— А князь Ро́манъ Митрьевичъ чернымъ вороно́мъ,
— А какъ по враниному на сыромъ дубу!
— А какъ мы натянемъ свои да туги луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,

Digitized by Google

— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— А предаимъ ти смерть какъ мы скорую. —
А й заграялъ онъ третéй наконъ да по врапиному,
А й какъ сила ёгó топерь да услышала,
А й какъ вѣдь поѣхали скорымъ скорò, скоро-нá-скоро.
Пріѣзжали какъ къ Литвы да поганыей,
А й какъ начали рубить оны Литву да поганую.
А й какъ тутъ какъ сила да невѣрная,
А й какъ сила вѣдь да литовская,
А хваталасе сила вѣдь да за тугú луки,
А у тугихъ луковъ тетивочки всѣ повы́гѣдены;
А й какъ сила хваталасе за копьица,
А у копьицовъ кóнечки всѣ повы́ломаны;
А сила хваталась за оружіё,
А й у оружіёвъ крéмешки всѣ повы́верчены;
А сила хваталасе за вострыи за сабелки,
А й у сабелокъ всѣ остréица какъ повы́щипаны.
А й тою порою тымъ какъ времечкомъ
А пресѣкли всю силушку литовскую,
А й какъ изымали двухъ королевскіихъ племянниковъ.
А й бóльшому брату копали вѣдь со лба да очи ясныи,
А й мéньшому отрубили ноги рѣзвыи,
А й садили безногаго на безглазаго,
А й отпущали во землю вѣдь да во литовскую,
А къ Чембалу къ королю ко Литовскому.
А й сказалъ московскій князь Романъ Митрьевичъ таковы слова:
«Ай же вы любезныихъ два королевскіихъ племянника!
«Сойдетé въ свою землю во литовскую,
«А къ своему ужъ къ дядюшкѣ
«Къ Чембалу королю ко Литовскому,
«А скажите-тко ему таковы слова:
«А что московскій князь Рóманъ Мúтрьевичъ
«А какъ старостью ёнъ не стáрѣетъ,

Digitized by Google

«А й голова ёго не сѣдатѣетъ,
«А сердце ёго да не ржавѣетъ,
«А слава́ ему вѣкъ по вѣку́ да не минуется».
А й какъ тутъ отправились два любезныихъ королевскіихъ племянника
А въ свою землю во литовскую.
А какъ князь Ро́манъ Митрьевичъ
Со своей онъ со силою
А отправился во матушку славну каменну́ Москву.
А й какъ тутъ два любезныихъ королевскіихъ два племянника
А й приходили какъ къ родителю ко дядюшки,
А къ Чембалу королю да ко Литовскому.
А увидѣлъ ихъ какъ дядюшка Чембалъ король Литовскіій
А какъ двухъ своихъ любезныихъ племянниковъ,
А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ,
А й какъ самъ говорилъ какъ имъ таковы слова:
— Ай же вы два любезныихъ моихъ да два племянничка!
— А какъ я говорилъ, что не йдите-тко на славную на святую Русь
— А й подъ матушку славну каменну́ Москву,
— А й ко князю Роману вы да Митріёвичу,
— А й какъ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ на святой Руси хитёръ-мудёръ,
— А что не вынести вамъ съ Русеюшки головушокъ.
— А какъ сколько ни на святую Русь какъ ѣзживано,
— А й какъ на святую Русь силы важívано,
— А й со святой Русеи силы взадъ не выважívали,
— А не бе́зъ чего[1]) отъ князя Ро́мана Митріёвича! —
А й говорили вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
«А й родитель ты нашъ дядюшка,

1) Т. е. подавно.

Digitized by Google

«А Чембалъ король Литовскіій!
«А й казни насъ казенью своеручною,
«А й копай-ко насъ во матушку сыру́ землю,
«А не можемъ мы болѣ́ терпѣ́ть безчестья да великаго,
«А что мы со святой Руси
«А пріѣ́халъ какъ безногой на безглазоёмъ!»
А какъ дядюшка Чембалъ король да Литовскіій,
А хоша жалко было, только вѣ́дь казнилъ своихъ племянников
А своей казенью да своеручною,
А копалъ какъ ихъ во матушку сыру землю,
Хоронилъ ихъ со славою великою.
А й какъ двумъ королевскіимъ да племянникамъ
А топерь да имъ славы́ поютъ.
А Дунай Дунай да болѣ́ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволокѣ
на Водлозерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

А й на тоѣ́мъ вѣ́дь на полѣ́ на турецкоёмъ
А й какъ вѣ́дь сбиралосе какъ съѣ́зжалосе
А й какъ много сильніихъ могучіихъ какъ бога́тырей,
А й какъ тридцать бога́тырей со единыимъ;
А й единыи былъ бога́тырь-отъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.
А спустилисе оны какъ съ добры́хъ коней,
А й какъ вѣ́дь садилисе на лужокъ на зеленыій,
А й садилисе да бесѣ́довать.
А й какъ стали тутъ они топерь розсужать промежъ собой,
А й какъ кто гдѣ́ бывалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А й кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой орды,

Digitized by Google

А кто гдѣ-ка билъ поганыихъ татаровьёвъ,
А й кто билъ поганыихъ идóлищовъ.
А й какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ
А й какъ рѣчь онъ отъ сильніихъ богáтырей,
А й какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
«Ай же вы какъ сильніи могучіи вы богáтыри!
«А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
«Вѣдь убили много буйныихъ головушокъ понапрасно вѣдь,
«А пролили крови да горючіей.
«А й согласны ли вы что да я вамъ скажу:
«А й не лучше ли забросить теперь войско намъ великое,
«А й какъ ѣздить намъ да по чисту́ полю,
«А й какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросóлиму.
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
«А во Ердань рѣки окупатисе,
«Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
«А столько[1]), вы сильніи вы богáтыри,
«А въ томъ класть надо намъ заповѣдь себѣ великая,
«А й чтобы не красть намъ да бы не вóровать,
«А й на женскую прелесть не упадывать,
«И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ да богатырскіихъ.
«А й кто станетъ красть либо вóровать,
«А й на женскую прелесть да упадывать,
«А либо кровавить да руку вѣдь богатырскую,
«А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвыи,
«По локóтъ отсѣчь да руки бѣлые,
«А со лба какъ копать да очи ясные,
«А тянуть ёму какъ языкъ теперь со темени,
«А й копать по грудямъ какъ во матушку сыру землю».
А й какъ оны всѣ тому дѣлу не устрашилисе,

1) Т. е. только.

Digitized by Google

Оны всѣ согласилисе.
А какъ оны да спустили добры́хъ коней
А во травки во шолковы
А й на ты поля да на чистыя,
А й самы надѣвали какъ платья калицкія,
Какъ тутъ оны кла́дывали да подсумки,
А й подсумки да каличьи,
На свои плеча вѣдь да богатырскія,
А й какъ брали оны по клюки по дорожныей,
А й какъ тутъ оны да отправились,
А й какъ вѣдь пошли какъ уда́лы добры молодцы
А й ко граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ встрѣтили какъ въ чисто́мъ поли
А й какъ солнышка князя да Владиміра,
А й какъ самы вѣдь теперь говорятъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Сотвори-тко намъ ужъ какъ ми́лостыню рукоданную благословлённую,
— Сорока намъ каликамъ со единою. —
А й какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь стольнекіевской:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со единыимъ!
«А й у мня хлѣба да соли вѣдь съ собой да не случилосе,
«А у мня золотой казны не пригодилосе.
«А й ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
«А й какъ къ мо́ей княгины Апраксіи,
«А она накормитъ напоитъ-то васъ,
«А й да вы да ночуйте-тко
«У мня въ полатахъ княженецкіихъ,
«А й скажите, что послалъ да солнышко Владиміръ князь
«Насъ изъ чиста́ поля».
А оны пошли какъ отправились во городъ во Кіев-отъ,
А й пришли какъ ко князю на ши́рокъ дворъ,
А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкія,

Digitized by Google

А й какъ вѣдь говорятъ самы-то таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ послалъ насъ изъ чистá поля
— А й какъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— А й какъ онъ велѣлъ накормить напоить тебѣ,
— А й мы бýдёмъ да ночевать теперь. —
А й какъ она вѣдь скорымъ скорò, скоро-нá-скоро
Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
Наносить ѣстовъ сахáрныихъ,
Наносить какъ напитковъ да медвяныихъ.
А й какъ тутъ наѣлись да накушались
А й какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за дубовыихъ,
А й теперь спать оны ложилисе.
А й какъ тутъ все ихъ замичала княгина Апраксія,
А й что одинъ изъ артели былъ да прекрасныи,
Что называли его молодой Касьянъ да Офонасьевичъ;
А й какъ не могла она заснуть во спальни княженецкоей;
А й пришла она да смотрить теперь,
А что всѣ ли спя удалы добры молодцы,
А й какъ приходила къ нимъ добрымъ молодцамъ,
А й какъ всѣ спятъ сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
А й какъ вѣдь единая калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать теперь ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
«А на тую перину пуховую».
А й какъ ёнъ отвернулся, сказалъ-то ей:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й поди же прочь отъ меня съ добра.
— Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,

Digitized by Google

— Не хочу я сквернить спальни княженецкіей,
— Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
— А й когда я пошолъ Богу молитися. —
А й она овернулась, ушла теперь
А й во спальню вѣдь княженецкую,
А й не могла да заснуть теперь.
А опять теперь она пришла какъ къ калякушки,
А ёнъ все не спитъ, да Богу молится.
А она говоритъ опять ему да таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора теперь спать тобѣ ложитисе.
«А й пойдемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую
«А й на ту перину пуховую».
А й какъ онъ овернулся, сказалъ-то ёй:
— Ай же ты княгина да Апраксія!
— А й же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня да отъ молодца.
— А й пойду ли я съ тобой во спальню княженецкую,
— А й когда пошолъ Господу Богу я молитисе,
— А й когда кла́дена заповѣдь у насъ да великая
— А й не красть да намъ не во́ровать,
— А й на женскія прелести не упадывать,
— А й не кровавить да рукъ своихъ да богатырскіихъ,
— А й сходить намъ ко граду къ Еросо́лиму,
— А й какъ Господу Богу помолиться намъ,
— Ко Господню гробу приложитисе,
— Во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
— Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатисе;
— А й какъ ежели стане красть либо во́ровать,
— А й на женскую прелесть упадывать,
— А й какъ кровавить руки да бѣлые,
— А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвые,
— По локо́ть отрубить да руки бѣлые,

Digitized by Google

— А й со лба какъ копать да очи ясные,
— А й тянуть намъ языкъ да вѣдь со темени. —
А она опять какъ поворотилась,
А ушла опять во спальню она княженецкую.
А й она еще тому не устрашилась,
А еще она спать да не ложилась,
А еще пришла ко каликушки;
А все какъ калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь ёна говоритъ таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать, смотри, ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую».
А й какъ онъ отворотился вѣдь добрый молодецъ,
А й хватилъ свою дубину да дорожную,
А держалъ онъ замахъ да великій,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А ежели ты какъ съ добра не пойдёшь теперь,
— А ударю какъ я дубиной дорожною,
— А тутъ у мня ты падешь да на кирпичной полъ. —
А она теперь какъ тутъ да устрашилась.
А й какъ скоро взадъ поворотилась,
А й тожно какъ опять сошла во спальню княженецкую.
А й потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Тутъ какъ спать да ёнъ ложился-то,
А й заснулъ какъ во сонъ да богатырскій.
А она тамъ во спальнѣ что удумала
А й княгина Апраксія,
А й какъ взяла еще вышла со спальни княженецкій,
А пришла она тихошенько,
А й гдѣ спятъ какъ удалы добры молодцы,
А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
А она какъ раньше замѣтила

Digitized by Google

А у мóлода Касьяна Офонасьева,
А что у его былъ какъ пóдсумокъ
А й какъ лыту *(такъ)* бархату краснаго;
А й какъ взяла роспорола ужъ его какъ подсумокъ,
Кладывáла тýды чашу княженецкую,
А й зашила какъ бархатней подсумокъ,
А й потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
А потомъ прошло времечко да до утрія,
А й ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ начали оны обуватисе, умыватисе,
А й какъ начали Господу Богу да молитисе.
А й потомъ какъ княгина Апраксія
Приказала поставить столы она дубовые,
А й наносить ѣстовъ сахáрнiихъ
А й напитокъ медвяныихъ;
А й какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати.
А й какъ садилисе сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати,
А й наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
А й наѣлись, напились да накушались.
Потомъ вышли зъ-за столовъ онѣ дубовыихъ,
А й благодарили княгину Апраксію,
А й какъ Бога молили за солнышка князя Владиміра.
А й потомъ надѣвали какъ платья каличьи,
А потомъ брали они свои подсумки бархатніи,
А й кладáли на плечà богатырскіи,
А й потомъ поклонилисе княгины Апарксіи,
А потомъ оны да отправились,
А опять какъ пошли оны ко граду Еросóлиму.
А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чистá поля
А й какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ садился хлѣба кушать да трапéзовать,

Digitized by Google

А й какъ вѣдь стали искать чаши княженецкіей,
А й какъ нѣту нигдѣ чаши вѣдь княженецкіей.
А й какъ начали искать по всѣмъ полатамъ княженецкімъ,
А й какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й куда же дѣвалась
«А й какъ чаша вѣдь княженецкая?
«Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
А й говоритъ княгина вѣдь таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь!
«А й у тя были посланы изъ чистá поля
«А й какъ сорокъ каликъ да со единымъ:
«Не оны ли унесли чашу вѣдь княженецкую?
«А оны вѣдь здѣсь ночевали-то,
«А й недавно отправились въ чисто полё.
«А й смотри, оны унесли твою чашу княженецкую».
А й какъ солнышко да Владиміръ князь,
А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ ёнъ скорымъ скорò, скоро-нá-скоро
А приказывалъ своихъ сильнихъ богáтырей,
А й какъ самъ говорилъ онъ богáтырямъ таковы слова:
— Ай же вы любезныи богáтыри!
— А кто бы у васъ съѣздилъ въ чистó полё
— А й да вслѣдъ съ угоною за каликамы?
— А й какъ вѣдь и каликушки
— Унесли какъ чашу княженецкую. —
А и какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же солнышко да Владиміръ князь,
«А й Владиміръ князь да стольне-кіевской!
«А это не сорокъ каликъ да со каликою,
«А смотри сорокъ сильніихъ могучіихъ богáтырей.
«А только же намъ кого да послать будетъ?»
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
— А пошлёмте смѣлаго Олешенку Поповича. —
А посылали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,

Digitized by Google

А велѣли спросить Олёши по хорошему.
А Олешенька шолъ какъ садился на добра́ коня,
А Олеша не боялся да отправился.
А й какъ засталъ сорокъ каликъ да онъ въ чисто́мъ поли,
А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапе́зуютъ.
А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:
«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою!
«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,
«А й какъ со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ!
«А украли вы чашу вѣдь княженецкую,
«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княженецкую».
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А й ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
А взималъ свою дубину онъ дорожную,
А держалъ онъ замахъ теперь да великіи,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— А й какой ты пріѣхалъ изъ города изъ Кіева,
— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княженецкую,
— А й какъ ты у меня не долго скати́шься вѣдь съ добра́ коня!
— Развѣ мы украли чашу княженецкую?
— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши княженецкіей? —
А Олёшенька со страху великаго,
А Олёша видитъ, дѣлать то́перь нечего,
А й поворотилъ скоро Олеша да добра́ коня,
А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-отъ,
Скоро пріѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со каликою,
«А дѣйствительно со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ.
«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княженецкую,
«А оны какъ всѣ на меня да сходилисе,
«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,

Digitized by Google

«А едва не убилъ меня да на добро́мъ кони,
«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста́ поля».
А й тутъ говорилъ опять старо́й казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго Олёшу на Поповича,
— А я знаю какъ Олёшенька спрашивалъ.
— А й какъ надо послать намъ туда больше некого,
— А й послати намъ молодаго Добрыню да Никитича,
— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —
А й послали какъ молодаго какъ Добрыню какъ Никитича,
А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто́ полё,
А й засталъ ихъ на томъ на одномъ да на мѣстечки;
А все сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А й какъ ёнъ говорилъ молодой Добрыня Микитиничъ:
«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со каликою,
«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»
А они говоря: — Поди пожалуй, уда́лой добрый молодецъ,
— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,
— А сидись-ко съ нами за кумпанью, хлѣба кушати. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:
«А й какъ вѣдь теперь у насъ какъ во городѣ да во Кіевѣ
«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,
«Потерялась золотая чаша княженецкая,
«Безъ которой чаши князь теперь хлѣба не кушаетъ.
«А какъ вы поищите-тко, добры молодцы,
«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли къ мо́лодцу въ подсумокъ».
А оны какъ всѣ-то другъ на друга розглядѣлисе,
А не знаютъ что да то́перь дѣлати.
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ:
— Ай же вы товарищи вы любезные,

Digitized by Google

— А й калики богомольни!
— А й роспорите сво́и да подсумки
— А покажите ёму молодцу. —
А й какъ всѣ каликушки ставали на рѣзвы́ ноги,
А всѣ брали свои ужъ какъ подсумки,
А й показали молодому Добрыни да Микитичу.
А не въ какомъ какъ во подсумки
А й какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
А й розвёртывалъ ужъ какъ подсумокъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А свой подсумокъ бархатнёй,
А й какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
А й какъ тутъ оны всѣ взволновалисе,
А й топерь всѣ какъ счудовалисе:
— А кто насъ звалъ Господу Богу молитисе,
— А кто кладáлъ у насъ заповѣдь великую,
— А у того какъ очу́дилась чаша княженецкая. —
А й какъ самы всѣ вѣдь говорятъ таковы слова:
— Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
— А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
— А й ты самъ вѣдь какъ кладáлъ заповѣдь великую. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:
«Ай же вы любезныи товарищи!
«А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкіей;
«А й ночéсь вѣдь три рáзъ приходила княгина да Апраксія,
«А меня звáла во спальню княженецкую,
«А черезъ то кладена чаша княженецкая,
«А что я не шолъ во спальню княженецкую.
«А й какъ вѣдь ужъ вы дѣлайте дѣло повелѣное,
«А не рушайте вы заповѣди великіей:
«А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыя,
«А й рубите-тко руки бѣлыя,
«А й со лба-то копайте очи ясные,
«А й тяните-тко языкъ мнѣ-ка со темени,

Digitized by Google

«А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»
А оны какъ тутъ теперь какъ всѣ оны заплакали,
А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатисе,
А какъ всѣ отъ желанья съ нимъ простилисе.
А хоша жалко было, только приступилисе,
А й по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвыя,
По локо́тъ отрубили руки бѣлыя,
А со лба какъ копали очи ясные,
А й тянули языкъ ему со темени,
А й копали по грудямъ во матушку сыру землю;
А й потомъ какъ со мёртвыимъ простилисе,
А й какъ тутъ оны какъ заплакали, отправились
А какъ граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ тутъ молодой Добрыня Микитиничъ
А й какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньицо,
А й какъ скоро-на́-скоро тоже ёнъ теперь отправился
А со чашею да княженецкою,
А й во городъ онъ во Кіев-отъ.
А й пріѣзжалъ онъ какъ во городъ во Кіев-отъ
А й ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ,
А й потомъ шолъ въ полаты княженецкіе,
Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь ты да стольне-кіевской!
— А й какое я чудушко видѣлъ да въ чисто́мъ поли,
— А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
— А сорокъ сильніихъ бога́тырей.
— А столько видно крѣпко кладена заповѣдь великая
— А итти Господу Богу да молитисе.
— А не украли чаши оны вѣдь княженецкіе,
— А какъ ни будетъ въ ошибку попала имъ чаша княженецкая. —
А й не сказалъ того, что звала княгина да Апраксія
А й во спальню вѣдь княженецкую,

Digitized by Google

А что онъ не шолъ во спальню княженецкую,
Черезъ то она зашила вѣдь чашу княженецкую;
А столько ёнъ да сказалъ топерь:
— А й у кого какъ нашлась чаша вѣдь княженецкая,
— А того казнили какъ оны топерь въ чистóмъ поли:
— По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
— По локóтъ отрубили руки бѣлыя,
— А со лба какъ копали очи ясные,
— А й тянули языкъ оны со темени,
— А й копали по грудямъ во матушку сыру землю. —
А й началъ солнышко князь туда справлятисе,
И начало много богáтырей справлятисе,
А смотритъ того дѣла да великаго.
А й какъ той порой да тымъ времячкомъ
А впереди какъ ихъ добрыхъ мóлодцовъ
Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
Приходилъ какъ Микола да Можайскіій,
А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвыя,
А вложилъ да руки бѣлыя,
А й положилъ ёму да очи ясные,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь,
А й поставилъ какъ ёго́ да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
«А й ступай, молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
«А й на первыи на станціи[1])
«А й застанешь свою да дружью-братію,
«А й своихъ да ты товарищовъ.
«А меня вѣдь Господь послалъ
«А къ тебѣ да добру молодцу,
«А потому что ты напрасно сказнёнъ да добрый молодецъ:

1) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя настоящаго выраженія, пропѣлъ: «станціи».

Digitized by Google

«Не укралъ ты вѣдь чаши княженецкіей,
«А за то меня вѣдь Господь послалъ.
«А какъ сходишь ты ко граду да къ Ерос6лиму,
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу приложитисе,
«А во Ерданъ какъ рѣки да окупаетесь,
«А й во своихъ грѣхахъ да попрощаетесь,
«А й какъ взадъ да вы воротитесь
«А къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
«А й поѣдете по своимъ мѣстамъ,
«А й тогда какъ съѣдешь во свою ужъ какъ землю ты,
«А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
«А ты Миколы да Можайскому;
«А я какъ есть Микола да Можайскіій».
А й тутъ потерялся старичокъ да теперь бѣлыій.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ теперь отправился,
А какъ засталъ своихъ теперь товарищовъ
А какъ по вечеру да по позднему,
А оны сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А оны какъ теперь ли тому чуду счудова́лисе,
Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева,
А й какъ ёнъ насъ да засталъ теперь;
А й какъ что надъ нимъ да теперь счу́дилось,
А какъ видно такъ ему Господь благословилъ теперь,
А не кто и́ной не помогъ ему;
А какъ всѣ оны обрадовались ужъ какъ радостью великою.
А й потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
Гдѣ былъ сказнёнъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А й поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской;
А наѣхало съ нимъ много прочіихъ бога́тырей.
А столько знать тая яма великая,
А гдѣ былъ сказнёнъ уда́лой добрый молодецъ,
Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.

Digitized by Google

А такъ вѣдь то́му чуду чудуются,
А на то оны расположилисе:
А й куды ни унёсенъ у нихъ топерь
А й закопанъ во матушку сыру землю.
А и тутъ оны какъ поѣхали во городъ во Кіев-отъ.
А й какъ тутъ сорокъ сильнихъ богатырей
Приходили во градъ да Еросо́лим-отъ,
А й какъ Господу Богу помолилисе,
Ко Господню гробу приложилисе,
А й во Ерданъ какъ рѣки да окупалисе,
А й во своихъ какъ грѣхахъ да попрощалисе.
А й ужъ какъ взадъ оны да отправились
А й со града вѣдь да Еросо́лима
А й къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
А пришли оны опять какъ во городъ во Кіев-отъ,
Приходили ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ
А й попросили какъ мило́стины рукоданныей,
Рукоданныи благословлённыей:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А й сотвори-тко намъ да Христа ради,
— А й какъ мило́стину намъ да Христа ради,
— Чтобы было сорока каликамъ пообѣдати. —
А й закричали всѣ вдругъ да громкимъ голосомъ,
Ажно задрожали полаты княженецкія.
А й говорилъ какъ имъ топерь солнышко Владиміръ князь:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
«Во полаты вѣдь княженецкія.
«А й накормлю я васъ сорокъ каликъ да со единыимъ,
«А напою васъ сорокъ каликъ да со единыимъ».
А оны говорятъ топерь да таковы слова:
— А не йдемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкія;
— Потому мы не йдемъ къ тебѣ,
— А что у тя княгина Апраксія

Digitized by Google

— А опять нашему мóлоду Касьяну Офонасьеву
— А положитъ во подсумокъ
— А чашу вѣдь княженецкую,
— А украде у тя у солнышка у князя у Владиміра.
— Оногда ночёвáли, такъ знаемъ мы,
— А ёна какъ звала его во спальню княженецкую,
— А ёнъ не шолъ какъ съ ней во спальню княженецкую,
— А за то ему ёна какъ твою чашу княженецкую
— А клала во подсумокъ во бархатнёй,
— А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
— А хоша сказнили, только онъ сходилъ съ намы ко граду Еросóлиму. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А й какъ милóстину далъ рукоданную да благословлённую Христа ради,
А что буде каликамъ пообѣдати.
А какъ сошли теперь да на чистó поле,
На чисто полё къ своимъ добры́мъ конямъ,
Потому что нé далечо были порато[1]) кони оставлены
А отъ города да отъ Кіёва;
А й приходили какъ къ добры́мъ конямъ,
А садились хлѣба кушать да трапезовать.
А поѣли какъ, попи́ли, покушали,
А й потомъ какъ начали брать своихъ добры́хъ коней,
А й какъ начали сѣдлать уздать добры́хъ коней,
А й какъ начали отправляться по своимъ да по сторонушкамъ,
А й начали другъ съ другомъ прощатисе.
А всѣ простились вѣдь да отъ желаньица,
А й теперь всѣ да порозъѣхались
А й по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
А какъ больше изъ нихъ какъ нé какой не сталъ ѣздить да въ чистó поле,

1) Т. е. очень.

Digitized by Google

Болѣ не стали кровавить рукъ да богатырскіихъ.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Пріѣзжалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
А й тамъ какъ состроилъ церковь соборную
А й Миколы онъ да Можайскому.
А й какъ началъ ёнъ какъ тутъ Господу Богу да молитисе,
А й какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
А й теперь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай болѣ вѣкъ не знай.

Записано тамъ же, 4 августа.

Когда Сорокинъ пѣлъ былины, которыя записаны были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказались слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Стихъ 5. «Упавенькой», а не «упаленькой».
Ст. 104. На шумъ на гамъ на великіи
Какъ на тотъ ли городъ Смоленскіій.
Ст. 129. Сколько самъ-то билъ, втрое конёмъ топталъ.
Ст. 137. Во городъ Смолягиной.
Ст. 138. Мужики Смолягинцы (тоже ст. 175).
Ст. 159. Удаленькой какъ упавенькой.
Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.
Ст. 196. Суды суди ты всё пра́вильни.
Послѣ ст. 210. А й какъ есте двѣ дорожки путистыя.
Ст. 227. На крякно́вистыхъ.
Ст. 263. Волчья сыть пеляной мѣшокъ.
Ст. 265. Крику звѣринаго, той прогласицы богатырскіи.
Ст. 282. Покатился Соловеюшко со гнѣздышка.

Digitized by Google

Послѣ ст. 290. Самъ робота дорожку прямоѣзжену.
Ст. 298. Ко посе́льицу Соловьиному.
Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».
Ст. 345. «Скатняго», а не «скачнаго».
Ст. 361. Во Кіев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во Кіевъ-то).
Ст. 365. княженецкаго.
Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣсто «на земли» или «мертвы».
Послѣ ст. 449. Пошолъ на городъ на Кіев-отъ.

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку на широкую,
А на свой онъ да на ши́рокъ дворъ,
А со своима какъ съ русейскима какъ бога́тырьми,
А й увидѣлъ середи двора чудо чудное,
А й увидѣлъ дивушко дивное,
А й какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ добрый конь,
Ни къ чему конь да не привязыванъ.
А й у коня какъ у стремены,
А й у стремены у правой у булатніей,
А й какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,
А й стоитъ проклятой Со́ловей
А й привязанъ жолтыма кудеркамы онъ ко стремены.
А й какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣтовать
А й съ любезныма какъ съ русейскима бога́тырями:
«А й какъ кто пріѣхалъ къ намъ во городъ во Кіёв-отъ?
«А й какъ ежели пріѣхала какъ невѣжа поганая
«А й погано Идолищо,
«Тамъ русскому Богу ёнъ не кла́нялся бъ,
«Солнышку князю челомъ не билъ.
«А й какой нибудь свой русьскій есть богатырь-отъ».
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!

Digitized by Google

— А какъ я всѣхъ русейскіихъ богáтырей знаю на святой Руси,
— А какъ столько я да не знаю вѣдь,
— А какъ есте говорятъ теперь
— А во городи какъ во Муромци
— А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
— А какъ е старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
— А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
— А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
— Какъ намъ вѣдь-то всимъ городомъ Кіёвымъ,
— А й какъ столько намъ кого послать позвать его,
— А й позвать его на почестенъ пиръ. —
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й кого же намъ да позвать будетъ?
«А й какъ ежели да послать-то намъ
«А й какъ смѣлаго Олёшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А й нынѣ послалъ позвать тебя.
Ст. 537, 538 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 580, 581 пропущены.
Ст. 645. Фасталъ, може, небылицею.
Ст. 649. подъ городомъ подъ Смоленскіимъ.
Ст. 656. отъ города отъ Смоленскаго.
Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ лѣсахъ во Брянскіихъ.
Ст. 666. Привéзенъ у мня.
Ст. 752. покарамбались.
Ст. 769. Не строитель вѣдь, а вѣковой разоритель онъ.
Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки нерушимые.

Digitized by Google

2. СТАВЕРЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорокинъ пѣлъ:

«А й во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
Какъ прослышалъ-то старъ Ставёръ сынъ Годиновичъ
А й про тотъ столованье онъ почестенъ пиръ,
А й какъ говорилъ своей Василисты Микулиной:
«Ай же ты моя молода жена,
«Ай молода жена любима́ семья,
«Ай молода Василиста да Микулична!
«А я поѣду во славныи во стольніи
«А й во городъ во Кіев-отъ
«А й ко солнышку князю Владиміру
«А й на тотъ столованьё почестенъ пиръ».
А й тутъ ёна говоритъ ему таковы слова:
— Ай ты мужъ ты мой любезныи,
— Ай ужъ старъ ты Ставёръ сынъ Годиновичъ!
— А й не велѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
— Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастныимъ.
— Какъ будете вы пьяны веселы,
— Какъ будете вы всѣ фастасти,
— А ты старъ охотникъ пофастати:
— Ты смотри не фастай мной молодой женой,
— А ничѣмъ смотри не фастай тамъ,
— Не фастай во городи во Кіеви.

Потомъ Сорокинъ описывалъ, какъ Ставеръ сѣдлаетъ коня, одѣвается, пріѣзжаетъ въ Кіевъ, ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ въ полаты, кланяется; тутъ всѣ садятся за столъ, и тогда слѣдуетъ продолженіе былины со стиха 10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички.

Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинушку хоробрую
Дружинушку что у Ставра́ была.

Digitized by Google

Послѣ ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
Сама поѣхала во городъ Кіев-отъ.

Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ и въ другихъ мѣстахъ былины).

Ст. 147: «посла», вмѣсто «послать».

Ст. 182: остре́ице, вмѣсто острице (такъ и въ другихъ мѣстахъ).

Ст. 208. на вѣсы на вѣрные.

Ст. 221. Раньше солнышка князя Владиміра[1]).

Ст. 342. На свой на ши́рокъ дворъ.

---

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратняго.

Ст. 67. шоломчатую, вмѣсто холомчатую.

Ст. 135. богатырь-отъ, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, оканчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А й выходили съ шатра да со шолкова
А й на улушку на широкую,
А й какъ тутъ говорилъ какъ старо́й казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же братецъ мой да крестовыи
«Ай молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!
«А й куда же мы да коня кладемъ
«А й поганаго да Идолища?
«А теперь у насъ есть по коню по доброму,

---

1) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно, Сорокинъ, когда пѣлъ г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по раннему — *до* солнышка князя до Владимера»; потому нельзя понять, какое тутъ «замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ» найдено издателемъ II-го тома Рыбниковскаго сборника.

Digitized by Google

«А какъ гнать намъ его теперь некуда.
«А й гдѣ видно пала головка хозяйская,
«А тутъ пади да головушка добра коня!»
А й чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правою.
А й какъ конь-тотъ палъ да на сыру землю.

Ст. 307. Изъ той *Корѣти* богатыя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.
Ст. 317: Либо халуина господская,
Либо волочага голь кабацкая.
Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленыихъ».
Ст. 430. «задушилися», вмѣсто «заткнулися».
Ст. 481. Аль будто мужики залисскіи.
Ст. 487. «пороздорили», вмѣсто «пороссорились».
Ст. 664. Со города со Галичи.
Ст. 822. «Не далъ бы», вмѣсто «далъ ли».
Ст. 823. «надсматривалъ», вмѣсто «засматривалъ».

---

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. ко Опскову.
Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.
Ст. 19. «черненые», вмѣсто «черные».
Ст. 46. Будіміровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).
Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.
Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто скачнаго).
Ст. 91. Кіев-отъ (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто Кіевъ, когда этимъ кончается стихъ).
Ст. 102. «присталь», а не «пристань».
Ст. 109. сундуки окованые.
Послѣ ст. 139. Любезной племянницы солнышка князя Владиміра.

Digitized by Google

Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.

Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вмѣсто «скидывали», «одѣвали».

Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольныи».

Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А й какъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:
«Ай же ты любезная племянница
«Молода Любава Путятична!
«А й желаешь ли итти ужъ какъ замуж-отъ
«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,
«А й за млада Соловья сына какъ Будиміровича?»
А й какъ вѣдь ёна говоритъ ему таковы слова:
— А й родитель мой дядюшка,
— Возрощёный мой какъ батюшко!
— А й какъ воля теперь твоя надъ красною надъ дѣвушкой,
— А хошь отдавай, хоша ты нѣтъ меня. —
А какъ ёнъ говоритъ: «я желаю вѣдь отдать тебя».
А й она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его во замужество».

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

А й какъ тутъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.
А й какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А й какъ началъ дарить-то ёнъ
А й князей бояръ да господъ-то всѣхъ
А й краснымъ золотомъ, а й какъ чистымъ да серебромъ,
А й какъ мелкимъ скатніимъ жемчугомъ;
А й какъ далъ солнышку князю много несчётной золотой казны,
А для того онъ далъ топеречку,
А й чтобы ёнъ да его да для молодца

Digitized by Google

Для пріѣзду счастливаго
И для его да для свадебки,
По всему какъ-по городу да по Кіеву
А й розотворилъ всѣ кабаки конторы пивоварни-ты,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино,
А й какъ кто не пье да зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяные,
А й какъ кто не пье пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ да мёды сладкіе,
Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
А й какъ младъ Соловей сынъ Буди́міровичъ
А й зъ-за славнаго синя́ моря
А й свататься на молодой Любавы Путятичной.
Шолъ-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
А й теперь какъ послѣ троихъ суточекъ
А й какъ говорилъ да солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты младъ Соловей сынъ Буди́міровъ,
«А й любезныи нынь племянникъ мой!
«А й какъ здѣ ли будешь вѣнчаться съ нёй,
«А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А я буду такъ домой да отправлятися. —
А й какъ теперь да послѣ этого
А й какъ началъ ёнъ отправлятися,
А й какъ началъ ёнъ на черныи на ка́рабли сбиратися,
А й какъ приказалъ дружинушки все сбирать на черныи на ка́рабли.
А й какъ тутъ оставлялъ солнышку князю Владиміру
А й три терема да златоверхіихъ
Въ томъ саду да во Путятичномъ,
А й на той на горки да на Конныи.
А й потомъ послѣ этого
А й дарилъ какъ солнышко Владиміръ князь
А й свою любезную племянницу

Digitized by Google

А й какъ краснымъ золотомъ,
А й да чистымъ да сéребромъ,
Мелкімъ скатнімъ жемчугомъ,
А вещамы всё разныма,
А какъ началъ отпущать ю за славное синё море;
А й пошли провожать какъ ю,
А й какъ вѣдь молоду Любаву да Путятичну
А й какъ многи князя бояра вѣдь,
Сенатóры да думные
И вельможи, купци всѣ богатые,
А й какъ многи поляницы да удалые,
Многи русейскіе сильни богáтыри,
Провожалъ свой какъ дядюшка
А й какъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А й на черпые на кáрабли.
А й потомъ какъ отправился
А й какъ младъ Соловей сынъ Будúміровъ,
Приказалъ отвалить да свои кáрабли
А й во славное синё морё,
А й какъ онъ поѣхалъ за славное синё морё
Въ свóю землю вѣдь да Веденецкую,
Пріѣзжалъ какъ въ свóю землю Веденецкую,
Для своихъ мужиковъ веденецкіихъ
Для своихъ всѣхъ господъ да веденецкіихъ,
Для купцей богатыхъ веденецкіихъ,
А й завёлъ столованье да почестенъ пиръ,
Повѣнчался тутъ съ молодой Любавой да Путятичной.
А теперь у ихъ да послѣ этого
А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да Веденецкоей
Съ молодой Любавой да Путятичной,
А тому да всему славы поютъ.
А й Дунай Дунай, да болѣ ввѣкъ не знай.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google